

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЕЛАБУЖСКИЙ ИНСТИТУТ КФУ
ЕЛАБУЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

УДК 94(470):93:33
ББК 63.3(2)+65+79
С 69

Печатается по решению Редакционно-издательского
Совета Елабужского института КФУ
Протокол № 2 от 29 октября 2015 г.

Редакционная коллегия:

Мерзон Е.Е. – кандидат педагогических наук, доцент, директор Елабужского института КФУ
Разживин А.И. – кандидат филологических наук, профессор, зам. директора по научной работе Елабужского института КФУ
Маслова И.В. – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и юриспруденции Елабужского института КФУ
Крапоткина И.Е. – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Елабужского института КФУ

Социокультурная среда российской провинции в прошлом и настоящем: Сб. научных статей. – Елабуга: Издатель Белов Евгений Валериянович, 2015. – 354 с.

ISBN 978-5-9906105-1-4

Сборник содержит материалы научных статей участников VII Международных Стахеевских чтений, прошедших 19-20 ноября 2015 г. в Елабужском институте Казанского (Приволжского) Федерального университета.

В научном форуме приняли участие представители деловых и политических структур, учёные, музейные работники, молодые исследователи, сфера научных интересов которых связана с проблемами социально-экономического, общественно-политического, историко-культурного развития малого и среднего города России.

Издание представляет интерес для профессиональных исследователей и широкого круга читателей.

Мнения, высказанные в докладах, отражают личные взгляды авторов и необязательно совпадают с мнением редакционной коллегии.

При использовании информации, представленной на страницах сборника, ссылка на издание и авторов обязательна.

ISBN 978-5-9906105-1-4

© Издатель Белов Евгений Валериянович, 2015 г.
© Коллектив авторов, 2015 г.
© Нутфуллин Р.Р., дизайн и верстка, 2015 г.

Раздел 1. Сохранение историко-культурного и природного наследия малых и средних городов

TRANSITIONS FROM VOCATIONAL TO HIGHER EDUCATION IN RUSSIA: CLASSED AND GENDERED PATHWAYS

Charlie Walker

FHEA Associate Professor of Sociology

Director of Programmes for Social Sciences

Faculty of Social and Human Sciences University of Southampton

When we were studying in school we were young, we just had nothing going on in our heads (*'veter v golove'*), we didn't know what we were studying for, for what reason. But here people grow up, they understand why you need to study, and if you need to, you can study (LY G5 Vlad).

Introduction

At the heart of the enormous expansion of higher education systems across OECD countries in recent years has been an apparent desire to broaden the social base of educational participation. Although often framed within the language of social justice, this development has also been underpinned by the somewhat instrumental aim of co-opting particular groups of young people into the wider shift towards the establishment of 'knowledge economies' and 'learning societies'. As Archer and Yamashita (2003: 53) point out, policies aimed at increasing stocks of 'human capital' have invariably focused on 'working class', 'inner city' and 'minority ethnic' groups, or as Reay (2001: 32) puts it, those for whom education was always 'something to be got through rather than go into'. Whatever the rationale behind this shift, its policy implications have been far-reaching, not least in the sphere of vocational education and training (IVET), which has traditionally been a common destination for 'non-academic' young people. David Raffe (2002), for example, points to a growing concern amongst European nations to make vocational education a 'bridge' to further learning, with focus shifting from 'labour-market outcomes' (placing young people in jobs) to 'learning outcomes' (educational achievements for themselves) in an attempt to 'unify' vocational and higher education systems (Raffe 2002: 1-2). In this context, both policy-makers and academics have been increasingly interested in how such 'non-traditional learners' (re-) engage with the process of academic learning, and how they negotiate the growing complexity of the expanded higher education sector.

This chapter addresses prospects and patterns of entry into higher education amongst IVET students in Russia, drawing upon ethnographic research conducted in 2004-5 on the changing nature of working-class youth transitions in the Volga region city of Ul'yanovsk. In contrast to the European systems referred to by Raffe, IVET in Russia has largely retained its traditional focus on labour-market rather than learning outcomes, and continues to operate on the assumption that it may produce the close fit between educational supply and labour market demand that it pursued during the Soviet period (Walker 2006; 2007). IVET graduates themselves, on the other hand, are increasingly focused on the new opportunities opening up in the rapidly growing higher education sector, the expansion of which has resulted not from Russia's own purported shift towards a 'knowledge-based society' (UNDP 2004), but from a rapid process of marketisation fuelled by cash-starved universities seeking additional incomes. In exploring the transitions pursued by the young people in the research, the chapter focuses on the processes which underpin young people's experiences and prospects in moving through the IVET system into higher education. In doing so, the chapter draws upon theoretical frameworks employed in western studies of young people's 'learning careers', focusing in particular on young people's experiences of and dispositions towards learning, as well as their differential ability to navigate increasingly complex post-compulsory education systems. Within this analysis, the chapter focuses on classed and gendered dimensions of young people's experiences within the education system. Ultimately, although the structural environments described in the literature addressing young people in Western Europe differ significantly from that described here, the chapter points to strong commonalities in the disadvantages faced by 'non-traditional learners' making transitions into Russia's new higher education system.

Transitions from vocational to higher education were more common in Soviet Russia than they were in the capitalist systems of Western Europe, largely because of the central role ascribed to the education system in fulfilling the CPSU's purported ideological commitment to the establishment of an egalitarian society. Alongside experiments with 'polytechnical' education in the early post-revolutionary years (Tomiak, 1986: 8; Zajda, 1980: 15, 24), this commitment materialised in the form of targeted positive discrimination, most notably in the 1930s movement to establish preparatory 'worker faculties' (*rabfaki*) in universities (De Witt, 1961: 275) and the provision of preferential routes to higher education for deserving enterprise workers proposed by their superiors (Matthews, 1982: 156). In the longer term development of the system, of greater significance was the expansion of full general secondary education (*pol'noe srednee obrazovanie*) across the IVET sector, which opened the route to higher education for those graduating from IVET colleges (*proftekhuchilishcha*, now known as *profuchilishcha*) from the 1960s. While both professing and pursuing egalitarian principles on a number of levels, however, ultimately the Soviet education system failed to produce transitional patterns significantly

different from the classed-based patterns of educational participation traditionally found in the West. To a large extent, this was because of the central role played by the education system in the ‘strong’ model of youth integration adopted in the USSR, in which objectives of social stability and economic efficiency underpinned a comprehensive attempt to ensure a ‘close functional fit’ between labour supply and demand. This was achieved not only through the administrative assignment of young people to jobs through the ‘distribution’ system (*raspredelenie*), but also, and more fundamentally, through the creation of an education system which was heavily weighted towards the needs of the economy. In essence, the education system itself was a central part of the allocative structure governing youth transitions, as young people were trained for a range of highly specified positions in a centrally-planned, differentiated occupational structure. Ultimately, despite the increasing ‘openness’ of the Soviet education system, the design of each post-secondary pathway as an ‘end destination’ more often than not prevailed, and PTU in particular tended to act as a terminal point in the education of their students. In this context, the IVET sector always had the reputation of being a dead-end, last choice route, whose students were the ‘least able’ and ‘least disciplined’ (Matthews, 1982: 87-88), and overwhelmingly came from working class and rural backgrounds (Konstantinovskii, 1999: 195). Entry to universities and other higher education institutions (*vyschie uchebnye zavedeniya*, or VUZy), meanwhile, was dominated by the children of the white-collar intelligentsia throughout the Soviet period (Konstantinovskii, 1999: 187; Cherednichenko, 2004: 408-9; Titma et al, 2002; Avis, 1983: 226)¹.

If the Soviet education system as a whole was geared towards the needs of the economy, ties were especially close between the IVET system and the industrial and agricultural sectors. Every PTU was administratively and often physically attached to a ‘base enterprise’ (*bazovoe predpriyatie*), which provided its college with equipment, shared leisure facilities, and practical training placements for students, while colleges themselves were required to fulfil annual quotas for workers. It was because of this high degree of integration that the dislocations engendered by the collapse of the old Soviet economy – which took place most dramatically in the industrial and agricultural sectors – were potentially disastrous for the IVET system. As the crisis set in during the early 1990s, links between IVET colleges and their base enterprises came to be widely disrupted, leading to fears that there would be heavy closures across the system (Heyneman 1997: 24, Fretwell and Wheeler 2001: 5). Nevertheless, following the upturn in the domestic economy which began after the devaluation of the ruble in 1998, college and enterprise directors have largely managed to shore up the system, either by re-establishing links with old base enterprises or by establishing partnerships with newer small and medium-sized enterprises (see Walker 2006). In this context, while in 1995 the unemployment rate of IVET graduates was as high as 43% (Gill et al. 2000: 119), in 2003 the proportion of graduates not being offered a work placement upon leaving IVET colleges was only 7.3% (Butko 2004: 32). On the other hand, while the IVET sector has apparently been able to restore its old functionality, the quality of the jobs it is able to offer its graduates indicates the extent to which it is capable of functioning as it had done during the Soviet period. As was revealed by the research upon which the present chapter is based, employment in the enterprises to which the IVET system is attached is frequently characterised by poverty wages, periods of unpaid leave, and unsafe working conditions, as well as more ‘normal’ forms of exploitation such as low-paid piece-work. In addition, the system of enterprise-based training (the ‘conferment of higher skills’—‘*prisvoenie vyshego razryada*’) which had existed during the Soviet period has been severely eroded, such that young people joining enterprises are no longer provided with institutionalised routes through which to progress up the salary scale.

Given the poverty of opportunity that awaited them in jobs available through the IVET system, the young people in the present research were pursuing a number of strategies in an attempt to improve their job prospects. Alongside attempts to acquire jobs in the emerging service sector and plans to migrate to other regions in search of higher wages, the majority of the young people participating in the research were planning to pursue some form of higher education. In contrast to the Soviet period, pathways into higher education have become increasingly open to graduates of IVET colleges, as the tertiary sector as a whole has undergone rapid expansion in response to enormous demand (Kovatcheva, 2001: 49; Poletaev and Savel’eva, 2002: 79). While the number of students attending *profuchilishcha* has remained roughly constant since 1991², the emergence of a growing number of non-state VUZy (387 by 2001), as well as the expansion of state institutions, saw higher education enrolments rise from 2.6 to 5.9 million between 1994 and 2001 (Ivanova, 2003: 161). At the same time, however, as Oleinikova explores elsewhere in this volume, this marketisation of the tertiary sector has not been without its problems. In particular, the expansion of the system has brought enormous variation in quality amongst institutions, with many VUZy falling below state standards. While in the early post-Soviet period fears concerning a lowering of standards focused on the new private institutions (Kitaev, 1994: 113), concerns have now shifted towards the increasingly dubious part-time and distance learning sector (Ishkov et al, 2005; Ivanova-Gladil’shchikova, 2004), which has undergone enormous growth in recent years. Through the establishment of a multitude of ‘branches’ (*filialy*) by universities based in Moscow and regional capitals, distance learning

¹ Similar patterns are identified not only across the former Soviet Union, but also in Eastern Bloc countries. See, for example, Nieuwebeerta and Rijken (1996) and Simonova (2003). Although higher education did not necessarily lead to higher wages, its prestige was never doubted, and families that were better-educated (and often better-placed in terms of party and other social connections) did their utmost to secure the progression of their children to universities (De Witt, 1961: 247).

² *Profuchilishcha* enrolments have declined slightly from 1,841,000 to 1,649,000, while SSUZ enrolments have risen from 2,201,900 to 2,409,800 (Ivanova, 2003: 129, 139).

institutions offering degrees in fashionable service sector professions such as marketing and management now extend not only across Russia's cities, but also into provincial towns and large villages (Karpov, 2005: 36)³. While the OECD (1998b: 74) has emphasized the potential benefits of this in terms of spreading an understanding of democratisation and the shift to a market economy to the wider community, UNDP (2004: 73) sees it as an example of both state and non-state institutions 'simply pandering to demand from a very undiscerning group of consumers'. In this context, Bocharova (2002: 106-07) argues that entry to higher education of some form has become increasingly open, as long as young people possess the necessary financial resources.

The extent to which IVET graduates in Russia have benefitted from the expansion of higher education is unclear from the existing literature on young people's transitions, the majority of which is based on survey data. Certainly it would appear that traditional forms of stratification continue to hold firm, with young people from better educated and wealthier families continuing to dominate entry to full-time study in the longer-established universities (Cherednichenko, 2004: 403). At the same time, however, Alashev et al's (1999) survey research amongst IVET students in Samara Oblast⁴ indicates that there may have been a genuine broadening of participation across the tertiary sector as a whole. 51% of their respondents were planning to go on to some form of further education after graduating, and amongst these, 75% were aiming to enrol in institutions of higher education. On the other hand, Cherednichenko's longitudinal survey research finds that, amongst graduates from a variety of different educational establishments, IVET students were the least likely in her study to have realised plans to continue their education three years after leaving compulsory schooling. In seeking to explain this, she points to difficulties in financing educational transitions as a potential barrier for IVET students.

The research upon which the present chapter is based similarly pointed to the importance of financial constraints in shaping the prospects open to IVET graduates in higher education. Like IVET students elsewhere in Russia, the respondents were primarily from manual worker and agricultural backgrounds, and most reported financial difficulties at home. However, while financial constraints were important, constructing strategies in the new tertiary education sector required the young people in the present research to overcome additional barriers which, while equally rooted in 'class', were of a more subjective nature. As will be explored in the first section of the chapter, experiences of learning in secondary schools had been a more or less negative experience for many respondents, such that the construction of strategies focused on the acquisition of further education required a rebuilding of confidence in the educational sphere, and a reorientation towards 'academic' learning. In order to understand the factors underpinning young people's changing subjectivities in the educational sphere, the chapter draws upon the notions of 'learner identities' and 'learning careers'. In studies of young people in western societies, these concepts have provided an alternative to traditional views of learning stemming from the behavioural sciences and cognitive psychology. While these disciplines have variously understood learning processes in terms of 'natural', 'semi-permanent' traits or 'individual attributes' such as intelligence, ability, and motivation (Bloomer, 2001: 430)⁴ such concepts have increasingly given way to the accounts of educational sociologists, who have argued that 'learning is at least as much a social as a psychological phenomenon' (Bloomer, 1997: 148). In contrast to the somewhat static view of learners possessing individual 'traits', Hodkinson (1998), Bloomer (1997, 2000, 2001) and Ecclestone (2004), amongst others⁵, have charted the ways in which young people's dispositions towards learning change over time. They see 'learner identities' as being constituted through complex interactions between existing dispositions and changing circumstances across a range of formal and non-formal sites, arguing that: 'attitudes to learning... shift erratically over time, shaped by crises, transformations and changing images of identity within different spheres of influence' (Ecclestone and Pryor, 2003: 473). As will be seen in the present chapter, it is in this way that a range of social, personal and educational experiences may serve to transform what had previously been 'damaged' or 'fragile' learner identities, thus enabling young people to re-engage with the educational process and embark upon new chapters in individual 'learning careers'.

While positive dispositions towards learning were crucial in establishing new directions in the respondents' transitions, their attempts to realise plans to acquire higher education were constrained in a number of ways. As will be explored in the second and third parts of the chapter, the young people in the research were disadvantaged not only by their class, but by intersections of class and gender, which shaped both the ways in which higher education opportunities were differentially structured for male and female respondents, and the manner in which they were able to negotiate these opportunity structures. For young men, although the IVET system's main goal is to provide its graduates with work placements rather than opportunities for further study, a significant number of links between IVET colleges and partner institutions in the tertiary sector has developed in Ul'yanovsk, mirroring developments elsewhere in Russia. At the same time, however, the greater likelihood that young men in IVET colleges, unlike their counterparts in secondary schools, would be enlisted into the armed

³ According to Ivanova-Gladil'shchikova (2004), more than 2000 VUZ 'branches' had been established by 2004. Reflecting this, enrolments in higher education by distance learning rose from 794,606 in 1995 to 1,783,580 in 2001 (Ivanova, 2003: 165).

⁴ Indeed, the tracking of young people onto academic or vocational pathways has often drawn much of its justification from the psychological categorisation of learners into different 'types'. According to these, each individual has a 'typical or habitual mode of problem solving, thinking, perceiving and remembering' (Riding and Cheema, 1991, cited in Bloomer, 2001: 430) and is thus 'suited' to different types of learning. See Bloomer (2001) for a discussion of psychological approaches to learning.

⁵ See also Bloomer and Hodkinson (2000; 2001).

forces, often constituted a significant barrier to the realisation of educational transitions. As for the young women in the research, although they were not constrained in the same way as male respondents, they were nevertheless disadvantaged by the limited degree of integration between their colleges and any institutions of higher education. As will be seen, this limitation stems from the fact that young women's vocational training, rooted in forms of 'women's work'/domestic labour such as cooking and sewing, continues to be designed as an 'end destination' in the labour market. As such, those young women wishing to pursue further study were more reliant on the stock of less reputable 'branch' universities which have emerged in the city, and which offer a range of fashionable courses apparently aimed at service sector employment. The section concludes with an exploration of young women's experiences in navigating this new system, and the extent to which they possessed the 'informal knowledges' and 'cultural capital' to do so successfully.

Data and Methods

The chapter draws upon ethnographic, case study research into the changing nature of youth transitions to adulthood amongst graduates of IVET colleges in Russia, conducted in Ul'yansovsk Oblast' between March and October 2004. Alongside interviews with college directors and officials in the local employment service and education administration, the case study consisted of 97 in-depth, semi-structured interviews with male and female final year students and recent graduates of IVET colleges. The colleges themselves represented a diversity of situations regarding their work placement arrangements, links with higher education institutions and the social backgrounds (in terms of gender and locality) of their students. The research adopted an holistic approach to youth transitions, which were viewed not as straightforward pathways from the education system into the labour market, but as interlinked processes constituted by a number of transitional 'strands' in education, work, housing and family (Coles 1995). The interviews were intended to shed light on the types of structural barriers which graduates of IVET colleges faced across each aspect of transition, as well as the resources (social, cultural and material) available to them with which to negotiate these. As such, the research was intended to explore the ways in which a range of social inequalities (in particular those rooted in class and gender) both underpinned, and were reproduced through, young people's transitions. Although not longitudinal, the research was able to produce a 'longer view' on transitions, both through a comparison of the experiences of final year students and recent graduates, and through the adoption of a retrospective, biographical approach (Goodson and Sikes 2001). The latter not only provided insights into the ways in which transitions were experienced and negotiated in the present, but also allowed the research to look backwards into the late childhood and early teenage years, thereby glimpsing how the overall directions of transitions were originally established (Allatt 1997, MacDonald et al. 2001: 11). While the research was concerned with all aspects of the wider transition to adulthood, here I draw only on material relating to educational transitions.

In taking a case study approach, the research was not intended to be representative either of the IVET system in Russia as a whole or of young people studying within it. Nevertheless, the choice of Ul'yansovsk was partly based on its largely unexceptional nature in terms of socio-economic indicators. In national comparative terms, Ul'yansovsk neither suffers from the extreme socio-economic decay experienced in areas such as the Far North and the Caucasus, nor contains the atypical opportunity to be found in the 'capitals' of Moscow and St. Petersburg.

Educational dis/re-engagement: transitions through IVET

Despite the overwhelmingly low regard in which *profuchilishcha* have always been held by the wider population in Russia, the majority of the respondents gave entirely positive accounts of their joining the IVET system, particularly when comparing this with their experiences at secondary schools. Most had clearly gravitated away from the 'educational exchange' (of subservience for qualifications) some time before the end of the ninth grade, at which point pupils must decide whether to continue in the mainstream secondary school system. While some spoke of an active rejection of school followed by a history of troublemaking, others reported a gradual resignation to the fact that they felt bound to be unsuccessful in this environment:

I just used to skive off all the time at school... the teachers nearly cried for joy when I left. (PU14-5)

I got all '3's at school, I didn't take it that seriously... I mean, I took it seriously at first, but then the teachers started to look at me differently, started to give me '3's all the time. Then I stopped trying. (PU18-7)

However, while negative experiences in compulsory education led the majority to complain of having 'had enough' (*nadoelo*) of school, this was by no means a rejection of formal education *per se*. Rather, this drift away from the academic track was invariably accompanied by an identification with the type of manual skills that would be taught in IVET colleges, or as it was most often put, with 'technology' (*tekhnika*). For many, this differentiation of manual over mental labour was articulated as a 'natural' affinity with technical work, often rooted in childhood experiences and life outside of school:

I like fixing machines, working with cars... ages ago, when I was just 14, I fixed up an old motorbike with my dad, it's my own motorbike. I just enjoy it... (PU14-2)

I've always wanted to do something connected with the forest, I don't know, with nature... maybe it's something inside me, I can't explain it. (PU32-G2)

For others, it was positive experiences within the education system that had been instrumental in fostering and confirming such dispositions. Some recounted how they had welcomed and been influenced by the introduction of manually-based subjects in school, which took place only a year before students made choices about their educational pathways:

I love sewing, I enjoy it... I've been studying it now for five years... when we started technology classes in school, I immediately enjoyed sewing, and then came here after the ninth class. (PU15-8)

Others mentioned the important role played by careers advice (*proforientatsiya*) in shaping their choices. While this service is no longer automatically available in schools, a number of the respondents reported having been at a school that was visited by careers counsellors, who in the following case had been especially influential:

Yes, in school, in the ninth class, they came into lessons, talked about which professions there were, about what you could do... They did tests... about whether you would be better working with nature, with technology, or with people... well, I'm a 'technical person' (*chelovek-tekhnika*). (PU16-G4)

Consequently, in contrast to school, the experience of learning in IVET colleges was described as a positive one by most, a 'confirmation' of what were constructed as 'natural' dispositions:

It's easier to study here, for me, because it's technical education, whereas in school it was more maths, that sort of thing. I mean, it's not easy here either, but all the same, it's more technical so I just like it more. (LY7)

While both common sense notions and cognitive psychological approaches point to the existence of 'natural dispositions' towards learning and work, the affinities identified here were clearly embedded in more than psychological traits. As these comments from the respondents indicate, such dispositions were also shaped by processes of informal learning taking place outside of the education system, as well as by the experience of failure in school and the basic existence of an alternative, 'non-academic' path. In view of this range of influences on the respondents' 'learner identities', these dispositions towards learning were to a significant extent socially constructed, or as Bloomer (1997: 148) argues, 'at least as much a social as a psychological phenomenon'. By the same token, just as the respondents' dispositions were formed in the context of negative experiences at school, so they were contingent upon changing environments, experiences and subjective perceptions of opportunities. While the construction of manual over mental labour was instrumental in producing the respondents' transitions *into* IVET colleges, their subjective assessments of which pathways in education and work were appropriate for them – what Hodkinson et al (1996) refer to as young people's 'horizons for action' – had clearly changed by the time they were preparing to leave the IVET system and enter the labour market.

Although the majority of the respondents described their transitions through IVET colleges in terms of an affinity with manual work, the degradation of the opportunities at the end of the vocational track has significantly undermined the possibility of realising the labour market identities that emerge from this pathway. While they had experienced studying in the IVET sector as a series of 'confirmations', the prospect of working in positions corresponding to the level of their qualifications was for many of the respondents a 'contradiction'. To a greater or lesser extent, all of the young people in the research faced jobs in which wages and working conditions were poor, and training opportunities had considerably diminished:

There's nothing to like about working there. They don't pay you, they pay you nothing, neither workers nor students training there. What's the point of staying at your workplace? It's just for people who've got nowhere to go, they just work for *kopecks* (pennies) year after year. (PU14-1)

Young women faced especially poor prospects in the clothing and food processing enterprises to which their colleges were attached, where low-rate piece-work regimes were common:

The wages are really low here, and there's a norm that you have to reach, you have to sew a certain amount of items... At first I couldn't do it at all, I just wore your fingers to the bone trying to do it fast enough... I've managed to get up to about 80% after learning for six months... [about] 2000-2300 [roubles] a month, but it's still very little. I just came in today to resign. (PU15-G4)

In this context, of the 97 young people interviewed, 56 were planning or had previously planned to obtain some form of further or higher education, while the prospect of building one's working life solely on IVET level education was widely shunned:

At the moment in our country you're not going to do anything without higher education – you're only going to work with a shovel in your hand, that's my opinion. (PU19-1)

While some lamented the devaluation of IVET education, which had guaranteed a decent wage throughout the Soviet period, it was also widely perceived that the expansion and growing availability of higher education presented a range of new opportunities, allowing the respondents either to progress within their chosen professions or to change professions completely:

[My mother] just has vocational education, she doesn't have higher...but... now it's possible to do that, you can study and get a new profession. (PU16-7)

Whatever the aim of their strategies in the educational sphere, all of the young people planning to continue their studies had undergone significant change in their attitudes towards education during their time in IVET colleges, as a range of factors both within and outside of the education system fundamentally affected their dispositions towards learning. In terms of factors external to the educational sphere, this could be seen clearly in the development of an increasingly pragmatic and instrumental view of education in line with a growing awareness of the poverty of opportunity for IVET graduates in the labour market. This was most commonly expressed through the admission by respondents that they had 'belatedly understood' (*pozдно ponyal'*) that progression through the education system was in their own interests:

I just wanted my grades to be better, I thought about it all a little bit more, I grew up a bit. I just realised

that you have to study, that you need education, and started trying harder. (MK-4)

Many of the respondents drew stark comparisons between their experiences of education in secondary school and later experiences in the IVET system. Whereas high school had to some extent been seen as standing in the way of prospective transitions into work, IVET courses represented what many regarded as a 'useful' form of education; education *for* work. In this way, transitions from secondary schools were often described by the respondents in terms of 'growing up'. As indicated here, however, for many respondents this 'growing up' also took place in their approach towards the general educational subjects which would lead to the school leaving certificate (*attestat zrelosti*). The fact that most IVET colleges offered full secondary education (*pol'noe srednee obrazovanie*) led many to regard their time in vocational schools not only as an opportunity to learn a trade, but also as a second chance in education in general. This was most apparent in the pride with which many respondents recounted how their grades had improved between the two educational sites:

In school my grades were much worse than they are here, here they're much better... In my school exams, after the ninth class, there were fifteen subjects in total – and out of these I got thirteen '3's. But here I've only had four '3's for the whole three years. (PU19-8)

Indeed, although the majority began to regard education more pragmatically after they had left school, it was only the coupling of this pragmatism with positive learning experiences in IVET colleges that led them to form strong learner identities, and in turn, to develop aspirations towards further study.

Central to the respondents' growing confidence in educational settings was the perceived parity of esteem between the general educational qualifications they obtained in IVET colleges and those taught in secondary schools. Indeed, while many of the respondents in the present research constructed narratives of choice-making based on an identification with manual skills, the way they talked about education invariably betrayed a recognition that academic qualifications were more highly valued. Thus, while the experience of studying technical disciplines was fundamental in making IVET colleges a positive learning environment, it was improvement within the subjects that constituted full general secondary education that proved instrumental in the rebuilding of learner identities. Although general education in IVET colleges has traditionally been of a lower standard than that in mainstream secondary schools, it nevertheless leads to the same qualification, and more importantly, the respondents regarded it as 'exactly the same' (*odinakovo*). As Broadfoot (1996) and Reay and Wiliam (1999) find in their work on young people's experiences of assessment, learner subjectivities such as these can be central in the development of young people's dispositions towards learning. Indeed, recognition of this is reflected in the introduction of a range of 'motivating' approaches in western IVET systems, such as the replacement of 'summative' by 'competency-based' assessment, and the repackaging of BTEC national diplomas as the apparently more 'legitimate' Vocational A-level in the UK. In the present case, a growing pragmatism amongst the respondents with regard to future labour market positions was combined with a new degree of success in what they regarded as a 'legitimate' educational qualification.

One of the defining factors in the respondents' new success in academic subjects was their relationship with teachers in IVET colleges. Whereas a number of respondents complained that school teachers had 'hated' them, their new teachers were seen as treating them more respectfully and sympathetically:

The teachers here are much better. Even now, it's been seven years since I left here and I still come and chat to all the teachers. They treated us far better, sometimes like adults, sometimes like we were their own children. (PU14-G2)

As well as maintaining better relations with their students, teachers in IVET colleges were described as adopting a more attentive pedagogical approach, taking greater care to ensure that students had understood them. In this way, many respondents were able to overcome the sense of exclusion from the teaching process they had felt during their school years:

It's easier the way they teach things here. The teachers help everyone. In school it was like, they told you everything, and then, whether or not you actually understood it wasn't important. Here they explain everything to everyone, and if you don't understand, she'll come up to you and explain everything. (PU18-5)

Indeed, class teaching was further improved by the fact that this mutual understanding was felt not only between students and teachers, but also amongst the respondents themselves. This led many of the respondents to feel less conscious of negative judgement either by teachers or peers, a sentiment that clearly reflected the degree of alienation many had felt within their school environments:

Here it's easier, if you don't understand something, you just approach them and ask, but it's not like that in school... in school you're just scared to ask anything, so everything that you know just goes (*'vse zapuskaetsya'*). But here they treat you differently, and you're not shy to ask things in front of your classmates. If I could go back to the past, I'd ask more, go up to the teachers more. (PU19-5)

This concern for educational success was of course not shown by all of the respondents – while a catalyst for fundamental change in many cases, IVET colleges did not provide a magic solution to the perennial problems of mass secondary education. Just as many of the respondents were encouraged by their transition from bottom of the class in school to top of the class in *profuchilishcha*, so others continued to experience problems, as indicated by staff members:

Some... just don't want to study. Sometimes we even have to expel them. Basically, they don't take in general education subjects. If we could, we would of course put them in a separate group where they only got a trade. (Deputy Director, PU14)

Indeed, although during interviews none of the respondents reported having behaved disruptively in classes, several mentioned that they had continued to play truant (*progulivat*), and in this respect appeared still to treat their time in IVET colleges as a continuation of compulsory education. These students in particular continued to display signs of having weak or 'damaged' learner identities, as did others who, while less obviously alienated from the educational exchange, nevertheless stated a wish to go to work as soon as possible. While they may have been proficient in technical subjects, many of these respondents continued to regard themselves as unintelligent, and therefore suited to an educational environment 'for stupid people' (*dlya slabykh umov*):

I think it would be hard to study in an institute... my grades aren't good enough for that. I just don't think I could study there, it'd be really hard. (PU19-3)

However, while in a number of cases respondents continued to be constrained by weak learner identities, for the majority the experience of studying in IVET colleges brought a degree of educational success they had not previously achieved, and significantly broadened their subjective perceptions of the possibilities open to them. This transformation took place to a greater or lesser extent for all of the respondents planning further or higher education, and was especially evident amongst those respondents for whom higher education became the focal point of ambitious plans to establish careers in qualitatively new directions. It was in the narratives of these respondents in particular that a new found confidence was evident with regard to perceptions of individual agency through education. Alongside the achievement of higher grades and the more favourable learning environment of IVET colleges, such respondents appeared also to derive substantial confidence from strong approval by teachers and peers within educational contexts:

At the moment the profession of computer programmer is very popular, I'd like to study to do that... I'm quite good at computers, better than all the rest, I can just figure things out, I'm even better than the teachers. They sit me down at the computer, 'figure this out for us, figure that out for us, we don't understand it'. I show them how to do everything, like a little programmer. (PU16-7)

Alongside significant formative moments within educational contexts, such respondents also appeared to derive confidence in the formal spheres of education and work from success in the more informal aspects of their college lives, such as taking leading roles in extra-curricular activities. This tendency has also been noted by Rudd and Evans (1998: 58), whose research on young people in Britain and Germany found that confidence generated through involvement in leisure activities often overlapped with, or boosted, educational and occupational expectations. In the present research, the positive impact of extra-curricular pursuits was apparent in a number of cases, as evidenced by the following respondent who was planning a career as a 'manager':

I'm now head girl (*starosta*), and in the first and second years I was the youth representative. There (at school) I was just a pupil. Here many people respect me and know me. (PU15-6)

Thus, the experience of studying in IVET colleges was clearly a transformative process for many of the respondents, and particularly so in cases such as these. While some of the young people in the research continued to feel a sense of disengagement from the educational process, others were able to overcome the 'fragile' or 'damaged' learner identities they had developed whilst in school, and were embarking on new chapters in their 'learning careers'. These transformations indicate the context-specific nature of dispositions towards learning amongst the young people in the research. In combination with a growing pragmatism engendered by the poverty of jobs available through the IVET system, educational re-engagement stemmed from changing relations with teachers, the more favourable social context of learning in IVET colleges, and experiences gained in non-academic activities. Most notably, parity of esteem between secondary qualifications in vocational and general schools underpinned the developing sense of autonomy many respondents felt with regard to their prospects in education. In this way, the subjective logic of transitions through IVET into manual work gradually lost its rationale for many.

Male transitions and military service

While the young people in the research were largely pre-occupied by their plans in the educational sphere, of primary importance to the IVET system itself, both at the national and the local levels, were its graduates' labour market transitions. Although the system no longer enforces the take-up of the jobs it is able to arrange, its focus on young people's 'work placement' (*trudoustroistvo*) is rooted in the same concerns for social and economic stability that were paramount during the Soviet period. In this context, forging links with employers was a more pressing concern for college directors than was the establishment of partnerships with higher education institutions (VUZy). At the same time, what links there were appeared to be of more benefit to the young men in the research than to the young women. The technical *litsei*, for example, was a mostly-male college, and had established preferential routes by which its graduates could apply for shortened higher education courses (three rather than five years) at Ul'yanovsk State Technical University. Alongside such formalised routes, a number of VUZy offered part-time and distance learning courses in subjects such as engineering and technology, which were linked to 'male' subjects (metal worker, mechanic, machine operator etc) in IVET colleges. In this context, most of the young men planning to continue with their studies were adopting 'pragmatic' strategies, the aim of which was to increase their level of qualification within their current profession, whilst also working in a full-time job. Before making transitions into higher education, however, male respondents faced the prospect of spending two years in the Russian armed forces.

Given the range of problems they stood to face as army conscripts, unsurprisingly, few of the young

men in the research were enthusiastic about being enlisted:

At the moment, the things that go on in the army, it's better if you just don't have to go... I mean, who'd want to go there now?... Many of my friends have served already, and some were even in the hot-spots, even in Chechnya. (PU6-G3)

Alongside the more obvious reasons for wishing to avoid the army, male respondents more frequently pointed to the basic lack of anything to do there (*'tam nechego delat'*), as well as the time they would lose doing nothing:

I know so many people who've already been, everyone says that there's just nothing to do there. Okay, you learn lots of new things, but there's nothing to do. You basically lose two years, so nobody wants to do it. (PU19-1)

However, the likelihood that the respondents would have to 'lose two years' was significantly increased by the fact that they were graduates of IVET colleges. As Cherednichenko points out (2004: 401), compared with young people who remain in secondary schools until the eleventh grade, students in the IVET system are structurally disadvantaged with regard to army conscription. Since those remaining in secondary schools are only 17 years old when they graduate, they are too young to be enlisted, and usually enter further or higher education before they become eligible for service at the age of 18. In such cases, they either receive a deferment until they have completed their studies (*otsrochka*), or if their university has a military department (*voennaya kafedra*), avoid army service altogether. IVET students, on the other hand, reach the age of eligibility either before or shortly after completing secondary education, and face army recruitment drives (*prizyva*) both in May and September. In this context, although some of the respondents had received one year deferments in order to complete a fourth year of study at the *litsei*, few expected that they could postpone army service for a longer period simply by enrolling at an educational institution:

They'd take you anyway... If you say to them that you're joining a university, they just say that you're not sure if you'll get in, so you tell them you're sure, and they just say, you're 18 years old, we're taking you. I don't think it influences them whether you're studying or not. (PU14-8)

Indeed, according to a number of college directors, *profuchilishcha* have traditionally 'fed' the army (*'PTU kormit armiu'*), while the army as a whole is widely regarded as consisting of 'workers and peasants', despite universal eligibility for conscription (see Litovskii, 2005). As such, it was only on grounds of ill health (either legitimately or, in two cases, through paying a doctor) that the respondents could realistically avoid the army. While those who had managed to do so had been able to pursue their plans in the educational sphere without interruption, the majority of final year students were expecting to be enlisted before the end of the summer, and were postponing educational transitions until after they had returned:

I wanted to enrol at the pedagogical university... but it's not going to work out for me. At the moment I'm getting my diploma and then I'm going to the army. Then when I get back, after the army, I'll be able to get higher education. (PU14-8)

Given the inevitability of conscription, only a handful of respondents were attempting to avoid it. Indeed, instead of 'running' (*begat'*), final year students were more likely to look for the positive sides to beginning their service now rather than later.⁶ With regard to educational transitions, some respondents reasoned that by completing their service now, they would later have access to funded study places reserved for former soldiers:

After the army, there are these privileges (*l'goti*)... So the fact that you served for two years in the army, some people get into university on that basis. (PU19-6)

At the same time, however, although many final year students talked enthusiastically about the prospect of pursuing further qualifications, some were already anticipating that they may be less likely to realise such plans after a two year break. In such cases, concrete ambitions in the educational sphere came to be expressed more vaguely, as possibilities rather than certainties:

R: I have to serve in the army first, and then it'll be clear (*vidno budet*) whether or not I'll study further

I: And if you don't go to the army?

R: Yes, then I'll work and study, I'll get higher education... but, as I said, it'll be clear after the army. (PU14-3)

Indeed, although there were other reasons for wishing to avoid army service, it was the expectation that they would be less likely to realise their plans in the educational sphere that was often the biggest concern for those awaiting conscription. This expectation to a large extent stemmed from the perceived difficulties of re-engaging with academic learning after a long period away from study. While there may have been preferential routes open to them after completing army service, the time the respondents would have to spend away from education would put them at a significant disadvantage compared with those pursuing higher education directly after school.⁷ Thus, it was primarily due to its interruption of other transitions in the educational sphere that army

⁶ The possibility of being physically abused by other soldiers, for example, was regarded as being more likely to apply to conscripts joining the army after a period of deferment. In this context, many respondents reasoned that it was better to 'serve in one's own time' (*v svoi goda otsluzhit'*). The bullying or 'hazing' of soldiers is commonly known as the *dedovshchina* ('rule of the grandfathers'), since new recruits are beaten by those in their second year of service (see Kostinskii, 2004).

⁷ Indeed, for IVET graduates, this two-year gap can be even more problematic from an academic point of view, since the final year of study in *profuchilishcha* is spent predominantly on vocational rather than general subjects.

service was considered to be ‘two years lost’:

I want to study further after the army, although of course it would be difficult, because you haven’t done anything for two years (*ne zanimal’sya*), you’re just doing drills. (PU19-6)

Alongside the objective difficulties of restarting educational careers, a number of respondents also indicated that there may simply be less need to do so once they had completed army service. While they would miss out on the chance to obtain further qualifications in the time being, such respondents were able to draw upon the commonly held view of the Russian army as a kind of ‘school of life’, or more accurately, a ‘school of masculinity’ (see Sevastyanov, 1997). In this way, while the army was ‘two years lost’ from educational transitions, it may at least provide them with other types of skills which they could draw upon in the future:

R: I think everyone should serve, it teaches you to be independent, to be more serious.

I: Maybe, to be a man?

R: Yes (AN-G2)

I’m thinking about studying further when I get back, maybe at the building college (*Stroitel’nyi Tekhnikum*) in Ul’yanovsk... Although maybe I won’t go. They teach you life in the army. (NK5)

Indeed, the doubts of final year students regarding the likelihood of making educational transitions were borne out in the experiences of graduate respondents. While those who had avoided the army had successfully enrolled in part-time courses, graduates who had completed their service had more often dropped plans for further study:

R: When I went to the army, I was just a young lad (*patsan*) ... but when you come back, you’re already grown up, you think differently... You can do things more quickly, like when you’re under pressure. That’s how the army teaches you life, because you’re on your own.

I: Did you plan to continue studying?

R: When I was in the army, I kind of stopped thinking about that, about studying somewhere.

I: Better to work?

R: Yes. (NK-G5)

Thus, while many respondents had experienced studying in IVET colleges as a period of educational re-engagement, the effect of army service on their learning careers could be equally instrumental. Having planned to continue with their education, those returning from the army could be more inclined to ‘grow up’, and settle for straightforward transitions into work.

Female transitions – navigating ‘fuzzy’ pathways

While many young men saw potential for career growth within their professions, similar prospects for female respondents were entirely absent. In contrast to the formalised links with VUZy that existed at some ‘male’ colleges, as well as the general availability of courses in linked professions such as engineering or technician, young women faced a near total lack of opportunities to build on ‘female’ trades such as sewing machinist and cook. This lack of provision within the education system not only reflects, but also perpetuates the fact that these ‘female’ professions are basically extensions of domestic roles, and are expected neither by providers of higher education, nor by those acquiring such trades, to offer routes to positions significantly higher than the typically subordinate labour market roles available to young women upon graduation. In this context, the young women in the research who were focused on acquiring further qualifications were inclined to abandon their trades altogether, and instead to pursue higher education related to new, fashionable professions such as ‘marketing’ and ‘management’, whilst working as kiosk attendants or shop assistants on the fringes of the new service sector. As such, the young women in the research were embarking on entirely new and unfamiliar routes, and in doing so faced a different set of problems from their male counterparts. As Bourdieu and Passeron (1979, cited in Ball et al, 2002: 337) have argued with regard to the opportunities held out by increasingly ‘meritocratic’ education systems: ‘the new system with its fuzzy classifications and blurred edges encourages and entertains... aspirations that are themselves blurred and fuzzy’. Indeed, the ability of female respondents to realise their plans in the educational sphere depended on more than positive dispositions towards learning. In order to navigate and see through such transitions, young people also require what Ecclestone (2004: 31) refers to as:

‘knowledge about material and structural conditions and about the opportunities that different courses and qualifications offer for advancement... about how to ‘play the system’.

Alongside social and financial resources, it is through this broader form of ‘cultural capital’ that the pathways of some young people may be eased in the ‘slipstream’ of their parents’ status and achievements (Thomson et al, 2002: 338). Conversely, as Ball et al (2002: 337) find amongst ‘non-traditional’ learners in the UK, the ways in which young people who are new to higher education make choices about their transitions often reveals a lack of the ‘informal knowledges’ necessary to do so successfully. In such cases, the new pathways on offer are more likely to be negotiated and experienced at the individual level, and consequently, may turn out to be more ‘risk’ than ‘opportunity’. In a number of ways, the experiences of young women in the present research echoed this pattern.

Since the nature of the opportunities open to young women led many to abandon their professions altogether, female respondents were playing the somewhat riskier game of placing all hopes of obtaining a ‘good’ job on their prospective qualifications. In this context, choosing the ‘right’ courses at ‘good’ universities was crucial. However, in contrast to the young men in the research, a combination of objective and subjective factors constrained them in their ability to do so. On the one hand, since female respondents lacked the

preferential routes to higher education open to some of the young men, the opportunity to study in institutes such as the State University was financially unfeasible for most:

I: Why did you choose this university [the Ul'yanovsk Branch of Moscow State Industrial University] and not, for example, the State University?

R: Because it's cheaper [laughs]. (PU16-G5)

At the same time, female respondents were also constrained by the complete absence of established pathways through which to negotiate the range of more affordable educational options. In a few cases, young women displayed an awareness of the dubious quality of some of these institutions, exercising a degree of conscientiousness and consumer choice in what was clearly an important investment:

I looked at other universities, the Institute of Distance Learning (IDO) was one. I didn't like them. There was something dubious about them... (PU16-G5)

More often than not, however, female respondents pursuing fashionable degrees attached little importance to researching the institutions they planned to attend. This was particularly apparent in cases where, as with transitions into the IVET system, respondents simply applied for VUZy that were nearby:

I'm enrolling here at the Institute... it's higher education, I'll get the profession of 'management'. There'll be a VUZ opening here (*u nas*) from Moscow, they're opening a branch, so I'm going to study there and get higher. (PU15-6)

Indeed, the 'Moscow' label alone was often enough to generate interest amongst many respondents (*'Moskovskii chto-to'/'tam, kakoi-to Moskovskii'*), carrying enough 'symbolic' capital to make it a choice brand. Thus, female respondents were far more likely than their male counterparts to be pursuing educational transitions into dubious 'branch' universities.

Alongside difficulties in navigating the new educational market, few female respondents were able to articulate how the qualifications they were pursuing would lead to the types of opportunities they sought in the labour market. Notable exceptions in this respect were a number of young women aiming for relatively realistic careers in the police bureaucracy. Those pursuing this option were often drawing on informal knowledges from parents or relatives regarding routes into such a career, and were thus able to carve out what appeared to be viable pathways:

I'd like to try to get a job in the passport office. A secretary qualification [her subject at PU16] would be sufficient to do that... And after I've worked there and studied for a full year, because it's related to the police, they'll be able to take me on in the police itself. My parents also work in the services (*organakh*). (PU16-1)

Indeed, in the absence of clear and established routes for such respondents, both between institutions and between education and the labour market, there was a greater need for parental guidance to help navigate these pathways and turn new plans into concrete realities. However, while there was wholesale approval of decisions to study further by the respondents' parents, in most cases the degree of involvement they had shown in their children's enrolment in IVET colleges was clearly absent when it came to higher education and the new careers this was supposed to lead to. Amongst those attempting to use higher education to pursue more ambitious careers, choices about which courses to follow tended to be vague and weakly linked to imagined futures. More often than not, respondents were unable to define the careers they intended to pursue, or how these would be established, such that fashionable careers would automatically materialise upon graduation:

R: It's especially important to get higher education. At the moment, that's my aim, to get higher... Because then I'll be able to go into management... the fact that it's higher – it's very important for me, so that I can work in management...

I: What type of management are you interested in?

R: There are different forms of management, I haven't decided yet which to go into, I mean which particular sphere... (PU15-8)

The lack of concrete ideas amongst such respondents as to where to study, what to study, and precisely how this would benefit them in the long term betrayed a particularly instrumental approach to higher education. In one respect, the belief that the acquisition of a degree would naturally lead to a corresponding position in the labour market reflected the continuing pervasiveness of Soviet attitudes towards education. The efficacy of educational qualifications was particularly strong in the Soviet variant of modernity, in which the organizational imperatives of a state-led economy produced a strong relationship between educational and labour market statuses. In the present reality of 'qualification inflation' and the spread of dubious educational establishments, however, this assumption also reflects an overestimation by these respondents as to the worth and leverage that such degrees would have in the achievement of their imagined futures. While improving levels of qualification was likely to benefit those young men who were able to continue studying after the army, it was primarily in this overestimation that many of the young women in the study failed to 'play the system'. As Bauman (1998: 86) puts it, 'all of us are doomed to the life of choices, but not all of us have the means to be choosers'.

The ability of female respondents to realise their projected transitions was undermined not only by the 'fuzziness' of the pathways they were pursuing, but also by the equivocal nature of learner identities underpinning educational transitions. Even in their final year of study, the otherwise confident narratives of many female respondents were always couched by a sense that higher education might be difficult to acquire. In talking about higher education as something they would 'try to' get (*probovat'*), respondents indicated that while

learner identities were strong enough to embark upon educational transitions, there were still underlying doubts. This was reflected in the fact that, alongside financial considerations, the decision amongst most respondents to study part-time was also because it was less demanding in academic terms:

I: If you had more money, would you study full-time?

R: No, all the same I'd study part-time, it's easier. (PU18-12)

I don't really like studying, and 5 years, that's a long time for me. If it's part-time, then I can do it, but on a full-time basis, no. (PU15-G2)

As such, studying part-time was also indicative of the degree to which the respondents felt capable of committing themselves to new pathways through education. Nevertheless, even part-time study proved too much for some:

R: After I finished [PU15], I entered an Institute [the Ul'yanovsk Branch of the Moscow Financial-Juridical Academy], but I dropped out... I studied for six months but didn't want to study any more.

I: Why?

R: I don't know. I enrolled for management. I suppose I just didn't want to do it (*neokhota chto-to*).

I: Maybe because you were working and studying at the same time?

R: No. Sessions there are only twice a year, and the factory lets us go for those... At first I was really keen to study (*zagorelas*), but then my desire just disappeared.

I: Maybe something more important came up?

R: No, there was nothing important at all that hindered my studies. It's my own fault (*sama vinovata*). (PU15-G3)

Like their male counterparts returning from army service, female respondents' learning careers could thus also come to an abrupt end:

I: So you're not going to leave the factory [*Shveya*] then?

R: Not for the moment... they've put me in a different section for a while, in cutting (*zakroinii tsek*). I'd like to stay there... I'll wait, maybe they'll move me. My friends at the factory say 'don't leave yet, wait, maybe they'll move you into cutting'... (PU15-G3)

Conclusion

Although transitions from school to factory continue to be available to young people in Russia's IVET system, the impoverishment of the jobs at the end of these transitions renders the experience of its graduates similar to that of 'working-class' youth in many Western European countries, where such routes into employment have collapsed altogether. Rather than following traditional pathways into manual labour, young people now have to navigate a complex set of options in a constantly expanding further and higher education sector in an attempt to improve their prospects. In Garsten and Jacobsson's terms (2004, 1), the young people described in this chapter were 'learning to be employable'. While in the majority of cases this process, and the new opportunities it appeared to present, were regarded positively by IVET graduates, the reality of their transitions from IVET to higher education was clearly problematic in a number of ways. In the discriminatory pattern of military service and the limiting nature of 'women's work' in the IVET system and beyond, both the young men and the young women in the research faced classed and gendered barriers which were embedded at the structural level, and which hindered their chances of realising imagined transitions through learning careers and into better jobs. That these obstacles were felt in the newly accessible sphere of higher education provides support for Furlong and Cartmel's (1997: 7) argument that: 'the greater range of opportunities available helps to obscure the extent to which existing patterns of inequality are simply being reproduced in different ways'.

While transitions from vocational to higher education in Russia are clearly problematic, there are nevertheless aspects of the institutions involved in these transitions which 'work'. Indeed, it is somewhat ironic that, while IVET policy remains focused on labour market rather than educational outcomes, it is in its capacity to provide an environment in which young people may rebuild 'damaged' learner identities that the IVET system is clearly very successful. Alongside a growing pragmatism towards education and the labour market amongst its students, this environment was instrumental in enabling young people to turn new chapters in their learning careers. In this context, it is somewhat regrettable that senior figures in educational policy circles, including ministers of education, have been discussing for a number of years the prospect of removing the provision of full general secondary education from IVET colleges (Demina, 2004: 12). The aim of this measure would be to allow a greater focus on the development of students' technical rather than general educational skills, which, according to its proponents, would better prepare young people for the needs of employers. Needless to say, this measure would reverse one of the most positive aspects of the Soviet education system, and would do very little for Russia's purported shift towards a 'knowledge-based society'. More positive policy developments are being implemented in the sphere of higher education, as the new Federal Agency for Education has begun to enforce more stringent regulations on the establishment of 'branch' universities, and to close down the least reputable (Ministerstvo Obrazovaniia Rossiiskoi Federatsii, 2001: 3; Ivanova-Gladil'shchikova, 2004). This may be of benefit to young women who are continuing their studies after graduating from IVET colleges. Similarly progressive is the reduction of military service from 12 to 24 months. While it is unlikely that this will significantly change the demographic situation in Russia's 'army of workers and peasants', it might at least reduce the barriers faced by young men wishing to pursue higher education.

References

1. Allatt, P. (1997) 'Conceptualising youth: transitions, risk and the public and the private', in Bynner, J., Chisholm, L. and Furlong, A. (eds) *Youth, Citizenship and Social Change in a European Context*. Aldershot: Ashgate, 89-102.
2. Alasheev, C. Iu., Antipova, A. V. and Korobova, E. V. (1999) *Sotsial'nyi portret uchashchikhsya nachal'noi professional'noi shkoly Samarskoi oblasti (po materialam issledovaniia 1998-1999 godov)*, Samara: SIPKRO.
3. Archer, L. and Yamashita, H. (2003) "Knowing their limits?" Identities, inequalities and inner city school leavers' post-16 aspirations', *Journal of Education Policy*, 18, (1), 53-69.
4. Avis, G. (1983) 'Access to Higher Education in the Soviet Union', in Tomiak, J. J. (ed) *Soviet Education in the 1980s*. New York: St. Martin's Press.
5. Ball, S. J., Reay, D. and David, M. (2002) "Ethnic Choosing": minority ethnic students, social class and higher education choice', *Race, Ethnicity and Education*, 5 (4), 333-57.
6. Bauman, Z. (1998) *Work, Consumerism and the New Poor*. Buckingham: Open University Press.
7. Bloomer, M. (1997) *Curriculum Making in Post-16 Education*. London: Routledge.
8. Bloomer, M. (2001) 'Young Lives, Learning and Transformation: some theoretical considerations', *Oxford Review of Education*, 27 (3), 429-49.
9. Bloomer, M. and Hodkinson, P. (2000) 'Learning Careers: continuity and change in young people's dispositions to learning', *British Educational Research Journal*, 26 (5), 583-97.
10. Bloomer, M. and Hodkinson, P. (2001) *College Life: the voice of the learner*. London: Further Education Development Agency.
11. Bocharova, O. (2002) 'Vyshee obrazovanie v Rossii: Vertikal'naya mobil'nost i sotsial'naya zashchita', *Otechestvennie zapiski*, 1 (2), 106-07.
12. Broadfoot, P. M. (1996) *Education, Assessment and Society: a sociological analysis*. Buckingham: Open University Press.
13. Butko, E. (2004) 'Obrazovatel'nye i ekonomicheskie strategii uchrezhdenii nachal'nogo professional'nogo obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh', *Monitoring ekonomiki obrazovaniya, informatsionnyi byulleten*, 6 (8). Moscow: State University – Higher School of Economics.
14. Cherednichenko, G. A. (2004) *Molodezh' Rossii: sotsial'nye orientatsii i zhiznennye puti (opyt sotsiologicheskogo issledovaniya)*. Sankt Peterburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta.
15. Coles, B. (1995) *Youth and Social Policy*. London: UCL Press
16. Demina, I. (2004) 'V pogone za tremya zaitkami. Imitatsiya obrazovaniya – svidetel'stvo neblagopoluchiya', *Uchitel'skaia Gazeta*, 9 November, 12.
17. De Witt, N. (1961) *Education and Professional Employment in the USSR*. Washington: United States Government Printing Office.
18. Ecclestone, K. (2004) 'Learning in a comfort zone: cultural and social capital inside an outcome-based assessment regime', *Assessment in Education*, 11 (1), 29-47.
19. Ecclestone, K. and Pryor, J. (2003) "Learning Careers" or "Assessment Careers"? The Impact of Assessment Systems on Learning', *British Educational Research Journal*, 29 (4), 472-88.
20. Fretwell, D. H. and Wheeler, A. (2001) 'Russia: secondary education and training', *World Bank Secondary Education Series*. Washington: World Bank.
21. Garsten, C. and Jacobsson, K. (2004) 'Learning to be employable: an introduction'. In C. Garsten. and K. Jacobsson (eds.) *Learning to be Employable: new agendas on work, responsibility and learning in a globalising world* (Basingstoke: Palgrave MacMillan), pp. 1-22.
22. Gill, I., Fluitman, F. and Dar, A. (2000) *Vocational education and training reform: matching skills to markets and budgets*. New York: Oxford University Press.
23. Goodson, I.F. and Sikes, P. (2001) *Life history research in educational settings. Learning from lives*. Buckingham: Open University Press.
24. Heyneman, S. P. (1997) 'Russian Vocational and Technical Education in the Transition: Tradition, Adaptation, Unresolved Problems', *Institute for the Study of Russian Education Newsletter*, 6 (1), 22-34.
25. Hodkinson, P. (1998) 'Choosing GNVQ', *Journal of Education and Work*, 11, 151-65.
26. Hodkinson, P., Sparkes, A. C. and Hodkinson, H. (1996) *Triumphs and Tears: Young People, Markets and the Transition from School to Work*. London: David Fulton.
27. Ivanova, O. G. (ed) (2003) *Obrazovanie v Rossiiskoi Federatsii: Statisticheskii Sbornik*. Moskva: Izdatel'stvo TsISN.
28. Ivanova-Gladil'shchikova, N. (2004) 'V "chernom spiske" – desyatki vuzov', *Izvestiia*, 17 July.
29. Karpov, S. (2005) 'Kakaya reforma obrazovaniya nam nuzhna?', *Svobodnaya mysl'*, 30 (6), 33-40.
30. Kitaev, I. (1994) 'Russian education in transition: transformation of the labour market, attitudes of youth and changes in the management of higher and lifelong education', *Oxford Review of Education*, 20 (1), 111-30.
31. Konstantinovskii, D.L. (1999) *Dinamika Neravenstva: Rossiiskaya molodezh' v menyayushchemsya*

- obshchestve; orientatsii i puti v sfere obrazovaniya (ot 1960-kh godov k 2000-mu)*. Moscow: Editorial URSS.
32. Kostinskii, A. (2004) 'Dedovshchina – armiya i ee diaгноз' <http://www.hro.org/actions/army/2004/11/25.php>, accessed 25 June 2006.
 33. Kovatcheva, S. (2001) 'Flexibilisation of youth transitions in Central and Eastern Europe', *Young*, 9 (1), 41-60.
 34. MacDonald, R., Mason, P., Shildrick, T., Webster, C., Johnston, L. and Ridley, L. (2001) 'Snakes and Ladders: In Defence of Studies of Youth Transition', *Sociological Research Online*, 5 (4), <http://www.socresonline.org.uk/5/4/macdonald.html>, accessed 1 June 2001
 35. Matthews, M (1982) *Education in the Soviet Union: policies and institutions since Stalin*. London : Allen & Unwin.
 36. Ministerstvo Obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii (2001) 'Kontseptsiya modernizatsii rossiiskogo obrazovaniya do 2010', <http://civilg8.ru/priority/education/4540.php>, accessed 25 February 2006.
 37. Nieuwebeerta, P. and Rijken, S. (1996) 'Educational Expansion and Educational Reproduction in Eastern Europe, 1940-1979', *Czech Sociological Review*, 4 (2), 187-210.
 38. OECD (1998b) *Reviews of National Policies for Education: Russian Federation*. Paris: OECD.
 39. Poletaev, A. V. and Savel'eva, I. M. (2002) 'Spros i predlozhenie uslug v sfere srednego i vysshego professional'nogo obrazovaniya v Rossii', in *Obzor Ekonomiki Rossii II: osnovnie tendentsii razvitiya*. Moskva: Ves Mir.
 40. Raffe, D. (2002) 'Bringing Academic Education and Vocational Training Closer Together', paper presented to the symposium *Future of Education: Work, Education and Occupation*, Zurich, April.
 41. Reay, D. (2001) 'Finding or Losing Yourself? Working-class relationships to education', *Journal of Education Policy*, 16 (4), 333-46.
 42. Reay, D. and Wiliam, D. (1999) "'I'll be a nothing": structure, agency and the construction of identity through assessment', *British Educational Research Journal*, 25 (3), 343-54.
 43. Rudd, P. and Evans, K. (1998) 'Structure and agency in youth transitions: student experiences of vocational further education', *Journal of Youth Studies*, 1 (1), 39-63.
 44. Simonova, N. (2003) 'The Evolution of Educational Inequalities in the Czech Republic after 1989', *British Journal of Sociology of Education*, 24 (4), 471-85.
 45. Thomson, R., Bell, R., Holland, J., Henderson, S., McGrellis, S. and Sharpe, S. (2002) 'Critical Moments: Choice, Chance and Opportunity in Young People's Narratives of Transition', *Sociology*, 36 (2), 335-54.
 46. Titma, M., Tuma, N. B. and Roosma, K. (2002) 'Education as a factor in intergenerational mobility in Soviet Society', paper presented at the RC28 conference on Social Stratification and Mobility, *Integrating Theory and Research*, Oxford, 10-13 April 2002.
 47. Tomiak, J. J. (1986) 'Introduction: the Dilemmas of Soviet Education in the 1980s', in Tomiak, J. J. (ed) *Western Perspectives on Soviet Education in the 1980s*. Basingstoke: MacMillan.
 48. United Nations Development Programme (2004) *Human Development Report, Russian Federation, 2004: Towards a Knowledge-Based Society*. Moscow: UNDP.
 49. Walker, C. (2006) 'Managing Vocational Education and the Youth Labour Market in Post-Soviet Russia', *International Journal of Human Resource Management* (special edition: Management, Work and Organization in Post-Socialist Economies), 17 (8), 1426-40.
 50. Walker, C. (2007) 'Navigating a 'zombie' system: youth transitions from vocational education in post-Soviet Russia', *International Journal of Lifelong Education* (special edition: Transitions from Education to Work in International Perspective), 26:5, 513 – 531.
 51. Walker, C. (forthcoming) *Learning to Labour in post-Soviet Russia: vocational youth in transition*. Abingdon: Routledge Curzon.
 52. Zajda, J. I. (1980) *Education in the USSR*. Oxford: Pergamon.

КАК СТЕПИ СТАЛИ ХЛЕБНЫМИ ПОЛЯМИ

Дэвид Мун

Профессор Йоркского университета, Великобритания

Аннотация: Одним из важнейших преобразований во всемирной экологической истории стала глобальная распашка степей, начавшаяся в XVIII столетии. Степи были завоеваны государствами, заселившими их фермерами, которые выращивали сельскохозяйственные культуры в плодородной земле и снабжали ими росшее городское население. Превращение больших участков степи в распашанные поля стало возможным за счет местных народностей, чьи быт и культура были утрачены. Распашка степи также происходила за счет окружающей среды. Предметом обсуждения ученых, фермеров и правительств стали периодические стихийные бедствия, такие, как Пыльный Котел в США в 1930-е гг., которые затронули степные регионы всего мира.

Ключевые слова: окружающая среда, степь, сельское хозяйство, сельскохозяйственные культуры, стихийные бедствия.

FROM STEPPES TO GRAIN FIELDS

David Moon

Abstract. One of the great transformations in global environmental history has been the plowing up of the world's steppes, which began in the eighteenth century. The steppes were conquered by states, which settled them with farmers, who grew grain in the fertile soil to feed the world's growing urban population. The conversion of large parts of the world's steppes to arable fields was achieved at the expense of the indigenous populations, whose lifeways and cultures were lost. The plow up of the steppes was achieved also at the expense of the environment. Scientists, governments, and farmers have debated the causes of the periodic disasters, such as the Dust Bowl in the USA in the 1930s, that have hit the world's steppe regions.

Keywords: Environment, steppe, agriculture, grain, disasters

Одним из величайших преобразований в экологической истории стало превращение степей в пахотные поля для того, чтобы накормить все увеличивающееся население земли. Этот процесс начался на западе евразийских степей, на современном юге России и Украины во второй половине восемнадцатого века. В XIX и XX веках эта «великая вспашка» распространилась на обширные территории прерий и Великих равнин Северной Америки, пампасы Южной Америки, степи («велд») южной части Африки, земли Австралии и Океании, северной Индии, северной Африки, равнины Венгрии и Румынии. Пастбища в Казахстане и на юге Сибири в восточной части евразийских степей также подверглись обработке плугом. Доля степей, преобразованных в пахотные зерновые поля к концу XX века, была различной в разных регионах. Согласно ведущему российскому ученому-экологу Александру Чибилеву, который занимается исследованием степей, было вспахано 57% территории степей Евразии и 83% территории центрально-черноземного региона в Европейской части России. В Северной Америке, напротив, как показало исследование американских равнин Джеффа Канфера, доля пашни на Великих равнинах никогда не превышала 31%; остальная территория оставалась в качестве лугов и использовалась преимущественно как пастбища.

Во всем мире степи завоевывались государствами, центры которых находились в более влажных регионах, где было оседлое население, занятое земледелием. Так, например, в период между XVI и XVIII веками российское государство, столица которого находилась во влажном лесистом регионе вокруг Москвы, захватило степи к югу и юго-востоку. США продвигались на запад, за Аппалачи, для захвата прерий и Великих равнин в центральной части севера Американского континента. Полузасушливые равнины севера Индии, Австралии, Новой Зеландии и юга Африки покорялись Британией, начиная с дождливых Британских островов, простирающихся от побережья северо-запада Европы. Все перечисленные государства поощряли фермеров, занятых земледелием, к переселению из своих насиженных мест в степные регионы по всему миру для того, чтобы создавать новые сельскохозяйственные угодья. Этот процесс ускорился с середины XIX века.

Переселение мигрантов в степи и транспортировка зерна, которое они производили, сопровождалось строительством железных дорог, грузовых судов, портов и зерновых элеваторов. При содействии внутренних и международных рынков зерновые культуры, выращиваемые в степных регионах, потреблялись растущим городским населением во всем мире. Между тем, фермеры, агрономы и ученые пытались разрешить проблему, как выращивать зерно в условиях степей: несмотря на плодородные почвы, которые включали чернозем и каштановые почвы, осадки выпадали в малом количестве и нерегулярно, что приводило к последующим засушливым периодам и неурожаем. Ученые-почвоведы, в частности крупный русский ученый Василий Докучаев (1846-1903) и американский ученый Юджин У. Хильгард (1833-1916) выявили парадокс степей, каким он был с точки зрения фермеров, занимающиеся выращиванием зерновых культур. Парадокс был в том, что почва степей очень плодородна и является очень ценной для фермеров, но ее плодородие формируется из-за низких и нестабильных осадков, что делает выращивание сельскохозяйственных культур довольно рискованным.

Преобразование значительной части степных регионов мира в зерновые поля произошло за счет коренного населения и изменения его уклада жизни, который заключался преимущественно в скотоводстве и охоте. Обреченные на переселение и обработку земли или вынуждаемые покинуть насиженные места, пастушеские кочевые племена, включая Калмыков, Ногайцев и др. народностей евразийских степей, американские Индейцы Великих равнин и коренные народы других регионов утратили свои земли, кочевой образ жизни и культуру. Коренные народы составляют лишь малую часть населения степных регионов мира, их количество во много раз превышает число мигрантов в основном европейского происхождения. Войны с Индейцами конца XIX века в Северной Америке и войны в евразийских степях, длившиеся на протяжении веков, между государствами, экономика которых была основана на обработке земли, и теми государствами, чья экономика зависела от скотоводства, уступили место плугу. Здесь важно отметить, что разведение сельскохозяйственного скота, который пасется на лугах, оказывало поддержку гораздо меньшему количеству населения, чем если пастбища превращались в пахотные земли для выращивания зерновых культур. Если одна и та же площадь земли используется для выращивания зерновых культур, то она производит примерно в десять раз больше калорий для

потребления населением по сравнению с разведением скота на такой же площади.

Преобразование пастбищ в пахотные земли происходило еще и в ущерб окружающей среде. Бескрайние просторы травы были естественны для некоторых степных регионов. В других регионах, таких, как, например, североамериканские прерии и часть евразийских степей, коренное население обеспечивало естественный рост травы за счет другой растительности, включая деревья, с помощью их выжигания и выпаса сельскохозяйственных животных. Не принимая во внимание причин происхождения плодородной почвы, глубокая вспашка слоя, который формировался на протяжении многих столетий под травяным покровом, привела к разрушению степной экосистемы. Некоторые ученые-экологи, занимающиеся степными экосистемами, даже назвали вспашку «экологическим геноцидом». Вспашка плодородных почв для выращивания зерновых культур привела к экологическим катастрофам. По всему миру в степных регионах периодически случаются засухи. Плоские равнинные ландшафты, более того, подвергаются воздействию сильных ветров. В периоды засухи, которые случаются во многих степных регионах мира, сильный ветер вихрем поднимает в воздух пересохший верхний слой почвы, губит урожай и разоряет фермеров. Пыльные бури на южных равнинах США 1930-х годов и такое же явление в евразийских степях, в частности, в Казахстане, в период кампании Никиты Хрущева по освоению целины в 1950-е годы – широко известные примеры.

Вина за подобного рода катастрофы возлагалась как на естественные климатические колебания, так и на опрометчивую распашку степей в условиях, когда уровень влажности являлся предельным для выращивания зерна, что привело к многочисленным спорам среди ученых, экологических историков, управленцев и населения, занимающегося земледелием в терпящих природные бедствия регионах. В период пыльных бурь в США в 1930-е годы Федеральное правительство в Вашингтоне обвиняло в катастрофе фермеров с Великих равнин, утверждая, что они опрометчиво распахали земли, плохо подходившие для выращивания зерновых культур. Фермеры же, как и некоторые ученые, опровергали это, заявляя, что основной причиной являлась чрезмерная засуха. Дальнейшие исследования ученых имеют тенденцию к тому, чтобы подтвердить это: природные, а не человеческие факторы были главной причиной пыльных бурь в США в 1930-е годы. Какими бы ни были причины периодической эрозии почвы и гибели урожая в степных регионах земли, фермеры, правительства и ученые, которые их консультируют, упорно работают над тем, чтобы найти устойчивые способы культивации плодородных почв степных регионов. В результате мы остаемся с двояким пониманием процесса распахивания лугов: это либо безрассудно-рискованное предприятие по вмешательству в малорентабельную окружающую среду, которое обречено на катастрофу; либо развитие высокопродуктивного, даже устойчивого сельского хозяйства, в котором периодически случается дефицит производства, но которое всё же поставляет огромное количество продуктов питания, производимых из зерновых культур, в дома постоянно растущего населения земли.

Список литературы

1. A.A. Chibilev, *Stepi Severnoi Evrazii: ekologo-geograficheskii ocherk i bibliografiya* (Ekaterinburg: UrO RAN, 1998).
 2. A.A. Chibilev, O.A. Grosheva, *Ocherki po istorii stepovedeniya* (Ekaterinburg: UrO RAN, 2004).
 3. Alexander Chibilev and Sergei Levykin, 'Virgin Lands divided by an Ocean: The Fate of Grasslands in the Northern Hemisphere', trans. and annotated by David Moon, *Nova Acta Leopoldina, Neue Folge*, 114, no.390 (2013), pp.91-103.
 4. Geoff Cunfer, *On the Great Plains: Agriculture and Environment* (College Station, TX: Texas A & M University Press, 2005).
 5. James C. Malin, *The Grasslands of North America: Prolegomena to its History* (Lawrence, KA, 1947).
 6. John R. McNeill, *Something New under the Sun: An Environmental History of the Twentieth Century* (London: Penguin, 2000), pp.38-43, 212-16, 276-81.
 7. David Moon, 'In the Russians' Steppes: The Introduction of Russian Wheat on the Great Plains of the United States of America', *Journal of Global History*, vol.3 (2008), pp.203-225.
 8. Devid Mun, 'Introduktsiya russkoi pshenitsy na Velikikh Ravninakh Soedinennykh Shtatov Ameriki', *Amerikanskii Ezhegodnik 2011*, pp.161-76.
 9. David Moon, 'The Grasslands of North America and Russia', in J.R. McNeill and Erin Stewart Maudlin (eds), *A Companion to Global Environmental History* (Oxford: Wiley-Blackwell, 2012), pp.247-62.
 10. Девід Мун 'Степи Північної Америки та Росії', *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету*, 2015, вип.43, 168-77 (перевод Олененко, А).
 11. David Moon, *The Plough that Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700-1914* (Oxford: Oxford University Press, 2013).
 12. Donald Worster, *Dust Bowl: The Southern Plains in the 1930s*, 25th Anniversary Edition (New York, Oxford University Press, 2004).
- A. G. Zarrili, 'Capitalism, Ecology, and Agrarian Expansion in the Pampean Region, 1890-1950', *Environmental History*, vol.6 (2001), pp.561-583.

SOUNDS OF A 'ROTTING CITY': PUNK IN RUSSIA'S ARCTIC HINTERLAND

Hilary Pilkington

Professor Department of Sociology

School of Social Sciences Arthur Lewis Building

The University of Manchester, Manchester

Vorkuta punk for me is the most authentic (*nastoiashchii*) . . . Because we live in fucking harsh conditions . . .
(Kirill, 14 October 2009)

Russia is far from the natural habitat of punk. Since its emergence in Soviet Russia of the late 1970s (Steinholt, 2005, pp. 69–70), punk has defied de facto any structuralist explanation of the movement as the manifestation of resistance to capitalism's attempt to repress and contain desires into forms useful to capitalists (Thompson, 2004). At the same time, readings of British punk as the culmination of twentieth-century radical aesthetic movements such as avant-garde Dadaism, futurism, surrealism, or expressionism (Marcus, 1989) have little resonance in state-socialist societies, where 1968 was associated not with student radicalism but with the crushing of the Prague Spring. Arguments that punk was the product of rock music turning against its own commercialization (Savage, 1991, p. xv) or the disengagement of radical counter-culture from its increasingly industrially incorporated soundtrack (Moore, 2010, pp. 5–8) also fall short of the mark. Punk in late Soviet Russia shared the underground with other forms of rock music rather than being pitted against the popular music industry (Pilkington, 1994, p. 229). Indeed, given that in 1976–1977 rock music was still struggling to establish itself, there was little need for punk's musical revolt against its, as yet unestablished, canons (Gololobov and Steinholt, forthcoming). Yet punk has proven to be more than a momentary, mimetic phenomenon in Russia. After its emergence in Leningrad and then Moscow it extended into the Russian hinterland and developed a distinctive sound associated primarily with the Siberian punk wave and, in particular, the music of Egor Letov and the band Grazhdanskaia Oborona (Steinholt, 2012). The question of what, if any-thing, constitutes punk and whether there exists a distinctive 'Russian punk' is beyond the scope of this chapter (see Pilkington, forthcoming a). Rather, it starts from the premise that Russian punk exists, even if it does not always look, sound, smell, or feel like punk as we know it, and that we know this because it continues to generate meaning for those in punk scenes across Russia.

The chapter explores the interaction between place and punk through the study of a small punk scene² in the deindustrializing city of Vorkuta, situated in Russia's Arctic Circle. It considers how, at a structural level, the territorial, social, and cultural marginality of the city has framed the origins and development of the scene, its current composition, and the social relations that govern it. It outlines the constraints on the development of the punk scene imposed by external hostility to it from the city authorities, public opinion, and peer groups. It considers also, however, the resources the topography of the city provides – in particular, the architecture of abandonment – for the creation and performance of music and leisure. Finally, at the subjective level, the chapter puts forward the case for the significance of reflexive engagement with place or, more accurately, 'place-myths' (Shields, 1991, p. 7) in the formulation of something distinctive about Vorkuta punk in respondents' narratives, music-making, and appreciation. This concerns, in particular, the 'extreme' physical and social location of Vorkuta; a positioning 'on the edge' of civilization that is inverted into a perverse pride in the city and a narrative of community and solidarity in the face of the 'cruel fate' shared by those who live there (Pilkington, 2012). If there is something 'authentic' about Vorkuta punk, as Kirill (above) claims, it lies not in its capacity for aesthetic or political subversion but simply for survival in such 'fucking harsh conditions'.

Context and method

The chapter draws on ethnographic research conducted in Vorkuta under the auspices of the project 'Post-socialist punk: Beyond the double irony of self-abasement' (2009–2013).³ Fieldwork was conducted over a concentrated period of four weeks in October 2009, but draws on acquaintance with key informants from 2007 and knowledge of the wider youth cultural environment from earlier research in the city (Pilkington, 2007; Pilkington and Sharifullina, 2009; Pilkington et al., 2010).

The city of Vorkuta has a complex and painful history. It is situated on the very periphery of Russia's inhabited territory – more than 2000 kilometres to the north-east of Moscow, at the northern edge of the Urals Mountains – and has no road connections to other cities. It lies on the 67th Parallel north (and thus within the Arctic Circle), and in the winter – which lasts around 230 days of the year – the temperature can fall as low as –50° C. Vorkuta was founded in 1932 as part of the Gulag system; its prisoners opened up the Vorkuta mines to exploit the northern reaches of the Pechora coal basin. It is a city, therefore, whose population is as 'marginal' as its location. People came to the city either involuntarily, as political prisoners, convicted criminals, prisoners of war, or suspected 'collaborators', or, following the closure of the camp in 1962, voluntarily, but temporarily, attracted by higher wages and early pension rights. Many in the latter category remained in the city far longer

than they had intended, either because, over time, they came to see the place as ‘home’ or because they were materially ‘trapped’ by the fundamental political and economic transformations post-1991. The mood among the population ebbs and flows according to the latest speculation about whether a new gas pipeline will pass near enough to provide future employment or, alternatively, the city will be slowly mothballed. Thus, living in Vorkuta is always predicated on the possibility of leaving it. For the majority of respondents, Vorkuta is a city that has too much past and very little future. It is, according to Daniil (of the punk group Marazm), ‘a city that is rotting’.

The research in Vorkuta was conducted with a total of 26 respondents, all of whom were active in the small alternative music and cultural scene in the city. They were recruited from a number of starting points: existing contacts with punk musicians; encounters with other musicians and scene members at gigs; local ‘chats’ and forums discussing punk in the city; and contacts passed on from respondents already recruited. The final respondent set consisted of 23 men and three women. In age, respondents ranged from 17 to 43 years; the majority were 17–22 years old. Approximately a third of respondents were working; they were usually employed at the mines or on the railroad, on construction sites, or in garages. Only one female respondent was employed – she worked behind the bar at a restaurant while studying at catering college. Approximately one-third of respondents were still in education, and five were unemployed. Only one respondent had higher education; the modal educational status was having, or studying for, (secondary or post-secondary level) vocational education⁴.

The data drawn on in this chapter are: 18 recorded interviews; field diaries; still photos; video footage made by researcher and respondents; social net-working site (*vkontakte*) and email communication; artwork; and song lyrics. Interviews, diaries, some visual data, and song lyrics were coded using NVivo 8, based on a coding scheme generated from the data themselves and standardized across the project’s three Russian case studies through a process of merging, refining, and recoding. Respondents cited in the article are referred to using pseudonyms followed by the date of interview or diary entry. However, at the request of the individuals participating in the research, the real name of the city and the names of the bands in which they played have been retained.

Music from a ‘shit-hole’: Structural constraints on the Vorkuta scene

The Vorkuta scene is as it is, according to respondents, because ‘we grew up in such a shit-hole’ (Yaroslav, 18 October 2009). This statement articulates the strong awareness by respondents of the profound structural constraints that have shaped the punk scene in Vorkuta. These constraints are partially historical and partially the consequence of the profound economic dislocation that has gripped the city in the last two decades. Vorkuta did not grow organically, but was a seedling planted in inhospitable climes with the single purpose of extracting coal from the Pechora coal basin to supply the rapidly industrializing Soviet Union with its life-blood. It thus thrived as long as the special status accorded to such cities and their inhabitants for the ‘heroic labour’ they performed was recognized (and subsidized). Once the ideological underpinning of the symbolic value attached to the extraction industries was removed, and they were left to prove their economic value, however, the city, which, unlike other cities in the northern territories, does not have oil or gas reserves, experienced rapid deindustrialization and outmigration. By the time of research (2009), only six of the original 40 mines remained in operation, and, as each mine closed, the residential district around it was evacuated, leaving only abandoned housing blocks, schools, and subsidiary factories behind (see Figure 9.1).

Those who have the economic or social capital to move away from the city have done so; the population has fallen from around 180,000 in 1991 to less than half that number today. The city holds few prospects for young people, since its economy remains heavily dependent upon the extraction of coal (74 per cent of the city’s industrial production), and further and higher educational establishments are oriented primarily towards training skilled workers for employment in the mines, which is an unattractive future for most young people (Pilkington and Sharifullina, 2009, pp. 254–255).

The profound economic dislocation experienced by the city from the early 1990s means that, at the time when most rock and popular music scenes were expanding and flourishing as a result of ideological and economic deregulation, Vorkuta’s music scene received no financial investment, and infrastructural development of the music scene remained pitiful. A ‘rock club’ was opened in the city by a local entrepreneur in 1995 providing equipment, rehearsal space, and a venue for rock concerts in a local secondary school. This finally provided a venue to play live for the punk band Mazut,⁵ which, although having formed in 1988, had had no opportunity for public performance. The rock club, however, was closed subsequently by the local authorities, who viewed it, according to the lead singer of Mazut, as ‘a kind of cesspit . . . the epicentre of the concentration of all evil’ (Savva, 9 October 2009). Through much of the 1990s, therefore, the punk and other rock ‘scenes’ were focused on informal ‘flat-gigs’ (*kvartirniki*) and occasional performances in small and short-lived live venues, while the opportunity to make recordings in the city was virtually non-existent.

Urban decay can engender a flourishing, creative music scene; Manchester and Liverpool, as well as US cities such as Detroit and the East German cities of Halle and Leipzig, have all developed recognized ‘sounds’ in periods of deindustrialization (Cohen, 2007, p. 51). However, in stark contrast to Liverpool, where deindustrialization encouraged connections between popular music and the city to be used as a resource for urban regeneration (Cohen, 2007, p. 6), in Vorkuta the local administration remained gripped by the heritage of suspicion of rock music, and, while actively promoting sport for young people, they remained deaf to all requests for support for events and infrastructure development for the rock scene in the city. After ten years of petitioning

the local authorities, the band Mazut gave up and used their own networks to negotiate with the local biker club (Polar Wolves) access to a room in the club as their HQ and the use of the club for rehearsals and to stage live concerts on a weekly basis. The local authorities remained hostile, however, and, during the research in 2009, the heating supply to the club was switched off by the local authorities because of payment arrears, despite Mazut's direct appeal to the mayor that the club was providing a space for young people to go (Savva, 9 October 2009)⁶.

Hostility emanated not only from above, however, but also from family, the general public, and, in particular, peer groups. Respondents were harangued by parents for their appearance, for not studying or working; or, as Demid put it, for not joining 'the system' (Demid, 29 October 2009). Petya recounted his strategy for surviving at home as being 'to keep my mouth shut' and had been thrown out of the house by his mother and step-father (Field Diary, 6 and 17 October 2009). Sonya had left home because she found it difficult to take the constraints and rules of living there (Field Diary, 27 October 2009), while Kirill's parents gave him a hard time (physically as well as emotionally) over his punk affinity (Kirill, 29 October 2009). Sonya expressed irritation at the stares she received on the street because she wore different coloured laces in her boots (Sonya, 27 October 2009), and all respondents complained about the 'stereotype' of the punk as a 'dirty Nazi fucking punk' (Polad, 18 October 2009) or as a rat-owning junkie who never washed, drank constantly, and robbed and knifed people (Kirill, 14 October 2009; Sonya, 27 October 2009).

The most routine form of hostility encountered, however, is from peers, and expresses itself on the city's streets in routinely conflictual encounters with local thugs (*gopniki*).⁷ In Russia's major, cosmopolitan, and economically dynamic cities, the territorial gang cultures that dominated street life in the 1980s and early 1990s have been largely displaced by vibrant entertainment and night-time economies. In deindustrializing, provincial cities like Vorkuta, however, the *gopniki* still 'think of themselves as leaders . . .' (Kirill, 14 October 2009) and frequently attack punks as part of a widespread practice carried over from the Soviet era, when *gopniki* felt themselves to be morally empowered to verbally and physically abuse youth with an alternative appearance (Pilkington et al., 2002, pp. 122–130). A classic situation is 'you're just walking down the street and they are coming towards you, they say something, make a comment or something and a fight starts' (Vitya, 17 October 2009). The prison camp heritage of Vorkuta, however, is seen by some as vesting local *gopniki* with a particularly strong sense of their own importance and making punk non-conformity to gang culture even more 'deviant':

Interviewer: Why do the *gopota*⁸ attack you?

Grisha: Well they think Vorkuta is just one big prison camp.

Yaroslav: They live by its lore [*po poniatiiam*]⁹ and there's no way we fit their way of thinking.

Grisha: Yeah. It's like, how can a normal, proper lad pierce his ears, or like shave something into his head . . . It's just not what lads do basically. (Yaroslav and Grisha, 18 October 2009).

However, it is also clear from the many 'fighting tales' that emanate from encounters with *gopniki* that punks are far from always the passive victims of aggression.¹⁰ Kirill notes that 'sometimes we seek out *gopniki* ourselves, because they get in our way' (Kirill, 14 October 2009), while Demid called fighting his 'hobby' and said there was nothing better on a night out than the combination of good music, good beer, and a good fight. It was ironic, therefore, that he was the one punk who could not attract aggression from local *gopniki* to start the fight he craved, because his brother had been 'a *gopnik* authority' and thus he had a kind of 'protected' status (Field Diary, 6 October 2009).

Demid's frustration illustrates another way in which social relations on the punk scene have been shaped by the city's wider socio-economic and cultural structures. Although the current situation with *gopnik* gangs was 'significantly calmer' than it had been at the end of the 1980s, invariably respondents themselves had spent their early teenage years in precisely these kinds of territorially based groups and absorbed many of their practices and norms (fighting, 'prison camp' loyalty, authority, and hard masculinities). Thus, the punk scene has been shaped distinctively by shared origins and experiences in territorial formations, even while the appropriation of punk has also acted as a cultural strategy for disembedding oneself precisely from this 'grey mass' (Vitya, 17 October 2009).

A third constraint might be loosely thought of as the impact of cultural isolation, although it has its origins in the combination of socio-economic, territorial, and cultural marginality of the city and its scene. Soviet punk was isolated generically from scenes in the US, the UK, and elsewhere, but, in territorially isolated cities, this lack of access – to cassettes, bootleg recordings, information, and so on – was compounded. For those in Vorkuta, there was little exposure to punk music in the late Soviet and even early post-Soviet period. Musically, the city's scene remained dominated by traditional forms of hard rock and heavy metal, later by thrash and death metal. Mazut, the first punk band in the city, itself emerged as a side project of a thrash metal band called Paranoia, playing on borrowed instruments (see Figure 9.2). Indeed, it was only after a leading figure in the rock scene of the time called their music 'punk rock' and introduced the band members to punk music – sending them collections of the Ramones, Exploited, Sex Pistols, and various German punk groups – that the band recognized itself as 'punk' and began to develop a clearer sense of 'what we were resisting and what we wanted' (Savva, 21 October 2009). Nonetheless, the band retains its sense of marginality, articulated by founding member and lead singer and guitarist, Savva, as an impression even today that the band 'play the kind of music which isn't liked in Vorkuta for some reason' (Savva, 9 October 2009).

Today, although access to information has been eased to some extent by virtual connectivity, the

creative dynamism of the scene remains highly con-strained by the territorial isolation and terminal outmigration from the city. The scene works around its own isolation and a constant deficit of musicians as people leave to study in other cities or their families resettle in more hospitable and prosperous parts of the country. Respondents complained that the number of punks left in the city could be counted on your fingers (Kirill, 14 October 2009). The territorial isolation of the city also engenders a sense of cultural stagnation. Little contact with other scenes and the apparent removal of Vorkuta from the tour list of bands (Vitya, 17 October 2009) means that individual actors find their interactions unsatisfying; it has moulded a scene 'where everybody knows each other and you've just got nothing to ask' (Gleb, 26 October 2009).

This is illustrated by the mapping of the bands and their individual members constituting the Vorkuta punk music scene as it was in October 2009 (see Figure 9.3).

As is evident from Figure 9.3, all four bands active at the time of research – Mazut, Vmazanniikloun (Junky clown), Mezhduprochim (Incidentally), and Marazm (Idiocy) – share band members: Valera has played drums for Mazut since 2000 while being lead guitar and vocalist for Vmazanniikloun and formerly playing for Marginalz Neishens (Marginals Nations); Kirill plays drums for Vmazanniikloun while being lead guitar and vocalist in Mezhduprochim; and Demid plays bass for Mezhduprochim, while he used to play in the Marazm predecessor Bezobloma (Not getting screwed). While social network analysis has been applied usefully in the study of punk scenes (Crossley, 2008), a formal social network analysis of actors on the Vorkuta scene would add little to our understanding of it. The small size of the city and its scene means that the 'distance' between the most distant actors is very short, yet this does not generate a high level of subcultural homogeneity, because it is not a result of choice, preference, or taste, but simply of structural constraint; it is a product of the small number of bands, venues, and, most importantly, people interacting within a generally hostile external environment. There is no recognized and commercially successful Vorkuta sound, it is argued here, not because of the lack of density or proximity of contacts but because the quantity and quality of contacts are structurally constrained.

Life in a 'rotting city': Topography and punk in Vorkuta

Polad: What is there to do here? Eat snow?

Yaroslav: Yeah, help Spring conquer Winter? [laughs]

Grisha: Here, in order not to freeze in winter you have to drink vodka. Polad: In incredible quantities.

Grisha: Or stay at home . . .

Daniil: Yeah, Vorkuta is a rotting city – there's nothing to do here. (Polad, Yaroslav, Grisha, Daniil, 18 October 2009)

The territorial isolation and hyper deindustrialization of Vorkuta create an atmosphere of despondency about the future and a constant expectation of closure, departure, and decay. This is summed up with ironic humor in the above exchange between members of the group Marazm in response to being asked whether they intended to stay in the city in the future. Artur described the city as a place where you cannot 'live', only 'survive' (Artur, 26 October 2009), and, with male life expectancy at the time of research at just 58, even survival is far from guaranteed. The best prospects for employment remained in the city's coal mines, but the dangers of this well-trodden path are legendary, as indicated below in Artur's ironic account of an episode from his period of work experience as an electrician in one of the mines:

I went down, and there's a line manager underground as well. So, I go, 'Where's my instructor . . . [gives name]?' And he comes out, drunk. 'Whoah,' I thought, 'Good God . . . Where am I?' So he was there and writes down what I have to do and so on. And I leave but realize that when I came in I hadn't been concentrating, and when I go out there are four doors. So I shout 'Hey, which is the way out of here?' The answer comes back, 'The only way out is the graveyard'. It was at that point that I realized that I was not going to work at the mine . . .

(Artur, 21 October 2009).

In light of the methane explosion in the Vorkuta mine that killed 19 miners on 11 February 2013, Artur's shunmour seems even blacker than originally intended.

As one after another of the districts around the mines closed, the future of the city appeared ever bleaker, and hopes for any kind of future were pinned on a gas pipeline being run near enough to the city to bring employment and prospects. Without that, Kostya said, 'there is nothing good here, no normal work, no weather, no summer, nothing' (Kostya, 21 October 2009). Many respondents were thus developing more or less concrete plans to leave; any sane person, Artur claimed, would move away from the city if they had the opportunity to do so (Artur, 26 October 2009). Even if they avoided, or survived, the mines, there were other potentially fatal consequences of staying in the city:

Boris: I just want to leave.

Interviewer: Why, don't you like it here? What's up with it?

Boris: It's just that the alcohol is taking its toll. (Boris, 18 October 2009).

Boris went on to say that when he had been younger he had always imagined leaving together with his friends. Indeed, staying in the city only because of one's friends or the band, or planning to move as a group, was a sentiment repeated by many respondents (Kostya, 21 October 2009; Gleb, 26 October 2009).

At the same time, the slow death of the city – as district after district is mothballed – has produced a topography of abandonment that is fertile ground for appropriation and creativity. The most dramatic example is the abandoned district of Rudnik. This was the first settlement of the city, nestled on the banks of the river and

the site of much of its scientific (geophysical) infrastructure. In 1998, the local authorities resettled all its inhabitants in the central part of the city, leaving its most historic district to fall into dilapidation and, in popular discourse, become the site for antisocial behaviour. The close proximity of Rudnik to the main city – connection was via a rapidly disintegrating bridge (see Figure 9.4) – and the suddenness of the evacuation left the district like a decaying museum preserved in the ice and open for appropriation by young people.

The eerie urban decay of Rudnik is used to effect as a backdrop in Mazut's promotional video for their album *Winter's Children*, which features band members pulling denim jackets with 'Mazut' embroidered on the back from out of the rubble before putting them on and starting to play amid a crumbling landscape. The district was taken over annually in the summer for the staging of an open air rock concert, and the residue of those events remained daubed on the walls of the House of Culture (see Figure 9.5).

However, even through the winter, the district is enjoyed by young people because they can 'make it their own' (Igor', Field Diary, 21 October 2009) (see Figure 9.6). The desired 'edge' of the place as a 'dangerous zone' is enhanced by local rumours that the district was 'radioactive' as a result of housing a large geophysics laboratory in the Soviet period.

A second canonical place for punk gatherings was the so-called 'Hole' 12 (*dyrka*) – so called because it consisted of a space between two blocks of flats that kids could occupy without being moved on – in the Vorgashor district of the city. Vorgashor is one of the still-inhabited outlying mining settlements, which has gained a reputation among the city inhabitants as being a 'drugs district', 'where people can beat you up or knife you for nothing' (Field Diary, 19 October 2009). It is connected to the city by the 'ring road', which is a snowy, coal-flecked road that passes through a number of abandoned settlements and industrial waste sites (large black slag heaps with random buildings and chimneys) interspersed with stretches of beautiful tundra in which mustard yellow, burnt purple and black spikes from rough bushes push up through the snow. At its height (2002–2003) there were around 40–50 punks hanging out at the Vorgashor 'Hole', creating a particularly dense punk gathering with its own vibe and dynamic that produced a cluster of punk bands, namely Bezobloma, which later became Poisk v nikuda (Mission to nowhere), and subsequently Marazm (see Figure 9.3). Respondents in this study – for example, Yaroslav, Grisha, Gleb – had started hanging out at the 'Hole' when they were around 13–14 years of age, and, in addition to the bands already mentioned, the gathering left its mark in the form of a four-minute home-made video called simply 'Vorkuta Punk Rock'.¹³ It collapsed from around September 2008; a phenomenon that was explained variously as the result of older punks on the scene drifting away, internal divisions, and people leaving after being attacked by local thugs for being punks (Gleb, 26 October 2009).

Thus, while individual bands might have their own, hard-won, rehearsal spaces (in garages, schools, and colleges), at the time of research the biker club had become the sole collective site of the punk scene. This space, carved out thanks to the networks of Mazut, is indicative simultaneously of the solidarity within and across subcultural scenes in the city and also of some of the tensions emerging within it. The access to a resource that was highly valued in the city – the performance venue and rehearsal space at the biker club – that Mazut could give younger bands cemented intergenerational relations on the scene. Band members from Marazm, for example, fondly remembered being provided the opportunity to play at the club by Mazut only a week after they had approached them (Yaroslav, 18 October 2009). At the same time, there was evidence of resentment of the control the older generation asserted over access to the rehearsal and performance venue; bands other than Mazut had been prevented recently from rehearsing at the biker club because of damage that had been caused to it. There was also some tension around control of boundaries of acceptable music (in terms of quality). Kostya, who had classical musical training himself, complained about the lack of seriousness among some bands that 'rehearse for three days and then want to get up on stage and just pour shit on the audience. . . .' (Kostya, 21 October 2009), while Savva understood the resentment of bands to whom they refused a spot at concerts, even if, to his mind, they were 'saving' them from potential humiliation (Savva, 21 October 2009).

The club was open to all – having no face or other door control – but punk scene members could be protective about maintaining the special atmosphere there. This was expressed, above all, in attitudes towards younger emo types attending gigs at the club. Thus, while for Petya the younger generation was doing something 'between emo and punk' (Field Diary, 6 October 2009), others experienced the biker club as having been 'occupied' by emos (Grisha, 18 October 2009). For Mezhduprochim band members, the presence of emos in the venue left them feeling suffocated:

Demid: . . . When you breathe that air, it's like going out of a stuffy building, out of a sports hall, where it's boiling, into the fresh air, the cold. You breathe in, fill your lungs [takes a deep breath in] with clean air, and you feel 'Ah'. It's the same in the biker club – you arrive, you breathe in this sweat, the sweat, all of it, the alcohol, the smoke. It doesn't matter that for many this is unpleasant, for you . . . You breathe it in . . .

Stas: You are breathing the atmosphere in.

Demid: You are kind of dissolving in the atmosphere.

Kirill: But now the atmosphere is different. These alternatives, emos are coming . . . their behaviour, damn it, it cools everything and that isn't what the biker club is about.

Stas: They are all about pathos. (Stas, Kirill and Demid, 29 October 2009).

The infrastructural poverty of Vorkuta continues to provide little opportunity for punk bands to rehearse, perform, or record. Cross-subcultural networks have allowed punks to circumvent their exclusion from commercial venues and formal support from the authorities, although, as long as access to the one venue

available remains dependent on good relations with the punk ‘dinosaurs’ or ‘mammoths’ (Field Diary, 6 October 2009), this remains a potential site of tension. Notwithstanding this, punks have made use of the architecture of abandonment to create exciting and risky spaces for everyday hanging out as well as musical performance.

Northern punks: Reimagining marginality

[Vorkuta punk is] Northern, 14 hard . . . others who come from Piter [St Petersburg], they look at us, at the northerners and say, ‘You are completely different, damn it. You are kind, sincere, open – you look people in the eye, tell stories, try to understand’.

(Valera, 9 October 2009).

The marginal status of ‘marginal places’ derives not only from their geo-graphic peripherality but from the fact that ‘they have been placed on the periphery of cultural systems of space’ (Shields, 1991, p. 3). Vorkuta punk, it follows, is not the passive and impoverished product of the structural constraints placed upon its development, but has been moulded by the conditions of marginality in which it has survived and the reflexive engagement of the subjects in the scene with that marginality. This engagement with place and ‘place myths’ (Cohen, 2007, p. 7) is mobilized in respondents’ understandings of ‘Vorkuta punk’, as expressed by Valera (above), as simultaneously ‘hard’ and empathetic.

The imaginary geography of Vorkuta places it physically on the very edges of inhabitability – a place too remote and inhospitable to even contemplate coming to by those outside. The city is steeped in the ‘eternal cold’ (Natella, 25 October 2009) of an Arctic climate that gives nine months of darkness and sends people ‘mad’ if they don’t manage to regularly escape its environs (Artur and Kristina, 26 October 2009). But the city’s marginality is also inscribed in its social relations. Vorkuta is described by respondents as inherently criminal; a ‘gangster city’ (Demid, Field Diary, 6 October 2009) in which ‘knowing people from criminal circles is the norm’. This criminality, moreover, is not the passing product of economic dislocation, but is rooted in the city’s prison camp past and its lore as transmitted across generations:

Vorkuta in its very origins is a criminal city . . . It’s a former Gulag and all this lore comes from there. Our city is small, after all . . . so let’s say someone comes out of the Gulag and he has a child, a son. He will teach him how to live by this lore . . . And so we stew in this pot, criminal pot. Criminality was, is and will be here . . .

(Roman, 22 October 2009).

Much of the Gulag history of Vorkuta is silenced (Pilkington, 2012), and, although individual respondents commented that many people sent to the camp had ‘not deserved’ their fate (Demid and Igor’, Field Diary, 21 October 2009), nonetheless they insisted, during a walking tour of the Rudnik area, that the memorial cross sited there (see Figure 9.7) commemorated ‘prisoners’ (*zakliuchennii*) rather than those who had been ‘repressed’ for political reasons (Semen, Field Diary, 21 October 2009).

The physical and social marginality of lives in the far north is captured in Mazut’s vision of Vorkuta punks as ‘Winter’s children’ in the album and title song of that name (2004). The first verses articulate the sense of wonder these ‘children’ experience as they temporarily escape the grim reality of life in the far north during summer holidays in what, later in the song, is called the ‘paradise in the sun’ of Russia’s Black Sea region:

Winter’s children – spirits lifted by the sight of oaks
Winter’s children – a harsh fate awaits

Winter’s children know how much Friendship is not valued in rubles

Winter’s children – Slayer and Death in their hearts
15 Yes, that’s us – fighting with crow bars
16.

Winter’s children – no complaints about their fate
Drawn by the magnet of Vorkuta

(*Winter’s children* by Mazut) 17.

In this song, Mazut convey the physical and emotional lift of seeing trees and feeling the warmth of the sun, but also the social release from the turf wars of the ‘gangster city’. Yet even temporary departure from the city generates ‘nostalgia’ and the memories associated with it (Artur, 26 October 2009). ‘Winter’s children’, moreover, despite being deeply conscious of the ‘harsh fate’ that accompanies return, are drawn back by ‘the magnet of Vorkuta’. The ‘hard cruel fate’ of Vorkuta inhabitants is venerated in the city’s anthem, which Vorkuta residents learned at school and which was played over the public sound system from the City Council building every hour. Notwithstanding this fate, its lyrics declare: ‘Vorkuta . . . forever our lives are wed to you.’ And, indeed, the authority accorded to Mazut by younger members of the scene is partially rooted in the band’s commitment to making something of the ‘shit-hole’ they inhabit:

I have so much respect for them [Mazut] because they have stayed here. How can I put it? It’s like an island to which they give everybody access and it’s great to live on. While they are here, it’s good . . .

(Kirill, 14 October 2009)

Reflexive engagement with this shared fate, and its mythologization, it is suggested here, is reworked by Vorkuta punks into an understanding of the scene and its members as tougher, meaner, harder (*ozloblennii*)¹⁸ (Polad, 18 October 2009) than in other cities. In contrast to the ‘glamour punks’ from Moscow and St Petersburg, who go to concerts with hairspray in their bags, in Vorkuta ‘a punk really has to survive’ (Kirill, 14 October 2009). In a similar story about hanging out with punks while in St Petersburg, Demid recounts how he had searched in vain for his usual cigarettes, as they only smoked trendy brands and drank gin and tonic rather than fortified wine, vodka, or samogon. The experience had led him to recognize that ‘freedom is talked about most by those who haven’t got any [money]’ but also to identify himself as a real ‘Vorkuta layabout’ (Demid, 29 October 2009). At the same time, it is this experience of survival on ‘the edge’ that is reimagined and articulated

as lending Vorkuta punks a sincerity, openness, and empathy to others (as expressed by Valera above). It brings, for respondents, an authentic engagement with punk not found in those scenes that are more infrastructurally developed.

Conclusion

This chapter has explored how, at a structural level, the territorial, social, and cultural marginality of the city has framed the origins, development, current composition, and social relations of a particular punk scene in the Russian far north. The popular music scene in the city, it has been suggested, suffered from minimal infrastructural investment due to the critical deindustrialization processes gripping the city in the 1990s as marketization removed the material support and symbolic significance of its mining industry. While unique music ‘sounds’ can emerge in cities as deindustrialization is mobilized as a resource for urban regeneration (Cohen, 2007, pp. 6, 51), in Vorkuta a hostility to rock music inherited from the Soviet era led the local administration to actively promote sport, especially for young people, while they left popular musicians to freeze in their makeshift venues or be targeted on the street for physical aggression by local thugs. The creative dynamism of the scene, it has been argued, was inhibited further by a deficit of musicians, as the rapid outflow of population was not replenished by newcomers and the city appeared a ‘no-go’ zone for touring bands.

In this inhospitable environment, punk provided a cultural strategy out of the ‘grey mass’ of territorial gangs. Moreover, the city’s architecture of abandonment, which took shape as district after district was evacuated following the closure of the mine around which it had been constructed, furnished fertile ground for appropriation and creativity. These spatial resources were mobilized and enjoyed for everyday leisure and punk gatherings and performance.

Finally, it has been suggested, Vorkuta punk is not the passive and impoverished product of the structural constraints placed upon its development, but has been moulded by social actors’ engagement with place and ‘place myths’ (Cohen, 2007, p. 7). This has not produced a distinctive ‘sound’ that has, or could have, a niche on national or international music markets, but, to members of the scene at least, despite, or perhaps because of, this, it has a unique and ‘authentic’ (Kirill, 14 October 2009) feel to it. This authenticity is understood by members of the scene as residing in a ‘hardness’ that is bred by the ‘fucking harsh conditions’ they endure. Thus, while the origins of punk in the UK and the US are often attributed to postindustrial economic dislocation, few punks lived out that experience in its full brutality. In this sense, perhaps, Russia’s Arctic hinterland is, after all, the natural habitat of punk.

Notes

1. All participants in the research reported here are referred to using pseudonyms.
2. ‘Scene’ is understood here, following Straw (1991, p. 373), as a cultural space in which musical practices coexist, interact with, and differentiate themselves from each other.
3. The project was funded by the Arts and Humanities Research Council (AHRC) and involved a team of seven researchers working on case studies in the Russian Federation, Croatia, eastern Germany and the Netherlands. The empirical research drawn on in this article was conducted in Vorkuta by Hilary Pilkington assisted by Al’bina Garifzianova (Region, Ul’ianovsk). Financial support of the AHRC (ref: AH/G011966/) is gratefully acknowledged. The opinions expressed in this article, however, are those of its author.
4. This vocational educational profile of respondents sharply contrasts with the other two sites of fieldwork in Russia (Krasnodar and St Petersburg), where the majority of respondents had, or were studying for, higher education degrees.
5. ‘Mazut’ in Russian is a heavy duty fuel oil used to drive boilers, generators and coal-fired power plants.
6. This continues a Soviet tradition; in the early days of the scene, when impromptu, ‘semilegal’ gigs were held, bands would often manage to play only one or two songs before the electricity was switched off (Savva, 9 October 2009).
7. The term ‘gang’ is used as shorthand here for territorially based youth groupings that are not always stable, coherent, and hierarchically organized structures. For a more nuanced discussion of this phenomenon in the post-Soviet Russian context, see Pilkington et al. (2002, pp. 122–130) and Stephenson (2012).
8. This is a colloquial collective noun for ‘gopnik’.
9. This is a colloquial term used to refer to the informal rules and principles of the criminal world.
10. For a more thorough discussion of the role of fighting in Russian punk culture, see Pilkington (forthcoming b).
11. Band names in italics and dashed lines indicate bands no longer playing. Band members who are not part of the respondent set, and thus have not been assigned pseudonyms, are indicated by letter only.
12. The ‘Hole’ is described as follows: there are two blocks of flats like this and between them is a gap. And when you enter this gap, there’s a small park and here a big mound, below there are the water pipes, but above there is a high mound, so that’s why it’s called the ‘Hole’ because between the blocks there is a small hole, so they called it the Hole.
(Gleb, 26 October 2009)
13. This can be viewed online at: <http://www.youtube.com/watch?v=VQo78uQjFvQ>
14. Mazut refer to themselves as ‘northern punks’, frequently signing off messages with this

phrase.

15. This is a reference to the American metal bands popular on the Vorkuta rock scene at the time.
16. A reference to routine fighting between youth gangs in the city at the time, in this case using crowbars (used to break the ice) as weapons.
17. Lyrics reproduced by kind permission of Mazut. Translation by Hilary Pilkington.
18. The term 'ozloblennie' literally means 'made mean' or 'having become mean', implicating the external environment rather than the inner soul in forging this characteristic of Vorkuta punk.
- 19.

References

1. Cohen, S. (2007) *Decline, Renewal and the City in Popular Music Culture: Beyond the Beatles* (Aldershot: Ashgate).
2. Crossley, N. (2008) 'Pretty Connected: The Social Network of the Early UK Punk Movement', *Theory, Culture & Society*, 25(6), 89–116.
3. Gololobov, I. and Steinholt, Y. (forthcoming) 'The Evolution of Punk in Russia', in I. Gololobov, H. Pilkington and Y. B. Steinholt (eds) *Punk in Russia: Cultural Mutation from the 'Useless' to the 'Moronic'* (London and New York: Routledge).
4. Marcus, G. (1989) *Lipstick Traces: A Secret History of the Twentieth Century* (London: Faber and Faber).
5. Moore, R. (2010) *Sells Like Teen Spirit: Music, Youth Culture and Social Crisis* (New York: New York University Press).
6. Pilkington, H. (1994) *Russia's Youth and its Cultures: A Nation's Constructors and Constructed* (London and New York: Routledge).
7. Pilkington, H. (2007) 'In Good Company: Risk, Security and Choice in Young People's Drug Decisions', *The Sociological Review*, 55(2), 373–392.
8. Pilkington, H. (2012) '“Vorkuta is the capital of the world”: People, Place and the Everyday Production of the Local', *The Sociological Review*, 60(2), 267–291.
9. Pilkington, H. (forthcoming a) 'Punk, But Not as We Know It: Rethinking Punk from a Post-Socialist Perspective', in I. Gololobov, H. Pilkington and Y. B. Steinholt (eds).
10. *Punk in Russia: Cultural Mutation from the 'Useless' to the 'Moronic'* (London and New York: Routledge).
11. Pilkington, H. (forthcoming b) 'If You Want to Live, You Better Know How to Fight': Fighting Masculinity on the Russian Punk Scene, in M. Worley (ed.) *Fight Back: Punk, Politics and Resistance* (Manchester: Manchester University Press).
12. Pilkington, H., and Sharifullina, E. (2009) 'The Mutual Extraction Industry: Drugs and the Normative Structure of Social Capital in the Russian Far North', *International Journal of Drug Policy*, 20, 251–260.
13. Pilkington, H., Omel'chenko, E., Flynn, M., Bliudina, U., and Starkova, E. (2002).
14. *Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures* (University Park Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press).
15. Pilkington, H., Omel'chenko, E. and Garifzianova, A. (2010) *Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives* (London and New York: Routledge).
16. Savage, J. (1991) *England's Dreaming: Sex Pistols and Punk Rock* (London: Faber and Faber).
17. Shields, R. (1991) *Places on the Margin: Alternative Geographies of Modernity* (London and New York: Routledge).
18. Steinholt, Y. (2005) *Rock in The Reservation: Songs from the Leningrad Rock Club 1981–1986* (Bergen and NY: The Mass Media Music Scholars' Press).
19. Steinholt, Y. (2012) 'Siberian Punk Shall Emerge Here: Egor Letov and Grazhdanskaia Oborona', *Popular Music*, 31(3), 401–415.
20. Stephenson, S. (2012) 'The Violent Practices of Youth Territorial Groups in Moscow', *Europe-Asia Studies*, 64(1), 69–90.
21. Straw, W. (1991) 'Systems of Articulation, Logics of Change: Communities and Scenes in Popular Music', *Cultural Studies*, 5(3), 368–388.
22. Thompson, S. (2004) *Punk Productions: Unfinished Business* (Albany NY: State University of New York Press).

СТАЛИНСКИЕ «КРАСНЫЕ ЛЕСА»

Стивен Брейн

Профессор Департамента истории Университета Миссисипи, США

Аннотация: Советский Союз времен правления Сталина, в дополнение ко всем его другим необычным характеристикам, продемонстрировал и свой собственный вариант защиты окружающей

среды. В то время как большинство движений по защите окружающей среды были сосредоточены на красоте природы или здоровье населения, правительство Сталина защищало леса по причинам, связанным с развитием индустриализации. Придерживаясь убеждения, что истребление лесов изменит гидрологию, правительство Сталина создало самый большой в мире лесной заповедник, несмотря на непрерывающиеся протесты лесодобывающих ведомств. Лесные заповедные зоны были расположены вдоль крупных рек Российской глубинки, и с 1929 года до смерти Сталина в 1953 году, постоянно расширялись и укреплялись. Только после его смерти управление охраняемыми лесами было передано из министерства, специально созданного для охраны лесов, обратно в руки лесозаготовительных ведомств.

Ключевые слова: Советский Союз, сталинист, лес, охрана окружающей среды.

STALIN'S "RED FORESTS"

Stephen Brain

Abstract: Stalin's Soviet Union, in addition to all its other unusual characteristics, also featured its own distinct version of environmental protection. Whereas most environmental movements focus on natural beauty or public health, Stalin's government protected forests for industrial reasons. Convinced that deforestation altered Russian hydrology, Stalin's government created the world's largest forest preserve, despite the repeated protests of the logging bureaus. The protected forests were located along the major rivers of the Russian heartland, and from 1929 until Stalin's death in 1953, were continually enlarged and strengthened. Only after his death was control of the protected forests removed from a special agency created for forest protection and returned to the logging bureaus.

Keywords: Soviet Union, Stalinist, Forest, Environmentalism.

Некоторые западные ученые полагают, что сталинизм был чем-то больше, чем просто система правил, чем-то гораздо грандиозней: новый вид цивилизации с собственными уникальными моральными ценностями, эстетическими нормами и социальными стандартами [1]. Если это так, то нам не следует удивляться, что сталинизм обладал и своей собственной разновидностью защиты окружающей среды. В Европе и Соединенных Штатах экологи развивали защиту природы для сохранения романтического ореола дикой природы, развития туризма или охраны здоровья населения. Каждый из этих подходов имел своих приверженцев и в Советском Союзе в то или иное время, но самая успешная природоохранная программа в сталинскую эпоху произошла по другой побудительной причине. На всем протяжении пребывания у власти Сталин поддерживал защиту лесов, чтобы сохранить водный режим центральной части России, движимый убеждением, что устойчивая и быстрая индустриализация была возможна на устойчивом гидрологическом основании. В отличие от своих западных коллег, сталинская охрана окружающей среды ценит природу не за ее красоту, а за ее способность содействовать экономическому росту.

В течение десяти лет до консолидации власти Сталиным в 1929 году два государственных органа, представляющих два очень разных подхода к управлению лесами, соперничали за контроль над российскими лесами. Верховный Совет Народного Хозяйства (ВСНХ), ответственный за заготовку и переработку древесины, стремился получить больший доступ к лесным угодьям, в то время как Народный комиссариат земельного хозяйства (Наркомзем), ответственный за культивацию лесов, ратовал за их сохранение. Журнал «Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо», рупор ВСНХ по вопросам лесного хозяйства, часто давал волю такой точке зрения, выражая опасение, что советское лесное хозяйство отстает от остальной Европы и особенно Германии:

Пережитки царской практики блокируют путь к прогрессу в лесном хозяйстве ... и с точки зрения новых течений в Германии, современное управление лесами в России характеризуется устаревшими понятиями, технической отсталостью, косностью и шаблонным качеством, которое отстает от новых немецких идей по лесному хозяйству [2].

Вместо этого ВСНХ хотел, чтобы «устроители лесного хозяйства, грубо говоря, работали как купцы», а так же и инструкции по организации лесного хозяйства санкционировали бы вывоз древесины в объеме, запрашиваемом ВСНХ, независимо от состояния леса или академических расчетов [3]. Только управление, основанное на требованиях, - заявляли представители ВСНХ, обеспечит «тесное взаимодействие между управлением лесным хозяйством и лесоперерабатывающей промышленностью» [4].

Почти на протяжении всех 1920-х годов требования ВСНХ придать управлению более энергичное направление имели мало успеха, что, очевидно, было заблокировано политиками и отделами, приближенными Сталину. В 1926 году, например, ВСНХ запросил Народный комиссариат рабочих и крестьянских инспекций (Рабкрин) расследовать деятельность Наркомзема за последние годы в надежде, что инспекция может вынудить Наркомзем принять увеличенные квоты [5]. Рабкрин заявил, что требования ВСНХ «приведут к уничтожению лесов», и, отметив, что подобного рода петиции рассматривались и отвергались много раз, Рабкрин принял позицию Наркомзема [6]. Когда Рабкрин вернулся к рассмотрению этого вопроса в октябре 1928 года, после принятия первого пятилетнего плана, его презрительное отношение к ВСНХ только усилилось. И несмотря на то что ВСНХ снова ворчал, что

его наделы слишком малы, Рабкрин перечислил различные недостатки, которые ВСНХ должен устранить, настаивая на том, что помимо прочего, агентство должно привлечь более высокообразованных работников, использовать более продолжительный рабочий день и расчищать отведенные им участки более тщательно [7].

Поддержка Рабкрином охраны природы имеет особое значение из-за связи инспекции с самой верхушкой советской власти и Сталиным. Е.А. Риз утверждал, что Рабкрин обладает значительным влиянием из-за его связей с элитой правящей партии: «задуманный как страж партии, ... [Рабкрин] превратился в горничную секретариата в услужении правящему триумvirату» Сталина, Зиновьева и Каменева [8]. Руководители Рабкрина, Валериан Куйбышев и Серго Орджоникидзе, были близкими союзниками Сталина, а также в будущем стали членами Политбюро.

Несмотря на многочисленные победы в 1920-е годы, фортуна отвернулась от Наркомзема в 1929 году, когда поступили отчеты по лесозаготовительному сезону пятилетнего плана. Контрольные цифры показали, что на 1-е января было достигнуто только 17,3% ежегодных целевых показателей, а к 15 марта, концу периода лесозаготовки, этот показатель достиг только 48,7% [9]. Партия наконец-то обратила внимание на протесты ВСНХ 12 июля 1929 года, когда акт центрального правительства разделил леса на три категории (интенсивные зоны, экстенсивные зоны и заповедные зоны) и передал почти все их в ведение ВСНХ [10]. Совнарком возложил на ВСНХ ответственность по «защите лесов, лесоустройству и амелиорации, работам по расчистке старых лесозаготовительных участков, работе по уходу и регенерации лесов, а также составлению планов лесопользования и определения ежегодной вырубке и долгосрочной аренде», которая продолжалась вплоть до 1989 года [11]. Все законодательные акты 1924 года, касающиеся управления лесным хозяйством страны, были отменены инструкциями по лесопользованию 1926 года [12]. К концу 1931 года ВСНХ контролировал все аспекты лесопользования в Советском Союзе и быстро приступил к программе увеличения лесозаготовок; начиная с 1930 года заготовка древесины показала годовой рост в Ленинградской области на 47%, в западных областях на 125%, в Московской области на 129%, а в Иваново-Вознесенской области на 104% [13].

Ученые, занимающиеся изучением лесов, протестовали, но по причине того, что политическая атмосфера мешала фронтальному наступлению на ВСНХ, сторонники сохранения лесов приняли окольный подход и подчеркнули важность лесного хозяйства для индустриального развития страны. Вместо того чтобы обратить внимание на угрозу самим лесам, сторонники охраны природы начали подчеркивать гидрологическое значение лесных угодий, предупреждая, что государственные проекты по сооружению каналов и плотин могут потерпеть неудачу, если вырубка лесов продолжится. Глава Наркомзема А.И. Шульц впервые забил тревогу в 1929 году, когда он предупредил Госплан, что «главная водная артерия на Украине – Днепр, и если вдруг администрация лесного хозяйства решит в порыве революционного энтузиазма уменьшить количество лесов вдоль бассейна Днепра, это может привести даже к аварии на Днепрострое. Ведь именно лес регулирует водный режим региона» [14]. Призывы к бережной лесозаготовке вблизи водоемов нашли отклик во всех правительственных структурах, сначала в Московском городском Совете, который летом 1930 года опубликовал декрет, запрещающий сплошные рубки в лесах, расположенных в бассейнах рек Москва, Истра и Руза [15]. Тем не менее эта локальная мера, как утверждалось в одной из статей, опубликованных в «Лесном специалисте», никуда не приводила: «Хотя указ применяется только к лесам около Москвы-реки, разве нам не нужны аналогичные инструкции также и для Волги? Навигация по Оке была закрыта в течение многих лет, и Днепр, и Дон являются несудоходными почти на треть их протяженности как следствие разрушения лесов» [16].

Именно в этот решающий момент Сталин использовал свое личное влияние. Он лично инициировал законодательство, основанное на убеждении, что гидрологии России требуется охрана лесов. Партийные архивы показывают, что 30 мая 1931 года Сталин задал тему для обсуждения «О порядке заготовки древесины», требуя от Совнаркома подготовить «в месячный срок проект закона об абсолютном запрете лесозаготовки в некоторых регионах с тем, чтобы сохранить воду в других регионах» [17]. 15 июля Совнарком представил свой законопроект в Политбюро, и к концу июля 1931 года Декрет № 519, подразделяющий все леса на две зоны, лесопромышленную и лесопосадочную, вступил в действие. Километровые лесные полосы вдоль Волги, Днепра, Дона и реки Урал были закрыты для любых видов лесозаготовки. Сторонники ВСНХ с горечью отмечали, что партия предпочла «меры поддержки в лесопосадочных зонах, которые основываются на принципах стабилизации», что «подрывает дух Маркса и Энгельса, подчиняя лесную промышленность скорее природе, а не планированию. Казалось бы, не лес для человека, а человек для леса» [18]. Сторонники лесной гипериндустриализации оказались в странной ситуации: они были яркими сторонниками государственных интересов, имея в своем распоряжении идеологическое и риторическое преимущество в борьбе против сторонников сохранения лесов, и все же закон о защите леса остался в силе.

Руководство партии предпочло не обращать внимания на протесты ВСНХ и вместо этого усилило защиту лесов, в дальнейшем значительно расширив лесозащитные зоны, и при непосредственном участии Сталина создало новую мощную администрацию для обеспечения соблюдения новых законов. В июле 1936 года было создано новое ведомство, Главное управление защиты лесов и лесоразведения (ГЛЮ), чьей единственной обязанностью была забота о земельных участках, впоследствии названных «водозащитными лесами» [19]. Запрет с возможностью уголовной

ответственности налагался на любую вырубку леса (помимо санитарной вырубки) на обширных территориях, расположенных

- а) в двадцатикилометровой зоне вдоль Днепра и двух его притоков, Дона и трех его притоков, Волги и десяти ее притоков, рек Урал и Западной Двины;
- б) в шестикилометровой зоне вдоль двух притоков Днепра, четырех притоков Дона, пяти притоков Волги, двух притоков Урала и двух притоков Оки;
- с) в четырехкилометровой зоне вдоль пяти притоков Дона, одиннадцати притоков Волги, одного притока реки Бель и одного притока реки Оки [20].

Эта площадь составила 51737000 га, или 200000 квадратных миль, – не только значительный процент (примерно треть) лесов европейской части России, но что еще более важно, она включала самые лучшие леса Европейской России; самые доступные, самые дешевые для транспортировки в населенные пункты, лучше всего увлажняемые и наиболее продуктивные [21]. Публикуя новый закон, газета «Правда» писала, что защита леса была «священным долгом всех советских граждан» [22].

Заместитель главы Наркомзема по защите лесов В.М. Соловьев докладывал на съезде работников лесного хозяйства, что «этот необыкновенный закон, товарищи, – поворотный пункт в управлении лесным хозяйством – был разработан под непосредственным руководством и при непосредственном участии самого Сталина» [23].

Советское лесоустройство стало еще более надежным (и достигло той формы, которой оно будет придерживаться до самого конца 2006 года). 23 апреля 1943 года, когда Совнарком изменил временное законодательство военного времени, позволяя увеличить лесозаготовки, и издал Указ № 430, разделив все леса на три группы, две из которых были объектом защитных мер. Первая группа включала «государственные заповедные леса, почвозащитные, полезащитные леса и леса зон отдыха, [и] леса зеленых зон вокруг промышленных предприятий и городов», в которых разрешалась только «санитарная вырубка и выборочная вырубка перестойных деревьев», а все виды сплошной вырубки были запрещены [24]. Вторая группа включала все леса Средней Азии и леса вдоль левого берега Волги; здесь разрешалась только вырубка меньшая или равная годовому приросту, «ратифицированная Совнаркомом». Леса первой и второй группы остались под контролем ГЛЮ. В третью группу вошли все остальные леса, на которые не накладывалось никаких ограничений. Со временем размер лесов первой группы вырос чрезвычайно, пока они не стали представлять собой самую большую площадь в мире, защищаемую подобным образом [25].

Охрана окружающей среды при Сталине достигла своего апогея в 1947 году с созданием Министерства управления лесным хозяйством (Минлесхоз). На протяжении всех 40-х годов советское правительство и на союзном, и на республиканском уровнях неоднократно выражало недовольство лесозаготовительными организациями и издавало суровые предупреждения о необходимости повышении эффективности. Весной 1947, после еще одного неутешительного года, Совнарком исполнил свои угрозы и упразднил Министерство лесной промышленности, передав его полномочия вновь созданному Минлесхозу. Ликвидация Минлеспрома могла бы быть простой реорганизацией, не имеющей практического значения, если бы не тот факт, что руководство нового Министерства лесного хозяйства состояло из старого природоохранного ведомства, ГЛЮ. За шесть лет, которые существовал Минлесхоз, бывшие сотрудники ГЛЮ со своими приоритетами преобладали в новой государственной структуре по управлению лесами. За эти шесть лет существования Минлесхоз подал семьдесят шесть петиций Совнаркому с просьбой о том, чтобы покрытая лесами местность обозначалась как нуждающаяся в защите территория первой группы. За один только год, согласно ежегодному отчету Минлесхоза за 1950 год, «было переведено из второй и третьей групп в первую группу 3540000 гектаров леса», что намного больше, например, чем все леса Великобритании [26].

С передачей Минлесхозом функций Министерству сельского хозяйства сохранение лесов оказалось в немилости. Численность работников, занимающихся вопросами лесопользования, в Москве снизилась с 927 до 342 в течение шести месяцев, падение составило 62%, а за последующий год численность составила 120 работников [28]. Совет Министров вернул центр тяжести промышленным ведомствам, издав закон, согласно которому, начиная с 1954 года, «пригодные для использования леса России будут выделяться местными органами управления лесным хозяйством в соответствии с экономическими планами, разработанными министерствами и ведомствами, которым нужна древесина», а не центральным министерством лесного хозяйства [29]. Представители упраздненного министерства обратились за помощью напрямую к Хрущеву, но безрезультатно. Шестьдесят пять различных министерств и ведомств управляли лесным хозяйством России, и на протяжении всего последующего советского периода управление лесным хозяйством и лесопользование были разделены, причем промышленное использование лесов никогда не теряло бразды правления. Леса, принадлежащие к первой и второй группам, сохраняли статус природоохранных зон до тех пор, пока в декабре 2006 года Путин не упразднил их, но после 1953 года мерам по защите лесов никогда больше не уделялось столько внимания. Когда Сталин ушел со сцены, уникальное направление охраны природы, которое он поддерживал, сосредоточилось на экологической целостности, служа развитию экономики, а не эстетике, и начало постепенно приходить в упадок, который продолжается и сегодня.

Список литературы

1. Stephen Kotkin, *Magnetic Mountain* (Berkeley: University of California Press, 1995).
2. “Leningradskoe Lesnoe Obshchestvo za polgoda,” *Lesnoe khoziaistvo, lesopromyshlennost' i toplivo* 21–22 (June–July 1925): 77.
3. I. Iatsenko, “O novykh osnovaniakh lesoustroistva,” *Lesnoe khoziaistvo, lesopromyshlennost' i toplivo* 13 (October 1924): 8.
4. “V leningradskom Lesnom Obshchestve,” *Lesnoe khoziaistvo, lesopromyshlennost' i toplivo* 9 (June 1924): 75.
5. «ВСХХ, - Рабкрин сообщал, - «в своих докладах этому органу пытался доказать, что Наркомзем не может удовлетворить в полном объеме потребности транспорта и лесной промышленности ... и продвигает претензию о необходимости увязки существующей системы с выполнением промышленных планов». See Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF), f. 374, op. 9, d. 162, l. 4. The industrial bureaus wanted a target of 2,487,293 cubic sazhen, and the Commissariat of Transport demanded another 755,585, but Narkomzem had only allotted 2,914,000 cubic sazhen.
6. GARF, f. 374, op. 9, d. 162, l. 7. Запросы ВСХХ были отклонены Верховным Советом 18 мая 1925 года, и 3 сентября 1925 года, Советом Народных Комиссаров в мае 1925 года, и Президиумом Исполнительного Комитета 20 июля 1925 года.
7. GARF, f. 374, op. 8, d. 1650, l. 72.
8. (8) E. A. Rees, *State Control in Soviet Russia: The Rise and Fall of the Workers' and Peasants' Inspectorate, 1920–34* (Houndsmills, England, 1987), 118.
9. B. Ende, “Khod leszagotovok,” *Lesovod* 3 (March 1929): 22.
10. RGAE, f. 5674, op. 1, d. 37, ll. 54–56.
11. RGAE, f. 5674, op. 1, d. 37, ll. 55.
12. RGAE, f. 5674, op. 1, d. 37, ll. 29–30.
13. “Sostoianie lesnoi promyshlennosti,” *Lesnoe khoziaistvo i lesnaia promyshlennost'* 85–85 (September–October 1930): 77.
14. RGAE, f. 4372, op. 27, d. 453, l. 136.
15. I. D. Golubovich, “Za ratsionalizatsiiu sposobov rubki,” *Lesnoi spetsialist* 15–18 (August–September 1930): 30. Моссовет оказался таким восприимчивым к предупреждениям, возможно, потому, что Москва подвергалась все более сильным периодическим наводнениям в начале XX века, наводнение 1926 года повысило уровень воды в Москве-реке на 25.55 футов от ее нормального уровня (RGAE, f. 9449, op. 1, d. 2069, l. 18).
16. Golubovich, “Za ratsionalizatsiiu,” 30.
17. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI), f. 17, op. 163, d. 790, l. 58.
18. E. F. Pasyukov, “Perspektivy razvitiia lesnoi promyshlennosti,” *Lesnaia pravda* 69 (25 April 1932): 3.
19. GARF, f. 5446, op. 17, d. 9, l. 141.
20. GARF, f. 5446, op. 17, d. 9, l. 142–44.
21. RGAE, f. 9449, op. 1, d. 654, ll. 23–24. В некоторых местах, заповедные леса значительно превосходили неохранные; в Белорусской республике, например, 3032000 га, из общей площади 3662000 га, являлись заповедными (*ibid.*, op. 2, d. 1, l. 13). Площадь водоохранной зоны равнялась 80% всех лесов Западной Европы.
22. “Na okhranu rek i lesov,” *Pravda*, July 4, 1936.
23. RGAE, f. 9449, op. 1, d. 1984, l. 3.
24. RGAE, f. 9466, op. 5, d. 323, ll. 1–2.
25. В течение следующих десятилетий, леса I группы будут расти, чтобы охватить 194,3 млн га, площадь размером с Мексику, или одна четвертая площади континентальной части Соединенных Штатов (Blandon, *Soviet Forest Industries*, 238). See also Charles Backman and Thomas Waggener, *Soviet Timber Resources and Utilization: An Interpretation of the 1988 National Inventory* (Seattle, 1991).
26. RGAE, f. 9466, op. 1, d. 252b, l. 3.
27. RGAE, f. 9466, “predislovie,” l. 2. Бывший заместитель министра лесного хозяйства, Василий Яковлевич Колданов, обвинил в ликвидации защитных учреждений непосредственно Хрущева и Берия (RGAE, f. 538, op. 1, d. 16, l. 104).
28. RGAE, f. 538, op. 1, d. 1, l. 212, and d. 2, ll. 14 and 260.
29. GARF, f. A-259, op. 7, d. 80, l. 2; RGAE, f. 538, op. 1, d. 75.

БИБЛИОТЕКИ МЕНЗЕЛИНСКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Р.Г. Абулханова

МАУК «Историко-краеведческий музей», г. Набережные Челны

Аннотация: Статья посвящена истории происхождения и развития публичных библиотек Мензелинского уезда в конце XIX – начале XX века. Раскрывает воспитательную роль земского совета в библиотечном деле. В статье рассматриваются основные статистические показатели публичных библиотек и анализируется их необходимость и влияние на повышение культурного уровня местного населения.

Ключевые слова: уездные, история библиотек, национальные библиотеки, публичный, бесплатная читальня, чтение, округа.

LIBRARIES OF MENZELINSKY DISTRICT IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

R.G. Abulkhanova

Abstract: The article is devoted to the history of the origin and development of the rural public libraries in Menzelinsky district in the late XIX – early XX century. It shows the educational role of the district council in librarianship. The article reviews the main statistical indicators of public libraries and analyzes their necessity and influence on the cultural awareness of the local population.

Key words: rural, history of libraries, national library, public, free reading room, the reading, the County seat.

Библиотеки в конце XIX века занимали одно из основных направлений в системе образования детского и взрослого населения. При церковно-приходских школах, училищах открывались читальни. С течением времени они получили право выдавать книги не только учащимся, но и всем желающим. Но к большому сожалению, эти небольшие библиотеки не могли удовлетворить потребности желающих читать.

Во второй половине 90-х годов XIX века начинается массовое открытие земских народных библиотек. Комитет грамотности, созданный при Императорском вольном экономическом обществе, выступил с ходатайством об учреждении бесплатных библиотек в губерниях и уездах.

К этому времени относится возникновение сети публичных библиотек и в Мензелинском уезде. В 1891 году губернское земское собрание ассигновало 1000 рублей на закупку и распространение книг по сельскому хозяйству. С этого времени начинает возникать сеть публичных библиотек.

Одной из первых (7 февраля 1893 г.) была создана бесплатная публичная библиотека в г. Мензелинске [1, с. 359]. На ее открытие были собраны деньги бывшим учителем городского училища Д.Е. Пушковым, он же поначалу выполнял и обязанности библиотекаря. За небольшой период времени значительно увеличился книжный фонд. Большую поддержку оказывало уездное земство. В 1907 году библиотека перешла в ведение уездного земства, впоследствии она стала массовым просветительским учреждением не только г. Мензелинска, но и всего уезда. В Мензелинском уезде к 1910 году земские библиотеки существовали в 11 населенных пунктах, в том числе и в Набережных Челнах [3, с.102]. Среди читателей 47% были взрослые, 53% - дети. По национальному составу: русские – 99%, татары 0,8%, 0,2% - представители других национальностей.

В Набережных Челнах бесплатная земская библиотека начала работать 1 декабря 1904 года, хотя на ее открытие уездное земство выделило деньги еще в 1899 году. Ей было присвоено имя А.С. Пушкина. Библиотека-читальня с самого открытия столкнулась с рядом проблем – не было подходящего помещения, не хватало средств на содержание, не было библиотекаря. Попечителем библиотеки был доктор К.П. Иванов. Долгое время библиотека находилась без должного надзора и к 1910 году, когда библиотеку приняла Л.Ф. Чуфаровская, жена заведующего местной больницей, оказалось, что часть книг, мебели была растеряна или испорчена. Стараниями новой попечительницы ситуация быстро изменилась. Бюджет библиотеки был увеличен до 600 руб. Кроме того, на ее нужды поступили пожертвования частных лиц, сборы от спектаклей и концертов. В архивных документах сохранился отчет Чуфаровской о деятельности Челнинской земской народной библиотеки – читальни за время с 1 ноября 1909 года по 1 сентября 1910 года. Из этого отчета становится ясно, что работа библиотеки была поставлена на достаточный уровень, велся строгий учет читателей, числа выданных книг. За этот отчетный период было приобретено 20 книг «Сборник знания», 10 книг сочинений А. Островского, 13 книг сочинений А. Чехова, и детских книг 191 экземпляр [2, с. 100]. Были также выписаны периодические издания: газет 9 экземпляров, из них 2 на татарском языке, 7 еженедельных журналов, 2 детских журнала и на татарском языке 1 еженедельный журнал и 2 ежемесячных. Надо отметить, что литература, представленная в библиотеке, была достаточно разнообразного содержания. Здесь были художественные книги,

общенаучные, философские, исторические и т. д.

Выделялась библиотека среди других большим выбором детской литературы (200 экз.). Соответственно и контингент читателей был самым разнообразным. Учет посетителей велся по национальному признаку, по сословию, по образованию и вероисповеданию. Так, например, в 1910 году среди читателей было зарегистрировано 464 русских, 11 татар и прочих национальностей. По сословию 407 человек из крестьян, 50 мещан, 6 купцов торговцев, 10 – духовных и 2 дворянина.

Годовой оклад библиотекаря был 180 рублей, и по этой причине было очень трудно найти образованного и ответственного сотрудника. Поэтому в первые годы существования библиотек в уезде работа шла с большими трудностями. В 1913 году библиотечная сеть была передана в ведение губернского земства. Годовое жалование заведующих библиотеками было увеличено до 480 руб. В том же 1913 г. ряд библиотек, например, в Челнах, Заинске, Шугане, Акташе был преобразован в разряд районных библиотек. Кроме того, открылась библиотека для нерусского населения в дер. Мастеевой.

В отчетах, предоставленных в 1914 году, приводится классификация библиотек по категориям. К этому периоду в Мензелинском уезде насчитывалось 8 районных библиотек, 4 библиотеки повышенного типа, 11 низших библиотек. Кстати, по низшим библиотекам нет достоверных сведений о времени основания, и на какие средства они были открыты.

В 1914 году в Набережночелнинской библиотеке работает Катаев Артем Ильич с окладом 40 рублей в месяц. В районных библиотеках оклад был установлен в 15 рублей в месяц. Губернское земство организовало двухнедельные курсы по подготовке кадров для работы в библиотеках.

Подводя итог сказанному, необходимо подчеркнуть, что развитию библиотек в Мензелинском уезде содействовали как внутренние, так и внешние позитивные факторы, прежде всего, развитие экономики. Уезд был значимым регионом в торговле с соседними уездами губернии. Здесь были сосредоточены людские ресурсы, близость оживленных торговых путей способствовала миграционным процессам, что содействовало обмену информацией и динамике развития культуры.

К факторам, которые тормозили развитие читательской культуры в уезде и в городе, надо отнести низкую общую грамотность населения, слабую материальную базу библиотек.

К сожалению, невозможно полностью проследить историю этих учреждений, т.к. документов, относящихся к становлению и развитию библиотечного дела в Мензелинском уезде, сохранилось в недостаточном количестве.

Список литературы

1. Ермаков В.В. Обращение к истокам: История Набережных Челнов и региона Восточного Закамья. – Казань, 2008. – 468 с.
2. Ермаков В.В. Вехи челнинской истории: сборник документов по истории Набережных Челнов. – Набережные Челны, КамПИ, 1998. – 125 с.
3. Лапочкин В.Ф. История Прикамья: о населении бывшего Мензелинского уезда и города Набережные Челны. – Набережные Челны, 1974. – 168 с.

ЖИВОПИСЬ ЯРОСЛАВЛЯ XVII В. В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ИСКУССТВА ОТ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

С.С. Акимов

г. Нижний Новгород

Аннотация: В XVII в. Ярославль стал одним из ведущих центров художественной культуры страны. Интенсивное храмовое строительство повлекло за собой блестящий расцвет монументальной живописи и иконописи, в городе работали многочисленные местные и приезжие мастера. В статье подчеркивается новаторский характер ярославской живописи как явления, отмечающего переход от средневековой традиции к художественной системе Нового времени с характерным возрастанием индивидуально-авторского начала, вниманием к жизненной конкретности деталей, повествовательностью, высокой декоративностью церковных фресковых ансамблей. При всех различиях ярославская живопись второй половины XVII в. может быть сопоставлена по своему стадийному значению с итальянским Проторенессансом и началом Раннего Возрождения.

Ключевые слова: XVII столетие, Ярославль, художественная система, фреска, иконопись, позднее Средневековье, Новое время.

THE PAINTING OF THE 17TH CENTURY Yaroslavl IN THE CONTEXT OF CHANGES OF THE ARTISTIC SYSTEM IN RUSSIAN ART FROM THE LATE MIDDLE AGES TO THE MODERN EPOCH

S.S. Akimov

Abstract: Yaroslavl was one of the most important centers of Russian art in the 17th century. Intensive temple building entailed the brilliant flourishing of fresco and icon-painting, numerous local masters and painters on tour worked in the city. The innovatory character of Yaroslavl painting is emphasized in this article. It was the phenomenon marked the transition from medieval tradition to the artistic system of European modern time with such traits as growth of the role of artist's creative individuality, attention to the concrete real details, narrative character of image, and decorative stylistics of fresco ensembles in churches. For the many distinctions Yaroslavl painting of the second half of the 17th century in its historical sense and phasic importance in development of Russian art may be compare with Italian Proto-Renaissance and the beginning of the Early Renaissance.

Key words: the 17th century, Yaroslavl, artistic system, fresco, icon-painting, the Late Middle Ages, the Modern Epoch.

Художественная культура российской провинции второй половины XVIII – середины XIX в. представляла собой целостную, динамичную, обладающую комплексом идейно-эстетических и стилистических особенностей систему, одним из важнейших элементов которой было изобразительное искусство. Своеобразие станковой и монументальной живописи как светской, так отчасти и религиозной во многом было определено взаимодействием творчески освоенной русским искусством в XVIII в. западноевропейской художественной системы и древнерусских традиций.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX столетия самобытное и яркое развитие изобразительное искусство получило в городах и дворянских усадьбах Верхнего и Нижегородского Поволжья. В Ярославле и Ярославской губернии сложилась и активно развивалась локальная школа светского искусства. С другой стороны, многие наблюдаемые на этой территории процессы и явления специфичны в целом для провинциальной культуры. При этом художественное наследие Ярославля предшествующего периода – XVII столетия дает богатейший материал для того, чтобы проследить на уровне изменений образного мышления и стилистики процесс перехода русского искусства Позднего Средневековья к западноевропейской художественной системе.

Художественные традиции Ярославля восходят к периоду существования удельного Ярославского княжества (XIII–XIV вв.) и, вопреки драматическим коллизиям средневековой истории города, никогда не прерывались и не угасали. Уже древнейший период существования местной иконописи отмечен такими классическими для всей древнерусской культуры произведениями, как «Богоматерь Оранта – Великая Панагия» (начало XIII в., Государственная Третьяковская галерея) и «явленная» икона Богоматери Толгской (около 1314 г., Ярославский художественный музей (ЯХМ)). Первая из этих икон, известная под именем «Ярославской Оранты», по величавой торжественности образа, монументальности и чистоте выразительного языка является одной из вершин живописи домонгольского времени. «Богоматерь Толгская» «по силе эмоционального воздействия, глубокому трагизму образов и необыкновенной артистической свободе живописи... может быть по праву отнесена к числу шедевров искусства XIV в.» [4, с.14]. О чрезвычайно высоком уровне местной культуры украшения рукописной книги свидетельствует Федоровское Евангелие, датируемое первой половиной XIV в. (Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник (ЯИАМЗ)).

С XVI в. творчество ярославских мастеров развивается в общем русле отечественной культуры. Во второй половине века возникают тенденции, предвосхитившие специфику местной живописи следующего столетия. В этом плане показательная икона «Ярославские князья Федор, Давид и Константин в житии» (конец XVI в., ЯИАМЗ), композиция которой насыщена бытовыми подробностями и представляет собой изобразительный рассказ. Типичными в XVII в. станут и отдельные приемы, появившиеся в данном произведении: большое количество клейм с измельченным дробным изображением, обильное использование орнаментов, архитектурные формы фонов, заимствованные с европейских гравюр. (Ярославцы раньше художников других городов получили возможность познакомиться с западноевропейской печатной графикой, т.к. город играл важную роль в контактах с Европой после открытия англичанами пути с Белого моря в Москву. В 1553 г. в Ярославле была открыта английская фактория).

Расцвет художественной культуры Ярославля приходится на вторую половину XVII в. Широкомасштабное церковное строительство по заказам прихожан и отдельных купеческих семей (на протяжении столетия было возведено около 40 храмов «в воспоминание вечных благ и в вечный поминок рода своего» [4, с. 31]) повлекло за собой взлет монументальной живописи, а большой объем живописных работ требовал привлечения иногородних мастеров. Здесь работали артели костромских художников-монументалистов под руководством Гурия Никитина и Силы Савина, иконописцы Федор Зубов из Великого Устюга (дальнейшая его деятельность связана с московской Оружейной палатой) и

Семен Спиридонов из Холмогор, чья виртуозная узорочно-декоративная манера получила в городе особое признание. В результате Ярославль стал крупнейшим после Москвы центром притяжения художественных сил, искусство которого, создаваемое творческим сотрудничеством местных и приезжих мастеров, выдвинулось в ряд наиболее передовых явлений отечественной культуры XVII в.

К числу выдающихся памятников фресковой живописи XVII в. относятся ансамбли росписей ярославских церквей Ильи Пророка (выполнены в 1680-1681 гг. костромичами Г. Никитиным и С. Савиным и местными художниками во главе с Дм. Семеновым) и Иоанна Предтечи в Толчковской слободе (1694-1695, Дмитрий Плеханов с артелью), а также росписи храмов и палат митрополичьей резиденции в Ростове, созданные в 1670-1683 гг. большим коллективом мастеров из различных городов. В совершенной по мастерству художественной форме названные произведения воплотили глубокие изменения, происходившие в церковном искусстве: необычайное расширение круга сюжетов, насыщение религиозных образов жизненно-бытовой конкретикой, усиление интереса к пейзажно-архитектурной среде действия, красочная, праздничная по настроению декоративность фрескового ансамбля.

Ярославские фрески, возникшие в русле посадской культуры, неоднократно привлекались в качестве наиболее весомого аргумента для подтверждения концепции «обмирщения» русского искусства в XVII столетии. Данная теория начала складываться в XI в. и стала общепринятой в науке советского периода, причем ее разделяли и представители православного направления (Л.А. Успенский). Концепция обмирщения была впервые подвергнута сомнению А.М. Панченко, вслед за ним с критикой ее выступили исследователи 1990-2000-х гг. И.Л. Бусевой-Давыдовой [3, с. 9-10, 24-31] в противовес этой теории была детально разработана идея оцерковления в рассматриваемый период всех сторон жизни общества и человека, усиления религиозного пафоса искусства. В качестве факторов усиления религиозной направленности искусства XVII в. исследователь называет становление человеческой личности, отделившейся от коллектива и ищущей опору в Боге, и церковный раскол, акцентировавший внимание общества на сугубо конфессиональных проблемах. Не вдаваясь в существо вопроса, мы хотели бы подчеркнуть, что если это и так, то перед нами новый, особый тип глубоко индивидуальной религиозности. Этот тип, без сомнения, вел к разрыву со средневековыми традициями. В искусстве рассматриваемого региона ярчайшим примером является замена в ростовских митрополичьих храмах традиционных иконостасов фресковыми, написанными на восточных стенах. «Столь нестандартное решение могло появиться только в переломный период, когда радикальный отказ от традиций приближал художника к творческому открытию» [6, с. 381-382]. Рост индивидуальности и творческой самостоятельности художника, смелость экспериментов неизбежно вели к утверждению в русском искусстве европейской художественной системы.

Необходимо отметить, что в образную систему ярославской монументальной живописи в 1670-1690-х гг. решительно вторгается чувственно-конкретное, обращенное к жизненной реальности и эмоционально окрашенное мировосприятие, соседствующее с отвлеченно-догматическим началом, но уже значительно его потеснившее. Так, во фресковом ансамбле храма Иоанна Предтечи в Толчкове росписи алтарной части – 18 композиций, с исключительной подробностью толкующих литургию, – продолжают традиции сложной аллегорической церковной живописи, а в стенописи молельного зала и галереи сюжеты священной истории представлены в наглядных, жизненно-полнокровных образах. Достаточно указать, что в сцене «Вирсавия в купальне» впервые в отечественном искусстве появляется изображение обнаженной натуры, трактованной без религиозного аскетизма. Бытовые мотивы, отражающие реалии русской жизни, органично введены в росписи церкви Ильи Пророка, например, поэтичная и точная в деталях сцена жатвы из цикла деяний пророка Елисея.

Примечательно, что аналогичными чертами отмечена станковая живопись Ярославля второй половины XVII в. В качестве примеров назовем иконы «Богородица Толгская» (1655, ЯХМ), клейма которой содержат эпизоды из истории Толгского монастыря и жизни Ярославля в дни эпидемии 1654 г., и «Сергий Радонежский в житии» (середина XVII в., ЯХМ), чей фон составляют уникальные композиции из российской истории конца XV – начала XVII в. На фоне иконы помещены сцены «Приезд Софии Палеолог на моление в Троице-Сергиев монастырь», «Взятие Казани», «Присоединение горных черемисов и постройка Свяжска», «Осада Троице-Сергиева монастыря и Москвы поляками», «Осада Опочки» [5].

Несомненно, существенную роль в трансформации художественной системы русского позднесредневекового искусства сыграла западноевропейская, прежде всего, нидерландская и немецкая печатная графика, служившая русским мастерам в качестве композиционно-иконографического источника. Под воздействием западной гравюры происходит расширение круга сюжетов монументальной живописи и, реже, иконописи; предметом заимствования выступали сюжетно-композиционные схемы, отдельные мотивы иконографии, детали антуража, ландшафта, архитектурной среды, орнаментики; наконец, изографы получили возможность изучить новые для них приемы построения пространства и формы. Не приуменьшая роли западного влияния, необходимо помнить, что этот процесс носил характер творческого диалога разных национально-конфессиональных традиций и типов образно-художественного претворения – западноевропейские открытия адаптировались к национальной традиции на смысловом и композиционно-стилистическом уровнях [1].

Таким образом, во второй половине XVII столетия изобразительное искусство Ярославля

пережило блестящий взлет, во многих своих творческих исканиях находясь в авангарде художественно-исторического процесса. Это означало также, что сложились предпосылки и условия для успешного освоения ярославскими мастерами европейской художественной системы и активного развития в городе светского искусства, зарождающегося здесь в середине XVIII в. Интерес к реалиям окружающего мира, стремление показать его истинную красоту, отход от нарочитого богословского догматизма стадильно сближают, по нашему мнению, ярославские фрески с искусством Проторенессанса и Раннего Возрождения в Италии, когда «открытие мира и человека» отнюдь не означало иссякание религиозного чувства. Уместно вспомнить, что в итальянском ренессансном искусстве до зрелой флорентийской школы XV в. образно-стилистические изменения нередко протекали более активно и с более радикальными результатами, чем в сфере алтарной картины. Достаточно сравнить фрески Джотто с его же «Мадонной на троне» из Галереи Уффици. Стенописи, не предназначенные для молитвенного предствояния, не являющиеся в отличие от иконы или европейской алтарной картины предметом культа, давали мастерам большую свободу поисков. Подобно итальянскому Проторенессансу ярославская живопись XVII в. одновременно выступает как связующее звено между большими культурно-историческими эпохами и как яркое и уникальное художественное явление, продемонстрировавшее многообразные творческие искания отечественного позднесредневекового искусства.

Список литературы

1. Акимов С.С. К вопросу о роли западноевропейской печатной графики в развитии художественной культуры российской провинции XVIII – середины XIX в. // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. X Международная научно-практич. конф. – М., 2013. – С. 21–27.
2. Брюсова В.Г. Фрески Ярославля XVII - начала XVIII в. – М., 1983.
3. Давыдова И.Л. Россия XVII века: культура и искусство в эпоху перемен. Автореферат дисс... доктора искусствоведения. – М., НИИ РАО, 2005.
4. Масленицин С.И. Ярославская иконопись. – М., 1973.
5. Филатов В.В. Икона с изображением сюжетов из истории Русского государства // Труды Отдела древнерусской литературы. Вып. XXII. – М.-Л., 1966. – С. 277-293.
6. Черный В.Д. Искусство средневековой Руси. – М., 1997.

КНИЖНЫЙ МИР РОССИЙСКОГО ШКОЛЬНИКА XIX ВЕКА

Н.А. Арчбасова

ВолГУ, г. Волгоград

Аннотация: Российские школьники XIX века могли получать знания из двух основных источников – от учителя и из учебных книг. Широко использовалась практика награждения учащихся книгами за хорошие успехи и примерное поведение. Постепенно формировались коллекции православной, учебной, нравоучительной и общеобразовательной литературы в школьных и публичных библиотеках. Учащиеся средних учебных заведений были в них самыми активными читателями во второй половине века. Это стало одним из важных факторов становления системы массового образования в России.

Ключевые слова: книга, школа, учащиеся, образование, православная литература, XIX век, Россия.

BOOK WORLD OF THE RUSSIAN SCHOOL STUDENT OF THE XIX CENTURY

N.A. Archebasova

Abstract: In the 19th century Russian schoolchildren could gain knowledge from two main sources the teacher and books. The widely used practice of rewarding pupils for good successes the books. Gradually the collections were formed by Orthodox, moralizing and educational literature in school and public libraries. In the second half of the 19th century students of secondary schools have been the most active readers. It was an important factor in the formation of mass education in Russia.

Keywords: book, school, schoolchildren, education, Orthodox literature, 19th century, Russia.

Понятие «школа» («училище») для россиян XIX века характеризовало разные виды учебных заведений начального и среднего уровней: церковно-приходская школа, народное училище, школа грамоты, уездное училище и пр. Типологическая характеристика только начальных из них насчитывает до 60 разных наименований, которые работали одновременно или последовательно на протяжении столетия [1]. Максимальное видовое разнообразие школ приходится на период 50-70-х гг. XIX века в связи с усилением государственного и общественного внимания к становлению системы массового

образования в России. Далее наблюдается тенденция к унификации данных учреждений.

В начальных школах учились дети, подростки и молодежь в возрасте от 5 до 21 года, в средних, преимущественно – от 10 до 18 лет. Такая возрастная дифференциация была связана с особенностями процессов социализации разных сословий Российской империи [3, с. 269-311]. Школьники могли получать знания из двух основных источников – от учителя (ранее называли наставником) и из учебных книг. Косвенное влияние оказывало общение с грамотными людьми в своем ближайшем окружении (родители и другие родственники; гувернантки и домашние учителя; приходские священники и монахи; отставные солдаты и казаки; немецкие колонисты, разночинцы и пр.).

При первоначальном обучении грамоте использовали метод механического заучивания текстов книг или информации на слух сразу на двух языках – русском гражданской печати и старославянском. До сих пор мы вспоминаем притчу «знать как Отче Наш». Это мало способствовало расширению круга чтения до уровня увлечения дополнительной (внеучебной) литературой. Приходские священники в середине XIX века отмечали, что «многие из крестьянских мальчиков через год–два забывают то, чему учились в школе и даже разучиваются читать, потому что, по выходе из школы, ничего не читают» [15, с. 64].

Чтение книг для большинства россиян XIX века не являлось привычной жизненной практикой, а регулярное обращение к ним было характерно только для учащихся. Даже у привилегированного дворянства потребность в получении важной информации не обязательно была связана с процессом собственного ознакомительного чтения. Помните из школьной программы по литературе XVIII – начала XIX веков, у Д. Фонвизина в «Недоросле» госпожа Простакова заявляет: «Я, благодаря бога, не так воспитана. Я могу письма получать, а читать их всегда велю другому». У А.С. Грибоедова в «Горе от ума» Фамусов заставляет грамотного слугу: «Петрушка <...> достань-ка календарь; Читай не так, как пономарь, А с чувством, с толком, с расстановкой». В последнем примере речь идет о ежегодном справочном издании. Содержания такого календаря вполне хватало некоторым помещикам на целый год обсуждений и повторений. Покупать книги считалось даже для них непозволительной роскошью или чудачеством.

Потребность в чтении разнообразной литературы у провинциальных россиян постепенно развивалась, но покупка книг оставалась дорогим и сложным делом до последней четверти века: нужно было делать письменный заказ в одно из столичных издательств, оплачивать транспортные расходы, долго ждать. Даже специальная государственная программа издания доступной для народа печатной продукции не соответствовала финансовым возможностям сельских грамотеев. Например, в 1863 г. Министерство государственных имуществ (МГИ) начало издание и распространение газеты «Народные ведомости» стоимостью 3 рубля серебром за 156 номеров в год. Однако крестьяне практически отказывались покупать ее, не видя необходимости в таких значительных затратах [13, л. 14-14об.]. Это равнялось, например, стоимости матраца, кушетки, подушки и одеяла вместе взятых, или жалованию кухарки за два месяца. Совсем другое дело обстояло с желанием грамотных людей получить доступ к бесплатному или дешевому чтению.

Святейший Синод активно распространял для библиотек при церквях и учебных заведениях часословы, псалтыри, молитвенники, жития святых, начатки христианского учения и пр. христианскую религиозную адаптированную к уровню знаний и возрасту бесплатную для читателей литературу. Постепенно формировались небольшие нравоучительные и полезные собрания произведений, которые комплектовались исключительно из книг и периодических изданий, «а) допущенных Ученым комитетом Министерства народного просвещения (или Ученым советом при Святейшем Синоде) в ученические библиотеки средних и низших учебных заведений, а равно признанных заслуживающими внимания при пополнении народных читален и библиотек, а также для народных чтений» [9, с. 4-7; 8, с. 10-11]. Поэтому список литературы, полученной, например, одной из сельских земско-общественных (преимущественно светских по предметам обучения) школ в 1874 г. мало чем отличался от списка литературы церковно-приходских училищ. Он состоял из следующих изданий: священных историй Ветхого и Нового заветов; Козырев «Священная история Ветхого Завета»; Тягунов «Святая Русь»; жития святых, молитвенники; начальное наставление для православной школы; «Как и чему учил Петр народ свой»; «О Петре Великом»; каталоги книг для народных училищ на 1872, 1876 гг.; Ушинский «Родное Слово» 1 и 2 годы обучения; руководство к преподаванию по «Родному слову»; Максимова «Друг детей»; Савельев «Надежные руки против пьянства» [10, л. 1, 6].

Существенную роль в распространении через учебные заведения дешевой литературы сыграл Комитет грамотности при Вольном экономическом обществе. В первой половине 60-х годов им было разослано бесплатно 93 тысяч книг, за плату – более 44 тысяч [14, с. 205]. Можно утверждать, что действия Комитета грамотности во второй половине XIX века помогли уездным земствам в устройстве книжных складов дешевых книг при управах и школах и учитывали развивающиеся интересы грамотных жителей.

Кроме того учащиеся могли получить из школьных библиотек (там, где они были, и в зависимости от объема книжного фонда) для учебных занятий и общего развивающего чтения азбуки, буквари, арифметики, прописи. В форме привычных обществу фраз из священнических проповедей происходила социальная адаптация учащихся, формирование представления об окружающем мире и

православной культуре; давались готовые рекомендации по восприятию типовых житейских ситуаций. Так, примерами для изучения падежей в двух разных учебниках по русской грамматике, опубликованных в 20-х гг. XIX века являлись следующие высказывания: именительный падеж – «Кто управляет всем миром? Бог» /«Кто создал свет? Бог»; родительный – «Чей закон спасителен? Иисуса Христа» /«Для кого не должно беречь жизни? Для Государя и Отечества»; дательный – «Кому должны мы подражать? Добродетельным» /«Кому учиться должно? Детям» и пр. [4, с. 20-21].

Тексты азбук адаптировались к возрасту учеников (от шестилетних малышей до взрослых) и дополнялись обращениями, призванными удерживать внимание при трудном первоначальном чтении. Например: «Боюсь Бога; почитаю родителей; повинуюсь учителю. Мне задан урок; надобно его выучить; когда выучу урок, тогда пустят погулять, мы станем играть» [12, с. 28].

Даже задачи по арифметике были написаны в виде типовых сцен из народного быта и знакомят с важнейшими данными из истории и географии страны. Вот несколько примеров: А. «Санкт-Петербург основан Императором Петром Великим в 1703 году. Узнать, чрез сколько лет от нынешнего 1868 года исполнится этому событию тысячелетие?». Б. «Христианская вера начала распространяться в России в 988 году, а первые книги стали печататься у нас в 1563 году. Сколько времени прошло от введения у нас христианской веры до печатания первых книг?». В. «Самая большая длина России с запада на восток 14500 верст, а самая большая ширина ее с севера на юг 4900 верст. На сколько верст длина превышает ширину?». Г. «В Санкт-Петербурге в 1862 году было 586293 жителя, а в Москве 377838. На сколько в Петербурге было больше жителей?» [16].

Педагогические и детские журналы стали доступными изданиями только благодаря публичным библиотекам и только когда финансирование библиотек стало обязательной статьей расходов сельских и городских органов самоуправления в ходе Великих реформ Александра II. Но и к 1914 г. из 76 тысяч всех библиотек России 78% составляли библиотеки средних и начальных учебных заведений [7], а остальные предоставляли широкие финансовые льготы вплоть до бесплатного обслуживания учащейся молодежи. Так, по правилам Царицынской городской библиотеки, открытой в 1895 г., была установлена плата для ежемесячных абонентов за чтение на дому – 15 коп., в библиотеке – 3 коп. Для служащих городского общественного управления и учащихся городских начальных школ пользование библиотекой было бесплатным [17, с. 1136].

Одним из способов получения школьниками книги в подарок была хорошая учеба и примерное поведение. Такие награды при переводе из класса в класс и по окончании учебного заведения были традиционной школьной практикой. Они оплачивались из средств Святейшего Синода, различных министерств и ведомств, земств, общественных и благотворительных капиталов, почетных попечителей и частных спонсоров. Например, МГИ в 1841 году издало и разослало в каждую сельскую школу своего подчинения по 5 экз. (всего около 1,3 тысяч экз. по 9 коп. каждый) сельского домашнего учебника, в том числе по 2 в особом переплете для раздачи в награду ученикам [6, л. 112, 113]. С 1849 г. МГИ распространило тиражом в 12 тысяч экз. сочинения Загоскина «Памятная книжка для православных христиан», из которых одна половина предназначалась для подарков, а другая – в библиотеки и для продажи крестьянам [5, л. 3]. Министерство народного просвещения (МНП) особое внимание обращало на рассылку книг для раздачи «безденежно» ученикам в период подготовки и проведения школьной реформы 60-х г. XIX века [2].

Перечень книг для чтения воспитанниц старших классов гимназий и подарков за прилежное обучение, рекомендованный ведомством императрицы Марии, включал преимущественно сочинения об окружающем мире: Гартвиг «Море и его жизнь», «Природа и мир на Крайнем Севере», «Тропический мир в очерках животной и растительной жизни», «Чудеса подземного мира» [11, л. 54-54 об.].

Таким образом, процесс детского чтения был сложным, механическим и в большей степени религиозным занятием в течение большей части XIX века. Значительная часть книг, которые читали школьники того времени – это учебная литература. Лишь к рубежу веков увеличивается роль художественной нравоучительно-воспитательной книги. Детей состоятельных высокообразованных дворян, которые имели возможность и достаточный уровень языковой подготовки, чтобы читать оригиналы зарубежных романов-приключений на иностранных языках, мы выделяем в особую категорию.

На пути к самой читающей стране мира – СССР – наряду со становлением системы массового народного образования было развитие сети публичных библиотек, организация повторительных классов для выпускников школ, открытие изб-читален и многое другое.

Список литературы

1. Арчебасова Н.А. Начальное народное образование в Царицынском уезде Саратовской губернии в 1861 – 1914 гг.: дисс. к.и.н. – Волгоград, 2000.
2. Головин А.В. Очерк действий по управлению МНП с конца 1861 по апрель 1866 г. // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. – Ф. 208. – Д. 3. – 458 л.
3. Данилевский Г. Об образовании низших классов народа в России // Отечественные записки. – 1864. – № 3. – С. 269-311.

4. Краткая Российская грамматика в вопросах и ответах, изданная Меморским к легчайшему обучению малолетнего юношества. – Орел, 1827. – С. 20-21.
5. О приобретении книг для раздачи в награды ученикам сельских приходских училищ при экзаменах. 1853-1858 // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 383. – Оп. 16. – Д. 19486. – Л. 3.
6. Об издании сельского домашнего лечебника. 1853-1860 // Там же. – Д. 19509. – Л. 112, 113.
7. Олефир С.В. Школьные библиотеки Уральского региона: исторический и социокультурный аспект. – Режим доступа: http://gublibrary.ru/lib/Konferenciya_%20chtenie/Potapova.htm (04.06.2010).
8. Определения отдела ученого комитета по начальному образованию // Журнал Министерства народного образования. – 1905. – Ч. 361. – Октябрь. – С. 10-11.
9. Определения ученого комитета Министерства народного образования // Народная школа. – 1869. – № 12. – С. 4-7.
10. Переписка со смотрителем Казанского учебного округа и уездной земской управой об обучении грамоте крестьянских детей. 1874 г. // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. И247. – Оп. 1. – Ед. хр. 43. – Л. 1, 6.
11. По предложению г. начальника губернии об открытии в Саратове женской гимназии. 1864-1867 // Там же. – Ф. 13. – Оп. 1. – Ед. хр. 5023. – Л. 54-54 об.
12. Полная российская энциклопедическая азбука, или детское учение, содержащая примеры русского чистописания, Священную историю ... – М., 1836. – С. 28.
13. Предписание чиновника особых поручений Раевского о выдаче книг наставникам училищ и частных школ Лоховской волости. 1864 // ГАВО. – Ф. 95. – Оп. 1. – Д. 105. – Л. 14-14 об.
14. Русский. – 1867. – 1 мая. – С. 205.
15. Смесь // Современник. – 1848. – Т. X. – С. 64.
16. Упрощенная арифметика. – 4-е изд., испр. и доп. – СПб., 1868. – 56 с.
17. Царицынская городская библиотека // Исторический вестник. – 1900. – Сент. (№ 9). – С. 1136.

УЧАСТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КУПЕЧЕСКОГО СОСЛОВИЯ В РАБОТЕ СИРОТСКОГО СУДА Г. СВЯЖСКА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Е.В. Афонина

к.и.н., научный сотрудник

Государственный историко-архитектурный

и художественный музей «Остров-град Свияжск», г. Казань

Аннотация: Статья об участии купцов в работе сиротского суда города Свияжска Казанской губернии и истории создания данного учреждения, в том числе о требованиях, предъявляемых к опекунам, и их обязанностях, документы, необходимые при оформлении опекуна.

Ключевые слова: Свияжск, Казанская губерния, сиротский суд, купец, опекун, опекунские имена, попечитель, магистрат.

PARTICIPATION OF REPRESENTATIVES OF MERCHANTS IN WORK OF ORPHAN COURT OF SVIYAZHISK OF THE KAZAN PROVINCE

E.V. Afonina

Abstract: The article analyzes the history of the orphan court in Sviyazhsk of the Kazan province. An essential part of this article acquaints with participation of merchants in this organization. Merchants had orphans under guardianship.

Key words: Sviyazhsk, Kazan province, orphan court, merchant, trustee, tutorial manors, magistrate.

Во время правления Екатерины II, в 1755 году, в Российской империи появилась новая городская структура - сиротский суд, учреждение, заведующее опекою над лицами городских сословий. Сиротские суды работали при каждом городском магистрате под председательством городского головы для купеческих и мещанских вдов и малолетних сирот. Кроме председателя, в состав сиротского суда входили 2 члена магистрата и городской староста. Все эти должности являлись выборными. В 1818 г. сиротскому суду предоставлена была опека над сиротами личных дворян. Сиротские суды занимались социальной поддержкой городского населения в дореволюционной России, и их деятельность была одной из форм социальной защиты населения.

В национальном архиве Республики Татарстан сохранились материалы о работе нескольких городских сиротских судов Казанской губернии: Казани, Свияжска, Спасска, Чистополя и Буинского городского суда Симбирской губернии. Особый интерес для нашего исследования представляют

постановления и протоколы заседаний Свяжского городского сиротского суда. Хронологические рамки архивных материалов практически охватывают весь период деятельности сиротских судов: так самое раннее из представленных дел датируется 1782 годом, а позднее – 1917 годом, когда сиротские суды были упразднены 24 ноября на основании Декрета о суде. В фонде также отложились разные документы делопроизводства, в том числе, отчеты и рапорты опекунов и попечителей о состоянии опекаемого ими имущества и др.

В данной статье рассматривается один из аспектов деятельности сиротского суда города Свяжска Казанской губернии – участие купцов в работе этого учреждения. В 1874 году в члены в Свяжский Сиротский суд от купцов на трехлетний срок были выбраны Андрей Егорович Торунтаев и к нему в кандидаты Василий Федорович Каменев. Среди требований, предъявляемых к кандидатам, было то, что они не состояли и не состоят под судом, вероисповедания православного и ни к каким вредным сектам не принадлежат [1, л.45].

Одной из главных задач сиротского суда было найти опекуна для детей, оставшихся без родителей. Очень часто роль опекуна возлагалась на представителей купеческого сословия. И это не случайно, так как одним из обязательных условий при выборе опекуна было наличие у него состояния. Опекун нес ответственность за материальное благополучие опекаемого сироты и его имущество и ущерб возмещал из своих доходов. За исполнение принятых обязанностей опекун получал 5 % от годового дохода с опекаемого имущества [6, с.34].

Статистика показывает, что наиболее активна деятельность сиротских судов была в городах, где купцы составляли значительную часть населения, и Свяжск был одним из таких городов. Купцы зарекомендовали себя людьми с практическим расчетом, они умели вести дела в разных сферах экономики и разбираться в делопроизводстве. Поэтому их привлекали к работе сиротского суда не только в качестве опекунов. Например, в 1840 году Казанская палата Гражданского суда поручила купеческому заседателю этой палаты Анисиму Месетникову провести ревизию отчетов Свяжского сиротского суда с приходно-расходными книгами за 1839 год по опекунству. Месетников противозаконных действий со стороны опекунов не нашел [3, л.55].

Ежегодные отчеты нам позволяют подробно рассмотреть деятельность суда. В 1840 году в ведении этого учреждения было 6 дел по опекунским имениям. И только по одному делу опекуном был купец. Часто в качестве опекуна выбирался родственник семьи, так с 1832 года опекуном девицы Пелагеи 16 лет после умершего мещанина Елизара Медведева стал мещанин Ларион Медведев. Сама Пелагея находилась на воспитании у своей матери Анны Тимофеевой.

Процентные деньги, которые опекуны выдавали в год на содержание несовершеннолетних, у большинства составляли около 4 руб. 50 коп. В два раза больше, чем остальные (35 руб. 50 коп.) на содержание и воспитание 4-х малолетних детей свяжского мещанина Лариона Медведева – Михаила (14 лет), Анны (15 лет), Александры (12 лет) и Марии (3 года), выделил их опекун мещанин Павел Федотов [4, л.19-22].

18 января 1839 года Свяжское городническое правление учредило опекунское управление над именем малолетних детей свяжского мещанина Михаила Мартюкова. Наследниками состояли сыновья Федор (8 лет), Алексей (6 лет), дочери Надежда (10 лет), Елена (3 года). Они находились на воспитании у их матери Дарьи Гурьяновой и проживали в городе Свяжске. Опекуном над именем был назначен свяжский 3 гильдии купец Гурьян Родионович Голубев. В год на содержание малолетних детей расходовалось 24 рубля 5коп. [2, л.8].

После назначения опекуна сиротским судом следующими процедурами были учет и оценка всего движимого и недвижимого имущества, для того чтобы определить величину налога на наследство и определить, на какие средства будут жить опекаемые. Для оценки имущества создавалась специальная комиссия, которая состояла из представителей сиротского суда, родственников умершего, двух свидетелей. Секретарь магистрата составлял опись имущества в двух экземплярах. Опись подписывалась опекуном, свидетелями и секретарем. Один экземпляр передавался в сиротский суд, а второй оставался у опекуна. В Национальном архиве Республики Татарстан сохранилось дело «Об опекунском управлении именем свяжского купеческого сына Михаила Мартюкова, детям его малолетним принадлежащего, ведение опекуна купца Голубева состоящего (1839-1841)». В этом деле М. Мартюков назван купеческим сыном. В данном случае опекун был назначен детям не по причине смерти, а по случаю впадения родителя их Мартюкова в чрезмерное пьянство.

Опекунские дела очень интересны, так как они предоставляют нам информацию о материальном положении купечества, характеризуют их систему ценностей, дают представление об образе жизни разных слоев населения того периода. Опись имущества состояла из перечисления вещей, их количества и их стоимости. Сначала описывалось недвижимое имущество: дом с подробным описанием его размеров и материалов, из которых он построен, и дворовые постройки, сад: «Дом деревянный соснового леса двухэтажный о 16 венцах. Крыт в застрех полубудряньем. Мерою поперешнику 3 -х а в длину 4-х сажень при нижнем и верхнем этажах из насланных тесин сеньми, и вход на верх лестницею. Холодную горницею и глухим чуланом. Пол и потолок из половых тесин о 22 венцах; во дворе светелкою о двух окнах в струбах, двумя для сеновала амбарами, а внизу поставлено каретником, конюшнею и погребом устроенные все сие под одну связь и перилами, покрыты полубудряньем в застрехи, при оных шесть

дверей имеется – ворота полотняные о трех затворах на железных петлях крючья запором и накладкою, забор с лица составляет из двух звеньев, тесового пильного леса, и все сие окрашено желтою на масле краскою, внутри двора небольшим покрытым дряньем сарай, баню с печью, и садом из растущих яблонь до 200 деревьев», затем идет описание местоположения дома: «состоящие в городе Свяжске в приходе Тихвинской церкви на большом тракте, в межах с лица улицы по правую сторону купчихи Косолаповой, а по левую сторону Казанского мещанина Степана Жемчужникова. Под сим домом земли поперешнику по улице 12, а в длину двора 16 сажень», далее внутреннее описание дома: «в верхнем этаже дома две перегородки о трех затворах, три комнаты, и все оные оклеены бумагою и подбелены мелом на клею, одна голландка, кирпичная с принадлежащим прибором печь, о пяти окнах, а внизу оного дома русская о трех окнах с рамами и ставнями с чеками железными; в холодной горнице и чуланом разделяющимися сенями в 4 х окнах с рамами и ставнями, и во всем доме исключая верхнего этажа семь дверей на железных петлях крючьях и пробоях». Этот дом был оценен в 150 рублей ассигнациями. Иконы, которые хранились на верхнем этаже дома в зале, в специально устроенном для этого кивоте, за стеклом, в описи значиться как «Из Божьего Милосердия». Всего было 15 икон разного размера в разных окладах и без них. Иконы не оценивались [2, л.10].

У купца Мартюкова было четыре деревянные лавки, две на базаре на верхней площади Свяжска оценены в 250 руб. И две на нижнем базаре, оценены в 40 руб. Из вещей дороже всего в 20 руб. были оценены 19 чугунных гирь, мелких и крупных, и мундир «сшитый золотом по черному бархату воротником, темно зеленого цвету сукна подбитый темным коленкором», в 15 руб. Все имущество было оценено в 642 рубля 20 коп. [2, л. 11]. В архиве сохранилось несколько годовых отчетов купца Голубева, по которым видно, что ему удалось сохранить имущество опекаемых.

В истории сиротских судов были случаи, когда купцы отказывались быть опекунами. Для этого были разные причины: боязнь моральной и материальной ответственности, нежелание ходить по канцеляриям, занятость своими делами, преклонный возраст и т.д. Например, в январе 1867 года свяжский 2 гильдии купец Кирьян Павлович Казанцев отказывается от опеки над имением умершего губернского секретаря Женевского: «...я нахожусь на трех службах по выборам от общества, а именно: церковным старостою Николаевской церкви, депутатом раскладочной комиссии и кандидатом гласного при земской управе и покорнейше прошу, не угодно ли будет Сиротскому суду назначить кого-нибудь другого» [5, л. 23].

В заключении хотелось бы отметить, не смотря на то, что представители купеческого сословия играли значительную роль в деятельности сиротских судов, это учреждение носило всесословный характер, решая вопросы практически всех категорий городского населения.

Список литературы

1. НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 3413. Собрание бумаг об утверждении купеческих и мещанских старост, ремесленных Голов, Председателей Сиротских судов и вообще разных приговоров 1874-1875. – 96 л.
2. НА РТ. – Ф. 113. – Оп. 1. – Д. 61. Об опекуном управлении имением Свяжского купеческого сына Михаила Мартюкова, детям его малолетним принадлежащего, введение опекуна купца Голубева состоящего. 1839-1841. – 31 л.
3. НА РТ. – Ф. 113. – Оп. 1. – Д. 62. Циркуляры и указы вышестоящих органов о доставлении сведений выморочных имений о наложении запрещения на имущества разных лиц в растрате сумм и другие. 1840. – 65 л.
4. НА РТ. – Ф. 113. – Оп. 1. – Д. 63. Указы вышестоящих органов и годовой отчет по опекунам имениям за 1840 год. – 82 л.
5. НА РТ. – Ф. 113. – Оп. 1. – Д. 87. Об опеке и оценке имуществ умерших и годовые отчеты по имениям за 1867-1870. – 118 л.
6. Киприянова Н.В. Деятельность сиротского суда г. Владимира в конце VIII –первой половине XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2010. – №1. – С. 32-41.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ТАТАРСТАНСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПРОФСОЮЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТНИКОВ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Р.Ф. Ахтариева

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы становления и развития профессиональных объединений учителей под влиянием демократических настроений в обществе в самом начале двадцатого века на территории Татарстана. Первые исторические сведения о создании профессионального союза

сохранились в делах Симбирского жандармского управления, где упоминается о проведении съезда учащихся Буинского уезда, создавшего такой союз. Приводятся примеры создания профсоюзных организаций в различных районах Татарстана.

Ключевые слова: становление, развитие, профсоюзные организации, профессиональные союзы, демократические настроения, учительство, требования, профессиональные объединения, социалистическая культура.

HISTORICAL INFORMATION ABOUT THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF TATARSTAN REPUBLICAN TRADE-UNION ORGANIZATION OF EMPLOYEES PUBLIC EDUCATION AND SCIENCE

R.F. Ahtarieva

Abstract: In the article the questions of formation and development of professional associations of teachers under the influence of democratic sentiments in the society at the beginning of the twentieth century on the territory of Tatarstan. The first historical information on the establishment of a trade Union remained in the Affairs of the Simbirsk police administration, mentions about the conduct of the Congress of teachers of Buinsky district that created such a Union. Examples of trade Union organizations in different districts of Tatarstan.

Keywords: formation, development, trade Union organizations, trade unions, democratic sentiment, the teaching, requirements, professional associations, socialist culture.

В 2015 году исполняется 110 лет профсоюзному движению в российском образовании и 25 лет Профсоюзу работников народного образования и науки Российской Федерации.

Объединительные процессы в учительской среде зародились в конце XIX столетия, и начальной формой объединения работников образования стали съезды народных учителей. Первый съезд народных учителей состоялся в 1895 году и способствовал повышению профессионального уровня педагогического персонала и отчасти являлся формой участия учительства в обсуждении вопросов школьного строительства.

В 1903-1904 годах демократически настроенные учителя видели способ устранения невыгодных условий своего труда в объединении и борьбе с самодержавием. В эти годы и был создан «Союз народных учителей», объединивший демократически настроенных работников по преимуществу из учительской среды.

В 1905-1907 годах на волне активного объединения рабочих и служащих различных отраслей народного хозяйства России в профессиональные организации резко возросло демократическое движение и среди работников образования. В 1905 году, в так называемые «дни свобод», когда появилась возможность легальной работы, возник целый ряд демократических общественных организаций, ставших новым этапом объединения педагогов России. Так 12 марта 1905 года в Санкт-Петербурге 256 учителей и других деятелей народного образования провели собрание для основания «Союза народных учителей и других деятелей по народному образованию».

Первые упоминания об объединениях учителей на территории Татарстана датируются 1905-1906 годами. У истоков формирования в 1905 году легальных профсоюзов Казани стоял существовавший с 1898 года «Семейно-педагогический кружок».

Первые исторические сведения о создании профессионального союза сохранились по г. Буинску, кое-какие данные сохранились в делах Симбирского жандармского управления. Из этих дел видно, что 4 января 1906 г. в Буинске (тогда еще территория Симбирской губернии) был организован съезд учащихся Буинского уезда, на котором после обстоятельного обсуждения правового и материального положения учителя было принято решение об организации профессионального союза, общества взаимопомощи.

Задача возникшему союзу была поставлена вполне определенная бороться всеми имеющимися в его распоряжении средствами за улучшение правового и материального положения учащихся и служащих, стать для них возможной гарантией от произвола администрации.

5 мая 1906 г. на II съезде учащихся Буинского уезда был принят устав БУС. Съездом было разослано воззвание о необходимости объединения всего учительства по районам, об организации районных съездов и о сборе процентов отчислений в пользу союза. В течение года союзные организации успели глубоко внедриться во все уголки уезда, но против союза началась ожесточенная административная борьба. Начались обыски, аресты, увольнения некоторых учителей и возникновение «секретной», «весьма секретной» и «совершенно секретной» переписки между Казанским, Симбирским и Самарским жандармскими управлениями и даже департаментом полиции. Общество взаимопомощи просуществовало до 1917 года, из года в год борясь за свое существование и за те учреждения, которые им были созданы.

В июне 1918 г. в Москве прошел I съезд учителей-интернационалистов, а в январе 1919 г. – II съезд. Выступивший на съезде В. Ленин призвал учителей стать инициаторами создания профсоюза,

построенного по производственному принципу и стоящего на платформе советской власти.

12 февраля 1919 г. газета «Знамя большевиков» сообщила, что учителя Казани организуют свой особый профсоюз. Союз объединял всех работников сферы образования и воспитания, кто стоит на почве социалистической и школьной революции. Было также заявлено, что задачами союза являются: создание социалистической свободной трудовой школы; содействие распространению знаний и развитию классового самосознания пролетариата и крестьянства; развитие в среде деятелей народного образования и учащихся понимания классовых задач пролетариата; подготовка деятелей по народному образованию; подготовка и проведение съездов, митингов, лекций, экскурсий; организация клубов, педагогических, психологических лабораторий, широкая просветительская деятельность, а также взаимопомощь для всех членов. Для вступления в члены профсоюза была необходима рекомендация двух членов союза или организации, стоящей на платформе профсоюза.

13 февраля 1919 г. в актовом зале Казанского университета прошел митинг школьных работников, на котором собравшимся рассказали о Всероссийском учительском союзе, о новой форме организации школьных работников, о Казанском профсоюзе работников народного образования и его уставе. На митинге была организована и запись в члены профсоюза.

5 марта 1919 г. в помещении Педагогического музея на ул. Воздвиженской (в настоящее время – ул. Карла Маркса) состоялось общее собрание членов союза работников народного образования, где обсудили устав профсоюза и провели выборы в Казанский губернский Совет профсоюзов.

В июле 1919 г. Казанский губернский Совет профсоюзов зарегистрировал Казанский губернский профсоюз работников просвещения и социалистической культуры. Союз принимал участие в культурно-просветительной работе всей губернии. В культурной работе делался акцент на политическое самовоспитание и воспитание членов профсоюза. Для этого повсеместно создаются клубы, комитеты библиотек, организуют лекции и самостоятельные курсы, пишут рефераты на политические темы; члены профсоюза принимают участие в беспартийных конференциях и т.п.

Профсоюз налаживал тесную связь с союзами коммунистической молодежи, брал на себя учет работников просвещения всей губернии и проводил их распределение. Не оставался в стороне профсоюз и от продолжавшейся гражданской войны. Вслед за объявлением всеобщей мобилизации членов профсоюза на фронт правление союза поднимало вопрос о возвращении из армии части мобилизованных работников просвещения и социалистической культуры для их равномерного распределения среди городского населения и Красной Армии. В это сложное время профсоюз старался уделять внимание условиям быта и труда работников просвещения, по возможности улучшал экономическое положение через натурализацию зарплаты в качестве временной меры, перед Губнарпродкомом были поставлены вопросы о красноармейском пайке для работников просвещения и социалистической культуры, обеспечении нуждающихся квартирами, дровами, освещением. Организованы комиссии по охране труда, экономическая секция и т.п. На съездах профсоюза поднимались вопросы о выдаче работникам продовольственных карточек, проездных на съезды, собрания, об образовании взаимопомощи и многие другие.

С другой стороны, предъявлялись повышенные требования и к самим работникам сферы образования и культуры. При губернской, уездных и районных отделениях союза создавались товарищеские дисциплинарные суды; члены профсоюза принимали участие в организации рабочей инспекции, воссоздавали ее ячейки на местах. В уездах, волостях, районах начиналась организация секций социального воспитания, общего образования и др.

В 1919 г. было организовано отделение профсоюза работников просвещения и социалистической культуры Спасского района Казанской губернии. Съезд профсоюза в кантоне прошел в октябре 1919 г. При правлении профсоюза было создано несколько комиссий – тарифно-расценочная, экономическая, охраны труда, культурно-просветительная; дисциплинарный суд. Проводились делегатские собрания. Профсоюз участвовал в организации в Спасске клуба, в переписи населения. Союз мобилизовал 5 человек на внешкольный фронт, 20-25 человек – на продфронт. Представитель союза был в Наробразе.

В Чистопольском кантональном отделении профсоюза насчитывалось 1643 члена, из них 13% – школьные работники. Отделение объединяло 23 месткома. Представители профсоюза были во всех организациях. Профсоюз обслуживал 413 школ, 32 детских сада, 14 детских домов, народный университет, сельскохозяйственные курсы, институт народного образования, мусульманские курсы.

При правлении союза были созданы те же комиссии, что и во всех региональных отделениях организации. Женщинам, членам профсоюза, потерявшим работоспособность, выдавались ссуды. На товарищеском суде чаще других разбирались вопросы, касавшиеся нарушений профсоюзной дисциплины.

В сентябре 1919 г. появилось отделение профсоюза в Лаишевском кантоне. К 1920 г. в профсоюзе кантона состояло 98 человек. Профсоюз принимал активное участие в организации школы 1 и 2 ступеней для красноармейцев, устраивал лекции по профдвижению. В 1920 году состоялось три съезда профсоюза. Делегаты отмечали крайне тяжелое материальное положение работников просвещения: оклады выдаются в размере 1/3, в некоторых волостях заработную плату не получали с августа по декабрь; нет обуви, одежды, продовольственный паек начали выдавать только с декабря.

В августе 1919 г. организовано отделение профсоюза в Арском кантоне, избрано правление.

Созданы и действуют 15 бюро профсоюза. Правление союза разделено на отделы. Проводились кантональные съезды. Представители профсоюза были в учреждениях и организациях. Профсоюз оказывал огромную помощь фронту, проводил работу по ликвидации безграмотности. Устраивались спектакли, проводились субботники. Остро нуждающимся членам профсоюза в месяц выдавали по 18 фунтов муки и 15 фунтов соли.

В Мамадышском отделении профсоюза было 400 членов. Правление избрано в количестве 7 человек. При правлении действовала экономическая секция. Профсоюз добивался обеспечения школьных работников квартирами, дровами. Учредили педагогическое общество. Устраивались концерты, спектакли, организовывались митинги. Профсоюз принимал самое активное участие в ликвидации безграмотности. Часть средств (профсоюзные взносы) направлялись в кассу взаимопомощи.

В январе 1919 г. было организовано отделение союза Бугульминского кантона, в котором состояло 100 человек, но уже к сентябрю 1920 г. количество членов профсоюза увеличилось до 900. Было организовано два съезда. Обсуждались организационные вопросы, вопросы школьного строительства. Связь с волостями поддерживал разъездной инструктор. В Бугульме создали 8 месткомов, комиссии. Все протоколы заседаний направлялись в отделение союза, где они еженедельно рассматривались. Созданная тарифная комиссия ввела премиальную систему.

1 декабря 1920 г. образовалось отделение профсоюза Мензелинского кантона, которое объединило 1 044 человека. В отделении активно работала школьная секция. Был урегулирован вопрос о мобилизации.

В 1919 г. организовано отделение союза Буинского кантона. В союзе – 1 000 членов. Организованы волостные ячейки, выбраны члены правления, проведено два съезда, действовала экономическая секция, организован культурно-просветительский отдел. Все члены профсоюза обеспечены дровами, из центра «добыта» (именно так отмечено в протоколе съезда) мануфактура.

В Свияжском отделении – 520 членов профсоюза (400 человек вступили добровольно). Организованы уездные и волостные ячейки, в правлении отделения – 7 членов профсоюза. Самая работоспособная – тарифно-нормировочная комиссия. Создается коммунистическая фракция. Проводятся съезды. Исключительно силами членов профсоюза проведена Всероссийская перепись.

Члены правлений и комиссий работали бесплатно. В городском отделении профсоюза состояло от 12 до 40 человек. Организованы товарищеский суд, самокурсы, проводились спектакли, концерты. В числе задач по организации культпросветработы – организация народного университета, клуба, для членов союза библиотек, читальных залов. В планах отделения организация трудовой артели для обработки земли. В числе проблем названы недостаток литературы, нехватка квалифицированных кадров.

13 января 1920 г. в Казани состоялось общее собрание членов профсоюза и работников социалистической культуры. На собрании избрали 35 делегатов беспартийной конференции, 5 человек – в экономическую секцию. Приняли решение о созыве 15 февраля 1920 г. I губернского съезда профсоюзов.

Следует отметить, что к 1920 г. в России появилось достаточное количество законодательных актов, направленных на защиту прав рабочего человека: Конституция РСФСР, Декрет «Об учреждении инспекции труда», «Положение о порядке утверждения коллективных договоров, ставках зарплаты и условиях труда», Декрет о 8-часовом рабочем дне и др. Был принят первый Кодекс Законов о труде РСФСР (КЗоТ), который закреплял все основные требования программы РСДРП в области охраны труда. Социальное обеспечение регулировалось прилагаемыми к КЗоТ «Правилами о порядке установления нетрудоспособности», «Правилами выдачи пособий трудящимся во время болезни», были разработаны «Инструкция по самодисциплине», «Инструкция о трудовой дисциплине».

Таким образом, период 1917-1919 годов представлял собой важный этап в развитии теории и практики профсоюзного движения в сфере образования, организационного становления и укрепления.

Татарская областная организация профсоюза работников народного образования и науки была создана 28 января 1958 г. на 1-й Татарской областной конференции профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений.

В 1990 г. в связи с распадом СССР в России был образован самостоятельный Профсоюз работников народного образования и науки. Учредительный съезд Профсоюза прошел в Москве в сентябре 1990 г. На съезде был принят Устав Профсоюза, избраны руководящие органы.

В сентябре 1990 года на базе областной профсоюзной организации была создана республиканская профсоюзная организация работников народного образования и науки. В настоящее время республиканская организация профсоюза объединяет 2 917 первичных профсоюзных организаций, насчитывающих 207 799 членов профсоюза, в том числе работающих 138 427, 53 620 студентов, 15 752 пенсионеров.

Основными направлениями деятельности республиканской организации профсоюза являются: отстаивание приоритетности образования и науки, обеспечение достойного уровня жизни, социально-трудовых гарантий работникам отрасли, создание условий для повышения профессиональной квалификации работающих, обучения студенческой молодежи.

Список литературы

1. <http://www.edunion.ru/>
2. <http://eseur.ru/history/>
3. <http://ryazprof.ru/o-nas/istoricheskaya-spravka>
4. <https://dussh8tambov.wordpress.com>

СУДЬБА РЕПРЕССИРОВАННЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ЕЛАБУЖСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА (АБДУЛХАК ГАЛЕЕВИЧ МУХАМЕТОВ)

Ф.А. Ахметшина, Л.М. Айнутдинова

ИТЭР АН РТ, г. Казань

Аннотация: В 1920-1930-е гг. в стране прошло несколько волн репрессий, каждая из которых затронула судьбы сотен тысяч человек. В статье рассматривается судьба преподавателей Елабужского педагогического училища, в том числе преподавателя математики А.Г. Мухаметова, отбывавшего наказание в том же поселении, что и писатель А.И. Солженицын.

Ключевые слова: репрессии, интеллигенция, Елабужское педагогическое училище, ТАССР

THE FATE OF THE REPRESSED TEACHERS OF YELABUGA TEACHER-TRAINING COLLEGE (ABDULHAK GALEEVICH MUKHAMETOV)

F.A. Akhmetshina, L.M. Aynutdinova

Abstract: In the 1920-1930-ies in the country have passed several waves of repression, each of which affected the fates of hundreds of thousands of people. The article discusses the fate of teachers of Yelabuga teacher-training College including a teacher of mathematics A.G. Muhametov, serving a sentence in the same settlement, and writer A. I. Solzhenitsyn.

Key words: repressions, the intelligentsia, Yelabuga teacher-training College, TASSR.

В 1920-1930-е гг. в стране прошло несколько волн репрессий, каждая из которых затронула судьбы сотен тысяч человек. Большой урон нанесли репрессии по интеллигенции, в том числе, педагогической, как в центре, так и в регионах. Не обошла репрессивная машина и елабужскую интеллигенцию. В этой статье рассматривается судьба преподавателей Елабужского педагогического училища, в том числе преподавателя математики Абдулхака Галеевича Мухаметова, отбывавшего наказание в том же поселении, что и писатель А.И. Солженицын.

В 1935-1938 гг. Елабужское педучилище находилось под пристальным вниманием органов НКВД. Пик массовых репрессий пришелся на 1937 – 1938 гг., однако до этого к нему вел ряд мероприятий подготовительного характера. 30 января 1935 г. бюро Елабужского райкома ВКП(б) приняло постановление «О состоянии педтехникума», призывающее «до конца выкорчевать остатки великодержавного шовинизма и местного национализма». Бывшего директора педтехникума Б.Г. Файзуллина обвинили в том, что он «сгруппировал вокруг себя националистические и чуждые элементы (такие, как Саубанов, Сарбулатов, исключенный из партии, бывший заведующий курсами Белялов, Мухаметов – зять Валидова)». В результате Б.Г. Файзуллин был исключен из партии, директор педтехникума Г.Х. Якупов снят с работы [10, л. 21]. 22 июля 1935 г. на собрании актива Елабужской партийной организации с докладом выступил секретарь районного комитета ВКП(б) Н.И. Анцышкин. По его словам, «во время проверки партийная организация вскрыла, что член партии Г.Х. Якупов (бывший директор педтехникума) является по происхождению чуждым элементом. Якупов – сын ахуна, в течение 7 месяцев служил в Белой армии, но об этом в учетной карточке у него не указано» [10, л. 41].

В 1937 г. аресты следовали один за другим. 15 марта 1937 г. органами НКВД был арестован Шакир Минигареевич Шакирзянов, преподаватель татарского языка и литературы Елабужского педучилища. Он был обвинен по статьям 58-10, ч.1; 58-11 («участник националистической организации»). Был приговорен Верховным судом ТАССР 29 апреля 1939 г. к 10 годам лишения свободы, поражению прав на 10 лет [6, с. 80]. 17 марта 1937 г. арестовали Фатгаха Шаймухаметовича Халикова, бывшего преподавателя естествознания и географии, исключенного в 1936 г. из рядов ВКП(б) и перебравшегося затем в Бугульминское педучилище. Обвиняли его по тем же статьям: 58-10, ч.1; 58-11 («участник националистической организации»). По приказу Наркомпроса ТАССР от 5.10.1937 г. были сняты с работы директор Елабужского педучилища Васин («за необеспечение политического руководства педучилищем») и заведующий учебной частью Абубакиров («за срыв учебно-воспитательной работы»), преподаватели: русского языка Сидоров, математики Яруллин, истории Акчуринов (переведенный из

педучилища в библиотечный техникум как «необеспечивший преподавание истории и допустивший в практике своей работы извращения в духе концепций Покровского» [9, л. 30]. Подписавший этот приказ нарком просвещения ТАССР Г.А. Бакиров через несколько месяцев сам был арестован, обвинен «за недостаточные темпы разоблачения врагов народа среди учительства». В период «бериевской оттепели» был освобожден. 5 декабря 1937 г. были арестованы преподаватели математики педучилища Мирза Ханнанович Алиев и Заки Ханнанович Алиев. 28 декабря 1937 г. они были осуждены тройкой НКВД ТАССР и приговорены к 10 годам исправительно-трудовых работ [1, с. 237].

Педучилище оказалось в тяжелом положении из-за отсутствия преподавателей, арестованных и снятых с работы. Путем внутренней перестройки и чрезмерной нагрузки на оставшихся преподавателей было обеспечено плановое преподавание математики. Возникли проблемы с преподаванием физики в татарском секторе. Арестованному М.Алиеву, преподававшему и физику, в течение полугодия не могли найти замену. Учебный план в татарском секторе не был выполнен по физике и русскому языку из-за поздней замены снятых с работы учителей русского языка.

В 1938 г. аресты продолжились. 6 мая был арестован преподаватель истории Михаил Корнилович Евстафьев за «религиозную агитацию, провокационные слухи», 28 мая - Абдулла Вагизович Гарифов, преподаватель татарского языка и литературы, 26 июля (по воспоминаниям сына - августа) – преподаватель математики Абдулхак Галеевич Мухаметов, 31 июля – преподаватель русского языка Алексей Иванович Сидоров, 26 августа - преподаватель педагогики Абдрахман Ахметович Мухаметзянов, 28 августа – преподаватель химии Валерий Константинович Янчевский. Известно, что братья Алиевы, Ф.Ш. Халиков были выпускниками знаменитого медресе «Буби», расположенного в с. Иж-Бобья Сарапульского уезда Вятской губернии (ныне Агрызский район Республики Татарстан). Людьми неординарными, талантливыми, имевшими собственное мнение обо всем были и другие преподаватели педучилища, подвергшиеся необоснованным репрессиям.

Подробнее хотелось бы остановиться на жизни и деятельности Абдулхака Галеевича Мухаметова (по воспоминаниям сына Нияза Абдулхаковича Мухаметова, записанным в 1988 г.). Он родился 14 января 1901 г. в селе Морты (ныне Елабужский район). Его отец являлся старшим муллой села, был человеком с широким кругозором: ежегодно выписывал около 15 наименований газет и журналов на татарском и русском языках. Своих сыновей Гали мулла отдал в русскую школу в с. Большие Армалы, после окончания которой они продолжали обучение в Елабуге, учились одновременно в русской и татарской школе. В гражданскую войну Абдулхак Галеевич воевал против басмачей, участвовал в освобождении Душанбе. Вернувшись в Елабугу, несколько лет работал в райкоме профсоюзов, затем преподавателем математики в Елабужском педагогическом техникуме. Как отмечали современники, везде он работал увлеченно, заражая своим энтузиазмом других. По воспоминаниям Нияза Абдулхаковича, отец мечтал о создании Дома отдыха для учителей. Нашел старых калмыков, владевших секретом изготовления кумыса, уговорил их переехать в село Тарловка недалеко от Елабуги, где вскоре было налажено изготовление кумыса – напитка, имеющего целебные свойства. 1 июня 1928 г. в селе на базе стахеевских дач открылся противотуберкулезный санаторий-кумысолечебница. После смерти отца родительский дом в с. Морты Абдулхак Галеевич подарил сельскому совету. Женился на учительнице татарского языка Лутфие, у них родились сыновья – Нияз и Булат.

После ареста А.Г. Мухаметов три месяца отсидел в тюремной камере. Его обвиняли в участии в деятельности «националистической организации». Такие же обвинения были предъявлены его коллегам – А.В. Гарифову и А.А. Мухаметзянову. По воспоминаниям родственников репрессированных, А. Мухаметзянова посадили за анекдот, «дискредитирующий советских учителей». По версии следователя, «организация» намеревалась поднять на восстание полк, дислоцированный в Елабуге, с целью отделения Татарии от СССР. Комиссар полка Ильясов сидел с Мухаметовым в одной камере. Его освободили, и он не побоялся прийти к семье Абдулхака Галеевича. Детям принес подарок от отца - сушки, провонявшие парашей (камера, где они сидели, располагалась напротив туалета. Нижняя часть двери была специально сломана, чтобы в камере всегда стоял запах парашей). Сушки нельзя было есть, несмотря на то что дети были полуголодные.

На допросах следователь требовал, чтобы арестованные сами согласовывали свои показания, устраняли нестыковки в обвинениях. Применяли «конвейер»: кормили соленой селедкой, не давали пить воды и допрашивали арестованного непрерывно в течение нескольких суток. Такими приемами выколачивались «признания», устранялись несоответствия, на которые был вынужден указывать Верховный суд ТАССР, отказывая в рассмотрении дела и посылая его на доследование. А.Г. Мухаметов, А.В. Гарифов, А.А. Мухаметзянов 27 августа 1940 г. были осуждены Особым совещанием НКВД СССР по статьям 58-2, 58-10 ч.1; 58-11, приговор – 8 лет исправительно-трудовых лагерей [2, с. 485; 4, с. 345, 370]. Перед высылкой из Елабуги Мухаметову разрешили свидание с семьей, пришли жена и старший сын (Ниязу в то время было 6 лет). А.Г. Мухаметова отправили на Беломорканал, в Медвежьегорск. Заключение работали на лесоповале и на деревообрабатывающем комбинате. Когда началась война, всех погрузили на три транспорта и отправили на остров Вайгач (между материком и Новой землей). Один транспорт был потоплен немцами. Из-за мелководья транспорт не мог подойти к берегу, заключенным было приказано прыгать в ледяную воду. Груз бросали в воду, его вылавливали заключенные. В Вайгаче строили порт. Два года заключенные жили в палатках в условиях вечной

мерзлоты. Люди умирали как мухи. Зимой невозможно было хоронить умерших, до весны их складывали штабелями. Затем заключенных перебросили в порт Дудинку, который обслуживал Норильск. У Абдулхака Галеевича открылась язва, это его и спасло: попал в лагерный лазарет, где познакомился с профессорами из Московского института Красной профессуры. Они организовали курсы медицинских работников, на которые записался и Мухаметов. По окончании курсов он получил удостоверение медбрата.

В Елабугу Абдулхак Галеевич вернулся по окончании срока заключения – в октябре 1946 г. К тому времени не было в живых ни его матери, ни жены. Жена Лutfия Мусифулловна, работавшая в школе имени М. Вахитова, умерла в 1946 г. от порока сердца. Она не дождалась освобождения мужа всего несколько месяцев. За мать дети получали 120 рублей в месяц (килограмм картошки в то время стоил 40 рублей). Сыновей после смерти матери хотели отправить в детский дом, чтобы присвоить дом, где жили Мухаметовы. Права детей отстаивали старые елабужские учителя (одна из них – Пшеничникова). Ильгизар Юнусовна Валидова – дочь Ю. Валидова, первого наркома земледелия ТАССР, жившая после ареста и смерти отца в семье своей тети Лutfии, рассказала, что в доме в 1930-е гг. жил зажиточный елабужанин. Спасаясь от репрессий, он уехал из Елабуги, попросив Абдулхака Галеевича занять его дом (из воспоминаний И.Ю. Валидовой, записанных в 1988 г.).

Вернувшись, А. Мухаметов устроился на работу в педучилище. В 1947 г. вышел указ И. Сталина – отбывающих наказание по 58-й статье по окончании срока не освобождать, а кого успели освободить – забрать снова. В феврале 1949 г. Абдулхак Галеевич был вторично арестован. Взяли его на работе. Тогда действовало правило: кто отбывал наказание на Севере, тех отправляли на Юг, и наоборот. 6 апреля 1949 г. А. Мухаметов был осужден Особым совещанием МГБ СССР к ссылке на поселение в Казахстан, в Джамбульскую область. Он жил в селе Кок-Терек, как и А.И. Солженицын. В романе «Раковый корпус» писатель описал это село под названием Уш-Терек. Паспортов у политических ссыльных не было, была бумага – «политический ссыльный, находится под гласным надзором милиции». Ежегодно их вызывали в КГБ, где они давали подписку о невыезде. В подписке указывалось, что выезд в соседний населенный пункт приравнивается к побегу. За побег давали 25 лет каторги. Абдулхак Галеевич стал работать медстатистом при районном отделе здравоохранения. Секретарь райкома ВКП(б) охотно пользовался его услугами при составлении докладов, он даже предложил Мухаметову перейти на работу в райком партии. Но тот быстро отрезвил его, указав на свое положение политического ссыльного. В 1952 г. сын Мухаметова Нияз окончил педучилище в Елабуге, и они с братом перебрались к отцу в Казахстан. Нияз устроился на работу учителем математики в соседней деревне, Булат учился в средней школе. Условия жизни ссыльных были тяжелые. Мухаметовы и два политических ссыльных жили в пристрое к больнице, рядом - сарай для коровы, в прихожей - конюшня.

В 1955 г. политические ссыльные были освобождены, им было разрешено выехать на родину. Состояние здоровья Абдулхака Галеевича было очень плохое, но сын все же решил увезти его в Елабугу. К счастью, с ними ехал фельдшер из Набережных Челнов – Михаил Егорович Малышев, тоже бывший политический ссыльный. Им удалось довести Абдулхака Галеевича до Елабуги. Сбылось его желание: посидеть с удочкой на берегу Тоймы. Булат, учившийся в то время в педагогическом институте в Караганде, вскоре тоже перевелся в Елабугу. В 1979 г. Абдулхака Галеевича не стало. Его сыновья – Нияз Абдулхакович и Булат Абдулхакович - продолжили дело отца - всю жизнь преподавали математику в Елабужском педагогическом институте.

По воспоминаниям родственников репрессированных, из 17 арестованных преподавателей Елабужского педагогического училища в живых остались только двое: А.Г. Мухаметов и А.В. Гарифов. Последний вернулся из заключения религиозным человеком, стал муллой. А.А. Мухаметзянов умер от туберкулеза в казанской тюрьме. А.И. Сидоров и В.К. Янчевский, арестованные, один как «участник военно-офицерской повстанческой организации», другой как «участник антисоветской организации», обвинялись в «террористической, подрывной деятельности», были осуждены 14 ноября 1938 г. тройкой НКВД ТАССР по статьям 58-2, 58-11 и 58-2, 17-58-8, 58-11. Приговор – высшая мера наказания с конфискацией имущества. Оба были расстреляны 15 ноября 1938 г. в Казани [5, с. 125; 8, с. 121]. Ф.Ш. Халиков умер 24 апреля 1939 г. в больнице НКВД ТАССР в Казани во время следствия [7, с. 104]. М.К. Евстафьеву было предъявлено обвинение по статьям 58-2, 58-10 ч.1; 58-11. Он умер 27 марта 1939 г. в Елабуге во время следствия [3, с. 22].

Семьи и близкие репрессированных были обречены на долгие годы страданий и несправедливого существования. А.Г. Мухаметов, А.В. Гарифов, А.А. Мухаметзянов были реабилитированы 20.10.1955 г., Алиевы – 7.06.1956 г., М.К. Евстафьев - 29.01.1958 г., Ш.М. Шакирзянов и Ф.Ш. Халиков – 9.7.1958 г., А.И. Сидоров и В.К. Янчевский – 28.04.1966 г.

Список литературы

1. Книга памяти жертв политических репрессий. – Казань, 2000. – Т.1.
2. Книга памяти жертв политических репрессий. – Казань, 2001. – Т.3.
3. Книга памяти жертв политических репрессий. – Казань, 2002. –Т.5.
4. Книга памяти жертв политических репрессий. – Казань, 2003. – Т.9.

5. Книга памяти жертв политических репрессий. – Казань, 2004. – Т.13.
6. Книга памяти жертв политических репрессий. – Казань, 2006. – Т.16.
7. Книга памяти жертв политических репрессий. – Казань, 2005. – Т.15.
8. Книга памяти жертв политических репрессий. – Казань, 2006. – Т.17.
9. НА РТ. – Ф. Р-3682. – Оп. 1. – Д. 2349.
10. ЦГАИПД РТ. – Ф.8122. – Оп.1. – Д. 79.

ИМИДЖ ТРАДИЦИОННОГО ДОРЕФОРМЕННОГО КУПЕЧЕСТВА: СМЫСЛОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Е.В. Банникова

ОГПУ, г. Оренбург

Аннотация: Статья посвящена проблеме имиджа традиционного дореформенного купечества. Образ коммерсанта складывался из множества компонентов, в каждый из которых сам предприниматель вкладывал определенный смысл. Однако с данным содержанием не всегда совпадало восприятие купеческого имиджа окружающими. На основе общественного мнения о купцах складывался их обобщающий портрет, воплощенный в произведениях отечественной литературы и изобразительного искусства.

Ключевые слова: дореформенное российское купечество, повседневность, имидж, общественное мнение.

THE IMAGE OF THE TRADITIONAL PRE-REFORM MERCHANTS: SEMANTIC CONTENT AND PUBLIC PERCEPTION

E.V. Bannikova

Abstract: Article is devoted to a problem of image of traditional pre-reform merchants. The image of the businessman consisted of a set of components, in each of which businessman put a certain sense. However the perception of image of merchant people by society not always coincided with this image. On the basis of public opinion about merchants was created their portrait embodied in works of literature and the fine arts.

Key words: pre-reform Russian merchants, daily existence, image, public opinion.

До начала современной эпохи окружающая среда носила, в большей степени, знаковый характер – во всех сферах жизни общества не слово, но символ, знак играл главную роль в процессе социализации. Коммуникационное взаимодействие между людьми без использования слов (через образ, жесты, мимику, мизансцены общения) в таких условиях было предельно насыщено. Инструментом такого «общения», включающего в себя все формы самовыражения человека, становилось его тело, обладающее широким диапазоном средств и способов передачи информации или обмена ею.

Различные варианты невербальной социальной коммуникации должны были работать на одну единую цель – создавать у окружающих «правильное» впечатление о предпринимателе. А «правильным» являлось такое представление, согласно которому купец был человеком серьезным, опирающимся на общепользные традиционные ценности, вполне обеспеченным – в общем, достойным представителем как своей социальной группы, так и фамилии. В связи с этим любопытно будет проследить, насколько внутреннее наполнение купеческого имиджа (то, что предприниматель хотел о себе транслировать вовне) соответствовало его общественному восприятию (т.е. тому, что социум в итоге видел в коммерсante).

Имидж может работать на разные задачи – вызвать у окружающих сочувствие, умиление, расположение. Думается, что для дореформенных предпринимателей основной составляющей их имиджа являлось создание уважения к себе. Почему именно уважение являлось объектом вождения коммерсантов? Все потому, что и их происхождение, и их социальный статус, как правило, не вызывали в обществе должной оценки. Несмотря на финансовую состоятельность, многие торговцы ощущали себя людьми «второго сорта», поскольку подвергались постоянным унижениям от местной администрации, городской аристократии, а также были объектом пренебрежительно-недоверчивого отношения со стороны обычных обывателей.

Это имело под собой вполне объективный фундамент – действительно, большинство провинциальных дореформенных предпринимателей были выходцами из крестьянской среды, «лапотниками», не получившими приличного (а иногда и никакого) образования. Происхождение купеческих капиталов было сопряжено с различными «темными» историями, в которых то и дело мелькали нераскрытые убийства, загадочные исчезновения, воровство и насилие. В провинциальной купеческой семье часто царили весьма грубые нравы. Именно поэтому имидж купца, та информация, которую он транслировал миру, должна была пробить брешь в этой стене отчуждения, должна была

заставить окружающих, если не полюбить его, то, во всяком случае, зауважать.

Наиболее заметным фактором формирования имиджа являлся образ (одежда, прическа, аксессуары). По словам В.Г.Белинского, «девять десятых этого многочисленного сословия носят православную, от предков завещанную бороду, длиннополый сюртук синего сукна и ботфорты с кисточкою, скрывающие в себе оконечности плисовых или суконных брюк» [1, с. 80]. Итак, Виссарион Григорьевич рисует нам образ бородатого человека в длинном двубортном пиджаке-пальто синего цвета. Растительность на лице мужчины являлась показателем традиционализма его мировоззрения, его религиозности и благочестия. Борода считалась признаком зрелости мужчины, добавляла ему солидности, веса в обществе, делала мужчину мудрее и строже, придавала ему уверенности в своих силах. Можно предположить, что в купеческой среде царил «культ зрелости». Только зрелая личность была достойна уважения. У взрослого мужчины было больше прав, больше свободы, больше возможностей, но, вместе с тем, и ответственности.

Полы купеческой верхней одежды доходили почти до колен, потому что по народным понятиям «куцая» одежда была смешна, а долгополая придавала человеку степенность и достоинство. Цвет купеческой одежды, как правило, был строгим – серым, черным, синим, хотя мужская одежда первой половины XIX в. допускала значительное цветовое разнообразие. Так, известны зелёный, вишнёвый, брусничного цвета тканей, использовавшихся в то время для пошива сюртуков. Читаем у Н.А. Некрасова в стихотворении «Железная дорога»: «В синем кафтане - почтенный лабазник, // Толстый, присадистый, красный, как медь...». Такое пристрастие коммерсантов к определенной цветовой гамме имело как функциональное, так и психологическое объяснение. Немаркие цвета в данном случае позволяли торговцу выглядеть опрятно даже в дороге, скрывали изъяны покроя, и в то же время указывали на высокий статус, серьезность, сдержанность и ответственность носителя одежды.

Купеческий повседневный костюм – длиннополый, темный, функциональный – заявлял социуму, что его владельцем является человек зрелый, авторитетный, прагматичный, привыкший к порядку. Он к тому же создавал некую «дистанцию» – человек в таком платье выглядел более властно и неприступно. В то же время названная форма одежды определенным образом влияла и на самого предпринимателя. Закрытая одежда темных цветов существенно ограничивала степень внутренней свободы человека. Она формировала в коммерсанта ощущение того, что он является частью сообщества, корпорации, заставляла подчиняться ее внутренним правилам и ритуалам. Так в пьесе А.Н. Островского «Лес» купец Иван Восмибратов говорит о себе: «Я не человек, я – правило».

В отношении купчих в глаза бросалась другая тенденция: стиль одежды купеческих половинок отражал их стремление показать всем свое внешнее благополучие. Как писал современник, в женском наряде была «единственно видна пышность здешних купцов; жены богатейших отличаются парчовым, штофным и других материй шелковым платьем, на коем желают больше иметь блеску, золота и серебра, украшая шею жемчугом, золотыми и серебряными цепочками, руки перстнями однозолотными или со вставками здешних камней» [2, с. 193]. Купеческие «половинки» в итоге выполняли абсолютно иную имиджевую задачу. Они должны были показать обществу, что муж – человек состоятельный, может позволить себе потратить немалые суммы на в общем-то откровенно ненужные, хотя и дорогие вещи.

То же касалось, например, шикарных купеческих экипажей, громадных купеческих усадеб и прочих признаков удавшейся жизни. В.Г.Белинский писал, что, глядя на богатых купцов «в дорогих каретах и колясках, которые вихрем несутся на превосходных лошадях, блистающих самою дорогою сбруею», проходящие «мимо купцы средней руки и мещане с удовольствием пошелкивают языком, смотря на лихих коней, и гордо приговаривают: "Вишь, как наши-то!"» [1, с. 80]. Это была своеобразная «собственная гордость» за сословие. Демонстрация купцами своей состоятельности, финансовой успешности должна была стать неким стимулом для других – мещан, крестьян, казаков и прочих потенциальных предпринимателей. Все эти атрибуты богатства, по мнению коммерсантов, были именно тем, за что его следовало уважать – всего добился сам, все куплено на собственные средства.

Отсюда происходило и пристрастие некоторых купцов к «широким жестам». Показное богатство, достаток, выставленный на всеобщее обозрение, потраченный на откровенный каприз, тоже были своеобразными маркерами благополучия. «Большой человек» мог себе позволить любую блажь. Поэт и писатель Евгений Александрович Вердеревский вспоминал в этой связи о свадьбе Константина Титыча Зотова и Анны Аникиевны Рязановой – наследников двух богатейших купеческих династий Екатеринбурга. Литератор обращал внимание на «месяц, протекший в непрерывных угощениях целому городу со стороны двух капиталистов-золотопромышленников, породнившихся женитьбою сына одного на дочери другого», на «шампанское, закупленное во всех ближних городах, и даже в Тюмени и, кажется в Казани; эти возлияния дорогого вина на гривы лошадей, или на пыльную дорогу, чтобы не пылила, когда поедут молодые на займку» [Цит. по: 3, с. 250]. Во время таких празднеств, на которые приглашалось городское начальство, купцы чувствовали себя настоящими хозяевами жизни.

То, как общество воспринимало такие купеческие прихоти, прекрасно иллюстрирует картина Н.В. Неврева «Протоиерей, провозглашающий на купеческих именинах многолетие». Сам художник был выходцем из купеческого семейства, почему мог правдиво и с юмором показать зрителю внутрисемейный купеческий быт. На картине изображен семейный праздник – именины празднует то ли сам купец, то ли его супруга. В доме собралось большое число гостей. Священник, приглашенный в дом

к коммерсанту, не жалеет голоса и сил, чтобы как можно громче пропеть «Многая лета». Сжав кулаки и побагровев от натуги, он во весь дух вопит здравицу. Хозяин дома, наливая протоиерееву чарку, подмигивает присутствующим гостям: «Вон как старается! Знает, что могу денег дать!» Старичок на кресле, разведя руки, отвечает: «Ну что же, кто платит, тот и заказывает музыку!» Над пристрастием купцов к нарочитой демонстрации состоятельности посмеивались, скорее удивляясь финансовым возможностям торговцев, нежели осуждая или завидуя.

Тесные связи между богатейшим купечеством и городской администрацией были зафиксированы и в художественной литературе. У А.Н. Островского в «Грозе» есть сцена, где речь идет о купце Диком. К городничему пришли жаловаться мужики, работавшие на Дикого, что он ни одного из них полностью не рассчитал. Городничий стал увещевать торговца. Тот же в ответ «потрепал городничего по плечу, да и говорит: "Стоит ли, ваше высокоблагородие, нам с вами о таких пустяках разговаривать!..."» Быть с градоначальником на короткой ноге, фактически панибратствовать – это веская причина для уважения со стороны городского общества.

В разговорах с представителями высшей власти купечество пыталось сохранить достоинство и подчеркнуть собственную значимость (если это было возможно). Вот, например, во время встречи с Павлом I в 1798 г. вятские купцы (Степан и Афанасий Машковцевы, Василий Калинин и Феофилакт Рязанцев) на вопросы императора отвечали «со всяким благоволением и краткою ясностью» [4, с. 19]. «Краткая ясность» в разговоре с начальством, по-видимому, вообще была сильной купеческой стороной. В 1824 г. император Александр I, путешествуя по восточным губерниям, прибыл в г. Слободской Вятской губернии, где остановился для перемены лошадей в доме местного купца Давыда Герасимова. Хозяин по обычаю преподнес императору хлеб-соль, тот в ответ попытался завязать беседу: «спрашивал, чем он торгует, и на ответ что солью - спросил в каком количестве, на что отвечал хозяин дома, что в большом» [5, с. 23].

Зато с теми, кто стоял ниже на ступенях социальной лестницы, разговор был короткий. Так, во время предвыборной кампании в городские головы Екатеринбурга в 1808 г. купеческий кандидат Иван Казанцев называл мещан, несогласных с его выдвижением, «скотами и бунтовщиками, воспрещая им входить в общественный разговор, иных выталкивал из собрания своими руками...» [6].

Художественная литература первой половины XIX века описывала различные варианты купеческой коммуникации. Так, например, в пьесе Островского «В чужом пиру похмелье» богатый купец Тит Титыч Брусков не сразу начинает разговор с доселе незнакомым ему чиновником Досужевым. Как указано в ремарке, Брусков «садится на кресло и несколько времени мрачно смотрит». То есть Брусков выдерживает паузу. А пауза – это вообще способ придать солидности речи. Кто делает в своем повествовании длинные перерывы? Начальники, когда говорят со своими подчиненными. Правители, когда говорят со своими подданными. В общем, как у Пушкина: «Он уважать себя заставил...»

В драме Островского «Бесприданница» Мокий Парменыч Кнуров – один из крупнейших дельцов, «пожилой человек с громадным состоянием» - в общении с людьми строго избирателен, держит дистанцию, понапрасну слов не тратит. Если Василий Данилыч Вожеватов («очень молодой человек, один из представителей богатой торговой фирмы») для него свой человек, и ему при встрече он «подает руку», то совсем иначе Кнуров ведет себя с другими. Как отмечено в ремарке, «Кнуров, молча и не вставая с места, подает руку Огудаловой [то есть не она ему для поцелуя, а он ей для рукопожатия! – Е.Б.], слегка кивает Карандышеву и погружается в чтение газеты», которой он демонстративно отгораживается от нежелательных собеседников.

Помимо работ Неврева, купечество выступало объектом художественного осмысления и на полотнах других русских художников. Эти картины получили положительную оценку современников, а значит, отражали мнение значительной массы зрителей дореформенной России относительно купеческого образа. Вот, например, «Приезд гувернантки в купеческий дом» Василия Перова. На картине представлена купеческая семья, которая самодовольно и абсолютно бесцеремонно разглядывает приехавшую к ним девушку-гувернантку. Упитанный купец, глава семейства, одетый всего лишь в домашний халат, широко расставив ноги, надменно оценивает скромно наклонившую голову гувернантку. Его много. Он занимает собой основное пространство картины. Из-за спины хозяина дома с недоверием выглядывает строптивая упитанная жена, готовая высказать свое неудовольствие гувернантке по любому поводу. С испугом и неприязнью смотрят на вновь прибывшую избалованные купеческие дочери. Купеческий сын, сцепив руки за спиной, с неприличной ухмылкой поглядывает на девушку, ожидая унижительного допроса и строгого разговора главы семейства с прибывшей в их дом бесправной гувернанткой. Молодой купчик по себе знает суровый нрав отца – сам не один раз попадал ему под горячую руку. Но он знает также и то, что теперь в доме появился человек, по сравнению с которым купеческий сынок сам может почувствовать себя значимой и состоявшейся личностью.

Или вот работа Фирса Журавлева «Купеческие поминки». Критик Стасов писал о ней: «Лучшее и значительное создание Журавлёва, опять-таки полное трагизма...». Трагизм заключался в состоянии людей, потерявших человеческое лицо, в хаосе, царящем вокруг, в преобладании низменных инстинктов даже на поминках. Здесь нет ни тени доброго юмора, как, например, в картине Неврева. Здесь вообще нет ни одного положительного персонажа. Представлено мрачное, дикое темное купеческое царство. Молодой купец наконец, после многих лет ожидания, вступает в наследство. Он смотрит на

присутствующих жестким оценивающим взглядом абсолютного хозяина жизни. Его поза, осанка – все свидетельствует о том, что именно он теперь главная фигура в доме. Колени и локти широко расставлены, вытянутая нога поставлена на пятку. Фигура занимает много места в пространстве. Вокруг – всевозможные родственники, приживальцы, прислуга, которые смотрят на хозяина дома с подобострастием.

Так что же в итоге транслировал вовне имидж классического дореформенного купца? Во-первых, твердое следование традициям во всем, начиная с костюма и заканчивая убеждениями. Отсюда вытекала и четкая сословная самоидентификация. К свойствам собственной личности, о которых с помощью имиджа предприниматели стремились рассказать социуму, можно отнести серьезность, зрелость, успешность. Однако общество не всегда воспринимало поступающую от купцов невербальную информацию так, как тем хотелось бы. Традиционность часто путали с отсталостью, стремление подчеркнуть сословную принадлежность – с клановостью, демонстрацию успешности – с кичливостью. Именно в таком искаженном варианте купечество чаще всего попадало на страницы литературных произведений или на полотна художников. Ведь и творческая интеллигенция, и аристократия были воспитаны на совершенно иных образцах поведения, на абсолютно других ценностях.

Хотя, по моему убеждению, именно купечество, а отнюдь не крестьянство являлось носителем общепользующих традиционных черт, которые коммерсанты и пытались сообщить социуму – гордость от осознания принадлежности к профессии и династии, польза упорного труда, серьезное отношение к жизни и здоровый консерватизм.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Петербург и Москва // Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 3 т. – Т. 2. – М., 1948. – С. 763-791.
2. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию Императорского Вольного экономического общества высочайше одобренному и тщанием и иждивением оною Общества изданное. – СПб., 1811.
3. Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев. – Екатеринбург, 2000. – 608 с.
4. Купечество вятское: из истории торговли, предпринимательства и благотворительности / Ред.-сост. М. Судовиков, Т. Николаева. – Киров-Вятка, 1999. – 204 с.
5. Отрывки из дневника двадцатых годов XIX столетия // Труды Вятской ученой архивной комиссии. – Вятка, 1913. – Вып. 1-2. – Отд. 3. – С. 22-32.
6. Беркович А.В. Городское самоуправление Екатеринбурга в первой половине XIX в. [Электронный ресурс] Сайт «Музей истории Екатеринбурга». URL: <http://m-i-e.ru/articles/berkovich-a-v-2/> (дата обращения 02.09.2015)

МЕСТО КУПЦОВ-ХРАМОСТРОИТЕЛЕЙ В ГОРОДСКОМ СООБЩЕСТВЕ XVIII ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Е.Д. Беспалёнок

СмоЛГУ, г. Смоленск

Аннотация: В статье исследуется малочисленная, но очень заметная группа городского населения XVIII в. – купцы, жертвовавшие большую часть своих капиталов на строительство храмов. Рассматривается происхождение и численность этих купцов, их предпринимательская деятельность. Важное место в статье занимает вопрос об отношении горожан к этим купцам.

Ключевые слова: купечество, храмостроительство, предпринимательство, городское сообщество, общественная деятельность.

PLACE MERCHANTS-CONTRIBUTORS TO THE BUILDING OF TEMPLES IN THE URBAN COMMUNITY OF THE XVIII CENTURY (ON THE MATERIALS OF SMOLENSK PROVINCE)

E.D. Bepalenok

Abstract: This article examines the small but very visible group of the urban population of the XVIII century - the merchants-contributors to the building of temples. We consider the origin and the number of these merchants their business activities. An important place in the article is the question of the relation of citizens to these merchants.

Key words: merchants; merchant dynasties; the merchant building of temples; the urban community; social activities.

В XVIII в., особенно во второй половине этого столетия, в провинциальных городах России развивалось купеческое храмостроительство. А.В. Семёнова отнесла это явление, «напрямую связанное с православием», к «отличительным чертам предпринимательской практики купечества» [7, с. 434]. Развитие купеческого храмостроительства в XVIII в. ярко демонстрирует история таких городов Смоленской губернии, как Смоленск и Вязьма. Политика, направленная на развитие частного предпринимательства в России, дала результаты, которые выразились в росте купеческих капиталов, формировании самосознания купечества, усилении его общественной активности. Все это создало благоприятные условия для развития купеческого храмостроительства. Однако далеко не каждый богатый купец отнимал от своих капиталов средства, достаточные для постройки нового каменного здания храма. Кем были эти немногочисленные купцы-храмостроители? Какое место они занимали в городском сообществе? Эти вопросы будут рассмотрены в данной работе. Документы различного характера – статистические, судебные и др. – хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, а также в Государственном архиве Смоленской области, позволяют это сделать.

В численном отношении группа купцов-храмостроителей в провинциальных городах представляется малозаметной. Так, в Смоленске, по материалам ведомости 1764 г., купечества насчитывалось 1895 душ мужского пола [10, л. 90]. Из них купцов, построивших на свои средства храмы, было 12 [8. Подсчеты автора – Е.Б.]. Таким образом, доля храмостроителей среди купечества в Смоленске составляла всего лишь 0,6 %.

В Вязьме к середине 60-х гг. XVIII в. численность купечества составляла 1189 душ мужского пола, кроме малолетних и престарелых [9, л. 13, 42]. Купцов-храмостроителей в Вязьме было 21, то есть 1,8 %. Следует заметить, что удельный вес храмостроителей в вяземском купечестве втрое превышал таковой в смоленском в связи с тем, что более богатые смоленские купцы обычно строили храмы в одиночку, а вязьмичи нередко вдвоем или в разное время пристраивали приделы к уже воздвигнутым храмам.

Купцы-храмостроители были в ряду самых успешных предпринимателей своих городов. Практически все они до гильдейской реформы 1775 г. состояли в первой гильдии. Оборотные капиталы вязьмичей, принимавших активное участие в строительстве храмов, составляли от 3000 до 10000 рублей [9, л. 2-9]. Поскольку лишь у немногих представителей верхушки вяземского купечества капиталы достигали 10 тысяч рублей, после гильдейской реформы количество купцов первой и второй гильдии в Вязьме заметно сократилось. В 1764 г. смоленские храмостроители обладали капиталами в 10000-50000 рублей, поэтому после 1775 г. почти все они оставались в первой гильдии [10, л. 90-91].

Богатейшие купцы Смоленской губернии, какими в большинстве своем и были храмостроители, занимались предпринимательством, связанным с внешней торговлей. При этом основными товарами были традиционные для западного региона России пенька и хлеб. Так, смоляне Щедрины, Пискаревы, Никитины и др. торговали «к Рижскому порту водяным путем пенечным и хлебным товаром» [10, л. 90-91]. Вязьмичи Гойдуковы, Юдичевы, Бубновы и др. «торг имели общей отпуском покупных товаров з Бельской и Порецкой пристаней водяною коммникациею к Рижскому и Санкт-Петербургскому портам и на стругах, пологая во оных всякого званию российского продукта: хлеб, пенку, лен, семя льняное, масло посное, мед, воск, юфть» [9, л. 2 об.].

Определение места, занимаемого храмостроителями среди купечества провинциального российского города, требует рассмотрения вопроса о происхождении этих купцов, поскольку известно, что отношение к «новоприбылым» в городах часто было настороженным, а иногда и враждебным. Из 12 смоленских храмостроителей только трое происходили из потомственных смоленских купцов, о торговой деятельности которых известно из таможенных книг XVII в., двое были сыновьями выходцев из Вязьмы и Духовщины. Двое купцов происходили из отставных солдат, четверо были их сыновьями, а один – внуком.

В Вязьме картина была несколько иная. Восемнадцать из 21 вяземских храмостроителей были потомками вяземских купцов, известных с XVII в. Только один купец прибыл из Белева не позднее 1690 г., один был его сыном. Еще один человек был потомком рейтара и при этом – вяземским купцом в третьем поколении.

Как видно, среди смоленских храмостроителей было много выходцев из других сословий и «новоприбылых». Однако не это определяло отношение горожан к ним. Значительную роль в формировании авторитета этих купцов играла их общественная активность, доброта и щедрость. Один из смоленских купцов даже получил фамильное прозвище – Щедрин.

Следует заметить, что и вклад в строительство храма был нередко средством для формирования авторитета купца в глазах городского сообщества. Так, Аггей Бубнов был выбран бургомистром Вяземской ратуши вскоре после постройки им церкви, а затем купца, уже зарекомендовавшего себя в должности, выбрали бургомистром и городского магистрата, о чем свидетельствуют документы этих органов, относящиеся к 40-50-м гг. XVIII в.

О доверии горожан к купцам-храмостроителям свидетельствует довольно частое избрание их

или их близких родственников (отцов или братьев) на различные должности в городском самоуправлении. Хотя далеко не обо всех храмостроителях имеются такие сведения, все же можно отметить, что в Смоленске трое таких купцов были выбраны на должности бургомистров ратуши и магистрата, а также президента магистрата. Один из купцов был выбран земским старостой, еще один – ратманом. У пятерых храмостроителей на выборные должности были избраны близкие родственники.

Выдающимся и в то же время характерным для большинства храмостроителей был путь, который прошел И.Б. Пискарев. Будучи сыном отставного солдата, ставшего богатым купцом, он уже в двадцать с небольшим лет стал бургомистром Смоленского магистрата. Позже он служил президентом Смоленского губернского магистрата, а в 1767 г. смоляне избрали его депутатом Законодательной (Уложенной) комиссии Екатерины II.

В Вязьме на должностях бургомистров ратуши и магистрата служили пятеро храмостроителей, трое – на должностях земских старост, ратманов и таможенных голов. У семерых вяземских купцов-храмостроителей на выборных должностях служили отцы и братья.

Ярким образцом того, как относились горожане к купцам-храмостроителям, был случай избрания пожилого смоленского купца В.Г. Хлебникова городским головой. Это произошло в 1785 г., вскоре после дарования Екатериной II Жалованной грамоты городам. В молодые годы В.Г. Хлебников служил земским старостой. Позднее, будучи приходским старостой храма Архангела Михаила, он провел капитальный ремонт здания храма XII в., обнес его каменной оградой и возвел колокольню. Горожане избрали В.Г. Хлебникова, «помня его благодеяния, какия он во время цветущаго своего состояния чрез 40 лет в сем городе живущим оказывал». Этот храмостроитель давал приют бедным, содержал построенное им коммерческое училище, платил подушную подать за бедных горожан. Число таких подопечных доходило до 40. К моменту избрания городским головой В.Г. Хлебников уже не имел такого капитала, как в его лучшие годы, и состоял во второй гильдии. Однако это не смутило избравших его горожан. «За добродетель избран», – отметил по этому поводу историк начала XIX в. Н.А. Мурзакевич [6, с. 114-115].

Храмостроительство становилось для некоторых купцов семейной традицией. В XVIII в. в Смоленске сложились три династии купцов-храмостроителей. Это – Щедрины, Пискаревы и Никитины. Федор Щедрин построил в конце 40-х гг. XVIII в. Нижне-Николаевскую церковь, его сын Филимон через четверть века – Благовещенскую.

В 1755 г. Борис Пискарев пожертвовал деньги на строительство Спасо-Преображенского храма Авраамиевского монастыря. Его старший сын Иван через десять лет выстроил каменное здание своей приходской Богородице-Рождественской церкви. В 1778 г. младший сын Б.З. Пискарева Матвей построил церковь, которая известна в Смоленске как Окопная.

Стефан Никитин начал строительство храма Антония и Феодосия Печерских в семи верстах от города на своей земле, где была расположена его шелковая «фабрика». Заканчивал строительство и упорно добивался освящения нового храма его сын Константин.

Среди вяземских храмостроителей выделялись династии купцов Коноплиных, Бубновых, Корасевых, Лютовых, Барышниковых. В 1690 г. А.Ф. Коноплин при участии прихожан воздвиг Николаевскую церковь. В 1756 г. под колокольной этой церкви его сын Г.А. Коноплин построил храм святого великомученика Иоанна Воина.

Братья А.Ф. и Т.Ф. Бубновы, потомки старинного вяземского купеческого рода, стали строителями трех каменных церквей города Вязьмы. В 1711 г. старший из братьев – А.Ф. Бубнов – построил церковь Трех Святителей – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. В 1762 г. Т.Ф. Бубнов воздвиг храм Всемиловитого Спаса с приделом преподобного Аркадия Новоторжского, а позднее построил церковь Рождества Христова, известную в Вязьме как Ямская [1, с. 343, 351, 353; 8, с. 831; 5, с. 158].

В 1750 г. вяземский купец С.Г. Корасев построил в своем купленном селе Баринове деревянную церковь во имя Богоявления Господня с приделом святителя Николая. В 1786 г. его младший сын И.С. Корасев воздвиг на месте старой церкви каменный храм во имя Богоявления Господня с двумя приделами [1, с. 495, 496; 8, с. 732, 889].

Представители разветвленного купеческого рода Лютовых вложили свои средства в строительство и украшение двух вяземских храмов – Алексеевской церкви, более известной как Дворцовая, и храма Владимирской Божией Матери или Троице-Кладбищенского.

И.С. Барышников, один из самых известных и богатейших купцов Вязьмы, построил в родном городе два придела при церкви Святых апостолов Петра и Павла, а его сын – майор И.И. Барышников – деревянную церковь – уже в своем помещичьем имении [8, с. 943]. Семья Барышниковых известна также и благотворительной деятельностью. И.С. Барышников передал, по просьбе губернатора, городской каменный дом на нужды училища [4, л. 1].

Практически все представители купеческих династий храмостроителей пользовались уважением у горожан.

Весьма показательным выражением авторитета, которым обладали храмостроители, было приглашение их и членов их семей в качестве восприемников при крещении новорожденных детей горожан разных сословий. Материалы метрических книг городских церквей XVIII в. позволяют

исследовать эту проблему. Среди родителей крестников в первую очередь были представители купечества и мещанства. Нередко и священники приглашали купцов-храмостроителей или их жен стать крестными родителями своих детей. У самих же храмостроителей восприемниками чаще всего были такие же купцы-храмостроители, что свидетельствует об их тесном общении и, возможно, взаимном влиянии друг на друга. Довольно часто крестными родителями детей храмостроителей становились священники, а иногда – дворяне. Все это раскрывает широкий круг личного общения храмостроителей, интерес к этому общению со стороны представителей разных сословий и свидетельствует об общественном авторитете купцов-храмостроителей.

На общем фоне купцов-храмостроителей, выступавших в качестве восприемников, выделялся смоленский купец А.Ф. Сисоев, отцом которого был духовщинский мещанин, переселившийся в Смоленск. А.Ф. Сисоев и члены его семьи – жена, две дочери и сын – особенно часто приглашались как восприемники для крещения детей горожан. По свидетельству метрических книг, сам А.Ф. Сисоев четырежды становился крестным отцом, его супруга М.Л. Сисоева – 7 раз, дочери – 20 и 7, сын – 11 [3, л. 278 об., 381, 475, 692 об., 320 об., 355 об., и др.]. А.Ф. Сисоев стал еще и крестным отцом трех дочерей президента Смоленского губернского магистрата, «фабриканта» и храмостроителя И.Б. Пискарева [2, л. 157 об., 165 об., 199]. Члены семьи Сисоевых вступали в кумовство с представителями самых разных слоев городского населения. В то же время родителями их крестников и восприемниками, с которыми они вместе крестили младенцев, были и такие уважаемые люди Смоленска, как Пискаревы, Нашиванкины, Никитины, а также священники городских церквей. Всего у Сисоевых было больше 50 крестников.

Купцы-храмостроители занимали ведущие позиции как в предпринимательстве, так и в общественной жизни города. Причем они подавали своей деятельностью пример и всему купеческому сообществу, поэтому в Смоленске и Вязьме во второй половине XVIII в. вырос целый ряд церквей, воздвигнутых на средства, собранные всем миром. Храмостроители занимали заметное место и среди благотворителей, заботившихся о бедных, поэтому к ним часто обращались за помощью – открыто или подкидывая им новорожденных младенцев. Происхождение купцов-храмостроителей практически не влияло на отношение к ним городского сообщества. Доверие горожан к храмостроителям нередко выражалось в избрании их на высокие должности в городском самоуправлении. Фактически место купцов-храмостроителей в российском провинциальном городе XVIII в. соответствовало месту городской элиты.

Список литературы

1. Ведомость учиненная Вяземским Духовным правлением в 1774 г. о церквах города Вязьмы и уезда // Смоленские епархиальные ведомости. – 1872.
2. Государственный архив Смоленской области. – Ф. 48. – Оп. 1 (ОЦ). – Д. 343.
3. ГАСО. – Ф. 48. – Оп. 1 (ОЦ). – Д. 355.
4. ГАСО. – Ф. 114. – Оп. 1. – Д. 38.
5. Краткое описание церквей Смоленской епархии / Сост. А. Санковский. – Смоленск, 1898.
6. Мурзакевич Н.А. История города Смоленска / Под ред. И.И. Орловского. – Смоленск, 1903. – 248 с.
7. Семёнова А.В. Национально-православные традиции в менталитете Русского купечества в период становления предпринимательства // История предпринимательства в России. – М., 2000. – Кн. 1: От средневековья до середины XIX века. – С. 433-441.
8. Сперанский И. Деятели Смоленского края на пользу церкви, общественной благотворительности, науки и народного образования // Смоленские епархиальные ведомости за 1899 г. – Смоленск, 1899.
9. РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 445/11.
10. РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Д. 445/48.

МЕЩАНИН-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ В МАКЛЕРСКОЙ КНИГЕ КАЗАНИ 1818 Г.:

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ОБЫВАТЕЛЯ

Т.В. Бессонова

Набережночелнинский институт КФУ

г. Набережные Челны

Аннотация: В статье исследуются черты предпринимательской деятельности казанских мещан, выявленные по материалам маклерской книги 1818 г. Данное исследование показало широкие возможности маклерских книг как источника, позволяющего изучить формы и способы предпринимательской активности мещанства. Это дает возможность скорректировать сложившееся в историографии мнение об экономической инертности мещанства.

Ключевые слова: мещанство, предпринимательская деятельность, маклерская книга, социальное ранжирование

BOURGEOIS-ENTREPRENEUR IN THE BROKERAGE REGISTER KAZAN 1818:

TOUCHES TO THE PORTRAIT OF EVERYMAN

T.V. Bessonova

Abstract: The article examines the characteristics of entrepreneurship Kazan townspeople identified on materials brokerage Book 1818 This study shows opportunities brokerage books as a source for exploring the forms and methods of entrepreneurial activity of the petty bourgeoisie. This makes it possible to adjust the prevailing view in the historiography of economic inertia of the petty bourgeoisie.

Key words: petty bourgeoisie, entrepreneurship, brokerage book, social rankings

В Российской империи формальный социальный статус включал три основных составляющих: наследственность, или происхождение, образование, род занятий. Юридическое определение мещан обрисовывало данную социальную категорию как наследственное податное городское население, имеющее право на определенные виды деятельности. Ученые, исследующие социальную историю, отмечают постоянно встречающиеся факты несоответствия социально-экономических реалий юридическим определениям практически у всех сословий дореформенного общества. Есть признаки формального положения – сфера занятий, подати и повинности, права и привилегии. Они дополняются неформальными элементами – экономической, профессиональной или образовательной дифференциацией, намеренным или нет нарушением правовых границ, семейными связями и пр.[1, с.13]. Социальный статус мещанина, таким образом, основывался на сочетании типичных черт, определенных законодательством, и реальных социальных характеристик, свидетельствующих о множественности и изменчивости идентичностей.

Мещане идентифицировались в российском обществе как «мелкие торговцы, приказчики, ремесленники, прислуга» [2, с.9]. Но в социальной истории «общие тенденции проступают лишь в конечном счете, пробиваясь через разногласия индивидуальных случаев, производящих впечатление хаоса» [3, с.215]. Так, внутри мещанства можно выявить ярко выраженную иерархию лиц от не имеющей своего дома прислуги, «кормящейся черною работою», до лиц, владеющих несколькими домами и сдающих жилье дворянским семьям. Даже категория «находящиеся в услужении», постоянно фиксируемая в обывательских книгах, ничего не говорит о реальном положении мещанина без изучения конкретной жизненной ситуации.

Эту социальную ткань можно реконструировать через анализ деятельности в повседневной жизни. Государство, создавая мещанское сословие, ограничило его активность мелкой торговлей и ремеслом, создав в городах слой мелких обывателей. Мещане использовали любую возможность, чтобы заработать на жизнь. Так же, как и в любом другом российском городе, казанские мещане вели мелочную торговлю, сдавали внаем жилье, занимались ремеслом и иногда хлебопашеством. Многие держали скот, существенную материальную поддержку оказывало садоводство и огородничество. Значительная часть мещан нанималась в услужение, причем характер этого вида деятельности варьировался от отдачи в зажив до престижной и хорошо оплачиваемой службы приказчиком или сидельцем. Активно использовались и разовые способы зарабатывания, например, извоз на массовых гуляньях и т.п. Безусловно, социальное расслоение было достаточно заметным, разбогатевшие мещане переходили в купечество, другие пополняли ряды городской бедноты. Но основная масса мещан дореформенного времени, как считал Я. Абрамов, жила вполне безбедно, а некоторые даже довольно зажиточно, вполне оправдывая свою социальную характеристику как обывателя – человека не выдающихся финансово-материальных возможностей, но живущего по тогдашним меркам своей среды достаточно сносно [4, с. 270].

Что же представлял собой мещанин с точки зрения характера и типа его хозяйственной деятельности? Купец-предприниматель как представитель нарождающейся российской буржуазии стал устойчивой фигурой в историографии, публицистике и художественной литературе. Мещанское предпринимательство остается малоизученным феноменом, в самом существовании которого у многих исследователей были большие сомнения. По мнению В.М. Бухараева, «труд большинства мещан был направлен на удовлетворение собственных потребительских нужд и выполнение обязательств перед властью, с использованием примитивного инвентаря и труда членов всей семьи, без цели получения прибыли» [5, с.25]. В данной статье предпринята попытка реконструировать некоторые черты мещанского предпринимательства, отразившиеся в маклерских книгах и ускользающие при исследовании иных документов и материалов. Широкие возможности маклерских книг для изучения жизнедеятельности горожан еще в 1967 г. отметил С.И. Сметанин [6]. Однако до сих пор данный источник незначительно используется исследователями.

Для анализа использовались две маклерские книги, охватывающие акты, зафиксированные казанским присяжным маклером Гаврилой Селивановым в 1818 году. В них содержатся записи контрактов, условий, векселей, росписей, лавочных договоров с приказчиков, сидельцами и поверенными, условий о продаже крепостных домов и мест, о найме квартир, лавок, сторожей и рабочих людей [7, 8]. В данных книгах содержатся 205 записей. Мною исследованы те записи, в которых хотя бы

одной из сторон является казанский мещанин. Подобных текстов насчитывается 79, то есть в 38-ми процентах записей фигурирует мещанин, что свидетельствует о достаточной экономической активности мещанства.

Изучение записей в маклерских книгах позволяет выделить среди мещан две категории: первая – более деятельные, успешные, являющиеся активной стороной зафиксированных отношений, кого можно отнести к категории предприимчивых. Другая – нанимающиеся в услужение или работы, соответственно более приниженные, подчиненные, зависимые. Среди представителей первой группы мы и будем искать мещанина-предпринимателя.

Прежде всего, мещане были активными участниками вексельных соглашений. В условиях слабого развития кредитования частных лиц займы по вексям были наиболее распространенным вариантом получения средств на развитие своего дела либо отдачи денег «в рост». Среди упомянутых в книге заимодавцев в половине записей (16) фигурируют мещане, остальные 16 случаев фиксируют купцов. В большинстве своем мещане давали деньги мещанам же (11 случаев), а также ямщикам, цеховым и торговым татарам на сумму от 350 до 2000 рублей.

Часто мещане сами занимали деньги – в источнике содержится 16 таких актов. По-видимому, это были средства для осуществления торговли, поскольку в 5 случаях было прямо оговорено, что суммы (от 680 до 3000 рублей) были получены товаром, иногда уточнялось, что деньги предстоит вернуть на Макарьевской и Ирбитской ярмарках. Вероятнее всего, эти мещане торговали, работая на купца, не будучи самостоятельными предпринимателями, но все же являлись активными участниками торговой деятельности. Однако мещане и сами нередко давали товары для продажи на ярмарке. Так, мещанин Василий Оверьянов Хворостов получил от купецкого сына Якима Коровина товар на 3000 руб.; он же по векселю дал товар на 700 руб. на Макарьевской ярмарке мещанину из Великого Устюга.

Мещане часто выступали в качестве хозяев-работодателей, нанимая ремесленников для различного вида работ. Подобная деятельность в других источниках нам до сих пор не встречалась, поэтому представляется важной чертой мещанского предпринимательства. Согласно договорам, разными мещанами были наняты крестьянин для изготовления татарских башмаков, три человека для шитья шапок, а мещанин Воцешников взял сразу двух работников для кладки печей. В условиях соглашений обычно уточнялось, что хозяин вправе отправить работника на работы в уезд или на ярмарку [7, лл. 12 об, 17, 26; 8, лл. 13, 21 об.-22]. Мещане, ведущие лавочную торговлю, нанимали себе сторожей, а в двух контрактах – даже сидельцев для торговли на сумму от 1000 до 2000 руб. [7, лл. 9,16;8, л. 14]. Еще в двух случаях мещане брали крепостных для обучения портному и каретному мастерству [7, Д. 235, л. 22].

Об активной самостоятельной торговой деятельности мещан свидетельствуют многократные случаи взятия внаем лавок. Судя по оплате, доходность лавок и соответственно статус владельца были разными. Преобладали недорогие лавки с мелким товаром и незначительным торговым оборотом, плата за которые колебалась от 45 до 90 рублей в год. В трех случаях масштабы торговой деятельности были значительно выше. Так, два брата Зориных взяли на двоих четыре лавки, оплачивая каждый по 160 рублей в год. Мещанин Захаров взял две дегтярные лавки, выплачивая уже по 400 руб. [7, лл. 4, 15об.]. Но наиболее состоятельно выглядит мещанин Ведерников, взявший лавку в пряничном ряду за 400 руб. и лавку для торговли фруктовым товаром за такую же плату [7, л.3;8, л.9]. К группе высокого статуса можно также отнести двух мещан, один из которых снимал дом для продажи казенного вина за 400 руб., а другой – постоянный двор с лавкой за 500 руб. [7, л. 35об.; л. 15].

Среди лиц, ведущих энергичную предпринимательскую деятельность, выделяется несколько фигур, осуществляющих достаточно крупные торговые операции, сравнимые с купеческими оборотами, либо зарабатывающих на целом комплексе занятий. Мещанин Соловьев с товарищами обязался поставить казенной провиантской конторе гречневую крупу на 48 000 рублей [7, л. 27-27об.]. Весьма значительным представляется статус мещанина Белоусова, который подрядился производить сбор недоимок государственных податей за 1-ю половину 1818 г. с вознаграждением в 600 руб., и он же производил торговлю в лавке на 4000 рублей, наняв для этой цели мещанина Коровина в младшие партнеры [7, лл.1, 30об.]. Мещанин Месетников взял в содержание общественные весы и меры в городе, внося за их содержание в Думу 2775 руб. в год [7, л.18-18об.]. Мещанин Савин обязался поставлять ржаную муку на сумму 5750 руб., кроме того, он являлся владельцем двух каменных домов, мельницы и трех постоянных дворов в Царевокошайском уезде, а также фруктовой лавки, сдаваемой им за 250 рублей в год [7, лл.11, 26об., 31]. Активную деятельность вел Петр Матвеев Реутов. Он был содержанием двух лавок, торгующих на 2000 руб. в год каждая, для которых нанял сидельцев и сторожа и сдавал внаем лавку с фруктовым товаром за 400 руб. Он же для домашней работы взял в услужение крепостную девку, на нижегородской ярмарке дал заем на 360 руб. устюжскому мещанину, а мещанину Ведерникову – «фруктовых разных товаров» для продажи на 2000 руб. [7, лл. 3, 10, 24; 8, лл. 11, 14].

Таким образом, мещане, являясь по формальному положению мелкими торговцами и ремесленниками, по социальному статусу были весьма различны. Мещане проявляли чудеса гибкости, сочетая различные формы извлечения прибыли в условиях жестко заданных социально-юридических рамок. Как отмечала З.М. Кобозева, исследуя мещанскую повседневность провинциальных городов пореформенной России, «горожанин-мещанин эпохи превращения патриархального города в город нового времени, через отношение к делу (бизнесу), собственности, поднимался над «тяглым» характером

своего статуса». Однако и для дореформенного времени предприимчивость и экономическая активность мещан представляются не единичными фактами, а постоянным явлением в среде губернского города.

Список литературы

1. Виртшафтер Элис К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. – М.: Логос, 2002.
2. Дружинин Н.П. Мещане, их положение и нужды. – М., 1917. – 2-е изд.
3. Уваров П.Ю. Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам. – М.: Наука, 2004. – С. 215.
4. Абрамов Я. Забытое сословие // Наблюдатель. – 1885. – №1.
5. Бухараев В.М. Провинциальный обыватель в конце XIX – начале XX века: между старым и новым // Социальная история: Ежегодник. 2000. – М., 2000.
6. Сметанин С.И. Маклерские и обывательские книги как источник по социально-экономической истории России (по материалам городов Урала 1800-1861) // Археографический ежегодник за 1967 год. – М., 1969. – С. 149-177.
7. Национальный архив Республики Татарстан (далее НА РТ). – Ф. 114. – Оп. 1. – Д. 235.
8. НА РТ. – Ф. 114. – Оп. 1. – Д. 236.
9. Кобозева З.М. Мещанская повседневность провинциальных городов России во второй половине XIX-начале XX вв.: дис....д.и.н. – Самара, 2014. – С. 470-471.

ОБРАЗ РУССКОГО КУПЕЧЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ А.П. ЧЕХОВА:

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ И РЕАЛЬНЫЙ ОБЛИК

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-11-70001)

В.П. Бойко

ТГАСУ, г. Томск

Аннотация: В статье представлен образ русского купечества, встречающийся в творчестве А.П. Чехова. Обращение к данной теме не только Чехова, но и других российских писателей, указывает на укрепление роли торгового класса и буржуазии в жизни пореформенной России.

Ключевые слова: Творчество Антона Павловича Чехова, Россия, купечество, предпринимательство

THE IMAGE OF RUSSIAN MERCHANTS IN CREATIVITY OF ANTON

CHEKHOV: ART FICTION AND REAL CHARACTER

V.P. Boyko

Abstract: The greatest Russian writer Anton Chekhov knew the merchant environment well since his childhood, but in the first of his works he did not shared this experienced with the readers. Obviously the negative impressions about the life style in Taganrog were too fresh, where he helped his father to sell in the shop and got reprimands and punishment from him. Chekhov's grandfather, Yegor Mikhailovich, was a serf in the Voronezh province, and was able to redeem with his family and later, at the end of the life served as an estate manager. Chekhov's childhood impressions of travelling through the Azov steppe to his grandfather's place are reflected in the story "The Steppe", where also the types of merchants were described. It will be considered later in this article. Chekhov's father, Pavel Yegorovich, owned a small grocery store in Taganrog where tea, sugar, cereals and other food products were sold. Description of the shops can be found in many Chekhov's novels and short stories, where he gives their internal environment in the most subtle details. As every merchant, his father intended to expand business, but he hadn't such features of character as practicality, business shrewdness and cunning, however ones were replaced by his artistic talents. Pavel Yegorovich was regent of the church choir. Next periods of his creativity, A.P. Chekhov showed merchants more realistically and vividly. They are part of the background of the narrative and link the heroes of his stories and the site of action. Merchant names and surnames present in Chekhov works as the names of houses and streets, industrial and commercial establishments, warehouses, etc. Merchants became indispensable elements of city life, without which the city is unthinkable. As Chekhov's writing talent had being strengthened and developed, as narrative form had being larger and subjects of his stories had become more complicated, merchant topic is becoming more serious, thorough and delineated psychologically. The individual characters of the merchants had been taking as the protagonists of his stories and novels. It is indicating not only the strengthening of the role of the merchant class and the bourgeoisie in the life of the post-reform Russia, but also the greater Chekhov's interest and other Russian writers to cover this topic.

Key words: Creativity of Anton Chekhov, Russia, merchant, entrepreneurship.

Уже в первых еще во многом наивных и простеньких юмористических рассказах А.П. Чехова, печатавшихся в 1880 – 1884 гг. под авторским псевдонимом Антоша Чехонте, встречаются сведения о купцах, начинает разрабатываться купеческая тема. Упоминания о купцах пока еще очень редки и фрагментарны, хотя, как известно, писатель родился в купеческой семье и жизнь купцов знал не понаслышке. Например, в известном рассказе «Радость», больше напоминающем фельетон, упоминается «второй гильдии московский купец Степан Луков», извозчицы сани с которым переехали через пьяньенского, как оказалось, коллежского регистратора Митю Кулдарова, который был вне себя от счастья, что о нем в газете появилась заметка [1, Т. 1, с. 9]. Основное внимание в этот период Чехов уделяет «маленькому человеку», простым и незаметным, на первый взгляд, людям: мелким чиновникам, ремесленникам, торговцам, кучерам, дворникам, рабочим и другим демократическим слоям населения. Делает это кратко, талантливо и смешно, так что впрямую позавидовать читателям тех газет и журналов, где он печатался («Зритель», «Осколки», «Наблюдатель», «Развлечение», альманахи «Северные цветы», «Стрекоза» и другие). Жанр короткого рассказа и фельетона был очень популярен в частной прессе конца XIX в., в том числе и в сибирских газетах, которые авторам данной статьи хорошо знакомы, но здесь, в Сибири, они длинные, скучны, тяжелы по стилю и нравоучительны по тону повествования.

В рассказе «Справка» главные действующие лица, мелкие чиновники-взяточники, которые без определенной мзды (не рубль или два, а непременно три) не замечают просителей «в упор», стоящих перед ними и просящего дать им ничтожную справку. Более того, для придания серьезности своим занятиям, они упоминают о своих важных делах: «Иван Алексеевич! – крикнул чиновник в воздух, как бы не замечая Волдырева. – Скажешь купцу Яликову, когда придет, чтобы копию с заявления в полицию засвидетельствовал! Тысячу раз ему говорил!» [1, Т. 1, с. 49]. Тем самым криком позывается вскользь недогадливому просителю, помещику, между прочим, что вот купец догадался дать взятку, и его дело решено. Впрочем, после получения оговоренной мзды, поза и лицо чиновника мгновенно изменились на угодливую, и справка была выдана.

В известном рассказе «Шведская спичка», который сам Чехов назвал пародией на детектив, в юмористических тонах повествуется о мнимом убийстве и его расследовании. Старый следователь при осмотре места преступления вспоминает «убийство купца Портретова», которого какие-то «мерзавцы убили и вытащили труп через окно [1, Т. 1, с. 75]. Впрочем история закончилась счастливо, и пропавший без вести отставной корнет Марк Иванович Кляузов был найден живым и здоровым, в отличие от многих купцов, которые довольно часто в рассказах А.П. Чехова выводились в качестве жертв ограбления и последующего убийства, как это и было на самом деле на необъятных просторах России.

В другом рассказе «Орден», написанном в том же неподражаемом юмористическом духе, учитель военной прогимназии Лев Пустяков выпрашивает у своего товарища поручика Леденцова орден, чтобы идти в гости к купцу Спичкину: «Сегодня, видишь ли, я обедаю у купца Спичкина. А ты знаешь этого подлеца Спичкина: он страшно любит ордена и чуть ли не мерзавцами считает тех, у кого не болтается на шее или в петлице. И к тому же у него две дочери ...» [1, Т. 1, с. 93]. Весь юмор этого рассказа заключался в том, что учитель встретил на праздничном ужине своего коллегу, учителя французского языка, у которого тоже был на груди выпрошенный у кого чужой орден. Сначала они друг друга конфузились, но потом уже жалели, что не выпросили себе ордена уже более высокого ранга. Но для купечества было характерно, в самом деле, глубокое почтение к чинам и орденам и даже на свадьбы часто приглашались генералы военные и штатские, с орденскими звездами и без них, и за все эти знаки отличия была особая цена.

Не упустил А.П. Чехов возможности показать типичные для учебников арифметики задачи, связанные с купеческим бизнесом: «Купец купил 138 арш. черного и синего сукна за 540 руб. Спрашивается, сколько аршин купил он того и другого, если синее стоило 5 руб. за аршин, а черное 3 руб.?»). Ни ученик, Петя Удодов, ни репетитор, гимназист VII класса Егор Зиберов, не смогли решить эту простую, на первый взгляд, задачу, в то время как отец мальчика делает это шутя по старинке на счетах. В самом деле, в учебниках и в русской литературе это отражено, довольно часто купцы фигурировали как персонажи, которые что-то продавали или покупали, куда-то ездили, что-то делали и ученики представляли эти процессы более реалистично, чем резервуары с водой, которые наполнялись и опорожнялись, поезда, которые ехали навстречу друг другу, и другие довольно абстрактные задачи. А вот купеческие лавки были у каждого ученика под боком, и они часто туда бегали за разными покупками, знали, какой товар чего стоил и когда можно поторговаться, а когда нет.

Пожалуй, в одном из самых известных рассказов Чехова «Хамелеон» действие разворачивается с эпизода, когда из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах, бежит собака, а за ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубашке и расстегнутой жилетке. Это оказывается золотых дел мастер Хрюкин, которого эта собачка, вернее, борзой щенок, укусила. Попутно читатель узнает, что Хрюкин пришел на дровяной склад по делу, договориться «насчет дров с МитрийМитричем», т.е. с хозяином склада, а базарная площадь, где находится этот склад, в этот дневной час пустынна: «Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих» [1. Т. 1, с. 133]. Типичная картина провинциальной России, когда скука разливается над небольшим уездным городком и любое событие становится здесь интересным и значимым, особенно если его описывает такой талантливый писатель, как А.П. Чехов. В другом рассказе «надлежащие меры», купеческие торговые

заведения и их владельцы оказываются уже в центре повествования, т.к. описывается «рейд» санитарной комиссии по этим заведениям, и меры купцов, их владельцев, чтобы не допустить их к себе. В конце концов, члены комиссии, уже полупьяные, оказываются в ревизуемом винном погребе, где веселье продолжается, а в качестве закуски употреблены реквизованные подгнившие яблоки. И снова в их разговоре звучат имена плутоватых купцов: Ошейников Демьян Гаврилыч, Голорыбенко, Шибукин и другие.

Постепенно купеческая тема в рассказах Чехова становится все более важной и значительной. Вот уже появляются в них новые хозяева жизни, крупные воротилы и дельцы, к которым нужно простым обывателям проявлять почтение и уважение, какими бы делами те ни занимались. В рассказе «Маска» обрисовывается ситуация, когда во время бала-маскарада в читальном зале общественного клуба появляется «широкий приземистый мужчина, одетый в кучерский костюм и в шляпу с павлиньими перьями, в маске». Читающая, с виду интеллигентная публика с возмущением встречают эту маску и его спутниц в сопровождении лакея с шампанским и закусками, тем более что маска начинает читателей задирать и хамить. Но вскоре почтенные читатели в корне меняют свое отношение к мужчине, посмеявшим нарушить их покой, когда «в буяне все узнали местного миллионера, фабриканта, потомственного почетного гражданина Пятигорова, известного своими капиталами, благотворительностью и как не раз говорилось в местном вестнике – любовью к просвещению» [1, Т. 1, с. 158]. Таким образом, начинающий в 1880-е годы великий русский писатель А.П. Чехов, хорошо зная купеческую среду, пока не делился этими своими знаниями и наблюдениями с читателями, т.к. слишком свежи были негативные впечатления о своем жизненном опыте в Таганроге, где он сам помогал отцу торговать в лавке и получал от него выговоры и наказания.

Дед Чехова по отцу, Егор Михайлович, был крепостным из Воронежской губернии и смог выкупиться с семьей на волю и служил в конце жизни управляющим имением. Детские впечатления от поездки к деду через приазовскую степь отражены в повести «Степь», в которой также отражены купеческие типы и о которой поговорим в этой статье ниже. Отец Чехова, Павел Егорович, владел в Таганроге небольшой бакалейной лавкой, где продавали чай, сахар, крупы и другие продовольственные товары. Описание таких лавок встречается во многих рассказах и повестях Чехова, и он передает их внутреннюю обстановку до самых тонких подробностей. Как и у всякого купца, у отца Чехова было желание расширить свое дело, но не хватало практичности, деловой сметки и хитрости, которые возмещались его художественным талантом. Он был регентом церковного хора и, как вспоминал позже Чехов, «когда бывало, я и два моих брата среди церкви пели трио «Да исправится» или же «Архангельский глас, на нас смотрели с умилением и завидовали моим родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжниками». Властный и деспотичный отец прилагал к традиционным тогда методам воспитания, и наказание розгами, семейный деспотизм рано выработали у Чехова отвращение к несправедливости и насилию, обостренное чувство собственного достоинства. Эти чувства поддерживала его мать, Евгения Яковлевна, которая также была внучкой выкупившегося из неволи крепостного крестьянина, но она вносила в семью мягкость и человечность. «Талант у нас со стороны отца, а душа со стороны матери», – говорил впоследствии Чехов [2, с. 10].

В последующие периоды своего творчества А.П. Чехов показывает купцов более реалистично и выпукло, они составляют часто фон повествования, являются связующим звеном между героями его рассказов и местом действия. Купеческие имена и фамилии присутствуют у Чехова как названия домов и улиц, промышленных и торговых заведений, складов и т.д. Купцы становятся в его произведениях непременными элементами городской жизни, без которых город немислим. Например, портной Меркулов из рассказа «Капитанский мундир» горько жалуется на судьбу, загнавшую его в городишко, наполненный одними купцами и мещанами. Он гордится, что выполнил заказ гарнизонного капитана и сшил ему мундир, хотя плату за работу и материалы так и не получил.

Купцы в первых рассказах Чехова часто имеют анекдотическую или водевильную окраску, т.е. смешны в своих умонастроениях или действиях. Например, Макар Тарасыч Пешкин, судя по всему, мелкий лавочник, не может выдать замуж свою дочь из-за своей нерешительности, так как не может заставить женихов решиться на то, чтобы пойти под венец. Каждый раз в последний момент женихи чего-то пугаются или просят увеличить размер приданого. В пример он берет купца Клякина «У него жених тоже упорствовать стал, в приданом заметил что-то не то, так он, Клякин-то, завел его в кладовую, заперся, вынул, знаете ли, из кармана большой револьвер с пулями, как следует заряженный, и говорит: «Побожись, говорит, перед образом, что женишься, а то, говорит, убью сию минуту, подлец этакой. Сию минуту!» Побожился и женился молодчик. Вот видите. А я бы так не способен» [1, Т. 2, с. 24]. Чехов-драматург, уже в первом своем серьезном произведении «Иванов» смело сочетал остродраматическое или даже трагическое с мелодраматическим, то есть смешным. Это образы незадачливого дельца, управляющего имением Боркина, предлагающего всем свои безумные коммерческие проекты; это дочь богатого купца, молодая вдова Марфа Егоровна Бабакина, которая поддалась влиянию Боркина и решила стать графиней, выйдя замуж за пожилого графа Шабельского; это скупая хозяйка имения Зинаида Саввишна с ее «кружовенным вареньем» и другие. Вдова Бабакина хотя и смешна в своих претензиях на благородство, но в коммерции разбирается очень даже неплохо и всегда в курсе биржевых дел, правда, жизнь понимает, как и большинство купцов, слишком материально, т.е. во всем видит свою выгоду и

коммерческий интерес.

В 1880-е годы психологически точные и реалистичные портреты купцов в произведениях Чехова еще не встречаются, хотя отдельные подходы к этой большой и актуальной теме у него уже намечены. Одним из первых рассказов, посвященных характеристике русского купечества, стал рассказ «Писатель», где говорится о молодом купце-чаеоторговце, который заказал для своего магазина рекламу китайских чаев, поступивших на склад три года назад, но подаются покупателю как свежепоступившие и самого высшего качества. Вот облик этого купца по фамилии Ершаков – «... человек молодой, по моде одетый, но помятый и, видимо, поживший на своем веку бурно. Судя по его размашистому почерку с завитушками, капулю и тонкому сигарному запаху, он был не чужд европейской цивилизации» [1, Т. 2, с. 138]. В результате совместного творчества купца и пожилого писателя получилась завидная для конкурентов реклама, но после окончания этих трудов «оба почувствовали себя неловко, как будто совершили какую-то пакость». Расплачиваться за труд рекламщика купец предложил товарами своего магазина, чаем и сахаром, как, впрочем, поступал он со всеми, кого нанимал на временную работу.

По мере того как креп и развивался писательский талант А.П. Чехова, как укрупнялись формы повествования и усложнялись сюжеты его рассказов, а потом и повестей и драматических произведений, купеческая тема у него становится все более серьезной, обстоятельной и психологически очерченной. Уже отдельные персонажи из купцов становятся главными героями его рассказов и повестей, что свидетельствовало не только об укреплении роли купечества и буржуазии в жизни пореформенной России, но и большей заинтересованности Чехова и других русских писателей в освещении этой темы. Вот, например, рассказ «Беда», который в первой редакции имел название «Баран», где безмятежная, сытая и пьяная жизнь купца Авдеева была вдруг прервана арестом директора городского банка, бухгалтера и членов правления. Он был членом ревизионной комиссии этого банка и, не читая, подписывал отчеты, которые ему приносили прямо в его лавку. В результате постепенно обвинения на купца Авдеева принимают все более реальные очертания, хотя он в разговорах и на допросах пытался доказать свою невиновность, но делал это настолько глупо и наивно, что только усугублял свою вину: «Авдеев горячился больше всех и уверял, что он давно уже предчувствовал этот крах и еще два года назад знал, что в банке не совсем чисто» [1, Т. 4, с. 6]. Но кольцо обвинений сжималось, хотя совесть купца была чиста. И свое положение он считал ошибкой и недоразумением, приговор суда его обескуражил – ссылка на поселение в Тобольскую губернию. Для человека, у которого во время следствия и суда пошатнулось здоровье и не осталось средств для поддержания оставшихся дома жены и сына-гимназиста, это было тяжелым ударом, но кто знает, может быть в Сибири ему удастся поправить свои дела и встать на ноги, как это было не раз на самом деле реально жизни.

Более детально и пристально рассматривает Чехов купцов юга России в повести «Степь: история одной поездки», где талантливо и достоверно передает свои детские и отроческие впечатления о своей поездке по степи. Как известно, в этой повести мальчика Егорушку отправляют на учебу в гимназию в губернский город, а сопровождает его в этой поездке родной дядя – Иван Иванович Кузьмичов, который торговал шерстью и другими сельхозтоварами, то есть был прасолом в традиционном понимании этого слова. Однако внешность у него была уже не купеческая, а, скорее, чиновничья, «бритый, в очках и соломенной шляпе», курил дешевые сигары и любил рассуждать на «ученые» темы. Он был фанатиком своего дела и всегда, даже во сне и за молитвой в церкви, «думал о своих делах, ни на минуту не мог забыть о них...» [1, Т. 4, с. 84]. Купец Кузьмичов и его спутник, священник отец Христофор, везли с собой довольно много денег и на постоялом дворе их долго и тщательно пересчитывали, а затем небрежно побросали в мешок и для сохранности в пути использовали этот мешок вместо подушки. Эти деньги предназначались крупному местному дельцу Семену Александровичу Варламову, который в глазах мальчика не выделялся сначала среди других купцов: «В малорослом сером человечке, обутом в большие сапоги, сидящем на некрасивой лошаденке и разговаривающем с мужиками в такое время, когда все порядочные люди спят, трудно было узнать таинственного неуловимого Варламова, которого все ищут, который всегда «кружится» и имеет денег гораздо больше, чем графиня Драницкая» [1, Т. 4, с. 140]. Однако присмотревшись, Егорушка увидел, что «лицо его с небольшой седой бородкой, простое, русское, загорелое лицо, было красно, мокро от росы и покрыто синими жилочками; оно выражало такую же деловую сухость, как лицо Иван Иваныча, тот же деловой фанатизм. Но все-таки, какая разница чувствовалась между ним и Иван Иванычем! У дяди Кузьмичова рядом с деловой сухостью всегда были на лице забота, страх, что он не найдет Варламова, опоздает, пропустит хорошую цену; ничего подобного, свойственного людям маленьким и зависимым, не было ни на лице, ни в фигуре Варламова. Этот человек сам создавал цены, никого не искал и ни от кого не зависел; как ни заурядна была его наружность, но во всем, даже в манере держать нагайку, чувствовалось сознание силы и привычной власти над степью» [1, Т. 4, с. 141-142].

По дороге путникам попались два больших деревянных креста, стоявших по обеим сторонам тракта в память об ограбленных и убитых купцах. На привале один из возчиков рассказал реальную историю их ограбления и убийства: «Купцы, отец с сыном ехали образа продавать. Остановились тут недалеко на постоялом дворе ... Старик выпил лишнее и стал хвалиться, что у него денег с собой много. Купцы, известно, народ хвастливый, не дай бог ... Не утерпит, чтоб не показать себя перед нашим братом в лучшем виде. А в ту пору на постоялом дворе косари ночевали. Ну, услышали это они, как купец

хвастает, и взяли себе во внимание... На другой день, чуть свет, купцы собрались в дорогу, а косари с ними ввязались... Купцы, чтоб образов не побить, шагом ехали, а косарям это на руку... Все ничего было, а как только купцы доехали до этого места, косари и давай чистить их косами. Сын, молодец был, выхватил у одного косу и тоже давай чистить... Ну, конечно, те одолели, потому их человек восемь было» [1, Т. 4, с. 129]. История, конечно, трагическая и страшная, потому как денег у купцов нашли немного, рублей сто, а сами грабители заплатились жизнью трех своих товарищей, но в тоже время таких историй было немало и в народе складывались легенды о несостоявшихся убийствах и чудесных спасениях купцов, которые были большей частью вымыслами и мифами. Мифы, как известно, героизируют прошлое, поэтому купцы в этом случае становятся героями, которые поступают согласно своему кодексу чести, т.е. отважны и всегда готовы к подвигам. Едва ли не каждая поездка купцов по своим делам была сопряжена с определенным риском, и нужно было на эти поездки отважиться.

Повесть «Три года» впервые появилась в журнале «Русская мысль» в начале 1895 г. с подзаголовком «рассказ», хотя сам Чехов называл ее «романом из московской жизни». В центре повествования поставлен Алексей Федорович Лаптев, представитель старого купеческого рода Лаптевых, которые занимались оптовой торговлей галантерейным товаром: «бахромой, тесьмой, аграмантом, вязальной бумагой, пуговицами и проч. Валовая выручка достигала двух миллионов в год; каков был чистый доход, никто не знал, кроме старика» [1, Т. 5, с. 409]. Старик, то есть отец главного героя, был купцом старой закваски: «Федор Степанович был высокого роста и чрезвычайно крепкого сложения, так что, несмотря на свои восемьдесят лет и морщины, все еще имел вид здорового, сильного человека. Говорил он тяжелым, густым, гудящим басом, который выходил из его широкой груди, как из бочки. Он брил бороду, носил солдатские подстриженные усы и курил сигары. Так как ему всегда казалось жарко, то в амбаре и дома во всякое время года он ходил в просторном парусиновом пиджаке» [1, Т. 5, с. 411].

Сам главный герой получил хорошее университетское образование, хорошо говорил по-французски, посещал московские театры, выставки, музыкальные вечера, но внешность имел незавидную: «Он был невысок ростом, худ, с румянцем на щеках, и волосы у него уже сильно поредели, так что зябла голова. В выражении его вовсе не было той изящной простоты, которая даже грубые, некрасивые лица делает симпатичными; в обществе женщин был неловок, излишне разговорчив, манерен» [1, Т. 5, с. 388]. Главная интрига повести заключается в том, что Алексей Лаптев женился на интеллигентной девушке, дочери известного врача, и все время сомневался в ее любви к себе, хотя сам был влюблен искренно и нежно. Он чувствовал, что его любовь становится все сильнее, но взаимности не было, а сущность была та, что он покупал, а она продавалась. Тем не менее, пройдя через холодность и отчуждение, потеряв ребенка, Алексей Лаптев и его жена Юлия Сергеевна стали, в конце концов, через три года, благополучными и любящими друг друга супругами, вместе стали входить в коммерческие дела семьи и заниматься благотворительностью.

Интерес А.П. Чехова к новым хозяевам жизни, к российским предпринимателям и их деятельности, в 1890-е годы отразился в некоторых других произведениях писателя – «Бабье царство», «Случай из практики», «В овраге», в пьесе «Вишневый сад» и некоторых других. Постепенно в его творчестве происходит переход от характеристики купцов как людей грубых, жадных и малокультурных, которые готовы совершать странные поступки. Например, в рассказе «Крыжовник», где главный герой поражен скопидомством, чтобы накопить денег и купить себе имение, неожиданно в разговоре появляется образ купца, который якобы перед смертью «приказал подать себе тарелку меду и съел все свои деньги и выигрышные билеты, чтобы никому не досталось». Вряд ли это возможно физически, но характеристика жадного и глупого купца дана, хотя это и не совсем так. Представители крупного капитала, а это преимущественно купцы, заводят фабрики, где трудятся сотни и тысячи рабочих, производящих необходимые для людей товары, строят железные дороги, вагоны, паровозы и пароходы, с помощью которых перевозят многие грузы и пассажиров, концентрируют в своих руках миллионные капиталы. Все это не от природной или приобретенной склонности к корыстолюбию, а характерные знаки и символы капиталистической эпохи, где большие деньги становятся реальной силой, и многие люди стремятся ими завладеть. Можно их осуждать или иронизировать по поводу их низкой культуры и грубости, но для того, чтобы составить себе капитал, нужны определенные таланты, целеустремленность, энергия и сила, и эти качества в разной степени присущи героям поздних произведений А.П. Чехова.

Список литературы

1. Чехов А.П. Собрание соч.: В 8 т. – М.: Правда, 1970.
2. Чехов А.П. Энциклопедия / Сост. и науч. ред. В.Б. Катаев. – М.: Просвещение, 2011. – 696 с.

ДОЛЯ КРЕСТЬЯНКИ САРАПУЛЬСКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XIX ВЕКА

М.В. Бондарь

МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья», г. Сарапул

Аннотация: В статье описывается повседневный быт русской женщины в деревне, на примере Сарапульского уезда.

Ключевые слова: Сарапульский уезд, крестьянский быт женщины, обработка льна, ткачество, сенокос

SHARE PEASANT SARAPULSKY COUNTY AT THE END OF THE XIX CENTURY

M.V. Bondar

Abstract: The article describes the everyday life of a Russian woman in the village, on the example of Sarapulsky County.

Keywords: Sarapul'skiy county peasant life woman, flax processing, weaving, haymaking

В XIX веке Сарапульский уезд занимал юго-восток губернии по обоим берегам реки Камы, территория его простиралась на 1601654 десятин 754 кв. сажен. Население преобладало русское, а также проживали вотяки, черемисы, татары и другие национальности. Основное население были рабоче-крестьянское – мужчин насчитывалось около 80 тыс., женщин – 85 тысяч человек.

Удел русской женщины в деревне – это тяжелый труд от зари до зари. Женщина в семье исполняла все работы, она не только воспитывала детей, готовила еду, смотрела за домашним скотом, огородом, но и занималась рукоделием, изготавливала одежду для всей семьи. Рабочий день женщины в крестьянском быту начинался в 4 часа утра. Она топила печь, готовила еду. После отправлялась кормить и доить коров, поить молоком телят, кормить поросят и овец. Часов в 10 женщина давала скотине воды, которую носила ведрами из колодца, или гнала их на водопой. И так три раза в день. В семье свекра, где было много снох, работа по дому распределялась в другом порядке. Снохи устраивали между собой поденщину, которая состояла в том, что работы поручались поочередно то одной, то другой снохе, кроме работ в огороде, они исполнялись всеми вместе. При таком распределении работ между снохами у женщины попеременно был один день занят работой на семью, а другой – оставался свободным. Такое свободное время женщина уделяла рукоделию, ведь эти работы она исполняла исключительно для мужа и детей. Обучать девочку рукоделию начинали, учитывая понятливость ребенка, более способных с 4 - 5 лет, а иных с 8 - 9 лет. Под руководством матери девочка садилась за прялку, затем ее учили вязать чулки, вязать крючком концы для полотенец. Готовить себе приданое девушка начинала с 12 лет. Все приготовление начиналось с тканья холстов и полотенец с концами, украшенными разнообразными узорами. С 15 лет девушка начинала шить себе приданое: рубашек от 1 до 20; сарафанов от 1 до 20; скатерти от 1 до 10; полотенец 20; штук 30 платков и несколько кусков пестряди. [1, с. 152]. Замуж девушку выдавали в 16-19 лет. Для своей семьи женщина пряла лен, ткала, вязала, шила на себя, мужа и детей. Она обязана была «одеть» всю свою семью в легкую одежду, а верхняя (шубы, валенки, шерстяные чулки и прочее) передавалась от старших. Если же не было верхней одежды «от семьи», то выделялись деньги на мех и пошив, и приглашалась швея. В Сарапульском уезде на все село была одна швея. При таком недостающем количестве для пошива верхней одежды приходили швеи из Костромской губернии. Так «швец» зарабатывал в день по 50 копеек, за год его заработок составлял 30 рублей. Сукно для пошива верхней одежды использовалось фабричное, его покупали на базаре при наличии денег в семье. Деньги крестьяне получали от продажи овощей, льна и конопли, в среднем подарок женщине делался за 2 рубля.

Для посева льна и конопли крестьянам давали землю по 6 рублей за десятину, для посева на которую нужно 2 пуда семени льна по 1 рублю за пуд или конопли 10 - 20 фунтов. Выделка различных тканей из льна и конопли для пошива одежды в семье является одним из древних и распространенных рукоделий среди русских крестьянских женщин. Женщины без всякого участия мужчин обрабатывали лен и коноплю, занимались изготовлением нитей, полотна для одежды. Ведь до начала XX века одежда крестьян была домотканой. На выделку тканей женщина посвящала время с поздней осени и до Петрова дня (начала полевых работ). Обработка, изготовление льна и конопли одинаковы. Сначала женщина готовит лен, она должна его выдергать, высушить, выколотить, просушить на солнце и собрать. После этого она несет лен в баню, сушит, мнет, треплет и чешет его железной и щетинной щеткой. Для этого женщине потребуется на 2 пуда льна 75 дней десятичасового труда из этого льна она получает 150 десятков годных для пряжи нитей, это 50 мотков. Эти мотки женщина должна промыть и приготовить к дальнейшей обработке на это уходило 50 дней. Далее за неделю до Пасхи женщина приступает ткать, за все время хорошая работница выткет до 15 холстов, а заработать может до 15 рублей. В зависимости от толщины пряжи цена распределялась так: узкая ткань стоила – 1 рубль 60 копеек, широкая – 3 рубля. Холсты разделялись на белые и пестрые, первого и второго сорта. Первого сорта холст портяной из белых и синих ниток. Для второго сорта из портяных ниток делается только основа, а уток (поперечная нитка) берется наполовину бумажный. В узорчатые холсты прибавляли смесь, если основа холста должна

быть белой, смеси не делаются. Основы отдавали красить местным красильщикам по 6 копеек за мот. Бумага же употреблялась фабричной окраски. Ранее сукно красили дома в красный цвет мелко истолченным корнем марены, в зеленый – травой «зеленихой» и «серпухой», позже красили только пояса.

В течение года женщины вязали для своей семьи чулки, варежки, ткали сукно для зипунов и онучь. Для этого три раза в год крестьяне стригли овец 1-го августа (самая лучшая шерсть), в ноябре (шерсть среднего достоинства), в конце мая стрижка получила название «Веснина». Из третьей шерсти уже не делали валенок, она шла на обработку каймы.

С конца июня и до октября женщина была занята на полевых работах. Работали женщины артелью по 6 человек. Заработок на сенокосе составлял 15 копеек в день. Полевые работы начинались сенокосом, во время которого женщина сгребала и воротила сено. После сенокоса начинали жать и молотить рожь, яровые, убирали горох и гречиху, в неделю зарабатывали по 3 - 4 рубля.

Начинался октябрь, и женщина приступала вновь за работу по посеву и выделке льна, обработке шерсти для своей семьи. Тяжелый быт женщины - крестьянки не прекращался, такова была их повседневная жизнь не только в Сарапульском, но и других уездах страны.

Список литературы

1. «Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1894 год». – Вятка, 1893. – 152 с.

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ГОРОЖАН ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX– НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Г.М. Бурдина

Елабужский институт, КФУ, г. Елабуга

Аннотация. Процессы модернизации в России второй половины XIX столетия, затронувшие все стороны жизни общества, повлекли изменения в образе жизни горожан, что в свою очередь, нашло отражение в свадебной обрядности. В статье рассматриваются свадебные обычаи горожан Вятской губернии.

Ключевые слова: городская семья, Вятская губерния, свадебные обряды, XIX в.

WEDDING RITES OF THE CITIZENS OF VYATKA PROVINCE IN THE SECOND HALF OF XIX– EARLY XX CENTURIES

G.M. Burdina

Abstract. The processes of modernization in Russia in the second half of the nineteenth century, affecting all aspects of society, caused changes in the lifestyle of citizens, which, in turn, is reflected in the wedding ceremonies. The article discusses the marriage customs of the citizens of Vyatka province.

Keywords: urban family, Vyatka province, wedding ceremonies, XIX century

Вторая половина XIX–начало XX веков в историографической традиции ассоциируется с модернизационными процессами. В этот период стремительно менялся экономический, социальный, культурный облик Российской империи. В новых условиях трансформировался образ жизни общества, что нашло непосредственное отражение как в семье, так и в свадебных обычаях горожан.

Городская свадебная обрядность в середине XIX в. была тесно связана с земледельческой традицией. Отношения между будущими супругами начинались, как правило, со знакомства и периода ухаживания. Исследователи отмечали, что даже к концу XIX в. знакомство и общение городской молодежи, достигшей брачного возраста, проходило в социально однородной среде [2, с. 278]. К примеру, в бедной мещанской среде знакомство завязывалось на вечеринках, молодежных сборищах типа крестьянских «вечерок». Их посещали, как правило, не более шести-семи пар. Такое общение происходило чаще всего по субботам и воскресеньям в доме у кого-нибудь из участников. Здесь пили чай, играли в игры, пели и танцевали. В более зажиточных и культурных семьях разночинцев и купцов было принято устраивать домашние вечера в честь именинниц и именинников. На этих праздниках собирался еще более узкий круг молодежи из семей, поддерживающих между собой деловые, дружеские или родственные отношения. «...Поздней осенью, зимой и ранней весной, когда на природу выезжать не позволяла холодная погода, близкие друзья 4–5 пар собирались по субботам в доме то у одного, то у другого по очереди и устраивали маленькие домашние концерты. На таких вечерах кто-то читал стихи, монологи из популярных пьес, кто-то пел, играл на музыкальных инструментах...» [4, с. 10]. Знакомство и общение молодых людей происходило в присутствии старших, с пристрастием следивших, чтобы все соответствовало «приличиям». Дворянство и купечество, помимо «именинных» праздников, вывозило молодежь на семейно-танцевальные вечера.

Примером ухаживания на расстоянии могла служить переписка между влюбленными. В музее г. Глазова сохранились письма инженера-строителя Николая Сарычева своей избраннице Анне. Николай (1870–1936), получив в Ижевске образование инженера-строителя, связал свою жизнь с Глазовым, где встретил свою любовь, дочь мещанина Анну Сергееву. А.В. Николаева сберегла письмо своего деда избраннице. В 1895 г. на тончайшей розовой бумаге молодой влюбленный мужчина выводил строки: «Уважаемая Анна Николаевна могу ли я надеяться на Ваше слово данное мне, могу ли когда-либо назвать Вас моею ... на веки? Ваш образ не выходит у меня из памяти, даже мысль, что Вы Анна Николаевна не согласитесь назвать меня своим убивает меня, но я все же надеюсь на покровительство свыше...». А дальше обращался к матери невесты: «я постараюсь, чтобы Анна Николаевна довольна, счастлива была бы в супружеской жизни. Я беден, но что за богатство из-за парты? В продолжение учения в Ижевске я не тратил попусту время, ...я теперь серебрю, золочу, никелирую, бронзирую, провожу электрические звонки, устанавливаю телефоны, поправляю карманные часы, делаю золотые и серебряные брошки, кольца и разные безделушки. Я думаю, что это впоследствии пригодится и в свободное время вполне смогу заняться этими отраслями, найдя массу заказчиков» [3]. Надежды его оправдались. Инженер-строитель Николай Сарычев поступил на службу в Глазовскую земскую управу, строил в уезде школы, больницы, участвовал в строительстве зданий города, таких как женская гимназия, духовное училище. Он смог обеспечить своей семье достойную жизнь, построил большой деревянный дом на Сенной площади, посадил сад. В дружной семье Николая и Анны Сарычевых родилось трое детей. В конце XIX в. среди образованной молодежи прослеживалась тенденция к заключению брака не по материальной выгоде, а по взаимным чувствам и склонности.

Свадебный обряд мещан и городских крестьян Вятской губернии сохранял традиционные черты. Заключались браки в основном по договоренности родителей. По описанию свадьбы в г. Котельниче в среде русских горожан свадебный обряд состоял из нескольких действий. В дом невесты родители жениха посылали сваху, в обязанности которой входило не только восхвалять достоинства жениха, но и по возможности выведать размер приданого невесты. Если сватовство проходило успешно, то устраивались «смотрины», или «казание невесты», на которых родители спрашивали согласие жениха и невесты на брак и договаривались о размере приданого. Затем, чтобы оповестить весь город о предстоящей свадьбе, устраивался праздник, на который приглашались родные, знакомые со стороны жениха и невесты, а также священник. За два или три дня до свадьбы устраивался девичник, который символизировал прощание невесты с прежней жизнью. День свадьбы начинался с родительского благословения брачующихся хлебом и солью, затем следовал венчальный обряд в церкви. В доме жениха родители встречали молодых хлебом и стаканом меда, раздавались угощения всем присутствующим: калачи, булки, пиво и вино.

Блюда свадебного стола являлись традиционным набором, существовавшим в определенной местности. Угощение подавали попеременно, но количество блюд свадебного стола должно было быть четным. В Вятской губернии сначала ставили рыбные пироги, потом щи, затем мясо, гуся, холодные блюда, телячью губу, а ближе к концу кисель и пирог. Подача очередной перемены сопровождалась разливанием пива, браги, водки, вина, кваса. Столовую утварь, еду и напитки выносили главные чины свадьбы: дружка, тысяцкий, сваха.

На второй день свадьбы молодые отправлялись с визитом ко всем своим родным и знакомым с подарками – конфетами и пряниками и приглашали к себе на праздничный вечер, а к кому не успевали, посылали приглашения. На третий день свадьбы для молодых топили баню, а в доме молодых продолжались праздник и веселье [1, с. 62-65]. В работе Д.М. Пюрияйнен в письмах купеческой семьи Сарапула Ехлаковых описывается бракосочетание купца 1-й гильдии Дедюхина Николая Ивановича: «Свадьба была, как ты уже вероятно знаешь, 19 января. Она была в соборе: из церкви мы прямо поехали к Дедюхиным, где был вечер. Я и Лена очень много танцевали и нам было весело. Ужин был в четыре часа, так что гости все уехали в часов шесть или семь. Леночка, Шура и я уехали после ужина» [5, с. 194].

В конце XIX – начале XX в. в связи с формированием общегородской обрядности традиционный свадебный цикл значительно упрощался, приспособляясь к условиям города и психологии горожан.

Список литературы

1. Глушков И.Е. Котельнич XIX век. Топографо-статистическое и этнографическое описание г. Котельнича. Исторический очерк г. Котельнича. – Киров: Вятский региональный Центр русской культуры, 1999. – 65 с.
2. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX–начала XX в. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002.
3. Ивасенко В.В. Глазовчане Сарычевы [Электронный ресурс] URL: <http://www.glazovmuseum.ru/about/nashi-dostizheniya/> (Дата обращения: 25.07.2013)
4. Польских К.В. Воспоминания о елабужских купцах Баутиных // Фонды Музея истории елабужского купечества. – 14 с.
5. Пюрияйнен Д.М. Население уездного города Сарапула во второй половине XIX – начале XX в.: социокультурный аспект: дисс. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2009.

**«ПЕЧАЛЬНАЯ ЭПОПЕЯ АРДАТОВСКИХ КРЕСТЬЯН»: САНИТАРНО-
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА
ХИМИЧЕСКИХ ЗАВОДАХ ПРОМЫШЛЕННИКОВ УШКОВЫХ (ВТОРАЯ
ПОЛОВИНА XIX–НАЧАЛО XX В.)**

Виноградов А.В.

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: В конце XIX– начале XX в. популярность среди участников рабочего движения стали набирать требования не только экономического и политического, но и санитарного характера. Особенно заметным это было на химических предприятиях, отличавшихся сильным негативным воздействием на организм и здоровье человека. Если трудовые взаимоотношения между рабочими и работодателями могли эффективно контролироваться соответствующими государственными органами, то санитарно-экологическая обстановка на предприятиях слабо поддавалась контролю. Конфликтные ситуации, связанные с ней, как правило, замалчивались. Исключением стал случай, когда 30 крестьян Симбирской губернии насильно удерживались промышленниками Ушковыми на заводах в Елабужском уезде. После ряда публикаций в центральных российских изданиях, этот случай вызвал широкую общественную дискуссию и пролил свет на факты, показывающие, что санитарная обстановка на предприятиях стала в исследуемый период одним из факторов развития рабочего движения, однако санитарные требования не выдвигались в числе основных, уступая место политическим и экономическим.

Ключевые слова: химическая промышленность, санитария, XIX век, Вятская губерния, Симбирская губерния, рабочее движение.

**“THE SAD EPOPEE OF ARDATOV PEASANTS”: SANITARY SITUATION AND
LABOR MOVEMENT ON THE ENTERPRISES OF MANUFACTURERS USHKOV
(LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)**

A.V. Vinogradov

Abstract: In the late 19th – early 20th centuries sanitary requirements started to gain popularity among workers. It was especially visible on the chemical enterprises, which had a very negative influence on health and environment. The relevant government authorities could effectively control labor relations between workers and employers, but sanitary and environment situation on the factories were almost uncontrolled. Conflicts related to it were usually suppressed. However, the case when 30 peasants from Simbirsk province were forcible held at factories in Elabuga district in unsanitary conditions become an exception. After a number of publications in the central Russian journals and newspapers, the case caused widespread public discussion. It shed light on the facts which shows that sanitary situation on industrial enterprises become one of the factors of the labor movement at the period. But, at the same time, sanitary requirements usually did not play a major role in comparison with political and economic ones, and environmental requirements during this period were not put forward.

Keywords: chemical industry, sanitary, 19th century, Vyatka province, Simbirsk province, labor movement.

Во второй половине XIX – начале XX в., в связи с активным развитием капиталистических отношений, все большую остроту стали приобретать выступления рабочих, требовавших повышения заработной платы, сокращения продолжительности рабочего дня и улучшения условий труда. Распространение революционных идей в среде пролетариата способствовало тому, что государство было вынуждено уделять особое внимание регулированию экономических и трудовых отношений между работодателями и наемными служащими. Однако условия труда, санитарная обстановка на заводах и фабриках слабо поддавались государственному контролю: влияние на человеческий организм веществ, вводимых в промышленный оборот, и новых производственных технологий еще не было изучено в достаточной степени. Закономерно, что вопросы охраны здоровья и окружающей среды часто переходили в политическую сферу. Особенно заметным это было на химических предприятиях Российской империи, отличавшихся своей антисанитарией.

Одной из крупнейших сетей химических заводов и фабрик в Российской империи было Товарищество «Ушков и К^о», два основных завода которого – Кокшанский и Бондюжский – располагались в Елабужском уезде Вятской губернии [7, с. 115]. На протяжении нескольких десятилетий они оставались лидерами в производстве таких реагентов, как дихромат калия (хромпик), каустическая сода, едкий натр и других, экспортировавшихся в регионы России и страны Западной Европы. Расположение производства в глубокой провинции не только не препятствовало, но и способствовало его динамичному развитию – в частности, здесь имелось много дешевой рабочей силы в лице местных

крестьян, охотно нанимавшихся на завод на первых этапах его существования. В отдалении от других промышленных центров слабее был и государственный контроль за условиями работы, что позволяло промышленникам избегать существенных затрат на обеспечение безопасности труда [6, с. 16]. Обычно конфликты между служащими и работодателями на предприятиях Товарищества не получали широкой огласки и не рассматривались в установленном порядке [6, с. 16-17], что создавало среди современников видимость их редкости или отсутствия [см. напр.: 10]. Однако один из случаев несоблюдения промышленниками прав наемных служащих неожиданно привлек внимание на самом высоком уровне и позволил пролить свет на санитарно-экологическое состояние заводов в его взаимосвязи с рабочим движением.

5 октября 1874 г. в петербургской газете «Голос», являвшейся одной из наиболее тиражированных и влиятельных в Российской империи [4], вышла статья о «стачке», которую, будто бы, устроили крестьяне Ардатовского уезда Симбирской губернии на заводе Ушковых [5]; немногим позднее аналогичный материал под названием «Печальная эпопея ардатовских крестьян и заводчик Ушков» был опубликован в популярном журнале «Отечественные записки» [12]. Из авторитетности изданий, уделивших немалое внимание елабужским промышленникам, видно, что в 1874 г. они стали предметом широкой общественной дискуссии на всероссийском уровне. Несмотря на это, содержание упомянутого случая до сих пор не подвергалось глубокому анализу, и ход событий описывался лишь в дореволюционных изданиях. В связи с этим, было бы целесообразным подробно изложить суть произошедшего.

По сообщению корреспондента газеты «Голос», составленному им на основании юридических документов и свидетельств очевидцев, в марте 1874 г. 30 крестьян из беднейших семейств Ардатовского уезда были наняты приказчиком П.К. Ушкова, Бусычиным, на Кокшанский завод Товарищества «Ушков и К^о». Перед подписанием договора Бусычин сообщил крестьянам (большинство из которых, очевидно, не владели грамотой), что они нанимаются на винокурный завод, будут работать в чистых помещениях и получать свежую провизию. Однако, по прибытии крестьян в село Кокшан Елабужского уезда Вятской губернии, где располагался завод, стало ясно, что сказанное приказчиком было заведомой ложью: «Помещения, где заставляли их работать, были наполнены серными, удушливыми испарениями, от которых со многими из них делались обмороки, а изо рта и носа шла кровь... Платье их, вследствие соприкосновения с кислотами, было решительно все сожжено; пары лаптей не хватало им и на одни сутки, а рубах на два дня... От прикосновения с кислотами, у многих из них образовались также на руках и на лице язвы» [5, с. 3]. Помимо неприемлемых условий труда, рабочим приходилось терпеть побои со стороны заводского начальства и выплачивать штрафы за самые небольшие провинности, что значительно сокращало их и без того небольшую (5 рублей в месяц) заработную плату.

Когда, спустя несколько недель, крестьяне решились покинуть завод, они не смогли забрать свои паспорта из заводской конторы и отправились в Елабугу, чтобы получить разрешение на уход от административных властей. Хотя позиция властей не была однозначной, решающее значение сыграло мнение елабужского мирового судьи Стахеева, который, по всей видимости, также принадлежал к купеческому сословию. Согласно его постановлению, договор, заключенный Бусычиным с крестьянами, имел законную силу, в связи с чем они должны были, в сложившейся ситуации, оплатить П.К. Ушкову неустойку в размере 10 рублей с каждого. Примечательно, что судья оперировал при этом понятием «стачка», в которой, по его мнению, могли быть обвинены бывшие рабочие. Как отмечал корреспондент «Голоса», этот приговор противоречил существовавшему законодательству, и, вероятно, был вызван предвзятостью судьи.

Получив соответствующие разъяснения от компетентных в законодательстве людей, не согласных с решением суда, крестьяне отправились в Ардатовский уезд пешком, не имея никаких средств к пропитанию. Но, по сообщению газеты «Голос», «в одной из деревень Малмыжского уезда с ними опять случилась история: их догнал приказчик Ушкова, заарестовал и, созвав крестьян этой деревни, потребовал от них 15 подвод и возвращения беглецов обратно в Елабугу» [5] – фактически, этот инцидент представлял собой попытку владельцев Товарищества «Ушков и К^о» ограничить свободу бывших рабочих, обратив их в незаконную форму личной зависимости. По счастливой случайности, в этой же деревне проживал мировой судья 2 участка [12, с. 356], который вступился за крестьян и настоял на том, чтобы они были отпущены.

Не сумев силой заставить крестьян возвратиться на завод, его владелец, П.К. Ушков, обратился к губернатору Вятской губернии с просьбой посодействовать в их розыске и возвращении к работам, чего, якобы, потребовал елабужский мировой судья. Цитируя распоряжение Вятского губернатора, корреспондент «Голоса» акцентировал внимание на том, что «беглецы» должны были быть доставлены полицией обратно на завод только «в случае, если в решении мирового судьи оговорено требование, о котором упоминает в своей телеграмме Ушков» [5]. Каким бы противоправным ни было решение судьи, подобное требование в нем не оговаривалось. Тем не менее, елабужская полиция сочла себя вправе обратиться в ардатовское полицейское управление с требованием поимки крестьян. По возвращении домой после продолжительного пешего пути, их препроводили в Ардатов для дальнейшего этапирования на завод. «Все видевшие этих крестьян, в то время, когда они были собраны на нашей базарной площади, около здания полицейского управления, были поражены видом этих бедняков, – сообщал «Голос». –

Истощенные лица их, покрытые у многих струпами, изодранная одежда, едва прикрывавшая их наготу, и, вообще, весь вид их красноречиво говорил о их незавидной доле»[5].

Конец «печальной эпопее» положили образованные граждане Ардатова, проявившие сочувствие к крестьянам. С их помощью удалось поставить симбирского губернатора в известность о незаконном преследовании П.К. Ушковым своих бывших рабочих, и постановление вятского губернатора об их высылке по этапу в Кокшан было отменено[12, с. 355].

Как видим, произошедший инцидент получил однозначно отрицательную окраску в глазах широкой общественности. Отношение к рабочим, принятое на предприятиях промышленников Ушковых, считалось непозволительным даже с точки зрения представителей власти (в лице части служащих полиции и симбирского губернатора), которые обычно занимали более лояльную к промышленникам позицию. Необходимо отметить, однако, что законодательство тех лет предоставляло заводладельцам большую свободу в вопросах организации труда и быта рабочих. Законы о санитарном состоянии фабрик, существовавшие в Российской империи, в большинстве своем касались негативного влияния на городскую среду, и если предприятие располагалось за пределами городской черты, как Кокшанский и Бондюжский заводы, то внимание к нему со стороны профильных ведомств было минимальным [1, с. 8].

Вместе с тем, правовая оценка действий П.К. Ушкова в отношении ардаатовских крестьян не может быть исчерпывающей, поскольку во второй половине XIX– начале XX в. российское экологическое законодательство еще находилось на стадии формирования. Случаи, подобные описанному, создавали в обществе представления о допустимом либо недопустимом влиянии производства на окружающую среду и здоровье человека, и только позднее эти представления утверждались в статусе законодательных норм.

Насколько приемлемой была санитарно-экологическая ситуация на заводах промышленников Ушковых, и могла ли она быть компенсирована заработной платой рабочих? Сведения газеты «Голос» и журнала «Отечественные записки» о том, что работа на Кокшанском и Бондюжском заводах была опасна не только для здоровья, но и для жизни, подтверждает целый ряд других источников, среди которых – материалы периодической печати, деловая документация и материалы санитарных осмотров. Так, в 1882 году из 164 рабочих, занятых на хромовом производстве Кокшанского завода, здоровыми были только 11, т.е. 6,6%. В отдельных случаях заболеваемость могла достигать максимального показателя – 100% [3, с. 28]. Профессиональные заболевания были достаточно серьезными и обычно были связаны с поражением верхних дыхательных путей (у многих отсутствовала хрящевая перегородка носа из-за вдыхания едких испарений). Высокая заболеваемость влекла за собой и высокую смертность [2], но владельцы завода не считали себя обязанными возмещать потерю работниками трудоспособности либо помогать семьям людей, умерших на вредном производстве [6, с. 14, 16]. Противодействие Ушковых организации медицинских и санитарных осмотров на заводах [2] свидетельствует о том, что они имели объективное представление об их санитарно-экологическом состоянии, однако предпочитали вкладывать свои средства не в совершенствование безопасности труда, а в социально значимые проекты, поднимавшие престиж Товарищества «Ушков и К^о» в глазах общественности. Масштабы благотворительной деятельности Ушковых резко контрастировали с положением рабочих их предприятий, что было характерно для значительной части российских предпринимателей XIX столетия[13, с. 96].

Все вышеперечисленное, безусловно, имело влияние на характер взаимодействия между работодателями и наемными служащими на химических заводах Ушковых. Конфликты усугублялись за счет того, что средний заработок рабочих, несмотря на опасность производства, был значительно ниже среднего по России[8, с. 464] и колебался от 5 рублей до 5 рублей 80 копеек; при этом в период с 1874 по 1890 г. он не только не увеличился, но и несколько сократился[6, с. 14]. Как результат, выступления рабочих и стачки не были редкостью на заводах Елабужского уезда. В марте и апреле 1906 г. бастовали караванные рабочие и грузчики Бондюжского завода, требуя повышения заработной платы, в ноябре 1913 г. здесь же объявили стачку подсобные рабочие – она была вызвана грубостью заводской администрации и необоснованными штрафами [11, с. 186, 266]. Когда статья о бегстве ардаатовских крестьян была опубликована в «Голосе», выяснилось, что похожих случаев на предприятиях Ушковых было несколько[9, с. 36]: «С 1 июля нынешнего (1874 – А.В.) года, прокурорским надзором чуть ли не три такие партии (беглых рабочих – А.В.) были освобождены из-под стражи и... столько же раз было дано предложение о прекращении дел о мнимых стачках на заводе Ушкова» [5]. «Уже далеко не в первый раз, как оказывается, рабочие целыми партиями уходят с этого завода», – сообщал позднее журнал «Отечественные записки» [12, с. 356].

По всей вероятности, санитарно-экологическая обстановка на Кокшанском и Бондюжском заводах обуславливала существовавшую политику найма рабочих и влияла на стремление заводского начальства любыми законными и незаконными способами удержать их на производстве. Отрицательная репутация заводов среди местного населения заставляла промышленников искать наемных служащих в такой отдаленной местности, как Ардаатовский уезд Симбирской губернии, однако и это не избавляло их от необходимости скрывать характер производства, называя его винокурным. В условиях нехватки рабочих рук, потеря 30 служащих была существенной, что и стало причиной их активного преследования.

В целом, требования по улучшению санитарной и экологической обстановки в конце XIX – начале XX вв. дополнили существовавший перечень требований экономического и политического характера,

наиболее часто выдвигавшихся рабочими, но даже в самых тяжелых ситуациях они редко выходили на первый план, что показала и «печальная эпопея ардаатовских крестьян». Причиной тому был не только низкий уровень экологического сознания рабочих: труд в опасных для здоровья и жизни условиях не считался совершенно недопустимым, но должен был соответствующим образом поощряться.

Экологическая ситуация и санитарная обстановка на заводах и фабриках не только стали одним из факторов роста рабочего движения в исследуемый период, но и способствовали изменению отношения общества к проблемам охраны здоровья и окружающей среды. По этой причине исключительные случаи, подобные описанному, имели также определенное позитивное значение, формируя принципы экологической политики и актуализируя деятельность по охране окружающей среды.

Список литературы

1. Агафонова А.Б. Практики законодательного регулирования антропогенного воздействия на компоненты природной среды в Западноевропейских, Североамериканских и Российских городах в XIX веке // Череповецкие научные чтения – 2014. Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Череповец, 2014. – С. 5-8.
2. Вятская речь. – 1910. – №158. – С. 3.
3. Ге А.Г. Поражение носовой полости рабочих, приготавливающих двухромокислород кали // Дневник Казанского Общества Врачей при Императорском университете. – Казань, 1883. – С. 1-56.
4. Голос, газета // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1893. – Т. 9. – С. 108.
5. Из Ардатова (Симбирской губернии), 26 сентября (корреспонденция «Голоса») // Голос. – 1874. – №275. – С. 3.
6. Кашин С.Г., Волков Р.В., Пашковский А.Б. Есть на Каме завод. Очерк о революционных и трудовых делах бондюжских рабочих. – Казань: Тат. кн. Изд-во, 1965. – 95 с.
7. Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. – 432 с.
8. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. – Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 549 с.
9. Мухин А.А. Рабочее движение в Вятской губернии в 1859-1883 гг. // История СССР. – 1960. – № 4. – С. 31-36.
10. Новый завод товарищества П.К. Ушкова и К^о // Казанский телеграф. – 1894. – №312. – С. 2.
11. Очерки истории Кировской организации КПСС. Часть первая (1898-1918). – Киров: Волго-Вятское книжное издательство, 1965. – 568 с.
12. Современные. Современные заметки. Печальная эпопея ардаатовских крестьян и заводчик Ушков // Отечественные записки. – 1874. – № 10. – С. 353-356.
13. Тазьмин Ю.Н. Меценатство и благотворительность в России: к вопросу о мотивациях // Социологические исследования. – 2003. – № 2. – С. 92-97.

ЛИЦА И НАСТРОЕНИЯ УЕЗДНОГО ГОРОДА

(НА ПРИМЕРЕ МЕНЗЕЛИНСКА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)

Л.Р. Габдрафикова

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань

Аннотация: В статье рассматриваются образ жизни и социальные нормы жителей российского провинциального города. Анализ проводился на основе архивных документов и материалов периодической печати. Автор сравнивает мотивы поведения и действия горожан первой половины XIX века и пореформенного времени. Во второй половине XIX века в уездном городе активизировалась гражданская инициатива, появилась тенденция к открытому обсуждению общественных проблем.

Ключевые слова: Мензелинск, уездный город, история повседневности, городское самоуправление, бюрократия, гражданское общество, социокультурная среда.

THE FACES AND MOODS OF PROVINCIAL TOWN (ON THE EXAMPLE OF MENZELINSK ON THE 19TH - BEG. OF 20TH CENTURY)

L.R. Gabdrifkova

Abstract: This article tells about the lifestyle and social norms of behavior of residents of the Russian provincial town. And presents the results of the analysis of the archival documents and materials of the periodical press. The author compares the motives of public behavior of citizens and their activity during the first half of the 19th century and during the post-reform time. As the results of research work show, the civil initiatives and

open discussions of public issues became more active in the provincial town during the second half of the 19th century.

Keywords: Menzelinsk, provincial town, the history of everyday life, municipality, bureaucracy, civil society, socio-cultural environment.

Мензелинск очень отличался от других городов своей историей (город-крепость, военное население...). И это определило ход дальнейшего его развития (административный центр, ярмарка). Конечно же, историческая особенность отразилась и на самих жителях, на их характерах, мотивах и действиях. Если останавливаться конкретно на XIX столетии и начале XX века, то это время кардинальных перемен. До этого во всей истории Российской Империи главную роль играли представители дворянства, во второй половине XIX века в общественной жизни довольно значительное место занимают уже выходцы из более простых слоев населения: купечества, мещанства и крестьянства. Однако буржуазные свободы и гуманизм, проповедуемые просвещенной публикой, не отменили существующее социальное расслоение общества и сопутствующие ему проблемы.

Трудно выделить (и не научно) какой-то единый характер мензелинца. Но, опираясь на некоторые источники, мы можем лишь обобщить ряд наблюдений. Например, многими авторами отмечалось, что в XIX веке мензелицы жили в основном только за счет ярмарки. В городе не было серьезных производств, не развивались промыслы, даже плодородные городские земельные угодья использовались не в полной мере, коммерческой прибыли они своим владельцам не приносили. Отчего так происходило?

Вероятно, виной всему было военно-служилое происхождение населения. Стрельцы, казаки, шляхтичи... Многие из них приписались потом к государственным крестьянам. Были и те, кто потом пополнил ряды купечества. Но люди, привыкшие жить за счет службы государству, а не за счет земледельческого труда или торговых занятий, не достигли каких-то особых высот на свободном (от государственной поддержки) поприще. Более того, возникшая еще в конце XVIII века Мензелинская ярмарка лишь усугубила наклонность добывать себе пропитание не за счет реального труда, а за счет ренты. В результате весь город сдавал жилье временным постояльцам. Но полученные средства не пускались в какое-то дело, открытие производства или торговли, а тут же тратились. Поэтому местное население воспринималось сторонними наблюдателями как ленивое и беспечное, не способное к созидательному труду [6, с. 65].

Между тем, у просвещенной мензелинской публики, в особенности у дворян, конечно же, было стремление благоустроить город, развивать его социокультурную инфраструктуру. Именно они были первыми строителями мензелинских православных храмов. В этой связи можно отметить фамилии И.И. Микунова, Филиповичей. Однако любые культурно-благотворительные инициативы должны были иметь под собой определенную материальную основу. Если в XVIII – начале XIX столетия эта необходимость решалась за счет земельных владений и работающих там крепостных крестьян, то во второй половине века дворянские капиталы неизменно сокращались, и не было возможности, да и, вероятно, особого желания для благоустройства города.

Вся энергия мензелинской аристократии в пореформенное время уходила на обсуждение чиновничьих дел, земских заседаний, газетных публикаций и картежных игр. В не ярмарочное время для этих целей мензелинская благородная публика собиралась в местном клубе [2]. Впрочем, такой была жизнь во многих уездных городах, где чиновничество и дворянство полностью было погружено в карточное времяпрепровождение, сопровождаемое крепкими напитками.

Для многих дворян жизнь в провинциальном Мензелинске казалась пресной и скучной. В XIX веке повседневная жизнь просвещенной публики немного разнообразилась с появлением периодических изданий. Это был глоток петербургского воздуха: с новостями и мнениями. Если вначале пресса была строгой и официальной, то к середине века уже появлялись некоторые неофициальные издания. Вот в такой момент один мензелинский дворянин решил подшутить и опубликовал в газете «Московские ведомости» в 1850-м году небольшое объявление. В нем некий мензелинский помещик, отставной корнет Атуев, предлагал свои услуги в дрессировке собак. Вымышленное объявление было написано шутки ради помещиком С.А. Пальчиковым. Он ожидал, что это будет невинной шуткой, только в маленьком городке начался настоящий переполох. Объявление Атуева заинтересовало не только мензелинцев, но и петербургскую публику, и даже самого императора Николая I. Тогда еще люди очень серьезно воспринимали печатное слово, и такая дерзость возмутила царя, прежде всего, весь свой гнев он направил на цензоров издания. По приказу императора начались поиски автора объявления. Но чиновники вышли лишь на след мальчика, который за 3 копейки серебром переписал объявление, переданное ему каким-то неизвестным баринном. Конечно, по Мензелинску бродили слухи о настоящем авторе, но конкретных доказательств его вины не было [10, с. 612].

Корреспонденции из Мензелинска, появлявшиеся в основном в казанских газетах «Волжский вестник» и «Казанский биржевой листок», волновали мензелинцев и в последующие годы. После скандальных анонимных публикаций в городе неизменно начинались поиски лица, посмеявшегося вынести местные проблемы на всеобщее обозрение [2]. В 1884 году мензелинский городской голова А.Г. Попков возбудил даже судебное дело о диффамации (о распространении порочащих человека сведений в печати)

в отношении редактора газеты «Волжский вестник». В публикации приводилось множество нелицеприятных фактов о градоначальнике [7, с. 135]. В 1886 году дело рассматривалось в Казанской судебной палате. Попков требовал от газеты выплаты штрафа высшего размера – 500 рублей, но суд оправдал редактора, посчитав, что «Волжский вестник» – газета независимая и поэтому не преследовала никаких «промышленных целей» [7, с. 134]. Весь Мензелинск с большим интересом следил за этим судебным процессом. «Оправдательному приговору сочувствуют даже те гласные, которые подписали думское постановление о возбуждении преследования», – сообщал мензелинский корреспондент [1].

Боязнь власти в лице чиновничества оставалась основной чертой традиционного мышления провинциального горожанина. Это очевидное чувство приниженности обывателя перед представителем официальной власти давало последнему негласное право на различные злоупотребления своим положением. Из-за коллективного страха такого рода должностные преступления могли практиковаться в городе долгие годы. Не был исключением и уездный Мензелинск. Но иногда кто-то один все же не выдерживал, и благодаря его отчаянию, смелости сведения о нравах местного чиновничества доходили до высших инстанций власти. В 1859 году почетный гражданин Иван Соловьев написал такую жалобу по поводу деятельности Мензелинского уездного суда [3, л. 15]. Возмущенный автор документа приводил факты об умышленном заключении людей в тюремном остроге с целью вытребовать с них денег. Кроме того, Соловьев писал о выпуске из тюрьмы настоящих преступников за вознаграждение служащих судебного органа. После проверки данного доноса в мае 1860 года было принято решение об удалении от должности членов Мензелинского уездного суда [3, л. 38]. Подобные инциденты внушали надежду, что местные проблемы все же можно решить, обратившись в высшие инстанции власти.

Если в дореформенное время люди чаще писали в различные государственные ведомства, то в пореформенный период представители интеллигенции предпочитали говорить об общественных проблемах через прессу. Например, хоть мензелинский голова А.Г. Попков и пытался порой запугать своих противников, но различные публикации о нем появлялись и после судебного процесса 1886 года. Любопытно, что авторами критических заметок из Мензелинска были, как правило, приезжие люди. Например, долгие годы его оппонентом оставался местный нотариус, а позднее и гласный Мензелинской думы А.Н. Якимов.

Вообще инициативные мензелинцы, в том числе и предприниматели, преимущественно были приезжими. Как и ремесленное общество, мензелинское купечество сформировалось в основном за счет пришлого населения. Среди них много было бывших крепостных крестьян. Например, такой была семья купцов Дубининых. Эта фамилия заслуживает особого внимания, поскольку в конце XIX – в начале XX века они занимали заметное место в общественной жизни города. Сыновья купца Федора Дубинина, Александр (1860 г.р.) и Дмитрий (1862 г.р.), окончили Сарапульское реальное училище. Затем братья продолжили обучение в высших учебных заведениях. Вероятно, их отец надеялся, что два сыновья, получив основательное образование, станут помощниками в его коммерческих делах. Однако в 1880-м году из-за участия в студенческих кружках они попали под надзор жандармских органов как политически неблагонадежные лица и поэтому вернулись в родной Мензелинск [4]. Здесь братья Александр и Дмитрий Дубинины занялись муниципальной службой, избирались гласными городской думы, городским головой.

В 1897-1902 годах А.Ф. Дубинин был инициатором поиска нефтяных месторождений в окрестностях уездного города Стерлитамака. Но инициированная им геологическая экспедиция оказалась неудачной [9, с. 67]. Неизвестно каким образом Александр Федорович увлекся этой идеей, но небезынтересно и то, что их однофамильцы (а может и дальние родственники?) крепостные крестьяне графини С.В. Паниной Дубинины в районе г. Моздока (современная Чечня) еще в 1823 году построили нефтеперегонный завод [5, с. 283]. Возможно, именно их пример вдохновил А.Ф. Дубинина.

Интересно, что в своем ходатайстве на имя министра земледелия и государственных имуществ он писал о том, что им сделано «несколько "пробных" буровых скважин» в окрестностях деревни Нижняя Буранчино», результаты которых ему показались вполне «благоприятными» [8, с. 23]. Александр Федорович поначалу занимался самостоятельным поиском возможных нефтяных месторождений. Выписал для этого даже из Грозного специального бурового мастера. Судя по всему, такие же поиски проводились им и в районе Мензелинска. Но лишь свой стерлитамакский опыт А.Ф. Дубинин посчитал успешным, хотя, пробуив скважину длиной в 29 верст, нефть он так и не нашел. Но его уверенность все равно оставалась непоколебимой, и он вызвал уже казенную разведывательную экспедицию для дальнейших поисков. Руководствовался Александр Федорович особенностями рельефа местности, очевидно, не малую роль в этом сыграло и его неоконченное высшее технологическое образование. К слову, вместе с ходатайством он направил в Петербург еще корреспонденцию в газету «Неделя», которая была опубликована в 1900 году. Однако и казенная экспедиция нефть в этих краях так и не обнаружила. Но история показала, что уверенность А.Ф. Дубинина имела под собой вполне реальные основания. Почти через 40 лет на этом месте открылось Нижне-Буранчинское нефтяное месторождение, которое впоследствии стало частью города нефтяников – Ишимбая.

Экспедиция, организованная мензелинским городским головой, еще долго обсуждалась на страницах научных журналов. Но среди мензелинских обывателей А.Ф. Дубинин слыл «чудаком». Помимо авантюры с нефтью, до этого он провалился с еще одной идеей. Ему принадлежала водяная

мельница на р.Мензеле и около 100 десятин земли. Александр Федорович решил засеять весь земельный участок картошкой, потом собирался весь урожай засушить и торговать сушеным картофелем. «Однако дело не пошло, никто не хотел брать сушеную картошку не только в городе, но и на стороне», – вспоминал его современник [11, л. 18].

Такой же оригинальной фигурой в городе был и выходец из вятских крестьян, бывший сельский учитель Дмитрий Николаевич Тяжельников. Переехав в Мензелинск в 1880-е годы, он стал заниматься садоводством, стал известен в округе как ученый-агроном. Тяжельников увлекался толстовскими идеями общинности, мечтал о наделении крестьян землей, о социальном равенстве. На свои скромные сбережения Дмитрий Николаевич приобрел у разорившихся шляхтичей клочок неудобной земли в четырех верстах от города. Именно эту овражистую местность он превратил в цветущий фруктовый сад [11, л. 4-5]. Д.Н. Тяжельников принимал активное участие во всех трех российских революциях начала XX века. В мае 1917 года Дмитрия Николаевича избрали председателем Президиума совета крестьянских и солдатских депутатов уезда, что говорит о его высоком авторитете среди местного крестьянства.

Таким образом, если в уездном Мензелинске в XVIII – в начале XIX века тон культурной и общественной жизни задавали представители дворянского сословия, то со временем эту роль на себя взяли купцы и разночинцы. Постепенно в городе складывалась другая общественная среда, с немного иными, нежели у бывших шляхтичей или казаков, стремлениями и представлениями о мире. К примеру, если для дворянина Пальчикова в начале XIX века публикация в столичной газете была лишь поводом немного развеселить знакомых, то для мензелинского нотариуса Якимова или мензелинского головы Дубинина написание корреспонденции было выражением своего гражданского мнения. Они тоже рассчитывали на реакцию общества, но уже другого рода: не ради потехи, а для решения определенных задач.

Конечно же, во все эпохи двигателем основных человеческих действий являлись материальные вопросы. Накопление капиталов особенно характерно для XIX века. Буржуазное развитие страны, отмена крепостного права, промышленный переворот многим предприимчивым людям дали возможность быстро сколотить внушительные состояния. Однако удивительным образом в столь богатом городе как Мензелинск так и не появились фамилии-миллионеры. Промышлявшие здесь Стахеевы, Сеитбатталовы и другие предприниматели были приезжими и чаще всего постоянно проживали в других местностях. Может быть, на этот факт оказывала влияние и атмосфера старого Мензелинска – города беспечной шляхты, живущей от ярмарки до ярмарки...

Список литературы

1. Волжский вестник. – 1886. – 2 января. – №1.
2. Волжский вестник. – 1886. – 16 января. – №12.
3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). – Ф. 6. – Оп. 6. – Д. 13706.
4. Деятели революционного движения в России: библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма: [В 5 т.]. – М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1927-1934. [Электронный ресурс] <http://slovari.yandex.ru/>
5. Джафаров К.И., Джафаров Ф.К. История Грозненских нефтяных промыслов. – М.: Газоилпресс, 2010.
6. Курбатов В.Д. Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. – Оренбург, 1865.
7. Н.Ш. Очерки думской жизни. Провинция и провинциальная печать // Русская мысль. – 1886. – №1.
8. О нахождении нефти близ Стерлитамака // Известия Геологического комитета. 1902 год. – Т. 21. – СПб., 1903.
9. Полянина О.А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900-начало 1917 г.). – Уфа: изд-во БашГУ, 2006.
10. Русская старина. – Т.28. – 1880. – №5.
11. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ). – Ф. 30. – Оп. 3. – Д. 2753.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ Г. ВЯТКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.)

З.В. Галлямова

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: Рассматриваются основные направления деятельности городского самоуправления в сфере образования. Анализируется степень участия общественного представительства в развитии начального образования во второй половине XIX – начале XX века. Показано, что законодательство,

изначально рассматривая городское самоуправление, как местный орган административной системы, изначально ограничило его финансовые возможности. В результате, вопросы развития образования приобретают второстепенное значение в деятельности городской думы. Выявляется два этапа организационной работы городского самоуправления в образовательной среде. Первый этап-период действия Городового положения 1870 года. Характеризуется коллегиальностью, когда дума полностью возложила решение вопросов образования на управу. Второй этап конец XIX – начала XX века. В этот период наблюдаются изменения в организации деятельности самоуправления в данной сфере: решение вопросов образования переходит в думу, при которой создаются специальные комиссии.

На местном материале показано, что в период введения всеобщего начального обучения, дума достаточно эффективно реализовала государственные проекты, за короткие сроки, расширив в городе сеть начальных учебных заведений. Показано, что деятельность самоуправления в сфере среднего образования и высшего образования не выходила за рамки государственного субсидирования и носила больше корректирующий характер. В целом, сделан вывод, что деятельность городского самоуправления в сфере образования ограничивалась масштабами деятельности земства и казны, что было изначально определено законодательными положениями.

Ключевые слова: городское самоуправление; городская управа; городская дума; начальное образование; образовательная среда, всеобщее обучение.

THE ACTIVITIES OF MUNICIPAL GOVERNMENT IN THE FIELD OF EDUCATION

(BY THE EXAMPLE OF VYATKA AT THE TURN OF THE 19TH – 20TH CENTURIES)

Z.V. Gallyamova

The author of the article studies the main activities of the municipal government in the field of education and how deeply public representatives were involved in the development of primary education in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries. The article shows that the legislation initially considered municipal government as a part of local administrative system; therefore, it limited its financial capacity from the very beginning. As a result, the development of education become of secondary importance in the activities of the Town Duma. The author of the article reveals two stages of organizational work of municipal government in the educational milieu. The first stage is the period of town regulations of 1870. It is characterized by collective character, when the municipal council was fully entrusted with the issues of education by the Duma. The end of the nineteenth and the early twentieth centuries account for the second stage. During this period, the activities of the municipal government in this area changed: education issues passed to the Duma, which formed special committees.

The author gives examples that when universal primary education was being introduced, the municipal government implemented government projects quite effectively by enlarging the number of primary schools in the town in a short span of time. It is proved that the activity of municipal government in the fields of secondary education and higher education did not exceed government subsidies and mostly had a corrective character. Upon the whole, the author of the article concluded that the activities of municipal government in the field of education were limited to the scope of activities of the Zemstvo and the Treasury, as it was originally determined by the legislative provisions and regulations.

Keywords: municipal government, municipal council, Duma, primary education, educational milieu, universal education.

Реформы в области городского самоуправления второй половины XIX века относили к функциям общественного представительства содействие в развитии городских образовательных учреждений. Между тем, как показывают данные по бюджетам российских городов, у самоуправления практически отсутствовала материальная база для их планомерного осуществления. На начало XX века, в большинстве губернских городов России, процентное отношение учащихся к числу городских жителей едва превышало 10%. В этом смысле город Вятка, где данные показатели составляли 15,9 %, находился в относительно благоприятном отношении.

В период действия Городового положения 1870 года, город практически не принимал участия в содержании образовательных учреждений. Единственной формой участия можно назвать отчисления, которые производились из прибылей Вятского Общественного Федора Веретенникова банка на пособия Мариинской гимназии по 1000 руб. [5, л. 7]. Следующей формой участия думы в просветительской сфере было присутствие представителей от думы в училищных советах. Недосток образовательных учреждений в городе, несоответствие их количества и размеров масштабам губернского центра, неоднократно отмечались как на заседаниях самой думы, так и замечаниями в ее адрес отдельных лиц. Всего на 1881 год в городе было 3 приходских женских и 3 приходских мужских училища и одно смешанное, которые содержались уездным земством. Для города с численностью населения более 24 тыс. человек, этого было недостаточно. Тем не менее, отказ участия общественного управления в деле

образования приобретало закономерный характер. Показателен уже тот факт, что в росписи городского бюджета графа по образованию появляется только в 1891 году и занимала 5,5 % всех расходов [13]. За весь период действия Городового положения 1870 года на средства самоуправления не содержалось ни одного учебного заведения.

В 1895 году газета «Вятский край» отмечала, что в городе все учебные заведения содержатся на счет казны или земства [1]. Как и в плане санитарного состояния города, его благоустройства, образовательная сфера также становится почвой общественной критики городского самоуправления.

Новая историческая ситуация второй половины XIX – начала XX века, не могла не отразиться на изменении соотношения вопросов в функциях городского самоуправления. С этого времени наблюдаются некоторые сдвиг в деятельности вятского городского самоуправления в области образования. Это было выражено не столько в материальных расходах города по этой части, сколько в реформировании организационной работы городского управления в данной сфере. В 1897 году, при городской думе была создана комиссия по народному образованию. В нее входили: городской голова, члены управы, трое гласных городской думы, представитель духовного ведомства – наблюдатель церковно-приходских школ, и представитель МНП – инспектор народных училищ. Основные сферы ее деятельности: 1) начальное образование; 2) среднее образование; 3) культурно-просветительские учреждения.

Со времени издания закона от 3 мая 1908 года, в стране начинается реализация проекта всеобщего образования. С этого времени значительно возрастает удельный вес расходов на нужды образования: за исключением из общего бюджета обязательных расходов, расход г. Вятки на народное образование в 1911 году выразился в 15,5% общей суммы всех его необязательных расходов [2, л. 220-об.]. Более масштабные мероприятия в данной области начинаются с 1912 года, когда МНП утвердило принятый думой план введения всеобщего обучения [10, с. 207-208]. Одновременно с введением всеобщего обучения, вятское городское управление приступило к строительству начальных учебных заведений. Реализация плана школьного строительства в городе Вятке, началась с 1913 года. С 1913 было открыто 13-е городское училище, с 1914 года – 14-е. Здания для училищ были рассчитаны на расположение в них двух самостоятельных учебных заведений – одно на первом, другое на втором этаже. Поэтому, учреждая начальную школу, вятское городское управление одновременно обеспечивало новым помещением действующее учебное заведение. Так, с открытием 12 городского училища, новое помещение получило 11, 13 училища – 5 [11, с. 207-208], при открытии 14 училища – 8 [3], с учреждением 15 – 7 [4]. Первая мировая война не позволила полностью реализоваться программе расширения школьной сети. В августе 1915 года вятское городское управление получило уведомление о том, что МНП с 1915 года прекращает отпуск пособий, как на школьное строительство, так и на выплату жалования учителям [7, л. 7 – 7-об.]. Тем не менее, приток в город значительного количества переселенцев, вызывало насущную потребность в расширении сети учебных заведений. Пытаясь хотя бы частично решить этот вопрос, вятским городским управлением, согласно постановлению думы 20 сентября 1917 года, на средства города, при 3 и 10 училищах было открыто по одному дополнительному комплексу [7, л. 7 – 7-об.].

Таким образом, несмотря на то, программа введения всеобщего обучения полностью так и не реализовалась, городское самоуправление, выступив в роли ее проводника, показало себя вполне способным к ее успешному осуществлению в рамках города. Если рассматривать эту проблему в аспекте взаимодействия местного самоуправления и государства, то реализация школьной реформы выступает вполне весомым аргументом в пользу конструктивного и взаимовыгодного сотрудничества обеих сторон.

Деятельность вятского городского управления по увеличению числа средних образовательных учреждений в городе была менее масштабной, так как не подкреплялась такими стабильными государственными и земскими субсидированиями, как это было при расширении сети начальных заведений. Поэтому, в решении вопросов, касающихся среднего образования, дума ограничивалась либо заявлением о нуждах учебных заведений перед казной, либо финансировала те статьи расходов на образовательные учреждения, которые не подкреплялись достаточным государственным субсидированием, либо выделяла единовременное пособие.

Всего на начало XX века в городе было девять средних учебных заведений: мужская гимназия, женская Мариинская гимназия, духовная семинария, епархиальное женское училище с 6-ти годичным сроком обучения, земское реальное училище, коммерческое училище для детей обоего пола, вторая женская гимназия, вторая мужская гимназия [12, с. 220-221]. Как отмечалось выше, на первоначальном этапе участие городского управления в финансировании данных учреждений ограничивалось оплатой обучения 20-ти девушек в Мариинской женской гимназии. Но впоследствии, дума использовала все доступные ей средства для содействия увеличению числа среднеобразовательных учреждений в городе. Как представительница городского общества, дума возбуждала ходатайства перед казной об улучшении положения учебных заведений в городе. Так, в 1898 году, было возбуждено ходатайство перед МНП об увеличении пособия от казны Мариинской женской гимназии, в целях снижения платы за обучение [8, с.256]. Практика ходатайств использовалась в образовательной сфере и в дальнейшем. В целом расходы городского управления в просветительской сфере не выходили за рамки дополнительного субсидирования, играя на местном уровне корректирующую роль в государственной системе образования.

Значительное место в расходах города по статье народного образования приходилось на материальную помощь учащимся средних и высших учебных заведений. С 1902 года начинает практиковаться выдача стипендий по прошениям отдельных лиц для обучения в высших учебных заведениях. Стипендия выдавалась с условием возврата этой суммы при выходе из института в течении двух лет [9, с. 37]. В последующем срок возврата пособия будет значительно увеличен – он будет в два раза превышать срок обучения в учебном заведении.

Таким образом, на начало XX века одной из характерных черт деятельности вятского городского самоуправления становится активное участие в деле образования, которое с этого времени начинает приобретать систематический характер. Как показывает анализ материала, масштабы этой деятельности во многом определялись степенью участия земства и казны. Между тем, на примере вятского городского самоуправления можно говорить о целесообразности функционирования органов общественного управления в данной области: не претендуя на значительную культурно-просветительскую роль они, по возможности, содействовали развитию в городе начальных и средних образовательных учреждений, на местах решая их насущные проблемы.

Список литературы

1. Вятский край. – 1895. – № 22.
2. ГАКО. – Ф. 628. – Оп. 6. – Д. 387.
3. ГАКО. – Ф. 628. – Оп. 6. – Д. 500.
4. ГАКО. – Ф. 628. – Оп. 6. – Д. 602.
5. ГАКО. – Ф. 628. – Оп. 6. – Д. 924.
6. ГАКО. – Ф. 628. – Оп. 7. – Д. 19. – Л. 7.
7. ГАКО. – Ф. 628. – Оп. 6. – Д. 924.
8. Журналы вятской городской думы за 1899 год. – Вятка, 1900.
9. Журналы вятской городской думы за 1902 год. – Вятка, 1903. – Т. 2.
10. Журналы вятской городской думы за 1911 год. – Вятка, 1912.
11. Журналы вятской городской думы за 1913 год. – Вятка, 1914.
12. Луппов П.Н. История г. Вятки. – Киров, 1958. – С. 220-221.
13. Роспись доходов и расходов г. Вятки на 1890 год. – Вятка, 1891.

СТАХЕЕВЫ В ЭМИГРАЦИИ: СЕМЬЯ ПЕТРА ВАСИЛЬЕВИЧА СТАХЕЕВА ВО ФРАНЦИИ

Е.П. Голованова

Франция

Аннотация: Автор статьи Е.П. Голованова – потомок купеческого рода Стахеевых на материалах семейного архива рассказывает о сложной судьбе Веры Ивановны Стахеевой и ее семьи в эмиграции в Китае и Франции в 20 – 60-е гг. XX в.

Ключевые слова: Стахеевы, эмиграция, семейный архив Стахеевых.

THE STACHEEV'S IN EXILE: THE FAMILY OF PETER VASILIEVICH STACHEEV IN FRANCE

E.P. Golovanova

Abstract: The author of the article E.P. Golovanova – a descendant of Staheev's merchant family tells about the difficult fate of Vera Ivanovna Staheeva and her family in exile in China and France in the 20 – 60 the years of the XX century on the family archive material.

Keywords: the Staheevs, emigration, family archive of the Staheevs.

По серьёзным источникам число русских эмигрантов во Франции в конце 1920-ых гг. достигало приблизительно 400 000 человек [1]. Путь во Францию семейства Петра Васильевича Стахеева (третьего сына Глафиры Фёдоровны и Василия Григорьевича) оказался очень длинным [2]. Пётр Васильевич с женой Верой Ивановной и их 7 детей (Вера – 1900 г.р., Татьяна – 1901 г.р., Ирина – 1902 г.р., Василий – 1904 г.р., Глафира – 1907 г.р., Пётр – 1909 г.р., Екатерина – 1910 г.р.) в годы войны и революции поселились на постоянное жительство в свою дачу на Святом Ключе (на Каме, вблизи от Елабуги). Сам Пётр Васильевич был вынужден бежать и прятаться в начале августа 1918 г., и он больше никогда не видел семью. Весть о его смерти в феврале 1920 г. в Нижнем Новгороде (от угара печи) застала его жену и детей уже на берегу Тихого океана [3]. Вера Ивановна осталась главой семьи. В конце августа, узнав, что красные комиссары собираются арестовать её и четверых старших детей, она забрала немного вещей (среди которых драгоценности и некоторые бумаги) и бросилась в путь в неизвестность. Вместе с ней

уехали её дети, один племянник (сын её брата), горничная Дуняша и молодая французская гувернантка: всего 11 человек [4]. Они оставались вместе до конца 1922 г., а в 1920 г. их догнала в Шанхае ещё няня Афанасия Кортунова [4], которая нянчила стахеевских детей с 1903 г. Покидая Святой Ключ, все думали, что скоро вернутся. Но получилось иначе.

Пройденный ими путь всё дальше на Восток: Елабуга – Уфа – Новониколаевск (Новосибирск) – Владивосток – Шанхай. В Шанхае семья жила с декабря 1919 г. до 1923-1924 г. [4, 5]. Эти первые годы бегства и эмиграции нам известны благодаря семейной традиции, небольшому количеству оставшихся писем, бумаг, фотографий и, главным образом, уникальному документу: счетоводным книжкам, в которые в продолжении всех этих лет Вера Ивановна очень аккуратно вписывала каждую затрату и всякое поступление денег, не забывая при переезде записать новый адрес. В этих книжках много информации. Деньги поступали от продажи драгоценностей Веры Ивановны и в меньшей степени от временной или более длительной работы старших детей. Самые большие затраты были на учение: Вера Ивановна придавала огромное значение воспитанию. Прекрасное воспитание и знание иностранных языков (французский и английский) очень помогли в будущем.

В 1920 г. старшая дочь Вера Петровна вышла замуж за офицера Белой Армии [3] во Владивостоке, и семейство увеличилось: родились Татьяна (май 1922 г.) и Алексей (январь 1924 г.). Племянник Веры Ивановны в конце 1922 г. вернулся в Москву, горничная Дуняша эмигрировала в Америку, гувернантка вернулась на родину. В мае 1923 г. вторая дочь, Татьяна Петровна, вышла замуж за английского дипломата, и её дальнейшая жизнь сложилась в Англии. А в 1924 г. Вера Петровна покинула Владивосток и приехала с детьми жить у матери [4].

В Китае Стахеевы жили сравнительно неплохо. Но у Веры Ивановны было несколько поводов для переселения в Европу. Она и её дети хорошо знали Францию, так как до 1914 они там проводили половину года в курорте Биарриц, на юго-западе на берегу океана: для них это не была чужая страна. Конечно, замужество и отъезд Татьяны Петровны дали толчок, но о переезде во Францию думали с 1920 г. [3]. Осенью 1922 старший сын, Василий Петрович, заболел, и мать его послала лечиться во Францию: вероятно, Вера Ивановна нашла для него хорошую больницу в южной части Франции и за неё заплатила много денег, но об этом не говорили и доказательств нет. В ноябре 1922 г. Вера Ивановна отдала несколько драгоценностей в залог Русско-Азиатскому Банку [6] за большую сумму (10 000 долларов 1922 г. = 150 000 долларов 2015 г.), в тот же месяц съездила в Японию и за такие же деньги продала там своё изумрудное ожерелье [4]. В счетоводной книжке видно, что в декабре 1922 г. Василию куплены паспорт и билет [4]. Он первым из членов семьи уехал во Францию.

В конце 1923 г. третья дочь, Ирина Петровна, покинула Шанхай вместе с сестрой Татьяной и её мужем и 30-го декабря высадилась в Марселе [5]. В книжечках записаны затраты её на путешествие: сундук, чемодан, материя, фуфайки, паспорт, билет (575,85 долларов 1922 г. = немного более 8 000 долларов 2015 г.). Она плыла через Гонконг, Сингапур, Суэцкий канал [3]. Ей был почти 21 год. Ещё в Шанхае она выдержала французский экзамен, позволяющий быть учительницей [6] и, вероятно, у неё заранее было место гувернантки или учительницы во французской семье в городе Версале. Она жила в недорогой гостинице, и в письме она описывает свою комнатку «меньше нашей ванной» и жалуется на то, что ей из-за грязи общей ванны приходится мыться в тазу, что «не очень удобно, но ничего» [3]. Ирина долго не оставалась в этом месте, и неизвестно, каким образом, начала работать и учиться на медсестру в Парижской *Американской больнице* (это элитное частное заведение существует до сих пор): в дипломе, полученном в 1927 г., написано, что она окончила трёхлетнее обучение [6]. Рабочим языком был английский. Спустя месяц после неё приехала во Францию Глафира Петровна (16 лет). Как показывает её паспорт, Глафира некоторое время жила в Англии у сестры Татьяны Петровны [5]. А сама Вера Ивановна задержалась в Шанхае, очевидно потому, что её внук Алексей, родившийся в январе 1924 г., ещё не мог так долго путешествовать. Два письма от католической миссии в Шанхае, рекомендующие Веру Ивановну Стахееву католическим властям во Франции и просящие оказать ей любую помощь, датированы от 13-го сентября 1924 г. [6]. Она уехала во второй половине сентября вместе со своими детьми Верой, Петром и Екатериной, с внуками Татьяной и Алексеем и с няней Афанасией. К сожалению, счетоводные книжки после января 1924 г. потеряны (остаётся только одна, за 1940 – 1942 гг.), и кроме нескольких писем, документов и редких датированных фотографий, единственный источник сведений – семейная устная традиция. По приезду во Францию Вера Ивановна с семьёй первоначально поселились в городе Монпелье на юге Франции, вероятно, из-за близости с лечебным заведением, где содержался Василий Петрович. Точных сведений об этом нет, но, кроме близости с сыном, у Веры Ивановны абсолютно не было никаких поводов там устраиваться.

По приезду во Францию старшая дочь, Вера Петровна, уехала в Париж работать и оставила своих детей Вере Ивановне и няне на воспитание. У Стахеевых не было никакого имущества во Франции: они никогда не приобретали никакой недвижимости, и в начале войны Пётр Васильевич вернул все капиталы в Россию. Вера Ивановна уехала из Святого Ключа с миллионами рублей облигаций военных займов в чемоданчике [6], но они больше ничего не стоили. За несколько лет большая часть драгоценностей была распродана, чтобы кормить и воспитывать многочисленную семью, и уже почти ничего не оставалось. Да за то, что Вера Ивановна продавала иногда у того же известного ювелира, у которого это было куплено, она получала мизерные суммы. Стахеевы были бедные. Одно письмо

показывает, что пришлось занимать деньги за проценты, и что Вера Ивановна просила продолжить срок. Тем не менее, она всегда сохраняла чувство достоинства и до конца жизни возбуждала почтение у всех людей, которые с ней имели дело. Наружность у неё была выдержанная, строгая и элегантная. Она была очень близорукая и носила очки. На улицу она никогда не выходила без черной шляпы (в церкви она, как и её дочери, конечно, носила шляпу). До глубокой старости она оставалась кокетливой и опрятной. Кажется, она одевалась одинаково несколько десятков лет: прямая юбка почти до щиколотки из сукна тёмно-серого цвета, жакетка из той же материи с маленькой брошкой на воротнике и чёрные ботинки на каблукках. Только когда было очень жарко, она носила более светлое лёгкое платье. К тому же она надевала довольно широкую бархатную или атласную ленту вокруг шеи, объясняя, что у немолодой женщины шея некрасивая и лучше её не показывать. Дочери одевались более модно, но у них тоже одежды было мало, и какое-нибудь платье переходило от одной сестры к другой, которая из него переделывала юбку.

В Монпелье Вера Ивановна сняла квартиру на верхнем этаже в старом центре города, как показывает снимок маленьких Тани и Алёши на балконе с видом на черепичные крыши. Глафира приехала в Монпелье, и как Пётр и Екатерина, она поступила в школу. Насчёт Петра неизвестно, но Глафира и Екатерина учились у католических монашек. Екатерина рассказывала, что она там была в пансионе. Она была очень удивлена тем, что в дортуаре девочки должны были раздеваться под ночной рубашкой, а также что ванну принимали тоже в рубашке. Сохранилось несколько открыток, которые ей написали её ровесницы-француженки: видно, что Екатерина возбуждала симпатию и интерес у своих подруг, которые жили в глухой провинции и не привыкли к иностранцам. Вероятно, в Монпелье семья Стахеевых впервые почувствовала себя *чужой*. Когда они приезжали до войны 1914 г. в модный курорт Биарриц или останавливались в Париже, отношение к ним было не то, которое их ожидало, когда они приехали во Францию как *русские беженцы*: смесь жалости, любопытства и равнодушия. Кажется, кроме них там других русских совсем не было, в отличие от многих других городов и, конечно, Парижа. На редких фотографиях этого периода лицо Веры Ивановны трагично. По воспоминаниям внучки, она была строгой бабушкой. Ещё с 1918 г. она была главой семейства в тяжёлых обстоятельствах, теперь опасности никакой больше не было, но на её плечах всё ещё лежала моральная ответственность. Большинство материальных обязанностей исполняла няня: она ходила за продуктами, она готовила, она мыла и одевала малышей. В Шанхае жизнь была дешёвая, и в книжках читаем, что платилось жалование китайскому повару и прислуге, но во Франции всё стоило дорого. Вера Ивановна очень не любила Монпелье, который она считала малоинтересным провинциальным городом. У молодых поколений самым лучшим воспоминанием о Монпелье были летние поездки с няней на пляж на совсем близкое Средиземное море. От этого города, где они жили три года, осталось плохое впечатление.

В 1926 г. Глафира Петровна, сдав в Монпелье выпускной экзамен, и в 1927 г. Пётр и Екатерина тоже там получили французское среднее образование [6] (надо отметить, что в это время очень мало молодых французов сдавало этот экзамен). После этого всё семейство переехало в Париж. Новый адрес известен: на бульваре Мюра, дом 122 [3]. Эта квартира многие годы была приютом всей семьи во Франции, хотя старшие дочери там не жили постоянно (на документах адрес Веры Петровны и Ирины Петровны – Американская больница). Стахеевы снимали довольно большую квартиру, принадлежащую парижскому муниципалитету, и поэтому сравнительно недорогую. Такую квартиру было довольно трудно получить и, записавшись, надо было долго ждать. Но для своих Вера Ивановна была на всё готова, и она много лет спустя, смеясь, рассказывала, как пришла к городскому чиновнику и сунула ему взятку. Стахеевы получили квартиру. Это было в западном районе Парижа, где жило много русских. Этот период их жизни во Франции был гораздо более счастливым, чем прежний в Монпелье. Хотя они были всё так же бедны. Вера Ивановна стала приглашать знакомых дам раз в неделю на чай (одной из её близких знакомых была жена бывшего коллекционера Щукина [3]). Её внучка Татьяна рассказывала своим детям, что бабушка её посылала покупать пирожные, но так как было мало денег, пирожные были только для гостей: чтобы полакомиться, маленькая Таня выжимала пальцем немного крема. Ели много картофеля, капусты и простокваши. Готовила няня. Она же ходила за провизией, и, как ни удивительно, её в лавках понимали, хотя по-французски она никогда более нескольких искаженных слов не знала. Не хватало денег, чтобы покупать мясо, но время от времени няня покупала обрезки сала от ветчины, которые французы не ели. Не было средств, чтобы Глафира и Екатерина поступали в университет: им надо было зарабатывать на жизнь. Их история – история несбывшихся желаний. Екатерина очень любила химию, и ей хотелось бы стать химиком. Но она начала работать секретаршей, правда не простой, а с английским языком. Про Глафиру Петровну более сложно. Весной 1927 г. она уплыла в Америку вместе с Ириной Петровной [6]. Ирина прошла в Бостоне обучение и выдержала экзамен на медсестру, специализированную в причесмотре за новорожденными [6]. А что делала Глафира Петровна в Нью-Йорке, не совсем ясно. Она, возможно, приехала по приглашению дяди, брата Веры Ивановны, который как-будто ей обещал работу. В бумагах Глафиры Петровны сохранилась вырезка из американской газеты, показывающая профиль девушки в бальном платье: может быть, это объясняет семейную легенду, по которой Глафира Петровна одно время работала моделью. И действительно, у неё была стройная, высокая, изящная фигура. Но эти слухи ничем не подтверждаются, кроме вырезки из газеты [6]. Вернувшись во Францию, Глафира Петровна многие годы работала секретаршей в различных компаниях

и доверенным лицом у частных людей. У Глафиры Петровны нашли в бумагах много фотографий 1930-х, 1940-х и 1950-х гг., где она снята в Монте-Карло, в Биаррице, в Париже и т.д. с неизвестными нам людьми и детьми с удивительно большим количеством собак. Она легко заводила знакомство и была очень приветливая. Как сёстры Ирина и Екатерина, она никогда не выходила замуж.

По возвращении во Францию Ирина Петровна стала работать в той же Американской больнице теперь медсестрой с высокой квалификацией. Вероятно, она получала неплохое жалование. Её сёстры работали и содержали своих детей или мать, а Ирина Петровна работала для брата Петра, чтобы он, единственный в семье, смог получить высшее образование. И действительно, Пётр Петрович хорошо учился и смог поступить в элитную бизнес-школу (НЕС – латинскими буквами – и сегодня считается одной из лучших в Европе). Эта школа стоила очень дорого, и всё жалование Ирины уходило на неё и на содержание брата. Когда Пётр Петрович уже в 1950 – 1960-е гг. хорошо зарабатывал в крупной американской компании, он выплачивал сестре и матери пожизненную пенсию [6] (это было много лет после жизни на бульваре Мюра).

В середине 1930-х гг. с Петром Петровичем был интересный случай: в начале 1930-х гг. французские власти заметили, что он родился в Биаррице во Франции: значит, по французскому закону, он – француз. Петру пришлось отбывать военную повинность: он два года служил в Тунисе у североафриканских «зуавах» (элитные пехотные части колониальных войск). Конечно, французское подданство очень упрощало жизнь с административной точки зрения для поступления на работу и т.д. После признания Советского Союза в 1924 г. для всех русских эмигрантов возникла сложная проблема; они оказались без гражданства, и Стахеевы получили вместо паспорта «Удостоверение» с надписью «Бывший русский подданный» [5], а в конце 1930-х гг. у всех, кроме француза Петра Петровича, был *Нансенский паспорт* [5] (международный документ, который выдавался Лигой Наций для беженцев без гражданства). Около 1965 г. Екатерина Петровна получила французское подданство благодаря своей работе в компании страхования судов. Глафира Петровна тоже захотела стать француженкой и думала, что ей дадут национальность, потому что она очень любила Францию; но когда оказалось, что надо хлопотать и предъявлять всякие документы, она обиделась и сохранила свой Нансенский паспорт. С таким документом можно было ездить за границу за исключением нескольких стран (Вера Ивановна гостила в Англии у дочери Татьяны, Ирина и Глафира были в Америке...). Но приходилось хлопотать в отсутствие некоторых необходимых документов, как доказательство даты и места рождения. Стахеевы всегда себя считали русскими беженцами.

Стахеевы в Париже принимали участие в жизни русской эмиграции. Они политикой никогда не занимались и не состояли ни в каком политическом движении, хотя Вера Ивановна была монархисткой, портрет Николая II висел на стене, и её героем был адмирал Колчак. Но она относилась к новой России без особой враждебности и, когда это было возможным, всегда сохраняла связь с родственниками, оставшимися там. Как и многие, Стахеевы до Второй мировой войны жили, как говорится, «на чемоданах»: они были готовы вернуться на Родину, как только это станет возможным, то есть когда большевистская власть прекратится, и ждали этого момента. Всё, что происходило во Франции, их мало касалось. Зато похищение советскими органами генералов Миллера и Кутепова на них произвело очень сильное впечатление, и об этом говорилось много лет спустя. В Париже кипела богатая русская культурная жизнь. Конечно, Стахеевы читали эмигрантские журналы и газеты (какие именно – теперь неизвестно), ходили на такие мероприятия, как День русской культуры. Сохранилась одна программа конца 1930-х г., где видно, что внучка Татьяна играла маленькую роль в театральной пьесе. Дети Веры Петровны, Татьяна и Алексей, были членами молодёжной организации Русских скаутов и регулярно посещали летние лагеря на Лазурном берегу. Но на учение Татьяну послали к католическим монашкам под Парижем, а не в Русскую гимназию. Она не любила эту школу (получала ли она стипендию или её мать, Вера Петровна, платила большие деньги за обучение, это осталось неизвестным). Она также не любила уроки танца с ученицей Айсидоры Дункан, но нельзя было сопротивляться решениям Веры Ивановны, которая всю жизнь старалась дать самое лучшее воспитание своим детям и внукам. Все решения принимала Вера Ивановна, она была центром и главой семейства. Дочери работали и полагались на неё.

Этот семейный порядок резко переменялся, когда началась война. К сожалению, осталось мало данных об этом периоде. В сентябре 1939 г. Вера Ивановна уехала в Биарриц. В Биаррице произошел интересный факт: в 1914 г. Стахеевы заранее заплатили за виллу на 1915 г., но, конечно, там не были. Как всегда, они оставили некоторые вещи, и после 1915 г. хозяин виллы, не зная, что делать с этим, отдал на хранение в русскую церковь. И вот когда семья снова появилась в Биаррице, священник отдал Vere Ивановне посуду, фарфоровые статуэтки и пр., и, самое главное, прекрасные иконы с серебряной ризой с эмалью и жемчугом, которые стали семейным сокровищем. Возможно, Вера Ивановна уехала одна. Дочь Вера Петровна ей часто писала, письма сохранились, и по адресу видно, что она снимала комнату у французской семьи (отношения были хорошие, и впоследствии сохранилась связь с этой семьей). Но скоро Вера Ивановна сняла отдельную квартиру: с декабря 1939 г. Вера Петровна ей писала туда [3]. В этой квартире Стахеевы жили до 1970 г. Она находилась на спокойной улице не очень далеко от русской церкви и от тех вилл, в которых Стахеевы зимовали до 1914 г. В доме было 4 этажа и по одной квартире на каждом этаже. Стахеевы жили на четвёртом этаже (лифта не было). Квартира состояла из четырёх

небольших комнат, коридора, кухни и ванной. В каждой комнате был балкон. Ясно, что Вера Ивановна сняла такую квартиру только для себя, но точно неизвестно, кто жил с ней. Туда уехал внук Алексей, для него искали учебное заведение [3]. Но он в Биаррице долго не оставался: шестнадцатилетним юношей он бежал из дома, чтобы вступить в движение Сопротивления немцам. Все военные годы мать, бабушка и всё семейство волновались за него. Внучка Татьяна в начале войны оставалась в Париже и училась в Сорбонне. Вера Петровна и Ирина Петровна всё работали в Американской больнице. Когда немцы оккупировали Париж, больницу закрыли, и им пришлось искать другую работу: они присматривали за частными больными [3]. Конечно, квартиру на бульваре Мюра покинули, и в эти годы Вера жила в маленькой однокомнатной квартире, которую после неё снимали её дочь, а затем долгое время сестра Глафира Петровна. Постепенно тон писем меняется, и видно, что продовольствие становится большой проблемой, так же, как одежда, обувь и т.д.: им было очень трудно приобрести самое необходимое. Вскоре мать послала Татьяну в Биарриц.

В начале войны Екатерина Петровна работала в Париже в американской компании, которая закрыла свой французский филиал: директор написал очень похвальное письмо, в котором он горячо рекомендует Екатерину Стахееву за её преданность, честность и эффективность [3]. Она уехала в Биарриц, который оставался в не оккупированной зоне до 1942 г. С 1942 по 1958 г. Екатерина Петровна работала доверенным лицом американского миллионера, у которого было имущество в Биаррице. А Пётр Петрович был мобилизован во французскую армию в 1939 г. [3] и попал в плен: он сидел в лагере в Чехословакии до конца войны. Вера Ивановна ему отправляла посылки. В счетоводной книжке за 1940-1942 гг., которая сохранилась, видно, что она посылала много посылок своим детям. В этой книжке, в отличие от предыдущих, очень мало информации. Она записывала, сколько давала в церковь, сколько истратила на продукты (она каждый день ходила на базар за свежими продуктами), на бакалею, на чистку одежды... Она каждую неделю платила жалование уборщице [4]. Вера Ивановна никогда в жизни не мыла полы, так же, как её дети никогда не работали рабочими в отличие от многих, которым пришлось зарабатывать на жизнь любой работой.

После оккупации немцами юга Франции, в 1942 г. жизнь стала тяжелее. Продукты продавались в ограниченном количестве по карточке: на взрослого – столько-то молока или хлеба, на подростка – немного больше. Сохранилась Татьяна карточка: чтобы получить немного больше, она сфальсифицировала последнюю цифру своего года рождения [6]. Многие французы обогащали паёк на чёрном рынке, но у Стахеевых не хватало на это денег. У них была собака: её кормили, главным образом, картофельными шкурками. Когда Советский Союз вступил в войну, они болели за русских солдат, за всех Ванюш (не вся русская эмиграция думала так). Новости они слушали по английскому радио, хотя, конечно, это было запрещено. В день французского Национального Праздника, Татьяна одевалась в сине-бело-красный цвета: она демонстрировала свой патриотизм. В октябре 1943 г. случилось горе: умер Василий Петрович [3]. Чтобы похоронить сына, Вера Ивановна тогда купила на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем место для семейной могилы [3]. Но, вероятно, из-за войны и оккупации оказалось слишком сложно или слишком дорого перевезти туда гроб, и Василий был похоронен в Тулузе, не очень далеко от Биаррица [6].

Дома все стояли за генерала Де Голля. Большая часть Франции освободилась от немцев летом 1944 г. Осенью Вера Петровна приехала в Биарриц повидаться с семьей. На обратном пути её поезд попал под бомбардировку, и с ней был инсульт [3]. В это время Американская больница снова работала, и Ирина Петровна попросила, чтобы бесплатно взяли и лечили Веру, их бывшую медсестру: администрация отказалась. Возмущенная Ирина Петровна пошла к директору Больницы и подала в отставку. Её просили остаться и предложили стать управляющей медсестрой: она принципиально отказалась. Вскоре Вера Петровна скончалась, и её первую похоронили в семейной могиле на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Ирина Петровна поступила в американскую армию как секретарша-переводчица, была с американской оккупационной армией в разных немецких городах и, как показывает паспорт, в 1950 г. была в Берлине [5]. В 1944-1945 гг. внучка Татьяна работала с американской армией в Биаррице: она преподавала французский язык американским офицерам и подрабатывала уроками пианино, затем уехала в Париж. Пётр Петрович вернулся из плена и нашел работу. Жизнь постепенно пришла в норму.

Как только это стало возможным, Вера Ивановна посетила дочь Татьяну Петровну в Англии и познакомилась со своими двумя внуками, которые родились в военные годы. После войны Глафира Петровна вернулась в Париж и работала там (одно время она работала для известного экономиста Жака Рюэффа, советника генерала Де Голля). После 1949 г. она снимала бывшую однокомнатную квартиру своей сестры Веры: она там жила до старости лет. Вернувшись во Францию, Ирина Петровна жила тоже в однокомнатной квартире совсем недалеко от неё. Это оказалось очень удобным, когда она заболела и больше не выходила, сестра ей приносила покупки. Их регулярно посещала племянница Татьяна. Через несколько лет Пётр Петрович женился на англичанке, и у него родилось двое сыновей. Из-за работы он уехал в Америку и получил американское подданство, но он вернулся жить в Англию, когда был на пенсии.

А Вера Ивановна осталась жить в Биаррице вместе с младшей дочерью Екатериной Петровной: там был центр семейной жизни Стахеевых. Когда внучка Татьяна вышла замуж, родились правнучки. Для

них Вера Ивановна была любящей бабушкой, которая ими очень гордилась и их ужасно баловала. Она в первый раз за три десятка лет не имела ответственности и чувствовала себя спокойно. Она им читала стихи и книги, рассказывала сказки, передавала русскую культуру. Русской грамоте девочки научились в так называемой «русской школе»: раз в неделю в выходной день во французских школах организовывались уроки для потомков русской эмиграции (часто такие «школы» работали при каком-нибудь православном приходе). Были уроки грамоты и чтения, закона Божьего, русской истории и литературы для старших. Постепенно установился порядок: зимой Вера Ивановна и Екатерина Петровна, если работа это позволяла, ездили в Париж к Татьяне. На праздники ездили за Ириной Петровной и Глафирой Петровной и все собирались. Иногда приезжала тоже Татьяна Петровна из Лондона. Когда все четыре сестры были вместе, то, что всегда поражало посторонних, это как они легко переходили с русского языка на французский и потом на английский, затем опять на русский и т.д., этого даже не замечая. Вера Ивановна была человеком образованным, начитанным, она всегда много читала, но в последние годы она страдала, потому, что из-за плохого зрения ей было трудно читать. Лето проводила в Биаррице, и Татьяна с дочерьми приезжали на два месяца. Часто тоже приезжала из Лондона дочь Татьяны Петровны. Помимо семьи гостей принимали мало: было всё меньше и меньше русских в Биаррице. Чаше всех к Вере Ивановне приходили пожилой эlegantный испанский аристократ, который с ней обращался как с королевой, или старый казак. Вера Ивановна регулярно посещала русскую церковь, и в карманах у неё всегда были конфеты для детишек. Часто её сопровождали правнучки. Но когда в летнее воскресенье была прекрасная погода, она посылала девочек на пляж: «Это вам полезнее».

Не надо забывать ещё одного члена семьи – няню. Она жила в Париже в одной комнате, и её часто навещали. Когда она достигла глубокой старости, её поместили в Русский Дом для престарелых в Сент-Женевьев-де-Буа, и после смерти почти в 100 лет похоронили в семейной могиле.

Сама Вера Ивановна скончалась у внучки Татьяны в Париже в 1969 г. Затем в Англии умерла Татьяна Петровна (1981 г.). Ирина Петровна и Глафира Петровна, которая последние годы тоже была в Русском Доме, похоронены в Сент-Женевьев-де-Буа (1984 г., 1986 г.). Пётр Петрович скончался в Англии в 1987 г. Из детей Петра Васильевича Стахеева и Веры Ивановны последней осталась Екатерина Петровна. Будучи на пенсии, она продолжала жить одна в «своём любимом Биаррице», но после кончины матери она снимала квартиру поменьше в том же спокойном квартале. Это было недалеко от моря, гольфа и маяка, и она много гуляла пешком со своей собачкой: все знали её стройную фигуру, и она легко общалась со знакомыми и незнакомыми людьми. Она всем интересовалась. К ней часто приезжали племянники и внучатные племянники. Все дети её всегда страшно любили. И малютка-дочка её внучатной племянницы поправляла её русский язык: – Смотри, Саша, летит аэроплан! – Нет, это не аэроплан, а самолёт.

Она скончалась в 2005 г., и вся семья собралась в Сент-Женевьев-де-Буа на её похороны. С ней закончилась страница истории нашей семьи. Теперь потомки Петра Васильевича и Веры Ивановны Стахеевых живут во Франции, в Англии, в Швейцарии.

В этой семейной полувековой хронике остались белые пятна. Но один источник информации ещё не разработан и может позволить больше узнать про жизнь Стахеевых во Франции в самом конце 1930-х и начале 1940-х гг.: это письма Веры Петровны, написанные, главным образом, матери. И могут ещё быть раскрыты материалы со стороны Татьяны Петровны, если сохранилась её переписка.

Список литературы

1. F. Nansen, сноска в: A. Jevakhov «Les Russes Blancs», Paris 2007, p. 545 .
2. M. Gorboff «La Russie fantôme», Paris 1995, p .43 .
3. A. Korliakov, интервью в «Le Monde Magazine», 10/12/2008 .
4. Голованова Е.П. Судьба Петра Васильевича Стахеева и его семьи // Третьи Стахеевские чтения: Материалы Международной научной конференции. – Елабуга, 2008. – С. 29-40.
5. Письмо // Семейный архив Е.П. Головановой.
6. Счетоводные книжки // Семейный архив Е.П. Головановой.
7. Паспорт // Семейный архив Е.П. Головановой.
8. Документ // Семейный архив Е.П. Головановой.

К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТЯХ РЕМЕСЛЕННОСТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-16-66005

А.В. Ефанов

РГППУ, г. Екатеринбург

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь духовных и социальных ценностей, присущих ремесленной деятельности с личностным и профессиональным развитием человека в условиях социальной среды российской провинции.

Ключевые слова: ремесленник, ремесленная деятельность, ремесленное обучение, духовные и социальные ценности

THE QUESTION OF VALUES CRAFTS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA AND MODERN

A.V. Efanov

Abstract: The article discusses the relationship of the spiritual and social values inherent in craft activities with personal and professional development of the person.

Key words: artisan, craft activities, artisan training, spiritual and social values

Возникнув на рубеже древнего мира и раннего средневековья, ремесленничество прошло долгий и сложный путь своего развития. При этом на протяжении последнего тысячелетия оно демонстрирует чудеса экономической выживаемости, пережило все общественные катаклизмы и экономические кризисы. В XX веке, несмотря на мощную конкуренцию в лице машинного производства, оно не только выживало, но и динамично развивалось, а мастера-ремесленники вынесли на своих «плечах» груз ответственности по сохранению гражданского мира и социальной справедливости в обществе [1]. В связи с этим будет уместным обратиться к прошлому и современному опыту существования российского ремесленничества, обозначить его духовные и социальные ценности, лежащие в основе его социальной устойчивости.

На Руси ремесло было окутано множеством поверий и легенд. В народе говорили, что люди, превращающие бесформенный ком глины в горшок или миску, раскаленную полосу железа – в подкову, а лист бересты – в шкатулку, обладают тайными знаниями. Русская земля всегда славилась своими мастерами, а народно-художественные промыслы – высшая и наиболее яркая форма народного творчества, непреходящая ценность духовной и материальной культуры народа.

На Урале к ремеслу и ремесленникам всегда относились с особым уважением. Еще 3-4 поколения назад самой высокой наградой за труд считалось звание «мастера», «умельца», а традиции мастерovitости и секреты ремесла передавались из поколения в поколение как семейное достояние. Именно в ремесленной сфере в свое время проявлялись первые инновационные тенденции, апробировались технические новшества, оттачивались организационные решения. Например, еще задолго до появления аутсорсинга кузнецы-ремесленники начали закупать недостающие детали у других мастеров.

Надо отметить, что ремесленная деятельность не была уделом определенной социально замкнутой группы людей. Чтобы привить навыки и ценности ремесленного дела, детей раньше отдавали в семьи мастеров-ремесленников. Вместе с профессией они усваивали социальные и правовые нормы, получали культовые знания. То, что делали наши предки еще пару столетий назад, сегодня назвали бы «всесторонним воспитанием». Овладением простыми видами труда не чурались и знатные люди. В России сыновей дворян с малолетства учили не только французскому языку и манерам, но и обязательно какому-либо ремеслу – плотницкому, гончарному, уходу за лошадьми, а девиц – шитью, вязанию, плетению. Каждый школьник знает, что царь Петр I освоил за свою жизнь более десятка различных ремесел: кораблестроение, рисование, изготовление часов, бумаги, был плотником, гравером, каменщиком, садовником и др.

Интересно, что в христианском богословии ремесленная деятельность рассматривается как способ и средство получения целостного знания о смысле бытия. Рождение спасителя именно в семье ремесленника, плотника Иосифа, вероятно, имеет под собой глубокий сакральный смысл. В ремесленных профессиях в большей степени, чем в других «рукотворящих» профессиях, происходит тесное соприкосновение материальных и духовных сторон жизни человека. Именно потому настоящее мастерство – всегда «тайнство», великий синтез духовной жизни и ее материальной основы, а ремесленная деятельность является «человекотворяющей системой» знаний и практического опыта.

Общеизвестно, что у большинства народов продуктом ремесленничества являются крепости, монастыри и города, а в России это еще слободы и посады. Таким образом, ремесленничество оказывало огромное влияние на рождение новых социальных структур и новых социальных отношений, создавало условия для формирования свободного человека, свободного населения городов.

Ремесленную деятельность можно рассматривать и в качестве средства самореализации человека. Это та сфера, которая позволяет с наименьшими издержками приобщать к труду людей с разным уровнем интеллекта, состоянием психики и физических возможностей. Не случайно ремесленное образование в последние годы становится предметом изучения не только традиционных отраслей педагогики – профессиональной и социальной, но и других ветвей педагогического знания: возрастной, специальной и педитенциарной педагогики.

В последние годы много говорится о том, что в современном обществе плохо работают «социальные лифты». У обычного человека шансы на достижение «американской мечты» ничтожны. А вот став ремесленником, он получает возможность реализовать свои способности более широко. Кроме того, давно подмечено положительное влияние ремесленного труда на физическое и духовное здоровье

человека, поэтому для многих ремесленников трудовая деятельность стала средством самовыражения, а порой и смыслом всей жизни.

Ремесленники – особая социальная группа с экзистенциальной полнотой бытия, обладающая огромным потенциалом к обновлению своего образа жизни и жизни рядом живущих людей. Разница между ремесленником и индустриальным рабочим, например, такая же, как между каменотесом и скульптором. Казалось бы, занимаются одним делом: берут кусок камня и отсекают лишнее. Но каменотес действует по алгоритму, который определен извне, а скульптор – по тому, что рождается внутри него [3].

На крупных производствах технология разложена на отдельные операции и рабочие не имеют возможности участвовать во всех этапах изготовления продукции, т.е. решать комплексные задачи. Работник промышленного предприятия – типичный пример «частичного человека». Ремесленное производство не поделено на участки, отличие современного ремесленника – не ручной труд как таковой, а иной, в отличие от промышленности, тип труда, выполнение работы как неделимого целого. Поэтому работа ремесленника требует полного, завершенного цикла деятельности, начиная с этапа созревания собственного замысла по заданию заказчика, этапа проектирования, ответственной реализации, учета в своей работе внешних социально-экономических (например, цен на его услуги на рынке) и социально-психологических факторов (например, желание клиента), т.е. ремесленник в контексте данной деятельности представляет собой некую *целостность*.

А.Н. Леонтьев писал, что целостность жизни человека заключается в общности, единстве его внешней практической деятельности и деятельности внутренней, мыслительной, а возникшая на определенном этапе «дезинтеграция» жизни человека привела к противопоставлению его внутренней, мыслительной деятельности, деятельности практической, ограниченной рамками узкой специализации, и тем самым создала отношения разрыва между ними. В результате такого разрыва происходит отчуждение человека от собственной деятельности в целом: его деятельность перестает быть для него тем, что она есть на самом деле [2].

Сегодня социальный слой ремесленников относится к среднему классу, существование которого обеспечивает социальную устойчивость, способствует выравниванию доходов, создает предпосылки для политической стабильности. Ремесленники разделяют и участвуют в создании всех базовых ценностей среднего класса: свободы, дома, семьи, работы, достатка. Эти фундаментальные общечеловеческие идеалы сегодня можно рассматривать в качестве социальных координат при воспитании молодого поколения.

Обобщая, можно отметить, что ремесленной деятельности присущи такие ценности, как красота процесса труда, любовь к своему делу, креативность. К этому можно добавить и другие характерные для всей русской культуры признаки: религиозность, коллективизм, социальную направленность, поликультурность. Конечно же, ценностный контекст российской ремесленной деятельности не будет полным, если не включить в него элементы рационализма, а также ответственности и обязательности.

Ремесленная деятельность сегодня осуществляется в разных отраслях: строительстве, металлообработке, деревообработке, пищевом, швейном производствах, полиграфии, жилищно-бытовом обслуживании, художественных промыслах и т.д., а к ремесленным профессиям относятся, например, профессии столяра, ювелира, кузнеца, фотографа, портного, парикмахера, кондитера и многие другие. В нашей стране в советский период деятельность ремесленников, как разновидность индивидуальной частнособственнической деятельности, находилась под запретом и была вытеснена из хозяйственного оборота, а в общественном сознании сформировалось представление о ней как о примитивной и утилитарной работе [4]. Поэтому многие десятилетия не поднимались вопросы организации системного обучения ремесленному мастерству, и только после законодательного разрешения частного предпринимательства, ремесленничество в современном его понимании стало быстро занимать всё большее место в общезозяйственном комплексе страны, возрождаться в больших и малых городах, деревнях и селах, поэтому историческое наследие российского ремесленного ремесленничества требует своего дальнейшего осмысления, бережного сохранения и передачи последующим поколениям.

Список литературы

1. Водянова И.Н. Новая ремесленная экономика как вид малого предпринимательства // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 2. – С. 206-219.
2. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М.: Наука, 1981. – 310 с.
3. Романцев Г.М., Колобков И.А. Ремесленное профессиональное образование как одно из направлений реформирования профессионального образования, // Образование и наука. – 2006. – № 43 (260). – С. 23-24.
4. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Институт рус. яз. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. язык, 1985-1988. – Т. 3 П-Р. – 1987. – 752 с.

ВКЛАД ЕЛАБУЖСКОГО КУПЕЧЕСТВА В РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА. К ИСТОРИИ ВОПРОСА

М.В. Жарковская, Р.Г. Ибрагимова, Н.В. Берестова

ЕГИА и ХМЗ, г. Елабуга

Аннотация: Первые промышленные предприятия были созданы купцами на территории Елабужского района еще в XVIII веке: медеплавильные и колоколотейные, стекольные и химические заводы, а в XIX веке – пивоваренный завод и электростанция. Были и громадные синдикаты династии Стахеевых, включившие в сферу своего влияния не только всю Россию, но также ближнее и дальнее зарубежье. Некоторые организации успешно действуют и сейчас, пережив множество трудностей и сменив название. В нашей статье мы коротко расскажем о наиболее известных из них.

Ключевые слова: Елабуга, купцы, завод, хромпик, стекло, колокол, нефть, порох, хлеб, электричество, промышленность, торговля, синдикат, предприятие, товарищество.

ELABUGA MERCHANTS' CONTRIBUTION TO PROVINCIAL TOWN PRODUCTION INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT: HISTORY OF ISSUE

M.V. Zharkovskaya, R.G. Ibragimova, N.V. Berestova

Abstract: The first industrial enterprises were created by merchants on the territory of Elabuga district in the 18th century: copper smelting and bell molding, glass and chemical plants, and brewery plant and power station in the 19th century. There were also enormous syndicates of Stakheev dynasty, which influenced not only the entire Russia, but also many foreign countries. Some of the enterprises changed their names but continue their work successfully now, having experienced severe difficulties. The article gives a brief survey of the most famous of them.

Keywords: Elabuga, merchants, plant, potassium dichromate, glass, bell, petroleum, gunpowder, bread, electricity, industry, trade, syndicate, enterprise, partnership.

Елабуга славится своими купеческими династиями, вошедшими в число богатейших и известнейших не только в России, но и за рубежом. А предпринимателя-миллионера невозможно представить без предприятия или организации, которая и приносит ему прибыль. Первые промышленные предприятия на территории Елабужского района появились еще в XVIII веке – это были медеплавильные и колоколотейные заводы. Самыми известными торговыми объединениями стали, конечно же, товарищества, созданные представителями династии Стахеевых в XIX – начале XX века. В нашей статье мы коротко расскажем о каждом.

Саралинский медеплавильный завод – одно из старейших горнозаводских предприятий Вятской губернии, считается основанным в 1689 году, хотя часть специалистов называет другую дату – 1697 год. Основателем является полковник Лаврентий Нейтхард, специализировавшийся на поиске медной руды в Прикамье. Завод находился на казенной земле недалеко от деревни Сарали на безымянном ключе, все производство основывалось на ручном труде, численность пеших и конных работников колебалась от 100 до 200. В 1706 году к заводу были приписаны русские ясачные крестьяне Казанского и Уржумского уездов. С 1710 года на нем стали работать шведские военнопленные, знакомые с горнозаводским делом.

Трудные времена для Саралинского завода начались с 1711 года со смертью полковника Л. Нейтхарда. К этому времени известные рудные месторождения истощились, а поиски новых не велись. В 1714 году казенный завод был отдан в частные руки – подьячему Василию Калугину и плавильщику Филиппу Емельянову, но через некоторое время они отказались содержать завод из-за нерентабельности и долгов. На некоторое время ситуацию улучшило заступничество видного государственного деятеля первой половины XVIII века, историка, географа, экономиста В.Н. Татищева, который посетил наши места в июле 1720 года по пути следования в Кунгур. По ходатайству Татищева Берг-коллегия направила на завод своего уполномоченного – Александра Аристова, которому удалось возобновить работу фактически закрытого предприятия.

В 1724 году Саралинский завод был передан казанскому чиновнику Ивану Евсеевичу Небогатову, пригласившему в компаньоны своих двоюродных братьев, тульских кузнецов и предпринимателей Лукьяна и Семена Красильниковых. Однако вскоре интересы компаньонов разошлись, и в 1729 году Лукьян Красильников обратился за разрешением на постройку медеплавильного завода на реке Каринке недалеко от деревни Сарали. И.Е. Небогатов, в свою очередь, решил построить медеплавильный завод на реке Шильве недалеко от села Боровецкого (это предприятие просуществовало до 1875 года). Саралинский завод был закрыт в 1730 году «за маловодием».

Свою задумку С.Т. Красильникову удалось воплотить, и в результате в 1732 году **Каринский медеплавильный завод** вступил в строй. На нем имелись четыре медеплавильные печи, два горна и

подсобные помещения. Для приведения в действие водяного колеса на реке Каринке была устроена плотина длиной 50 саженей. Однако и здесь работа была ручной, не было даже лошадей. Несмотря на это, владельцу удалось развернуть производство посуды, деталей оружия и амуниции, оборудования для винокурной промышленности, которые продавались на Макарьевской ярмарке, в Курске, городах Малороссии.

К середине XVIII века на Каринском заводе насчитывалось 411 рабочих из числа приписных государственных крестьян и вольнонаемных. Производительность (до 1000 пудов меди в год) при дешевизне рабочей силы позволяла получать хорошую прибыль, однако по-прежнему остро стояла проблема малочисленности медных рудников и их удаленности от завода. Ученый и путешественник Н.П. Рычков, побывавший здесь в июне 1769 г., отмечал в своих записях, что к Каринскому медеплавильному заводу были приписаны древнейшие и основные рудники края – Актазицкий и Ахметьевский. В архивах имеются данные и о том, что медь с Каринского завода поставлялась на частный колоколотейный завод в г. Елабуге. Отлитые из каринской меди колокола использовались в церквях и монастырях Елабужского уезда, Казанской, Уфимской, Оренбургской, Пермской, Самарской губерниях.

Большой ущерб заводу был нанесен во время Крестьянской войны 1773-1775 гг., поскольку через село Сарали летом 1774 года проследовали основные силы Емельяна Пугачева. Сам он ночевал в доме заводовладельца С.Т. Красильникова, который вместе с семьей уехал в Казань. Каринский медеплавильный завод дважды подвергся нападению пугачевских отрядов, в результате чего бездействовал больше года. Общий размер убытков предприятия за этот период составил 11 957 рублей. Наиболее ценное имущество было разграблено, документы о работе завода и долговые расписки крестьян сожжены. Возобновить свою деятельность завод смог только 19 января 1775 года, но работал нестабильно.

В 1817 году он был закрыт, но, видимо, не совсем: в статистических документах о фабриках и заводах в Елабуге и Елабужском уезде за 1828 год значится и Каринский завод, принадлежавший в то время крупному землевладельцу и предпринимателю Александру Евграфовичу Лебедеву и выплавлявший «1076 пудов меди в год на 27 450 рублей». Окончательно завод перестал действовать к середине XIX века, на его месте располагалась мукомольная мельница.

Тот же Лебедев, кстати, выкупил у елабужского купца 1-й гильдии Федора Григорьевича Чернова созданный им в 1835 году **Сюгинский стеклоделательный завод**. Ф.Г. Чернов, чтобы построить его, приобрел в начале XIX века леса вдоль реки Сюгинки, принадлежавшие малмыжскому и елабужскому лесопромышленникам Кронфельду и Мясоедову. Однако в 1842 году из-за низкой производительности предприятия Федор Григорьевич продал его А.Е. Лебедеву, поскольку тот владел стекольными заводами в Вятской, Казанской и Нижегородской губерниях и имел опыт производства и торговли в этой сфере. Рабочий поселок Сюгинского стекольного завода при селе Можга с течением времени превратился в город, а сам завод действует до сих пор – сейчас это ОАО «Свет».

Упомянутый выше **колоколотейный завод Шишковых**, куда шла выплавленная на Каринском заводе медь, был основан предположительно в 1770 году. Известно также, что его владелец – купец 3-й гильдии, прадед художника И.И. Шишкина Афанасий Дмитриевич Шишкин-Серебряков (1738 – не ранее 1819 г.) – вместе со своим братом Прокопием (1750 – ?) был потомственным мастером по изготовлению изделий из металла. Иван Васильевич Шишкин в своих записях отметил, что Афанасий Дмитриевич «имел серебряное и медное мастерство, и поэтому именовался серебряком, и впоследствии долго продолжали именовать его детей и внучатов Серебряковыми». Вполне возможно, что именно братья Серебряковы-Шишкины стали авторами поддужных колокольчиков. Ведь через Елабугу проходил один из важнейших почтовых трактов из Москвы на Дальний Восток.

Дело Афанасия Шишкина продолжили трое из шести его сыновей, а затем и дети одного из них – Дмитрия. Так, в «Вятских губернских ведомостях» за 1834 год сообщается, что Д.А. Шишкин был совладельцем литейного завода на паях с Д.Е. Пономаревым. Афанасий Дмитриевич Шишкин и его брат Александр также владели колоколотейным заводом в Елабуге, о чем есть информация в «Вятских губернских ведомостях» за 1868 год. Елабужские колокола были знамениты далеко за пределами уезда, их заказывали из Забайкальской области, Вятской, Казанской, Уфимской, Пермской, Самарской, Оренбургской губерний. Один из них, отлитый в середине XIX века, имеет поистине уникальную историю. Пятитонный красавец изготовили для одного из сел Елабужского уезда и зимой повезли через Каму. Лед проломился, и колокол ушел на дно. Но в 1990 году из-за сильного обмеления реки его смогли отыскать и поднять, через некоторое время он был установлен на колокольне Спасского собора, откуда радует елабужан и гостей города своим чистым голосом.

В 1880 году колоколотейный завод Шишковых объединился с Каринским медеплавильным заводом и обосновался в деревне Подмонастырке. С 1889 года владельцем предприятия стал Дмитрий Александрович Шишкин (1855 – ?), в начале XX века предприятие арендовал его брат Николай. Кроме литья колоколов он наладил выпуск чугунных и медных изделий для ремонта сельхозмашин, а также запасных частей к мельницам и маслобойкам. Таким образом, завод стал действовать уже как чугунолитейный и механический.

В 1914 году предприятие, перешедшее к наследникам Д.А. Шишкина, производило помимо

колоколов «земледельческие машины», было оснащено двигателем, а его годовая выручка составляла 18 000 рублей. Однако с началом Первой мировой войны выгодные заказы и объемы производства сократились. В 1917 году завод по договору был на три года сдан Елабужскому уездному земству за 3000 рублей в год. К этому времени его владелицей стала дочь Дмитрия Александровича – Вера Дмитриевна Шишкина-Захарова. После Октябрьской революции 1917 года предприятие было национализировано. В 1936 году из Подмонастырки его перевезли в более просторные и удобные помещения по улице В.И. Ленина. До 1990-х годов завод действовал сначала как механический, затем как арматурный, а впоследствии и вовсе стал банкротом.

В октябре 1993 года на базе Елабужского арматурного завода был создан завод «ЕлПласт», который стал выпускать полипропиленовые мешки и бытовую пластмассу. В октябре 2006 года была проведена реорганизация предприятия, а сегодня на его базе действует ООО «КамПолиБэг», выпускающее изделия из полиэтилена, пропилена и пластмассы бытового и хозяйственного значения.

В 1850 году купец-промышленник 1-й гильдии Капитон Яковлевич Ушков построил в селе Кокшан Елабужского уезда **химический завод по производству калиевого хромпика** из отечественного сырья. Это было жизненно необходимо для российской мануфактурной промышленности, так как это вещество ввозилось из Англии по высокой цене. И когда К.Я.Ушков узнал от партнеров, купцов Малютиных, также владевших крупным химзаводом и торговавших химическими и москательными товарами, – что англичане производят его из российских рудных материалов, то решил наладить собственное производство.

Уже в 1860 году на заводе ежегодно вырабатывалось до 12 000 пудов хромпика, который продавался значительно дешевле английского и имел высокое качество, оцененное многими специалистами. Это позволило постепенно наладить экспорт данного товара в Англию, Голландию, Пруссию. Одновременно с производством хромпика в Кокшане стали вырабатывать серную кислоту, железный и медный купоросы, стеклотару, химическую и хозяйственную посуду, листовое стекло, а с 1890 года – и кислотоупорную керамику.

Обратной стороной крупных промышленных заводов в то время была сложная экологическая ситуация вокруг них. Так, Кокшанский химический завод стал в 1882 году рекордсменом по показателям заболеваемости рабочих: здесь она могла достигать 100% (воздух в цехах буквально разъедал верхние дыхательные пути рабочих). Более того, по воспоминаниям современников, очень высокой была и смертность: редкие люди могли проработать на химическом заводе больше 7 лет. До сих пор в деревне Новый Кокшан остались большие терриконы, состоящие из токсичных отходов.

К 1914 году Кокшанский химический завод имел 7 паровых машин, столько же паровых котлов, 12 насосов, несколько пламенных и обжигательных печей, шлифовальные, гранильные и другие станки, производственный персонал насчитывал более 350 человек. Накануне и в годы Первой мировой войны завод давал до 170 000 пудов химических продуктов. После Октябрьской революции национализированное предприятие вошло в состав Бондюжского объединения, затем в Северный химический трест. Все, что осталось от завода сейчас, выглядит так.

Во второй половине 1960-х годов К.Я. Ушков решил расширить предприятие, однако делать это в Кокшане считал коммерчески невыгодным из-за отдаленности от пристани, истощением ресурсов местного топлива. В результате в долине реки Тоймы около деревень Старая Бондюга, Камашево и села Тихие Горы был построен **Бондюжский химический завод**.

В 1868 году дело Капитона Яковлевича Ушкова унаследовал его сын Петр. Именно тогда отдельные цехи дали первую готовую продукцию. К началу семидесятых годов химические заводы П.К. Ушкова перерабатывали в год свыше 170 000 пудов серного колчедана, до 60 000 – хромовой руды, 120 000 пудов белой глины, 40 000 пудов поташа, всего выпуская 238 000 пудов продукции на 508 000 рублей серебром. В конце XIX века Бондюжский химический завод поставлял на рынок до 1 700 т квасцов и около 3 280 т сернокислого глинозема в год. К слову, именно на заводах Ушковых в России впервые была применена как топливо нефть, например, для обжига извести.

С 1853 по 1896 год продукция химзавода демонстрировалась на выставках в Москве и Петербурге, Париже и Вене, Чикаго и Филадельфии, Казани и Нижнем Новгороде, в том числе на Всемирной выставке 1878 года в Париже. И практически всюду изделия из Кокшана и Бондюги получали призы и медали.

В 1890-1905 годах Бондюжский химический завод реконструировали, были установлены паровые машины и паровые котлы, построена своя электростанция, действовали содовый, меднорудный цех по получению хлора, вальцовая мельница, меднолитейная вагранка. В 1893 году знаменитый ученый-химик Дмитрий Иванович Менделеев, завершая работу над созданием бездымного пороха, получил согласие П.К. Ушкова на изготовление на его заводе 500 пудов пирокolloдия и в специально отведенном корпусе организовал в июне-августе опытное заводское производство. Более того, по советам Д.И. Менделеева было организовано производство серной и соляной кислоты, сульфата натрия, хлора и хлорной извести, соды углекислой и каустической, а с 1889 года – соляной кислоты, искусственного сульфата и соды.

В 1893 году впервые в Прикамье на Бондюжском заводе было проведено электричество, появилось освещение в цехах, конторе, лабораториях. Лампочки засветились кое-где в поселке и в

отдельных квартирах. После октября 1917 завод был национализирован и продолжал работать. В период Великой Отечественной войны он выпустил 56 200 тонн химических продуктов на нужды фронта. В послевоенные годы перешел в основном на производство фосфатных удобрений и моющих средств.

В 1967 году поселок Бондюга получил статус города и был назван в честь Д.И. Менделеева. 16 марта 1994 года по постановлению Государственного Комитета Республики Татарстан Менделеевский химзавод был преобразован в открытое акционерное общество «Химический завод имени Л.Я. Карпова». Сегодня ОАО «Химический завод им. Л.Я. Карпова» является старейшим химическим предприятием нашей страны: в августе 2013 года он отметил свое 145-летие. В новых экономических условиях завод продолжает развиваться, реализуя свою продукцию в России, странах Азии, Восточной и Западной Европы.

Еще одно известное елабужское предприятие – **Пивоваренный завод имени Стахеевых** – было основано в 1876 году в Елабуге известным купцом-промышленником Г.И. Стахеевым и являлось одним из крупнейших предприятий Вятской губернии.

В конце XIX века на нем вырабатывалось 25 000 ведер пива и 3000 ведер медового вина в год, которые сбывались в Елабужском уезде, Казанской и Уфимской губерниях. В 1911 г. завод модернизировали. Позже, в годы Великой Отечественной войны он производил спирт для нужд фронта.

До 1990 года комплекс входил в состав ПО «Красный Восток» и выпускал семь сортов пива, сваренных по классической технологии. Он продолжал производство алкогольных напитков вплоть до 2004 года, но постепенно пришел в упадок из-за того, что новый владелец не сумел наладить работу в изменившихся условиях. В 2013 г. прокуратура через суд отобрала предприятие у ООО «Стахеев» за ненадлежащий уход за историческим объектом (Пивоваренный завод имени Стахеевых – один из старейших образцов зданий промышленного производства, является объектом культурного наследия города Елабуги). Сейчас у заводского комплекса в сносном состоянии находится только фасад.

Мы уже упоминали, что первым объектом в Прикамье, где провели электричество, стал Бондюжский химический завод. А в самой Елабуге искусственное освещение появилось в сентябре 1902 года благодаря **электростанции**, построенной купцом 1-й гильдии, членом Государственного Совета, инженером-механиком Федором Васильевичем Стахеевым. В результате наш город вошел в число первых десяти российских городов, получивших электричество.

13 июня 1901 года Ф.В. Стахеев получил удостоверение, «...выданное Городскою Управою Инженеру-Механику Федору Васильевичу Стахееву, вследствие его прошения, в том, что в виду состоявшегося 18 апреля 1900 г. постановления Городской Думы препятствий со стороны Управы к устройству электрической станции и прокладки проводов в г. Елабуга не имеется и что, как видно из прошения г. Стахеева, поступившаго в Управу 18 мая сего года, предприятие его не будет иметь характера концессии, т.е. в случае надобности город может устроить собственную электрическую станцию и разрешать устройство таковым другим лицам; при чем плата будет взиматься г. Стахеевым в размере 3 коп. для целей освещения и 2 ½ коп. как движущей силы». Для постройки здания электростанции Федор Васильевич выкупил у Елабужского городского общества участок земли в 1200 квадратных сажень, находившийся на левой стороне шоссеной дороги из Елабуги в деревню Подмонастырку напротив Александровского сада.

Электростанция выделялась из числа располагавшихся рядом построенных по классическому стилю зданий оригинальным решением фасада из белого камня и красного кирпича. Первое время на ней были установлены две паровые машины. Генераторы вырабатывали ток напряжением в 2000 вольт, а несколько трансформаторов понижали его до 110 вольт.

В число первых электрифицированных зданий Елабуги вошло Елабужское епархиальное женское училище, куда Федор Васильевич Стахеев за свой счет провел электричество в 1903 г. (как и в здание женской гимназии). Иметь электричество в домах пожелали и богатые жители улиц Б.Покровской и Спасской, кроме того, для освещения «Миллионной» улицы были установлены 11 дуговых фонарей.

Из числа торговых организаций, созданных в Елабуге, наиболее известны три: «Товарищество А.Ф. Леденцовой с сыновьями», Торговый дом «И.Г. Стахеев и сыновья» и Торгово-промышленное товарищество «Стахеев и К°».

Информации о первом немного. Мы знаем только, что **«Товарищество А.Ф. Леденцовой с сыновьями»** в XIX веке было торговым домом, который специализировался на галантерейных товарах. А попутно занимался еще и издательской деятельностью, т.к. в фондах Елабужского государственного музея-заповедника сохранилась открытка, выпущенная этим товариществом, и несколько связанных с ним документов.

Торговый дом «И.Г. Стахеев и сыновья» открылся 1 ноября 1905 года. Создан он был купцом 1-й гильдии, коммерции советником, бургомистром (первый раз был избран на эту должность уже в 26 лет), потомственным почетным гражданином Елабуги Иваном Григорьевичем Стахеевым (1837-1907) и имел основной капитал в 4 миллиона рублей. Главная контора находилась в Елабуге, а экономические интересы распространялись не только на Прикамье и Поволжье, но и на многие районы восточной России.

Основой деятельности фирмы являлась хлебная торговля, которая велась в 23 городах России (Петербург, Нижний Новгород, Рыбинск, Челябинск, Красноводск, Кустанай и др.) и городах Финляндии.

Торговый дом располагал значительными земельными участками в Уфимской, Вятской и Оренбургской губерниях. Основное поступление хлеба обеспечивали не только собственные земли, но и скупка его у мелких торговцев и крестьян. Кроме хлеба, фирма торговала еще и шелковыми и хлопчатобумажными тканями.

В скором времени в распоряжении И.Г. Стахеева было 10 паровых и более 70 непаровых судов, заводы и фабрики, склады, магазины по всей России. В 1904 году произошло слияние нескольких торговых домов Стахеевых в организацию «Иван Григорьевич Стахеев с 12 участниками – членами его семьи». Фирма владела мельницами, пароходами, пристанями, жилыми домами, вела торговлю хлебом, нефтепродуктами, чаем, сахаром, мануфактурными товарами на сумму 11 миллионов рублей в год. Для деятельности стахеевских предприятий по всей стране были открыты банки. Стахеевы же первые в России начали торговать автомобилями Форда.

Однако эти миллионные прибыли казались не слишком большими старшему сыну Ивана Григорьевича – Ивану Стахееву. И в мае 1912 года он подписал договор о создании **Торгово-промышленного товарищества «И.И. Стахеев и К°»** с крупным предпринимателем Прокопием Петровичем Батолиным, чуть позже в состав учредителей вошел и знаменитый промышленник Алексей Иванович Путилов.

Начав функционировать в родном Прикамье, товарищество вскоре стало открывать конторы во многих других населенных пунктах центральных губерний и постепенно распространялось к берегам Балтийского и Черного морей, в Сибирь и на Дальний Восток. На пике развития «Стахеев и К°» располагало возможностями покупать целые предприятия и общества, специализирующиеся в тех или иных отраслях промышленности и торговли.

По сути товарищество объединяло в рамках одной фирмы множество отдельных обществ и организаций с различной специализацией. Хлебное дело было основополагающим и крупнейшим по размерам на внутреннем и внешнем рынках России, и к нему товарищество относилось с особенной любовью и заботой. Торговля хлебом шла с Англией, Францией, Германией, Голландией и другими странами.

«Стахеев и К°» также курировало вопросы земледелия и сельского хозяйства, горнозаводское дело на Кавказе и Дальнем Востоке, в Сибири, Средней Азии и Монголии, нефтепромыслы в южной части Уральской области и торговлю нефтью, мазутом и керосином, мануфактурой и другими товарами, заготовку и переработку леса в центральных областях России и на берегах Охотского моря и его островах, добычу рыбы в дальневосточных районах, транспортное дело (железные дороги, развитое речное коммерческое пароходство и небольшая флотилия судов в Охотском море в качестве первого этапа развития российского морского коммерческого судоходства).

В Ферганской области, а затем и во владениях смежного Бухарского ханства товариществом «Стахеев и К°» приобретались участки, на которых культивировался хлопок и строились заводы, где он перерабатывался. Кроме того, имея налаженные связи с крупнейшими российскими и зарубежными банками, «Стахеев и К°» открывало собственные банки и создавало такие, где половинное участие принимали крупные иностранные капиталисты и промышленники. Товарищество явилось также одним из учредителей Всероссийского телеграфного агентства, приобрело одну из крупнейших в России бумажных фабрик Российского общества писчебумажных фабрик в Петрограде и бумажную фабрику в Ростове-на-Дону, став участником самого большого в России издательства и книжного дела.

В результате этой масштабной деятельности баланс товарищества к 1917 году достиг цифры, превышающей 300 миллионов рублей, а если принять во внимание обороты всех связанных с ним предприятий, то цифра приблизится к нескольким миллиардам.

Октябрьская революция поставила крест на дальнейшем развитии предпринимательства. Елабужские купцы, и прежде всего Стахеевы, оказывали помощь вооруженным формированиям Белого движения (Белой армии), но в конечном итоге эмигрировали за границу, вынужденные бросить все нажитое, или были убиты. Многие их предприятия были национализированы, при этом часть вскоре пришла в упадок из-за неумелого хозяйствования, другая действовала еще долгое время (а некоторые – и по сей день). Имя Елабуги как одного из купеческих центров России на долгие годы оказалось забыто.

К счастью, сейчас историческая справедливость восстанавливается специалистами-историками и краеведами-любителями. Более того, недалеко от нашего города действует Особая экономическая зона «Алабуга» – один из самых успешных современных промышленных бизнес-проектов с участием множества разных стран.

Список литературы

1. Александров А.А. Институт истории и археологии УрО РАН. Труды за 1998-2004.
2. Архив Елабужского государственного музея-заповедника.
3. Вафина А.Д., Гурьева Г.П. Елабужские купцы-меценаты Стахеевы. – Елабуга, 2013.
4. История Татарской АССР. – Казань, 1968.
5. Кашин С.Г. и др. Есть на Каме завод // Очерк о революционных и трудовых делах бондюжских рабочих. (Бондюжский химический завод). – Казань, 1965.
6. Кокшанский завод сто лет спустя: этнографическое исследование студентов Елабужского

института КФУ // Сайт krfu.ru, публикация от 26 сентября 2014.

7. Крупский А. О русских химических заводах в их домашней обстановке. – Москва, 1873.
8. Маслова И.В. Купеческая династия Стахеевых. – Елабуга, Издательство ГП, 2007.
9. История возникновения и развития химзавода // Менделеевск.ру.
10. Мингазутдинова А., Бурдина О.В. Меднолитейное производство и колокольный промысел в Елабужском крае // Сборник материалов Республиканской научно-практической конференции «Их имена составили славу России». – Елабуга, 2014.
11. Обзор деятельности Объединения Бондюжских химических заводов за 1922-1925 гг. – Москва, 1925.
12. Польских К.В. Жизнь и деятельность купеческой династии Стахеевых. – Елабуга, 2011.
13. Свод памятников истории и культуры республики Татарстан, т.1. – Казань, 1999.
14. Соловьев В.Н., Есиева И.В. Предпринимательская и благотворительная деятельность купца Петра Капитоновича Ушкова / Вторые Стахеевские чтения. Материалы международной научной конференции. – Елабуга, 2003.
15. Федотьев П. Петр Капитонович Ушков (некролог) // Вестник общества технологов. – 1898. – №5.

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ XVII В.:

ЮЖНОРУССКИЕ КАБАЦКИЕ ПОДРЯДЧИКИ

Т.В. Жиброва

ВГМУ, г. Воронеж

Аннотация: Статья посвящена анализу организации таможенного и питейного управления на местах в XVII на примере материалов южнорусских уездов. Рассматриваются проблемы взаимоотношений органов государственного и местного управления, вызванные несовершенством законодательной базы, и пути их решения.

Ключевые слова: таможенная изба, кружечный двор, воевода, таможенный и кабацкий голова, таможенные пошлины.

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN PROVINCE OF THE XVII CENTURY:

SOUTH RUSSIAN TAVERN CONTRACTORS

T. Zhibrova

Abstract: The article analyzes the organization of customs and tavern administration in the provinces of Russia in the XVII century on the example of the materials of the South of Russia. The author also investigates the problems of relationships between state and local government, caused by the imperfection of the legislative base and their solutions.

Key words: customs house, kruzhechny yard, voevoda, customs and tavern head, customs duties.

История российской провинции семнадцатого столетия была бы не полной без освящения деятельности государственных кабаков (с 1652 г. замененных по кабацкой реформе на кружечные дворы). Мы не будем останавливаться на описании повседневной жизни кабацких служителей и так называемых «питухов», постоянных посетителей, нередко пропивавших «на кабаке» все свои пожитки. Среди напитков, которые можно было здесь приобрести, были квас, пиво, мед и водка. Сведения об их производстве и стоимости содержатся в работах Д.Н. Бородина [1, с. 86-94], В.В. Похлебкина [3], А.С. Кропоткина и др. [5]. Большой интерес для нас представляет деятельность так называемых «кабацких подрядчиков», обеспечивающих государственной казне ежегодные довольно высокие питейные сборы. К сожалению, эта сторона жизни российской провинции на сегодняшний день практически полностью обделена вниманием исследователей.

Следует отметить, что в XVII в. кабаки (кружечные дворы) нередко отдавались на откуп, то есть находились под управлением предприимчивого арендатора, стремившегося как можно скорее получить приличный доход. Откупщик часто не был жителем уезда, что освобождало его от возможных сожалений и «поноровки» знакомым и родственникам. Другой способ организации деятельности кабака (кружечного двора) – это выбор кабацкого головы из числа местных жителей «на вере», то есть по их поручительству. Такая схема обеспечивала государственному заведению прежние высокие сборы и страховала от возможных растрат [2].

Для южных регионов России было характерно объединение руководства кабаком (кружечным двором) с управлением таможенной избой, таким образом, таможенный и кабацкий голова для юга страны – это практически всегда одно и то же лицо, отдающее распоряжения находящимся к его услугам целовальникам [2].

Как следует из источников, устройство кабаков на юге России мало чем отличалось друг от

друга. Так, воронежский кабак в 1615/1616 гг. находился на откупе. В то время вино на продажу не производилось, а закупалось у местных жителей. Общий доход с кабака и с таможенных пошлин составлял 195 рублей. В 1617/1618 гг. воронежским кабаком руководил верный таможенный и кабацкий голова [4, с. 167-169].

Описанием воронежского кружечного двора мы располагаем благодаря так называемым «ценовным росписям», документам, составляемым при передаче имущества новому голове. В обозначенный период кружечный двор в Воронежском уезде представлял собой обширный двор, обнесенный забором и стеной. Во дворе находилось две избы. Одна изба «питушая», где собирались «питухи» - посетители, другая «жилецкая», где, судя по всему, жили сами целовальники.

Из вспомогательных помещений здесь находились омшаники, ледники и «квасники», подвалы, пивоварня, где делалось пиво и мед, и винокурня с кладовой. Омшаником называлась законопаченная мхом зимняя кладовая, используемая для хранения солода.

Целовальники кружечного двора располагали специальной посудой разного назначения: коробки, бочки винные для продажи вина, ковши, ставцы, сита, ведра, колоды, кадушки, шайки [6]. В винокурном помещении находились очаги, кубы, колпаки, горшки и трубы медные, запорные чаны, приемные чаны, винные бочки, ковши. К винокурне проводилась проточная вода для охлаждения медных труб с винными парами. Вода проходила по дубовым колдобинам или по каменному протоку от специального колодца, вырытого неподалеку [6].

В «ценовной росписи» 1649 г. нашли отражения процессы производства хмельных напитков: «омшаник, что солод мочат», «котлы бражные», «судно липовое, что драженик рознимают» и др. [7].

В других городах юга России кружечные дворы были устроены подобным образом. Так, к 1679 году относится описание орловского кружечного двора. Он был огорожен дубовым тыном, за которым располагалась сосновая изба в три сажени, при ней клеть с приклетом такой же меры и погреб с выходом, построенный из дубового дерева. Двери и ворота запирались железными цепями и крюками.

И сами винокурни, и подсобные помещения кружечного двора требовали постоянного внимания таможенного и кабацкого головы и целовальников, так как любая остановка производства хмельных напитков могла привести к недобору положенных денежных средств и к угрозе их постановки «на правез». Чтобы избежать возможного ущерба, 20 февраля 1684 года в Москву была послана челобитная воронежского воеводы О.А. Нармацкого о ремонте ледника и амбара на кружечном дворе, так как кабацкий и таможенный голова К. Масалитинов сообщил, что у того «кровля ветха» [8].

Вино на кабак (кружечных двор) поставлялось двумя способами: производилось на казенной винокурне или закупалось извне, у местных жителей или подрядчиков, организующих оптовую поставку хмельных напитков. Сложно сказать, какой способ был предпочтителен. По мнению М.Я. Волкова, закупка вина была легче для кабацких голов, чем его трудоемкое производство, сопряженное с большими хлопотами [9, с. 45-46].

Вопрос о том, откуда будет поставляться вино на кабак (кружечный двор), решал не сам голова. В своей деятельности он руководствовался специальными наказами из Москвы. Так, в 1649 году в Разряде была подана челобитная курского таможенного головы белгородца А. Антипова и ларечного М. Косого. Они сообщили, что вина в курском кабаке осталось мало из-за неурожая, а без особого указа «в уездах купить не смеют» [10].

Закупка вина могла осуществляться у самых разных слоев населения, в том числе и у жителей соседних городов. Так, в 1676 году ответственными за прием и выдачу вина на воронежском кружечном дворе для донского отпуска были выборные посадские люди Тимофей Борисов и Григорий Кожевник. Они приняли 39 бочек вина у подрядчика кашашевца Михаила Орлякина [11].

Такую же ситуацию мы наблюдаем и в других южнорусских городах XVII века. Вино у жителей соседних городов закупали в Ливнах, Белгороде, Орлове. Размеры покупного вина могли быть довольно большими. Так, например, в 1659 году ларечный целовальник Василей Евтифеев на государев кружечный двор принял у подрядчика Ивана Шумилова, жителя Костромского уезда, «уговорного» вина 490 ведер в заорленное осмивершковое ведро [12].

В 1661 году в Ливны было привезено из Сокольска и Доброго в общей сложности 12 ведер вина и 5 пуд меда. По сказке ливенского головы кружечного двора Ивана Костромитина, «то сокольское и добренское вино и мед ... в продажу у нево не изошло а новой де голова Макар Кривцов тово вина и меду у нево не принял и росписки ему в том не дал и ныне то вино и мед на Ливнах на кружечном дворе». Воевода должен был то вино и мед у прежнего головы взять, а новому голове Макару Кривцову велеть принять с роспискою, чтобы то вино и мед продавать в новом году [13]. В 1695 г. на Валуйках вино на кружечный двор также покупалось со стороны [14].

Кабацкие подрядчики XVII в. – это предприимчивые люди, готовые организовать оптовую поставку разнообразного сырья или готовой продукции на государственный кабак (кружечный двор). Мед, солод, пшеница, хмель, дрова – всё, что требовалось для бесперебойной работы государственного кабака (кружечного двора), как правило, закупалось большими партиями, оптом, у одних и тех же проверенных людей.

К сожалению, по имеющимся в нашем распоряжении документам, невозможно поименно проследить социальное происхождение южнорусских подрядчиков XVII в. Так, в 1685 году в Орлове

вино на местный кружечный двор поставлялось самими местными жителями «всяких чинов людей, кто похочет» [15].

В расходных книгах Воронежского, Белгородского и других кружечных дворов они именуется по имени и фамилии, с указанием места проживания, здесь же помета «подрядчик». Однако, скорее всего, это люди, которые стремились добиться уважения и доверия своих покупателей, те, которые впоследствии превратятся в многочисленное купеческое сословие.

В начале столетия подрядчиком мог стать любой житель уезда, и из детей боярских, и из крестьян, так как правом «курить» мед, варить пиво «для себя», то есть для собственных нужд, обладали все, в том числе иностранцы и духовенство. Если принимать во внимание, что корчемство, эту беду и откупщика и верного головы, искоренить до конца никогда не удавалось, можно представить себе масштабы возможных незаконных поставок.

Основной проблемой, судя по всему, был вопрос о размере закупочных цен на хлеб и мед для производства «питий», а также честности таможенных и кабацких голов в этом вопросе. Солод, хмель и дрова для экономии закупались сразу в большом количестве в сезон, а «мед... покупати сырец, а что ис тово меду воску выйдет, и тот воск записывати в кабацкие книги имянно себе статьею» [16].

Честность кабацких подрядчиков также вызывает ряд вопросов. Судя по всему, государственные чиновники не исключали возможность «сговора» местных целовальников и голов с поставщиками, которые могли привести дешевый товар «по дорогой цене», или как-нибудь по-другому обмануть государственную казну. Так, в 1673 г. таможенным и кабацким служителям и другим приказным людям напоминалось о необходимости правильно вести закупку сырья и готовой продукции. По приказу из Москвы во всех городах Белгородского разряда было велено «в которых городах есть винокурни на винное курение и на пивные вари хлеб и на медяные ставки мед покупать в городех, в то время как хлеб и мед цена дешевая бывает, а в которых городех винокурне нет, и им на вино винных уговорщиков так же подрежать не дорогою ценою и того вам воеводам и приказным людям над головами и над целовальниками велено смотреть и беречь накрепко чтоб таможенные и кабацкие головы и целовальники в покупке хлеба и меду и всяких кабацких заводов так и в подряде ... какие хитрости не учинили» [17].

Несмотря на наказания воеводам, судя по всему, злоупотребления подобного рода были довольно частым явлением на протяжении всего столетия. Так, в 1685 году орловские таможенный и кабацкий голова и целовальники по челобитью орловских местных жителей были уличены в корысти. В частности в том, что они подрежают на кружечные дворы подрядчиков по очень высокой цене на вино – 6 алтын, 6 алтын 4 деньги или даже 7 алтын ведро. По приказу из Москвы был организован сыск «про дорогой винный подряд». Воевода Орлова городка должен был проследить, чтобы местный голова на кружечный двор вино подрежал, «где пристойно самую недорогою ценою или сами ис покупного хлеба курили» [18].

Таким образом, следует отметить, что южнорусские кабацкие подрядчики, поставившие все необходимое для производства хмельных напитков на государственные винокурни и кабаки (кружечные дворы), несомненно, вносили вклад в организацию их бесперебойной работы и поддержание традиционно высоких питейных сборов с местного населения. Несмотря на возможные злоупотребления как со стороны подрядчиков, так и кабацких служителей, головы и целовальников, государство в целом поддерживала сложившуюся систему, основанную на привлечении к винному производству местного населения. С одной стороны, кабацкие подрядчики с разрешения Москвы получали постоянный источник доходов, с другой – успех всего предприятия зависел от умения кабацких голов наладить с ними обоюдовыгодные взаимоотношения, что, конечно же, не могло не подталкивать к новым злоупотреблениям против государственной казны.

Список литературы

1. Бородин Д.Н. Кабак и его прошлое // История винопития. – СПб., 1994. – С. 86-94.
2. Жиброва Т.В. Организация таможенного и питейного управления в воронежском уезде в XVII веке. – Воронеж, 2011. – 211 с.
3. Похлебкин В.В. История водки. – Новосибирск, 1994. – 256 с.
4. Приходо-расходные книги Московских приказов 1619-1621 гг. – М., 1983. – С. 167-169.
5. Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. – М., 1991; Калинин В.Д. Из истории питейного дела в России. (XV – начало XX вв.). – М., 1993. – 47 стр.; Курукин И. Никулина Е. «Государево кабацкое дело» Очерки питейной политики и традиций в России. – М., 2005. – 382 с.; Курукин И.В. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. – М., 2007. – 519 с.; Соколов В. Пьянство на Руси в эпоху первых Романовых и меры борьбы с ним (По документам Разрядного приказа) // Голос минувшего. – 1915. – № 9. – С. 105-118.
6. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Стб. Белгородск ст. – Д. 341. – Л. 159-164.
7. Там же. – Оп. 13. – Стб. Приказного ст. – Д. 177. – Л. 2-4.
8. ГАВО. – Ф. И-182. – Оп. 2. – Д. 202. – Л. 2.
9. Волков М.Я. Очерки истории промыслов России второй половины XVII – первой половины XVIII вв. Винокурное производство / М.Я. Волков. – М., 1979. – С. 45-46.
10. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Стб. Белгородск. ст. – Д. 295. – Л. 37.

11. ГАВО. – Ф. И-182. – Оп. 3. – Д. 412. – Л. 1-6.
12. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Стб. Белгородск. ст. – Д. 463. – Л. 97.
13. Там же. – Л. 128.
14. ГАВО. – Ф. И-8. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 1-15.
15. Там же. – Ф. И-287. – Оп. 4. – Д. 22. – Л. 4-6.
16. Там же. – Ф. И-182. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 3.
17. Там же. – Ф. И-287. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 1.
18. Там же. – Оп. 4. – Д. 22. – Л. 4-6.

НАБЕРЕЖНОЧЕЛНИНСКИЙ ЭЛЕВАТОР – СТОЛЕТНИЙ ПАТРИАРХ
ПРОМЫШЛЕННО-ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ ТАТАРСТАНА
(ПОСТРОЕН В 1914-1917 ГОДАХ)

Б.А. Канеев

МАУК «Историко-краеведческий музей», г. Набережные Челны

Аннотация: Набережночелнинский элеватор построен в 1914–1917 годах под руководством инженеров В.Н. Флерова Б.П. Эдельмана местными рабочими с привлечением до 200 военнопленных в 1915 году по заказу отдела зернохранилищ Государственного банка России. Емкость элеватора была определена в 2 млн. пудов. Состоит из рабочей башни – 10-этажное здание с высотой более 42 м, где размещено различное оборудование, лифт и лестница; силосного корпуса – 3-х этажное сооружение для хранения зерна в деревянных силосах высотой 18,6 м с общим кол-вом 486 шт. Неоднократно реконструировался. На территории элеватора созданы новые мощности для производства крупы, муки, комбикормов.

Ключевые слова: элеватор, зерно, инженер, лесопильный завод, рабочая башня, сушилки М.В., объект «Почтовый ящик № 6», комбикормовые заводы

NABEREZHNYE CHELNY GRAIN ELEVATOR – CENTENNIAL PATRIARCH OF
INDUSTRIAL PROCESSING SECTOR OF TATARSTAN (BUILT IN 1914-1917)

В.А. Kaneev

Abstract: Naberezhnye Chelny grain elevator was built in 1914-1917, under the management of engineers V. N. Flerov, B. P. Edelman by local workers involving up to 200 prisoners of war in 1915. It was built by order of the granaries of the State Bank of Russia. Elevator capacity was determined at 2 million pounds. It consists of working tower - 10-storey building with a height of 42 m, with various equipment, lift and stairs; silo housing – 3-storey building for storing grain in wooden silos with a height of 18.6 metres with a total number 486. It was reconstructed several times. New capacities for the production of various cereals, flour, feed were created on the territory of grain elevator.

Keywords: Grain elevator, grain, engineer, saw-mill, working tower, establishment, mix fodder, plant

Столетнее предприятие – таких не то что в Татарстане, но и по всей Российской Федерации еще поискать надо! Перешагнуть из царской России в новую страну с прямо противоположной экономикой – социалистической, а через 70 лет вновь вернуться к капитализму, и при этом устоять «на плаву» во время горбачевской перестройки, ельцинского беспредела и последних мировых кризисов - это большое испытание на прочность. Он кормил ещё наших прадедов и будет снабжать зерном, крупами, комбикормами наших внуков и правнуков.

ОАО «Набережночелнинский элеватор», – предприятие для приёма, хранения, переработки зерна и хлебопродуктов. Численность работающих – св. 315 человек (2014 год). Расположен на левом берегу реки Кама. Памятник архитектуры в стиле промышленного модерна начала 20 века, включённый в государственный охранный реестр местного (г. Набережные Челны) значения (2002 год). Название неоднократно менялось: с 1914 — Набережночелнинский элеватор, с 1934 года – Набережночелнинское отделение Заготзерно, Набережночелнинский пункт Заготзерно, Набережночелнинский пункт Госстрахфонда, с 1936 года Набережночелнинский элеватор Заготзерно, с 1957 года Набережночелнинский элеватор Росглавзерна, с 1982 года – Набережночелнинский (в 1982-1988 годах Брежневский) элеватор хлебопродуктов, с 1988 года – Набережночелнинский элеватор, с 1995 года современное название.

Построен в 1914-1917 годах под руководством инженера путей сообщения В.Н. Флерова (1914-1915 годы) и инженера Б.П. Эдельмана (1915-1917 годы) местными рабочими (до 320 человек ежедневно) с привлечением до 200 военнопленных в 1915 («австрийцев» – солдат австро-венгерской армии, где в большинстве были чехи и словаки) по заказу отдела зернохранилищ Государственного банка России. Емкость элеватора была определена в 2 млн. пудов (3-й по величине после Новороссийского и

Самарского), а приемная способность – в 8 тысяч пудов ржи в час.

В 1910 году элеватор при пристани Набережные Челны вошел в программу первоочередного строительства, которое было отнесено к ведению Симбирско-Пензенского района Государственного банка России. Поэтому все важные решения по финансированию, закупке оборудования, обеспечению кадрами и т.д. принимались в Симбирске. В марте 1914 начались работы по нивелировке участка, разведочному бурению и шурфованию, устройству дамбы и моста через речку Челнинка, выемке котлована под главное здание, постройке временных сараев для хранения материалов и машин, барачков для рабочих и домов для служащих. Смета на строительные работы была утверждена 26 ноября 1914 года в размере 1 580 700 руб.

Поставка материалов и оборудования, обеспечение строительными материалами и работы на основных объектах элеватора выполнялись подрядчиками как местными, так и из других городов России. Например, щебень и бут в достатке имелись прямо на месте строительства. Песок доставлялся с острова Челнинский. Потребность в пиломатериалах в значительной мере удовлетворялась поставками с лесопильного завода Товарищества «Ф.В. Стахеев и К^о», расположенного в Набережных Челнах. Только за 1914 год с этого предприятия было доставлено различной продукции (досок, брусьев и т.п.) на сумму 15741 руб. Завод был основан в 1912 году, его построил и оборудовал купец, инженер-механик из Елабуги Федор Васильевич Стахеев. Был предназначен для обеспечения нужд строительства Челнинского элеватора. Лесопильное производство запущено в ноябре 1913 года. На сооружение и оборудование затрачено 180 тысяч руб.: приобретены машины, инструменты, материалы; построено несколько жилых домов, летние и зимние казармы для рабочих, четыре лабаза, кузница. Земля была арендована на срок до 1920 года у Бережно-Челнинского сельского общества (с платой за аренду 330 руб.) и у А.П. Лучихина (65 руб.). Первоначальный капитал Ф.В.Стахеев внёс за себя (2/3) и за своего компаньона П.Г. Чершинцева (1/3), который числился приказчиком 1-го разряда и должен был управлять всей хозяйственной деятельностью предприятия. Завод стал основой товарищества открытого типа «Ф.В.Стахеев и К^о». Акционерами являлись: «Общество Мальцевских заводов», товарищество «П.К.Ушков и К^о», общество «Русь», Государственный банк, Елабужская городская управа, Мензелинское уездное земство, частные лица. Основная продукция – пиломатериалы: доски, брусья, косяки и т.п. На нём было занято рабочих: в 1913 году – 32 человека, в 1914 году – 38 человек. Владельцы завода принимали активное участие в благотворительной деятельности (например, в 1914 – около 500 руб.). После Октябрьской революции на его базе создан и действовал лесозавод «Республиканец».

Оборудование и механизмы закупались на конкурсной основе у разных поставщиков. Локомобили мощностью 110 и 300 лошадиных сил были заказаны на Людиновском заводе Акционерного общества Мальцевских заводов. Электродвигатели, генераторы электрического тока, распределительные щиты и т.п. изготавливались на Ревельском заводе, электрические печи - на заводе «Р.Кольбе» (г. Петроград), электрическая арматура – на заводах Общества «Динамо». Автоматические весы «Авери» закуплены в Англии. Договор о закупке и монтаже зерносушилки системы «Hoves» (США) заключён с Международным Технико-Промышленным обществом. Эксплуатация элеватора начата 4 сентября 1917 года.

По планировке здание разделено на три части: рабочая башня – 10-этажное каркасное здание с высотой более 42 м с несущими стенами, в котором размещены транспортное (транспортеры, нории), зерноочистительное (сепараторы) и весовое оборудование, лифт и лестница; мешковая - 3-х этажное здание для мешкотары (здание полностью утратило своё функциональное значение), использовалось для хранения зерна россыпью; силосный корпус – 3-этажное пространственное сооружение для хранения зерна в деревянных силосах (обшитых железом) высотой 18,6 м с общим кол-вом 486 шт. Рядом с элеватором в 1915 году были построены два благоустроенных двухэтажных дома для семей директора и четырех крупных специалистов.

Первоначальная ёмкость зернохранилищ элеватора составляла 32 тыс. т, приёмная способность – 128 тонна/час. Для разгрузки и приёма доставлявшегося по реке Кама зерна были сооружены дебаркадер и конный двор на 40 лошадей, установлено 4 автоматических весов «Авери» английского производства. Зерно с помощью пара сушилось в зерносушилке «Говес» («Hoves», США), расположенной в семярусной железобетонной башне, и по соединительным галереям поступало в силосный корпус. Зерноочистительные и подъёмные механизмы приводились в действие электродвигателями и двумя локомобилими мощностью 110 и 300 лошадиных сил. Отгрузка зерна производилась по воде через плавучий дебаркадер. Из баржи мешки выгружали на берег вручную, доставляли на территории элеватора гужевым транспортом. В конном дворе содержалось до 40 голов лошадей. Около корпуса элеватора была построена котельная для подачи пара на сушилки «Говес» (США). Основное топливо – уголь, который доставляли баржами к причалу элеватора. Механизмы работали от трансмиссионной передачи. В годы гражданской войны (1918–1919 годы) часть оборудования элеватора была демонтирована, увезена отступающими частями чехословацкого корпуса и Комитета членов учредительного собрания (Комуча), армии А.В.Колчака.

Борьба за сохранность хлеба. Зимой 1919 года Мензелинский упродком заготовил в Набережночелнинском элеваторе и на складах 2420 тыс. пудов хлеба, 510 тыс. пудов сена и др.

продукты. В марте-апреле 1919 года были кровопролитные оборонительные бои с частями адмирала А.В.Колчака в Уфимско-Мензелинском тракте – наступление началось от Урала к Волге. Месячная оборона Набережных Челнов позволила вывести гужевым транспортом (около 40 тыс. подвод) основную массу продуктов и кормов - 2150 тыс. пудов хлеба, 260 тыс. пудов сена, 60 тыс. пудов мяса, 105 возов кожсырья, 232 пуда шерсти, разных товаров на 2 млн. руб. из элеваторов и складов Набережных Челнов, Чистополя, Заинска на железнодорожную станцию Вятские Поляны. В оборонительно-наступательных боях участвовали Мензелинский коммунистический батальон (командир А.В.Родионов – в 1928 -1929 годах заведующий элеватором, комиссар И.Я. Горбунов), части 28-й «железной» дивизии В.М. Азина (39, 40, 43 полки). Здесь раскрылся воинский талант помощника, с мая 1919 года командира 40-го полка (в последующем переименован в 43-й полк) В.И. Чуйкова, будущего защитника Сталинграда, Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза.

В этой связи представляет интерес такой документ, как выписка из протокола № 1 заседания Президиума Набережно-Челнинского кантисполкома от 14 марта 1929 года. «СЛУШАЛИ: Постановление Президиума Елабужского Горсовета от 20 февраля с.г. с ходатайством перед Реввоенсоветом и СТО (Совет Труда и Оборона) СССР о присвоении звания ГЕРОЕВ ВОЙНЫ и награждении орденом «КРАСНОЕ ЗНАМЯ» коммунаров Елабужского отряда ВЧК, активно участвовавших в обороне Н.Челнинского элеватора в 1919 году во время колчаковской армии (Прилагается список и документы)». Как следует из постановляющей части, «награждению подлежат: Кремлев Андрей, Колпаков Яков, Акаев Григорий, Бакошев Дмитрий, Моисеев Илья, Белов Никандр, Алешков Михаил, Мешанов Григорий, Соловьев Никифор, Ягунов Василий, Пузырев Тимофей, ... Альметьев Мухаметзян, Ислаев Фома (всего 20 фамилий). Председатель – Шакиров, секретарь – Куликов».

Чрезвычайное происшествие. 6 апреля 1923 на 5-м этаже «башенного отделения» (рабочей башни) зернохранилища произошел пожар. Заведующий элеватором М.В. Дивавин в непроглядном дыму, не считаясь с опасностью для жизни, обеспечил подачу воды из машинного отделения и первый начал из брандспойта ликвидировать очаги возгорания. Таким образом, был спасен стратегический объект для будущих поколений.

Будучи третьим по величине в стране, Набережночелнинский элеватор играл важную роль при проведении хлебозаготовок в периоды осуществления продразвёрстки, коллективизации, во время Великой Отечественной войны. Судя по документам, с мая 1947 года по август 1952 года при взаимодействии Набережночелнинским пунктом Заготзерно создается закрытый объект - «Почтовый ящик № 6» (ликвидирован в связи с объединением с Заготзерном).

В 1950-1960-е годы развернулось строительство зерноскладов, сушильно-очистительных башен, лаборатории, мощностей по производству комбикормов, гороховой крупы и муки; были установлены новые передвижные и стационарные сушилки, проложена высоковольтная линия электропередачи (1960 год). В январе 1968 года Набережночелнинский элеватор Росглавзерна принял участие во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке СССР в Москве. Это право коллектив завоевал образцовыми трудовыми показателями. Среди организационно-хозяйственных мероприятий особый интерес представлял организация приемки и обработки зерна, предварительное определение его качества совместно со специалистами хозяйств непосредственно на полях.

В 1970-1980 годах разработаны и внедрены новые технологии приема, хранения, обработки и обеспечения сохранности зерна, поступающего из районов Закамья. Модернизирована сушильно-очистная башня СОБ-3. Введены в эксплуатацию крупяной завод по переработке гороха мощностью 120 т в сутки (1971 год), железнодорожные пути от станции Круглое Поле протяжённостью 25 км (1980–1988 годы) с соответствующими приёмными устройствами, зерносушилки открытого типа, цеха раскantarивания и отпуска муки на муковозы (1971-1976 годы), столлярный, по обработке мешкотары. Была остановлена работа технически устаревших комбикормового завода и мельницы. В 1985 году проведена реконструкция элеватора в связи с повышением уровня Нижнекамского водохранилища и затоплением первого этажа рабочей башни, укреплением берегов зоне Нижнекамской ГЭС. Демонтированы внутри элеватора морально устаревшие зерносушилки фирмы «Говес». Смонтированы лифты для подъема на верхние этажи, приемные устройства с железной дороги (1980-1988 годы), произведена замена автомобилеразгрузчиков на 30 тонные автоподъемники (более 20-и единиц) для принятия зерна из большегрузных автомобилей, 5 зерносушилок (в т.ч. две сушилки ДСП-32-05 в 1985–1987 годы.) производительностью 3408 т. в сутки. Установлено 5 автовесов. В 1990-е годы приёмные устройства оборудовались автомобильными разгрузчиками, начали действовать мощности по бестарному приёму и отпуску муки, изготовлению и расфасовке различных круп; мельница помола двух сортов пшеницы, макаронный полуавтомат. Для улучшения социальных условий в 1954-1963 годах построено 11 жилых домов, столовая на 50 посадочных мест (1974 год), работал клуб, библиотека (открыта в 1936 году, заведующая Кисилева), детсад (1958 год), школа, почта, магазин, медпункт, организовывалась художественная самодеятельность.

Современный Набережночелнинский элеватор – комбинированное хозяйство: 30 складов для хранения зерна на 105,5 тыс. т. в год, цехи бестарного приёма и отпуска муки на 420 т. железнодорожные пути от станции Круглое Поле протяжённостью 25 км. В 1985–1987 годах построены зерносушилки ДСП-32-01; в 1971, 1994 годах – крупяной завод производительностью 190 тонн в сутки (в 2005 году

демонтирован, производство круп прекращено). В 2001 году введена в эксплуатацию мельница «Фермер-III» для помола пшеницы в муку производительностью 10 т. в сутки. В 2006 году выполнен капитальный ремонт рабочей башни и силосного корпуса: заменены полы надсилосного 10 этажа, окна и двери, кровля из оцинкованной стали на металлический профнастил. Созданные мощности (в сутки): сушильные – 3,4 т, очистительные – 4 тыс. т, погрузочные – 5,2 тыс. т. Максимальное водоизмещение принимаемого судна – 4,5 тыс. т. В 2014 принято на хранение 94,8 тыс. т. зерна (макс. кол-во в 2011 году -149,5 тыс. т), произведено продукции 304,5 т, в том числе комбикормов - 292,4 т.

Инвестиционный климат в предприятии изменился, когда АО «Набережночелнинский элеватор» в 2007-2014 годах вошел в состав управляющих компаний АО «Агросила Групп», одного из крупных агропромышленных холдингов РТ, с 2014 года в составе ООО «Челны-Бройлер». Новые инвесторы инициировали строительство на Набережночелнинском элеваторе новых производств: в 2007, 2014 годах введены в эксплуатацию два комбикормовых завода (№ № 1 и 2) мощностью 720 т и 960 т комбикормов в сутки соответственно для удовлетворения потребностей АО «Челны-Бройлер», в 2010 году – маслозавод по переработке рапса производительностью 44 т в сутки. Возведение нового завода комбикормов № 2 «под ключ» производительностью 40 тонн в час продолжалось два года (с 2011), который вышел на проектную мощность в 2014 году. При этом специалисты Набережночелнинского элеватора изучили предложения на рынке оборудования для производства данной продукции и выбрали компанию «Wynveen International B.V.» (Нидерланды). Курировал проекты Почетный гражданин г. Набережные Челны И.Ш. Фардеев – в 2010-2012 годах заместитель Премьер-министра РТ – министр энергетики РТ, с 2012 года генеральный директор АО «Сетевая компания».

Награждены в 1950 году Почетными грамотами Министерства заготовок СССР Н.А.Кривошеев, Н.К.Знаменский (работал на элеваторе до 1958 года в течение 35 лет). Ряд работников предприятия удостоены других государственных наград, в т.ч. званий заслуженного работника сельского хозяйства РТ – 1 чел., заслуженного работника пищевой и перерабатывающей промышленности РТ Т.Е. Федорова; орденов Трудовой Славы 3-й степени — З.Б. Султанова, С.С. Шафиков, Н.М. Хамитов; «Знак Почёта» — Г.Н. Закиров, А.А. Галиакберова, медали «За трудовую доблесть» — А. Гайнутдинова. За производство качественной продукции на Международной специализированной сельскохозяйственной выставке (Казань, 1999 год) предприятие награждено Почётным дипломом Министерства сельского хозяйства РТ.

Внесли большой вклад в развитие предприятия династии Дроздовых, Клюевых, Соловьевых, Мокрополовых, Павлиновых, Владимировых, Шайхутдиновых; рабочие и инженерно-технические работники А.Г. Сафиуллина, Р.А. Ахатов, Р.Р. Ситдикова, Г.Г. Мирхайдарова, Г.В. Кисилева, А.И. Камараускене, И.А. Нуриев (председатель профкома с 2009), начальник комбикормового производства Д.Е. Максимов, И.И. Шайхутдинов, Л.И. Хатыпов; М.Н. Шарифуллина, Р.Г. Файзрахманов, Ю.А. Чирков; главные инженеры В.В. Масловский, Евстигнеев М.Н., Ф.Х. Хабибуллин, Р.С. Сахбиев; заместители директора Н. Мухаметшин, заслуженный работник сельского хозяйства РТ (2015) В.Х. Сафин, Л.А. Ярушева и др. главные инженеры В.В. Масловский, М.Н. Евстигнеев, Ф.Х. Хабибуллин, Р.С. Сахбиев, заместители директора Н. Мухаметшин, заслуженный работник сельского хозяйства (2015) В.Х. Сафин и др. Руководители: В.К. Антонец (1917-1918 годы), М.В. Дивавин (1920–1926), Н.В. Новиков (1927-1928), А.В. Родионов (1928-1929), Зуев (1929-1934); управляющий – Сорокин (1934-1935), директора – Казаев (1935-1937), Н.Д. Скрябин (1937-1939), А.И. Тужилин (1939-1942); Н.И. Федотов (1942-1945), А.Ф. Романов (1946-1947), А.М. Забродин (с апреля по июль 1947), А.М. Антонов (1947-1949), И.П. Коперский (с марта по июнь 1950), А.М. Забродин (1950-1952)), А.А. Ахмедзянов (1952-1953), Г.И. Стыскин (1953-1959), Н.К. Курдеков (1959-1969), Почётный гражданин г. Набережные Челны Г.Н. Закиров (1969-1990), заслуженный работник сельского хозяйства РТ И.И. Шайхутдинов (1991-1997), В.Г. Хазеев (1997-2004), заслуженный экономист РТ Ф.Т. Газетдинов (2004-2007), исполнительный директор ООО «Челны-Бройлер» по вопросам деятельности ОАО «Набережночелнинский элеватор» И.И. Шайхутдинов (с 2007 года). Именами М.А. Ахметшина, В.В. Вишневого, Н.В. Новикова А.В. Родионова, С.П. Карманова, А.И. Колядова, Ф. Ислаева, В.И. Чуйкова, В.М. Азина названы улицы в Набережных Челнах. Есть также улица Элеваторная.

Список литературы

1. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1917 год. – Уфа, 1917.
2. Краснов И. Борьба за хлеб // Новая Кама. – 1967. – 27 июня.
3. Хвала рукам, что хлебом пахнут. – Казань, 2001.
4. Казаков Б.В., Канеев Б.А. Улицы нашего города. – Набережные Челны, 2005.
5. Ермаков В.В. История строительства Челнинского элеватора // Вечерние Челны. – 2004. – 29 сентября.
6. Канеев Б.А. Набережночелнинский элеватор // Энциклопедия города Набережные Челны. – Казань, 2007. – С. 256-257.
7. Ермаков В.В. Обращение к истокам: История Набережных Челнов и региона Восточного Закамья. – Казань, 2008.
8. Ермаков В.В., Канеев Б.А. 100 лет Набережночелнинскому элеватору. – Казань, 2015.

9. Источник: Приказ № 31 по Наб.-Челнинскому Кантпродкому от 14 апреля 1923 года.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСКА ПЕРВЫХ ДВУХ ДЕСЯТИЛЕТЬ ХХ ВЕКА

Л.С. Капитанова

С(А)ФУ, г. Архангельск

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые стороны культурной жизни города Архангельска первых двух десятилетий ХХ века. Отмечается вклад местных музеев, а также Общества изучения Русского Севера и Церковно-археологического комитета в дело сохранения и приумножения культурно-исторического наследия.

Ключевые слова: культурно-историческое наследие, Русский Север, общество, кружок, музей, выставка.

SOME ASPECTS OF CULTURAL LIFE OF ARKHANGELSK OF THE FIRST TWO DECADES OF THE XX CENTURY

L.S. Kapitanova

Abstract: The article considers some aspects of cultural life of Arkhangelsk of the first two decades of the XX century. The contribution of local museums and also of the Society for the study of the Russian North and of the Church and archaeological committee to preservation and augmentation of cultural and historical heritage is noted.

Keywords: cultural and historical heritage, Russian North, society, circle, museum, exhibition.

Проблема сохранения культурно-исторического наследия является одной из важнейших проблем современного российского общества. Следует помнить, что преемственность – одна из важнейших закономерностей социального развития.

Обращаясь к бесценному культурно-историческому наследию нашей страны, невозможно обойти вниманием такой феномен, как культура Русского Севера. Это многослойное явление не перестает вызывать восхищение своей цельностью, гармоничностью, художественной выразительностью. Научное изучение проблем истории культуры Русского Севера велось довольно широко в советское время, ведется оно и сейчас.

Большой интерес художественное наследие Русского Севера вызывало и в дореволюционной России. Так, например, в статье А.А. Каретникова «Судьба старого церковного зодчества в Архангельской губернии» говорится об оригинальности и самобытности Севера [1, с. 17]. Автор подчеркивает, что культурные и исторические ценности являются «вещественными показателями, как бы свидетелями былых переживаний наших предков, в некоторых случаях в наше время одни лишь могут раскрыть таинственную завесу многих непонятных явлений из прошлой жизни нашего отечества» [1, с. 19]. Представляется совершенно справедливым утверждение автора, что за «искусство можно быть спокойным, когда общество само и ценит, и охраняет его» [1, с. 27]. Как же обстояли дела в данной сфере в те дни, когда эти строки писались?

Необходимо уточнить, что ниже будут затронуты лишь некоторые аспекты культурной жизни города Архангельска первых двух десятилетий ХХ века.

Культурному развитию горожан способствовал Архангельский публичный музей, который вел активную просветительскую деятельность. Краеугольным камнем для вышеназванного музея послужили, во-первых коллекции музея при Архангельской палате государственных имуществ, а также коллекции небольшого музея, существовавшего при Архангельской публичной библиотеке под именем «Кабинет произведений Архангельской губернии». Губернатор А.П. Энгельгардт приложил немало усилий, чтобы придать музею статус городского публичного музея. 4 декабря 1897 года на заседании Городской думы было вынесено решение «предоставить для ... музея помещения в нижнем этаже здания городской управы» с сохранением ежегодного денежного пособия в сумме 200 рублей [2, с. 10]. Также Городской думой был одобрен проект правил Архангельского городского публичного музея. Свое главное назначение музей видел в том, чтобы наглядно представить промыслы местного населения Архангельской губернии, естественное богатство и этнографию края и тем самым служить средством к усвоению полезных знаний и облегчать для посетителей дело самообразования и изучения края.

Большой вклад в развитие культуры города внесло Архангельское общество изучения Русского Севера. Устав Общества был утвержден 4 сентября 1908 года, а «14 декабря того же года в зале Городской думы состоялось» его торжественное открытие [3, с. 302]. Помимо изучения Русского Севера в историческом, бытовом, культурном и экономическом отношениях, Общество намеревалось привлечь внимание правительства к нуждам и особенностям Севера. Членами общества были представители как интеллигенции, так и обывательской среды. Стремясь «демократизировать свой состав в видах возможно

широкого культурного воздействия на местное население», Общество всегда прилагало особенное старание к привлечению в свои ряды местных крестьян-поморов [4, с. 149]. Печатный орган общества – журнал «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера» начал выходить с 6 мая 1909 года.

С докладами и сообщениями, которые заслушивались и обсуждались на ученых собраниях, выступали известные исследователи Северного края (полярник В.Ю. Визе, археолог К.П. Рева, историк М.М. Богословский, историк-архивист Б.И. Николаевский, этнограф П.А. Сорокин, гидрограф Г.Я. Седов, полярник В.А. Русанов и многие другие).

Устроенные Обществом выставки «Русский Север» привлекли многочисленных посетителей из самых разнообразных кругов населения. Среди экспонатов первой выставки, открытой 11 августа 1910 года, были картины, акварели, образцы ископаемых, старинные монеты, образцы старинных нарядов населения, модели промысловых судов и орудий, фотографии. Именно фотографии, в большом количестве переданные Обществу после окончания выставки, послужили основой для будущего музея. Члены Общества полагали, что в задачу музея «будет входить отражение всей полноты жизни Русского Севера» [3, с. 215].

Вторая выставка «Русский Север» состоялась в 1917 году. Как писали местные газеты, она давала «очень хорошие представления о красоте Северного края, эстетических вкусах его обитателей и о высоком состоянии кустарной промышленности Севера» [5, с. 329]. Следует отметить, что с художественным творчеством северных мастеров были знакомы и за рубежом. Так, например, на Берлинскую выставку русских кустарных изделий (1914 год) Обществом были отправлены изделия народных промыслов, домашняя утварь, картины художника С.Г. Писахова [6]. Выставка «имела большой успех и дала возможность широким кругам здешнего населения близко ознакомиться с русскими кустарными изделиями, благодаря чему сбыт этих изделий в Германии значительно увеличился» [7, с. 31].

Значимым событием в художественной жизни города стало основание в 1913 году Архангельского кружка любителей изящных искусств. Своей целью данное объединение ставило развитие северного края в области изящных искусств [8]. Стремясь содействовать процветанию как «чистого, так и прикладного искусства», кружок занимался устройством художественных выставок, лекций по искусству, архитектуре и художественной старине, проводил музыкальные вечера. Выставки, предлагавшие вниманию посетителей произведения известных русских художников, в том числе мирискусников, работы местных мастеров (С.Г. Писахова, Б.В. Шергина), имели большой успех [9].

Характеризуя культурную жизнь города, следует особое внимание уделить деятельности Архангельского епархиального церковно - археологического комитета. По приказу Архангельской духовной консистории от 12 декабря 1886 была учреждена Комиссия для собирания, разбора и приведения в порядок церковных памятников [10]. В 1891 Комиссия переименована в епархиальный Церковно-археологический комитет. Комитет занимался изучением истории религиозной и церковно-общественной жизни Севера, собиранием письменных и вещественных памятников и выявлением памятников архитектуры. Главным деятелем Комитета был И.М. Сибирцев, своим примером, «своей пламенной приверженностью к любимому делу» и в других пробуждавший любовь к русской старине [11, с. 187]. Именно благодаря его подвижнической собирательской деятельности при комитете возникло древнехранилище, в котором находились письменные и вещественные памятники бытового характера и церковной древности, а также старинные предметы бытового характера. Одним из направлений деятельности Комитета являлась работа по охране памятников старинной церковной архитектуры. Постепенно из простого собирателя и хранителя древностей Комитет превратился в известное в научных кругах России учреждение [3, с. 212].

Мысль о соединении всех местных музеев Архангельска в одном помещении циркулировала не один год. Предпринимались попытки создания художественного музея. Так, в 1916 году в музее Императорской Академии художеств на заседании комиссии по распределению картин в провинциальные музеи было принято решение о передаче коллекции художественных произведений во вновь открываемый музей в Архангельске. Однако в те годы открытие музея так и не состоялось, и коллекцию определили в Ольгинскую гимназию. Только в 1929 году она была передана в Северный краевой музей [12].

Таким образом, исторические реалии тех лет: революция, интервенция на Севере – на долгие годы отодвинули идею образования в Архангельске художественного музея, но не идею о соединении всех местных музеев в одном помещении.

В начале июля 1918 года Союз кооперативов обратился к Обществу изучения Русского Севера с предложением поместить музей и библиотеку Общества в объединенный музей, для которого Союз собирался построить особый дом. Город предлагал отвести для музея помещение в доме городской милиции. Этот вопрос заинтересовал комиссию по внешкольному образованию, которая провела несколько заседаний с участием представителей соответствующих учреждений.

Особенно содержательно было собрание, состоявшееся 20 июля. На нем были сообщены сведения о существующих в городе музеях, а именно: Рыбопромышленном музее, Городском музее, музее Общества изучения Русского Севера, Церковное древнехранилище. Также на собрании было

указано на печальное состояние данных музеев. Так, например, Городской музей подвергся полному расстройству при переселении в первые дни революции, и хотя был приведен в порядок стараниями Н.А. Голубцова, но не имел достаточного помещения.

После всестороннего обсуждения вопроса собрание постановило: образовать из себя «музейную секцию», которая должна временно двигать дело. Также собрание высказало пожелание, чтобы будущий объединенный музей был признан государственным достоянием [13, с. 139].

И, наконец, в 1920 г. было принято решение о создании Северного краевого музея на основе Архангельского городского публичного музея и объединения в его составе Епархиального древнехранилища при Архангельском Церковно-археологическом комитете, Рыбопромышленного музея Крайнего Севера и музея Архангельского общества изучения Русского Севера [14].

Таким образом, основой для современных собраний Архангельских музеев (в том числе, областного краеведческого и Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера»), послужили коллекции нескольких музеев, функционирующих в первые десятилетия XX века. Деятельность этих музеев, равно как и деятельность вышеназванных обществ и любительских объединений не только оживила художественную жизнь города Архангельска, но и способствовала сохранению и приумножению лучших традиций культурного наследия прошлого.

Список литературы

1. Каретников А.А. Судьба старого церковного зодчества в Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1909. – № 4. – 1 июля.
2. Голубцов Н.А. Записка об Архангельском Публичном музее. – Архангельск, 1910. – 49 с.
3. Щуров Г.С. Очерки истории культуры Русского Севера. 988 – 1917. – Архангельск, 2004. – 552 с.
4. Бартенев В. Очерк деятельности Архангельского общества изучения Русского Севера. (Доклад на общем собрании 19 августа 1918 г.) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1918. – № 8-9.
5. Отзывы местной прессы о выставке «Русский Север» // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1917. – № 7-8.
6. См.: ГААО. – Ф. 83. – Оп. 1. – Д. 61.
7. Беляновский А. Выставки как последняя надежда на мир... К 100-летию Русской кустарной выставки в Берлине и участие России в уникальной международной выставке Baltiska utställningen в шведском городе Мальмэ // Экспо-Ведомости. – 2014. – №2-3.
8. См.: Устав Архангельского кружка любителей изящных искусств. – Архангельск, 1913. – 16 с.
9. См.: Каталог I художественной выставки картин. (Архангельский кружок любителей изящных искусств). – Архангельск, 1913.- 13 с. А также: Каталог 2 художественной выставки картин. (Архангельский кружок любителей изящных искусств). – Архангельск, 1914. – 19 с.
10. ГААО. – Ф.510. – Д.114 [Электронный ресурс]. Режим доступа: arkhiv@dvinaland.ru. (Дата обращения: 30.08.2015).
11. Торжественное заседание Церковно-археологического комитета и Общества изучения Русского Севера // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1918. – №№ 5-7.
12. Музейное объединение Художественная культура Русского Севера г. Архангельск [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.arhmuseum.ru/history. (Дата обращения: 02.09.2015).
13. Музейный вопрос в Архангельске // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1918. – № 5-7.
14. Архангельский областной краеведческий музей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aokm.ru/about> 2. (Дата обращения: 02.09.2015).

ВКЛАД ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КАМСКО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. **(НА ПРИМЕРЕ Г. САРАПУЛА)**

Д.А. Козлова

МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья», г. Сарапул

Аннотация: В статье рассматривается роль купечества, предпринимателей, представителей торговых домов в социальном развитии Камско-Вятского региона на примере г. Сарапула.

Ключевые слова: торговый дом, благотворительность, пожертвования, социальная сфера.

THE CONTRIBUTION OF BUSINESS TO SOCIAL DEVELOPMENT KAMA-VYATKA REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX AND EARLY XX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF SARAPUL)

D.A. Kozlova

Abstract: The article discusses the role of merchants, businessmen, representatives of trading houses in the social development of the Kama-Vyatka region on an example of Sarapul.

Keywords: trading house, charity, donations, social sphere.

Повышение социальной ответственности предпринимательской элиты проявилось в осознании того, что одним из важнейших факторов модернизации является развитие социальной сферы. Они понимали, что город, имеющий развитую промышленность, но не имеющий устойчивых социальных институтов, не имеет перспектив развития. Жизненная необходимость заставляла предпринимателей осуществлять денежные вложения в образовательную сферу для повышения культурного уровня населения и подготовки квалифицированных кадров, что в свою очередь, давало новый импульс развитию торговых домов.

Купцы вносили немалую лепту в развитие социальной сферы, будучи в составе организаций местного самоуправления, так и в форме частных пожертвований. Как наиболее состоятельные, большую лепту в благодеяниях вносили владельцы торговых домов. В числе приоритетных сфер инвестиций торговых домов были здравоохранение и образование.

Формировавшаяся в губернии система здравоохранения позволяла говорить о системном подходе к вопросам здоровья. Если раньше речь шла в основном о знахарстве, то появление квалифицированных медицинских кадров и открытие специализированных отделений в больницах резко снизило смертность и увеличило продолжительность жизни. К примеру, братья Бодалевы, учредители акционерного общества «Ижевское Торгово-Промышленное Товарищество», пожертвовали финзеновский (аппарат Финзена для лечения волчанки) и рентгеновский аппараты Сарапульской земской больнице и оборудовали при ней лабораторию [4]. 27 мая 1905 г. врачом А.К. Добронравовым было создано при сарапульской земской больнице благотворительное «Общество вспомоществования больным», целью которого являлось оказание помощи нуждающимся больным в первые дни после выхода из больницы «до приискания работы или до полного выздоровления» на дорожные расходы при возвращении домой, на содержание семьи [5]. Финансировалось общество за счет земства и преимущественно за счет частных пожертвований. В состав совета «Общества вспомоществования больным» входили: А.К. Добронравов (председатель), купцы П.А. Башенин – основатель торгового дома «Александра Башенина и Сыновья», И.Д. и Н.Д. Ижболдины – пайщики торгового дома «Д.Г. Ижболдин Сыновья», Н.А. Коротков, М.Г. Тюнин, о. Иоанн (Иоанн Васильевич Боков), священник больничной церкви г. Сарапула (секретарь), Ф.И. Волков (казначей).

На пожертвования владельцев торгового дома «Смагин Н.В. Сыновья» в г. Сарапуле был открыт приют для больных и бедных детей, названный именем Смагиных. На средства купца И.С. Колчина была устроена богадельня для престарелых на 20 человек, носившая его имя. На строительство богадельни Колчин пожертвовал 20 тыс. руб., еще 30 тыс. руб. было внесено в сарапульский общественный банк, проценты с которых шли на содержание призреваемых. После смерти Колчина его наследник – Устин Саввич Курбатов, основатель торгового дома «У.С. Курбатов», ставший попечителем богадельни, – пожертвовал еще 20 тыс. руб., что позволило увеличить число призреваемых на 13 человек. При этом он выразил желание, чтобы внесенные деньги также считались пожертвованием Колчина. Кроме того, на личные средства Устина Саввича в Сарапуле были основаны лечебница и родовспомогательное отделение [6].

В конце XIX в. в уездных городах рассматриваемого региона наблюдалось повышение образовательного уровня. Сарапул и Елабуга преуспели в просвещении населения благодаря активным действиям купечества, духовенства, мещан, вкладывавших средства в создание учебных заведений. Частные инвестиции в сферу образования во многом были обусловлены дальновидностью купцов. Реконструкция и модернизация предприятий требовали значительного количества грамотных специалистов. «Отцы города» понимали, что через некоторое время их вложения окупятся сторицей, и, будучи членами городской Думы, отчисляли из городской казны ежегодно на содержание учебных заведений большие суммы, при этом не скупясь и на личные пожертвования. Обладая значительными капиталами, наиболее ощутимые суммы вкладывали владельцы торговых домов. Достойным примером являлась деятельность Дмитрия Григорьевича Ижболдина, потомственного почетного гражданина г. Сарапула, купца 1-й гильдии, главы торгового дома «Д.Г. Ижболдин Сыновья» [2, с. 31]. Благодаря Дмитрию Григорьевичу в г. Сарапуле с 1 июля 1898 г. была учреждена низшая ремесленная школа с учебным кожевенным заводом. Школа предназначалась для подготовки профессиональных кадров в области кожевенного производства и сапожно-башмачного ремесла.

В городе действовало «Сарапульское благотворительное общество», созданное в 1875 г. Его

попечительницами и патронессами были в основном жены состоятельных купцов – Дедюхина, Шитова, Баранова, Барабанщикова и др., состав и количество так называемых действительных его членов менялись. Средства Общества складывались из частных пожертвований, членских взносов, отчислений из городского и земского бюджетов. Основную часть взносов вносили представители торговых домов, поскольку наибольшие капиталы были сосредоточены в руках элиты предпринимательского слоя города. Так, в состав членов благотворительного общества входил А.Т. Шитов, (основатель торгового дома «А.Т. Шитов»), который являлся почетным блюстителем Духовного училища, почетным попечителем Алексеевского реального училища, членом попечительного совета женской гимназии. Он в различной форме оказывал многочисленные акты благодеяний, в том числе и детским учреждениям. К примеру, Шитов завещал организации «Убежищу бедных детей» при «Сарапульском Благотворительном Обществе» «взнести тысячу рублей процентными бумагами с тем, чтобы с капитала того только употреблялись одни проценты на бедного воспитанника при убежище» [7].

Щедрые пожертвования делали владельцы сарапульских торговых домов на строительство и содержание храмов. На средства Д.Г. Ижболдина была построена Скорбяще-Богородицкая больничная церковь. Воскресенская кладбищенская церковь стала целым социальным проектом семьи, заботу о ней Ижболдины передавали из поколения в поколение. Значительные пожертвования, помимо учебных заведений, на нужды церкви делал А.Т. Шитов. «Многоуважаемый Алексей Трофимович! Считаю приятным долгом принести искреннюю и глубокую благодарность Вам от всего духовенства Сарапульского училищного округа в лице депутатов за устройство Вами церкви и другие пожертвования...» [7]. В списке его пожертвований: в Сарапульский Вознесенский собор – полное архиерейское облачение, шитое золотом, 8 священнических и 6 дьяконских облачений из парчи на общую сумму 900 руб.; на поддержание Церкви Двенадцати Апостолов при сарапульском городском кладбище – 966 руб. [3].

Часто финансовую поддержку купеческой элиты получал Сарапульский женский монастырь. Это происходило в основном за счет пожертвований жен представителей торговых домов: «На другой день Пасхи мы обычно едем в конец города в женский монастырь, благоустройством и строгим порядком которого так гордится город. Просторная приемная главы монастыря – игуменьи полна разряженных женщин, сидящих в напряженных позах вдоль стен. В углу под иконами в большом, высоком кресле сама мать игуменьи, высокая, полная, представительная. Для многих горожанок, особенно купчих, монастырь был единственным учреждением, в котором они могли бывать как «благодетельницы». Не зная, как себя держать, буквально окостенев от непривычного многолюдия, они вместе с тем вне себя от удовольствия, от гордости, что они сидят на приеме у игуменьи», – делилась своими наблюдениями одна из присутствовавших на приеме у игуменьи купеческих дочек [1, с. 102].

Огромные пожертвования в пользу церкви делали многие сарапульские купцы: Прокопий Никифорович Дедюхин – сын основателя торгового дома «Никифора Дедюхина Сыновья», Иван Дмитриевич Ижболдин – сын основателя торгового дома «Д.Г. Ижболдин Сыновья», Александра Лукинична Башенина и ее дети – владельцы торгового дома «Александра Башенина Сыновья», Николай Васильевич Смагин – основатель торгового дома «Смагин Н. В. Сыновья» и др.

Изложенные факты свидетельствуют о том, что на рубеже XIX–XX вв. в Камско-Вятском регионе происходили огромные изменения, связанные с формированием не только внешнего облика городов, но и его микроклимата. Модернизационные процессы захватили не только экономику, но и культуру городов. Новая правящая элита города, модернизаторы в лице создателей торговых домов рассматривали свои города не только как пространство для развития торгово-предпринимательской деятельности, но и как место жительства, макросреду для жизни своей семьи и воспитания детей. Создавая торговые дома, развивая свое дело, они открывали новые горизонты для себя и городов российской провинции. На наш взгляд, именно эти люди, обладающие незаурядными качествами, воспитанные в лучших патриархальных традициях и видящие новые перспективы развития страны, стали той силой, которая вывела Россию в начале XX в. на новый виток развития.

Список литературы

1. Ерошкина З.А. На реке. – Сарапул, 2007. – 424 с.
2. Козлова Д.А. Купеческая династия Ижболдиных: предпринимательство и семейные традиции // Вестник Чувашского университета. – 2008. – № 3. – 550 с.
3. МИКСП. Письменные источники. – Ф. 26. – КП–1822.
4. МИКСП. Письменные источники. – Ф. 26. – КП–6834.
5. МИКСП. Письменные источники. – Ф. 26. – КП–6835.
6. МИКСП. Письменные источники. – Ф. 26. – КП–6854.
7. МИКСП. КФФД. – Ф. Семейный фонд купцов Шитовых. – НВ–128.

**ВКЛАД САРАПУЛЬСКИХ КУПЦОВ БАШЕНИНЫХ В ПРОСВЕЩЕНИЕ И
РАЗВИТИЕ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ САРАПУЛА КОНЦА
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

В.С. Колюхова

МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья», г. Сарапул

Аннотация: С конца XIX века сарапульские купцы Башенины активно поддерживали развитие учебных заведений, входили в состав Попечительских советов, Благотворительных обществ, отчисляли средства на строительство школ. По завещанию А. Л. Башениной в женской гимназии и реальном училище были учреждены именные стипендии для бедных учащихся. Будучи городским головой, Павел Башенин приложил много усилий для открытия в 1905 году нового комфортабельного здания женской гимназии. В память о деятельности П. А. Башенина в 3-х учебных заведениях города были учреждены стипендии его имени.

Ключевые слова: Сарапул, купечество, Башенин, Дача Башенина, потомки, образование.

**SARAPUL'SKIY MERCHANTS BASHENIN CONTRIBUTION TO THE
EDUCATION AND DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS
SARAPUL CON. XIX - EARLY. TWENTIETH CENTURY**

V. Konyukhov

Abstract: Since the end of the XIX century Sarapul merchants Bashenin actively supported the development of the educational institutions included in the board of trustees, charities allocate funds to build schools. Bequest AL Bashenin in a girls' school and real school were established scholarships for poor students. As mayor, Paul Bashenin made great efforts to open in 1905 a new luxury building a girls' school. In memory of the activity of PA Bashenin in 3 schools of the city were established scholarships in his name.

Keywords: Sarapul, merchant, Bashenin, Cottage Bashenin descendants, education.

В 1898 году сарапульской купчихой Александрой Лукиничной Башениной (1842 - 1901) было составлено духовное завещание, согласно которому часть средств распределялась следующим образом: «а) две тысячи рублей Сарапульскому Алексеевскому Реальному училищу и б) две тысячи рублей Сарапульской женской гимназии с тем, чтобы капиталы эти были внесены в городской или иной банк, а процент с оных насчитывались бы в уплату за право обучения беднейших и способнейших учеников и учениц сих заведений, при чем стипендиям этим должно быть присвоено мое имя» [3]. Александра Лукинична была умной и деловой женщиной. Башенины занимались лесной промышленностью, осваивали огромные территории Прикамья и Поволжья. После смерти мужа она стала самостоятельной купчихой 1-ой гильдии, продолжила и развила семейное дело. Торговый дом «Александра Башенина и С-я» был хорошо известен к началу XX века. Кроме того Башенины занимались благотворительностью, отчисляли средства на строительство церквей и учебных заведений, заботились о благоустройстве и развитии города, помогали бедным и сиротам [4].

Старший сын Башениных - Павел Андреевич (1868 - 1910), исполняя волю матери, внес в Сарапульское отделение Государственного банка на имя Сарапульской женской гимназии 2100 рублей под 4% государственной ренты с купонами на 1 марта 1903 года. Тогда же он подал прошение в Казанский учебный округ «Об учреждении при Сарапульской женской гимназии 2-х стипендий имени умершей сарапульской купчихи Александры Лукиничны Башениной» [7, л. 1 - 5]. Положение о стипендиях было рассмотрено и утверждено Товарищем Министра Народного Просвещения С. Лукьяновым в июне 1903 года. Один из пунктов гласил: «Стипендиатки избираются из числа беднейших учениц Сарапульской женской гимназии, отличившихся хорошим поведением и успехами в науках» [7, л. 1 - 5]. Несмотря на платное образование, желающих учиться становилось больше с каждым годом. Особенно остро стоял вопрос о женском образовании.

Женская гимназия в Сарапуле была основана как прогимназия в 1870 году и преобразована в полную гимназию в 1881 году. Изначально она помещалась на третьем этаже здания Городской управы, непригодном для учебного процесса. В 1898 году Попечительский совет приобрел усадьбное место под строительство собственного здания гимназии. В 1902 году, получив от министерства ссуды и одобрение проекта, совет гимназии приступил к строительству здания. Автором проекта стал вятский архитектор И.А. Чарушин. Но, из-за нехватки средств строительство было остановлено.

Осенью 1904 года на место городского головы заступил Павел Башенин. Несмотря на сложное время – забастовки рабочих, волнения в обществе, упадок городского хозяйства – одним из насущных вопросов он считал строительство женской гимназии. По инициативе и при участии П.А. Башенина были собраны 40000 рублей под беспроцентный займ от частных лиц. Это позволило закончить строительство

и все отделочные работы. В целом гимназия обошлась в 149000 рублей. 1 сентября 1905 года учебный год гимназии начался в новом 3-х этажном здании, предназначенном для учебного процесса 800 - 850 учениц, устроенном по всем правилам гигиены. Каждая классная комната строилась из расчета кубометров воздуха и света на единицу человека. Просторный рекреационный зал, библиотека, столовая, кухня, водяное отопление и теплые туалеты на каждом этаже [8, л. 10]. Башенин был избран Почетным Попечителем Сарапульской женской гимназии. Он активно участвовал в жизни заведения: жертвовал средства, делал подарки, присутствовал на торжественных актах и балах. В 1909 году Башенин приступил к реализации грандиозного проекта по строительству капитального водопровода и электростанции. Уже к Рождеству он подарил подопечным гимназисткам электрические гирлянды для елки.

Башенины уделяли большое внимание и другим учебным заведениям. Начиная с 80-х годов XIX века, Александра Лукинична была среди первых женщин края, входивших в попечительские советы, активно поддерживающих развитие школьной системы и создание новых учебных заведений. Она внесла лепту в устройство школы грамоты Святого Апостола и Святого Иоанна Богослова [1]. На ее средства были учреждены именные стипендии в женской гимназии и Алексеевском реальном училище [2, л. 22]. Муж Александры Лукиничны - Андрей Анисимович Башенин (1832 - 1889), внес пожертвования на строительство Алексеевской домово́й церкви при Сарапульском реальном училище [10]. Павел Андреевич Башенин с 1907 по 1910 годы входил в состав Попечительского совета городского 4-х классного училища [9], участвовал в открытии нового здания училища. Его жена, Людмила Николаевна, возглавляла Сарапульское благотворительное общество, устраивала благотворительные балы, концерты, лотереи, кружечные сборы, средства от которых шли на помощь нуждающимся, в том числе учащимся и студентам. Младший брат – Петр Андреевич Башенин (1875 – 1920 (?)), входил в попечительские советы учебных заведений Царицына и Сарапула, был членом Сарапульского благотворительного общества и общества вспомоществования нуждающимся учащимся, жертвовал крупные суммы на нужды образования [5].

Понимая необходимость всестороннего развития подрастающего поколения, Павел Андреевич Башенин поддержал открытие в 1909 году земского музея и Сарапульских музыкальных классов Императорского Русского Музыкального Общества. В дальнейшие планы городского головы входило строительство театра, Народного дома и университета, что находило горячую поддержку среди горожан [6, 1910, № 1].

Преждевременная смерть П.А. Башенина в марте 1910 года получила широкий резонанс. Сотни людей собрались, чтобы почтить память Почетного Гражданина. Владыка Мефодий в своей прощальной речи призвал: «Память нужно почтить созданием в женской гимназии храма в честь мученика Павла, имя которого носил Павел Андреевич». Попечительский совет женской гимназии возложил венок «своему незабвенному председателю». Гимназистки и реалисты старших классов отслужили панихиду, выступил ученический хор. Ученики городского училища решили вместо венка, собранные деньги 9 руб. 40 коп., внести в сберкассу на основании стипендии имени П.А. Башенина [6, 1910, № 52]. Их почин поддержали добровольными пожертвованиями многие горожане, невзирая на положение и возраст: «Я.Ю. Грингаут – 100 р., А.И. Будогоский – 5 р., С.П. Зылев -5 р., А.М. Бетковский – 5 р., В.В. Михель – 5 р., Н.П. Лушников – 15 р, от Верочки Блиновой – 1 р.» [6, 1910, № 56]. В короткий срок на стипендию имени Башенина поступило 302 руб. 87 коп. Попечительский совет Сарапульского городского училища приступил к составлению положения об этой стипендии.

Городская дума неоднократно обсуждала вопрос об увековечивании памяти городского головы. В 1911 году постановили: «Установить в зале городской думы портрет Павла Башенина; в электрической и водопроводной станциях - металлические доски с датой закладки и окончания устройства их и указанием инициативы и трудов Павла Андреевича; в реальном училище и женской гимназии учредить по одной стипендии его имени и пожертвовать 200 рублей на стипендию в городское 4-х классное училище» [6, 1911, № 24].

В свое время Павел Башенин получил домашнее образование, но четко осознавал необходимость в постоянном развитии и совершенствовании. Он прикладывал все усилия, используя личный капитал и общественное положение, для создания достойных условий к получению образования всех слоев населения, предвидя в этом мощный потенциал на благо всего общества. Деятельность Башенина стала примером для современников и потомков.

В здании бывшей женской гимназии располагается общеобразовательная школа с гимназическими классами. Она считается одним из крупнейших учебных заведений города и славится своей историей и богатыми традициями. Портрет Павла Башенина, сохранный после революции учительницей гимназии, сегодня занимает почетное место в экспозиции Художественно-выставочного комплекса «Дача Башенина».

Список литературы

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 208. Вятский губернский Епархиальный училищный Совет. Оп. 1, д. 17
2. Доклад Вятской губернской земской управы по народному образованию. 1910 г. – Вятка.

Типолитография и хромофотография Шилевой, 1910.

3. МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья» (МИКСП). Коллекция «Письменные источники». Выписка из духовного завещания А.А. Башениной - 1902 г. - КПВ - 1263/12
4. МИКСП. Коллекция «Редкая книга». Отчет благотворительного общества попечения об убежище для бедных детей в Сарапуле за 1907. - КП- 15177/469
5. МИКСП. Коллекция «Редкая книга». Отчеты благотворительных обществ Сарапула. 1911, 1912, 1913.
6. МИКСП. Коллекция «Редкая книга». «Прикамская жизнь» за 1909 – 1917 гг.
7. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92, оп. 2, д. 2513, л. 1 - 5. Об учреждении стипендии имени А.А. Башениной.
8. НАРТ. Ф. 92, оп. 2, д. 20156, л. 10. Ходатайство Попечителю Казанского учебного округа Попечительского совета Сарапульской женской гимназии. 3 октября 1913 г.
9. НАРТ. Ф. 92, оп. 2, д. 3943. Попечительский совет Сарапульского 4-х классного училища
10. Центральный Государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР), Ф. 245, оп. 4, д. 95

КУПЕЧЕСКАЯ СЛОБОДА Г. КОЗЬМОДЕМЬЯНСКА XIX-XX ВВ.

УСАДЬБЫ И ИХ ВЛАДЕЛЬЦЫ

О.В. Кораблева

МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс», г. Козьмодемьянск

Аннотация. В дореволюционном Козьмодемьянске торговля являлась распространённым занятием, а купцы были одним из самых колоритных сословий. Автор даёт подробный рассказ о некоторых владельцах сохранившихся купеческих усадеб. Анализ проводился на основе документов и воспоминаний.

Ключевые слова: Козьмодемьянск, купеческая слобода, усадьба, купец.

MERCHANT SLOBODA THE CITY OF KOZMODEMYANSK XIX-XX

CENTURIES. MANORS AND THEIR OWNERS

O.V. Korableva

Abstract. In pre-revolutionary Kozmodemyansk trade was a common occupation, and the merchants were one of the most picturesque estates. The author gives a detailed account of certain owners of preserved merchant houses. The analysis was conducted based on documents and memoirs.

Keywords: Kozmodemyansk, merchant settlement, manor, merchant.

В конце XIX – начале XX веков слободой обычно называлось подгородное селение, жители которого занимались неземледельческим трудом (ямская, торговая слобода и т.д.); так же называли иногда и большое село, имевшее более одной церкви и ярмарку, где крестьяне почти не пахали.

Поэтому дореволюционный Козьмодемьянск, в котором торговля являлась распространённым занятием, а купечество было одним из самых колоритных сословий, в основном проживавшим в подгорной части, можно назвать купеческой слободой. Купцов объединяло одно - активное участие в жизни города и государства. Они охотно занимались благотворительной деятельностью и слыли известными меценатами. Многие в городе было сделано на их средства и при их участии.

И в настоящее время, попав в г. Козьмодемьянск, сразу оказываешься среди купеческих домов, поэтому целью работы является подробный рассказ о владельцах сохранившихся усадеб. Актуальность этого в том, что многие годы тема купечества находилась под запретом, считалась не нужной. И лишь в последние десятилетия возрос интерес к жизни и деятельности купцов.

Торсуев Софон Савельевич (ул. Лихачева 7, до революции Успенская) торговал в Козьмодемьянске хлебом, винами, гастрономическими товарами и мукой. Товары закупал в Самаре и Нижегородской ярмарке.

Разбогатев на торговле, Сафон Савельевич выстроил себе усадьбу на бойком месте Базарной площади. Строительство усадьбы велось, поэтапно начиная с 1870 г. когда построили каменный 2-х этажный дом и каменный 2-х этажный флигель, был построен каретник и 4 амбара. В 1895г строительство усадьбы завершилось. Между флигелем и домом находились хлебные торговые ряды. Торсуев охотно сдавал их внаем под харчевни и жилье. В 1918 г. все хозяйство было национализировано.

О Торсуеве же ходили легенды, как будто он обладал гипнозом. Однажды обнаружив вора, который хотел украсть мешок муки со двора, он так его загипнотизировал, что тот всю ночь искал ворота и только утром купец его простил и тот, сразу найдя дверь, стремглав бросился со двора. Другой раз в лесу на купца с угрозами начали надвигаться два мужика, (купец ехал по лесной дороге). Сказав им: «А ну-ка, подеритесь друг с другом».- и поехал своей дорогой. Встретив подводу, он попросил возчика

передать, чтобы мужики прекратили драку. Возчик, встретив дерущихся, исполосовавших друг друга мужиков закричал: «Прекратите драку!» и те обезумевшие так и сели в придорожную грязь, не осознавая, что с ними произошло.

В 1919 г. в главном доме торсуевской усадьбы открылся Козьмодемьянский уездный краеведческий музей Казанской губернии. Позднее дом использовался городской поликлиникой. В настоящее время в нем располагается Козьмодемьянская детская художественная школа. В 2014 г на средства выделенные министерством культуры РФ здание было отреставрировано и сейчас усадьба является общественным центром жизни горожан и примером построения городской купеческой усадьбы жилого и торгового назначения.

Козьмодемьянский купец Пономарев Александр Михайлович решил удивить жителей города и построил в 1883 г на Базарной площади импозантный каменный особняк (ул. Лихачева 10, до революции Успенская). Городская усадьба, построенная в стиле классицизма с многочисленными служебными и хозяйственными постройками. Одновременно возводились каменные двухэтажный флигель, каретник и другие службы. Толщина стен первого и второго этажа дома — четыре кирпича, такой крепости в наше время не встретишь. Пол в подвале несгораемый, в подвальном помещении были кладовые с промышленными и продовольственными товарами, а так же ледник.

Весь первый этаж дома занимал мануфактурный магазин со шкафами для товара, тут же находились кладовые со сводами. Известно, что купец Пономарев более сорока лет занимался мануфактурной торговлей, он привозил из Ярославля, Костромы, Иванова, Нижнего Новгорода, самые лучшие по расцветке и прочности ткани. На втором этаже дома размещались зал, гостиная и комнаты с дубовыми паркетными полами. Здесь в праздничные дни устраивались балы и приемы.

Во дворе дома — двухэтажный каменный флигель, который обычно сдавался под квартиры приказчиков приезжающих из разных волостей, по своим делам, в том числе и на лесную ярмарку. Много было и надворных построек: деревянная баня, несколько сараев, амбаров, хлебов, два навеса, конюшня, каретник и погреба. В 1889г Пономарев заложил усадьбу в Нижегородско-Самарский земельный банк. Возможно для организации какого — то нового дела. В феврале 1905г по купчей стоимости его имение перешло Козьмодемьянскому городскому обществу. После революции здание стало принадлежать Совету рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В разное время в доме находились: Народный дом им. В. Барина, профессиональный и народный драматические театры. В стенах этого дома прозвучали оперы Глинки «Иван Сусанин», П. Чайковского «Евгений Онегин», поставленные участниками художественной самодеятельности. В нижнем этаже главного здания располагались магазины и художественная мастерская. В 1998 г. главное здание было отреставрировано и передано Художественно-историческому музею им. А.В. Григорьева.

Усадьба является общественным центром жизни горожан и является примером компактного пространственно-композиционного построения городской купеческой усадьбы.

Продолжая путь по бывшей купеческой слободе нельзя не вспомнить выдающуюся личность Казанской губернии XIX – начала XX века – Павла Федоровича Бычкова. Дом Бычков купил в 1873 г., поправил его наружной отделкой, и усадьба стала украшением Базарной площади. Торговая деятельность П.Ф. Бычкова активно сочеталась с производственной. Он имел мукомольные ветряную и водяную мельницы и солодовый завод. Создал свое пивоваренное производство в нескольких километрах от Козьмодемьянска, а лавки по продаже пива у Бычкова были расположены по Козьмодемьянскому и Васильсурскому уездам [5, с. 463]. На берегу Волги имел гостиницу.

С 1872 г. Павел Федорович занимал различные выборные должности, и первая из них – гласный в городской думе. С 24 марта 1877 г. выполнял обязанности городского головы. Понимая важность и необходимость образования, П.Ф. Бычков неоднократно передавал свои средства на организацию в городе учреждений народного образования и культуры. Так им была пожертвована крупная сумма на пристрой к каменному дому козьмодемьянского городского двухклассного училища, в результате учеников увеличилось вдвое. В 1904 г. он отдал часть своего каменного двухэтажного дома в бесплатное пользование Козьмодемьянской женской прогимназии. По его предложению в 1886 г. в городе была создана метеостанция, результаты наблюдений которых отправлялись в Казань.

В 1882 г. в городе была открыта первая общественная библиотека. В которую П.Ф.Бычков передал личную библиотеку, состоящую из сочинений русских писателей. Известно о думской деятельности П.Ф. Бычкова. В числе 10 депутатов от Казанской губернии он был избран депутатом IV Государственной Думы.

После революции в доме Бычкова (ул. Советская 7, до революции Базарная площадь) располагались различные учреждения. Длительный период там находилось медицинское училище. С 1995г. работает музей юмора им. О. Бендера. В 2014 г. на средства выделенные министерством культуры РФ здание было отреставрировано.

Что касается переправы через р. Волгу. Жители Козьмодемьянска в течении столетий переправлялись через реку на долбленках, ботниках, лодках работая веслами. И так продолжалось до начала XX в., пока в 1906 г. местный мещанин Сурьянинов Матвей Матвеевич впервые в истории города не организовал механический, пароходный перевоз через реку. Купил баркас. И задымил на паровой тяге перевоз через Волгу. Хотя и работал пароходик на сухих дровах, но с делами справлялся. На нем

размещалось до 20 пассажиров. Главная задача баркаса была в том, чтобы тащить за собой на канате деревянный паром, на котором размещалось несколько подвод и пассажиры. Пароход не приносил больших доходов. Не было бы счастья, да несчастье помогло. В доме у Матвея Матвеевича (ул. Советская д.8, до революции ул. Вознесенская) случился пожар. Сурьянинов получил хорошую страховку. Быстро построил дом, намного лучше старого. Можно сказать, пожар поставил дело Матвея Матвеевича на прочную экономическую основу [3, с. 28].

В 1918 г. перевоз был национализирован, а Сурьянинов М.М. некоторое время работал капитаном на катере. В 1930 году у семьи Сурьяниновых был национализирован и дом. В нем расположился городской совет.

Купеческая чета Горшковых Алексея Исааковича и Агнии Александровны проживала по адресу (ул. Советская д. 10, до революции ул. Вознесенская). На первом этаже дома они содержали лавку. Глава семьи занимался мануфактурной торговлей, товар закупал в Москве и на Нижегородской ярмарке [5, с. 508]. На берегу Волги имел такелажный склад. На конец 1913 г. в торговом обороте находилось до 55 тыс. рублей. В 1916 г. Алексей Исаакович являлся членом козьмодемьянского сиротского дома. После 1917 г. жизнь семьи сильно изменилась, 15 июля 1919 г. Алексей Исаакович умер, дом национализировали. Агния Александровна после смерти мужа имея на иждивении пятерых детей, занималась домашним хозяйством, а в летний период работала в козьмодемьянских лесосплавительных конторах. Не смотря на трудности все дети выросли достойными людьми. Алексей стал артистом балета. Он играл во многих театрах страны. Александр в 1929 г. окончил Новосибирский землеустроительный техникум, являлся маркшейдером московского метрополитена. Тамара работала бухгалтером в сплавной конторе в Козьмодемьянске. Вера была домохозяйкой. Николай работал железнодорожником на станции «Обь» омской железной дороги. В настоящее время в огромной семье насчитывается 7 внуков, 10 правнуков и 1 правнучка купца А.И. Горшкова.

Дмитриев Иван Иванович (ул. Советская 52, до революции Вознесенская) зарекомендовал себя как «Ходовой мужик». Служил ездовым в нижегородской конторе иностранной фирмы «Зингер». Развозил ее товары покупателям [3, с. 26]. В Козьмодемьянске открыл магазин по продаже и выдаче напрокат швейных машин фирмы «Зингер». Однажды случился пожар. Все двери магазинов, расположенных на первом этаже, арендованного помещения были распахнуты, и оттуда спешно выносился товар. Лишь Митькин не спешил спасать содержимое магазина. Через некоторое время местные агенты из страхового общества составили для него самые «печальные» акты о нанесении пожаром ущерба. Они-то и послужили «живой водой» для возрождения «погорельца». Следствием этого и явился новый двухэтажный особняк, разукрашенный деревянной резьбой, над которой трудились лучшие местные умельцы. Этот дом заспорил с особняками ведущих купцов города [3, с. 27].

Купец Шуртыгин Василий Иванович владлец дома 10 по ул. Свердлова сплавлял лес по рекам Унже, Ветлуге, Большой и Малой Кокшаге. Имел плавучую лесопилку, поместье в Нижегородской губернии. Для семьи в 1913 г построил дом в Козьмодемьянске. На первом этаже дома держал рабочую контору, а 2-й этаж семья использовала под жилье. Здание с подвальным помещением отапливалось при помощи воздушной системы отопления, которая состояла из одной общей печи в подвале и воздушных каналов для движения теплого воздуха. Фасад здания из красного кирпича за все годы существования ни разу не покрывался краской, что позволило сохранить его первоначальный вид. Привлекает внимание своеобразная башенка на крыше, что придает индивидуальность дому. После революции здание было национализировано.

Купец Сиднев Василий Андреевич на конец 1913 г. был одним из богатых купцов города, денежных средств в обороте насчитывалось до 100 тыс. рублей. Известно, что он занимался торговлей хлебом, солью, мукой и имел ренсковый погреб [5, с. 508]. В 1890 г. Василий Андреевич построил вблизи Базарной площади (ул. Лихачева 9, до революции Успенская) каменный двухэтажный особняк с глубокими подвалами. Усадьбу Сиднев использовал в основном под жилье и торговлю. На первом этаже дома, располагалась лавка по воспоминаниям Н. Крюковой внучки Бычкова П.Ф. «Лавка была высокая и просторная, с потолка свисало несколько ламп, сладости расставлены не только на полках, но и в витринах. Большие, белые, мятные пряники в виде рыб, птиц или зверей, головки из шоколада, шоколадные бомбы, с сюрпризом внутри, различные орехи, пряники с прослойкой из цукатов, разные конфеты в цветных обертках, вяленые фрукты, палочки ванили. Все сливалось в единый непередаваемый запах, которым пропитана вся лавка. В самой лавке, на витринах и полках не держали сыров, колбас или окороков. Их выносили покупателям из холодной кладовой. Поэтому запах пряностей не перебивали ни какие другие запахи» [4, с. 252]. Товар закупался на Нижегородской ярмарке и в Самаре. В декабре 1918г. здание было национализировано. В дальнейшем на первом этаже находился магазин, а на 2-м этаже Городская станция переливания крови. В настоящее время в здании планируется открыть музей Археологии. В 2014 г на средства выделенные министерством культуры РФ здание было отреставрировано.

В целом жизнь купечества Козьмодемьянска изучена не достаточно, документов и воспоминаний сохранено мало. Огромную работу в этом направлении ведет кандидат технических наук, краевед, журналист Муравьев Арнольд Валентинович. В дальнейшем планируется продолжить сбор информации о купцах города Козьмодемьянска.

Список литературы

1. Документальный и фото фонды Художественно-исторического музея им. А.В. Григорьева г. Козьмодемьянска.
2. Каталог «Памятники истории, культуры и природы Республики Марий Эл». – Йошкар-Ола, 1993. – 128 с.
3. Захаров С. Светлая голова. – Йошкар-Ола, 2005. – 100 с.
4. Крюкова Н. Догорающий сад. – Йошкар-Ола, 2013. – 308 с.
5. Козьмодемьянск в конце XVI – начале XX вв.: документы и материалы по истории города. – Йошкар-Ола, 2008. – 615 с.

ПРОФЕССОР Н.К. ПАФНУТЬЕВ – ИЗ ВЯТСКИХ КУПЦОВ.

МАЛМЫЖ – МОСКВА – ХАРБИН – САН-ФРАНЦИСКО

С.В. Коршунов

МГТУ им. Н.Э. Баумана, г. Москва

Аннотация: В статье рассказывается о судьбе одного из выдающихся выпускников Императорского Московского технического училища – Николае Капитоновиче Пафнутьеве. Он прошел путь от купеческой семьи в маленьком российском городе Малмыже до профессора в престижном техническом вузе дореволюционной России. Эмигрировал в Китай после гражданской войны и преподавал в Харбинском политехническом институте. Японская оккупация вынудила семью уехать в Америку, где сейчас живут и работают потомки Пафнутьевых. Необходимо сохранить память о русских ученых.

Ключевые слова: купцы Пафнутьевы, благотворительность, инженерное образование, Императорское Московское техническое училище, эмиграция, Харбинский политехнический институт, Сан-Франциско, потомки, память.

PROFESSOR N.K. PAFNUTIEV – FROM VYATKA MERCHANTS. MALMYZH-

MOSCOW-HARBIN-SAN FRANCISCO

S.V. Korshunov

Abstract: In the report it is told about destiny of one of outstanding graduates of Imperial Moscow technical school – Nikolay Kapitonovich Pafnutieff. He passed a way from a merchant family in the small Russian city of Malmyzhe to professor in prestigious technical college of pre-revolutionary Russia. I emigrated to China after Civil war and taught at Harbin institute of technology. Japanese occupation compelled a family to go to America where Pafnutieff' descendants now live and work. It is necessary to hold in remembrance the Russian scientists.

Key words: merchants Pafnutieff, charity, engineering education, Imperial Moscow technical school, emigration, Harbin institute of technology, San Francisco, descendants, memory.

Знакомясь с судьбами детей купцов, учившихся в Императорском Московском техническом училище и окончивших его, понимаешь, насколько это были талантливые и упорные люди из необычных семей, интересные характеры, прожившие яркие жизни. Увидев, что многие купеческие дети поступали в престижный технический вуз России из глубинки и становились продолжателями купеческой линии семьи или становились известными учеными, инженерами, политическими деятелями, я понимал, что в этом есть определенная закономерность и главным в ней являлась роль самого Императорского технического училища как уникального учебного заведения, дававшего системное инженерное образование, дарующее его обладателю возможность успешно идти по разным жизненным дорогам и преодолевать преграды, возникающие на пути.

В этом году готовится к печати моя книга «Российские купцы и Императорское Московское техническое училище», в которой есть и материал о Стахеевых, окончивших ИМТУ и оказывавших благотворительную помощь в его развитии. Здесь мне хотелось бы кратко рассказать о профессоре Николае Капитоновиче Пафнутьеве, прошедшем трудный жизненный путь в России, Китае и Америке.

В справочнике, который издавался до революции: «Список лиц, окончивших курсы в Императорском Московском техническом училище и высшем Ремесленном учебном заведении с 1845 по 1912 г.» значится, что Николай Капитонович Пафнутьев окончил ИМТУ в 1895 г. по специальности инженер-механик и работал до революции в ИМТУ преподавателем. Родился Николай Капитонович в 1872 г. Там же сказано, что жил профессор Пафнутьев Н.К. по адресу Москва, Гороховская ул., дом Болдырева, кв. 7. Позже я узнал, что он в 1907 и 1916 годах был вместе с К.В. Киршем и

Б.М. Ощурковым (под редакцией профессора В.И. Гриневецкого), переводчиком с немецкого книг известного немецкого инженера из Мюнхена, директора Общества двигателей Гюльднера в Мюнхене Гуго Гюльднера по двигателям внутреннего сгорания.

А еще раньше в 1902 г. он переводил с немецкого книгу А. Ридлера «Машиностроительное черчение: наглядное изложение рациональных основ исполнения чертежей в связи с потребностями практики машиностроения». Переводил он и книгу Э. Йоссе «Современные силовые установки. Техническое и экономическое исследование», 1909 г.

В 1903 г., будучи преподавателем черчения ИМТУ, надворным советником, он по совместительству работал исполняющим дела директора прядильно-ткацкой школы Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности. Н.К. Пафнутьев с 1900 г. являлся членом Учебного комитета ИМТУ, председателем которого был директор ИМТУ А.П. Гавриленко, и в который входили такие известные ученые и профессора, как А.И. Астров, В.И. Гриневецкий, В.Г. Залесский, Н.Е. Жуковский... Николай Капитонович вносил деньги как пожертвования в Общество вспомоществования нуждающимся студентам ИМТУ в 1905-1906 гг.

Николай Капитонович окончил техническое училище вместе с будущим ректором ИМТУ Василием Игнатьевичем Гриневецким, они были знакомы со студенческой скамьи и жили рядом, Гриневецкий – на Гороховской ул., д.29/31.

В.И. Гриневецкий, побывавший после окончания ИМТУ на стажировке в зарубежных университетах и ставший крупным ученым в области теплотехники, в период господства паровых машин активно занимался созданием в ИМТУ автомобильной специальности, закладывал основы будущей научной школы по проектированию двигателей внутреннего сгорания, подбирая и готовя новых специалистов в этой области. По его инициативе в 1906 г. в ИМТУ были созданы первые экспериментальные установки с двигателями внутреннего сгорания и проведено исследование рабочих процессов этих машин. Им создана теория рабочих процессов двигателей внутреннего сгорания и разработаны методы расчета тепловых двигателей. В итоге, в 1906 г. В.И. Гриневецкий создал в ИМТУ первую в мире кафедру «Двигателей внутреннего сгорания». Василий Игнатьевич первым высказал мысль о том, что обязательной частью инженерного образования должно быть экономическое. И обратил внимание на название книги Э. Йоссе – «Современные силовые установки. Техническое и экономическое исследование», т.е. скорее всего Гриневецкий просил Николая Капитоновича перевести эту книгу именно из-за экономического аспекта создания новых двигателей.

В 1914 г. Н.К. Пафнутьев издал в Типолитографии Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о книгу «Машиностроительное черчение и скицирование: пособие для начинающих техников и учащихся», на которую часто ссылаются до сих пор. Я нашел ее по Интернету и выкупил на аукционе в Галерее «Кампа-Арт», чтобы преподнести ее в дар Харбинскому политехническому институту, где после гражданской войны работал Николай Капитонович.

Позже я узнал от Пафнутьевых, живущих в Сан-Франциско, что их дед Аркадий Капитонович был офицером царской армии и в гражданскую войну воевал на стороне белых, отступал на восток с армией Колчака. Его брат, Николай Капитонович, который в это время был в Москве и работал перед Октябрьской революцией в Императорском Московском техническом училище, взяв своего племянника Володю, который родился в 1912 г., вместе с женой брата Евдокией Никитичной и Александрой Александровной Пафнутьевой ушел за братом на Восток. Вся семья оказалась, таким образом, в Китае, в Харбине.

Естественно, с образованием Харбинского политехнического института он становится его преподавателем и профессором. Университет сразу стал заметным в мире высшим учебным заведением. В документах сначала Русско-Китайского техникума, а затем Русско-Китайского политехнического института значится, что Н.К. Пафнутьев там работал с 1921 г. лектором, инженером-механиком по предметам «Черчение», «Детали машин», «Теория механизмов». Позже он стал профессором и заведовал кафедрой прикладной механики электромеханического факультета. Он входил в состав Ученого совета ХПИ. Вот как о нем отзывается один из студентов тех лет В.Г. Мелихов, отец известного китаеведа Георгия Васильевича Мелихова, «Николай Капитонович Пафнутьев знакомил нас с «Деталиями машин». Это был специалист высочайшего класса! Мы признавали это, но предметом не восторгались» [1].

А вот воспоминания выпускника ХПИ 1931 г. В.Д. Прянишникова [2]: «Я с сыновей горячей любовью вспоминаю своих дорогих учителей – профессоров: Л.А. Устругова, А.А. Щелкова, П.Ф. Козловского, С.Н. Петрова, П.Н. Радищева, С.А. Савина, А.Н. Индриксона, Ф.Ф. Ильина, Н.М. Обухова, Н.К. Пафнутьева, В.А. Барри и других, светлый образ которых сохранил до могилы».

В Музее ХПИ есть фотографии старых русских профессоров и среди них – Н.К. Пафнутьев.

После окончательной оккупации Манчжурии японцами в 1935 г. советские служащие КВЖД вынуждены были покинуть Харбин и вернуться в СССР. Но и многие белые эмигранты также покинули ставший им родной город. Большинство уехало на юг Китая – в Шанхай, где японцев пока не было, а затем они разъехались по всему миру. Но самые большие колонии русских из Китая образовались в австралийском Сиднее и в американском Сан-Франциско. В Сиднее до сих пор существует общество выходцев из России, в том числе закончивших Харбинский политехнический институт. Они издают журнал «Политехник», где я прочел их многочисленные воспоминания о годах, прожитых в Харбине и

учебы в ХПИ. Все воспоминания отличаются необычайной теплотой, в них Харбин – это родной русский город, а политехнический институт – любимая alma mater. Это понятно. Ностальгия. Город стал родным для них в труднейшие годы изгнания, для многих это были годы молодости. Ведь Харбин уникальный и единственный для русских город, где они не растворялись в местном населении, как в Париже, Константинополе, Софии, Загребе, Сан-Франциско, а составляли основу населения и определяли облик города. Среди воспоминаний бывших студентов ХПИ я часто встречал фамилию Пафнутьева.

Так, студент первого выпуска Харбинского политехнического института Н.П. Калугин в своих воспоминаниях отмечает, что после отъезда из Харбина, «Н.К. Пафнутьев получил в США все мыслимые для инженера научные степени и звания. ... Николай Капитонович Пафнутьев читал «Детали машин», позднее он уехал в США, был там крупным специалистом в этой области» [3].

И вот в Интернете я нашёл список, захороненных на русском кладбище в Сан-Франциско. Так вот на кладбище в Сан-Франциско похоронен и сам Николай Капитонович (1946 г.), и его младший брат Аркадий (родился в 1883 г.), скончавшийся в 1952 г., племянник Владимир Аркадьевич (1912-1999 гг.), и две женщины: Александра Александровна и жена Аркадия Капитоновича – Евдокия Никитична (1892-1979 гг.) Пафнутьевы.

Вот как вспоминает о Владимире Пафнутьеве шахматный историк Яков Зусманович в своих воспоминаниях о шахматном клубе Сан-Франциско «Под сенью Золотых Ворот»: «Жил в районе залива, постоянно появляясь в клубе, и Владимир Пафнутьев. Имя этого блестящего комбинационного шахматиста российского происхождения, родившегося в Вятке, жившего в Харбине, попавшего в Калифорнию в 1930 году, практически неизвестно в России. А жаль: кроме шахматного, Пафнутьев обладал еще и талантами теннисиста (один из сильнейших в Калифорнии) и певца. По мнению знатоков, его голос не уступал голосу самого Смыслова. Пафнутьев написал очень интересную книгу – "HowtoCreateCombinations – Как создавать комбинации" (HypermodernPress, 1996), которую проиллюстрировал многочисленными примерами из собственного творчества».

В поисках по Интернету я использовал русское написание фамилии – «Пафнутьев». Но когда стало ясно, что он, действительно покинув Харбин, оказался в Америке, я решил поискать его следы, используя английское написание фамилии – «Pafnutieff». Таким способом я набрел на потомков Николая и Аркадия Пафнутьевых. Их оказалось много, но чаще встречалась информация о Georg Pafnutieff. Он оказался сыном Владимира Аркадьевича, племянника нашего Николая Капитоновича. Окончив Академию искусств в Сан-Франциско, он работал системным инженером в Apple Computer, Inc.

В октябре 2014 г. мы с ректором МГТУ им. Н.Э. Баумана, Анатолием Александровичем Александровым были в командировке в Ижевском государственном техническом университете имени М.Т. Калашникова, который имеет филиалы в городах Воткинске и Сарапуле, где работают крупные оборонные заводы. Мы посетили эти два города, познакомились с работой заводов и филиалов технического университета. Особенно интересным оказалось посещение Сарапула. Это старинный купеческий город. Узнав о моем увлечении судьбами купцов и учебой их детей в Императорском Московском техническом училище, нам надарили книгу по истории города Сарапула, о купцах, их жизни и деятельности. Вернувшись в Москву, я первым делом пролистал книги и, сопоставив фамилии известных сарапульских купцов со списком выпускников ИМТУ, сразу обнаружил, что нашим выпускником являлся сын одного из богатейших купцов Сарапула Ижболдина Дмитрия Григорьевича – Григорий.

Позже, читая книгу известного историка, краеведа этих мест Нэллы Павловны Лигенко «Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX-начало XX века» (2001 г.), нашел, что: «Купец К.М. Пафнутьев в 1865 г. положил начало малмыжской городской публичной библиотеке. Он пожертвовал на благо общественного пользования 300 томов». Вот это, да! Ведь это, возможно, отец Николая Капитоновича Пафнутьева! Краевед и историк Вятского края Владимир Константинович Семибратов также пишет о пожертвовании К.М. Пафнутьевым книг родному городу Малмыж.

Поиски в Интернет показали, что Пафнутьевы происходят из Надеждинской волости Малмыжского уезда Вятской губернии. Позже я наткнулся на информацию о том, что купец Капитон Пафнутьев участвовал в Нижегородской ярмарке, арендовал торговое «место в 15 кв. сажень между пряничным и рогожным балаганами» и привозил туда большое количество рогож для упаковки товаров[4].

В поисках информации о семье купцов Пафнутьевых, ранних годах жизни студента ИМТУ Николая я обратился за помощью к директору Малмыжского краеведческого музея Ирине Александровне Трухиной. Работники музея провели большую поисковую работу, и было установлено, что Капитон Мартынович Пафнутьев был дедом Николая и Аркадия. Их отец, Капитон Капитонович, в 1907 г. был владельцем завода сухой перегонки дерева. У них был еще один брат – Валентин.

Купцы Пафнутьевы занимали в Малмыжском уезде высокое положение. Они были потомственными почетными гражданами Малмыжского уезда. И Капитон Мартынович, и его сын Капитон Капитонович, и внуки неоднократно избирались почетными мировыми судьями и гласными от законодательного собрания в Малмыжское уездное земство. Из журналов заседаний Малмыжского уездного земского собрания следует, что в 1909-1912 гг. Аркадий Капитонович был гласным от избирательного собрания. Раньше гласным избирался и брат Валентин Капитонович.

Сотрудники Малмыжского краеведческого музея установили, что у купцов Пафнутьевых было

имение в Малмыжском уезде в Вихаревской волости. В музее имеется книга из библиотеки К.М. Пафнутьева с его подписью. Причем интересно, что книга эта из Библиотеки коммерческих знаний «Товароведение и коммерческая статистика», том II, книга 8, 1839 года издания.

В инвентарной книге краеведческого музея есть запись о том, что Пафнутьевы в 1921-1923 гг. сдали в музей медные и железные пушки (они находятся в экспозиции музея) из своего имения в Вихаревской волости. Это интересный факт, говорящий о том, что в Малмыже в 1920-е годы еще жили Пафнутьевы. Ведь сам Николай Капитонович в 1921 г. уже был в Китае и преподавал в Харбинском политехническом институте. Есть в музее и схемы землевладений купцов Пафнутьевых.

Позже в материале Н.Д. Польшановой «История строительства дома для Вятской публичной библиотеки по проекту А.Л. Витберга» [5] я нашел, что малмыжский купец Мартын Пафнутьев (прадед Николая и Аркадия) жертвовал 2 ящика полубелого стекла на строительство Вятской публичной библиотеки по проекту архитектора Александра Лаврентьевича Витберга, отбывавшего ссылку в г. Вятка с 1835 по 1840 годы. Здание библиотеки должно было быть построено по решению Попечительского комитета городской публичной библиотеки 1837 г., в который в то время входил отбывавший ссылку в Вятке А.И. Герцен. Интересно, что решение о постройке здания библиотеки, в конечном счете, принимал гражданский губернатор Александр Алексеевич Корнилов, брат героя обороны Севастополя, адмирала Владимира Алексеевича Корнилова. В силу целого ряда обстоятельств, здание для публичной городской библиотеки в г. Вятка по проекту академика А.Л. Витберга так и не было построено. Тем не менее, когда в 1848 г. вторично возникла возможность постройки здания и вновь собирались пожертвования, купец М. Пафнутьев внес 43 рубля серебром.

Поездка в Малмыж летом 2015 г. показала, что в деревнях Таушево и Моторки живут потомки купцов Пафнутьевых, в селе Моторки был их большой двухэтажный кирпичный дом с магазином. Похоронен Мартын Пафнутьев и те, кто остался после революции в России, на кладбище поселка Кильмезь.

На примере жизни Николая Капитоновича, который из небольшого, далекого, «богом забытого» городка в Вятской губернии Малмыж поступил в лучший технический вуз России – Императорское Московское техническое училище, еще раз убедился, что этому способствовала обстановка в купеческой семье, отношение родителей к образованию своих детей. У Капитона Мартыновича была дома хорошая библиотека, возможно, детям брали учителей. А в самом городе Малмыж в 1927 г. было открыто мужское приходское училище, а в 1838 г. – уездное училище Министерства народного просвещения, преобразованное со временем в Александровское высшее трехклассное начальное училище. В 1875 г. местным земством открыта ремесленная школа, т.е. в городе существовала система начального и среднего образования. Усилиями знаменитого земца Председателя Вятской губернской земской управы Авксентия Петровича Батуева, из купеческой семьи, окончившего юридический факультет Казанского университета, в городе были организованы книжные склады, массовые «Батуевские библиотеки», стала издаваться первая бесплатная «Вятская газета», созданы в Малмыже и других городах образовательные учреждения. К концу XIX века Вятская губерния вышла на одно из первых мест по образованности населения в Российской империи [6]. В первые годы после преобразования Ремесленного учебного заведения в Императорское Московское техническое училище были учреждены ряд стипендий, и не случайно, что одна из них для трех получателей была установлена Малмыжским земством.

Вернусь к годам жизни Николая Капитоновича в Соединенных Штатах Америки и его потомкам, проживающим сегодня в Сан-Франциско.

Я нашел координаты Джорджа Пафнутьева, который работает заместителем директора Института анимации и визуальных эффектов в Академии искусств Университета Сан-Франциско. Он с коллегами поставил в 2012 г. цифровой фильм «Руслан и Людмила». Позже к нашей переписке подключилась сестра Джорджа – Мария Владимировна. Она также живет в Сан-Франциско, вышла замуж за священника Кафедрального Собора иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» Сергея Котара, поддерживает очень хороший русский язык.

В заключении, анализируя удивительную жизнь Николая Капитоновича Пафнутьева, с сожалением отмечу, что его вклад в развитие ИМТУ в начале XX века, его роль в становлении новой для России специальности, связанной с проектированием двигателей внутреннего сгорания, недооценены. Причин этому много: Октябрьская революция, гражданская война, купеческое происхождение, его отъезд в эмиграцию в Харбин, годы жизни в Америке. И с благодарностью к организаторам Стахеевских чтений отмечу, что на страницах этого сборника в какой-то степени удастся восполнить пробел в отношении этого замечательного человека, прожившего непростою, но очень интересную жизнь в России и на чужбине.

Список литературы

1. Мелихов Г.В. Белый Харбин: середина 20-х. – М.: Русский путь, 2003. – 440 с.
2. Прянишников В.Д. Дальнейшая судьба ХПИ // Политехник. – Сидней, 1979. – № 10. – С. 36-37.
3. Калугин Н.П. Юбилейная дата Харбинского политехнического института // Политехник. – Сидней, 1972. – № 4.

4. Обухова Г.И. Купцы Вятской губернии на Нижегородской ярмарке в первой половине XIX в. // Герценка: Вятские записки. Вып. 8. –Киров: ОУНБ, 2005. – 211 с.
5. Попыванова Н.Д. История строительства дома для Вятской публичной библиотеки по проекту А.Л. Витберга: док.очерк // Герценка: вятские записки. – Киров, 2011. – Вып. 19.
6. Балыбердин Ю.А. Выдающийся вятский земец // Высшее образование в России. – 2007. – № 2. – С. 156-159.

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ И КАДРОВЫЕ УСЛОВИЯ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СТАЛИНСКОЙ МОДЕЛИ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ
МАЛОГО ГОРОДА В 1930-Е ГОДЫ

Л.А. Котлова

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: В статье на примере города Елабуги представлены материально-технические и кадровые условия функционирования сталинской модели школы. Выявлены причины слабой материально-технической базы.

Ключевые слова: город, сталинская модель школы, идеология, советский учитель, стабильные учебники.

MATERIALLY-TECHNICAL AND STAFFING CONDITIONS FOR THE
FUNCTIONING OF THE STALINIST MODEL OF SCHOOL IN A SMALL TOWN IN
THE 1930S

L.A. Kotlova

Abstract: The article on the example of the city of Elabuga outlines the manufacturing of a small city, it reveals the state of education in Elabuga. The reasons for the weak material and technical base, the state of schools with the necessary school equipment are revealed. The school staff is analyzed.

Keywords: a town, the Stalinist model of school unification, ideologisation, a Soviet teacher, stable textbooks.

Переосмысление опыта истории отечественной школы советского периода на примере одного российского города в новых социально-экономических условиях обновляющейся России позволяет понять, какой путь прошла отечественная школа, функционировавшая в жестких идейно-политических рамках. 1930-е годы ознаменовали собой построение сталинской модели школы, правовую основу которой составили целый ряд партийно-правительственных решений, принятых в первой половине десятилетия, и окончательно закрепивших процесс унификации всей системы народного образования на территории СССР, что и определило одну из главных тенденций в развитии школьного образования в советский период. Постановления пересматривали целый комплекс вопросов организации народного образования. Аграрная страна, с преобладанием сельского населения, ставшая на путь индустриализации должна была в кратчайшие сроки совершить скачок в экономическом развитии. Модель сталинской индустриализации и коллективизации потребовала колоссальной мобилизации человеческих и материальных ресурсов и резко обострила потребность в квалифицированных кадрах для различных отраслей народного хозяйства. Для советской школы рассматриваемого периода, которую на наш взгляд, можно характеризовать как «сталинская модель» характерны моноидеология, складывающаяся структура средней школы, содержание и методы общего и политехнического образования, предметное преподавание, обновленные учебные планы и программы, «стабильные» учебники, образ советского учителя и т.д. Центральное место в деятельности школы на ближайшую перспективу должна была занять ликвидация «коренного недостатка» школы, заключавшегося в том, «что обучение в школе не дает достаточного объема общеобразовательных знаний и неудовлетворительно разрешает подготовку для техникумов и для высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук...»[2]. Тем самым был взят курс на развертывание десятилетней общеобразовательной политехнической школы. Фундаментальной основой образовательного процесса становится «знаниевая парадигма» развития. Творческие поиски педагогов прошлого десятилетия, ориентированные на идеи передовой западной педагогики, направленные на демократизацию школьной жизни были свернуты. Первостепенные образовательные задачи были нацелены на ликвидацию неграмотности взрослого населения и осуществление всеобщего начального образования детей и переход к семилетнему образованию.

В школьной сети страны в данный период преобладали начальные школы. По состоянию на 1934/1935 учебный год в Советской Татарии насчитывалось 3175 начальных школ [5]. В г. Елабуга

Татарской АССР, который можно отнести к малым городам, в начале рассматриваемого периода проживало более 12.500 человек. В городе действовало 13 предприятий. Крупнейшим промышленным предприятием с численностью рабочих около 150 человек, был бывший колоколомедельный завод, в годы индустриализации, перепрофилированный в механический. Здесь вместо колоколов наладили производство и ремонт простейших сельхозмашин. Еще с прошлого десятилетия в городе и уезде действовали промысловые артели и коммуны «Смычка», «Ауче» и «Ударник», городской электропровод, машинно-тракторная станция, городская электростанция, ремонтная мастерская, кирпичный завод, известковое производство, кузница, типография, мельница, рыбозавод, рыболовецкая бригада. Ячейка Всероссийского общества слепых, производила веревочные изделия и корзины. С открытием электростанции на базе заготзерно, получает развитие энергетика. Начинает свою работу маслозавод. В 1935 г. в районе имелось 56 тракторов, 8 комбайнов, 16 грузовых автомобилей. В городе действовали завод железобетонных изделий, два асфальтовых завода, фабрика школьной мебели, маслозавод [7]. Особенностью промышленных предприятий города была малочисленность рабочих. Производственные коллективы вряд ли могли оказать серьезную материальную поддержку школам.

В 1933/1934 учебном году в Елабуге и Елабужском районе насчитывалось 113 школ. Основным типом школ была начальная. Школьная сеть города включала 4 начальные школы, 2 – семилетние. В единственной в городе и районе средней школе им. Ленина в начале 1933/1934 учебного года обучалось 448 учащихся. Как и в целом по стране, продолжился процесс преобразования начальных школ в неполные средние (семилетние) школы [8].

Сложные социально-экономические условия функционирования школьного образования обусловили слабую материально-техническую базу школьного образования города и села. Опыт Елабуги наглядно иллюстрирует это обстоятельство. В связи с наступившим в 1933/1934 гг. голодом и падением уровня жизни населения правительство страны, местные органы власти предпринимали решительные меры, предусматривавшие создание при школах собственной продовольственной базы и развитие личных огородов учителей. Колхозы и совхозы должны были оказывать помощь учителям в их обработке, снабжать семенами, выделять необходимый инвентарь. В 1933/1934 учебном году общая площадь пришкольных участков в школах города составила 52,25 га. Земельный участок городской школы в среднем достигал размеров от 2 до 5 га. В основном школьники выращивали картофель, пшеницу, рожь, просо и гречиху. К примеру, в том же году городские школьники собрали 65,8 центнеров картофеля. Вся произведенная продукция использовалась для организации школьных горячих завтраков и обедов. Однако они были организованы не во всех школах [8].

Насущные вопросы школьной жизни были связаны с нехваткой помещений. Все городские школы работали в две смены. К примеру, в 1937/1938 учебном году в городе при требуемых 65 классных комнатах, имелось только 35. Многие классные помещения были непригодны для занятий, что повлекло за собой трехсменные занятия в школах им. Свердлова и им. Вахитова [2]. Отсутствовали водопровод и канализация, отопление было печным. Острой проблемой на протяжении всего рассматриваемого периода была несвоевременная заготовка и хроническая нехватка топлива, поэтому существенным показателем готовности школы к очередному учебному году была обеспеченность топливом. Из года в год местная районная газета «Сталинский путь» сообщала о запаздывании с их доставкой, что приводило к повсеместным и частым срывам занятий в зимний период.

Большинство школьных зданий требовало капитального ремонта. Несвоевременное финансирование приводило к запаздыванию ремонтных работ. Накануне 1938/1939 учебного года из ассигнованных на ремонт 45000 руб., райфинотдел отпустил только 18000 руб., горфинотдел вместо положенных 50000 руб., выдал 4000 руб. В том же году для школьной сети города и района требовалось дополнительно 948 новых парт, было изготовлено лишь 200. Подлежали ремонту 1300 парт, отремонтировано - 465. Классных досок требовалось 82, было в наличии – 23 [2]. Достоверные данные о строительстве новых школьных зданий в городе отсутствуют. По сообщениям местной печати в сельской местности были введены в строй две новые школы (в селе Утяганово и деревне Поташево).

Со стороны педагогической общественности поступали сигналы о плохом обеспечении учебным оборудованием и наглядными пособиями. Районная газета «Сталинский путь» сообщала, что в ряде школ «из-за отсутствия приборов для проведения опытов, материал по физике и химии преподносится сухо. Других наглядных пособий тоже нет» [2]. Трудности возникали с обеспечением новыми «стабильными» учебниками, которые вводились с 1933 г.. Особую тревогу педагогов вызывало плохое снабжение учебниками по истории. Гражданская история как самостоятельный учебный предмет была включена в учебный план школы в 1934 г., до этого преподавалось лишь обществоведение. По данным Елабужского РОНО, преподавание истории в районе было сопряжено с трудностями, связанными с нехваткой учебников и пособий. «Нет ни учебников, ни пособий. Учителя с трудом припоминают, что они учили сами и стараются передать это ребятам» [2].

Наряду с тревожными сообщениями о состоянии школ, районная газета сообщала о положительных примерах отношения руководителей школ и педагогов к порученному делу: «В школе им. Ленина в светлых и чистых классах по стенам развешаны географические карты и другие наглядные пособия. Парты выкрашены масляной краской, стены побелены. Для физической лаборатории закуплено различных приборов на 2,5 тыс. руб. Обеспечена школа и бумагой – на каждого учащегося имеется уже

по 12 тетрадей. Дрова заготовлены» [8].

Сталинская модель школы формировала новый облик учителя. Еще в начале 1930-х годов общие настроения советских учителей выразил «главный идеолог» партии А. Жданов. Докладывая Сталину, он говорил: «Мы знаем, что очень большое количество педагогов не разделяет взглядов коммунистов» [1]. В этих условиях главным качеством педагога и отражением его профессионализма были политическая лояльность к власти и общественная активность учителя. В рассматриваемый период роль советского учителя неизмеримо возросла. С 1930/1931 до 1936/1937 учебный год число учителей в стране возросло с 481286 до 858845. Особенно разительным был рост количества учителей средней школы. В 1930/1931 учебном году в средних школах СССР насчитывалось 17,9 тыс. учителей, а в 1936/37 учебном году – уже 202,7 тыс. [4]. Советский учитель предвоенного времени – это педагог преимущественно со средним специальным образованием, наличие которого давало право преподавать в начальной и семилетней школе. Немаловажное значение в подборе школьных кадров имело социальное происхождение. Государство проводило политику, направленную на повышение социального статуса учителя и его нравственного авторитета в обществе.

В 1933/1934 учебном году в 113 школах города и района трудилось 427 педагогов. Из них: 97 – в 6 городских школах, 330 – в 107 сельских. По социальному положению преобладали дети рабочих и крестьян, 6 педагогов состояли в рядах ВКП (б). В учительской среде численность женщин была в 2 раза больше, чем мужчин. Дефицит подготовленных педагогических кадров носил затяжной характер. В 1933/1934 учебном году основная часть учителей города и района не имела высшего педагогического образования. Подготовленных учителей не хватало не только для средней и семилетней, но начальной школы. 49 учителей начальных классов не имели педагогического образования совсем [9]. Имело место несвоевременная явка учителей на работу. Снять остроту кадровой проблемы помогали ускоренные курсы подготовки, проходившие на базе Елабужского педагогического техникума. К примеру, в феврале 1935 г. в Елабуге прошли 8-дневные курсы для учителей, не имеющих семилетнего образования. Под особым контролем Елабужского райкома партии и РОНО находилась идеологическая работа в школах, отмечалось, что «недостаточно работают учителя над повышением своего идейно-политического уровня» [7].

К концу 1930-х годов по-прежнему учительские коллективы города были укомплектованы не полностью. Нехватка квалифицированных педагогов неизбежно приводила к привлечению неподготовленных кадров. Популяризации профессии учителя в районе и заметному улучшению кадрового состава школьного образования, способствовало открытие в Елабуге в 1939 г. Учительского института. Лучшие учителя Елабужского района в летние каникулы того же года были премированы путёвками в Москву, Ленинград и на родину Сталина – грузинский город Гори. К началу 1940/1941 учебного года кадровый вопрос сохранял свою остроту. К примеру, школе им. Свердлова дополнительно требовалось 5 учителей.

Таким образом, рассмотрение опыта деятельности советской школы в 1930-е годы на примере малого города позволяет сделать вывод о том, что ключевые направления работы школ были обусловлены сложными социально-экономическими условиями, в которых находилось местное население. Типичные трудности в работе школ были связаны с бедной материально-технической базой школьного образования. Школьное дело осложнялось нехваткой квалифицированных кадров.

Список литературы

1. Архивный отдел Исполкома Елабужского муниципального района РТ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 12.
2. Архивный отдел Исполкома Елабужского муниципального района РТ. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 1.
3. Архивный отдел Исполкома Елабужского муниципального района РТ. – Ф. 1. – Д. 1. – Л. 1.
4. Архив МУ «Управление образования Елабужского муниципального района». – Книга приказов № 1 по Елабужскому РОНО с 2 октября 1933 по 21 августа 1936 г. – Л. 29.
5. Днепров Э.Д. Образование и политика. Новейшая политическая история. – Т.1. – М., 2006. – С.68
6. Котлова Л.А. Школьное образование в Елабуге. Часть I. 1931-1970. – М., 2013. – С. 56.
7. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. 1917-1973 гг.: Сб. документов / Под ред. А.А. Абакумова. – М., 1974. – С. 157.
8. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1917-1941 гг.) / Под ред. Н.П. Кузина. – М., 1980. – С. 271.
9. ТАССР. XVI Всероссийский съезд Советов. Отчёт Татарской республики. Доклад т. Байчурина // Сталинский путь. – 1935. – №31. – С. 2.

УЧАСТИЕ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ КАЗАНСКОГО ОКРУГА В НАУЧНО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ВЫСТАВКАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

И.Е. Крапоткина

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: В статье показано участие учебных заведений Казанского округа в научно-промышленных выставках, проводившихся в Российской империи на рубеже XIX – XX в. Охарактеризованы направления научно-промышленных выставок.

Ключевые слова: Казанский учебный округ, учебные заведения, научно-промышленные выставки, социокультурная среда.

PARTICIPATION OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE KAZAN DISTRICT IN SCIENTIFIC AND INDUSTRIAL EXHIBITIONS OF THE END OF XIX – THE BEGINNINGS OF THE XX CENTURY

I.E. Krapotkina

Abstract: Participation of educational institutions of the Kazan district in the scientific and industrial exhibitions held in the Russian Empire at a boundary of the XIX-XX century is shown in article. The directions of scientific and industrial exhibitions are characterized.

Keywords: Kazan educational district, educational institutions, scientific and industrial exhibitions, sociocultural environment/

В современном обществе возрос интерес к истории организации и проведения Всероссийских и Международных выставок, так как выставочное дело – эффективный ресурс для проведения социокультурных исследований.

В XIX – начале XX в. распространенным явлением была организация и проведение промышленных и научно-промышленных выставок. Важным аспектом выставок была демонстрация научно-технических достижений. В стороне не оставалось и учебное ведомство. Попечители Казанского учебного округа выходили с циркулярными предложениями в адрес Дирекций округа, привлекая к участию в выставочном деле учащихся и учащихся вверенных учебных заведений.

В 1890 г. в Казани проходила научно-промышленная выставка, в которой активное участие приняли народные училища Елабужского уезда. В частности, инспектор народных училищ Владислав Ислентьев составил каталог предметов, которые были направлены для выставки в школьный отдел [1].

По сообщению В. Ислентьева, школьный отдел Елабужского уезда занимал – «2 окна, 2 простенка, 4 подвижных щита, один трёхсторонний щит, большую восьмигранную витрину № 12, две высокие круглые этажерки №№ 11 и 13, и 3 особые подставки, состоит из 23 самостоятельных групп, которые в общем представляют картину деятельности начальной народной школы и знакомят обозревателя выставки с некоторыми из внеклассных занятий учителей и учительниц. В составе елабужского школьного отдела, кроме наглядных пособий по различным предметам начального обучения, классной обстановки, организации учебно-воспитательного дела, письменных работ учащихся и школьной статистики, входят ещё три особые отделения, именно: обучение женским рукоделиям, пчеловодство и археология» [1, с. 3-4]. Далее инспектор отмечал, что «посетитель выставки встретит здесь самые обыкновенные, самые простые пособия, без всякой претензии на оригинальность, выставленные с единственной целью показать неопытным учителям и учительницам – на что они, в кругу своей деятельности, должны обращать внимание, каким путём они могут достигнуть более прочных результатов по преподаванию того или другого предмета, к чему, наконец, эти новички в деле обучения должны направлять свои стремления. Из обозрения выставленных пособий они будут в состоянии вывести заключение о недостатках своего преподавания, о пробелах в их педагогической практике, и если воспользуются хотя некоторой долей предлагаемых им советов и указаний, то и тогда цель выставки елабужского школьного отдела можно считать достигнутой» [1, с. 4].

Все выставленные в елабужском школьном отделе предметы планировалось передать в дар Педагогическому музею Казанского учебного округа. Исключение составили лишь следующие предметы: археологическая коллекция (принадлежащая учителю Рязанцеву), пчеловодная библиотека, вафельница Ритше (для приготовления искусственной вошины); женские рукоделия, книги в рукописи и некоторые документы.

Планировалось, что с открытием Казанской выставки елабужский школьный отдел будет открыт для посетителей «ежедневно с 11 ч. утра до 2 час. по полудни и с 4 до 6 час вечера». С вопросами, все кто интересовался выставочным материалом, могли обратиться к находящейся при школьном отделе учительнице Елабужского уезда Селезнёвой. Учительница могла также объяснить, как осуществляется производство некоторых рукодельных работ, как-то: «плетение кружев при помощи коклюшек,

различного рода вязание, вышивание, плетение поясов в бутылке и на корточках. Кроме неё, в течение июня, июля и августа время от времени будут делать демонстративные объяснения в школьном отделе выставки – учитель-пчеловод Краснопёров – по рациональному ведению пчеловодства и устройству ульев, и учительница Елабужского женского училища Сафанеева – по изготовлению искусственных цветов из папиросной бумаги, шёлковой материи, бархата, воска и других материалов» [4, с. 5]. Приведённый выше материал наглядно демонстрирует, какие были увлечения среди учителей и учительниц. Кроме того, данные навыки преподаватели прививали и своим ученикам.

Школьный отдел Елабужского уезда был сформирован на средства частных лиц: потомственный почётный гражданин Иван Григорьевич Стахеев пожертвовал 50 руб. на оплату издержек по изготовлению картона для таблиц и различные мелкие расходы, Фёдор Прохорович Гирбасов дал 25 руб. учительницам Елабужского земского женского училища на рукодельные работы, Сюгинский стекольный завод Александра Александровича Лебедева, в лице управляющего заводом Сергея Александровича Шишкова и смотрителя завода Михаила Мартиниановича Шмелькова, пожертвовал стекла для витрины, Александровское ремесленное училище в Елабуге сделало бесплатно модель городского училищного дома и школьный железный вентилятор; около 150 руб. внёс лично инспектор народных училищ Владислав Ислентьев. Обстановка елабужского школьного отделения и все учебные пособия доставлены на казанскую пристань безвозмездно на пароходе мануфактур-советника Петра Капитоновича Ушкова, который также ассигновал 100 руб. на издание 1 000 экз. справочной брошюры по выставке [4, с. 6].

Наиболее активно Казанский учебный округ принимал участие в выставочном деле в период попечительства Н.К. Кульчицкого, возглавлявшего Управление с 27 февраля 1912 г. по 30 июня 1914 г. Результаты, достигнутые при нем, явились значительными, примером тому служит участие Управления округа в двух Всероссийских выставках.

Государственной Думой и Государственным Советом был принят законопроект, согласно которому в 1913 г. в Петрограде планировалось провести Всероссийскую Гигиеническую выставку с участием школ. Основная цель проведения данного мероприятия – решение проблем, связанных с охраной здоровья народов России. При этом особое внимание должно было быть уделено вопросам школьной гигиены [5, л. 24]. От учебных заведений округа Н.К. Кульчицкий попросил предоставить достойные экспонаты (фотографии, планы, модели, наглядные материалы, муляжи и т.д.) и сведения следующего содержания:

- осуществление строительства школ;
- обстановка и освещение класса;
- преподавание гигиены;
- физическое развитие и заболеваемость учащихся;
- физическое воспитание;
- поддержание чистоты в школе;
- завтраки учащихся и качество воды;
- постановка и деятельность врачебно-санитарного надзора;
- специальная медицинская помощь учащимся;
- гигиена преподавания и школьного режима;
- школьные пансионы и интернаты;
- гигиена учителя [5, л. 25].

На Гигиенической выставке в Петрограде Казанскому Учебно-окружному центру была присуждена высшая награда – почетный диплом «За выдающуюся постановку физического воспитания учащихся в учебных заведениях округа» [3, с. 239].

С 14 мая по 1 октября 1913 г. в Киеве проходила Всероссийская выставка, при которой был организован отдел научный и учебно-образовательный. Предполагалось, что учебные заведения Казанского учебного округа также примут активное участие в работе данной выставки. Все учебные заведения округа, желающие принять участие в выставке, должны были отправлять экспонаты непосредственно в Киев, предоставив заявление на участие и список [1, л. 1-7]. Но не все учебные заведения согласились принять участие в выставке, фраза в ответных отношениях администрации учебного округа стандартная «за неимением достойных экспонатов».

По итогам выставки Управлению округа была вручена «Большая золотая медаль («За правильную постановку дела в Педагогическом музее при Управлении учебного округа, за издательскую деятельность округа и за хорошую постановку в округе технического, художественного образования и физического воспитания»), а отдельным учреждениям и учебным заведениям округа, участвовавшим в выставке, четыре большие и две малые золотые медали, девять больших и десять малых серебряных медалей, пять бронзовых медалей и десять похвальных листов» [6, с. 693].

В августе 1914 г. в Казани состоялась общая показательная областная выставка работ учащихся Казанского учебного округа. Циркулярным предписанием попечитель округа Н. Кульчицкий уведомил учебное руководство о следующем: «В виду особенного интереса, наблюдаемого и в педагогическом мире, и в обществе к вопросам эстетического воспитания и образования среди учащихся, Казанский учебный округ предполагает осенью 1914 года устроить в Казани общую показательную областную

выставку работ учащихся, обнимающую все виды преподавания рисования в связи с художественным воспитанием. Подобная выставка может оказать большую помощь в деле улучшения постановки преподавания этих предметов, т.к. может дать прекрасный материал, освещающий методы и системы преподавания и, несомненно, вызовет живой обмен мнений и впечатлений среди руководителей этих предметов. Громадное значение ученических художественных выставок в настоящее время признано известными авторитетами эстетического воспитания, а также за устройство подобных показательных периодических выставок высказался в своей секции преподавания графических искусств в школе Всероссийский Съезд художников, состоящий под Высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством» [2, л. 2].

В программу экспонатов должны были войти следующие предметы: рисование, лепка, резьба по дереву, художественный ручной труд, рукоделие и другие виды профессионального образования. Учреждения, пожелавшие принять участие в данной выставке, должны были придерживаться ряда условий: «в первую категорию ученических работ должны быть включены произведения, характеризующие систему преподавания, при чем желательно, чтобы в этой коллекции, среди других работ, имела серия произведений одного учащегося, охватывающая несколько лет его обучения.

Сюда же относится и подробная объяснительная записка о системе преподавания с указанием, какое место занимают в этой системе выставляемые работы и времени, сколько потрачено на ее исполнение; во вторую категорию должны войти лучшие работы учеников, выполненные в школе и дома, но отнюдь не могут быть допускаемы на выставку копии со всевозможных произведений, так как при копировке теряется индивидуальность ученика, а также абсолютно затемняется педагогическая деятельность руководителя.

В число работ второй категории может войти композиция и вообще труды учащихся, в основу которых вошло творчество. Желательно участие в этой выставке по возможности всех учебных заведений средней школы и особенно женских гимназий и профессиональных школ, т.к. у них композиция и творчество являются связующим элементом рисования с рукоделием» [2, л. 2-об.].

Однако основная масса учебных заведений Казанского округа отказалась принять участие в данной выставке, сославшись на то, что нет необходимых материалов, или данные учебные предметы не велись должным образом в учебном заведении, из-за частой смены учителей. Инспектор 1-го района Елабужского уезда К. Энтлик отмечал в ответном письме директору народных училищ Вятской губернии: «Во исполнение предложения от 2-го апреля т.г. за № 4349, честь имею уведомить Ваше Превосходительство, что на выставку в гор. Казани могут быть представлены работы учеников II-го класса Можгинского училища по лепке. По моему предложению учителем Бердниковым составлена коллекция работ, характеризующая систему преподавания: в нее входят работы учеников нескольких выпусков.

Коллекция состоит из следующих отделов:

1) Овощи и плоды: яблоко, репа, огурец, стручок гороха, картофель, белый гриб, гриб-мухомор и другие.

2) Геометрические тела: куб, правильная четырехугольная призма, правильная трехугольная призма, правильная шестиугольная призма, наклонная четырехугольная призма, пирамиды, конусы, цилиндр и шар.

3) Предметы: домик, часовня, дерево с дуплом, валенки, револьвер, чайник и др.

4) Птицы: лебедь, гусь, утка, петух.

5) Животные: лошадь (Росинант), корова, зебу, медведь, лиса, куница, заяц, лось, олень, крокодил.

6) Животные до-потопные: мамонт, бронтозавр, ихтиозавр, игуадон.

7) Человек: торговец рыбой, девушка с кувшином, статуя фараона, негр и др.» [2, л. 65-об.].

Выставочный материал демонстрировал, на каком уровне ведётся преподавание отдельных предметов в учебных заведениях того или иного учебного округа, насколько отводилось место наглядности на уроках. Участие учебных заведений Казанского округа в различного уровня выставках – это показатель организации учебно-воспитательной работы администрации учебного ведомства и социокультурного развития самого округа. Учебные отделы становились местом повышения квалификации преподавателей, просвещали в сфере народного образования и просвещения не только специалистов, но и простую публику.

Список литературы

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО). – Ф. 205. – Оп. 4. – Д. 3081. – 52 л.
2. ГАКО. – Ф. 205. – Оп. 4. – Д. 3149. – 91 л.
3. Из жизни Казанского учебного округа // Вестник образования и воспитания. – 1914. – № 2.
4. Ислентьев В. Каталог предметов, выставленных инспектором народных училищ Елабужского уезда в школьном отделе состоящей под покровительством Его Императорского Высочества, государя наследника цесаревича, Казанской научно-промышленной выставки 1890 г. / Составил инспектор народных училищ Елабужского уезда Владислав Ислентьев. – Казань: Типография Императорского

Университета, 1890. – 135 с.

5. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). – Ф. 160. – Оп. 1. – Д. 1626. – 109 л.

6. Николай Константинович Кульчицкий // Вестник образования и воспитания. – 1914. – №№ 7-8.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СИБИРСКОГО СЕЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПИТАНИЕ В СЕЛЕ УСТЬ-ПУСТЫНКА КРАСНОЩЕКОВСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации»

А.С. Кузнецов, Д.С. Огнев

АлтГПУ, г. Барнаул

Аннотация: В статье рассматривается проблема обеспечения питанием сибирской деревни в годы Великой Отечественной войны на примере села Усть-Пустынка Краснощековского района Алтайского края. Авторы используют теоретико-методологические наработки истории повседневности, этнографии и устной истории для исследования данного вопроса.

Ключевые слова: Междисциплинарный подход, история повседневности, этнография, устная история, культура жизнеобеспечения, Великая Отечественная война, повседневность сибирской деревни.

DAILY OCCURRENCE OF THE SIBERIAN VILLAGE IN DAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: FOOD IN THE UST-PUSTYNKA VILLAGE OF THE KRASNOSHCHKOVSKY REGION OF ALTAI KRAI

A.S. Kuznetsov, D.S. Ognev

Abstract: The problem of providing the Siberian village with food in days of the Great Patriotic War on the example of the village of Ust-Pustynka of the Krasnoshchekovsky region of Altai Krai in article is considered. Authors use teoretiko-methodological practices of history of daily occurrence, ethnography and oral history for research of this subject.

Keywords: Interdisciplinary approach, daily occurrence history, ethnography, oral history, culture of life support, Great Patriotic War, daily occurrence of the Siberian village

Длительное время историческая наука делала ставку почти исключительно на так называемые объективные и надындивидуальные источники. Во второй половине XX века под влиянием антропологического переворота происходит формирование таких отраслей исторического знания, как история повседневности, военно-историческая антропология, гендерная история, устная история и другие, которые, в первую очередь, опираются на междисциплинарный подход в исследовании прошлого. Изучение событий Великой Отечественной войны в русле междисциплинарного подхода позволяет взглянуть на военные годы под иным ракурсом. В данной публикации авторы используют теоретико-методологические наработки истории повседневности, этнографии и устной истории.

История повседневности – новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности комплексное исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения [7]. В данном случае является предметом исследования повседневность сибирской деревни в годы Великой Отечественной войны.

В этнографии авторы опираются на теорию культуры жизнеобеспечения. Термин «культура жизнеобеспечения» был введен в совместных работах С.А. Арутюнова, Э.С. Маркаряна и Ю.И. Мкртумяна и пережил некоторую эволюцию. В монографии, вышедшей в 1982 году, авторы отмечают, что «основными составляющими культуры жизнеобеспечения (КЖ) выступают жилищно-поселенческий комплекс (ЖПК), комплекс питания (КП) и комплекс одежды (КО)» [4, с. 55]. В работе, опубликованной в 1989 году, вышеупомянутый авторский коллектив несколько расширяет понятие культуры жизнеобеспечения: «...культура жизнеобеспечения – та часть культуры, которая непосредственно направлена на поддержание жизнедеятельности ее носителей» [3, с. 201]. А в учебнике «Культурная антропология», вышедшем в свет в 2004 году, Сергей Александрович Арутюнов конкретизирует рассматриваемый термин, включая в него и транспорт: «Культура жизнеобеспечения – это потребление продукта, и главные из ее сфер – пища, жилище, одежда, а также транспорт, другие сопутствующие области потребления» [2, с. 78-79]. Авторы в данной публикации опираются на

последнее определение термина.

Поскольку особенности культуры жизнеобеспечения сельского русского населения сибирской тыловой деревни слишком обширны, мы обратимся только к питанию как части культуры жизнеобеспечения.

Вопросы питания, обеспечения жилищем, одеждой мало или совсем не отражены в фондах государственных архивов. Как отмечает Т.К. Щеглова, «эта информация хранится в коллективной и индивидуальной памяти очевидцев военной поры. Историками уже упущено время фиксации жизненного эмпирического опыта. Ушло из жизни поколение 1900-1910-х г.р. Остались единицы трудоспособного поколения 1920-х г.р. Быстро уходит поколение детей войны 1930-х г.р. Необходимо торопиться с созданием новых источников, основанных на мобилизации исторической памяти» [9, с. 591]. Технология устной истории посредством интервьюирования участников изучаемых событий позволяет решить проблему «источникового голода». «Устная история предоставляет источниковую базу о базовых элементах культуры жизнеобеспечения, к которым относились жилище, пища, одежда и о периферийных элементах, к которым автор относит санитарно-гигиену, отопление и топливо, народную медицину и другие элементы, которые в совокупности с базовыми составляли систему жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни» [9, с. 593].

Целью данной работы является попытка обобщения результатов исследования адаптации к военным условиям сельского русского населения села Усть-Пустынка Краснощековского района Алтайского края историко-этнографической экспедицией АлтГПУ 10-15 июля 2015 года.

В ходе исследования было опрошено 8 респондентов 1929-1939 годов рождения, которые в период Великой Отечественной войны в детском и подростковом возрасте были поставлены в условия выживания и приспособления к экстремальным условиям. Для военного времени очень сложно провести грань между детским и подростковом возрастом. Дети уже с 10-11 лет привлекались к колхозным работам, а с 13-14 лет становились такими же работниками колхоза, как и взрослые. Также в Усть-Пустынке наблюдался уникальный случай – там проживала целая семья братьев и сестер из категории «детей войны». Это позволило авторам сравнить и сопоставить воспоминания членов данной семьи. Респонденты старше 1929 года рождения в исследуемом селе отсутствовали.

На основании анализа материалов интервью авторы приходят к выводу, что в период Великой Отечественной войны у жителей села Усть-Пустынка меняется традиционная система питания. Как отмечает Т.К. Щеглова, «в годы войны наблюдалось вытеснение основных элементов культуры жизнеобеспечения на периферию и, наоборот, периферийных, вспомогательных элементов в центр системы жизнеобеспечения крестьянской семьи». Хлеб из главного продукта питания уходит в разряд второстепенных, праздничных, а такие продукты, как картофель или тыква занимают его место. Респонденты говорят об этом так: «Я помню до войны блины, а потом, что такое хлеб знать не знали... У мамы вот девятьсот трудней выработки за год. Девятьсот трудней – полмешка пшеницы заработала. На горб и на мельницу – три километра – молоть. Вот шо-нибудь по праздничкам испечет, а так картошка, картошка, картошка. Женщины пожилые: «О-о-ой! Разьебит твою мать! Дожить бы до тыквы! Больше ни чё не и не надо. Дожить бы до тыквы!» Сестра деда моего охотника – бабка Ефросинья: «А-а-а! Разьебит твою мать! Дожить бы до тыквы. Это же будет праздник». Тыква является объемным и сытным продуктом, что позволяет не только наесться, но и расширить, разнообразить рацион питания. Также тыква выполняла другую функцию – она заменяла конфеты, которых негде и не на что было купить. Респонденты отмечали, что пропаренная в русской печи тыква становилась сладкой.

Проблему отсутствия хлеба и поиска других продуктов питания отмечают и другие респонденты: «А чем питались? Хлеба не было вообще. Скотина помирала сильно. На скотомогильник ходили ночами, а там по-всякому. Прожить-то надо. Волки воют – идешь. Мать рассказывала, ну и я помню, я уже большеньким был. Меня даже другой раз звала: пойдём. Я говорю: съедят нас волки, а волков много было...».

В годы войны в селе Усть-Пустынка происходит окончательное вытеснение хлеба и крупы из пищи и признание картофеля как основного продукта питания. Вот как об этом говорят респонденты: «У кого маленькие семьи, картошки много, то, считай, это богатый человек». Усть-Пустынка расположена на берегу реки Чарыш, что вносило определенные нюансы в культуру жизнеобеспечения данного села. Река являлась как положительным, так и негативным фактором для проживающих рядом с ней людей. Она была дополнительным источником продовольствия, но в период половодья могла нанести вред: «Мы, вишь, жили [на берегу – А.К.]. Вода прибудет, зайдет в город – все унесёт». И поэтому семья Калмакова Ивана Петровича была вынуждена искать дополнительный способ добычи картофеля, который заключался в копании так называемых «пыней»: «Жили бедно... на огород идешь, картошку, кто плохо копал. Вот, примерно, твой огород. Ты плохо копал. Картошка есть. Придешь, она говорит: копай подряд. Ей-то выгодно, конечно. Вот накопишь «пыни», и потом их это печешь да ешь. Чёрные, уже прелые. Тогда Бог, наверное, пронесил. Не болели люди, ели». Дети и подростки вскапывали огороды за возможность найти прошлогодний картофель, который являлся своеобразной платой за труд.

Сестра Ивана Петровича, Большакова Анна Петровна, подтверждает слова брата: «Весна начнется, огороды, начнутся «пыни». Вот копали «пыни». Потом у людей огороды вскапывали. Попадется картошка, потом эти «пыни» пекли, жарили... Вот вы сейчас не знаете, что за «пыни».

Картошка эта, когда осенью оставалась она под зиму. А весной копали, копашь её. Она называлась «пыни». Выкопашь, она такая дряблая. Очистишь её и на сковороду и поджаришь. Вот и блюдо было».

Отдельной категорией жителей села в плане питания являлись работники колхоза. «Организация питания колхозников на бригаде предусматривала выделение человека, который готовил еду для колхозников. Проживал повар на бригаде вместе с колхозниками. Там же была организована и кухня с оборудованием для приготовления пищи. Продукты для приготовления пищи предоставлял колхоз – как правило, то, что производилось в колхозном производстве, прежде всего зерно» [8, с. 229]. Несмотря на это, выделяемых колхозом продуктов для нормального питания было недостаточно, поэтому большую роль играла доставка пищи из дома: «В бригаде жил. Привезут сумки. У кого картошка есть, им посылают. И вот, если моя картошка – «К» букву ставишь, а если Барсуков, то «Б». И вот она повар варит, если которая разварится, фамилии нет – всё, до свиданья. И смешно... В котёл складат в один, картошка разная. Есть быстро варится, рассыпчатая. Есть не шибко. Жили, а куда денешься?».

Аналогичный способ метки картофеля записала в Панкрушихинском районе Алтайского края в 2012 году руководитель историко-этнографической экспедиции АлтГПУ Т.К. Щеглова: «Там [в колхозе] дадут мясо, там или чё, скоко там или какой крупы, а картошку уже возили из дому... Кажный картошку привезеть, пять картошин, шесть картошин, кажный из дому. Нам принесут, чтобы на каждой картошке был фамилия вот, например, «З» [Зубов]. Надо вырезать на картошке, «Б» [Бурматова] ... А картошка, она картошка. Закипела, разварилась... А зачем так делали? А шобы этот [Зубов] дал пять картошин, шоб пять картошин и отдала [ему]! Они свои з дому возили, картошечку свою — давали нам. У нас был, котел такой небольшой. Вот, хто сколь — пять картошин привезеть, шесть. Хто чё, кто сколько... ага! И кажный букву надо поставить, а она возьмёт и развариться: «Вы [девчонки-повара] сожрали нашу картошку?» Дед Зубок [Зубов], он все время возил, мы ему «З» ставили, а он и говорить: «Ну чё вы кричите, мужики? Ну картошка и картошка — разварилась, и все!» Ну, иде ее... выливайте хоть этой жижи, поразварилась картошка. Кум-то Зубок говорить: «Ну, это ж не мяса кусок, што сварилась — да вытащил. Это ж картошка! Она разварилась, и все!» [1, с. 309]. Вероятно, данный способ метки картофеля был распространен не только на территории Краснощековского и Панкрушихинского районов Алтайского края.

Еще одним источником пропитания была кража зерна, но этот способ являлся опасным, ввиду строгости законодательства того времени. За кражу зерна, в зависимости от размера, полагались различные меры наказания, вплоть до смертной казни [5; 6], но крайне тяжелая ситуация с продуктами питания заставляла людей идти на нарушение закона. Некоторые представители власти это понимали: «Вот щас тебе сказать и смешно. Вот этот председатель, про какого говорим, шутник был. Приехал на бригаду. Жрать некого, пшеницы утаишь, в карманы, в другой лог зайдешь — и жарить. Почему щас и зубов нет — сшоркали. Он говорит: «Ребятишки, хоть подальше от избушки уйдите. Приедет уполномоченный с района, меня же, — говорит, — взреет». Предупредил, чтобы уходили подальше. А эту пшеницу жуешь-жуешь, она же мелкая, зубы отбиват».

Также респонденты отмечали проблему с обеспечением села солью. За ней жителям Усть-Пустынки приходилось ездить за сто с лишним километров на железнодорожную станцию села Пospelиха. «Самое страшное – соли не было... Скоту давали, привозили соль, но там не дай Бог, если украл вот такой камочек, семь пасок [семь лет – А.К.] отмеряли сразу», – рассказывал Донских Анатолий Васильевич. В данном контексте, соль, как корм для скота, являлась колхозной собственностью и поэтому охранялась законом.

Таким образом, использование новых подходов, методов, источников позволяет расширить представление об истории Великой Отечественной войны, с разных ракурсов рассмотреть трудовой подвиг сибирской тыловой деревни. Сложившаяся в отечественной историографии традиция изображения количественно трудового подвига жителей тыла в годы войны требует некоторой корректировки. Введение в научный оборот воспоминаний рядового участника изучаемых событий позволяет расширить понятие «Великой Победы», увидеть негероическую сторону войны, оценить в большей степени «повседневные подвиги» жителей сибирской тыловой деревни.

Список литературы

1. Алтайская деревня в рассказах её жителей / под ред. Л. А. Вигандт. – Барнаул: Изд-во Алтайский Дом печати, 2012. – 447 с.
2. Арутюнов С.А. Культурная антропология. – М.: Весь мир, 2004. – 216 с.
3. Арутюнов С.А. Народы и культуры: взаимодействие и развитие. – М.: Наука, 1989. – 247 с.
4. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этно-культурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. – Ереван, 1983. – 319 с.
5. Постановление ВЦИК РСФСР «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 г.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3274>, (дата обращения: 20.09.15).
6. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества

государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» // Советская Сибирь. – 1932. – 13 авг.

7. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований [Электронный ресурс] // Перспективы. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskij_issledovaniy_2010-03-16.htm, (дата обращения: 17.09.15).

8. Рыков А.В. Питание колхозных крестьян в условиях полеводческих и тракторных бригад Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10 : материалы X междунар. науч.-практ. конф., г. Барнаул, 22–23 апр. 2015 г. / отв. ред. М.А. Демин, Т.К. Щеглова. – Барнаул: АлтГПУ, 2015 – С. 228-231.

9. Щеглова Т.К. Повседневные практики и система жизнеобеспечения сельского населения в борьбе с холодом и голодом в тыловой деревне Сибири как фактор Победы в Великой Отечественной войне: новые подходы и источники в исторических исследованиях // Великая Отечественная война: история, методология, современное осмысление. Мат. между. науч.-практ. конф. – Усть-Каменогорск, 2015. – С. 586-599.

ПРОМЫШЛЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ ТАТАРСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А.А. Кузнецов

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: В статье рассматривается состояние промышленного сектора экономики в его взаимосвязи с природной средой Татарской АССР. Дается краткая характеристика тем отраслям промышленности, которые получили оптимальное развитие в довоенный период. В Татарской АССР, в результате индустриализации высокие стимулы к развитию получили как добывающие, так и обрабатывающие отрасли промышленности. Также, подробно освещается промышленное развитие региона в военные годы, в контексте его влияния на местную окружающую природную среду. По Татарской АССР, приводятся факты, свидетельствующие в пользу того, что наращивание производственных мощностей усилило нагрузку на окружающую среду, в частности на лесные ресурсы республики. На примере деятельности Бондюжского химзавода, приводятся факторы, обусловившие рост промышленного загрязнения на местную растительность и атмосферу. Отдельно, рассмотрен вопрос о нехватке жидкого топлива и перехода завода на твердое топливо – дрова. Кроме того, рассматривается добыча природных ресурсов в Татарии в годы войны, объемы поставок, уделено внимание экологической политике описывается модель природопользования в Татарской АССР в военный период.

Ключевые слова: Промышленность, окружающая среда, Татарская АССР, природопользование, природные ресурсы, Великая Отечественная война, экология, лесной фонд.

INDUSTRIAL IMPACT ON THE ENVIRONMENT OF THE TATAR AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

A. Kuznetsov

Abstract: The article discusses the state of the industrial sector in its relationship with the natural environment of the Tatar ASSR. We give a brief description of the industries that received optimal development in the prewar period. In the Tatar ASSR, with the industrialization of high incentives for the development of both extractive and processing industries. Also, extensive coverage to the region's industrial development during the war years, in the context of its effects on the local environment. In the Tatar ASSR, provides evidence in favor of the fact that production capacity has strained the environment, particularly on forest resources in the country. On example of Bondyuzhskoe chemical plant, are factors behind the growth of industrial pollution on the local vegetation and the atmosphere. Separately discussed the question of the shortage of liquid fuel and transition of the plant for solid fuels – firewood. In addition, the extraction of natural resources in Tatarstan during the war, shipments, attention environmental policy and describes the model of natural resource management in the Tatar ASSR during the war.

Keywords: Industry, environment, Tatar ASSR, nature, natural resources, the Great Patriotic war, ecology, forest resources.

Война, как особое противоречивое явление в человеческой культуре, всегда оказывала серьёзное воздействие на все сферы жизни общества. Естественно, что военные конфликты, в большинстве своём,

приводили к особенно значительным материальным и человеческим потерям. Последнее особенно важно в контексте новейшей истории. Именно в XX столетии изменились приёмы и методы ведения войн, сделавшие их более разрушительными. Индустриализация, технологический прогресс привели к тому, что военные конфликты стали гораздо более масштабными и привели к значительному использованию природных и человеческих ресурсов. Военная экономика предъявляла повышенные требования к промышленному комплексу воюющих стран, акцентировала на увеличении производственных мощностей. Все эти факторы, в конечном итоге, привели к тому, что в последние столетия военные конфликты стали особенно негативно влиять и на окружающую среду.

Изучение взаимовлияния общества и окружающей среды находится в поле зрения такой молодой отрасли знания, как экологическая история. Экологическая история – дисциплина, изучающая взаимодействие между человеком и окружающей средой в различные исторические эпохи – зародилась в середине XX столетия в странах Европы и Америки.

Изучение экологической истории получило своё массовое распространение, как в зарубежной, так и в отечественной науке. Исследование последствий и влияния войн на экосистемы нашло своё отражение в трудах таких зарубежных учёных, как Ю. Брауэр, Дж.Р. Мак'Нилл, Э. Крамерс, Г.Д. Нэш, Х. Блэй [1, 2, 3, 4]. Суть их исследований состояла в оценке состояния окружающей природной среды в военные годы [4]. Согласно их обобщённым выводам, военные и технические достижения учёных, нашедшие своё практическое применение в Первой, Второй Мировой войне, в том числе и в других военных конфликтах во второй половине XX столетия, привели к появлению дисбаланса в местных экологических системах [2].

Зарубежные исследования и опыт были, в свою очередь, учтены отечественными исследователями экологической истории – А.М. Калимуллин, И.М. Забелиным, И.В. Круть [6]. Их исследования базировались на стремлении дать оценку и анализ экологического состояния окружающей среды отдельных регионов нашей страны в разные исторические периоды её развития. Так, например, в основе исследований отечественного учёного А.М. Калимуллина лежало изучение региональных экологических проблем. В большинстве своём, отечественные исследователи в области экологической истории акцентировали своё внимание на изучении процессов, происходивших в окружающей среде различных регионов страны, в период с XIX по XX век [6].

Актуальность изучения тем, относящихся к экологической истории войн, заключается в том, что военные катаклизмы оказывали своё негативное влияние на окружающую природную среду не только в тех областях, где непосредственно велись боевые действия, но и в тех регионах, которые в этот период служили в качестве арсеналов тылового обеспечения фронта.

Характеристика влияния Великой Отечественной войны на состояние экономики и окружающей природной среды Татарской АССР даёт основу для обобщенного анализа взаимодействия общества и природы на территориях СССР, не затронутых непосредственно военными действиями. Татарская АССР в годы войны являлась только тыловым арсеналом страны в деле обеспечения фронта необходимыми ресурсами, её территория не была зоной военных действий.

На территории Татарской АССР существовала гармоничная и сложная экологическая система. Татария была богата водными ресурсами, многообразием животного и растительного мира, лесной массив республики, по сравнению с соседними регионами, был небольшим, тем не менее, лесных ресурсов было достаточно для ведения народного хозяйства. В период довоенных пятилеток начавшиеся процессы индустриализации в республике стали требовать широкого освоения и интенсивного использования природных ресурсов Татарии. Особое внимание можно уделить тому факту, что лесные ресурсы Татарии являлись объектом пристального внимания со стороны лесозаготовительной промышленности республики. По лесозаготовкам ТАССР занимала лидирующие позиции в СССР. Несмотря на значительное использование лесов, так или иначе, согласно сводкам того периода, руководители предприятий требовали от лесозаготовителей не только выполнения плана, но и его перевыполнения.

В период войны резко возросли призывы к наращиванию темпов развития военно-промышленного комплекса СССР, в том числе – к увеличению объёмов добычи природных ресурсов.

Показателен пример Шеморданского лесхоза, который был крупнейшим в ТАССР. Корреспондент газеты «Красная Татария» писал: «Удобное расположение лесного массива по обеим сторонам железной дороги, наличие шоссейных дорог, создавали все предпосылки для выполнения и перевыполнения плана» [5, с. 4]. Однако, согласно, автору статьи, план не выполнялся в срок. В качестве примера недовольства лесозаготовительной работой в республике, несмотря на выполнение плана, может служить постановление Совета народных комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) «Об улучшении работы лесозаготовительной промышленности». Это постановление рабочими-лесорубами Татарии было встречено производственным подъёмом. Согласно корреспонденту газеты «Красная Татария», «лесоруб-стахановец Тетюшского леспромхоза т. Кашин за 22 выхода выполнил 56 норм; т. Литкин (того же леспромхоза) за 12 выходов – 40 норм – это при 40 нормах на весь осенне-зимний лесозаготовительный сезон. Такими примерами богаты и многие другие райлесхозы» [9, с. 3]. Лесной фонд Татарии использовался в качестве строительного материала, его освоение шло в целях организации кустарного производства оборонной продукции (лыжи, тара и т.п.) [7]. Характерно, что в добывающей

промышленности многократное перевыполнение планов по изъятию природных ресурсов поощрялось так же положительно, как в производящих отраслях, хотя очевидно, что вырубка лесов была сопряжена с уничтожением ценных природных комплексов, сокращением биологического разнообразия региона.

В военные годы, в Татарской АССР произошло резкое наращивание производственных мощностей, в особенности это было характерно для отдельных отраслей тяжёлой промышленности, помимо того, что подобный рост был обусловлен эвакуацией промышленных предприятий из западных регионов страны. Наращиванию мощностей способствовала военная пропаганда, которая требовала, чтобы предприятия выполняли и перевыполняли планы по производству нужной фронту промышленной продукции. В такой ситуации происходил резкий рост вредных для окружающей среды выбросов, отходов промышленного производства, и на предприятиях из-за больших нагрузок в военное время наблюдался дефицит в жидком топливе – мазуте. Чтобы преодолеть подобный дефицит, фабрикам и заводам необходимо было переходить на твёрдое местное топливо. В качестве примера, можно привести ситуацию, которая сложилась на Бондюжском химическом заводе им. Л.Я. Карпова.

Согласно документу заместителя уполномоченного Госплана при СНК СССР, этот опасный, с экологической точки зрения завод, до осени 1942 г. работал на жидком топливе – угле и мазуте. Однако, в 1943 г., в соответствии с постановлением СНК СССР за №403 и 29/IX–42 г. за №479, завод в основном перешёл на местное топливо – дрова.

В 1942 году завод из-за нехватки топлива работал в неполную мощность, в связи, с чем было увеличено количество производственных рабочих [8]. В связи с этим, в Татарской АССР, как в тыловом регионе, постоянно возрастала нагрузка на лесные ресурсы, которые не только шли на экспорт, но и активно использовались местной промышленностью.

Динамика топливного обеспечения завода в дровах в период от IV квартала 1942 г. до конца 1943 г. выразилась в следующих цифрах.

Таблица

Потребность в топливе Бондюжского химического завода в 1943 г.⁸

Целевые показатели	IV квартал 1942 г. (т)	I квартал 1943 г. (т)	II квартал 1943 г. (т)	III квартал 1943 г. (т)	IV квартал 1943 г. (т)	Итого на 1943 г. (т)
1. Энергетические нужды	1 305	878	650	2975	4 472	8 975
2. Бытовые нужды	165	500	-	-	500	1 000
Итого за квартал	1 470	1 378	650	2 975	4 972	9 975

В военные годы, в Татарской АССР промышленные предприятия кроме местного топлива остро нуждались в расширении и обогащении своего производства за счёт вредных для окружающей среды химических элементов, которые негативно влияли на местную растительность. Одной из таких кислот являлась серная кислота, в производстве которой нуждались многие промышленные фабрики и заводы республики.

В годы войны, в Татарской АССР производством серной кислоты и олеума занимались многие промышленные предприятия. Технологию производства можно рассмотреть на примере Бондюжского химического завода, где особо вредные цеха занимались изготовлением серной кислоты и олеума. «После абсорбции газ пропускается через два параллельно работающих брызгоуловителя, где он освобождается от унесённых брызг кислоты, после чего абгаз направляется на выхлоп в атмосферу, или же используется для производства сульфита натрия» [8]. Таким образом, часть побочных газов (абгазов), образующихся при различных химических процессах, выходила наружу, т.е. выбрасывалась в атмосферу. Как известно, абгазы могут содержать некоторое количество паров CCl_4 , что приводит к загрязнению атмосферы и потере ценного химического реагента.

Как было отмечено, природоресурсный потенциал Татарской АССР перед войной начал претерпевать кардинальные изменения в негативную сторону, одна только лесозаготовительная кампания в предвоенные пятилетки серьёзно ударила по лесному фонду Татарии. Ресурсное природопользование в начале войны достигло больших размеров, лесной фонд теперь стал объектом не только для лесных республиканских трестов на нужды промышленности, но и для целого ряда крупных промышленных предприятий, которые нуждались в местном топливе – в дровах. Также можно сделать вывод, что, кроме лесных ресурсов, шло активное использование гидроресурсов, освоение малых рек, высокими темпами происходила организация рыболовства, но в то же время, высказывались идеи охраны отдельных частей экологической системы республики на примере охраны ценных пород рыб. В Татарской АССР на высоком уровне развития была добывающая и обрабатывающая промышленность.

Таким образом, модель природопользования в республике заключалась в том, что даже наличие большого числа промышленных предприятий тяжёлой промышленности не уменьшало объёмы вывоза отсюда природных ресурсов, а только увеличивали, потому что, на примере Менделеевского химзавода,

⁸ Сост. по: НА РТ. – Ф. Р-854. – Оп. 1. – Д. 143. – Л. 25.

местным фабрикам и заводам не хватало жидкого топлива, в результате чего, в срочном порядке им приходилось переходить на местное твёрдое топливо – дрова. Эксплуатация природных ресурсов осуществлялась нерационально. На состоянии окружающей среды негативно сказывался резкий рост потребностей в природных ресурсах внутри Татарии и возросший экспорт сырья в западные регионы Советского Союза.

Список литературы

1. Brauer J. War and Nature: The Environmental consequences of War in a Globalized World. – Lanham: AltaMira Press, 2009. – 252 p.
2. Blay H., Kremers A. The World During the First World War // Towards an Environmental History of World War I. – Vol. 31. – P. 236- 250.
3. Mac'Neill J.R. Woods and Warfare in World History //Environmental History. – 2004. – Vol. 9. - P. 388-410.
4. Nach G.D. World War II and the West: Reshaping the Economy. –Lincoln:University of Nebraska Press, 1990. – 288 p.
5. Бугараев М. Усилить вывозку древесины // Красная Татария. – 1939. – №152. – С. 4.
6. Калимуллин А.М. Историческое исследование региональных экологических проблем. – М.: Прометей, 2006. – 368 с.
7. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). – Ф. Р-4580. – Оп. 1. – Д. 4862. Материалы по изысканию и использованию природных ресурсов ТАССР.
8. НА РТ. – Ф. Р-854. – Оп. 1. – Д. 143. Производственные планы по контактной серной кислоте и олеуму на 1940-1945 гг.
9. Трофимов Я. Срываю план лесозаготовок // Красная Татария. – 1939. – №3. – С. 4.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

XIX– НАЧАЛА XX ВВ.

(НА ПРИМЕРЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта
№ 14-11*67001 а(р)

К.В. Купченко, Н.В. Никитина

Смоленский ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»,

ФГБОУ ВПО Смоленский государственный университет, г. Смоленск

Аннотация: В статье рассматриваются малоизученные вопросы социокультурной жизни малых городов в российской провинции в конце XIX – первой половины XX вв. на материалах Смоленской губернии в контексте истории повседневности. Рассмотрены процессы развития вспомогательных культурно-просветительских учреждений на примере общественных библиотек.

Ключевые слова: российская провинция конца XVIII – первой половины XIX вв.; Смоленская губерния; малые города; общественные библиотеки.

SOCIO-CULTURAL IMAGE OF A PROVINCIAL TOWN IN XIX – THE

BEGINNING OF XX CENTURY

(BY THE EXAMPLE OF SMALL TOWNS OF SMOLENSK PROVINCE)

K. Kupchenko, N. Nikitina

Abstract: The article examines the little-studied issues of social and cultural life of small towns in the Russian province in the late XIX – the first half of XX centuries on the documents of the Smolensk province in the context of the history of everyday life. The processes of development of additional cultural and educational institutions on the example of public libraries are discussed.

Keywords: the Russian province of the end of XVIII – the first half of XX centuries; Smolensk province; small towns; public libraries.

Социокультурная жизнь провинциального города проходила в контексте общегосударственной политики с поправкой на местные условия. Сказывалось и отсутствие должного финансирования, неприятие населения, бездействие властей, отсутствие квалифицированных кадров. Но и в этих условиях были достигнуты определенные положительные результаты. Органы городского управления малых городов Смоленской губернии, помимо развития системы общеобразовательных учреждений, активно способствовали развитию вспомогательных культурно-просветительских учреждений региона.

В 1830 г. по предложению Вольного экономического общества Н.С. Мордвинова в России

создается сеть публичных библиотек. Планировалось учредить библиотеки в губернских городах за счет добровольных пожертвований. Реализация этого проекта была возложена на Министерство внутренних дел, которое циркуляром от 5 июля 1830 г. за подписью министра А.А. Закревского предписало губернаторам принять меры по организации библиотек. Опасаясь, что в условиях нарастающего общественного подъема библиотеки могут быть использованы для распространения либеральных или революционных взглядов, был установлен строгий административный контроль за их деятельностью.

История возникновения второй в Смоленской губернии публичной библиотеки менее известна. Она была создана 4 января 1840 г. в уездном городе Белом. Это первая уездная библиотека в губернии и одна из первых в российской провинции. Инициатором создания библиотеки было бельское дворянство во главе с уездным судьей, «исправляющим должность» уездного предводителя Н. Ельчаниновым. В декабре 1838 г. он обратился за помощью в деле открытия публичной библиотеки к губернскому предводителю дворянства И.С. Храповицкому [1, лл 174-175]. Но дворянство Смоленской губернии не оказало поддержки жителям Белого. Поэтому содержалась она, в основном, на частные пожертвования местных жителей. Например, в 1844 г. было собрано 672 рубля. Кроме того, средства постоянно отчисляло местное дворянское собрание (419 рублей в 1844 году). Третьей составляющей были суммы, «внесенных в залог подписчиками» за чтение книг, которые можно было взять на дом [2, 20 об.]. В 1847 г. общее количество денежных средств, расходованных на содержание Бельской библиотеки, составляла 635 рублей 53 копейки [2, л. 95 об.].

Первым библиотекарем в г. Белом был титулярный советник Осип Антонович Хмелевский. Бельский предводитель дворянства в отчете за 1842 год отметил «отличное усердие» О.А. Хмелевского в деле создания уездной библиотеки [1, лл. 9, 10]. С 1842 г. библиотекой заведовал капитан-лейтенант, заседатель Бельского уездного суда Нил Захарьевич Ляхов. Попечителем и организатором являлся предводитель уездного дворянства Н. Ельчанинов, в 1844 г. его сменил новый уездный предводитель Лесли.

Необходимо отметить, что не только дворянство, но и местное купечество оказывало посильную помощь в организации и содержании библиотеки. Например, размещалась она бесплатно в доме купца Здомского, в котором занимала две комнаты: «1-ая Собственно книгохранилище и 2-ая Кабинет для чтения с приличной мебелью» [1, лл 11 об.].

В самом начале деятельности библиотеки число книг в ней составило 1173, причем 129 изданий было на французском языке и 48 на немецком [1, л. 193]. Однако в 1842 г. книжный фонд, благодаря стараниям библиотекаря О.А. Хмелевского, вырос в 2 раза и составил 2465 томов. В 1844 число книг возросло до 2 601 штук, что было в 1,5 раза больше, чем в публичной библиотеке в губернском городе Смоленске [1, лл. 13об. – 14, 33]. В 1846 г. книг было 719, а в 1851 г. эта библиотека располагала книжным фондом в 1920 названий [3, л. 86 об.]. Вероятно, уменьшение числа книг связано с тем, что читатели библиотеки часто их не возвращали, ветхие и «разрозненные» книги изымались из обращения, а собираемых средств не хватало на поддержание библиотечного фонда в достойном состоянии.

Число читателей Бельской публичной библиотеки в начале 40-х гг. XIX века составляло около 650 человек мужского пола. По сообщения гражданского губернатора, «число женского пола весьма незначительно» [1, л. 11 об.]. Это цифра достаточно значительна для уездного города с населением около 3 тысяч человек. Дальнейшая история Бельской публичной библиотеки на сегодняшний день остается неизвестной.

Кроме поддержки действовавших и открытия новых учебных заведений, органы городского общественного управления Смоленской губернии способствовали развитию учреждений, выполняющих вспомогательные образовательные функции. К числу подобных образовательных учреждений относились музеи, библиотеки, театры и т.д.

С 1 сентября 1861 г. в Дорогобуже на пособие от городских органов общественного управления действовала публичная библиотека [8]. В 1865 г. на основании разрешения министра народного просвещения была открыта Рославльская общественная библиотека [4, л. 5, 6]. С 1885 г. библиотека располагалась в частном доме, принадлежащем городскому клубу.

Но посещение библиотек было платным, поэтому большинство населения было просто не в состоянии пользоваться их услугами из-за низкого материального положения.

Бесплатные библиотеки-читальни в Дорогобуже, Гжатске и некоторых других городах Смоленщины, открытые при поддержке благотворительных обществ и органов местного самоуправления, появились только на рубеже XIX-XX вв. Всего же, согласно сведениям о бесплатных народных библиотеках-читальнях за 1900 г., на Смоленщине действовало 75 библиотек, из которых 33 были созданы за счет земств, 24 – за счет частных лиц, 5 – духовенства [6]. К 1913 г. действовало 263 публичных и учебных библиотек, бесплатных библиотек-читален. Из них в Смоленске – 25, в уездных городах – 56 [7, с. 43].

Но ситуации с остальными учреждениями просветительского типа была неудовлетворительной. Даже в губернском центре не было картинной галереи, находилось всего три памятника. Функционировавшие два книжных магазина и одна книжная лавка принадлежали частным лицам [5, л. 3, 9, 14, 15]. Постоянного театра в Смоленской губернии не существовало до советского времени.

Таким был типичный портрет провинциального уездного города XIX – начала XX вв. Несмотря

на то, что органы городского управления Смоленской губернии в рассматриваемый период сыграли значительную роль в преобразовании и развитии культурной среды провинциальных городов, полностью преобразовать социокультурную среду на местах так и не удалось. Подобные вопросы актуальны и в наше время.

Список литературы

1. ГАСО (Государственный архив Смоленской области). – Ф. 1. – Оп. 1 (1843). – Д. 100.
2. ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 2 (1848). – Д. 415.
3. ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 3 (1851). – Д. 405.
4. ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 5. – Д. 102.
5. ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 5. – Д. 170.
6. ГАСО. – Ф. 7. – Оп. 2. – Д. 88, 92.
7. Обзор Смоленской губернии на 1913 г. – Смоленск, 1914. – С. 43.
8. Положение о публичной библиотеке при Дорогобужском уездном училище // Смоленские губернские ведомости. – 1864. – 11 сентября.

АРХИТЕКТОР ВЫСОЧАЙШЕГО ДВОРА

(К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.Ф. СВИНЬИНА)

Н.И. Курылева

Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Елабуга

Аннотация: Статья посвящена нашему знаменитому земляку В.Ф. Свиньину – другу художника-живописца И.И. Шишкина, талантливому архитектору и инженеру, который спроектировал и выстроил здание Музея этнографии, стал автором реконструкции Михайловского дворца, где был создан Русский музей, а также Площади искусств перед ним. Кроме биографии В.Ф. Свиньина в статье приводится также история знакомства с его праправнуком.

Ключевые слова: В.Ф. Свиньин, И.И. Шишкин, архитектура, неоклассицизм, Михайловский дворец, Музей этнографии, Русский музей.

ARCHITECT OF THE IMPERIAL COURT

(COMMEMORATING THE 150TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF V. SVINYIN)

N. Kuryleva

Abstract: The article is dedicated to our famous compatriot V. Svinin, the friend of an artist-painter I. Shishkin, a talented architect and engineer, who designed and built the building of the Museum of ethnography and who was the author of the reconstruction of the Mikhailovsky Palace, where the Russian museum and Arts Square in front of it are located. In addition to the biography of V. Svinin the article also includes a dating story with his great-grandson.

Keywords: V. Svinin, I. Shishkin, architecture, neoclassicism, the Mikhailovsky Palace, the Museum of ethnography, the Russian museum.

В этом году исполняется 150 лет со дня рождения нашего знаменитого земляка Василия Федоровича Свиньина (1865-1939), талантливого архитектора и инженера, представителя неоклассицизма, архитектора Высочайшего Двора, получавшего заказы от Романовых. Его имя связано с развитием музейного дела в России: Василий Федорович выполнил и реализовал проект первого государственного музея в стране.

В.Ф. Свиньин строил здания в Санкт-Петербурге наряду с такими великими зодчими, как Б. Растрелли, А. Ринольди, А. Воронихин, К. Росси, А. Захаров, О. Монферран, А. Брюллов и др. Вошел в историю северной столицы как проектировщик Музея этнографии и автор грандиозной реконструкции Михайловского дворца, в котором был создан Русский музей, а также Площади искусств перед ним.

В марте 2015 года во время работы в архиве Государственного Русского музея в ходе научной командировки в Санкт-Петербург я познакомилась с потомком архитектора В.Ф. Свиньина Арсением Александровичем Полухиным – студентом Государственной полярной академии. Его заинтересовал мой поиск людей из окружения художника Ивана Ивановича Шишкина (1832-1898). Арсением рассказал, что его прапрадед родился недалеко от г. Елабуги и был другом И.И. Шишкина. Этот факт подтверждают «Воспоминания» дочери архитектора Лидии Васильевны Свиньиной [1, с. 1-38], которые хранятся в архиве Русского музея. Со слов Полухина, «это воспоминания ее отца, которые были украдены в блокаду. В конце 1950-х годов Лидия Васильевна по памяти воспроизвела их и добавила еще то, что помнила уже сама».

Василий Федорович Свиньин родился 4 марта 1865 г. в селе Троицкое [2] Елабужского уезда Вятской губернии в крестьянской семье. Он рано потерял отца и с детства начал работать. С двенадцати

лет был подручным у купца Стахеева, владельца оптового магазина в Екатеринбурге. Известно, что елабужские купцы Стахеевы, создав в XIX веке династию предпринимателей, обосновались во многих городах Сибири, в том числе в Екатеринбурге. Там они открыли магазины, обзавелись собственными домами, о чем свидетельствуют материалы екатеринбургского исследователя купечества В.П. Микитюка [3. с.162-169].

Василий Свиньин трудился старательно, а в свободное время предавался любимому делу – рисованию. Купцу нравились рисунки подростка, он разместил их у себя дома. Здесь их увидел преподаватель Екатеринбургской женской гимназии П.М. Вологодский, который впоследствии стал заниматься с одаренным учеником рисунком, живописью и общеобразовательными предметами. Вологодский сумел разглядеть в юноше недоюжный талант и убедить Стахеева в необходимости систематического обучения. Он посоветовал Василию ехать в Петербург и попытаться поступить в Академию художеств. И в 1883 году Василий Свиньин в возрасте восемнадцати лет стал вольнослушателем Академии художеств (окончил ее в 1892 г.). Путь мастера был очень сложным, он работал строителем, десятником, помощником архитектора. Занимался ремонтом и реставрацией здания Академии, впоследствии стал ее хранителем.

На рубеже XIX – XX вв. в искусстве определились два направления. С одной стороны, новаторское, каким является модерн, с другой – ретроспективное неоклассическое, несущее в себе традиционные стремления, основанные на освоении наследия русского зодчества XVIII – начала XIX вв. Последнее особенно наглядно прослеживается в архитектуре Петербурга, города классических памятников.

Среди молодых мастеров неоклассического направления неожиданно для современников появляется имя архитектора Василия Федоровича Свиньина. Он хорошо зарекомендовал себя при реконструкции Михайловского дворца Петербурга, где с 1895 по 1898 г. работал над внутренними помещениями для нужд Русского музея императора Александра III, который стал первым в России государственным музеем русского изобразительного искусства, а с 1992 года пробрел статус особо ценного объекта культурного наследия народов России. В.Ф. Свиньиным были полностью перестроены интерьеры дворца, от созданных когда-то Карлом Росси остались лишь парадная лестница и Белый зал. Свиньин использовал новейшие инженерные изобретения. Например, он одним из первых осознал значение света в музейной экспозиции, отсюда появились революционное для того времени решение – стеклянные потолки.

Занимаясь переустройством Михайловского дворца под музей, Василий Свиньин разработал план архитектурного развития Русского музея. И по желанию царской фамилии Василию Федоровичу было предложено строительство здания этнографического дворца в Петербурге для создания в нем Памятного (посвященного памяти императора Александра III) и Этнографического отделов Русского музея.

Пристальный интерес общества к истории, археологии и искусству в XIX веке вызвал к жизни новый тип зданий, специально предназначенных для музеев, где экспонаты были бы доступны публике. Задумывавшийся проект В.Ф. Свиньина стал из немногих на территории России зданий, относящихся к специальным музейным сооружениям. Внутри оно имеет четкую симметричную планировку с торжественными Мраморным залом и парадным Аванзалом в центре. На каждом из двух этажей левой и правой частей здания расположено по двенадцать залов, объединенных центральной галереей с коллекциями, иллюстрирующими быт народов России и зарубежных славянских племен.

Мраморный зал – это зал памяти Александра III, его проект был одобрен вдовствующей супругой императора Марией Федоровной. Это один из красивейших выставочных залов Петербурга. Стены опоясаны многофигурным горельефом «Народы России» (авторы – скульпторы В.С. Богатырев и М.Д. Харламов) и облицованы отечественным розовым мрамором, добытым в Олонецкой губернии Карелии. Василий Федорович сам занимался разработкой и доставкой мрамора (а это 200 тыс. пудов). Для более успешной обработки его в колонны, пилястры, карнизы, стены и пр. предложил построить завод в Петербурге.

Шишкин и Свиньин жили на Васильевском острове, дружили семьями. Дочь архитектора Лидия Свиньина вспоминала, что «мать часто брала ее с собой, когда шла в гости к Шишкиным», что между отцом и художником были «близкие отношения» [4, с. 1]. В 1897 году, когда сильно заболела жена Свиньина Зинаида Александровна, «Иван Иванович и его семья очень беспокоились о ее здоровье и порекомендовали дачу в Жельцах» [5. с. 3].

В деревне Жельцы, что на станции Преображенской (ныне ст. Толмачево) под Петербургом близ реки Луги, И.И. Шишкин снимал дачу и провел с семьей лето 1896 года. Девственная природа этих мест, смешанный лес и красивые корабельные рощи были так живописны, с что с них художник писал этюды. Климат был благоприятный, здоровый. Поэтому, как вспоминала его племянница А.Т. Комарова, и «последнее в своей жизни лето 1897 года он также провел в полюбившейся ему Преображенской» [6, с. 328]. Шишкины решили купить здесь место для дачи, выбрали небольшой кусок земли на берегу Луги. То, что участок действительно был куплен семьей художника, подтверждается сведениями в «Памятных книжках по Санкт-Петербургской губернии» конца XIX – начала XX вв. Участок был приобретен совместно с В.Ф. Свиньиным, который составил проект дачи.

Но этой мечте не суждено было сбыться. И.И. Шишкин скончался 8 марта 1898 года. Торжественное открытие Русского музея (7 марта) для отца Лидии Васильевны «было омрачено внезапной кончиной человека, которого он глубоко почитал и любил» [7, с. 3]. Ивана Ивановича похоронили на Смоленском кладбище. «Впоследствии могила отца оказалась недалеко от захоронения И.И. Шишкина, – пишет Л.В. Свиньина. – Но Шишкина перезахоронили в Некрополь (Алекسانдро-Невской лавры). Надгробие в виде гранитного блока неправильной формы с полированной верхней поверхностью, на которой нанесено имя художника, было сделано по рисунку отца» [8, с. 6].

Дачей в Преображенском наследники Шишкина и Свиньин совместно владели до 1905 года. Позже семья художника отказалась от части участка, и Василий Федорович решил приобрести ее «в честь своего друга» [9, с. 4]. Во время гражданской войны, когда в стране осталось много сирот, он передал все имение для нужд беспризорников. Но после революции жизнь Василия Федоровича сложилась непросто, хотя заслуги архитектора В.Ф. Свиньина и были признаны советской властью: он был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

В Этнографическом музее Петербурга, в здании, которое стало вершиной творчества Василия Свиньина, 4 марта 2015 года открылась экспозиция в честь 150-летия великого зодчего. На выставке представлены фотографии различных работ архитектора, чертежи и текстовые документы, разработанные во время строительства здания, оригиналы писем В.Ф. Свиньина, мультимедийные материалы – они показывают историю жизни архитектора и членов его семьи.

Крестьянский сын из глухой деревни, самородок, покоровший Петербург. Человек большой одаренности и необычайной судьбы, Василий Федорович Свиньин должен занять достойное место среди плеяды ярких имен в истории Елабужского края.

Список литературы

1. Архив Государственного Русского музея (ГРМ). – Ф. 1888. – Д. 8. Тетрадь. Воспоминания Лидии Васильевны Свиньиной. 1958-1961.
2. На карте Елабужского уезда 1891 года (Елабужский государственный музей-заповедник, НВФ №3277) – два села под названием Троицкое, ныне оба расположены на территории Удмуртии. Одно – Алнаши Варзятчинской волости (сейчас районный центр Алнаш). Второе – село Большекибынской волости (ныне с. Большая Кибья Можгинского района).
3. Микитюк В.П. Екатерининские купцы Атамановы. Материалы Международной научной конференции «Третьи Стахеевские чтения». – Елабуга, ЕГПИ, 28-29 июня 2007 г. – Елабуга, 2007.
4. Архив ГРМ. – Ф. 1888. – Д. 8.
5. Там же.
6. Шувалова И.Н. Иван Иванович Шишкин: Переписка, дневник, современники о художнике. – Л.: Искусство, Ленинградское отделение, 1978.
7. Архив ГРМ. – Ф. 1888. – Д. 8.
8. Там же.
9. Там же.

РЯЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ И МЕСТНОЕ КУПЕЧЕСТВО: РОМАН С

ПРОДОЛЖЕНИЕМ

И.Г. Кусова,

РИАМЗ, г. Рязань

Аннотация: В историческом ансамбле Рязанского кремля два архитектурных памятника были полностью построены на деньги купцов М. Немчинова и Д. Морозова. В статье представляются истории их семей и кратко прослеживается история существования построенных ими памятников.

Ключевые слова: Рязанский кремль, купцы, благотворительность, Немчиновы, Морозовы, сохранение и музеефикация памятников, РПЦ.

THE RYAZAN KREMLIN AND LOCAL MERCHANTS: A NOVEL WITH

CONTINUATION

I.G. Kusova

Abstract: In the historic ensemble of the Ryazan Kremlin two architectural monuments were completely constructed on money of merchants of M. Nemchinov and D. Morozov. The article presented the history of their families and briefly traces the history of monuments built by them.

Keywords: The Ryazan Kremlin, merchants, charity, Nemchinovs, Morozovs, preservation and museumification of monuments, ROC.

На протяжении XVIII – XIX веков архитектурный ансамбль Рязанского кремля – главная историческая достопримечательность города – не раз оказывался в сфере внимания местных благотворителей из предпринимательской среды. В историографии наиболее известен факт спасения откупщиками П.А. Мальшиным и Г.В. Рюминым древнего Успенского кафедрального собора, прочие благотворительные акции удостоены лишь кратких единичных упоминаний в церковной литературе и прессе [см., напр.: 7, 8, 15]. В то же время среди них имеются и весьма значимые, достойные внимания исследователей. Цель настоящего сообщения – рассмотреть два наиболее крупных эпизода купеческой благотворительности в Рязанском кремле и представить в исторической ретроспективе главных действующих лиц этих эпизодов – самих личностей и их семейства.

В настоящее время в Рязанском кремле 20 сооружений XII–XX вв., включая шесть отдельно стоящих храмов и Соборную колокольню. Именно храмовым постройкам и уделяли в основном внимание купцы, хотя и не только им. Формы участия простирались от выделения небольших сумм до единоличного возведения целых зданий. При некоторых храмах (двух кафедральных соборах и оставшейся от упраздненного монастыря церкви Святого Духа) существовал институт ктитинства, также являвшийся, по сути, одним из видов поддержки и помощи в деле сохранения памятников.

На общем фоне купеческой благотворительности выделяются два события: два памятника Кремля, Преображенский собор Спасского монастыря и Дом причта, были построены от начала до конца исключительно частными лицами на их личные средства. Между этими историческими фактами – два столетия. Возведенный в 1702 г. Преображенский собор стал самым поздним из отдельно стоящих кремлевских храмов, Дом для причта (1910 г.) – самой поздней постройкой архитектурного ансамбля Кремля.

Преображенский собор появился старанием гостиной сотни Михаила Фёдоровича Немчинова, был построен им «по обещанию» [9, с. 116]. Фамилии Немчиновых была в свое время довольно известна в Рязани.

Представители династии фигурируют в первом известном нам перечне торговой корпорации города – суконной сотне. В Сметной росписи 1679 г. среди десяти членов первым указан Фёдор Селезнёв с сыновьями Мишкой и Матюшкой [26, с. 114]. Спустя годы Михаил Селезнёв «с пищалью» будет числиться в категории детей уже не суконной, а гостиной сотни [29, с. 184], а еще через несколько лет Михаил уже не Селезнёв, а Немчинов, сын Фёдора Селезнёва, станет полноценным членом рязанской гостиной сотни [26, с. 55, 60].

В период конца XVII – первой трети XVIII в. Немчиновы – в торговой элите города. Братья Михаил и Матвей Фёдоровичи, а затем вдова Матвея Ирина Сергеевна, ее дети и племянники – владельцы многочисленных лавок и амбаров в Переяславле Рязанском (с 1778 г. – г. Рязань), винокуренного завода в Тамбовском уезде [26, с. 75, 82, 127, 139, 142; 12, с. 19–21, 23, 24, 28–30]. В Переяславле они едва ли не первыми, еще в XVII в., построили себе обширные каменные палаты. Позднее выяснится, что палаты к тому же были украшены «печью израсчатой ценнинской» [6, л. 53]. Усадьба Немчиновых с многочисленными хозяйственными постройками располагалась у церкви Благовещения на Нижнем посаде, в главном торговом районе города. При усадьбе был огороженный «заметом» «великий сад», «в нем деревьев яблонных, груш, черносливных, вишневых многое число» [6, л. 55]. Сын благотворителя Борис Немчинов, а возможно, и сам Михаил, держали откуп на сбор таможенных, кабацких и канцелярских денег.

Упоминание о Немчиновых встречаем у С.М. Соловьева в его труде «История России с древнейших времен». Историк описывает инцидент, когда «летом 1704 г. купец гостиной сотни Немчинов донес знаменитому «прибыльщику», дьяку Оружейной палаты А.А. Курбатову» о том, что торговые люди Шустовы в сказках о торгах и пожитках, утаивая многое, «пишут неправду» и предлагал свою помощь в изъятии их незаконно сокрытого богатства. Действительно, информация Немчинова оказалась не пустым наветом, с его помощью у Матвея и Фёдора Семёновичей Шустовых в с. Дединове изъяли более четырех пудов серебра и более 14 пудов денег. Однако за донос и участие в экспроприации Немчинов в итоге не получил ожидаемого крупного вознаграждения, поскольку в том же 1704 г. выяснилась его причастность к некому делу «о воровском серебре» [30, с. 73–74].

Даты жизни М.Ф. Немчинова неизвестны. В 1718 г., во время переписи, его самого, видимо, уже не было в живых, а его сыновья, Алексей и Борис, числились «съехавшими из Переяславля», при этом семейные владения в городе сохранялись. В конце 1720 гг. в результате непомерного увеличения государственного тягла Немчиновы, как и значительная часть торговых людей страны, оказались разорены, их имущество было описано за долги комиссией конфискации. В середине XVIII в. фамилия пропадает из поля зрения, они не видны в ревизских сказках 1782 и 1795 гг. и окончательно исчезают из рязанской истории.

Храм же, построенный Михаилом Фёдоровичем Немчиновым, стоит и ныне. По мнению специалистов, он являет собой «яркое архитектурное произведение нарышкинского стиля» [28, с. 651]. Информации о его строительстве практически нет.

Известно, что при возведении собора использовались новаторские технологии: несмотря на большой объем, его возвели бесстолпным, внутренние пролеты сооружения достигают 13-ти метров.

Барочные фасады украшены «виртуозно исполненными», редкими, западного образца, полихромными изразцовыми поясками, проходящими вверх по апсидам и под окнами. Первоначально существовало открытое гульбище, окаймлявшее северную и западную стены собора.

Позаботился Немчинов и о внутреннем убранстве храма. На следующий год после его освящения подарил на престольный крест: «серебряный позлащенный... чеканной работы», с многочисленными искусными изображениями и надписью на рукояти с именем жертвователя и указанием цели дара: «в поминовение родителей своих» [15, с. 224].

Более двух веков построенный Немчиновым собор оставался главным храмом древнейшего в городе Спасского монастыря. В 1920 г. после закрытия обители, он пустовал, использовался под разные хозяйственные нужды, в конце 1950 гг. в нем разместились Государственный архив Рязанской области. Основное пространство храма было приспособлено под хранилище, алтарная часть – под библиотеку и читальный зал архива. В 1968 г. при преобразовании территории Кремля в музей-заповедник собор вместе с другими историко-архитектурными памятниками вошел в его состав. В 1995 г. весь ансамбль Рязанского кремля как составная часть музея-заповедника был включен в Государственный реестр особо ценных объектов культуры народов РФ. В советское время по перспективному плану развития музея-заповедника после вывода архива в Преображенском соборе намеревались построить экспозицию, посвященную охране памятников истории и культуры в Рязанской области. В постсоветский период планы изменились и храм предполагали отдать под Центр духовной музыки, действующий в рамках музейного Музыкально-просветительского центра [11, л. 43].

Однако собору не суждено было превратиться в музей: в 2007 г. в ходе острого конфликта с Рязанской епархией РПЦ, заявившей имущественные претензии на весь кремлевский ансамбль и потребовавшей ликвидации музея-заповедника в Кремле, оба храма Спасского монастыря, включая Преображенский собор, в качестве компромисса музей-заповедник передал в пользование церковников. С 2008 г. в соборе проходят службы.

В настоящее время никакой визуальной информации об устроителе храма в Кремле не представлено. Можно предположить, что в самом соборе или рядом с ним, на кладбище Спасского монастыря, находилась могила храмоустроителя, но никаких упоминаний в литературе о ней не найдено [см.: 14].

Второй сюжет нашего сообщения посвящен купцам Морозовым, устроителям самого позднего и одного из самых скромных строений Рязанского кремля – Дома причта, возведенного в 1910 г. О памятнике, его строительстве и дальнейшей судьбе уже писала сотрудник музея Н.В. Максакова, в то время как фигура строителя в публикации была удостоена всего трех строк: потомственный почетный гражданин Дмитрий Панкратьевич Морозов происходил из известной купеческой фамилии, следовал семейным традициям благотворительности, избирался гласным городской думы и являлся старостой церкви Святого Духа в Кремле [16, с. 325]. Для более детального представления этой личности обратимся к истории семейства Морозовых и непосредственно к Дмитрию Панкратьевичу.

Фамилия Морозовых, действительно, известна в Рязани. Дом Морозовых на Николодворянской ул. (№ 24/42) связан с именем Салтыкова-Щедрина, который, будучи рязанским вице-губернатором, в 1858–1861 гг. жил в этом доме. Морозовы приобрели дом позже, между 1877 и 1899 гг. [28, с. 416], и сегодня здание, занимаемое структурами регионального Министерства культуры, именуется и Домом Морозовых, и Домом Салтыкова-Щедрина [25, с. 208–211]. Известность семейству также принес активно занимавшийся общественной деятельностью брат Дмитрия Михаил Панкратьевич Морозов (ок. 1852–4.10.1912) [2, л. 27; 17, л. 8]: более 10 лет (1899–1912) он возглавлял весьма уважаемый в городе Рязанский городской общественный банк Сергея Живаго и подведомственные ему благотворительные учреждения [32, с. 209], избирался на различные посты городского самоуправления [см., напр.: 10, 18]. Кроме того, фамилия Морозовых упоминается при обращении к истории рязанского кинематографа – в 1900 г. в доме Морозовых на Соборной ул. работал один из первых в городе кинотеатров «Олимпия» [19, с. 206]. Наконец, представитель последнего поколения, «инженер Морозов», вероятно, один из сыновей Михаила Панкратьевича, был известен как устроитель первой городской электростанции, открытой в 1913 г. По оценкам современников, этот технически грамотный и энергичный предприниматель был «человеком, выдающимся по тому времени в рязанском масштабе» [27, л. 12–13].

Наиболее раннее упоминание о Морозовых относится к 1849 г. В том году они были зачислены в 3-й гильдии рязанское купечество из вольноотпущенных крестьян «г-на Казначеева» [3, л. 107; 2, л. 27]. Вчерашний крепостной Фёдор Васильевич Морозов (ок. 1787–1854) начинал дело вместе с сыновьями Иваном (ок. 1828 – ?) и Панкратом (ок. 1830 – 1894). Наиболее раннее из известных семейных занятий – винокурение. Винокуренный (также именуемый водочным или солодовенным) завод Панкрата Морозова был основан в 1863 г. В 1890 г., когда его унаследовал старший сын Михаил Панкратьевич, на заводе трудилось 15 рабочих, объемы производства составляли 100 тысяч ведер [4, л. 3–6].

Незадолго до смерти Панкрат вместе с двумя сыновьями от второго брака, Дмитрием (1869–?) и Николаем (1872–1903), создали Торговый дом «Панкрата Морозова с Сыновьями». В подписанном 15 октября 1893 г. договоре о его образовании указывалось, что он создается «для производства в Рязани торговли всеми дозволенными купцам 2-й гильдии товарами и для содержания гостиниц, трактиров и всякого рода складов» [1, л. 4]. После смерти Панкрата, согласно его завещанию, во главе предприятия

встали три брата: Дмитрий, Николай и Сергей (1874–?).

В состав Торгового дома Морозовых входило несколько заведений. Наибольший интерес представляла уникальная для Рязани Техническая контора, которая специализировалась на устройстве водопроводов и канализации, электрических установках и поставках заводского оборудования [18, с. 203]. При конторе имелись мастерские, оборудованные «заграничными станками» [см.: 31]. Ренсковый погреб Морозовых являлся самым крупным в городе, его прейскурант насчитывал около тысячи наименований русских и иностранных вин, коньяков, ликеров и т. д. [см.: 20]. Гостиница Морозовых на Соборной ул. с рестораном и уже упоминавшимся выше кинотеатром была одной из самых крупных в Рязани. В 1890 гг. во дворе этого дома располагался оптовый винный склад Панкрата [5, л. 318]. Еще одно заведение в составе Торгового дома – аптекарский и парфюмерный магазин, там же на Соборной с более чем широким ассортиментом товаров, помимо собственно лекарств и парфюмерии, предлагал пряности и предметы для церковного служения, фотографические принадлежности для любителей и профессионалов, дорожные принадлежности [см.: 20].

Кроме того, доход Морозовым приносили дома, сдаваемые под различные торговые и прочие нужды. К примеру, дом, где когда-то квартировал Салтыков-Щедрин, в 1910 гг. был сдан под канцелярию квартировавшей в городе 35-й артиллерийской бригады, в доме на Соборной размещалось несколько магазинов арендаторов [5, л. 318].

Общественная городская служба и благотворительность в семье Морозовых были традиционным явлением. Первым начал служить Панкрат, в 1869–1871 гг. он избирался городским головой, несколько раз – гласным городской думы. По его стопам пошел старший сын Михаил. Оба они долго оставались на весьма престижной службе в учетно-ссудном комитете Государственного банка [13, с. 247]. Морозовы состояли в комитете попечительства о тюрьмах, в религиозных общественных организациях, в разное время опекали несколько храмов Рязани: Панкрат Фёдорович – Борисоглебский собор [10, с. 77], Иван Фёдорович – Николодворянскую церковь [21, с. 31], Дмитрий Панкратьевич – церковь Святого Духа в Кремле [23, с. 394], Михаил Панкратьевич входил в состав общественного комитета по реставрации Успенского собора Кремля.

Если Панкрат состоял во 2-й гильдии, то все его сыновья числились потомственными почетными гражданами.

О Дмитрие Морозове сведений крайне мало. Состоя в торговом деле совместно с братьями, он имел собственный дом на Мальшинской ул., по соседству с особняком губернатора. Хотя и был женат на некоей Зинаиде Васильевне, нет никаких данных о его взрослых детях (сын Владимир умер ребенком). Между 1899 и 1904 гг. Дмитрий Морозов стал старостой Духовского храма. Церковь была построена в середине XVII в., редкой конструкции – двухшатровая, после упразднения в конце XVIII в. монастыря она осталась непригодной, но имела настоятеля и старосту. В 1904 г. на средства Морозова золотятся главы, перекрывается крыша [22, с. 226; 23, с. 394]. В 1909 г. вновь на его средства идет ремонт храма [24, с. 237], а на следующий год «тщанием» ктитора рядом с церковью возводится двухэтажный Дом причта [16, с. 325–328]. Здание имело каменный низ и резной деревянный верх, балконом было обращено к Трубежу и живописным заливным окским лугам.

Со временем дом превратился в «своеобразный музыкальный клуб любителей духовной музыки и хорового пения», где распевались в гостях у хозяина, священника Духовского храма Семёна Светлова, будущие солисты Большого театра братья Пироговы [16, с. 329]. В советское время здание оказалось в распоряжении работников речного порта, использовалось ими под контору и жилье и лишь в 1978 г. поступило на баланс музея-заповедника.

После окончания научной реставрации Дом причта заселили технические службы музея, позднее появился проект его музеефикации – преобразования в экспозиционно-гостиничный комплекс с воссозданием жилых интерьеров начала XX в. по примеру Суздальского музея [16, с. 330–331]. Однако нынешние планы по выселению музея-заповедника из Кремля сделали и этот проект неактуальным.

Как и на Преображенском соборе, на Доме причта отсутствует табличка с информацией о его строителе. И если присутствие музея в Кремле оставляло в перспективе шансы на то, что со временем информационные изъяны будут ликвидированы, то музейный исход из Рязанского кремля сводит эти надежды к нулю. Что, впрочем, несколько не может умалить содеянного благотворителями, а лишь понуждает исследователей более внимательно рассматривать историю Кремля во всех ее перипетиях.

Список литературы

1. ГАРО. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 751.
2. ГАРО. – Ф. 129. – Оп. 54. – Д. 71.
3. ГАРО. – Ф. 129. – Оп. 46. – Д. 115.
4. ГАРО. – Ф. 126. – Оп. 1. – Д. 1.
5. ГАРО. – Ф. 141. – Оп. 1. – Д. 1.
6. РГАДА. – Ф. 340. – Оп. 1. – Д. 2713.
7. Воздвиженский Т.Я. История Рязанской иерархии. – М., 1820.
8. Дობролюбов І.В. Історико-статистичеcьке описання церквей і монастирей Рязанської єпархії.

- Т. 1. – Зарайск, 1884.
9. Иероним [Алякринский]. Рязанские достопамятности / Публ. И.В. Добролюбова. – Рязань, 1889.
 10. Календарь Рязанской губернии на 1883 г. – Рязань, 1882.
 11. Концепция развития РИАМЗ на 2001 – 2010 гг. – Рязань, 2001.
 12. Кусова И.Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI – начала XX в. – Рязань, 1996.
 13. Кусова И.Г. Учетные (учетно-ссудные) комитеты // Рязанская банковская энциклопедия. – Рязань, 2010.
 14. Любарский К. Рязанский Некрополь. – Ч. 1: Спасский мужской монастырь. – Рязань, 1914.
 15. Макарий [Миролюбов М.Н.], архимандрит. Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии. – М., 1863.
 16. Максакова Н.В. К вопросу о возможной мемориализации и музеефикации Дома причта в Рязанском кремле // Четвертые Яхонтовские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции / Отв. ред. И.Г. Кусова. Рязань, 24-27 октября 2006 года. – Рязань, 2008.
 17. Некрополь Скорбященский. 1923 г. // НА РИАМЗ. – № 503.
 18. Памятная книжка Рязанской губернии 1914 г. – Рязань, 1914.
 19. Попов И.П., Степанова Е.С., Тарабрин Е.Г. Фулин Ю.В. Два века рязанской истории (XVIII – март 1917 г.). – Рязань, 1991.
 20. Прейскурант русских и иностранных вин ренского погреба Торгового дома «П. Морозов с Сыновьями» в г. Рязани. – Рязань, 1905.
 21. Рязанские епархиальные ведомости. – 1866. – № 5.
 22. Рязанские епархиальные ведомости. – 1899. – № 13-14.
 23. Рязанские епархиальные ведомости. – 1904. – № 15.
 24. Рязанские епархиальные ведомости. – 1909. – № 10.
 25. Рязань в фотографиях XIX – первой трети XX века. Альбом-каталог / Сост. Е.В. Чумичёва, Д.Ю. Филиппов. – Рязань, 2012.
 26. Рязань. Материалы для истории города XVI – XVIII столетий. – М., 1884.
 27. Свенцицкий Е.И. Полстолетия тому назад. 1961 г. // НА РИАМЗ. – № 2444.
 28. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Рязанская область. – Ч. 1. – М., 2012.
 29. Сметный список Переяславля Рязанского 1690 г. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. – Т. 10. – Вып. 2. – Рязань, 1895.
 30. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 16 т. – Т. 8. – М., 1962.
 31. Техническая контора Торгового дома «П. Морозов с С[ыновья]ми» в Рязани. – Б.м., б.г.
 32. Чикваркина Г.Н. Рязанский городской общественный банк С. Живаго // Рязанская банковская энциклопедия. – Рязань, 2010.

Список сокращений

ГАРО – Государственный архив Рязанской области
 НА РИАМЗ – Научный архив РИАМЗ
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов
 РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей заповедник

О РОЛИ ЗАКАЗЧИКА В СТАНОВЛЕНИИ СТИЛЯ МОДЕРН В АРХИТЕКТУРЕ

ЮЖНОГО УРАЛА

А.В. Леготина

Государственный институт искусствознания, г. Москва

Аннотация: В статье рассматриваются взаимоотношения заказчика и исполнителя при создании архитектурного сооружения, их социальный состав и формы взаимодействия. На примере конкретных памятников выявляются основные черты регионального модерна. Кроме того, рассматриваются наиболее важные купеческие семьи, повлиявшие на становление и развитие модерна на Южном Урале.

Ключевые слова: провинциальная архитектура, стиль модерн, архитектура Южного Урала, купечество, династия Стахеевых.

ON THE ROLE OF THE CUSTOMER IN THE DEVELOPMENT OF ART

NOUVEAU IN THE ARCHITECTURE OF THE SOUTHERN URALS

A.V. Legotina

Abstract: The article includes the analysis about relationship of client and architect for create of

building, social structure of them and... Also the main mark of region modern style was appointed. The article is concerned with merchant families and their influence at creating and evolution of modern style architecture in the Southern Urals.

Keywords: provincial architecture, modern style, architecture of the South Ural region, merchantry, Stakheevs dynasty.

Неповторимость облика провинциального города определяется многими факторами, среди которых не только художественные аспекты, связанные с местной архитектурной традицией, но и особенности экономического развития города, культурные связи и эстетические предпочтения его жителей.

В данной статье будет рассмотрена проблема взаимоотношений заказчика и исполнителя, в процессе диалога которых на рубеже XIX-XX веков оформляются уникальные черты южноуральского модерна. География исследования ограничена территорией Оренбургской и Уфимской губерний.

Во второй половине XIX века становится очевидным стремление архитектуры к индивидуализации [2, Т.1, с.139]. Отправной точкой этого стал указ 1858 года, согласно которому обязательство строить по образцовым фасадам отменялось, равно, как и упразднилось создание новых «образцов». На практике провинциальная архитектура вплоть до начала XX века продолжала использовать серийные фасадные композиции. И дело не только в нежелании и даже опасении местных властей оценивать и утверждать новые проекты, но и в определенной привычке обращения к уже устоявшимся образцам. Отсутствие или недостаточное количество квалифицированных специалистов на Южном Урале, особенно в уездных городах и небольших поселениях, являлось серьезным препятствием для развития архитектурного творчества в регионе.

В силу этого особое значение приобретает личность заказчика, сыгравшая в процессе сложения принципов южноуральского модерна, вероятно, одну из главных ролей. На рубеже веков становление архитектурного стиля зависело не только от профессионализма исполнителя (архитектора, инженера или подрядчика), но и от эстетических предпочтений инициатора строительства.

Заказчиками зданий в стиле модерн выступали чаще всего торгово-промышленное сословие и разночинцы (главным образом, интеллигенция). Купцы и промышленники на Южном Урале наиболее живо реагировали на новую архитектурную моду. Они активно строили свои особняки, дачи и пассажи в стиле модерн и именно им принадлежала большая часть зданий, сформировавших основную пласт архитектуры рубежа XIX – XX веков⁹.

Причины обращения торгово-промышленного сословия к архитектуре модерна кроются, вероятно, в сфере деятельности купечества. Безусловно, строительство зданий в стиле модерн являлось показателем включенности провинциальных купцов в общероссийские культурные процессы, демонстрировало их осведомленность. Благодаря этому в региональную архитектурную практику были внедрены новейшие стилевые формы, расширилось количество функциональных типов сооружений, впервые появившихся еще в конце XIX века. В начале XX века количество таких построек только увеличивается. К примеру, активное строительство доходных домов и гостиниц связано с процессами урбанизации, а появление зданий электротeatров – с развитием кинематографа. Строительство электротeatров хронологически совпало со становлением принципов модерна в провинции и использование его «авангардных» форм было обусловлено желанием привлечь зрителя. Возможно, именно поэтому броские, эффектные по своему характеру композиционные приемы модерна были столь востребованы при проектировании зданий, для которых внешний облик являлся формой рекламы.

Эстетика и привлекательность модерна, безусловно, были наиболее предпочтительными при выборе купечеством стилевых форм, и в дальнейшем индивидуальный вкус и художественные пристрастия заказчика напрямую влияли на оформление стиля в регионе. Особую приверженность модерну демонстрировали купцы, связанные торговыми отношениями с Санкт-Петербургом и Москвой, а использование модных архитектурных приемов в провинции отчасти отождествлялось с успешностью. Желание представителей купечества продемонстрировать свой статус повлекло за собой активное обращение к принципам модерна не только в общественных зданиях, но и в особняках, которые своим внушительным видом или расположением в квартале должны были иллюстрировать высокое социальное положение и материальные возможности владельца. На Южном Урале особняки стиля модерн практически никогда не ставились вглубь квартала, как это было, например, в Москве. Более того, наряду с расположением по красной линии, весьма распространена была угловая постановка здания. Готовность купцов платить деньги за современное оснащение дома и использование новейших строительных технологий, что было неотъемлемым при реализации программы модерна, стало для провинциального зодчества серьезным стимулом к развитию архитектурного творчества.

При достаточной свободе взаимоотношений заказчика и исполнителя, не зависящих теперь от государственной регламентации, этот союз отличался своеобразным диктатом первого над вторым. Кроме того в дальнейшем внезапно обнажилась серьезная проблема художественного качества архитектуры. В

⁹ Из почти 150 выявленных зданий стиля модерн, сосредоточенных на Южном Урале, строительство только 2-3 зданий было иницировано разночинцами.

большей мере это касается уездных городов и небольших поселений, где работали малоизвестные архитекторы, техники, молодые специалисты. В такой неразвитой архитектурной профессиональной среде социальное превосходство заказчика являлась достаточным аргументом для его влияния на всех этапах строительства [1; с.64].

История градостроительства и архитектуры Оренбургской и Уфимской губерний сохранила имена многих купцов, выступающих в роли заказчика. Благодаря семьям Яушевых, Валеевых, Стахеевых, Бакакиных, Грибушиных, купцам П.Ф. Панкратову, М.П. Архипову, А.И. Зарывнову, В. Трошину, М.Г. Хусаинову и многим другим, южноуральский модерн смог выработать свои неповторимые черты.

Взаимоотношения между архитектором и заказчиком выстраивались по-разному. Зачастую купцы I гильдии, имевшие на Южном Урале экономический интерес, не проживали в регионе. Например, династия Стахеевых, происходившая из Елабуги, будучи крупнейшими промышленниками с огромными капиталами строили в этом регионе, но проживали в других городах Российской империи – Москве, Казани, Елабуге и т.д. В Торговом доме Стахеевых, построенном в 1912 году, черты модерна проявились наиболее ярко. Заказ строительства в Миассе Стахеев передавал через своего управляющего (имя неизвестно). Размеры здания и эффектное композиционное решение однозначно свидетельствует о том, что заказчик был знаком со стилистическими тенденциями, предпочитаемыми в столицах – художественный образ постройки лишен провинциальности. Здание занимает угловое местоположение на пересечении двух центральных улиц – Пролетарской и Ленина (бывш. Церковная и Златоустовская соответственно), что, несомненно, способствовало быстрому коммерческому развитию Торгового дома. Это двухэтажное Г-образное в плане здание имеет срезанный угол, который подчеркнут небольшим ризалитом, аттиком с глухим круглым окном, вписанным в треугольник небольшого фронтона. Усеченная четырехскатная шатровая крыша увенчана флюгером надписью «1912». Оба крыла здания имеют четкое членение пилястрами с декоративными тягами. Различный размер прямоугольных окон нарушает монотонность ритма фасадной композиции. Украшенные тригифом и соединенные кованой решеткой парапетные тумбы, поставлены по оси пилястр, обогащая силуэт здания. Система фасадного декора сосредоточена в основном во втором ярусе: это лепные растительные элементы, помещенные в капители пилястр, сложный профилированный карниз, украшенный зубцами, лепнина аттика, помещенного над главным входом. Верхние и нижние окна с кубиками дутого стекла, часть из которых, к сожалению, на сегодняшний день заменена обычным, помогают объединить всё в единую композицию.

Еще один вариант распространения стиля можно проследить на примере заказа кунгурской купчихи I-ой гильдии Антонины Ивановны Грибушиной¹⁰. Семейству Грибушиных в Перми принадлежал уникальный особняк в эклектичных формах, сочетающий в системе фасадного декора декоративные приемы модерна с необарочными формами (арх. А.Б. Турчевич, 1895-1905). Несомненно, подобное композиционное решение фасада свидетельствует не только о высоком профессиональном уровне архитектора Турчевича¹¹, но и о разнообразии художественных вкусов заказчика. Несомненно, и то, что семейство было осведомлено о последних тенденциях архитектурной моды конца XIX – начала XX веков.

В 1907-1910 годах Антонина Ивановна открыла в Челябинске каменные торговые ряды¹². Они были построены в новом, формировавшемся в начале XX века торговом центре города на пересечении улиц Уфимская (совр. ул. Кирова) и Скобелевская (совр. ул. Коммуны), закрепляя угол квартала. Примерно в это же время справа от грибушинских рядов по улице Уфимской было возведено еще одно торговое сооружение, благодаря чему оформился весьма своеобразный архитектурный ансамбль. После смерти Антонины Ивановны её торговые помещения отошли местному купцу М.Ф. Валееву, чей магазин примыкал к рядам Грибушиной. Здание поставлено по красной линии на перекрестке улиц Кирова и Коммуны (бывш. Уфимская и Скобелевская). Несмотря на то, что его главный фасад выходит на улицу Кирова и акцентирован аттиком в центральной части, здание также имеет срезанный угол, по обеим сторонам которого находятся входы. Угловая часть здания подчеркнута небольшим ризалитом и высоким фигурным фронтоном. Оба фасада имеют мерный ритм, образованный одинаковыми по размеру и очертаниям окнами-витринами и усиленный лопатками с лепными тягами в верхней части. Однако разная протяженность (западный фасад длиннее южного на три прясла) выявляет асимметрию объемно-пространственной композиции, свойственную модерну.

Распространение стиля было связано также с именами местных купцов, которые постоянно жили на Южном Урале, но активно общались со своими коллегами из других регионов, ездили в Европу и,

¹⁰ Глава семейства – купец I гильдии Михаил Иванович Грибушин, составил свой капитал на чаоторговле и имел коммерческий интерес в Кунгуре, Перми и ряде других городов. После смерти Михаила Ивановича руководство делами перешло его супруге.

¹¹ Александр Бонавентурович Турчевич (1855-1909) начал свою карьеру с обучения в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, но обучение не закончил. В 1885 году сдал экзамен на право производства строительных работ и начал активную практику, стал принимать заказы на проектирование зданий. В 1888 году создал «Строительно-техническое бюро А. Б. Турчевича».

¹² Согласно паспорту здания, составленному в 1977 году, здание имеет наименование «Магазин Авдеева». При этом здесь же уточняется, что данное название используется «по сведениям старожилов и обосновать документально его не представляется возможным». В более поздней литературе используется название «Каменные торговые ряды А.И. Грибушиной».

разумеется, не могли оставить без внимания новые тенденции в архитектуре. Например, экономическая деятельность семьи Яушевых была весьма обширной. Им принадлежали: кожевенный завод, паровая вальцовая мельница, конные заводы, торговые пассажи (двух- и трехэтажные здания), чаеразвесочная фабрика в Челябинске. Также они занимались сельскохозяйственной деятельностью, например, имели хлопковую плантацию в Ташкенте и т.д. Яушевы, жившие в Троицке, строили торговые и жилые дома не только в городах Южного Урала, но и в Кустанае (бывш. поселение Николаевск, Николаевского уезда Тургайской области), Варшаве, Кульдже (совр. Китай) и ряде других. Именно им принадлежала инициатива появления торгового пассажа в Челябинске, выполненного в духе рационального модерна (1911-1913, арх. А.А. Фёдоров). Несмотря на включение в фасадную композицию элементов ордерной системы, например, спаренных полуколонн с композитивными капителями, фланкирующих центральный оконный проем во втором этаже, здание иллюстрировало самые последние достижения в области архитектуры и строительства. Система фасадного декора строится на сочетании разной фактуры материалов – стеклянных окон-эркеров и гладких простенков, облицованных керамической плиткой синего и бежевого цветов. Здание имело также электрическое освещение и паровое отопление. Сегодня в здании располагается Челябинский областной музей искусств.

Яушевым также принадлежала городская усадьба (1880 – начале XX века)¹³, расположенная в Троицке, в главном доме которого до недавнего времени сохранились оригинальные интерьеры, выполненные в духе модерна. Этот дом усадьбы расположен по красной линии и в его композиционном решении фасада сочетаются традиции эклектики и модерна, что связано с несколькими этапами строительства. Правая часть фасадной композиции образована мерным ритмом прямоугольных окон с лучковым завершением и замками в первом ярусе, а левая, построенная позже, имеет оконные проемы разной конфигурации, особенно примечательны, эллиптической формы, в первом ярусе. Впоследствии огромные окна-витрины со сложной расстекловкой, освещающие зимний сад, были заменены обычными прямоугольными проемами во втором ярусе. Стоит отметить, что зимний сад был открыт для всех желающих и долгое время являлся достопримечательностью уездного города.

Здания, принадлежавшие семейству Яушевых, несомненно, важны для исследования южноуральской архитектуры начала XX века, поскольку в них наиболее полно сконцентрированы основные черты регионального модерна.

Примеров зданий заказанных разночинцами на Южном Урале немного. Среди них, безусловно, стоит отметить дом врача Клячкина, построенный в уездном городе Верхнеуральск Оренбургской губернии. Особый интерес в его композиционном решении вызывает использование изобразительных форм в системе фасадной композиции – вазоны с цветами, вплетенные в несложный геометрический орнамент, в общих формах которого угадывается типичная для модерна упругая линия.

Безусловно, личность заказчика сыграла ключевую роль в становлении и развитии модерна на Южном Урале. Не только благодаря материальным возможностям, но и в силу многих других факторов. Экономические контакты с другими регионами Российской Империи в начале XX века стали особенно активны в связи с появлением железной дороги на Южном Урале. Различные модели распространения принципов стиля, рассмотренные в данной статье, подчеркивают мобильность и восприимчивость представителей торгово-промышленного сословия в выборе архитектурных форм для своих построек. Вероятно, особый образ жизни купечества и промышленников, их требования к порядку жизни в некоторой степени «узаконили» использование современных приемов и технологий строительства, повлияв тем самым на оформление своеобразного языка южноуральского модерна.

Список литературы

1. Буряя И.В., Архитектура Сызрани конца XVII – начала XX века. – Сызрань: ООО «Полиграфия», 2008. – 176 с.
2. Градостроительство России середины XIX – начала XX века / Под общей ред. Е.И. Кириченко (в 3-х тт.) – М.: Прогресс-Традиция, 2001–2010.
3. Звагельская В.Е. Гражданская архитектура Урала второй половины XIX-начала XX (в 2-х тт.): дисс... к.искусствоведения. – М., 1985. – 278 с.
4. Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830-1910-г годов. – М.: Искусство, 1978. – 400 с.
5. Модерн: взгляд из провинции: Сборник докладов научно-практической конференции, 16-18 марта 1994 г. / Сост.Г.С. Трифонова. – Челябинск: Челябинский дом печати, 1995. – 200 с.

¹³ Заказчиком был Муллагали Яушев, а возможным архитектором – Аркадий Фёдоров. Вероятно, это предположение связано с активным сотрудничеством купеческой семьи и архитектора при строительстве в других городах Оренбургской губернии.

ЗНАЧЕНИЕ РЕКЛАМЫ В КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КАМСКО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА

Н.П. Лигенко

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, г. Ижевск

Аннотация: В статье предпринята попытка показать новые стратегические адаптеры в форме рекламы как необходимое условие успешности предпринимательского дела в условиях активизации модернизационных процессов на рубеже XIX–XX веков с привлечением общероссийской и местной периодической печати.

Ключевые слова: модернизация, предпринимательство, реклама, периодическая печать, торговля, промышленность.

IMPORTANCE OF ADVERTISING IN BUSINESS ENTREPRENEURS KAMA- VYATKA REGION. SECOND HALF XIX – EARLY XX CENTURY

N.P. Ligenko

Abstract: The article attempts to show the new strategic adapter in the form of advertising as a necessary condition for the success of the business case in a revitalization of modernization processes at the turn of the XX-th centuries with XIX- involvement of national and local periodicals.

Keywords: modernization, entrepreneurship, advertising, periodicals, trade, industry.

Во второй половине XIX – начале XX века с активизацией модернизационных процессов, развитием всероссийского капиталистического рынка входят в силу новые явления адаптивной стратегии предпринимателей – рекламирование продукции частновладельческих предприятий и реализуемого товара. В выработанных купцами правилах коммерческой деятельности обозначено: «Если хотите делать большие дела, не жалейте денег на частые публикации о них в самых распространенных газетах. При этом, если вы даже в начале не заметите успешного действия публикаций, не прекращайте их, потому что они дают результаты обыкновенно не сразу, а спустя некоторое время» [6, с. 373].

Научное осмысление феномена «реклама» на современном этапе происходит на междисциплинарном уровне, с позиции исторических, экономических, психологических, правоведческих, искусствоведческих подходов. В поле нашего интереса находится исторический аспект заявленной темы: виды, формы, содержание, место публикации рекламы предпринимателей Камско-Вятского региона второй половины XIX – начала XX века и ее роль в социокультурной среде провинциального региона.

Слово реклама произошло от латинского *reclamo*, что значит: снова кричу, зову, кличу или возобновляю крик, зов, клич [2, с. 368]. Наиболее крупные предприниматели, накопив опыт коммерческой деятельности, отдали должное внимание «кличу» и «возобновлению клича», то есть активному, периодичному рекламированию продукции своих промышленных и торговых заведений. Отечественные предприниматели, изучая опыт деловых людей зарубежья, приняли к сведению принципы американских коммерсантов, которые считали, что «если у вас 1000 руб., и вы хотите начать какое-либо предприятие, то на 250 руб. нанимайте помещение, закажите вывеску и обстановку, 250 руб. употребите на товар, на 250 руб. делайте публикации, а остальные 250 руб. отложите в запасной капитал» [6, с. 373]. Как мы видим, в качестве одного из необходимых правил первоначального вложения капитала для удачной организации задуманного дела является использование рекламы. Известный исследователь В.В. Уперов, изучая историческое развитие и психологические основы отечественной рекламы, подтверждает ее большое значение, считая, что она и в дореволюционной России стала необходимой частью рационального ведения дела, частью железного остова нашей хозяйственной жизни, что, увеличивая и ускоряя сбыт, она создает благоприятные условия для расширения предприятия и успешности предпринимательства [8, с. 369, 371].

Во второй половине XIX в. с развитием товарно-денежных отношений, образованием системы свободной конкуренции старая система выжидания покупателя уступила новой – привлечение покупателя. Предприниматели региона, рекламируя свою продукцию, охватывали все уровни периодики, начиная с общероссийских и кончая местными, городскими изданиями. Первые рекламы появились на страницах газет с 1830-х гг., которым было дано исключительное право – печатать частные объявления. В Вятской губернии особой популярностью пользовалась газета «Вятские губернские ведомости».

Анализируя рекламирование продукции промышленных и торговых заведений Камско-Вятского региона, нельзя не заметить, что предприниматели, используя средства массовой информации, подходили к их выбору весьма избирательно, с учетом географии востребованности товара, вида и размаха деятельности (промышленность и торговля воедино или только торговля, тип и объем предлагаемого

товара). Так, владельцы крупных промышленных предприятий и торговых заведений, как то: оружейники династий Петровых, Евдокимовых, Березиных, владельцы химических заводов Ушковы, предприятий пищевой отрасли и крупные хлебо-и-нефтеторговцы Стахеевы, пищевой отрасли – Александровы, канатной и химической – Зылевы давали постоянную широкую рекламу на страницах общероссийских и региональных изданий. Из последних, особой популярностью пользовался «Уральский Торгово-Промышленный Адрес-Календарь» (1899–1917 гг.) (далее УТПАК), издававшийся в Перми, адресно охватывавший Вятскую, Пермскую, Уфимскую, Оренбургскую губернии. В одном случае, реклама, краткая, лаконичная, помещалась между строк, прерывая основной текст, которую, конечно же, по инерции читатель пробежал глазами и принимал к сведению. В другом случае, реклама шла в конце календаря, описательная, эмоционально подкрепленная иллюстрациями, с подробными данными предлагаемой продукции, месте ее производства и адресом заказа. Второй принцип рекламирования широко использовался в не менее популярном издании «Памятной книжке Вятской губернии и Календаре на 1857–1900 год», (далее ПКВГиК), издававшейся в Вятке, реже – в периодике других регионов.

Многие из успешных предпринимателей региона в совершенстве овладели технологией рекламного дела. Особой активностью и изобретательностью из состава местных предпринимателей в рекламировании своей продукции отличались ижевские оружейные фабриканты Иван Федорович и Василий Иванович Петровы. Отец и сын использовали для нее все средства как открытые, оригинальные, так и сомнительного характера, насколько позволяло им воображение и фантазия. Для рекламирования продукции в ход шла периодика, поздравительные открытки, почтовые карточки, плакаты. Петровы умудрились приспособить скалу (близ курорта Эссентуки, по дороге на Пятигорск), где до сих пор выбитая «вечная» реклама «гласит» о хорошем качестве производства петровских охотничьих ружей. В другом случае, Петровы догадались воспользоваться сложившимся высоким реноме Ижевского оружейного завода: на отдельно изданной почтовой карточке за 1910 г. на фоне фотоизображения Ижевского оружейного, металлургического заводов (вид сверху) поместили сжатую, броскую рекламу «Огромное производство Вас. Петрова, Ижевский оружейный завод Вятской губернии. Всегда на складе до 10 000 ружей».

В составе авторов реклам преобладающее место занимают торговые дома. Данные объявления показывают характер специализации торгового дома, ассортимент предлагаемого товара, эстетику его подачи. Так, торговые дома, владевшие промышленными предприятиями, производили и реализовывали как свою, так и высококачественную привозную продукцию. Торговые дома местного происхождения занимались только коммерческой деятельностью, предлагали чаще всего привозной товар. Важными сведениями рекламы являются указания адресов филиалов оптовых складов и магазинов в городах, заводских поселках, селах местных и других регионов, что отражает размах деятельности предпринимателей, с одной стороны, и возможности поиска сведений о его деятельности, с другой. В то же время в местной периодической печати помещали свои рекламы торговые дома неместного происхождения. Они вели торговлю в Камско-Вятском регионе через своих агентов, имели здесь оптовые склады и торговые точки, что также важно при изучении истории повседневности жителей региона и роли привозного капитала в экономической и культурной жизни региона.

Ярким примером вышесказанных выводов являются многочисленные рекламы «Торгового дома Николая Павловича Зылева Наследники», которые помещались в УТПАК, памятные книжки и местные городские газеты, предлагая продукцию канатной фабрики в г. Сарапуле. Следует заметить, что реклама Зылевых отличалась эмоционально-возвышенным тоном, подробностью описания выпускаемого ассортимента продукции. Реклама сообщала, что «Поставщики лучших фирм всего бассейна рек Волги и Камы, Приазовского края, Кавказа и Западной Сибири торговый дом «Николая Павловича Зылева Наследники» в г. Сарапуле. Главная контора в Сарапуле (на Каме). Собственники паровых фабрик, пеньковых канатов, масляных красок, растительных масел, всевозможных обыкновенных и лаковых олиф. Выпуск фабрикатов: буксиров, канатов, веревок, шнуров, бечевы, шнурков в окружности от ¼ до 30 дюймов, смольных и бельных товаров. Тертых масляных красок, приготовленных из лучших заграничных материалов, непосредственного приобретения. Столовое и для олиф масла: конопляное, льняное и др. Олифа: для полов, фасадов и отделочных работ, а также белая и лаковая олифы, приготовляемые лучшим последним способом варкой и томлением. Собственные торговли: В Усолье, Перми, Сарапуле, Астрахани, а также и склады при торговых в городах: Нижнем Новгороде у «Н-ков А.А. Смелова», Самаре у Т.К. Горбунова. Исполнение требований для пароходо-судо-владельцев, лесопромышленников, частных и казенных заводов, владельцев шахт, приисков и хозяйственных имений. Аккуратное и немедленное исполнение во всякое время года. Лучшие отзывы потребителей!!! За все существование с 1897 года!!! Иллюстрированные преис-курранты высылаются по требованию бесплатно.» [9, с. 68]. К овсему прочему, данная реклама, отражающая широту предпринимательского дела Зылевых, является достоверным репрезентативным источником, что подтверждается реалиями жизни: продукция Зылевых была широко востребована; предприниматели, приумножая капиталы, твердо стояли на ногах. Достоверность содержания реклам Зылевых подтверждается данными статистических публикаций. Нельзя не присоединиться к выводам исследователей, считающих, что только честная реклама может дать известные выгоды, ибо прибыль, полученной с одной торговой операции, не отвечающей действительности, едва ли можно покрыть вызванные рекламой расходы [2, с. 377].

Торговые дома, имея необходимые средства, давали в солидных изданиях объемные, подробные, содержательные, заинтересовывающие, завлекающие покупателя рекламы, в местной газете – в виде извещения, предложения. Так, глазовский торговый дом «А. Клабуков с С-ми и К°» поместил объявление на 1909 г. в Уральском Торгово – Промышленном Адресе-Календаре о своем магазине в Перми по Красноуфимской улице, расположенном в собственном доме. Извещалось, что в магазине производится торговля фарфоровой, фаянсовой и хрустальной посудой, чаем, сахаром, кофе, табаком, сигарами, папиросами, фруктовым, бакалейным, рыбным, мучным и прочими товарами. Фирма имела магазины в Вятке, Перми и Глазове. В ассортименте товаров присутствуют также галоши, обои, багет, венская мебель, английские кровати и матрацы к ним [10, с. 25]. В объявлении на 1912 г. елабужский первогилядейский купец В. Чернов оповещал, что имеет свою резиденцию в с. Покча. Сферой его предпринимательской деятельности было пароходство и торговля мануфактурными и хлебными товарами. Он предоставлял доставку грузов от г. Чердыни до г. Рыбинска. Занимался постройкой баржей [1, с. 21]. Рекламы владельцев предприятий, публиковавшиеся в местных изданиях, рассчитанные на своего покупателя, продукция которых входила в число продуктов первой необходимости, были более практичными, сдержанными, скорее, это было извещение, предложение своей продукции. Так, Механическая крупянка и мельница Товарищества «Ф.П. Гирбасов с С-ми и К°» в Елабуге предлагает покупателю оптовую и розничную продажу крупы, муки гречневой и ржаной высокого качества в магазине, принадлежавшем товариществу на Казанской улице. Кроме этого продаются отбросы гречневые для корма скота и шелуха для топления печей [3, с. 1]. Нельзя не заметить, что Гирбасовы вели свое дело очень рачительно, с минимумом отходов. Явно, у них товар не залеживался на складах.

Местная периодика, городские газеты, издаваемые уездными центрами, активно использовались местными торговцами, владельцами промышленных предприятий, всеми деловыми людьми. Следует отметить, что каждый город старался издавать свою газету, информируя читателя о ярких, деловых, любопытных событиях, новинках в ассортименте предлагаемого магазинами товара, работе банков, предприятий легкой промышленности, востребованности наемной рабочей силы. Так, газета «Кама» (1913–1918), позиционирующая как еженедельная общественно-экономическая и литературная, ставила одной из главных задач – всестороннее освещение жизни и нужд Прикамского края, Среднего Прикамья, г. Сарапула с Ижевским и Воткинским заводами. Как коммерческую предприниматели использовали газету «Прикамский край» (1906–1911гг.), хотя при ее оформлении основная направленность определялась в общественно-политическом и литературном ракурсе. Богатейшую, насыщенную важными сведениями и просто интересными событиями предоставлял местному читателю «Сарапульский листок объявлений» (1897–1906гг.), издававшийся в г. Сарапуле. Хотя при создании эта газета позиционировала себя как место размещения реклам и объявлений. Она выходила два раза в неделю по четвергам и воскресеньям. Объявления печатались по 5 коп. за строку. Редактором издания длительное время был предприниматель И.М. Колчин. Из номера в номер на страницах газеты, как бы соревнуясь в красочности, изысканности подачи материала, рекламировали свой товар братья Иван Иванович и Егор Иванович Бодалевы. Старший брат, купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, со временем стал крупным предпринимателем, хозяином вино-водочных и пиво-медоваренных заводов в г. Сарапуле и селе Ижево, второй – успешно занимался в основном коммерческой деятельностью. Нельзя не отметить, что предприниматели имели свои современного типа магазины в г. Сарапуле и в селе Ижево, расположенные в отдельных специализированных кирпичных зданиях, расположенных в линейку, один подле другого, дополняя длинный ряд магазинов, как правило, на Базарных улицах, вблизи от базарных площадей, где особенно наблюдался большой приток покупателей, особенно в базарные и ярмарочные дни. В деревнях Бодалевы, как и все предприниматели, использовали примитивные лавочные формы торговли в приобретенных с этой целью деревянных жилых или арендованных домах, обустроенных под торговую точку. Торговля в них производилась разнообразными в ассортименте, необходимыми деревенской публике товарами как продуктовыми, так и галантерейными.

Следует отметить, что в поле зрения Бодалевых находились все слои общества, что, конечно же, способствовало их коммерческому успеху. Помимо вино-водочной продукции, в магазинах обоих купцов продавались кондитерские, галантерейные, парфюмерные товары. Ассортимент предлагаемых товаров в городских фешенебельных магазинах указывает на ориентацию владельцев запросов состоятельных горожан. Так, реклама в «Сарапульском листке объявлений» за 1897 г от 29 июня под № 17 оповещает: «Много новостей можно встретить в магазине Е.И. Бодалева о вновь полученных парфюмерных и косметических товаров русских и зарубежных фабрик: духи в роскошных флаконах «Букетами цветов», «Корзиночками цветов», «Фазами» и другими красивыми флаконами. Мыло превосходное всех сортов в роскошных шелковых, атласных и других обертках; Вазелин; кольд-крем в изящных баночках и все необходимые туалетные принадлежности в громадном выборе, а также имеются разные средства: для укрепления волос, перхоти, для рращения волос, фиксатуры, карандаши, ангуаз и бриллиантин для усов, гримировки для гг. артистов, разная помада и крем для лица и рук, придающая коже белизну, нежность и мягкость, весовые духи всевозможных запахов от 8 к. до 20 к. за золотник и много других принадлежностей для обстановки туалетов» [7, с. 1]. Подобные рекламы содержат полезные сведения, способствуют совершенствованию эстетического вкуса публики, делают потребности провинциального общества более утонченными.

Для жителей Елабуги и уезда важную роль играла газета: «Камский листок объявлений», которая наряду с объявлениями хозяйственного порядка уделяла внимание культурной составляющей жизни города. Так, постоянно помещались сведения о поступающих в торговлю литературных произведениях. В «Камском листке объявлений» за 1902 г. сообщалось, что «в книжной торговле И.Н. Кибардина поступила в продажу вновь изданная книга: «История города Елабуги» соч. Н.И. Шишкина» [4, с. 1]. Не скупился на рекламу продукции с «собственных водяных мельниц» Порфирий Степанович Лобанов, магазин которого располагался на углу Средней и Московской улиц, в собственном доме. Ассортимент предлагаемого товара был достаточно разнообразным: мука ржаная обойная и обыкновенная лучшего качества и размол, пшеничная, полбенная, гречневая, крупчатка, солод и посыпка; крупа гречневая запарная и обыкновенная белое ядро, ячменная, овсяная, просо, пшено, горох съестной, толокно (вятское), а также чай, сахар, табак, папиросы, гильзы, масло разное, соль, мыло, керосин, свечи, спички. Как видим, основную статью составляли товары первой необходимости, произведения собственного предприятия, остальные товары были привозными, также относились к самым ходовым [5, с. 1]. Помещалась в газете и коллективного характера реклама: «Величайшая в России Ярославская табачно-махорочная фабрика И.Н. Дунаева доводит до сведений гг. потребителей, что самый лучший табак – махорка означенной фабрики имеется в продаже во всех магазинах г. Елабуги «Т-ва Гирбасовых», «Н-ков Баутина, Иконникова, Кулакова и др.». Табак означенной фабрики, удостоенный на Всероссийской нижегородской выставке высшей награды, продается под маркой «золотой герб» [4, с. 1]. На страницах газеты помещались также объявления об открытии новых магазинов, принадлежавших коммерсантам. Так, можно было встретить такого характера сообщение: «Вновь открыт галант-модный магазин А.О. Турцер из Мензелинска предлагает выбор галантерейно-модных товаров известных венских и варшавских фабрик. Модные с претензией женщины, городские законодательницы моды непременно обратят внимание на такое объявление и тут же последуют за нарядами». Начинаящие предприниматели давали более скромные объявления: «Открыта гастрономическая и бакалейная торговля Коробицына: консервы разного рода, десерт, фрукты» [5, с. 1].

Нельзя не отметить, что важным достоинством рекламы для современного исследователя является возможность использовать ее в качестве исторического источника. Дореволюционная реклама чаще всего содержит четкие, суммарные и яркие сведения, а именно: ассортимент товара предлагаемого на данный период торговым домом, места производства и реализации, ее формы, фамилии не только владельцев, но и их агентов, что едва ли встретишь в других документах.

Таким образом, в условиях модернизации всех сфер общественного развития, предприниматели понимали, что реклама является творческой силой, которая не только дает направление существующему спросу, но и вызывает к жизни новые потребности и создает новое или более широкое производство. Правильно составленная правдивая реклама обладает большой убедительностью, неутомимостью. Она содействует развитию не только экономической, но культурной сферы жизни общества.

Список литературы

1. Адрес – Календарь и Справочная книжка Пермской губернии на 1912 г. – Пермь, 1911.
2. Гермес. Торговля и реклама. Сборник. – СПб., 1994. – 480 с.
3. Камский листок объявлений. Г. Елабуга. – 1901. – № 13. – 18 ноября.
4. Камский листок объявлений. Г. Елабуга. – 1902. – № 4. – 27 ноября.
5. Камский листок объявлений. Г. Елабуга. – 1902. – № 5. – 15 декабря.
6. Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века. – Ижевск, 2001. – 406 с.
7. Сарапульский листок объявлений». Г. Сарапул. – 1897. – № 17. – 29 июня.
8. Уперов В.В. Реклама – ее сущность, значение, историческое развитие и психологические основы // Гермес. Торговля и реклама. – СПб., 1994. – 480 с.
9. Уральский Торгово-Промышленный Адрес-Календарь на 1902 г. – Пермь, 1901.
10. Уральский Торгово-Промышленный Адрес-Календарь на 1909 г. – Пермь, 1909.

**МАРИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ КУКЛА, ЕЁ РОЛЬ В ЖИЗНИ
КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ И В ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО
ПОКОЛЕНИЯ: «ПОХАНЯ, ПУПАШКАР»**

С.Ю. Лобанова

МУ «Козьмодемьянский музейный комплекс» г. Козьмодемьянск, РМЭ

«Без неё, без куклы, мир бы рассыпался, и дети
перестали походить на родителей, и народ бы
рассеялся пылью по лицу Земли»

А. Синявский

Аннотация: До начала XX века, в марийских деревнях преобладали куклы кустарного, домашнего изготовления. В каждой крестьянской семье бытовало несколько видов кукол разного назначения от игровых деревянных кукол «пупашкар», до обрядово-ритуальных. В статье раскрывается роль кукол в воспитании подрастающего поколения, возрастное разграничение кукол с первых дней жизни и до взросления. А также значение кукол-мотанок в бытовых обережных обрядах и ритуалах сопровождающих человека на протяжении всей его жизни.

Ключевые слова: Крестьянская кукла народа мари, воспитание, обряды, быт, вера.

**MARI NATIONAL DOLLS XIX – XX CENTURIES. THEIR ROLE IN THE LIFE OF
A PEASANT FAMILY AND IN THE UPBRINGING OF THE YOUNGER
GENERATION**

S. Yu. Lobanova

Abstract: Until the early twentieth century there were home made dolls in the Mari villages. In every peasant family there were several types of dolls for different purposes from gaming wooden dolls "pupashkar" to ritual.

The article reveals the role of dolls in the upbringing of the younger generation and also the age distinction of the dolls from the first days of life and until adulthood and reveals the significance of dolls in domestic rites and rituals accompanying the person throughout his life.

Keywords: Peasant doll of Mari people, education, rites, mode of life, faith.

О народной кукле в российской специальной литературе было сказано немало, а о марийской национальной кукле – почти ничего. Когда-то она была в каждом доме, затем с распространением фабричного ширпотреба ушла в небытие. Была утеряна технология её изготовления. Ну а то, что продаётся в сувенирных киосках, далеко от оригинала.

Так чем же играли маленькие девочки и кто делал кукол в марийских деревнях?

Большей частью, вероятно, сами дети. Для самых маленьких детей это были бабушки, на плечи которых и ложилось воспитание подрастающего поколения, ведь отцы и матери, как правило, работали, а старые бабушки и дедушки всегда «под рукой». Ребятишки постарше делали кукол для себя и для младшеньких сами из чурбачков, лоскутков и тряпочек.

Основой традиционной марийской игрушки «пупашкар» служил гладкий обструганный деревянный кругляш. Брали обязательно осину, ведь по поверьям всех народов – это дерево с энергетикой, ее боятся злые духи (достаточно вспомнить про осиновый кол), кроме того, осина «вытягивает» болезни[2]. У фигурки имелась только голова и подол; голову от туловища отделяли, перекручивая нитками. Пупашкар не просто игрушка — это кукла-обережка, даже кукла-двойник. Например, когда младенца вынимали из люльки, туда взамен клали куклу — чтобы ненароком не проник злой дух. Если ребенок заболел, то куклу выбрасывали или сжигали, полагая, что вместе с ней уходит и недуг[2]. Куклы были безликими, кукла без лица считалась предметом неодушевленным, недоступным для вселения в него злых духов и, значит, в любом случае безвредным для ребёнка. Кукла должна была приносить своей маленькой хозяйке благополучие, радость жизни и здоровье, а не служить вместилищем злых духов.

Для всякого детского возраста предназначались свои конкретные куклы. Деревянными болванчиками и чурбачками играли совсем маленькие дети - «ползунки», нуждавшиеся в устойчивых и весомых прочных игрушках, которые можно было не опасаться сломать или пораниться самому. Игрушки эти просты и условны по форме, и работы требуется с «чурками» совсем немного — чтобы вытесать подобную «потешку», не надо быть плотником, справится и подросток. Топорно (в буквальном смысле этого слова) сделанная чурка обтёсывалась острым ножом и уподоблялась женской фигуре. Куклы получались иногда на редкость выразительными. Впрочем, такие куколочки забавляли малышей лет двух-

трёх, не больше. Ребенок рос, и простейшие деревянные «забавушки» тешили его недолго — лишь до тех пор, пока его игровые интересы были связаны в основном с движением и отличием движущегося предмета от неподвижного. Как только его восприятие окружающей действительности становилось более аналитическим и ёмким, ему начинали давать игрушки, более детально проработанные в плане формы. Среди кукол на эту роль хорошо годились соломенные «стригушки». Ловко скрученные из пучка спелой золотистой соломы с плетёными косицей руками эти куклы кажутся легкими и воздушными. На забаву детям соломенная куколка плясала, прыгала и вертелась, когда трясли её на подносе, качали на шатких половицах или ставили на стол и дробно стучали кулаком по столешнице. Красивую куклу из соломы мог свертеть каждый, не исключая и мужскую половину села. Среди деревенских баб порою попадались такие мастерицы, что навяжут таких кукол и принарядят их ситцевым фартучком, обмотают пестрым цветастым платком, а то и шляпку из соломки сплетут. Дети чуть постарше играли с тряпичными куклами. Пока дети были малы, шили или скручивали кукол их матери, бабушки, старшие сестры. Становился ребенок старше — и ему шили кукол более затейливых. Девочки подрастали, их начинали обучать приёмам изготовления куклы, и годам к пяти они начинали шить их самостоятельно. Девочки, едва научившиеся держать иглу, изготавливали более сложные куклы. Такие куклы шились с головой, с ручками и ножками, однако порою конечности могли и отсутствовать. Игрушки изготавливались из домотканой одноцветной ткани, набивались мелкими тряпками и ветошью, куделью, стружкой, песком. Иногда ноги (а реже и руки) сшитой таким образом куклы делались из твердой бумаги, дерева, а у отдельных экземпляров кукол — из глины. Девочки иногда своим куколкам подкрашивали глазки, «помечая» их угольком, рот и нос обозначали так же. Волос у кукол чаще всего не было, по желанию мастерицы их делали из пакли, поверх которой повязывался платочек или национальный головной убор шымакш.

Беззаботно играли в игрушки до достижения возраста трёх-пяти лет. После шести лет играли мало или уже не играли вовсе, переключаясь на более полезную в быту деятельность: девочек учили прясть, вышивать и т.д. Старшие девочки в семье, как правило, присматривали за младшими, одобряли или порицали их работу и игровую деятельность. Девочки к четырём годам уже самостоятельно вертели себе куколок и играли ими. Для своих подопечных делали кроватки, качельки, подушечки, одеяльца — всё, что нужно в настоящей семье. Кукольная игра называлась «дочки-матери», как и сейчас. Матушка говорила дочке: «Убери семью в коробку», что понималось как «Убери игрушки».

Поскольку куклы были тряпичные, обряжали в особую одежду их редко. Обычно кукольный костюм создавался в подражание реальной одежде взрослого населения и шился из тех же тканей. При этом дети, изготавливая себе игрушки, имитировали не только местечковые, но и половые, возрастные, социальные и сезонные различия, проводя чёткое различие между праздничным и будничным костюмом. Обычно кукольное платье любили делать красным, то есть красивым. В некоторых деревнях считали, что как в вышивке рушников, так и в кукольном убранстве красный цвет просто обязателен, ведь он (по крайней мере, так верили) обладает защитным действием — убережёт ребеночка и от сглаза, и от порчи. Если голову и руки скручивали из небелёного холста, то платье как раз шили кумачовым или же украшали алыми лентами. А если алая лента по подолу — почему бы не быть ей и на поясе, и по вороту, и по рукавам? Украшая кукольный наряд, девочка исподволь, без назидания, училась не только шить, но и вышивать. Узор, которым девочки расшивали своим куколкам платьица, тоже неслучаен — как и на бабушкином полотенце или дедушкином «жениховском» поясе, каждый элемент его имел какое-нибудь значение. Пределов фантазии (естественно, в рамках традиционных норм) здесь не было — одежду кукол украшали кругами и утиными лапками, крестиками и розочками, розетками, «волнушками» и еще много чем другим. У сшитых кукол голова частично обтягивалась более светлой, чем туловище, тканью, если обычная безликая кукла по каким-то причинам не устраивала, лицо ей «пятнали» сажей, мазали углем, «выводили» чернилами, «отмечали» карандашом, вышивали цветными либо однотонными нитками — кому на что хватало фантазии и подручного материала. Предметом особого внимания были волосы. Их делали из кудели, шерсти, различных нитей, конского и часто из человеческого волоса, причём при этом отчётливо подчеркивались различия в девичьей и женской причёсках. Дети свободнее взрослых обращались с материалом и смелее преображали его в нужную им вещь.

Куклы в сельской глубинке были не только тряпичные. Их также делали из дерева (пупашкар), лепили из глины, вертели из соломы. Все куклы-самоделки в старом крестьянском обиходе получались разными и одновременно похожими друг на друга. Они повторяли местный тип игрушки и отвечали вкусу их создательниц и обладательниц, отличаясь такими деталями, изменить которые, порой была не в силах и сама мастерица: в определённый момент у нее могли быть в наличии лоскутки или нитки лишь одного, определённого цвета или фактуры. Каждая конкретная игрушка — своеобразная интерпретация традиционной куклы, а часто и новый её вариант. Кукол делали разных размеров, имитируя возраст: куклы-дети, куклы-взрослые. Уходя из дома на весь день, родители оставляли детей на «попечение» кукол, зная, что детишки «при деле» и с ними ничего дурного не случится. Таким образом, игрушки выполняли ещё и роль оберега. Кукол своих деревенские девочки «кормили», умывали, общались с ними. На куклах девочки тренировались, разыгрывая целые ритуальные действия, заучивая и перенимая от бабушек и старших подруг фольклорные тексты.

Кукла отождествлялась как «второе я» её обладательницы, поэтому, когда сельские девчужки

подрастали и начинали ходить на «вечёрки», они не стеснялись приносить с собою вместе с лукошком пряжи и корзиночку любимых кукол, сравнивая их с куклами своих подружек-односельчанок. В сельской глубинке поощрялась возня девочек с куклами и их изготовление, порою по куклам судили о способности будущей молодухи к рукоделию (приданое до поры до времени не показывалось). Такое «серьёзное» отношение к детским играм показывает, что детей приучают к трудовой деятельности через игру, в которой они непроизвольно учатся шить, вышивать, прясть и постигают традиционное искусство народного костюма.

Среди тряпичных кукол встречается в основном женский типаж. Вот что рассказывала одна из провинциальных старушек: «Кукол у нас много было. И деток делали, а мужичков не помню» (1), — и другая: «Пареньков не делали, не принято у нас было, может, не умели, и вертели девок либо баб» (2). Словом, в деревенской тряпичной кукле явно предпочитался женский образ, а мужских персонажей заменяли собой то простая палочка, то пруттик, то щепка, а то и примитивно свернутые тряпичные куколки небольшого размера. В результате крестьянские дети распорядились полным набором кукол, необходимым в играх. Тряпичные же мужички, тщательно сшитые и одетые по всей форме, появились среди этнографических кукол лишь к концу XIX века, и то под влиянием городской игрушки. Но и тогда куклы «девки да бабы» оставались главными, мужские же куклы пребывали в явном меньшинстве. У тряпичной куклы есть яркий типологический признак — высокая девичья грудь. Намёк на женственность, плодовитость — ведь кукла-примитив неизменно обозначала взрослую женщину, а не ребенка. «А грудь это дело особое, — с улыбкою говорили сельские старушки. — Делали так, чтобы она хорошо выдавалась, чтобы попышнее была да покрасивее»(1); «свернем для того ровные аккуратные лепешечки из тряпок или шарики туго набьем да пришьем всякий раз — это уж не кукла без титек»(2). По обращению девочки со своей «лялькой» предсказывали, какой она будет матерью, на основании чего делали вывод, будет или не будет счастье в ее доме.

В куклы в старой деревне играли все дети без исключения; житейское мнение, будто кукла — чисто девичья забава, исходило от «образованных» слоев населения, среди которых мальчишка с детства готовили к карьере военного или чиновника, а девочку — к поискам жениха и замужеству. Деревенские мальчишки и девчонки играли вместе, летом часто голышом — до тех пор, пока на маленькую девочку не надевали юбку, а на ее кавалера — портки, и с тех пор их социальные и игровые роли начинали строго дифференцироваться.

Вообще, тряпичная кукла приобщала ребенка к обрядовой жизни родной деревни. Почти все обряды и празднества девочки мастерски разыгрывали со своими куклами. Долгими осенними и зимними вечерами, собравшиеся девочки-подростки разыгрывали целые свадебные игрища, для действия собиравшись группами в избе, на полатах, а летом — в амбаре, на свежем воздухе. Каждая девочка приносила с собой свой короб с куклами. В игре тех могло быть до двух десятков и даже больше — все участники церемонии да еще приезжие и гости. Сцену за сценой ребятишки проигрывали сватовство, посиделки, пропой... Положив на колени куклу, девочка на полном серьёзе расплетала ей кудельную косу и в роли подруги «голосила» свадебные причитания. Затем следовали «баня», девичник, венчание... Обвенчавшись с участием игрушечного «попа», кукла-невеста меняла свою «девичью» прическу на «бабскую», после чего кукол усаживали за «свадебный стол», а затем «молодых» выносили в соседнее помещение и оставляли вдвоем. Когда «дело» было сделано, хозяйки разбирали своих кукол и расходились по домам до следующей игры. Однако при всём впечатляющем сходстве с «настоящей» свадьбой, дети всё же отдавали себе полный отчет в том, что это была всего лишь игра; девочек, подсознательно собирающихся когда-нибудь замуж, увлекал сам процесс этой игры, её ход, развёртывание действия, а не результат. В кукольной игре раскрывался весь мир детских интересов и влечений. Играющие по своему усмотрению сокращали или расширяли игру-обряд, вносили в неё новые игровые ситуации, особо выделяя динамичные театрализованные моменты: долго и шумно катали кукол по избе, часто кланялись и здоровались, предпочитали протяжным песням весёлые, увлечённо танцевали с куклами в обхватку. Здесь зарождалось и совершенствовалось не только коллективное, но и импровизационное начало, определяющее характер всего народного творчества. В кукольную игру органично вплетались элементы народного театра, музыки, танца, устной поэзии, кукла же находилась в центре этой игры. Это обыкновение переняли жившие вперемешку с русскими финно-угры Поволжья. М.Е. Евсевьев свидетельствует, что у марийцев, как и у их русских соседей, на куклах девушка-невеста, назначив каждой из них особую роль, как по нотам, разыгрывала весь мудрёный свадебный обряд.

Для взрослых крестьян куклы имели еще и дополнительный смысл. Они сохраняли не только архаичные формы, но и своё магическое значение — вызвать урожай, приплод скота, счастливый брак. И если дети в какой-нибудь семье особенно усердно мастерили «лялек», то их матери предсказывался новорожденный, а небрежное отношение детей с куклами предвещало болезнь взрослого члена семьи. Считалось, что кукла была способна даровать женщине способность к деторождению — так она стала свадебным атрибутом. Особая бережность в обращении с куклами, заботливое хранение их в определённом месте, стремление сохранить их до замужества и передать своим детям — не что иное, как пережитки почитания женского божества. В народном сознании кукла наделялась магической силой, и до нынешних дней фигурировала в качестве свадебного атрибута. Молодые люди в старой поволжской деревне дарили друг другу самодельных кукол в залог любви и дружбы. При этом считалось, что подарок

такой, сделанный от чистого сердца, приносит счастье, а с какими-то корыстными или иными соображениями — беду и недолю. Дети никогда не оставляли корзины с игрушками на улице, хранили их в особых ларчиках, а взрослые, в свою очередь, следили, чтобы игрушки не валялись где попало. Они так и переходили «от одной девочки к другой». Тряпчатые куклы в страду даже на жатву с собою брали, и по посиделкам с ними ходили, и в гости, и в приданое брали. Если случалось несчастье, умирала девочка или молодая девушка, то на их могилах к подножию голбцов прикрепляли проволокой простейшие куколочки, скатанные из лоскутков, грубо скрученных воедино черными суровыми нитками. Считалось, что в ином мире девочка сможет поиграть куколками, чтобы не чувствовать себя одиноко.

Моя бабушка Евдокия вспоминала: «Я пошла замуж в 14 лет и кукол всех с собой забрала. Целую корзину этого добра привезла в дом жениха. Свёкор строго всем домашним наказал не доглядывать и не смеяться надо мной, когда я тихонько пряталась на чердаке, чтобы поиграть в свои куклы. Потом их снова оттуда достала, уже для своих детей»(1). Особая бережность в обращении с куклами, заботливое хранение их в определённом месте, стремление сохранить до замужества и передать своим детям — подобные факты нельзя, конечно, объяснить простой девичьей привязанностью к кукле, здесь, возможно, прослеживается связь игрушки с магическими действиями, остаточные пережитки почитания богинь-прародительниц. Первоначально возникла кукла именно как атрибут обряда, позже как кукла-оберег, и только после этого кукла стала детской игрушкой.

Изготовление магической обрядовой куклы – целый ритуал, при котором использовать ножницы, иглы и другие колюще-режущие предметы запрещалось – чтобы счастье-судьбу не колоть и не резать. Лоскутки ткани рвали руками на меньшие куски, скручивали верёвочками и нитями. При создании куклы каждая мелочь имеет значение. Так, нити наматывали по ходу Солнца (с востока на запад), по спирали (символ бесконечности духовной жизни). При этом желали человеку, для которого делался оберег, добра и счастья, крепкого здоровья, начитывали молитвы. Делать куклу-оберег надо было только в «хороший» период (лучше зимой). Неудачным временем считались праздники и выходные дни, а также среда и пятница (в эти дни заниматься рукоделием считалось грехом). Нельзя было мотать куклу-оберег ночью, когда нечистая сила выходит на прогулку. Очень строго придерживались ещё одного правила: смастерить куклу так, чтобы она стала оберегом, нужно за один раз, не откладывая работу на потом, на завтра. Считалось, что сделанное вторично перечёркивает то, что было сделано в первый раз, и таким образом, оберег теряет свою силу. Для изготовления куклы-оберега брали лоскуты ношеной одежды, к тому же «счастливой» - той, которую носили в лучший период жизни, не омрачённый ни бедами, ни болезнью, ни бедностью.

Черты лица у традиционных обрядовых, обережных, да и у простых кукол отсутствуют. По представлениям язычников, через лицо вселяется душа. А душа бывает хорошей или плохой. Народ верил, что в кукле сохраняется дух предков и она может передавать опыт из поколения в поколение. Подобие человека с лицом воспринимали как живое существо, и чтобы одухотворённое изображение не могло причинить бедствия, куклу оставляли безликой[1].

Секреты изготовления куклы-оберега передавались в семье от матери к дочери. Когда девушка выходила замуж, мать дарила ей куклу как оберег для нового дома. Больному ребёнку давали поиграть с куклой, после чего её уничтожали: в народе верили, что кукла впитывает в себя болезнь[1]. Отчасти это было правдой, вспомним куколочку пупашкар, изготовленную из осинового колышка.

Народная кукла простая, однако очень образная и символическая. Играя с ней, ребёнок может фантазировать, наделять её теми или иными чертами характера. В такой кукле нет агрессии, а процесс её создания успокаивает, улучшает настроение. Поскольку народные куклы из ткани были неотъемлемой частью крестьянской бытовой среды, связанной с земледельческой работой и домашним очагом, они и в древние времена, и сегодня являются символом плодородия, материнства и служат своеобразным оберегом[1].

Поханя, пупашкар — куклы интересные, но забытые. Молодежь, к сожалению, о них даже не слышала. И вот недавно в поселке Сернур куколочку пупашкар вернули к жизни. Началось всё с уроженки района Надежды Маркиной. Она в деревне Кожласола отыскала одну крепкую память бабушку Ольгу Дмитриевну Рыбакову, которая не только рассказала, что да как, но и своими руками смастерила напоказ одну мариинскую куклу[2]. Поэтому хочется вернуть народу то, что было утеряно. Обидно же и неправильно, что дети играют заокеанской Барби, а своя традиционная игрушка и, кстати, абсолютно экологичная, пребывает в неизвестности. Радует то, сейчас пупашкар возвращается, и со временем деревянная малютка, очень может быть, станет настоящим брендом. Мастерски сделанная, пышно одетая поханя может стать не только прекрасным подарком, удивительным элементом декора или ценным предметом домашнего имущества, но и оберегом благосостояния, счастливой семейной жизни и защитой от злых сил.

Словарь

Пупашкар – деревянная малютка.

Поханя – кукла.

Голбец – языческий ритуальный столбик установленный на могиле, на него вешается вышитое полотенце.

Список литературы

- (1) Егошина Евдокия Васильевна (д. Пичанур, Марий Эл).
(2) Губина Антонида Егоровна (пос. Сернур, Марий Эл).
1. Тарасова О.А. Куклы – мотанки. Обереги для вашего дома, приносящие удачу, богатство, изобилие и счастье. – Харьков – Белгород: Клуб семейного досуга., 2014. – 128 с.
2. <http://mariuver.com/2009/09/24/mari-barbi/#more-11473>

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ КУПЕЧЕСТВА СРЕДНЕГО ПООЧЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта
№ 14-01-00107

Е.Л. Ломако

ГАОУ ВПО «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт», г. Коломна

Аннотация: В статье рассмотрена и проанализирована экономическая состоятельность купечества провинциальных городов Среднего Поочья через привлечение широкого спектра статистических данных, носящих прямой и косвенный характер: численность рассматриваемой группы, размер капиталов, количество купеческих домов, развитие торговли, её направленность, торговые связи и т.п. Также прослежено формирование купечества как отдельной социальной группы русского провинциального города через законодательные инициативы верховной власти.

Ключевые слова: регион, провинциальный город, Среднее Поочье, купечество, занятия, социальная группа, капитал, численность.

COMPARATIVE ANALYSIS OF ECONOMIC WEALTHY OF TRADESMEN IN THE AREA OF SREDNEE POOCHYE (MID-OKA REGION) IN THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY

E. Lomako

Abstract: The article deals with the economic activity of the merchant class in provincial cities of Srednee Poochye (Mid-Oka region) by including a wide range of statistics of direct and indirect kind: the number of this group, the size of capital, the number of merchant houses, the development of trade, its focus, commercial relations, etc. It is also traced the formation of the merchant class as a distinct social group in the Russian provincial town through the legislative initiatives of the supreme power.

Keywords: region, provincial town, Srednee Poochye, tradesman class, activities, social group, capital, number.

Вторая половина XVIII в. характерна глубинными структурными изменениями, затрагивающими все стороны общественной жизни. В последней четверти столетия прошла административно-территориальная реформа [7, с. 229 – 304], утвердившая очертания губерний в границах, просуществовавших практически без изменений вплоть до первых десятилетий XX в. Согласно им, для сравнительного анализа мы возьмём население следующих городов Московской и Рязанской губерний, относившихся к региону Среднего Поочья: Верея, Егорьевск, Зарайск, Звенигород, Касимов, Коломна, Михайлов, Можайск, Пронск, Руза, Рязск, Сапожок, Серпухов, Скопин, Спасск. Необходимо рассмотреть и такие города, которые входили в обозначенные губернии, но относятся к бассейнам других рек: Данков и Раненбург (бассейн р. Дон), Дмитров и Клин (бассейн р. Волги), а также Волоколамск, выполнявший роль своего рода моста между р. Волгой и р. Окой.

Формирование купечества как особой социальной страты на протяжении XVIII в. заслуживает отдельного внимания. К середине 1720-х гг. городское население получило наименование «купцов» и делилось на три гильдии: 1-ю и 2-ю составляли жители, ведущие крупную и среднюю торговлю, а также мануфактуристы, 3-ю – цеховые, ремесленники и т.п. [8, с. 295]. Манифестом 1775 г. в жизнь города вводилась социальная группа мещан, под которыми понимались городские обыватели, не владевшие капиталом в 500 руб. [9, с. 86]. Именной указ того же года конкретизировал принадлежность к гильдейскому купечеству: к 1-й гильдии причислялись объявлявшие капитал более чем в 10000 руб., ко 2-й – от 1000 до 10000, к 3-й – от 500 до 1000 [10, с. 145 – 147]. В 1785 г. Городовым положением повышался размер объявляемых капиталов: для 1-й гильдии – от 10000 до 50000 руб., для 2-й – от 5000 до 10000, для 3-й – от 1000 до 5000 [11, с. 364]. С 1794 г. в 1-ю гильдию записывали купцов с капиталом от 16000 до 50000 руб., во 2-ю – от 8000 до 16000, в 3-ю – от 2000 до 8000 [12, с. 531 – 532].

Состав купечества должен был испытывать достаточно серьёзные колебания как своей

численности, так и структурной составляющей. Соответственно встаёт вопрос определения принадлежности городских жителей к изучаемой страте, их экономической активности. В этом случае необходимо обращать внимание не только на предоставляемые статистикой сведения об общей численности купцов мужского пола (далее – м.п.) и размер капиталов, но и на такие параметры, как количество купеческих дворов, указания на наиболее активных членов городского сообщества. О важности учёта домов по принадлежности к социальной группе мы согласны с А.И. Аксёновым, считающим собственно купцом главу семьи (фирмы), получившего гильдейский статус. Семья же проживала одним двором, все другие включались в купечество по принадлежности к ней [1, с. 55].

Обширный материал предоставляет описание Л.И. Бакмейстера 1760-х гг., где использовались данные второй ревизии (1744 – 1747 гг.). По Московской и Переяславль-Рязанской провинциям только в двух городах дано расписание по гильдиям: из 1955 душ купечества м.п. в Коломне «...торговыми промыслами больше довольствуются первой и второй гильдии купцы, а третьей гильдии купцы больше обращаются в работах...»; в Дмитрове же «... в первой гильдии состоят 8 дворов во второй 82, в третьей 371» [2, с. 29, 54 – 56]. Коломенские купцы вели торговлю скотом, активно участвовали в кабацких откупах, в подрядах на поставку «из низовых в верховые города» соли, содержали постоянные дома. Но в целом торговые операции многих купцов Коломны не выходили за пределы коломенской округи. Дмитровские купцы торговали хлебом, съестными припасами, щепетинным товаром, яблоками, овощами (капустой, луком, чесноком, огурцами), мятой. Из других городов выделялось волоколамское купечество, к которому относилось 425 душ м.п. Оно представляло достаточно предприимчивым, скупая у крестьян скотские кожи (а также волчьи, заячьи, лисьи, медвежьи), хлеб, хрящевой холст, лён, пеньку и другие товары, затем перепродававшиеся в Москве и соседних городах. Такие же города Московской провинции, как Звенигород, Клин (основное население – ямщики), Можайск (купечества и разночинцев 835 душ м.п.), Руза (655 душ м.п.) в 1760-х гг. не отличались активной торговой деятельностью. В Верее (1870 душ м.п. купечества) торговали пенькой, хлебом, конопляным маслом, салом, шерстью из Украины. В Серпухове активно развивались полотняные фабрики. Среди городов Переяславль-Рязанской провинции активной торговой деятельностью обращали на себя внимание зарайские купцы (1660 душ м.п.). В Михайлове к 1760-м гг. произошёл ряд крупных пожаров, вследствие которых жители занимались исключительно земледелием. Сведения о Пронске и Гремячеве крайне скудны и ограничиваются замечанием о проживающих в первом купцах, а во втором – пахотных солдатах. Купечество Сапожка (186 душ купечества м.п.) характеризовалось как «самое бедное» [2, с. 7, 10, 11, 16, 24, 40, 75, 84, 85], [3, с. 168, 169, 176, 177, 178, 180].

Уточнить в процентном соотношении численность купечества по гильдиям и распределение его по занятиям помогают ведомости Комиссии о коммерции 1764 г. «О состоянии во всём российском государстве купечества» и Главного магистрата 1764 – 1765 гг., приведённые А.А. Кизеветтером. Согласно им, преобладание первогильдейского купечества в рассматриваемых городах наблюдалось только в Можайске (43,5%), в большинстве же остальных доминировали купцы третьей гильдии, за исключением Волоколамска и Пронска, где основную массу составляли купцы второй гильдии (соответственно 83,7% и 84,5%). При этом, торгующих по городам Московской провинции находилось: в Коломне – 83%, в Волоколамске – 71,4%, в Серпухове – 43,7%, в Рузе – 43,6%, в Можайске – 25,6%, в других городах – менее 10% [4, с. 136, 158, 159].

Изменения, произошедшие к третьей ревизии (1762 – 1767 гг.), нам показывает «Описание Московской губернии городов 1776 года». В наиболее активных в торговом отношении городах складывалась следующая ситуация. В Коломне из 2467 душ м.п. 17 человек вошли в первую гильдию, 192 – во вторую, 406 – в третью; в Серпухове из 2233 душ м.п., записанных в купечестве, после 1775 г. в фабрикантах заявилось 16, во второй гильдии – 150, в третьей гильдии – 272; в Зарайске из 2012 душ м.п. 316 числилось в купечестве и 29 «приписавшихся по торговому промыслу разного звания»; в Волоколамске – 1 купец второй гильдии и 145 – третьей; в Верее из 1853 представителей купечества после 1775 г. в купцах осталось 102 души м.п. В других городах показатели были ещё более низкими: в Дмитрове и Рузе – по 64 купца; в Можайске – 54 купца; в Михайлове – 48 купцов; в Пронске – 38 купцов третьей гильдии, объявивших капитал в 10700 руб.; в Сапожке – 9 купцов третьей гильдии; в Звенигороде – 8 купцов. Конкретизируют ситуацию сведения о количестве домов. К сожалению, только в Дмитрове и Серпухове отдельно указаны купеческие дворы, что не мешает сделать выводы о числе семейств формирующейся социальной группы в городах. В Серпухове в середине 1770-х гг. находилось 15 каменных и 123 деревянных купеческих домов, а в Дмитрове – 27 деревянных домов. Гремячев и Печерники к середине 1770-х гг. оставались городами лишь номинально, на что указывает и отсутствие в них купеческих дворов [14, л. 5, 6, 6 об., 9, 9 об., 11, 11 об., 13 – 14, 15, 15 об., 17, 19 – 20, 25 – 26 об., 37 – 38 об., 41, 41 об., 81, 81 об., 82 об., 83, 85, 85 об., 87, 91, 91 об., 93, 93 об., 95 – 96].

Дополнить архивный документ позволяют материалы заметок Г.Ф. Миллера 1778 – 1779 гг., сделанных при путешествии по Московской провинции. Мы видим, что постепенно увеличивается число жителей, записывающихся в купечество, они более чётко распределяются по гильдиям. В Коломне происходит уменьшение купцов второй гильдии и резкое увеличение третьегильдейцев: в первой гильдии состояло 19 душ м.п., во второй – 167, в третьей – 574. В Дмитрове первую гильдию составляли купец А.И. Толчёнов с сыном, платившие 200 руб. с капитала, во второй числилось 34 купца, в третьей – 158. В

Можайске при 229 купеческих дворах состояло 97 душ м.п. глав семейств, совокупный капитал которых составлял 27867 руб. На примере Рузы Г.Ф. Миллер показывает выигрыш одной из семей купцов в налоговом обложении: «К третьей гильдии причислены 29 семей, из коих каждая по 500 руб. и более капиталу объявили. Из сих, например, отец с двумя сыновьями платит с 550 рублей капиталу по одному проценту, что сделает 5 руб. 50 коп. Но если причислить сюда еще и двух внучат, рожденных после ревизии 1763 года, то податей не придёт и против обыкновенного подушного с 5 человек посадских окладу». Также в Рузе, где общий капитал составлял 17500 руб., во вторую гильдию с 1050 руб. капитала объявила себя вдова с двумя сыновьями. В Звенигороде купечество ограничивалось внутриездной торговлей, в него было записано 9 человек: один во вторую гильдию, а восемь – в третью [5, с. 238 – 240, 278 – 280, 290 – 292, 296 – 297, 306 – 308, 317 – 318].

Материалы комиссии А.А. Вяземского и Х.А. Чеботарёва позволяют проследить изменения размеров объявленных капиталов купечества Московской губернии с 1781 по 1786 гг., а также состоятельность торговой верхушки после реформы 1785 г. Значительный рост капиталов наблюдается в Коломне и Верее. Коломенские купцы числом 827 душ м.п. в начале 1780-х гг. объявили капитал в 219017 руб., а в 1786 г. 736 представителей купечества трёх гильдий владело капиталом в 360956 руб. В Верее в 1781 г. 1035 купцов владели капиталом в 231498 руб., в 1786 г. 903 купца трёх гильдий объявили капитал в 355431 руб. В Дмитрове за указанный период отмечается и рост капитала, и численности купцов, соответственно, с 90845 руб. до 126870 руб. и с 203 до 246 душ м.п. В Серпухове на начало 1780-х гг. числилось 967 душ купечества с капиталом 219115 руб., а после 1785 г. в 183 домах проживало 727 купцов, объявивших капитал в 220155 руб. Можайское купечество в 1781 г. насчитывало 97 душ м.п. при капитале в 29802 руб., а к 1786 г. в 30 купеческих домах Можайска жило 108 душ купцов трёх гильдий, объявивших капитал в 36235 руб. В Звенигороде к 1786 г. зафиксирован 151 купец всех трёх гильдий с суммарным капиталом 45212 руб. В Клину в середине 1780-х гг. уже числилось 25 каменных купеческих домов, в которых проживало 88 душ м.п. с капиталом в 25126 руб. Руза и Волоколамск демонстрируют спад торговой активности. В Рузе в 1781 г. отмечено 173 души м.п. купечества при капиталах в 33843 руб., а в 1786 г. – 116 купцов трёх гильдий с 24220 руб. капитала. В Волоколамске наблюдается ещё больший спад: от 217 до 36 душ м.п. купечества и с 30800 руб. до 10045 руб. капитала [6], [18, с. 187, 207 – 208, 225 – 226, 248, 266, 287 – 288, 307 – 308, 333 – 334, 354]. В Рязанском наместничестве к середине 1780-х гг. выделяется ведущая тройка городов: Зарайск, Касимов, Скопин. В Касимове проживали 1196 купцов; в Зарайске – 703; в Скопине – 580. В остальных городах преобладали однодворцы и казённые крестьяне, численность купцов была следующей: в Михайлове – 413; в Раненбурге – 210; в Пронске – 144; в Спасске – 140; в Ряжске – 100; в Сапожке – 37; в Данкове – 28 [13, л. 1, 2 – 4 об.], [15, л. 8, 13, 16 об., 20, 23, 24].

В 1790-х гг. наиболее многочисленным в городах Среднего Поочья было купечество в Верее (1390 м.п. и 1383 ж.п.), Коломне (1075 м.п. и 1419 ж.п.), Серпухове (1570 м.п. и 1672 ж.п.) и Касимове (1035 м.п. и 1032 ж.п.). В Коломне упомянуты и именитые граждане. Интересно, что в Дмитрове, несмотря на относительно невысокую численность купечества в 325 душ м.п. и 338 ж.п., отмечалось наличие представителей и первой гильдии. В Скопине проживало 1425 душ м.п. и 1147 ж.п. купечества, а в Зарайске – 862 души м.п. и 854 ж.п., что было всё же недостаточно для формирования преобладающей социальной группы в данных городах. Подобное распределение купечества находило отражение в окончательном оформлении ведущих торговых центров. Крупными центрами транзитной торговли рогатым скотом, закупувавшимся в украинских городах, предстают Зарайск, Коломна и Скопин. Коломенские купцы также вели обширную торговлю рыбой, верейские – продавали хлеб, конопляное и коровье масло, пеньку, мёд, воск, овощи, сети и неводы. Особенностью торговли касимовских купцов были прочные связи местных татар с Оренбургом и Астраханью. О развитости торговли в ведущих городах свидетельствовала постройка Гостиных дворов, которые появляются в Верее, Зарайске, Коломне и Скопине. Торговля давала мощный импульс к развитию «фабрик» и «заводов», особенно в Московской губернии. Крупным центром парусинной промышленности становится Серпухов, суконные «фабрики» функционировали в Дмитрове и Коломне. Наибольшее количество «заводов» появилось в Коломне, где в конце XVIII в. их насчитывалось 90 [16], [17].

Таким образом, мы видим, что на формирование купечества как отдельной страты русского провинциального города второй половины XVIII в. оказывали влияние многочисленные факторы. В первую очередь, это касается расположения города на торговых путях, а также законодательных инициатив верховной власти. Для оценки экономической активности купцов каждого отдельного города Среднего Поочья необходимо привлекать широкий спектр данных, как прямых (численность рассматриваемой социальной группы и размер капиталов), так и косвенных (количество купеческих домов, развитие торговли, её направленность, торговые связи и т.п.).

Список литературы

1. Аксёнов А.И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. – М., 1993. – 217 с.
2. Бакмейстер Л. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. – СПб., 1771. – Т. 1, ч.1: Московской губернии Московская провинция. – 94 с.

3. Бакмейстер Л. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. – СПб., 1772. – Т. 1, ч. 2: Московской губернии Переяславля-Залесского, Владимирская, Суздальская, Юрьев-Польская, Переяславля-Рязанского провинции и часть Калужской провинции. – 100 с.
4. Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. – М., 1903. – VI, 810 с.
5. Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. – М., 1996. – 447 с.
6. «Описание Московской губернии» из документов комиссии Вяземского // Источник: прил. к журн. «Родина». – 1993. – № 2. – С. 110 – 118, 124 – 126; Источник: прил. к журн. «Родина». – 1993. – № 3. – С. 108 – 110, 114 – 116, 121 – 122; Источник: прил. к журн. «Родина». – 1993. – № 4. – С. 117 – 118; Источник: прил. к журн. «Родина». – 1993. – № 5 – 6. – С. 175 – 176, 180 – 182; Источник: прил. к журн. «Родина». – 1994. – № 2 (9). – С. 117 – 118.
7. Полное собрание законов Российской империи – 1 (ПСЗРИ – 1). Т. XX. № 14392.
8. ПСЗРИ – 1. Т. VI. № 3708. Гл. VII.
9. ПСЗРИ – 1. Т. XX. № 14275. Ст. 47.
10. ПСЗРИ – 1. Т. XX. № 14327.
11. ПСЗРИ – 1. Т. XXII. № 16188. Ст. 64, 67.
12. ПСЗРИ – 1. Т. XXII. № 17223.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 1355. – Оп. 1. – Д. 1204. – Л. 1-6.
14. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 846. – Оп. 16. – Д. 18860. – Л. 1-185.
15. РГВИА. – Ф. 846. – Оп. 16. – Д. 18976. – Л. 1-25.
16. РГВИА. – Ф. 846. – Оп. 16. – Д. 18862. – Ч. 1 (л. 1 об., 2, 4), 2 (л. 2), 3 (л. 2, 2 об., 4 – 4 об.), 4 (л. 2), 5 (л. 1 об.), 6 (л. 2 об., 4, 6 об.), 7 (л. 2 об.), 9 (л. 1 об.), 10 (л. 2, 2 об., 3 об. – 4).
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1350. – Оп. 312. – Д. 131 (л. 1, 2 об.), 132 (л. 1, 2, 2 об.), 133 (л. 1 об.), 134 (л. 1, 2), 135 (л. 1 об.), 137 (л. 1 об.), 138 (л. 1 об.), 139 (л. 1, 2 об.).
18. Чеботарёв Х.А. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. – М., 1787. – 507 с.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЭКСКУРСИЯ ВОСПИТАНИЦ СТАХЕЕВСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО УЧИЛИЩА В КРЫМ В 1912 Г.

И.В. Маслова

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: На рубеже XIX – XX вв. туристско-краеведческая работа в России в форме образовательных экскурсий учащихся оформляется в важное явление в общественной жизни. В статье исследуется опыт организации образовательной экскурсии в Крым для воспитанниц и педагогов Стахеевского епархиального женского училища.

Ключевые слова: Стахеевское епархиальное училище, образовательная экскурсия, Крым.

EDUCATIONAL TOUR STACHEEVSKOGO PUPILS OF THE DIOCESAN SCHOOL IN CRIMEA IN 1912

I.V. Maslova

Abstract: At the turn of XIX - XX centuries tourist and regional studies in Russia in the form of educational tours of students is becoming an important phenomenon in the public life. In the article the experience of organization of educational tours to the Crimea in 1912 for pupils and teachers of Staheev's diocesan school is studied.

Keywords: Staheev's diocesan (colledge), educational tour, the Crimea.

Во второй половине XIX в. при организации деятельности учащихся активно внедрялись такие педагогические методы, как убеждение, самовоспитание, наглядность и разрабатывались соответствующие им педагогические приемы. В ряду этих приемов образовательные экскурсии занимали особое положение в силу эффективного воздействия на учащихся.

Большую роль в распространении организованного туристического движения в стране сыграло Российское общество туристов, учрежденное в 1895 г. Проводя масштабную просветительскую деятельность, общество издавало журналы «Русский турист», «Экскурсионный вестник» и другие. Отмечая значимость образовательных экскурсий, на страницах журнала «Русский экскурсант» подчеркивалось, что «словестное книжное обучение не достигает цели; нужно сближение школы и жизни... Пора перестать трактовать ученика как пассивно воспринимающее существо» [8, с.10].

В октябре 1908 г. на одном из заседаний Совета Стахеевского епархиального женского училища было заслушано выступление инспектора классов, священника Сергия Танаевского и штатных преподавателей А.И. Сергеева и В.И. Головина о роли образовательных экскурсий в процессе духовно-нравственного воспитания и образования воспитанниц. Педагоги выступили с инициативой организации летних образовательных экскурсий. Сначала было предложено организовать пароходную экскурсию в Москву и Петербург, чтобы воспитанницы могли ознакомиться с богатой историей российских столиц. Но непредвиденные обстоятельства (сообщения в прессе об ожидании эпидемии холеры) не позволили осуществить задуманную поездку в 1909 г. Вместо столичных городов воспитанницы отправились на экскурсию в Казань.

Долгожданые экскурсии в Москву и Петербург состоялись поочередно в 1910 и 1911 гг. Приобретя опыт путешествий по центральной России, преподаватели и воспитанницы училища решили предпринять дальнюю поездку на Юг России и посетить Украину и Крым.

Определяя роль предстоящей экскурсии в педагогическом процессе, ее организаторы писали: «Полезность экскурсии для духовного и физического развития ясно сознавалась всеми и пылкое молодое воображение уже заманчиво рисовало себе картины роскошной природы юга: чудную Гоголевскую Украину, с ее мазанками, с парубками и девчатами; красавца юга –Киева, «мать русских городов», Крым с голубым морем, пирамидальными тополями и стройными кипарисами...» [1, с.16].

Следует отметить, что конец XIX в. связан с активным развитием туризма в Российской империи. Отделения Российского общества туристов, созданные во многих городах России, активно пропагандировали организацию образовательных экскурсий, при этом указывалось, что в число экскурсантов принимаются лица «не обладающие настолько достаточными материальными средствами, чтобы совершать образовательные экскурсии самостоятельно» [9, с. 183]. В Стахеевском епархиальном училище обучались дочери священнослужителей, мещан, т.е. дети не слишком состоятельных родителей. Поэтому подобные экскурсии зачастую становились для воспитанниц единственной возможностью посмотреть страну. Но и коллективная экскурсия была доступна далеко не всем девочкам. Поэтому довольно многочисленная экскурсионная группа в Казань в составе 45 воспитанниц и 14 учителей серьезно сократилась во время поездки в Крым.

В состав четвертой «крымской» экскурсии, состоявшейся летом 1912 г., вошли 19 воспитанниц VI, VII, VIII классов (включая шесть выпускниц) и 11 педагогов во главе с начальницей училища Елизаветой Шубиной.

Организаторы экскурсии в Крым столкнулись с рядом трудностей, которых им удавалось избежать при путешествии в Казань, Москву и Петербург. Организация экскурсий в предшествующие годы облегчалась тем, что экскурсанты по предварительной договоренности размещались бесплатно в учебных заведениях духовного ведомства тех городов, которые они посещали. Это обстоятельство учитывалось и при разработке маршрута экскурсии. Но в Крыму в разгар туристического сезона рассчитывать на бесплатное проживание было сложно.

Экскурсионный маршрут разрабатывали заранее и продумывали до мельчайших деталей. Предусматривались различные виды передвижения: гужевым, водным и железнодорожным транспортом. Отметим, что некоторые пароходства, предвидя возможную конкуренцию, уже перед началом туристического сезона информировали агентства путешествий и экскурсионные комиссии о возможных скидках на билеты до 50 процентов для групповых поездок. Группа экскурсантов считалась большой, если составляла от 30 до 40 человек.

Поездка воспитанниц епархиального училища на юг России проходила по следующему маршруту: на пароходе от Елабуги путешественники плыли через Казань до Нижнего Новгорода, где, «простившись с Волгой», пересаживались на поезд и ехали до Москвы. Далее железной дорогой до Киева и в Крым.

12 июня 1912 г. на пристани Елабуги было особенно оживленно от большого количества экскурсантов и людей, пришедших проводить их в дальнейшее путешествие. По традиции утром в училищном храме был отслужен напутственный молебен, и экскурсанты, окропленные святой водой, отправились на пароходную пристань. Путешественники старались брать в дорогу минимальный багаж, который упаковали в дорожные узелки и корзинки.

Приведем рекомендации, которые предлагала Комиссия образовательных экскурсий по России при Московском отделении Российского общества туристов на лето 1911 года, о том, что необходимо было взять из багажа в многодневную экскурсию. Рекомендовалось брать с собою в виде багажа определенного размера корзину. Этот размер корзины (12 на 8 вершков), обшитой внутри клеенкой или парусиной «хорошо подходит под лавочку вагона» или «удобно устанавливается на экипажах». Чемоданы не рекомендовали брать с собою, так как в дороге, особенно при перевозке на лошадях, они быстро портились. В список необходимых вещей включались: 3-4 смены нижнего белья, 2-3 полотенца, мыло, зубной порошок, 10-12 носовых платков, 1-2 книги для чтения, легкую подушку 8 на 10 вершков, 2-3 простыни, кружку или стакан, чайную ложку, чайное полотенце, записная тетрадь, запас пуговиц, ниток, иголок. Предлагалось взять с собою легкий матрасик, при его отсутствии следовало запастись пледом или одеялом [9, с.187].

На пароходе «Матрона» елабужская экскурсионная группа, сделав небольшую остановку в

Казани, 14 июня высадились в Нижнем Новгороде, пересела на поезд и уже на следующий день была в Москве. Дневная экскурсия по Москве оставила у путешественников самые яркие впечатления. Экскурсанты посетили Кремль, храм Христа Спасителя, музей Александра III, совершили прогулку по Тверской улице и вернулись на Брянский вокзал, с которого поезд в Киев отходил в полночь.

Следует отметить, что путешествия по железной дороге в начале XX в. не отличались большим комфортом. Например, за кипятком вагоновожатые бегали во время длительных остановок, да и его хватало далеко всем. Кроме того, покупка билета не всегда означала наличие спального места в вагоне, чаще всего приходилось путешествовать сидя, тесно прижавшись друг к другу.

В Киеве экскурсионная группа из Елабуги остановилась в нескольких номерах Киево-Печерской лавры. Знакомство с лаврой проходило в сопровождении отца Моисея, который показал путешественникам главные святыни обители. Основными объектами внимания экскурсантов в Киеве были монастыри и храмы, а также памятники представителям царствующей династии.

20 июня путешественники покинули Киев. Впереди предстоял непростой путь до Севастополя с двумя пересадками: в Полтаве и на станции Лозовой. Во время последней пересадки на экскурсионную группу из 30 человек выделили всего два купе, по шесть мест в каждом. Приведем строки из путевых заметок об этой части путешествия: «Кое - как устроившись, мы легли спать. С трудом взбирались некоторые из нас на верхние полки, рискуя упасть оттуда, но дремота взяла свое и к часу в нашем купе уже полнейшая тишина. На станциях то и дело слышно было: «здесь экскурсия», «сюда нельзя» - то экскурсантские права защищали наши руководители от заходящих сюда пассажиров» [2, с.222].

Утром воспитанницы и их педагоги в предвкушении жаркого южного солнца расположились у окон купе, но Крым встретил елабужан дождем и прохладной погодой. На пути следования поезд сделал остановку в губернском городе Симферополе, а вот полюбоваться столицей Гиреев с ханским дворцом, с поэтическим бахчисарайским фонтаном, воспетым Пушкиным, не позволили быстро наступившие сумерки.

Поезд прибыл в Севастополь в девять часов вечера, и экскурсанты отправились в церковно-приходскую школу при Петропавловской церкви, где планировали остановиться. В предыдущих поездках елабужские путешественники не раз останавливались в учебных заведениях и устраивались на ночлег прямо на полу в одном из классов. Но в этой школе были бетонные полы, и спать в таких условиях, даже на жарком юге, было опасно для здоровья. Руководители группы сумели договориться с хозяином привокзальной гостиницы «Алушта» и снять четыре номера за 5рублей 50 копеек в сутки.

Экскурсия в Севастополь планировалась с целью осмотра исторических мест, связанных с героической обороной Севастополя. Поэтому уже утром экскурсанты отправились осматривать Панораму, посвящённую героизму защитников Севастополя в период Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. Посещение панорамы для экскурсионной группы епархиального училища было бесплатным. В 1901 году в честь 50-летия обороны Севастополя было принято решение увековечить подвиг её участников на живописном полотне Панорамы. Правительственный заказ на выполнение художественных работ получил Франц Алексеевич Рубо (1856–1928), выдающийся художник-баталист конца XIX – начала XX веков. Работа над Панорамой велась (1901–1904) сначала в Севастополе, а затем в Мюнхене.

Автор путевых заметок ярко описывает героизм и одновременно ужас обороны Севастополя, запечатленный на панораме, обращая внимание на фрагмент полотна, возможно ускользнувший от взора других экскурсионных групп. «Там у блиндажа монах напутствует умирающих, а в углу, среди обломков и разрушений ярко, горит неугасающая лампада перед образом Спасителя» [3, с.288].

Обзор Севастополя продолжился еще четыре дня. За это время группа посетила Музей обороны Севастополя, Братское кладбище, Малахов курган, совершили пеший поход в Херсонес. Воспитанницы узнали много интересного об обитателях морских глубин во время увлекательной экскурсии в аквариум.

Настоящим экстремальным походом стала для воспитанниц экскурсия в древний город-крепость Инкерман. Плыть пришлось на яликах семь вёрст по Северной бухте, а затем по Черной реке. Посещение Инкерманского монастыря, высеченного в скале, его пещерные храмы, темные переходы вызывают в душах экскурсантов одновременно священный трепет и природный страх. «Выходим на крошечный балкон, висящий над бездною долины и еще издали обративший на себя свое внимание. Жутко стоять здесь, думается: подломится этот висячий камень, и у подножья этих высот останутся от нас только одни кости» [4, с. 368].

Путешествие по Крыму продолжилось 27 июня, когда группа гужевым транспортом оправилась в Ялту, где, по предварительной договоренности, елабужан бесплатно разместили в Алексеевском военном училище. Прибегнув к помощи Ялтинского горного клуба, руководители группы за сносную цену (рубль с человека) организовали горные экскурсии на водопад Учан-Су, на гору Ай-Петри. Следующим пунктом маршрута стал Гурзуф, где экскурсанты поселились в небольшой «татарской гостинице». Гурзуф произвел впечатление типичного восточного города: «По улицам взад и вперед бродят татары, ленивые, спящие. Многие из них сидят на улице без всякого дела, целые дни, тут же и торговля, тут же на улице жарят и варят кушанья и нарасхват исчезают последние... Словом в татарском Гурзуфе кипит типичная восточная жизнь» [5, с. 545]. Экскурсионный маршрут в Гурзуфе продуман до мелочей: Гурзуфский парк

со знаменитым фонтаном «Рахиль» и пушкинским домиком, Ботанический сад, винные погреба Канделаки.

Вернувшись 30 июня в Ялту, экскурсионная группа решила осмотреть императорское имение Ливадию. Оказалось, что доступ туда запрещен, но заплатив караульщику «чаевые», экскурсанты получили солдата-проводника, который показал парки Ливадии и провел во дворец императора. Посетителей удивило в убранстве дворца отсутствие роскоши, которой блистали столичные дворцы: все свидетельствовало о тихой семейной жизни государей вдали от шумной столицы. В одной из комнат задержались, почтительно опустив головы: «...крест на паркете пола говорит о каком-то важном событии, здесь имевшем место. Это самая дорогая теперь комната для русского человека. Здесь на руках своей Августейшей Супруги скончался Государь Миротворец» [6, с.655].

Вернувшись в Ялту, экскурсанты за вечерним чаем делились яркими впечатлениями дня и продумывали вечерний досуг. Отметим, что дневные экскурсионные маршруты почти ежедневно дополнялись вечерней программой: посещение кинематографа, тетра, чаепитие на берегу моря вот далеко не полный перечень мероприятий, направленных на духовно-нравственное развитие воспитанниц.

В последние дни в Крыму елабужане посетили Алупку, побывали в великолепном Воронцовском дворце, на следующий день морская прогулка до Севастополя, где на одну ночь экскурсантов вновь приютила гостиница «Алушта». Утренний поезд до Москвы 3 июля 2012 г. стал предвестником того, что путешествие в Крым подошло к концу.

Ярким событием в конце поездки стало посещение дачи Глафиры Федоровны Стахеевой на Святом Ключе. Красивые ковры из живых цветов, фонтаны и оранжереи, скульптуры животных, электрическая подсветка клумб произвели на экскурсантов самое лучшее впечатление.

«Через несколько минут пароход медленно и плавно поплыл по Каме, а вдали, среди вечерних сумерек уже показалась родная Елабуга, а там, справа, глянуло на нас и наше Стахеевское училище, краса и гордость Елабуги» [7, с. 732].

В заключение отметим, насколько продуманно был составлен маршрут экскурсии. Организаторы старались минимально сократить путевые расходы, но при этом предусмотреть посещение как можно большего количества исторических мест и достопримечательностей. Эта экскурсия была, прежде всего, образовательной, и это главное.

На рубеже XIX – XX веков вопросам организации экскурсий среди учащихся стали посвящать многочисленные статьи в педагогических изданиях, журналах и книгах. Уникальный опыт образовательных экскурсий воспитанниц Стахеевского епархиального училища был воспроизведен на страницах «Вятских епархиальных ведомостей», где рассказывалось о поездках, походах и экскурсиях с 1909 по 1912 г. Автором использованного нами материала «На Юг» России был преподаватель Стахеевского епархиального училища Василий Головин.

Список литературы

1. На Юге России (Четвертая экскурсия воспитанниц Стахеевского епархиального женского училища в Киев и Крым летом 1912 г. // Вятские епархиальные ведомости. – 1913. – № 1-2. Отдел неофициальный. – С. 14-28.
2. На Юге России...// Вятские епархиальные ведомости. – 1913. – № 7. Отдел неофициальный. – С. 214-222.
3. На Юге России...// Вятские епархиальные ведомости. – 1913. – № 12. Отдел неофициальный. – С. 366-372.
4. На Юге России...// Вятские епархиальные ведомости. – 1913. – № 18. Отдел неофициальный. – С. 540-551.
5. На Юге России...// Вятские епархиальные ведомости. – 1913. – № 21. Отдел неофициальный. – С. 653-657.
6. На Юге России...// Вятские епархиальные ведомости. – 1913. – № 24. Отдел неофициальный. – С. 729-734.
7. На Юге России...// Вятские епархиальные ведомости. – 1913. – № 9-10. Отдел неофициальный. – С. 284-297.
8. Роль земств в организации экскурсий // Русский экскурсант. – 1914. – № 1. – С. 10.
9. Усыкин Г. Очерки истории российского туризма. – СПб.: Герда, 2000. – 224 с. //http://tourlib.net/books_history/usyskin06.htm (дата обращения 6.09.2015).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДУХОВНЫЕ ФАКТОРЫ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ БАПТИЗМА В ВОЛГО-УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В
НАЧАЛЕ XX В.

Статья напечатана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-11-43003

А.А. Машковцев

ВятГГУ, г. Киров

Аннотация: В статье проанализированы основные причины активного распространения баптизма в Волго-Уральском регионе в начале XX века. Рассмотрены методы миссионерской деятельности баптистов среди православных верующих. Показана реакция на активизацию баптизма православного духовенства и местных органов государственной власти.

Ключевые слова: Баптизм, Русская православная церковь, конфессиональная политика, миссионерская деятельность.

SOCIO-ECONOMIC AND SPIRITUAL FACTORS IN THE SPREAD OF BAPTIST
VOLGA-URAL REGION IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

A. Mashkovtsev

Abstract: The article analyzes the main reasons for the active dissemination of Baptists in the Volga-Ural region in the early twentieth century. Methods for Baptist missionary work among Orthodox believers. Shown response to activation Baptist Orthodox clergy and local authorities.

Keywords: Baptist, Russian Orthodox Church, confessional policy, missionary activity

В период Думской монархии наблюдается значительное увеличение численности российских протестантов, в частности, баптистов и евангельских христиан. Данный рост происходил в основном за счёт перехода в их ряды представителей иных конфессий, в первую очередь, православных. По подсчётам А.А. Сафонова, за период с 1905 по 1911 гг. в баптизм перешло 30094 чел., из них 24140 чел. – из православия, а 5954 чел. – из других христианских конфессий [7, с. 163]. К 1916 г. численность баптистов в России достигла 114652 чел. [5, с. 224].

Несколько менее быстрыми темпами росла численность родственных баптистам евангельских христиан. К началу Первой мировой войны их насчитывалось около 31 тыс. чел. В то же время данная организация увеличивалась почти исключительно за счёт этнических русских. Если из 114,6 тыс. баптистов русскими являлись примерно 67 тыс. чел. (58,5%), то из 31 тыс. евангельских христиан 30 тыс. были русскими (96,8%) [5, с. 234].

Стремительное распространение баптизма в России в период Думской монархии и массовый переход в него православных верующих объясняются несколькими причинами. Во-первых, в начале XX в. наблюдалось заметное падение авторитета официальной церкви, лишившейся ещё в петровскую эпоху своего канонического управления и подчинённой светской власти. «В полицейском государстве, где одна церковь объявляется господствующей, эта церковь на деле не является самостоятельной и самодеятельной, а становится служанкой, орудием светской власти... Церковь сделалась одной из отраслей бюрократического управления, одним из многочисленных департаментов сложного государственного механизма. Она впитала в себя идеи старого режима и сделалась консервативной силой, охраняющей своим духовным авторитетом одряхлевшие устои общественной жизни. Она являлась врагом свободы и защитницей бесправия», - писал известный российский историк первой четверти XX в. С. П. Мельгунов [8, с. 257].

Падению авторитета Русской православной церкви способствовало не только её подчинение государству, но и различные социальные пороки (пьянство, корыстолюбие и пр.), достаточно широко распространённые среди духовенства. Об этом свидетельствуют документы как центральных, так и региональных архивов страны, в частности Центрального государственного архива Удмуртской республики. В фонде Сарапульского духовного правления (Ф. 245) имеются многочисленные материалы о безнравственном поведении некоторых представителей клира [9, Ф. 245. Оп. 1. Д. 6518. Л. 95]. При этом епархиальное руководство зачастую само усугубляло ситуацию, направляя в качестве наказания провинившихся священников именно в те приходы, где появлялся баптизм. «В приходы, сильно заражённые расколо-сектантством, вредно... перемещать в наказание плохих по жизни членов причта. Примеров сему есть немало. Священник, посланный в наказание в приход, заражённый расколом, настолько его испортил за 9 лет своей там службы, что православные сотнями перешли в раскол. Сам же священник исправиться там не мог и был перемещён в другой приход, где тоже не исправился. В итоге тысячи соблазненных душ. Сей священник в приходе своей распутной жизнью разрушил всё созданное усиленными миссионерскими трудами других», - отмечал в январе 1916 г. вятский епархиальный

миссионер Иоанн Маракулин [9, Ф. 245. Оп. 1. Д. 7217. Л. 37].

Причины роста популярности евангельского движения в России можно найти и в социально-экономической сфере. Уже в 1900 г. Россия вступила в полосу тяжёлого экономического кризиса, сменившегося затяжной депрессией. В результате лишь за период с 1901 по 1903 г. закрылось почти 3 тыс. промышленных предприятий, а 150 тыс. чел. лишилось работы [5, с. 226]. Негативное влияние кризиса сильно ощущалось и в Волго-Уралье. Так, по данным Ю. А. Балыбердина, число рабочих на ижевских заводах сократилось с 12 тыс. до 4 тыс. чел. [1, с. 47] Ситуация усугублялась русско-японской войной, которая привела к крупным потерям русской армии. Резкое падение жизненного уровня населения, тяготы войны и катаклизмы революции 1905–1907 гг. – всё это способствовало росту религиозности населения, чем эффективно воспользовались баптисты.

Кроме того, реализация аграрной реформы П.А. Столыпина привела к усилению социальной дифференциации российской деревни. В результате неё значительно расширился и окреп слой зажиточного крестьянства. При этом часть кулачества выступала в качестве критика существовавшего политического строя и официальной церкви, поддерживая идеи демократизации страны. Именно эта группа проявила наибольшую предрасположенность к принятию баптизма и евангельского христианства в деревне. Документы региональных архивов (ГАКО, ГАПК, НАРТ и пр.) свидетельствуют о том, что именно новообращённые представители зажиточного крестьянства не только стали наиболее активными его пропагандистами, но и возглавили местные баптистские общины. Эта же тенденция прослеживается и на общероссийском уровне. Известный политический деятель и крупный исследователь сектантства В. Д. Бонч-Бруевич писал, что баптисты «вербуют своих последователей по большей части из рядов мелкой буржуазии городов, пригородов, местечек, сёл и деревень, из мещанской и более или менее обеспеченной крестьянской среды» [6, с. 249]. Причины предрасположенности буржуазных слоёв населения к идеям религиозной реформации детально проанализировал выдающийся немецкий социолог Макс Вебер.

Активному распространению евангельского движения в Волго-Уральском регионе способствовало то, что его идеи попали на хорошо подготовленную почву. Дело в том, что ещё до появления баптизма здесь действовало большое количество старообрядческих общин различных толков, а также объединений духовных христиан (молокан, хлыстов, скопцов и пр.). Старообрядцы и духовные христиане, как и баптисты, критически относились к Русской православной церкви, стремясь пополнить свои ряды за счёт её адептов. Несмотря на серьёзные догматические различия, у баптистов и духовных христиан было много общего. К примеру, молокане, как и западные протестанты, единственным источником божественного откровения считали Библию, «которую они не просто признают, но и требуют следовать только ей, ассоциирую Библию с духовным млеком, коим окормляется человеческая душа» [4, с. 273]. Также у баптистов, старообрядцев-беспоповцев и духовных христиан имелись значительные сходства в церковном управлении. На это обращает внимание и известный исследователь евангельского движения в Волго-Вятском регионе, доктор философских наук Н.Н. Ярыгин. «Социальной базой для пополнения рядов евангелистов изначально являлись здесь старообрядцы, прежде всего беспоповцы, в силу определённой структурной схожести управления общин (отсутствие института священства) с баптизмом», - пишет Н. Н. Ярыгин [10, с. 39–40].

Наконец, одной из важнейших причин быстрого распространения баптизма как в России в целом, так и в Волго-Уральском регионе в частности, была чрезвычайно активная миссионерская деятельность его приверженцев. Летом 1907 г. создаётся особое баптистское миссионерское общество, обладавшее значительными финансовыми возможностями и штатом хорошо подготовленных проповедников [5, с. 225]. Обучение баптистских миссионеров осуществлялось, преимущественно в Германии: в баптистской семинарии в Гамбурге, Берлинской библейской школе и Хаусдорфской семинарии [5, с. 226]. Выпускники этих учебных заведений не только получали фундаментальное богословское образование, но и приобретали навыки полемики со своими религиозными оппонентами. Это очень пригодится им в диспутах как со старообрядческими наставниками, так и православными священниками, которые чаще всего проигрывали баптистским пропагандистам по уровню теоретической подготовки и красноречию.

Активной миссионерской деятельностью занималось не только миссионерское общество баптистов, но и простые верующие. Известный исследователь истории старообрядчества и сектантства на территории Удмуртии Ю.М. Ивонин отмечал, что баптисты и евангельские христиане «отличались высокой активностью в миссионерской деятельности. Пропаганду вероучения начинали, прежде всего, в среде ближайшего окружения, особенно родственников. Они ходили или ездили к ним в гости, посещали даже тех, у кого ранее никогда не были и роднёй или друзьями почти не считали» [3, с. 56]. Активное вовлечение в миссионерскую деятельность рядовых баптистов сразу же было отмечено православным духовенством, которое видело в этом серьёзную угрозу. «...Опаснее всего, что рядовые сектанты... считают своей первой и главной обязанностью навязчиво, не считаясь с желанием и волей людей, распространять своё учение среди родственников и знакомых. Такая тактика сектантов чрезвычайно опасна. Она не сразу опознаётся, ибо ведётся частным и тайным путём... Один сектант-евангелист более вреден и опасен для православных, чем тысяча раскольников», – отмечалось в отчёте о состоянии сектантства в Пермской епархии за 1909 г. [2, Ф. 95. Оп. 1. Д. 2. Л. 1]

Таким образом, быстрому распространению баптизма в Среднем Поволжье и Приуралье в период Думской монархии способствовали такие факторы, как падение авторитета официальной церкви,

активная миссионерская деятельность самих баптистов, а также предрасположенность к принятию баптизма части зажиточного крестьянства региона.

Список литературы

1. Балыбердин Ю.А. Общественно-политическая жизнь в Вятско-Камском регионе в начале XX века (1900–1914 годы). – М., 2005.
2. Государственный архив Пермского края.
3. Ивонин Ю.М. Христианство в Удмуртии: история и современность. – Устинов, 1987.
4. История религии / под общ. ред. И. Н. Яблокова. – М., 2004. – Т. 2.
5. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). – М., 1965.
6. Митрохин Л. Н. Баптизм: история и современность. – СПб., 1997.
7. Сафонов А.А. Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX века. – Тамбов, 2007.
8. Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917 гг. – М., 2003.
9. Центральный государственный архив Удмуртской Республики.
10. Ярыгин Н.Н. Евангельское движение в Волго-Вятском регионе. – М., 2004.
- 11.

БОНДЮГА – РОДОВОЕ ГНЕЗДО КУПЦОВ УШКОВЫХ

Е.Ю. Мещерякова

ГБУК «Краеведческий музей, г. Менделеевск»

Аннотация: В данной статье рассматривается одна из составляющих провинциального города Менделеевска – деревня Бондюга. По архивным документам рассматривается начало и развитие деревни вотчины купеческой династии Ушковых, включая конец XVI и начало XIX вв.

Ключевые слова: Бондюга, провинция, история становления и развития, династия Ушковых.

BONDYUGA – FAMILY NEST USHKOVA

E. Meshcheryakova

Abstract: This article describes one of the components of a provincial town Mendeleevsk – Village Bondyuga. According to archive documents is considered the beginning and development of the countryside patrimony Ushkova merchant dynasty, including the end of XVI and the beginning of the XIX centuries.

Keywords: Bondyuga, Province, the history of formation and development, Ushkova dynasty.

В 1967 году в состав города Менделеевска вошла деревня Бондюга, которая своими корнями уходит в древность. Деревня была вотчиной купеческой династии Ушковых, положившим начало рождения города Менделеевска.

В заселении и освоении Бондюжского края исключительное значение имели три фактора: лес, река Тойма и рельеф. Лес определял образ жизни людей, их хозяйственную деятельность, пристрастия и настроения. Лес кормил и одевал, обогревал и защищал. Второй фактор – река Тойма [1, с.30]. Малые и великие реки определяли жизнь древних людей. Река Тойма обеспечивала питанием. В рельефе деревни преобладает небольшая возвышенность, сильно пересеченная оврагами, что создавало удобные условия для поселения в безопасных местах, да и эстетические соображения, надо полагать, играли последнюю роль в выборе места жительства. Деревни и села, основанные в старые времена, размещались вдоль рек на возвышенностях. Как правило, в центре поселений располагался родник. Родник – это вода для приготовления пищи, основной источник жизни в любом населенном пункте.

По исследованиям ойконим Бондюга оттидронимического происхождения и является общешифно - угорским наследием, в значении «много маленьких речек (ручьев, ключей) для большой реки». [19, с.60] И с этим вполне можно согласиться, ведь самое главное для переселенцев была вода. Местность, где появилась деревня Бондюга, изобилует природными источниками чистой родниковой воды, а также находится в пойме реки Тойма. Тойма была богата рыбой: щука, окунь, язи, сороги, налимы и пескари. Главное богатство края – это лес «...строевой, между коим и дровяной, в нём звери и птицы: волки, лисицы, зайцы и куницы; ястреба и куропатки...» [13, л. 1]. Естественно, что местность была пригодна для жизни переселенцев. Заселение Бондюги было длительным и сложным процессом. Пустые земли осваивались государственными крестьянами. Они могли жить на казённых землях и, пользуясь отведёнными наделами, были подчинены управлению государственных органов и считались лично свободными, вносили в казну денежный оброк [9].

В Российском государственном архиве древних актов были найдены документы, в которых идет упоминание о деревне Бондюге. Так в «...грамоте игумену Седмиозерной Богородицкой пустыни

Иллариону с братией на право владения «порозжим» местом Тихие Горы в междуречье Камы и Тоймы» 1673 г. сказано, что Седмиозерной Богородицкой пустыни, в частности, были пожалованы сенные покосы «с верхние межи с устья речки Юрашевки на триста копен, да против деревни Бондюги на триста ж копен». [15, л. 1] В грамоте говорится, что во «владениях бондюжских крестьян Савки Чукреева с товарищами»: «...Дубровного леса и на расчищенные распаша на шестнадцать чети в поле, а в две по тому ж». Грамота свидетельствуют, что деревня Бондюга заселилась незадолго до того, как была составлена грамота. Понятно, что крестьянин Савка Чукрей с товарищами землю расчистили, чтобы можно было жить, но куда он делся впоследствии, неизвестно, в первой переписи его имя не упоминается. Люди того времени переселялись с одного места на другое. О том, что Савка Чукрей – основатель деревни Бондюга, сомневаться не приходится, так как до наших дней дошла кличка жителей деревни – «чукрей». Имя Савка русского происхождения от сокращенного имени Савелий. Значение фамилии или клички Чукрей следует искать в финно-угорских языках. Так, в лексике народов ханты и манси слово «чукрей» употребляется в значении «узкий нож». Таким образом, можно предположить, что прозвание Чукрей закрепилось за охотником, звероловом или кожевником, пользовавшимся подобным ножом, или роду деятельности. Вместе с тем, прозвище Чукрей мог получить известный шутник или остро слов, умевший подметить комичность любой ситуации. О том, что заселение шло русскими, сомневаться не приходится, так как в переписи всегда писалась национальность, например по переписи 1646 г. записано «...погост Ильясов татарской...» [8, с.208] или «Во дворе отяка Ваккея Урасова...» [8, с.244].

В именных списках всего наличного населения от 10 мая 1681 г. [15, л.1] включена перепись крестьян деревни Бондюга, составленная писцом Бахтеяром Мякининым в 1677 - 78 гг.: «Семиозерные пустыни в вотчине в деревне Бондюге крестьянских дворов Сидорк Ефремов, у него сын Митрошка двенадцати лет; (в) Мишка да Ивашка, да Андрюшка Леонтьевы дети Любавина, у Ивашки сын Митка осми лет, у ни же племянник Сенка Иванов десяти лет; (в) Тараска да Тишка Леонтьев дети Любавина, у Тараски сын Ганка двух лет; да двор бобыльской Митрошка Семенов, у чего сын Ивашко девяти лет. Всего в деревне Бондюга крестьянских три двора, людей в них шесть человек, у них детей и братьи, и племянников четыре человека, да двор бобыльской людей в нем один человек...» [15, л.5 - 6] также указано, что все они были пришлыми. Их нелегально принимал старец Семиозерной пустыни Давыд, «будучи в том селета посольстве» (потом он из села бежал). Так, крестьянин Сидор Ефремов до того как поселился в Бондюге, проживал в деревне Чувашевы Чепецкого стана Хлыновского уезда [15, л. 10]. Крестьяне Михаил, Иван, Андрей, Тарас, Тихон Леонтьевы дети, населявшие два других двора деревни Бондюги и имевшие здесь прозвище Любавины, происходили из деревни Танайки Казанского уезда, вотчины Елабужского Троицкого монастыря [14, л. 10]. Так же надо учитывать, что женщин в то время не считали. По наказной памяти из Казанской приказной избы («приказной палаты») от 20 августа 1678 г. все пришлые крестьяне были переселены за реку Каму «на порозжую землю, где была дворцового села Чалнов деревня Шильня» [14, л. 11]. В результате этого переселения в вотчине Семиозерной пустыни в деревне Бондюга остался двор бобыля Митрофана («Митрошки») Семенова [14, л. 11].

В следующей переписи от 4 июля 1726 года в деревне Бондюга проживали несколько семей (запись велась не по фамилии, а чей сын): Авдеевы, Андреевы, Афанасьевы, Гавриловы, Еремеевы, Ивановы, Кириловы, Кузьмины, Леонтьевы, Михайловы, Никитины, Никифоровы, Никоновы, Петровы, Прокопьевы, Семеновы, Самойловы, Терентьевы, Тимофеевы, Федоровы, Фроловы. Всего 35 дворов. Говорить о фамилиях переселенцев деревни Бондюга не приходится, так как в переписи [17, 2-я ревизия] значится у Якова Авдеева сын Яков Яковлев (то есть Яков Якова сын). У Семёна Гаврилова сыновья записаны Яков Семёнов, Никита Семёнов и Тарас Семёнов [17], у Павла Тимофеева сын Тимофей Тимофеев. Итого в деревне Бондюге наличных и с двумя умершими семьдесят пять душ. И отдельно посчитаны новорожденные шесть душ [12, л. 3 об – 4 об.]. Именно эти семьи уже укоренились в деревне, так как в последующих ревизиях от 1747 года [17] и 1762 года [18] данные семьи указывались в полном объеме вместе с умершими и родившимися. 2-ая ревизия показала переписанных по деревне Бондюга 89 человек вместе с вновь прибывшими и образовавшимися семьями: Алексеевы, Ерофеевы, Емельяновы, Евдокомовы, Захаровы, Ивановы, Ивлевы, Ксенофоновы, Максимовы, Трифоновы, Яковлевы.

В именах жителей заметна адаптация календарных православных имен к русскому языку в уменьшительном произношении: Сава – Савелий, Сидорко – Сидор, Митрошко – Митрофан, Ивашка – Иван (церковное Иоан), Михай – Михаил, Катерина – Екатерина, Тараска – Тарас [17, с. 322].

У жителей деревни отсутствует фамилия, которая свидетельствует о низком социальном происхождении – крестьяне. У богатого сословия к тому времени отчество уже записывалось [17, с.322].

В материалах 3-ей ревизии учитывались и женщины. Именно по замужеству женщин можно проследить, с какими деревнями и селами поддерживалась связь жителей деревни Бондюга. Вблизи лежащими поселениями: Икское Устье, Макарово, Кураково, Таг.Челны, Тихие Горы. Более отдалённые: Сарали, Боровецкое, Большая и Малая Шильня [18, 1762 г.].

Анализ, проведённый по архивным материалам, показывает, что примерно с 1750 г. заканчивается период массовых перемещений и миграций в деревне Бондюга. Роды начали устойчиво проживать в одних и тех же поселениях. «Крестьяне состоят на положенном казенном окладе, промысел имеют хлебопашеством и скотоводством, к чему и радательны. Зажитка средственного, женщины сверх

полевой работы упражняются в домашнем рукоделии, прядут лен, шерсть, ткнут холсты и сукна для себя» [13, л. 102 об. - 106].

В 1762 г. по указу Екатерины II деревня Бондюга Казанского уезда Зюрейской дороги бывшей вотчине Вознесенского монастыря Седьмиозерской пустыни была забрана и переведена в ведомство Коллегии экономии, жители стали экономическими крестьянами [16]. Выборный в деревне был Андрей Максимов, староста Иван Емельянов. Именно ими в 1762 г. составлялись списки лиц – «ревизских душ», подлежащих обложению подушной податью и рекрутской повинностью. Так в 1755 году в рекруты был отдан Козьма Фролов, в 1756 – Григорий Яковлев, в 1758 г. – Михаил Ксенофонтов и Тихон Никитин, в 1759 г. – Дмитрий Петров. В то время военная служба была бессрочной, и только с 1793 года срок службы был ограничен до 25 лет.

В 1775 г. деревня Бондюга была передана в Вятское наместничество Елабужского уезда, в 1796 г. деревня вошла в состав Вятской губернии Елабужского уезда Кураковской волости Тихогорского района.

По итогам десятой ревизии в 1859 году в казенной деревне Бондюга при реке Тойма насчитывалось 74 двора, число жителей 229 мужского пола и 250 женского пола, была и сельская управа [23, с.184].

В Бондюжской волости в 1867 – 1869 гг. население активно занималось торговлей на ярмарках, базарах, торжках и лавках, которые проходили в Икском Устье, в Кураково и Тихих горах [2].

Школа в деревне Бондюга появилась значительно поздно в 1896 г., чтобы отделиться от завода Ушковых (ранее дети обучались в Тихогорской школе). В заводском училище учились дети заводских рабочих. Не все жители деревни Бондюга работали на химическом производстве, и поэтому возникла необходимость в школе для обучения местных детей грамоте. По ведомостям о школах по приходу села Тихих Гор Елабужского уезда за 1898 г. [10, лл. 299 об., 300] в школе обучалось дети: 10 мальчиков, девочки не учились. В самой деревне было грамотных 59 мужчин и 17 женщин. С 1908 г. по 1918 гг. вероучение преподавал священник села Тихие Горы Голубев Андрей Павлович окончивший курс Казанской духовной семинарии.

В 1930 году в деревне Бондюге проживало 929 человек [5, л. 12]. В 1950 – е годы деревня пополнилась за счет переезда жителей из других деревень: Макарово, Максимково, Ашпайково. До вхождения в 1963 г. в Елабужский район в деревне был сельский совет, к которому относилась деревня Камашево. Был и свой продуктовый магазин в деревне по улице Ключевой.

Представляют интерес и названия улиц деревни Бондюга: Азина, Ключевая, Московская, 8 Марта, Мичурина, Школьная. Самая старшая из улиц Ключевая. Одной из центральных улиц и первой по заселению была именно она.

В 1980-е годы Бондюга превращается в дачный поселок, где бывшие жители продавали дома или приспособляли их вместе с земельными участками под сады-огороды. Наличие электроэнергии и родников создает идеальные условия для огородничества и разведения скота на тойминских лугах.

Знаменитая династия купцов Ушковых берет своё начало именно в данной деревне Бондюга. В 1726 г. в переписи присутствуют крестьяне Григорий Андреев (1692-1760 гг.) и жена Саламонаида Якимова родом из Боровецкого, у них сын Максим (1730 г.р.) [16, 17]. Максим женился на Авдотьё Матвеевне (1730 г.р.) из села Икское Устье, в 1764 г. у них родился сын Егор [18, 1762 г.]. Именно Егор Максимович Ушков стал купцом III гильдии в 1829 г. [11, с.11] и закрепил фамилию – Ушков (возможно по кличке). Сама фамилия Ушков очень интересна образована из русского «ушко», но возможна и другая версия происхождения фамилии, берущая своё начало у Новгородских ушкуйников. Именно новгородские ушкуйники осваивали Вятские земли. И по Зюрейской дороге очень много жителей с фамилией Ушков встречается в удмуртских [5, с. «у» 5-6], марийских и крещенских [15, с. 425] деревнях начиная с самой Вятки (город Киров). Данная фамилия встречается и в чувашских населенных пунктах Республики Татарстан.

В 1844 г. семейство Ушковых переехало в Елабугу на постоянное место жительства, остались в деревне Бондюга по родству двоюродные Ушковы.

Благодаря Ушковым деревня Бондюга в обиходе изменила название и стала называться Бондюга старая. При строительстве Кокшанского завода Ушковых появилась деревня Бондюга новая.

Изучая историю деревни Бондюга, приходим к выводу, что именно в данном поселении находилось родовое гнездо Ушковых. И при становлении химического производства в Менделеевском крае Бондюга сыграла ведущую роль в его становлении, как в первых красильнях, так и в организации водоснабжения производства.

Список литературы

1. Арсланов Л.Ш., Нигамаев А.З. История, археология и топонимия Елабужского края. – Елабуга, 2012. – 30 с.
2. ГАКО. – Ф. 616. – Оп. 1. – Д. 306.
3. ГАКО. – Ф. 616. – Оп. 28. – Д. 12.
4. Книга Памяти жертв политических репрессий: Республика Татарстан. Т.12: «Р», «Са» / Редкол.: З.Р. Валеева (пред.), А.А. Иванов (гл. ред.), М.В. Черепанов (зам. ред., рук. рабочей группы) и др. –

Казань, 2004. – 527 с.

5. Книга памяти Удмуртской республики. – Ижевск, 1993. – «У» С. 5-6.
6. Книга памяти. Республика Татарстан. – Т.16. – Казань, 2004. – 527 с.
7. Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кабардин В.Б. «Вспомогательные исторические дисциплины». – М., 2000. – 322 с.
8. Луппов П.Н. Документы по истории Удмуртии XV – XVII веков. – Ижевск. 1958.
9. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. – М., 1996.
10. НА РТ. – Ф. 980. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 290-291.
11. Памятная книжка Вятской губернии на 1870 г. – Вятка, 1870. – 185 с.
12. РГАДА. – Ф. 23. – Оп. 24. – Д. 787. – Л. 1.
13. РГАДА. – Ф. 281. – Д. 6664.
14. РГАДА. – Ф. 1355. – Оп. 1. – Д. 337. Экономические примечания к планам Генерального межевания. Вятская губерния. Конец XVIII – начало XIX вв.
15. РГАДА. – Ф. 1455. – Оп. 1. – Д. 337.
16. РГАДА. – Ф. 28. – Д. 6518.
17. РГАДА. – Ф. 281. – Д. 6510.
18. РГАДА. – Ф. 350. – Оп. 2. – Д. 1141, 2-я ревизия 1747 г.
19. Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан. – Т 1. – Казань, 1999. – С. 267-276.
20. НА РТ. – Ф. 992. – Оп. 1. – Д. 307. – Лл.147 – 148 об.

ЭВОЛЮЦИЯ ЧИСЛЕННОСТИ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В.Л. Михенчева

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: Статья посвящена изучению вопроса по изменению численности городского населения Вятской губернии во второй половине XIX в. Рассматриваемая губерния была одной из самых населенных в Российской империи, однако количество горожан в ней было небольшим. В работе представлен обзор статистических материалов, позволяющих проанализировать процесс урбанизации в Вятской губернии.

Ключевые слова: Российская империя, Вятская губерния, горожане, численность населения.

EVOLUTION OF THE CITY DWELLERS' NUMBER OF THE VYATKA PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

V.L. Mikheicheva

Abstract: Article is devoted to studying of a question on number changing of urban population of the Vyatka province in the second half of the XIX century. This province was one of the most occupied in the Russian Empire. However the number of citizens was small in it. The article presents the review of the statistical materials allowing to analyse the process of urbanization in the Vyatka province.

Keywords: Russian Empire, Vyatka province, citizens, population.

Проблема роста численности городского населения была одной из самых острых в Российской империи во второй половине XIX в. Актуальность вопроса состояла в том, что определение общего количества жителей уездов и городов империи позволяла выявить состав податного населения, военнообязанных лиц, а также установить общее количество рабочих рук на рынке труда. В этот период времени в стране протекал процесс модернизации производства, тем не менее по-прежнему Россия оставалась аграрной страной. Внедрение новых технологий повлияло на занятость населения. Знание этих цифр позволяет определить экономическое благосостояние империи, губерний и отдельных уездов. Огромное значение имели города как центры торговли и производства, в которые устремился поток сельских жителей.

Для определения численности населения в Российской империи проводились ревизии, народные переписи, заполнялись окладные книги, формировались списки дворян из дворянских депутатских собраний. Сведения о количестве населения, а также о его занятиях, можно найти в материалах губернского статистического комитета, которые содержат отчетные ведомости Городских Дум и Городских Голов. По инициативе губернских органов самоуправления в провинции выпускали справочные материалы о том или ином регионе. Например, под руководством Вятского губернского статистического комитета и Канцелярии Вятского губернатора издавали Памятные книжки и Календари - это справочные издания, которые также содержат информацию о численности населения губернии.

Особую значимость имеют результаты Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Она показала, что в государстве проживало 125 680 682 душ обоюбого пола. Из них только 16 785 212 лиц проживали в городах – 13% населения [2, с. 318]. Вятская губерния была одной из самых крупных губерний по числу лиц, проживающих в ней. Перепись 1897 г. насчитала в губернии 3 030 831 жителей, когда, например, в Московской губернии – 2 430 581 человек [5, с. 3]. Еще в 1858 г., по данным Статистического Комитета, в Вятской губернии насчитывалось 2 123 904 человек, таким образом, прирост населения за 39 лет составил 906 927 душ (42,6%). Городское население губернии было небольшим и составляло только 3% (95642) от общего числа, что свидетельствует о преобладании сельскохозяйственных отраслей промышленности, не требующих сосредоточения населения в более крупных центрах, и небольшим процентом занятых в обрабатывающей промышленности. Наиболее развитыми городами губернии были: Вятка, Сарапул и Елабуга. Динамика прироста населения указана в таблице (См.: Таблицу):

Таблица.

Сводная таблица роста численности городского населения Вятской губернии с 1858 по 1897 гг. [4, с. 170], [3, с. 42], [1], [5, с. 1-2]

Города Вятской губернии	Общее число жителей в городах			
	1858 г.	1880 г.	1887 г.	1897 г.
г. Вятка	15215	21476	25260	25008
г. Глазов	2204	1388	1971	3509
г. Елабуга	5493	9038	10224	9764
г. Котельнич	2828	3106	4698	4240
г. Малмыж	2044	2926	3492	3165
г. Нолинск	2899	3041	5944	4764
г. Орлов	3572	4218	2900	3256
г. Сарапул	7414	10881	12513	21398
г. Слободской	5983	8998	7383	10051
г. Уржум	1988	4084	6256	4413
г. Яранск	2383	3986	3024	4808
г. Царевосанчурск	826	1465	1391	1266
Итого в городах	52849	74607	85056	95642
Итого в губернии	2123904	2622638	2914344	3030831

Количество городских жителей увеличивалось, этому способствовали реформы 60-х гг. XIX в. Отмена крепостной зависимости позволила крестьянам уйти в города и устроиться в услужение к частным лицам, возросла возможность перехода в другие сословия. Тем не менее, процесс урбанизации в Вятской губернии был медленным.

Из положений таблицы следует, что с течением времени число городских жителей выросло, но незначительно. Так, по данным Вятского губернатора в 1887 г. в губернии проживало 2 914 344 душ обоюбого пола, из них городскими были 85 056 человек (3%) [1]. Тогда как в 1858 г. в городах насчитывалось 52 849 (2,5%) человек из общего числа жителей 2 123 900.

С 1858 г. по 1897 г. число городских жителей Вятской губернии увеличилось с 52 849 до 95 642 (на 80,9 %), то есть почти в два раза. Однако, относительно общего прироста населения губернии за 39 лет, количество городских жителей возросло лишь на 4,7 %. Причем за первые 22 года число горожан выросло на 21 758 человек, тогда как во вторые 17 лет прирост составил 10 586 душ обоюбого пола. Эти показатели свидетельствуют о том, что темпы урбанизационного процесса были неравномерными.

Если обратиться к показателям отдельных городов, то можно заметить что население в них увеличивалось непостоянно. Следует отметить, что за период с 1858 по 1887 гг. численность городского населения в Вятской губернии стремительно росла, однако, за последующее десятилетие многие города теряли своих жителей: Вятка, Елабуга, Котельнич, Малмыж, Нолинск, Уржум, Царевосанчурск. Например, число городских жителей губернского г. Вятки с 1858 по 1880 гг. возросло, а с 1887 по 1897 гг. количество горожан сократилось на 252 человека. В целом за 39 лет народонаселение г. Вятки увеличилось на 64 %. Аналогичная ситуация сложилась в уездном г. Елабуга, за последнее десятилетие жителей города стало меньше на 460 человек, тем не менее с 1858 по 1897 гг. живой прирост составил 77,7 %.

Наиболее процветающим городом можно считать г. Сарапул. Его численные показатели народонаселения постоянно увеличивались, за 39 лет количество горожан в нем выросло на 188 % (13984 человек). Такие темпы объяснимы увеличением благосостояния города за счет развития фабрично-заводского и ремесленного производства в нем. Потенциальные рабочие места привлекали в г. Сарапул уездных жителей и работников соседних губерний. Обратная ситуация сложилась в г. Орлов, число жителей которого с 1858 по 1897 гг. сократилось на 8,8 %. Это было связано с тем, что уровень

производства товаров в этом городе был низкий. Местная продукция не пользовалась спросом среди уездного народонаселения и населения самого города, качество промышленных товаров также оставляло желать лучшего. Поэтому жители губернии не стремились задержаться в этом городе.

Не стоит забывать, что население Российской империи имело сословный строй. От преобладания того или иного сословия зависело экономическое благосостояние и промышленное развитие. В 1897 г. в городах Вятской губернии насчитывалось: дворян – 7069, представителей духовенства – 3319, купцов – 2184, мещан – 35255, крестьян – 45261 [5; 2-3].

Вятская губерния, как и империя в целом, была крестьянской с преобладанием аграрного сектора в экономике. Крестьянство составляло 97,2% (2945109) от общего числа жителей Вятского края. На их плечах лежали все экономические тяготы того периода. Так же в городах преобладало крестьянское сословие – 45261 человек (47,4% из числа горожан).

Городская среда предполагала промышленное и торговое развитие, расширение сферы услуг, то есть предоставляла рабочие места, не связанные с сельскохозяйственными работами. В этой области большой вклад внесли городские сословия: почетные граждане, купцы, мещане, цеховые рабочие и ремесленники [6, с. 2-3]. Купцы и почетные граждане могли занимать административные должности, выступали учредителями тех или иных предприятий, мещане чаще всего были владельцами лавок, мастерских и объединялись в цеховые организации.

По-прежнему аграрный сектор лидировал по количеству занятых лиц, но развитие профессионального труда велось и при таких условиях: развивалось фабрично-заводское производство, торговля, расширялась сфера услуг, то есть рос профессиональный рынок труда.

Таким образом, города Вятской губернии как административные центры привлекали население рабочими местами. Однако темпы роста городского населения во второй половине XIX в. были низкими. Численность народонаселения увеличивалась, но по отношению к общему числу жителей губернии прирост составил только 4,7 %. Это было вызвано тем, что не все города принимали во внимание модернизационные процессы для изменения экономической инфраструктуры. Преимущественно развивались те города, которые располагались вблизи торговых рек, где было развито фабрично-заводское и ремесленное производство. Лишь такие города привлекали поток переселенцев и становились ведущим элементом экономического развития Российской империи.

Список литературы

1. Ведомость о числе торговых заведений в Вятской губернии за 1887 год // Статистический отдел всеподданнейшего отчета Вятского Губернатора за 1887 год // Краеведческий отдел. Кировская государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена в г. Киров.
2. История России: В 2 т. Т2: С начала XIX до начала XXI века / Под ред. А.Н. Сахарова. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2006. – С. 318.
3. Календарь Вятской губернии на 1881 год. – Вятка: Типография губернского правления, 1881. – 181 с.
4. Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. – Вятка: Типография губернского правления, 1860. – 358 с.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. – С–П. изб. центр. стат. Комитета Министерства внутренних дел, Типография кн. В.П. Мещарского., 1904 . – X. Вятская губерния. – 267 с.
6. Рост городов Вятской губернии // Волжский вестник. – 1884. – №99.

МАСЛЕНИЧНЫЕ ГУЛЯНИЯ КАК ФОРМА ОБЩЕНИЯ МОЛОДЕЖИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ В К.1940-1950-Е ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Т.А. Мищенко

*Брянский государственный университет,
Филиал БГУ в г. Новозыбкове, г. Новозыбков*

Аннотация: С помощью материалов полевого этнофольклорного исследования реконструируются формы общения молодежи Восточного Полесья в сер. XX в. В 1940-1950-х гг. в сопредельных районах России и Белоруссии бытовали традиционные для сельской общины формы знакомства, общения, выбора брачного партнера: посиделки (посиденки), вечера (вечорки), гуляния (гулянки, гульбища), банкеты, хватеры. Изучение Святочного цикла молодежных гуляний позволяет выявить его структуру. Это колядки, гадания, общие для девушек и юношей вечера с угощением, парными танцами и зрителями из старших возрастных групп. Исследователями зафиксирован повсеместно бытовавший обряд «колодка», как способ образования пары.

Ключевые слова: Масленичный цикл, Восточное Полесье, молодежь, традиция, посиделки, колядки, вечерки, «колодка».

SHROVETIDE CELEBRATIONS AS A FORM OF COMMUNICATION OF YOUNG PEOPLE IN EAST POLISSYA IN K.1940-1950-IES. (BASED ON FIELD RESEARCH)

T. Mishchenko

Abstract: With the field of materials research Ethno reconstructed forms of communication young people of Eastern Polesye in the middle. XX century. In the 1940-1950-ies. in the neighboring regions of Russia and Belarus existed traditional rural community form dating, communication, choice of marriage partner: gatherings (posidenki), evening (Vechorko), festivals (spree, promenades), banquets, hvatery. The study of the Yule festivals of youth cycle reveals its structure. It carols, divination, are common for girls and boys in the evening with refreshments, paired dances and audience of the older age groups. The researchers recorded existed throughout the rite "shoes" as a method of forming a pair.

Keywords: Pancake cycle, Eastern Polesie, youth, tradition, gatherings, carols, Vechorko "shoe."

Области обрядово-ритуальной культуры, отражающие восприятие традиций, трансформацию тех или иных явлений прошлого в настоящем, несомненно, важны для современных междисциплинарных этнофольклорных исследований. Исследовательский проект «Традиционные и современные практики социальной регламентации поведения молодежи в сфере любовно-брачных отношений на территории Восточного Полесья: этнокультурный и лингвогендерный аспекты», осуществляемый коллективом преподавателей филиала Брянского государственного университета в г. Новозыбкове получил поддержку с помощью гранта РГНФ 15-24-01551 е(м). Цель проекта определяется как исследование исторической памяти и современного состояния традиций регулирования любовно-брачных отношений демографических групп в локальных местных сообществах культурного пространства Восточного Полесья, которое сохраняет типичные архаические элементы восточнославянской культуры.

Под территорией Восточного Полесья традиционно понимается часть ареала древнейшей этноконтактной группы восточных славян в границах Черниговской обл.(Украина), Гомельской обл. (Беларусь), Брянской обл, части Калужской и Орловской обл. (Россия). Локальные особенности в различных областях духовной культуры региона, расположенного в основном в пределах Левобережья Днепра (западная граница - правый приток Днепра – Припять, восточная граница – р. Березина), сохранили сельские поселения и малые города. Однако современные урбанизационные и миграционные процессы, а также последствия аварии на ЧАЭС привели к ликвидации многих сельских поселений и демографической трансформации малых городов. Быстрое исчезновение многих форм традиционной культуры Восточного Полесья, в том числе представлений о любовно-брачных отношениях и сопутствующих обрядах, превращает данное исследование в актуальное и востребованное с позиций современной науки. В рамках данного полевого исследования мы стремились выявлять устные истории – мемуары о собственных пережитых или наблюдаемых практиках и нормах любовно-брачных отношений в определенной демографической группе: женщин конца 1920 – начала 1940-х гг. рождения, жительниц сел Новозыбковского, Злынковского, Красногорского районов Брянской обл. (РФ), г. Ветка и Ветковского р-на (РБ). Как нам видится, именно это поколение, молодость которого пришлось на 1940 – 1950-е гг., хранит в своей памяти формы общения молодежи, элементы традиционных обрядов, социальные установки и оценки выбора брачного партнера, которые были существенно переосмыслены в последующие десятилетия или полностью утрачены. Как отмечала Т.А. Бернштам, «...в народной традиции восточных славян пора совершеннолетия продолжалась в среднем от одного до пяти лет для обоих полов» [1, с. 234], однако следует учесть, что Великая Отечественная война внесла свои коррективы и в одной молодежной группе в к.1940 – 1950-х гг. могли оказаться совсем юные девушки и парни, а также те, кому уже значительно больше двадцати лет.

В 1940 – начале 1950-х гг., несмотря на продолжавшуюся индустриализацию, колхозное строительство, постепенное насаждение государственных праздников, еще сильны были традиции сельской общины. Люди жили в рамках коллектива, и такой важный вопрос, как поиск пары для встреч, возможного супружества, требовал одобрения окружающих в рамках действовавших моральных норм и традиционного уклада повседневной жизни. Как и где найти себе пару? Как объявить об этом? Где услышать мнение о себе родственников, соседей, односельчан?

Как мы выяснили, в этот период встречи молодежи были связаны с календарным циклом народных праздников. На территории российско-белорусского пограничья наиболее отчетливо выделяются Святочный, Пасхальный и Троицкий циклы. Остановимся в данной статье на Святочном цикле молодежных гуляний.

Белорусский исследователь фольклора и этнографии В.А. Лобач характеризовал этот период как время, «...основной задачей в рамках молодежной группы являлось создание потенциальных брачных пар посредством обрядовых игр и других форм ритуального (ритуализированного) поведения» [17, с. 62].

Собрания молодежи имели различные наименования: посиделки (посиденки), вечера (вечорки),

гуляния (гулянки, гульбища), банкеты, хватеры (квартиры). Ведущая роль в их организации принадлежала девушкам: «У нас по хатам гуляли, были специально такие одинокие женщины, кто сдавал хату или по очереди –этый год ко мне, на тэй год к Марусе...Пели, плясали, что на ноги наступить невозможно. В каждом краю, на каждой вулице были гармонисты» [15]. Девушки должны были заплатить хозяйке, позаботиться о накрытом столе, освещении: «Снимали квартиру, платили хозяйке...да какие деньги были тогда? Что у матки вкрадишь: то зерна какого, то картошки...Хто чем платили, а люди бедно жили, ...ну и пускали. Лампу запалим, купляли керосин» [10]. «Девки игрища гармонь нанимали и платили ...гармонисту. У тое время дак бульбу по сялу збирали корзинами. Мы бегали у вечары, а тада тому гармонисту» [13]. Парни приходили на игрища, но не участвовали в оплате, договоре с хозяйкой. «А хлопцы гуляли вси, целая хата. А мы бульбу назбираем, дак тады гармонистам и давали...» [13].

От Рождества до Крещения продолжались коляды – наиболее шумная, многолюдная и праздничная часть зимних гуляний. Даже в старообрядческих селениях не было запрета на веселье: «Коляды звались...как пройдет Рождество, две недели гуляли. Это называлось Святки. Святки и коляды –это одно и то же. Гуляли на посиденках на тех. ...Если есть ухажер, с ним идешь на посиденки. ...На эти времена ходили женщины, мужики...глядеть, как это гуляют иде. Как придуть – мы поднимались скорей, чтобы сажать тех людей, что пришли. Там уже говорят: там-то весело гуляют дечата, там-то не так. Там много ребят было, там красивые, там некрасивые...Это ж было так. Гармошки, балалайки, танцевали» [11]. В полесских селах ходили щедровать, причем отдельные песни пели для хозяина, хозяйки, девушки или парня. Так, песню для молодой девушки мы записали в д. Столбун Ветковского р-на (Беларусь) [7]:

Рана-рана куры попили,
Святы вечар добрым людь
А шей раней Манячка встала
Святы вечар добрым людь
Раненько встала, тоненько пряла
Святы вечар добрым людь...

Из этого текста следует, что «величали» девушку за ее трудолюбие, хозяйственность. Действительно, на вопрос: «Какая девушка в селе считалась хорошей, завидной невестой?» наши собеседницы отвечали: «Хорошие дела – хорошая девушка. Приветливая, спокойная, не пьющая, не гулящая» [16]. Сельский этикет предписывал девушке скромность и приветливость, а его нарушения создавали плохую репутацию не только девушке, но и ее семье: «Плохая девушка –это идет, может не поздороваться, отвернуться, маты может, ...непугетвая говорят, она из семьи с такой плохой» [3]; «Раньше хозяина судили по двору, по форточке. А хозяйку – вядуть в огород. Заходить в дом – стоять вилошница, если чистая...то да, а грязная – плохая хозяйка» [5]. «Если в доме кочерги чистые и пол вымыт – это уже буде хозяйка...» [4]. В парнях также ценилось трудолюбие и трезвость: «Хороший парень – ну, няпьющий...не только по парню судили, по предкам судили...ага, вон ен ня пьет, а батька яго – алкоголик...А одна пойшла замуж за гармониста, а ен напьется, как стане яе ганять да лупить вон. Прибьгнуть ка мне на ночь. Я кажу: «Ты ж казала, ен будя играть, а я танцевать. Танцуй, во!»[4].

Накануне Нового года по старому стилю (на Василия) и на Крещение молодежь устраивала гадания. Желание узнать будущее именно в этот промежуток времени объяснялось тем, что новый год открывает новый этап в жизни людей, а первые его дни определяют судьбу людей. Прежде всего, молодую девушку волновало, выйти ли ей замуж в этом году, каким будет ее муж, что за жизнь с суженым ее ожидает. Наши собеседницы называли множество гаданий, которые совершаются или группой девушек, или тайно от всех: «Гадали...вон речка вон там была, а там криница, бегали туды...хвост намочим в юбке, ти в чем, у кого замерзло – мужик пить будить. В бани ...у кого баня отперга...дров схватишь, в баню понесешь...а там считаем: «Буду я в паре?» [10]; «Гадали на Старый год: лапоть через заборы кидали, бумагу жгли, камни в колодцы кидали, на крышу становились, крыши ж были соломенные, зубами захватишь: «Сколько?-Четно. Замуж выйдешь в этом году» [15]. В гаданиях можно отметить эротический и символический подтексты, так как задействовано тело человека и предметы, обладавшие символическим значением (парный-непарный, пристать –отстать). Природную сущность, близость к животному миру видит в купальском гадании на территории Полесья А. Сержпутовский (что в нашем случае перекликается с гаданием на соломенной крыше): «На Купала после захода солнца, как заблестят на небе звезды, девки голые бегут куда-нибудь недалеко за деревню на перекресток дорог, становятся раком и зубами, как скот, рвут подорожник. Они с этим зельем бегут домой и ложатся спать, а подорожник кладут себе под голову. Ночью обязательно приснится суженый» [18, с. 195-196]. Колодец и замочек с ключиком в гаданиях явно обладали на символическом уровне эротическим прочтением: «Ище под кроватью слаживали колодец таки из спичек, загадывали, кто во сне придя вадички напиться, то и судьба твоя. ...Бегали па сялу, судьбу свою спрашивали. Падбьгишь, в окно пастукаешь: «Тетка, як судьбу мою звать?». Ну хто уже якое имя придумая. Хто скажа – Роман, а хто - Явхим» [5]. В одиночку девушка могла гадать «на зеркало», «на замочек с ключиком». Заметим, что совместное гадание с парнями нам встретилось в рассказах респонденток лишь дважды: «Ляляк наделать с трапак и в начовку, если хлопцава первая выпадя – яго нявеста в девках родя» [6]; «Хлопцы курицу принясуть, а мы петуха...хто замуж уперед выйдеть» [8].

Об образовании молодой пары мог сказать обряд «колодка», который известен нашим собеседницам из новозыбковских и злынковских сел, а вот в белорусском селе о нем не знали. Колодка – это лента, длиной до метра, платочек и цветок. Цветок мог быть как самостоятельно изготовлен, так и куплен у сельской мастерицы, а на платочке могла быть надпись: «Платочек вышивали...цветочек и надпись. Например: *Колё от Нади*» [4]. Наиболее используемые цвета – белый и красный: «Это на масленицу невеста жениху должна была повесить эту колодку: вот цветочек, носовой платок и большая лента...Чаще всего с красными ходили и цвет искусственный» [12]. «Колодка – при мне последний год было. И с этим же женихом идешь по посиделкам на масленой. Вот если с этим войдешь под ручку – никто уже не спрашивает, видит же, что твой жених» [11].

«Свободному» парню можно было повесить колодку, так как для парней было престижно получить такой подарок от девушек: «А тада уже они с колодками ходять, похваляються...Придеть домой с колодкой: «Вот, мам, мне повесили!» [8]. Несколько колодок мог получить только гармонист, а парню, которому заведомо некому приготовить такой знак внимания, девушки договаривались и делали колодку вскладчину: «Если свободный парень – общую соберем, чтобы не обидно...Ого, у кого не было девушки и оставался без колодки - расстраивался» [5]. А вот вопрос о знаке внимания женатому мужчине вызывал общий смех: «Женатому вряд ли кто осмелится, жена космы повырве и воды не будешь неделю ходить к колодку» [5].

Как видим, отчетливая регламентация правил поведения в крестьянской среде указывала каждому поколению свое место в коллективе. Не предосудительным было общение «на виду», когда за гуляниями молодежи наблюдают старшие: «Раньше собирались вячорки – гульбище называють...во й бабы паприходють, кругом у клубе обсядуть, и любуются, и сплетничают. Во сегодня с этой тэй танцавав, седня эту тэй праважав, сядять и ду-ду-ду» [15]. В памяти наших собеседниц сохранилось множество названий танцев, все они были парными, иногда шутивными, иногда сложными в исполнении: «Краковяк», «Нарэчанька», «Полька», «Страдание», «Карманчики», «Месяц», «Базар», «Серпьянка», «Яблочко» (д. Столбун, Ветковский р-н) «Страдания», «Нареченька», «Матлет», «Шахтеры», «Краковяк», «Ночка», «Яблочко», «Месяц», «Коробушка», «Карпет» (с. Шеломы, Новозыбковский р-н), «Полька», «Кадриль», «Страдания», вальсы (г. Ветка). Девушки могли начать танцевать друг с другом, а парни их «разбивали». В некоторых селах говорили о том, что если парень пригласил танцевать – отказать ему нельзя, пусть даже он никудышний танцор: «Вот...мы, напрымер, танцуим, два хлопцы приходя, адин с табой, адин са мной идеть танцавать...а други раз хто танцавать – танцуя харашо, дак думаишь, будте вы прокляты, хоть ба раз, хоть ба адин таяц с девкай патанцавать, з девкай же як хочишь, так и крутишься, а хлопец...други умея...у нас тольки Шурка ...умев танцавать усякия» [9].

«Танцевальный этикет» представлен в следующем диалоге исследователя (Т.А.) с респондентками [14]:

Т.А. Танцевали: парень-девушка или девушка-девушка?

Нина Егоровна Если мене любя хлопец, если б мы с Поляй пашли скакать – нас идуть наши женихи разнимать. Яё- яё жаних бярёт, а мой – мяне. Ну, а если якия-нибудь хлопцы, шо мы ня любим, мы из круга утыкаим.

Т.А. А если парень пригласил девушку танцевать, а она не идёт?

Нина Егоровна Ну так, хочишь у харю палучить – не йди.

Пелагея Даниловна А хоть и в клуб ни прийдешь гулять.

Таким образом, выбор понравившейся девушки оставался за парнем, для него допускалось агрессивное поведение, возможность «наказать» девушку отлучением от гуляния на определенное время. Для девушки – отказ в как можно более мягкой форме (уклонение от общения, парных танцев). Следует отметить, что иногда в описании масленичных гуляний уже фигурирует советское культурное учреждение – клуб, при этом собеседницы поясняют, что это только в зимнее время, летом в клубе не собирались. «Посиденки были и запрятали...какой-никакой клуб быв» [10].

Итак, масленичные гуляния молодежи представляли собой хорошо продуманное обрядовое действие. Возможность создать пару, объявить об этом публично, заслужить достойную репутацию, повеселиться, укрепить дружбу – все это молодежь Полесского региона еще в середине XX в. продолжала исполнять в рамках традиции с определенной структурой, песенным, танцевальным, инструментальным репертуаром, особыми правилами поведения. В нашей современной культуре сохранились лишь отголоски масленичной традиции, которые поддерживаются фольклорными коллективами, сельскими клубными и библиотечными работниками. Важную роль в сохранении исторической памяти о традициях Восточного Полесья играют ее носители, готовые поделиться своим опытом с исследователями.

Список литературы

1. Бернштам Т.А. Совершеннолетие девушки в метафорах игрового фольклора (традиционный аспект русской культуры) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. – СПб., 1991.
2. Записано от Носовой Н.А. 1928 г.р., с. Шеломы Новозыбковского р-на Брянской обл.
3. Записано от Атрошенко А.Т. 1938 г.р., с. Сновское Новозыбковского р-на Брянской обл.
4. Записано от Бойчук Т.М. 1948 г.р., род. в Беларуси, проживает в с. Спиридонова Буда

Злынковского р-на Брянской обл.

5. Записано от Грищенко В.И. 1940 г.р., с. Спиридонова Буда Злынковского р-на Брянской обл.
6. Записано от Кулешовой А.И. 1940 г.р., д. Столбун Ветковского р-на, Беларусь.
7. Записано от Кулешовой А.И. 1940 г.р., Крупенковой М.А. 1938 г.р., Аниськовой У.И. 1940 г.р. д. Столбун Ветковского р-на, Беларусь.
8. Записано от Мастюгиной Е.Ф. 1928 г.р., с. Шеломы Новозыбковского р-на Брянской обл.
9. Записано от Миненко Н.Е., с. Новое Место Новозыбковского р-на Брянской обл.
10. Записано от Носовой Н.А. 1928 г.р., с. Шеломы Новозыбковского р-на Брянской обл.
11. Записано от Поляковой А.П. 1930 г.р. с. Шеломы Новозыбковского р-на Брянской обл.
12. Записано от Сугаковой Л.Д. 1940 г.р., с. Сновское Новозыбковского р-на Брянской обл.
13. Записано от Тимошенко А.П. 1929 г.р., с. Верхличи Красногорского р-на Брянской обл.
14. Записано от Хаянок Н.Е. 1938 г.р., Гайшинец П.Д. 1943 г.р. с. Летяхи Красногорского р-на Брянской обл.
15. Записано от Шкарубо М.Т., 1939 г.р., с. Большие Щербиничи Злынковского р-на Брянской обл.
16. Записано от Якимцовой М.А. 1953 г.р., род.с.Хромово Суражского р-на Брянской обл., проживает в с.Спиридонова Буда Злынковского р-на Брянской обл.
17. Лобач В.А. Эрос в белорусской традиционной культуре // Белорусский эротический фольклор / Изд. под. Т.В. Володина, А.С. Федосик. – М.: Ладомир, 2006.
18. Сержпутоўскі А.К. Русальная нядзеля. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў. – Мн.: Выш. шк., 2009.

ПОДОЛЬСКОЕ КУПЕЧЕСТВО В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1861-1917 ГГ.)

Г.А. Наумова

Историко-мемориальный музей-заповедник «Подолье», г. Подольск

Аннотация: В статье кратко рассказывается о городе Подольске и его уезде в пореформенный период (1861-1917 гг.), о подольском купечестве, о том, что подольское купечество оставило заметный след в истории города и уезда: строительство храмов, богаделен, первых кинотеатров, учебных заведений.

Ключевые слова: Подольск, купечество, предпринимательство, благотворительность, меценатство, производство, фабрика, завод, общество, история.

PODOLSK MERCHANT DURING THE POST-REFORM PERIOD (1861-1917)

G. Naumova

Abstract: Having become a town in 1781, the city of Podolsk gradually had developed thanks to the people, and primarily the merchants. By the early of twentieth century, in the city and the county had been the dynasties of merchants: Alliluyevy, Konanykiny, Holostovy and others. Podolsk merchants left the great imprint in the history of the city and county such as the construction of temples, hospices, first cinemas, schools.

Keywords: Podolsk, merchant class, entrepreneurship, production, philanthropy, sponsorship, factory, history, society.

Город Подольск «лежит расстоянием от столичного и Губернского города Москвы в 33 верстах; положение имеет по обе стороны реки Пахры, которая протекая чрез него от запада на восток имеет оба возвышенные берега и окружается со всех сторон полями, а по высочайше конфирмованному плану расположен по обе же стороны реки Пахры длиною на 470, шириною на 320 сажень продолговатую правильною фигурую и разделяется рекою Пахрою на две части, из коих на правой стороне реки находятся присутственные места и собор.

Селение сие называлось село Подол и было прежде вотчиною Даниловского монастыря, ведомства Коллегии Экономии, а по высочайшему ЕЯ Императорского Величества повелению на поднесённый Московской губернии плане Октября в пятый день 1781 года к удобнейшему правлению, к доставлению жителям ближайшего суда и расправы и к спешествованию их блага, на основании изданного о устройении вновь Губернии в 7 день Ноября 1775 года учреждения, удостоен имени, прав и преимуществ города» [1, с. 134-135].

«Герб города Подола представляет в верхней части щита герб Московский, а в нижней два золотые употребляемые каменотёсками инструмента в голубом поле, в знак того, что жители сим промыслом обогащаются, а жалован оным при самом его открытии» [2, с. 135-136].

Становление Подольска как города относится к эпохе Екатерины II, когда по Указу от 5 октября 1781 г. при разделении Московской губернии на уезды был образован Подольский уезд, а экономическое село Подол стало уездным городом. На тот момент в нём находилось 106 домов (из которых 2 принадлежало дворянам, 47- купцам, 52 – мещанам и четыре священнослужителям), 14 торговых лавок,

где торговали съестными припасами и разным молочным товаром, два питейных дома, винный и соляной магазины, работала шелковая фабрика, пивоварня и кузница, два солодовых и один кирпичный заводы.

Начиная с XVII в. происходит усиление экономического развития купечества, которое принимало самое активное участие в создании и развитии торгово-промышленных предприятий. Особенно это относится к зарождению текстильного производства. Именно купечество, оставаясь реальной хозяйственной силой, создало льняную и хлопчатобумажную промышленность. Как сообщают «Ведомости» к межевым атласам в последней четверти XVIII столетия: «Центрами текстильной промышленности Подмоскovie были города, расположенные к югу и юго-востоку от Москвы (Серпухов, Коломна, Подольск, а также Дмитров и Звенигород» [3, с. 70]. Самыми старейшими предприятиями края были: шерстопрядильная и ткацкая фабрика И.Ф. Баскакова, суконная фабрика Г.И. Ремизовой (была основана в 1825 г., как первая в России бумагопрядильная, затем новые владельцы братья Василий и Дмитрий Ремезовы переделали её в суконную) и шерстопрядильная фабрика Е.И. Крыгина.

Дальнейшее увеличение «торгово-промышленного сословия» заставило государство приступить к реорганизации его структуры. Великая законодательница Екатерина II, проводя многочисленные реформы, сделала ставку на зарождающееся «третье сословие». В 1785 г. она подписывает Жалованную грамоту, в которой наделила купцов правом участия в местном управлении и суде.

Получив статус города, Подольск постепенно развивался благодаря его жителям, и в первую очередь, благодаря купечеству. В 40-е гг. XIX в. в городе проживало уже 256 купцов. Постепенно они вкладывали свой капитал в развитие местной промышленности. Иван Макаров, гонявший раньше гурты скота, построил воскобелительный завод, Пётр Конаныкин – пивоваренный, Павел Караулов – кожевенный. Значительные средства они тратили на улучшение быта горожан.

Купеческое сословие сыграло большую роль в истории российского государства. Многих, относящихся к этой социальной группе людей, можно назвать первопроходцами и в географическом, и в экономическом плане. На протяжении нескольких столетий заметно менялся облик купечества, сфера деятельности, быт и нравы его представителей. Из простых коробейников и мелких лавочников-сидельцев купечество превращалось в новый буржуазный класс предпринимателей, обладающих большими финансовыми возможностями, владеющих основными средствами производства. Этому способствовали реформы 60-70-х гг. XX в. К началу XX столетия появились целые купеческие династии. В Подольске таковыми стали Аллилуевы, Конаныкины, Холостовы, Молчановы, Толкушевы, Щекины и др.

Пример братьев Аллилуевых наглядно характеризует зарождение и развитие подольского купечества, которые, в основном, наживали свои капиталы на доходах от торговли, постоянных дворов и содержании мелкого и среднего производства. Аллилуевы – коренные подольчане. Один из братьев, Павел Петрович, купец третьей гильдии, первым построил частный каменный дом на Большой Серпуховской улице (ныне проспект Ленина). Традиционно семья занимала жилые комнаты второго этажа – на первом находилась гостиница и трактир. Кроме того, С. Ф. Аллилуев содержал кирпичный завод близ деревень Северовой и Федчишевой Дубровицкой вол. Подольского уезда, имели они и две рощи в с. Каледино и в д. Лукошкино. Лес использовали для обжига, а готовый уголь продавали. Ещё с XVI в. известен в Подольске купеческий род Щекиных, которые были соседями Аллилуевых и имели два каменных дома. Как большинство подольских купцов помещения первых этажей сдавали в аренду под лавки, магазины, квартиры или сами содержали различные заведения. Так Фёдор Михайлович Щекин значительную часть своего двухэтажного дома по Большой Серпуховской улице № 39 сдавал в аренду Д.В. Вульффу под аптеку, Р.Л. Марковскому под парикмахерскую, Н.В. Гурикову, И.М. Цапину и др. под квартиры. Многочисленный род Щекиных промышлял также лесом, живым скотом, содержал постоянный двор.

Местоположение города Подольска и его уезда было очень удачным. «Занимая юго-западную часть губернии, он непосредственно примыкает к южной границе Московского уезда, так что ближайшие его селения отстоят от Москвы всего на 15 верст ..., причём его территорию по всей длине пересекают два таких важных пути, как Московско-Курская железная дорога и Московско-Варшавское шоссе» [4, с. 1], что оказывало значительное влияние на экономическое развитие города, а близость железной дороги, дешевизна рабочих рук способствовали тому, что Подольск из ямщицкого, торгового города быстро превращался в промышленный. Уже к концу XIX в. город и уезд покрывается сетью фабрично-заводских предприятий, которые делились на три основные группы: заводы металлообрабатывающей промышленности, фабрики текстильной промышленности и заводы строительных материалов и вяжущих веществ. По высоким берегам р. Пахры и её притокам: Десны, Мочи, Рожай – находились лучшие обнаружения известняка, которые имели важное промышленное значение как материал для приготовления цемента и извести. Более плотные сорта являлись хорошим строительным материалом – так называемый «подольский мрамор». Поэтому разработка известняков в Подольске и уезде велась издавна и играла значительную роль в экономике. Многие подольские купцы (Аллилуев, Толкушев, Поливанов, Архипов, Абакумов, Шапошников и др.) занимались обширной ломкой известняков каменноугольной системы. Так в черте города находилась одна из старейших каменоломен. Ломка мрамора производилась здесь с 1836 г. и велась многими предпринимателями – с 1873 года право разработки принадлежало Ивану Григорьевичу Губонину, московскому купцу первой гильдии [5, с. 233].

По данным Памятной книжки Московской губернии на 1912 год величина площади г. Подольска составляла 290 десятин. Заселено было 222 десятины. Улиц и переулков в городе – 41, площадей – 3, городских общественных садов – один, бульваров и улиц обсаженных деревьями – один. Жилых строений в городе всего было 540. Из них каменных 80, деревянных 411, смешанных 49. Крытых железом 504, деревом, толем и проч. -36. Находилось три церкви и одна часовня. Была одна земская больница и одна частная аптека. Интересно, что центр города в вечерние и ночные часы освещался. В городе находилось 65 уличных фонарей. Гостиниц и номеров для приезжающих всего была одна, и содержалось два постоянных двора. Зато по количеству ресторанов и трактиров Подольск находился на втором месте (17 заведений) в Московской губернии после Сергиева-Посада, в котором располагалось 26 подобных заведений. Также в городе имелось три винных лавки и 12 пивных. Жителей города Подольска можно было отнести к читающей публике, т.к. он занимал третье место по количеству библиотек (3) после Серпухова (6) и Клина (4) и Дмитрова (3). Учебных заведений находилось в городе: средних – 2, низших – 8. Был один банк и две сберегательные кассы [6, с. 3-4].

Подольское купечество оставило заметный след в истории города: строительство храмов, богаделен, первых кинотеатров, учебных заведений.

Реформа 19 февраля 1861 г. дала резкий подъем и активное развитие не только экономики, но и местного самоуправления, общественных организаций благотворительного движения и рост численности благотворительных учреждений, что послужило вовлечением и активизацией в этот процесс купечества.

Благотворительность и меценатство в Подольском уезде Московской губернии, как, впрочем и по всей стране, решались в пореформенный период более масштабно. И ведущая роль здесь принадлежала представителям купечества. Они не ограничивались только строительством школ, приютов, богаделен. Рамки их общественной деятельности значительно расширились. Появились новые формы и направления: экономическая, агрономическая и другая помощь населению.

Лучшие представители купцов и предпринимателей в пореформенный период (1861-1917 гг.) все активнее включались в общественную жизнь общества, выходя за рамки патриархального быта и кастовой замкнутости. Наиболее богатые и состоятельные стремились поддержать своими капиталами серьезные социальные и культурные программы. Практически каждая купеческая семья занималась благотворительной деятельностью и оставила о себе память в виде духовных, социальных, культурных сооружений и других проявлений. Первоначальная благотворительность по преимуществу была направлена на постройку церквей, т. к. это было связано с духовно-нравственным воспитанием, почитанием идеалов добра, справедливости, уважения к предкам. Построить храм или богадельню было самым традиционным путем покаяния и служения. Иллюстрацией к сказанному может служить отношение купцов братьев Василия и Гаврилы Матвеевичей Комаровых, которые более 30 лет являлись благотворителями церкви села Покрова-Разницы (Подольский уезд). В разное время братьями на причт было пожертвовано около 5.000 руб. Рядом с храмом в 1889 г. была построена двухэтажная крытая железом церковно-приходская богадельня храмоздателями и благотворителями В. и Г. Комаровыми для призреваемых женского пола. На содержание Комаровы пожертвовали 12.000 руб. [7, с. 14-15]. Устройство домов призрения и богаделен было важным направлением деятельности купцов. Так купцом Прохоровым в Подольске была устроена городская богадельня на 30 чел., а заведовал – купец Аллилуев. Л.В. Шамшина, жена купца А.И. Шамшина, на свои средства содержала богадельню на 14 коек, располагавшуюся в селе Клёнове Подольского уезда рядом с их имением. Казначеем Подольских богоугодных заведений состоял В.Н. Ремизов, почётный гражданин и кавалер, владелец фабрики суконных изделий в селе Константинове Домодедовской волости.

Популярным видом благотворительности среди купечества было учреждение специальных капиталов на уплату стипендий (например, стипендия имени Д.А. Наумова, бессменного председателя Московской губернской земской управы, одного из основателей Политехнического музея в Москве), на выделение капиталов на приданое бедным невестам. Выдавались различные временные пособия с капиталов, завещанных купечеством Городской Управе. Например, с капитала купца М.И. Крашенинникова в 1917 г. к празднику Святой Пасхи беднейшим мещанам г. Подольска было выдано пособие в сумме 300 руб., а с капитала К.Я. Сысалина – 310 руб.

Немалые пожертвования поступали от купечества и на развитие образования. Так попечительницей школы села Булатникова была Ю.Т. Крестовникова – известная московская благотворительница, жена Г.А. Крестовникова, купца первой гильдии, потомственного почетного гражданина, мануфактур советника, директора фабрично-торгового товарищества «Братья Крестовниковы» - Юлия Тимофеевна, урожденная Морозова, о которой уже говорилось выше.

В 1893 г. в селе Валуеве была открыта школа, попечительницей которой стала почетная гражданка Н.С. Кознова, владелица соседнего имения в сельце Мешкове. А дочь губернского секретаря Н.А. Калгина подарила участок земли размером 756 кв. саж., расположенный в ее усадьбе в селе Бережки, Подольской уездной Управе для устройства земской школы. Из расчетных документов Подольской уездной земской Управы по авансам видно, что на содержание земских школ уезда в декабре 1913 г. попечительницей остафьевской школы А.И. Баскаковой (жена московского купца А.И. Баскакова) было потрачено 287 руб.; господин Пейффер на содержание Шهبанцевской учебно-вязальной мастерской потратил 5.749 руб.; З.А. Манацкова потратила 77 руб. 15 коп. на покупку книг для Александровской

библиотеки [8, л. 5]. А.В. Михеев, владелец суконной фабрики при селе Стрелкове, построил в 1893 г. на свои средства каменное здание для школы в селе Покрове-Разнице, где обучались мальчики и девочки всего прихода [9, с. 17-18]. Как видно из сказанного, многие представители купечества являлись попечителями уездных учебных заведений. Так почетным попечителем мужской учительской семинарии в селе Поливанове, которое готовило педагогов для земских школ, был потомственный почетный гражданин В.Б. Глинский, а С.Ф. Аллилуев много лет помогал этому училищу денежными средствами. Известный подольский купец С.Е. Холостов являлся почетным смотрителем Городского по Положению 31 мая 1872 г. училища.

Не оставались без внимания купцов – благотворителей и медицинские учреждения. В 1862 г. потомственный почетный гражданин С.М. Алексеев пожертвовал двухэтажный каменный дом по улице Большой Серпуховской в г. Подольске Императорскому Попечительскому Совету заведений общественного призрения в Москве для помещения городской больницы [10, л. 26, 26 об.]. Купеческая жена Масленникова продолжительное время выделяла средства на содержание сухановской лечебницы [11, л. 126]. Е.Е. Шлихтерман, купец первой гильдии, владелец текстильной фабрики в селе Богородское-Казанское, построил при заведении каменную двухэтажную больницу с сараем и погребом для рабочих. Упомянутый уже купец А.Д. Жучков, владевший шерстопрядильной и суконной фабрикой в селе Стрелкове, содержал при предприятии фельдшера и оплачивал врача из Москвы, лечившего фабричных больных [12, л. 31].

Из вышесказанного видно, что участие купечества в государственных учреждениях и общественных организациях как то: Попечительство бедности, Уездное отделение Попечительного Общества о тюрьмах, Уездный Комитет Попечительства о народной трезвости, Пожарные общества и дружины, Уездная земская Управа, Городское Общественное Управление, Сиротский суд и проч. – становилось нормой.

Список литературы

1. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. – М., 1787. – С. 134-135.
2. Там же. – С. 135-136.
3. Прохоров М.Ф. Ведомости к межевым атласам как источник по истории промышленности и торговли в городах Подмоскovie в сер. 80-х гг. XVIII в. // Русский город. Москва и Подмоскovie. – Вып. 4. – М., 1981. – С. 70.
4. Сборник статистических сведений по Московской губернии. – Т. 3. – Вып. 8. – М., 1883. – С. 1.
5. Там же. – С. 233.
6. Населённые местности Московской губернии. Приложение к Памятной книжке Московской губернии на 1912 год / Под ред. Б.Н. Пенкина. – М., 1912. – С. 3-4.
7. Токмаков И.Ф. Историко-статистическое описание сел Покровского и Стрелкова (Подольского уезда Московской губернии). – М., 1903. – С.14-15.
8. Центральный исторический архив Москвы (далее ЦИАМ). – Ф. 192. – Оп. 3. – Д. 31. – Л. 5.
9. Токмаков И.Ф. Указ. соч. – С. 17-18.
10. ЦИАМ. – Ф. 1154. – Оп. 1. – Д. 97. – ЛЛ. 26, 26 об.
11. ЦИАМ. – Ф. 192. – Оп. 3. – Д. 31. – Л. 126.
12. Токмаков И.Ф. Указ. соч. – С. 31.

МЕЧТА О НОВОЙ ПРИКАМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Е.С. Опалева

МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья», г. Сарапул

Аннотация: Работа посвящена нескольким попыткам создать Прикамскую губернию из следующих уездов: Сарапульского, Елабужского и Малмыжского уездов Вятской губернии; Мензелинского и части Бирского уездов Уфимской губернии и Осинского уезда Пермской губернии с центром в городе Сарапуле.

Ключевые слова: Губернская реформа, Вятская губерния, Н.Н. Блинов, Прикамская губерния, Сарапул, административно-территориальное деление, южные уезды Вятской губернии.

THE DREAM OF A NEW PROVINCE IN KAMA REGION

E.S. Opaleva

Abstract: The work is devoted to several attempts to create Prikamsky province of the following counties: Sarapulsky, Yelabuga and Malmyzhskogo county Vyatka province; Menzelinsky Birk counties and parts of Ufa province and Osa district of the Perm province with its center in the city of Sarapul.

Keywords: provincial reform, Vyatka province, NN Blinov, Prikamskaya Province, Sarapul, administrative-territorial division, the southern districts of the Vyatka province.

В 1880 году Сарапул отмечал свой столетний юбилей. По губернской реформе 1780 года Сарапул стал одним из 13 уездных городов Вятской губернии.

Губернская реформа в России была начата в 1775 году, когда было издано «Учреждение для управления губерний Российской губернии». По этому указу все административно-территориальное деление России изменилось. Вместо провинций появились губернии, которые делились на уезды. Причем деление это осуществлялось без учета географических, национальных и экономических признаков. В основу деления был положен количественный критерий – численность населения на территории губернии составляла около 400000 душ, на территории уезда – около 30000 душ.

«При таком статистическом делении обширных местностей, связывались между собою и приурочивались к одному центру уезды, иногда не имеющие между собой ничего общего ни по этнографическим, ни по экономическим условиям, и даже, по географическому положению, представляющие немалое затруднение для администрации и суда, по своей отдаленности от губернского города. Подобным образом, сто лет назад Сарапульский и два смежные с западной его стороны уезда, вошли в состав Вятской губернии» [1, с. 5].

При таком делении Сарапул испытывал трудности при взаимодействии с Вяткой. И общественная, и частная жизнь жителей города была затруднена долгими ожиданиями ответов на различные запросы. Поэтому еще в 70-х гг. XIX века стремление отделиться от Вятки и создать новую губернию стало проявляться очень сильно среди населения трех уездов: Сарапульского, Елабужского, Малмыжского.

«Надежды местных жителей на открытие новой Прикамской губернии значительно увеличились, когда в 1878 году появился в печати слух о том, что в высших сферах проектируется учреждение смешанной комиссии представителей от разных министерств и ведомств для обсуждения вопроса об изменении границ некоторых губерний и об открытии нескольких новых. Об открытии Прикамской губернии были предположения еще лет двадцать назад.

Заявления, сделанные местными общественными учреждениями, довольно определенно показывают, что столетний опыт совместной жизни населения, с одной стороны, отдаленных от центра юго-восточных, а с другой – ближайших к Вятке уездов или не послужил выгоде этого населения, или выгоды эти были настолько незначительны, что население совсем не замечало их, или же, наконец, создались такие условия жизни, которые побуждали жителей искать для себя другие центры, помимо губернского центра» [1, с. 4-5].

Одним из главных идейных вдохновителей образования новой губернии с центром в Сарапуле был Николай Николаевич Блинов - учитель, священник, краевед. Он очень детально прорабатывал все стороны образования новой губернии и обосновывал ее необходимость. «Реформы настоящего царствования уже вполне изменили строй административной и народно-общественной жизни; но вместе с тем и влияние губернского центра было ослаблено открытием местных учреждений земских, городских, судебно – мировых, окружного суда и др. Сравнительно быстрое и значительное развитие промышленности вообще в России, улучшение путей сообщения, в особенности железные дороги и пароходство, вызвали дух предприимчивости и послужили к оживлению таких местностей, в которых существовали наиболее выгодные естественные условия. Как на одну из таких местностей России следует смотреть на Прикамский край» [1, с. 7].

Николай Николаевич с помощью статистических данных доказывал, что южные уезды отличаются климатическими условиями, развитием экономическим и культурным от северных уездов Вятской губернии.

Состав Прикамской губернии мог быть следующим: Сарапульский, Елабужский и Малмыжский уезды Вятской губернии; Мензелинский уезд и часть Бирского уезда Уфимской губернии; Осинский уезд Пермской губернии. Население новой губернии составляло бы 1 мил. 202 тысячи жителей, а территория 1300 миль квадратных» [1, с. 15]. Причем Сарапульский уезд предполагалось разделить на два уезда – Сарапульский и Ижевский. Губернским городом должен был стать Сарапул как крупный торговый, культурный, промышленный центр Прикамья.

Все документы, прошения, статистические данные были собраны и отправлены в правительственную комиссию.

Но только через 30 лет, в конце 1910 года, со стороны правительства был сделан запрос председателю уездного съезда и уездному исправнику Сарапула об образовании Прикамской губернии. Были затребованы сведения о зданиях, необходимых для помещения губернских правительственных учреждений [2, с. 6]. Но дело опять не получило развития.

В январе 1914 году сарапульское земство возбудило ходатайство перед правительством о создании Прикамской губернии. При ходатайстве был приложен план губернии, составленный на основании статистических данных, полученных из уездных земских управ и волостных правлений, которые должны были входить в состав губернии. Новая губерния должна была иметь 1674054 жителей обоего пола на территории 51,084 кв. версты [4, с. 24]. Со всеми документами в Санкт-Петербург поехал Отланов Михаил Федорович – секретарь земской управы, частный поверенный. По телеграммам, присылаемым в Сарапул, можно предположить, что дело образования Прикамской губернии начало

сдвигаться с точки. Но началась Первая мировая война, которая перечеркнула все надежды на организацию новой губернии.

Вопрос образования Прикамской губернии поднимался еще один раз, в 1918 году при подготовке нового административно-территориального деления России. В июне 1918 года 1-й Всероссийский съезд удмуртов поддержал идею создания Прикамской губернии с целью объединения удмуртского народа Прикамья. Но с образованием Вотской автономной области в 1920 году вопрос это был снят. И все дальнейшие проекты создания Прикамской губернии расценивались как контрреволюционные и кулацкие.

Так, мечта о создании Прикамской губернии была забыта, несмотря на большую работу и огромное желание многих деятелей Сарапула и Прикамья сделать эту территорию более развитой в экономическом, торговом, промышленном, культурном и социальном плане.

Список литературы

1. Блинов Н.Н. К столетнему юбилею города Сарапула. О необходимости образования новой Прикамской губернии. – Сарапул, 1880. – 32 с.
2. Город Сарапул. Второй год. Общественные дела. Новая Сибирская магистраль. Памятная книжка на 1912 год. – Сарапул, 1912. – 68 с.
3. Известия Сарапульского земского музея. – Вып. 4. – М., 1914. – 187 с.
4. Кама (подшивка газеты за 1914 год). – Сарапул, 1914. – 1156 с.
5. Хохрякова Д.Н. Сарапул как столица Среднего Прикамья: история проекта в зеркале городской культуры // Наука Удмуртии. – 2013. – № 4 (66).

ЕЛАБУЖСКИЙ СПАССКИЙ СОБОР И ВИКАРИАТСТВО

иерей Владимир Охотин

КазПДС, г. Казань

Аннотация: В данной статье рассказывается об истории елабужского Спасского собора, его архитектуре и святынях. Дано описание периода существования Елабужского викариатства Сарапульской епархии (1921 – 1934 гг.), в период которого Спасский собор носил титул кафедрального собора. Представлена биография всех викарных епископов, которые занимали данную кафедру за короткий период ее существования. Общее количество викарных епископов составило 4 человека.

Ключевые слова: Елабуга, уездный город, история российской провинции, повседневность, Елабужское викариатство, Спасский собор

ELABUGA SAVIOR CATHEDRAL AND THE VICARIATE OF

priest V.N. Okhotin

Abstract: This article tells about the history of Elabuga of the Saviour Cathedral, its architecture and relics. Given the description of the period of existence of Elabuga Sarapul Vicariate of the diocese (1921 – 1934), during which the Savior Cathedral held the title of Cathedral. Presents a biography of all the suffragan bishops who occupied this pulpit during the short period of its existence. The total number of suffragan bishops was 4 person.

Keywords: Elabuga, County town, province of the Russian history, everyday life, Vicariate of Elabuga, the Savior Cathedral

Величественный Спасский собор – это архитектурный символ Елабуги. Он является пятиглавым с очень высокой колокольной в пять ярусов. Размеры собора поражают – 22 203 м³.

Желание жителей города построить именно такой храм появилось не случайно. В городе бытует следующее предание. В начале XVII века один иконописец (живший в селе Красное) во сне увидел видение. В нем было дано указание на то, чтобы он написал икону Спас Нерукотворный, за которой прибудет человек издалека. Долго не раздумывая, живописец посчитал этот наказ волей Божией и тут же принялся за написание иконы. И как только работа была завершена, на пороге появился незнакомый человек, который спросил о готовности иконы Спаса. Приезжим оказался человек с фамилией Остальцев, который являлся жителем села Трехсвятское. Он также получил во сне откровение свыше на то, чтобы съездить в село Красное за иконой, которую надо оттуда забрать. Посчитав это повеление за бред, он не стал воспринимать его всерьез и тут же тяжело заболел. После выздоровления он все-таки решил съездить в село Красное и забрать икону Спасителя. Доставленный образ поместили в деревянную часовню, которая была построена на берегу Камы. Узнав о прибывшей иконе, в часовню стал стекаться народ для поклонения. Многие больные люди, молившиеся у образа, исцелились. Чудеса стали доказательством того, что икона написана по Промыслу Божию. Эти события натолкнули жителей села

Трехсвятское на мысль о постройке отдельного храма для этой иконы. Будущую церковь также решили назвать в честь Нерукотворного Образа Спасителя. Для постройки храма несколько раз выбирали определенное место, но образ Спасителя незримо переносился и указывал на совершенно другое место. Жители села стали думать, что здесь причина в чьей-то человеческой хитрости. Но каждый раз икона вновь и вновь неведомой силой переносилась в одно и то же место. Жители были вынуждены смириться с волей Божией и построили на этом месте церковь в честь Христа Спасителя.

Данное событие свершилось в конце XVI в. именно тогда, когда была построена деревянная церковь на том месте, где сегодня стоит Спасский собор. Немного позже (в 1684 г.) вблизи построили еще одну каменную церковь в честь иконы Казанской Божией Матери.

В 1780 г., после того как Елабуга была преобразована в уездный город, храм стали считать собором. Но он был очень мал, чтобы выполнять эту роль. Было решено разобрать обе церкви и на месте их построить один величественный трехпрядельный собор в честь Спаса Нерукотворного Образа. После постройки собора в 1821 г. (при настоятельстве протоиерея Павла Юрьева) центральный престол освятил епископ Амвросий Вятский и Слободской.

Описание внутреннего убранства и постепенное изменение внешнего облика собора можно обнаружить в ряде сохранившихся архивных документов. В них сказано, что стены и внутренняя часть летнего храма имеют роспись священных изображений. Алтарь овальной формы. Иконостас летнего храма изготовлен Коринским (мастером из Арзамаса) и представляет собою величественную архитектуру. В верхней части собора имеются три комнаты: библиотека, ризница и казна. Ризница очень богата.

Зимний двухпрядельный храм также имеет новые прекрасные иконостасы, которые изготовлены благодаря усердию местного мастера. Престол в холодном храме облачен в серебряные с позолотой одежды. Это работа художника Сазикова. Почти все богослужебные принадлежности и атрибуты – это пожертвование местных елабужан.

Основной драгоценной святыней собора так и является икона Спаса Нерукотворного. Весь образ имеет золотую инкрустацию с добавлением драгоценных камней. Дополнительно икона украшена новой богатой ризой с двумя венцами. Но, чтобы придать особую торжественность иконе, венцы решено накладывать лишь в большие православные праздники. Горящие свечи при наличии венцов придают образу блестящий вид.

Великолепна икона и Корсунской Божией Матери, исполненная в древнем стиле. Она имеет ризу, которую пожертвовал в 1770 г. купец Красильников Семен Тихонович. В соборе размещено и много других икон, имеющих также ценные ризы. В соборе есть два храмовые креста, имеющих особые надписи. Первый подпрестольный крест 1684 г. имеет надпись, нанесенную в период служения митрополита Иосафа Казанского и Свяжского. Второй храмовый крест 1714 г. с надписью от митрополита Тихона Казанского и Свяжского.

В музее Спасского собора имеется серебряное кадило, которое ранее использовалось в Троицком монастыре (Елабужское каменное городище), упраздненном в 1764 г. В доказательство сего факта оно имеет соответствующую надпись о принадлежности к данному монастырю. После закрытия монастыря его главную деревянную церковь – Троицкую – в 1772 г. переместили в село Трехсвятское на кладбище.

К величественному Спасскому собору было решено пристроить двухэтажный дом, в котором расположилось духовное правление. Колокола были отлиты из меди, приобретенной у купца Красильникова из с. Саралей. Деревянный иконостас покрыл золотом крепостной Пресняков С.А.

В 1820 г. старый собор был снесен и на месте его в 1877 г. построили часовню в честь святого благоверного великого князя Александра Невского. Деньги на постройку выделили елабужские купцы Гирбасов Ф.П. и Ушков П.К. Эта часовня и до сих пор сохранилась. Она расположена справа от нового здания Спасского собора.

В 1835 г. было решено построить новую колокольню, состоящую из трех ярусов, которая была соединена с храмом путем галереи. В 1840-х гг. территорию собора оградил каменным забором [5, с. 59].

С 1855 года началась капитальная перестройка Спасского собора, которая завершилась в 1864 году. В процессе работы были благоукрашены алтари и в 1857 г. снова освятили каждый престол собора. Приделы сменили название и стали называться Михаила Архангела и богородичный придел в честь иконы «Всех скорбящих Радость». Данные названия престолы Спасского собора носят и по сей день. В 1864 г. пришли к завершению работы по расширению трапезной, которая удлинилась к западу. Старую колокольню снесли, а на ее месте воздвигли новую, которую теперь вплотную пристроили к трапезной. Все строительные работы были проведены за счет пожертвования местных жителей.

Современный внешний вид Спасского собора обязан ряду проектов, а именно Глазырина (архитектора губернии), Гармана (архитектора епархии) и Кузминского (архитектора и коррективщика из департамента смет и проектов).

При оснащении колокольни самый большой колокол был куплен у Оловянного (купца первой гильдии) из г. Ярославля. Его вес составил около 521 пуда. Отопление собора было сделано духовым по стоимости около 15 тысяч рублей и смонтировано по проекту австрийских инженеров.

Пятиглавый Спасский собор, имеющий высокую колокольню в пять ярусов и непривычно длинную

трапезную, включил в свою конструкцию элементы ранней эклектики в стиле классицизма.

Штат Спасского собора на протяжении своего существования всегда имел не менее пяти священников. Информацию о конкретных священнослужителях, проходивших службу в Спасском соборе в разные промежутки времени, можно обнаружить в Клировых ведомостях, находящихся на сохранении в Национальном Архиве Республики Татарстан.

Несмотря на то что приход собора имел не достаточно большое количество прихожан, однако казна прихода всегда была переполнена, благодаря тому что денежные средства прибывали благодаря пожертвованиям богатых благотворителей, и в первую очередь, купцов. Эти щедрые пожертвования приносили собору дополнительные и достаточно большие доходы благодаря процентам с капитала. Так, например, в начале XX в. эта сумма составляла более 20 тысяч рублей.

Собор имел в своем расположении три жилых здания, в которых проживал весь его причт. Самое большое из них двухэтажное здание построили в 1848-1855 гг. Для этого был составлен проект архитектором Миртовым А.С. Непосредственное участие в руководстве по строительству принял староста собора Бусыгин Д.Т. Это здание существует и поныне и расположено по адресу улица Набережная дом 7. В 1869 г. было построено два дополнительных жилых здания и две бани. Священники, которые прослужили в соборе длительное время, чаще всего обзаводились отдельным индивидуальным жильем.

Все священнослужители Спасского собора того периода были очень уважаемыми людьми города и всем широко известны [6, с. 105-127].

Описывая Спасский собор, стоит упомянуть и о другой огромной значимости данного собора в истории РПЦ, который с 1925 г. стал называться кафедральным. Первоначально кафедра викарного епископа (викариат Сарапульской епархии) появилась в Елабуге в 1921 г. До своего закрытия (1930) именно он пять лет носил титул кафедрального собора. После закрытия Спасского собора викарная кафедра была перенесена в Покровскую церковь, в которой она находилась до 1934 г. Но позже и там ее не стало. Это были очень тяжелые годы для новообразованной епархии в связи с усилением большевистского антицерковного террора. За этот период на Елабужской кафедре прослужило 4 викарных епископа.

Первого елабужского викарного епископа звали Георгием, епископом Вологодским и Тотемским (в миру был Анисимовым Николаем Васильевичем, 21 ноября 1861 г.р.). Родился в с. Мещеряково (Вятская губерния). Образование получил в Вятской духовной семинарии. В 1885 г. рукоположен иереем и направлен в Предтеченский храм с. Костенево (Елабужский уезд). Помимо службы в храме, трудился также преподавателем в земской школе и исполнял должность наблюдателя в церковно-приходских школах. В короткий период (1918-1922) лишился всей своей семьи (жены, двух сыновей и дочери). Оставшись один, принял монашеский постриг. 30 января 1922 г. исполнил благословение святителя Тихона, патриарха Московского и всея Руси – был рукоположен в епископа на Елабужскую кафедру (викариат Сарапульской епархии). В 1925 г. переведен на должность епископа Малмыжского. Впоследствии его переводили еще несколько раз на другие епископские кафедры: Курганскую (викариат Тобольской епархии) (с 16 сентября 1927 г.), Мелекесскую (викариат Самарской епархии) (со 2 января 1928 г.), Нолинскую (викариат Вятской епархии) (с 1929 г.). С 13 марта 1932 г. был направлен на должность епископа Ижевского, но назначение отменили. 26 марта 1933 г. получил награду носить крест на клобуке. В 1934 г. направлен на должность епископа Златоустовского (викариат Свердловской епархии). В 1937 г. перестал управлять епархией и в 1938 г. переведен на должность епископа Вологодского и Тотемского. В сентябре 1940 г. ушел за штат РПЦ на покой. Направился в г. Нолинск (Кировская область). Оставшись на покое продолжил проводить Богослужения в нолинском Успенском храме до самой кончины (17 февраля 1947 г.). Похоронен на нолинском городском кладбище [1, с. 922].

Вторым епископом стал Ириней, архиепископ Куйбышевский (в миру звали Шульминим Михаилом Александровичем, 15 января 1893 г.р.). Рожден в Казани. Монашеский постриг принял 2 декабря 1917 г. и 5 декабря стал иеродиаконном. По окончании Казанской духовной академии (1918) получил степень кандидата богословия. 18 мая 1918 г. стал иеромонахом. Направлен на проживание в Верхотурский монастырь с зачислением в штат Свердловской епархии на должность епархиального помощника миссионера. 27 января 1923 г. принял епископский сан. Стал епископом Кушвинским (викариат Свердловской епархии). Назначен на должность управляющего единоверческих приходов Свердловской епархии. 2 ноября 1923 г. переведен на должность епископа Мензелинского, а затем епископа Малмыжского (викариат Сарапульской епархии) (с 26 мая 1924 г.). 19 февраля 1925 г. поставлен на должность епископа Елабужского, но с января 1926 г., после подписания послания ВВЦС, ушел в григорианский раскол, в котором пробыл до мая месяца того же года. После покаяния заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Нижегородскому Сергию (Страгородскому) был прощен и направлен снова на викарную елабужскую кафедру, которая перешла к тому времени уже в состав Казанской епархии. В дальнейшем он несколько раз был переведен на ряд епископских должностей других кафедр: Бугурусланскую (со 2 июля 1930 г.), Мамадышскую (со 2 декабря 1939 г.), Казанскую (с 23 марта 1933 г.), Пензенскую (с 26 апреля 1934 г.). В 1935 г. получил награду архиепископства и назначен на Куйбышевскую кафедру, в которой управлял с 8 мая 1935 г. по 24 ноября 1937 г. После отстранения от руководства Куйбышевской кафедрой попал под большевистский арест и 8 февраля 1938

г. был расстрелян.

Третьим елабужским епископом стал митрополит Палладий (5 апреля 1896 г.р.). В миру звали Шерстенниковым Павлом Александровичем. Рожден в с. Больше-Ройское (Вятская губерния) в священнической семье. По окончании Вятской духовной семинарии (1917) призвали в армию. После службы в армии с 1918 г. занимал должности псаломщика в ряде храмов Вяткой епархии. 21 ноября 1921 г. принял сан диакона и был направлен в казанский Благовещенский кафедральный собор. 18 июня 1922 г. принял сан священника, а чуть позже – монашеский постриг. С 1924 г. награжден архимандритским саном и назначен и. о. настоятеля казанского монастыря в честь Иоанна Предтечи. С 1 июня 1926 г. – настоятель в казанском Кизическом Введенском монастыре. 14 декабря 1930 г. принял епископский сан и направлен на Елабужскую кафедру, на которой прослужил до 1933 г. Позже занимал и ряд других епископских кафедр: Ржевскую (с 1933 г.), Солонецкую и Петрозаводскую (с 1936 г.), Калининскую (с 1937 г.). 29 октября 1938 г. получил награду – архиепископский сан. 29 октября 1947 г. был архиепископом на Семипалатинской и Павлодарской кафедре, затем на Омской и Тюменской (с сентября 1948 г.), Иркутской и Читинской (с начала 1949 г.), Хабаровской (с 9 июня 1949 г.). 25 февраля 1951 г. получил награду носить крест на клобуке. Позже назначался еще на ряд епархий: Саратовскую (с 20 февраля 1958 г.), Куйбышевскую (с 12 сентября 1959 г.), Орловскую и Брянскую (с 29 мая 1963 г.). 11 мая 1963 г. награжден орденом равноапостольного князя Владимира I степени. 25 февраля 1968 г. награжден саном митрополита. 10 апреля 1970 г. – участник заседания Священного Синода по решению вопросов о получении автокефалии для митрополии Северной Америки. В этом же году направлялся на интронизацию нового предстоятеля Варшавской Поместной Церкви, которым стал Блаженнейший митрополит Варшавский и всея Польши Василий. 1 декабря 1970 г. за 40-летнее архиерейское служение получил награду в качестве права на ношение 2 пананий. Упокоился 23 апреля 1976 г. в день Великой Пятницы и был погребен на территории Крестительского кладбища в г. Орле.

Четвертым и последним елабужским епископом стал Александр, епископ Могилевский (13 февраля 1868 г.р.). В миру звали Раевским Александром Семеновичем. Родился в деревне Ивановка Павлодарского уезда Екатеринославской губернии. Образование – Казанская духовная семинария (1888) и Казанская духовная академия. После длительного промежутка священнической службы 26 января 1923 г. принял епископский сан и поставлен на Севастопольскую кафедру (викариат Таврической епархии). Вскоре поддержал позицию обновленческого раскола и был поставлен обновленцами на должность Таврического архиепископа. Осознал свою ошибку и принес покаяние. Был прощен и поставлен на должность Керченского епископа, а также ему было поручено временное управление в Таврической епархии. Позже ставился на руководство и ряда других епархий: Рыльской (с 1928 г.), Кустанайской (с 25 июня 1930 г.), Сухинической (с 24 декабря 1930 г.), Златоустовской (с 12 сентября 1931 г.), Каменской (с 23 октября 1932 г.), Бакинской (с 16 февраля 1933 г.), Елабужской (с 11 августа 1933 г.), Кустанайской (с 15 марта 1934 г.), Актюбинской и Кустанайской (с 30 октября 1935 г.), Петропавловской (с сентября 1936 г.), Могилевской (с 16 октября 1936 г.). 3 сентября 1937 г. был обвинен в контрреволюционной деятельности, арестован и 3 декабря того же года расстрелян.

Список литературы

1. Акты святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. 1994. – 1063 с.
2. СГА. – Ф. 17. – Оп. 2. – Д. 28. «Наличный состав членов Приходского совета Елабужского Кафедрального Спасского собора. 1928 год». – 12 л.
3. Елдашев А.М. Монастыри Казанского края: очерки истории. – Казань, 2004. – 308 с.
4. Корнилова И.В. Историко-краеведческие исследования православных священнослужителей Елабуги во второй половине XIX – начале XX вв. // Сборник статей научной конференции «Православие на Вятской земле». – Киров, 2007. – 262 с.
5. Сергей Лепихин, прот., Аникина М.В. Благословенная Богом. – Елабуга: Алмедиа, 2006. – 223 с.
6. Хайрутдинова Р.Р., Хузина Ф.Ш. Древняя Алабуга. – Елабуга: Изд-во «Мастер-Лайн», 2000. – 222 с.
7. Шишкин Н.И. История города Елабуги с древнейших времен. – Елабуга, 1901. – 211 с.

РОЛЬ КУЗНЕЦКОГО КУПЕЧЕСТВА В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ И ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИИ

В.С. Пилипенко

ЛММ Ф.М.Достоевского, г. Новокузнецк

Аннотация: Повествование о жизни и деятельности кузнецкого купечества на благо развития просвещения и культуры провинциального города.

Ключевые слова: Кузнецк, купечество, уездное училище, Муратов, Попов, Конюхов.

THE ROLE OF THE KUZNETSK MERCHANTS IN THE DEVELOPMENT OF CULTURE AND EDUCATION OF RUSSIA

V. Pilipenko

Abstract: The story of the life and work of Kuznetsk merchants for Development of Education and Culture of the provincial town.

Keywords: Kuznetsk, merchants, district school, Muratov, Popov, Konyukhov.

Кузнецк Томской губернии в XVII – XVIII вв. был заштатным, уездным городом Сибири. В период с 1822 по 1860 годы Кузнецкий уезд становится округом и в это время, благодаря активной деятельности купцов и предпринимателей, он интенсивно развивается и благоустраивается, пассионарность того периода, несомненно, сказалось и на дальнейшем развитии города.

Провинциальность Кузнецка наложила свой отпечаток и на купечество, многие из которых были купцами только второй и третьей гильдий, а потомкам основателей купеческих династий не дали разбогатеть события революции и гражданской войны XX века.

В 1764-1768 годы в городе насчитывалось 175 купцов, но Манифест о гильдиях (1775 г.) резко сократил численность купцов в Кузнецке до 7 человек. Уже к 1784 году их число возросло до 43 человек. Рост численности купечества в городе продолжался вплоть до революционных событий начала XX века.

Кузнецкие купцы и предприниматели внесли существенный вклад в развитие культуры и просвещения города.

С именем Ивана Дмитриевича Муратова, купца 3-й гильдии, связано каменное строительство в Кузнецке. Он первым из купцов пригласил иркутскую бригаду каменщиков во главе с подмастерьем Почекуниным для постройки собственного каменного дома со сводами, который был возведен в 1780 году, в последующем этот дом он продал (1799 г.) окружному казначейству. Первый каменный дом города сохранился до сегодняшних дней, и является памятником федерального значения.

По его инициативе и финансировании 22 мая 1775 года той же бригадой была заложена и построена Одигитриевская церковь в стиле сибирского барокко, в которой 6 февраля 1857 года венчались Федор Михайлович Достоевский и Мария Дмитриевна Исаева. Церковь во времена гражданской войны была сожжена и разрушена.

Иван Дмитриевич не оставался равнодушным к событиям и в России. Так в 1812 году он внес 50 рублей в фонд защиты Отечества от нашествия французов.

Яркой личностью, образцом истинного меценатства среди кузнецкого купечества и предпринимателей смотрится фигура Степана Егоровича Попова (1846-1911 годы). Выйдя из горнозаводских крестьян, он был владельцем золотых приисков в горношорской тайге и, разбогатев, стал купцом 2-й гильдии. В течение десяти лет, с 1885 года, Попов исполнял обязанности головы города и в этой должности реализовал себя как общественный деятель. Степан Егорович исполнял общественные обязанности директора Кузнецкого попечительства о тюрьмах и почетного блюстителя городских улиц. Перечень его денежных пожертвований на городские нужды весьма значителен: не получая жалования за исполнение должности головы города, он использовал его на благоустройство улиц, пожертвовал участок земли для проектируемой в Кузнецке больницы, отремонтировал кладбищенскую церковь, на свои средства поставил в Преображенском соборе новый иконостас.

Но более всего Степан Егорович оказывал содействие городу по линии народного просвещения. На личные средства им отремонтировано пострадавшее при пожаре 1884 года здание Уездного училища, при этом он одновременно оплачивал аренду другого дома для продолжения занятий учащихся, на его деньги было построено двухэтажное каменное здание для приходских училищ, мужского и женского. Он же являлся одним из инициаторов и жертвователей возведения в Кузнецке Народного дома имени А.С.Пушкина (1905-1906годы), ставшего в начале XX века очагом культуры Кузнецка.

За все благие дела Степан Попов был удостоен золотой медали на Станиславской ленте, личной благодарности императора Александра III, звания почетного гражданина города Кузнецка.

Лучшим учебным заведением Кузнецка было Уездное училище, входящее в число десяти уездных училищ Сибири. Дом в 1815 году начал строить купец Лавыгин. Была приглашена бригада каменщиков из Иркутска, но, не успев отделать полностью второй этаж, владелец продаёт его часто наезжающим в Кузнецк нарымским золотопромышленникам Родюковым. Но и они вскоре дом продали. Почему? Вот что гласит легенда в воспоминаниях Зенкова, которые хранятся в архиве Новокузнецкого краеведческого музея: «Хозяин не поладил с подрядчиком, и тот пообещал ему поселить в дом «кикимору». Дом был закончен, хозяин поселился в нем, но жить там не смог. Каждую ночь слышались в доме разные звуки: то постукивания, то какие-то завывания. Хозяин отнес это на счет «кикиморы».

В 1837 году дом Родюковых был приобретен для Кузнецкого уездного училища, которое в 1826 году по настоянию томского губернатора Сперанского было переведено из Нарыма и открыто 13 марта в «общественном доме». Окончательная отделка здания, приспособление его под училище и квартиры преподавателей были завершены только в 1863 году. Но в 1884 году в городе был сильный пожар и здание сильно пострадало. Оно вновь ремонтируется, к северному фасаду была сделана двухэтажная

пристройке.

В таком виде оно дошло до нашего времени.

Кузнецкое уездное училище являлось подлинным очагом просвещения, воспитания нравственных и гражданских идеалов – оно неотделимо от истории города.

На протяжении всего XIX века в училище было четыре директора, причем двое из них личности неординарные.

Первым смотрителем училища был Николай Иванович Ананьин, прежде служивший в Нарымском уездном училище.

Николай Иванович Ананьин был для своего времени человеком прогрессивным и старался поднять училище на высокий уровень. Он настойчиво боролся за дисциплину и высокий моральный уровень преподавателей. Большое внимание Николай Иванович Ананьин уделял формированию библиотеки.

Тридцатилетняя подвижническая деятельность Н.И. Ананьина в Кузнецке была отмечена знаком отличия «За пятнадцатилетнюю беспорочную службу» и орденом «Святого Владимира». 26 марта 1856 года Николай Иванович перемещен штатным смотрителем в уездное училище города Томска.

После Н.И. Ананьина штатным смотрителем училища был назначен учитель Петр Алексеевич Страшинин, а с 1860 года смотрителем Кузнецкого Уездного училища утвержден Федор Алексеевич Булгаков, выпускник Тамбовской семинарии, отец Валентина Булгакова, последнего секретаря Льва Толстого.

Ф.А. Булгаков был высокообразованным человеком, сторонником демократических взглядов, многое сделавшим для училища в течение более двадцати лет своего руководства.

С 1881 года за заслуги в области просвещения Ф.А. Булгаков «состоит в отставке с мундиром и пенсией».

В начале XX века уездное училище реорганизуется в городское, затем в высшее начальное. Сегодня его историю, традиции хранит и продолжает средняя школа №10.

В этом здании в разное время были детский сад, сельскохозяйственный техникум, архитектурно-реставрационная мастерская. С 1999 года в историческом здании расположен филиал Новокузнецкого краеведческого музея, а в 2010 году перед зданием училища открыта скульптурная группа «Учитель и ученик», посвященная Льву Николаевичу Толстому и Валентину Булгакову.

Род Ивана Семеновича Конюхова (1791-1881) велся от первых служилых людей Кузнецка. Сам он - кузнецкий купец 3-й гильдии - вырос в патриархальной, глубоко религиозной мещанской семье, получил домашнее образование, занимался торговлей, поставлял хлеб на Алтай. Его отец, Семен Дмитриевич (умер в 1823 году), происходил из мещан, занимался торговлей. Последние годы жизни провел в келье монаха Зосимы в глухом местечке Три Курьи вблизи Кузнецка в уединении, постах, молитвах. Похоронен на старинном кузнецком кладбище (теперь Сад Аллюминщиков).

Иван Семенович в 1826-1828 был городской головой, в 1844-1846 – городским судьёй. В 1830-х, являясь старостой Преображенского собора, руководил завершением его строительства. В 1858 г. пожертвовал церкви Преображения Господня 600 рублей серебром и одежды на 2143 рублей серебром. И.С. Конюхов вошел в историю сибирской литературы как автор оригинальной «Памятной исторической записки, или летописи города Кузнецка с начала его основания», сочиненной в 1867 году. Он приступил к созданию книги в возрасте 75 лет и продолжал её до конца своей жизни. Книга представляет собой интересный источник по истории городского быта Кузнецка. Впервые издана в XXI веке и стала библиографической редкостью.

Среди городского купеческого сословия следует сказать и о купцах 2-й гильдии, тесте и зяте. Леонид Никандрович Емельянов, из екатеринбургских мещан, проживал в Кузнецке с 1862 года, имел три деревянных дома и каменный магазин. В начале XX в. его сыновья организовали торговый дом «Емельянова Л.Н. наследники», занимавшийся продажей изделий, закупаемых у товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К» на Нижегородской ярмарке. Его зять, Окулов Максим Мануйлович (Мануйлович), приехал в Кузнецк из Томска, торговал мануфактурой, продуктами питания. После смерти тестя купца Емельянова он особенно разбогател. Жертвовал неоднократно на нужды Спасо-Преображенского собора. В 1919 г., год гражданской войны в Кузнецке, трагически погиб от рук банды Рогова.

Купец 2-й гильдии Иван Родионов в год рождения своего сына (1873) пожертвовал на устройство Салаирского волостного училища 25 рублей. Его сын продолжил купеческую династию.

Купцы 2-й гильдии Фамильцевы, Хворовы, Алексей Егорович Фонарев также неоднократно жертвовали свои денежные средства на просвещение и храмы города.

Кузнецкие купцы во многом определяли стиль жизни провинциального города. Построив в центре города три учебных заведения, Народный дом, магазины и купеческие дома, они, входя в верхние слои местного общества, в значительной степени влияли на формирование культурной среды и облика Кузнецка.

Список литературы

1. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Отв. ред. Д.Я. Резун. –

- Т.1 – Новосибирск, 2012. – 450 с.
2. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Отв. ред. Д.Я. Резун. – Т.2 – Новосибирск, 2013. – 464 с.
3. Мои сибирские предки. Интернет ресурс <http://baza.vgdru.com/18/81462/>
4. Краеведение. Кузнецкое купечество. // Личный архив краеведа В.С. Пилипенко. Папка №1, раздел №8.

В ПОЛЕТЕ ЗА МЕЧТОЙ. САРАПУЛЬСКИЙ АВИАКОНСТРУКТОР

А.В. СОЛОВЬЕВ

О.А. Поздеева

МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья», г. Сарапул

Аннотация: Статья посвящена биографии советского авиатора А.В. Соловьева. Рассматривается период детства в городе Сарапуле, участие в строительстве первого советского двухмоторного триплана КОМТА, учеба в школе авиации, строительство Воткинской ГЭС.

Ключевые слова: авиация, первый советский триплан, А.В. Соловьев, город Сарапул.

THE FLIGHT OF THE DREAM. SARAPUL'SKIY AIRCRAFT

A. SOLOVYOV

O.A. Pozdeyeva

Abstract: The article is devoted to the biography of the Soviet aviator AV Solovyov. The period under review detstvav city Sarapul, participate in the construction of the first Soviet twin-engined triplane Comte, going to school aviation, construction Воткинск hydroelectric power station.

Keywords: aircraft, the first Soviet triplane, AV Solovyov, the city Sarapul.

С понятием «провинциальный город» связаны судьбы многих выдающихся личностей, внесших значительный вклад в русскую науку и культуру. Отношение к провинции всегда было неоднозначным: с одной стороны провинцию представляли как захолустье, а с другой – как место высокой нравственности, где создается и хранится народная культура.

Именно в небольшом провинциальном городе Сарапуле, удаленном от столицы, начиналась жизнь Александра Владимировича Соловьева – русского конструктора и авиатора. Сарапул стал благотворной почвой, средой для рождения и становления его как личности, сформировал ценностные ориентиры, определил место в профессиональном выборе.

В Сарапульском музее хранится личный фонд А.В. Соловьева, ставший основным источником для изучения истории семьи Соловьевых, истории создания первого советского двухмоторного триплана КОМТА.

Родился А.В. Соловьев 28 августа 1902 года «в Сарапуле, но крещен и записан в церкви Михайловского завода» [1, с. 5]. Его отец, Владимир Иванович Соловьев, был отставным военным, служившем поручиком в 103 пехотном Петрозаводском полку. Полк входил в состав дивизии, которой командовал генерал граф Левашов, к нему и был назначен адъютантом В.И. Соловьев. Отец знакомится с Робертом Ивановичем Вейсом – управляющим имением графа Левашова. «Одна из дочерей Роберта Ивановича – Гертруда стала женой моего отца и нашей матерью» [1, с. 2]. О высоких духовных чувствах между супругами, об отношениях к родителям можно судить из воспоминаний А.В. Соловьева, где говорится о том, что отец до последних дней свято хранил светлую память о своей Трусеньке, так называл он свою супругу. «Ежегодно в день смерти матери отец отправлялся на ее могилу, а если был я дома, то и вместе с детьми. У подножия могильного холма мы присаживались, обнажали наши головы. И отец в безмолвии выкуривал папиросу. Глаза его наполнялись слезами. Это были тяжелые минуты» [1, с. 13].

После выхода в отставку Владимир Иванович был назначен лесничим в Ершовском и Сарапульском лесничестве и жил с семьей в городе Сарапуле.

Проведя детство на берегу реки Кама, куда бегал купаться с другими мальчишками, «качался на волнах проходивших пароходов», маленький Саша мечтал стать морским капитаном. Но судьба Саши Соловьева сложилась иначе. Он, будучи подростком, впервые увидел полет аэроплана. «... Дело в том, что я в детстве, в возрасте 10 лет, в 1912 году увидел первый полет аэроплана и ... заболел авиацией. Дал зарок, что я обязательно буду летчиком! Ранее мечтал стать капитаном речного парохода» [2, с.1].

20 ноября 1920 года Соловьев А.В. добровольно поступает в Красную Армию и зачисляется в мастерские при дивизионе воздушных кораблей «Илья Муромец», базировавшемся в Сарапуле, а в 1921-1922 годах после реорганизации мастерских работает чертежником-конструктором на Госавиазаводе №

14, участвует в строительстве двухмоторного триплана «КОМТА» («Комиссия по тяжелой авиации»).

В своем дневнике А.В. Соловьев запишет: «Винт за винтом, гайка за гайкой собиралось наше детище... И вот оно готово. Завтра полетит. Кажется, совсем недавно началась постройка. Сколько было вложено труда, энергии, любви, сноровки... и прожито голодных дней!» [3, с. 8]. А в выписке научно-технического отдела будет отмечено: «...Благодаря его (А.В. Соловьева) энергии, усидчивости и техническому чутью не было задержки в рабочих чертежах и облегчалась проверка их перед выпуском в цех» [4].

Когда триплан перевозили для достройки в Москву, Александр Владимирович переезжает в столицу. «Выходил в большую жизнь я, этакий необтесанный деревенский дремучий пень» [2, с. 1], но с надеждой «поступить в институт инженеров по гражданскому строительству самолетов. Он должен был открыться, но... не открылся» [5]. Ему порекомендовали поступить в Егорьевскую теоретическую школу авиации, а затем в Академию. А когда в школе он по-настоящему «понюхал воздух», летая на самолетах, то Академия как-то отошла на задний план.

В 1929-1931 годах Александр Владимирович был слушателем на 1 и 2 курсах Инженерного Факультета Военного Воздушной Академии РККА им. профессора Н.Е. Жуковского [6]. В 1931 году зачисляется на должность конструктора в конструкторское бюро «Дирижаблестроения» [7].

В годы Великой Отечественной войны был назначен в ремонтную базу Черноморского флота по ремонту самолетов, а после войны переведен в Казанское авиатехническое училище по подготовке механиков.

После мобилизации в конце 1954 года А.В. Соловьев уезжает в город Чайковский. «Поехал на строительство Воткинской ГЭС, только что начатое. Да вот и осел здесь... Привез сюда младшего сына, и стали мы с ним поживать вдвоем... Еще два года преподавал в техникуме, потом совсем распрощался с работой и занялся любимым делом – литературой» [5, с. 2]. Чуть позже Александр Владимирович напишет: «...начал давно задуманное «Самая высокая профессия» – это повесть-дневник о том, как я «молодой человек» попал в авиацию и стал летчиком» [8].

«Хочется написать о многом, а времени мало, всего только в сутках 24 часа. Многие требуют всяких воспоминаний, как-никак я ветеран авиации. Аксиома. Нельзя оценить настоящего, не зная по-настоящему старого (прошедшего)» [2, с. 2], – так напишет в письме друзьям А.В. Соловьев. И это славное прошлое подвигнет его заниматься созданием Народного краеведческого музея в городе Чайковский, собирать материалы по истории авиации, истории края.

До последних дней жизни Александр Владимирович Соловьев с теплотой отзывался о людях, с которыми он работал над созданием КОМТы, «в момент, когда мы были вместе и увлекались только (до безумия) возведением нового самолета» [5, с. 1], вспоминал родителей, детство, проведенное в Сарапуле, который подобно компасу определил направление всего его жизненного пути. Такой яркой, творческой личностью был сарапульский авиаконструктор А.В. Соловьев, родившийся в маленьком провинциальном городке, но так смело идущий к своей мечте – к мечте о полетах.

Список литературы

1. МБУК «МИКСП», Письменные источники, «Личный фонд Соловьева А.В.». – Р-87, КП-20005/11.
2. МБУК «МИКСП», Письменные источники, «Личный фонд Соловьева А.В.». – Р-87, КП-20005/34.
3. МБУК МИКСП, Письменные источники, «Личный фонд Соловьева А.В.». – Р-87, КП-20005/99.
4. МБУК МИКСП, Письменные источники, «Личный фонд Соловьева А.В.». – Р-87, КП-20005/8.
5. МБУК МИКСП, Письменные источники, «Личный фонд Соловьева А.В.». – Р-87, КП-20005/37.
6. МБУК МИКСП, Письменные источники, «Личный фонд Соловьева А.В.». – Р-87, КП-20005/6.
7. МБУК МИКСП, Письменные источники, «Личный фонд Соловьева А.В.». – Р-87, КП-20005/5.
8. МБУК МИКСП, Письменные источники, «Личный фонд Соловьева А.В.». – Р-87, КП-20005/17.

ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Родственники Стахеевы и Докучаевы

Т.В. Ролич

г. Санкт-Петербург

Аннотация: Статья посвящена родственным отношениям, которые у меня сложились с детского возраста со своими родственниками Стахеевыми и Докучаевыми, и о том какое, влияние оказали эти отношения на мое воспитание.

Ключевые слова: Екатерина, Надежда, Вера Стахеевы, Докучаевы, Иоанн Кронштадский, Глафира Федоровна Стахеева, Татьяна Семеновна Аржанова.

THE THREAD OF TIMES

T. Rolich

Abstract: This article is dedicated of family relationships with my relatives Stakheevs and Dokhuchaevs, that turn out beginning from my childhood, and also about the influence of it at my education

Keywords: Ekaterina, Nadezda, Vera Stakheev, Dokhuchaev, Ioann Kronstadtsky, Glaphira Theodorovna Staheeva, Tatyana Semenovna Arzanova.

Сколько случается разного в жизни, но мы не можем все запоминать. Самое интересное и важное запоминается. Вспоминается детство, далекое и близкое одновременно. Все это в памяти сохраняется.

Я сижу под елкой на диване, таком старинном мягком диване с круглыми валиками, мягкими подушками, как из сказки о Шамаханской царице, и наблюдаю за огоньками. Кажется, что их много и они по очереди зажигаются. Зрелище завораживающее. И елка все время меняет цвет.

Мысли мои неопределенны, мне просто хорошо вот так сидеть и наблюдать за огоньками, рассматривать игрушки. Я помню еще старинные игрушки. Вот сережки треугольниками, с висюльками, одни желтые, другие розовые. Вот ватная куколка, обсыпанная блестками. Бусы гирляндами свисают, флажки с рисунками.

Мне хорошо, когда дома никого нет. Ничто меня не отвлекает, мысль моя уносится далеко, далеко

...

На стене гобелен с Петром I на коне. Надпись на иностранном языке, которую я постоянно расшифровываю. И однажды получилась Екатерина II. Я люблю этот гобелен, который мне представляется картиной. Тут и Нева, и дома вокруг, и наивные деревья. Сколько времени я провожу у этого гобелена. Потом он станет Медным всадником и все, что там на этой картине происходило, будешь читать в книгах.

А сейчас мне просто хорошо рассматривать кисточки оранжевого абажура. Старомодный буфет с зелеными стеклышками. Дверь в углу комнаты с французским замком. Это каникулы, раз я одна дома с утра.

Разные мысли мелькают в голове и о всаднике, и об ограде вокруг камня. Всадник на огромном камне.

Вот и другая комната. Там стоит пианино, а над ней висит картина «Гибель Помпеи», которую я рассматриваю с интересом, изучаю подробности. Постепенно все складывается в одно целое, и одновременно каждая деталь знакома, но всякий раз представляется по-новому.

Детство и тишина, детство и веселье, детство и грусть о чем-то неизвестном, чувство страха и любопытства. Погружен в себя. Слышишь отрывки разговоров, не вникая в смысл. Чувство одиночества своего подспудно присутствует. Многое непонятно, и часто мучаешься от незнания, как поступить.

Вторая комната светлая с огромным окном и высоким подоконником, на который с трудом забираешься по батарее. Старые батареи были на лапках и грели плохо, так что зимой было очень холодно. Потом все это забывается, но жить в холоде очень неудобно.

Старые батареи заменили, и стало так жарко, и постоянно открывали форточку старой конструкции, дергая за веревочку. Это целая процедура, к которой нужно было привыкнуть.

Огоньки на елке появились позже, а в раннем детстве были свечки, лапкой прикрепленные к ветке. Они в виде подсвечника, и капли воска падали мимо чашечки прямо на пол.

Моя мама рано умерла, и меня воспитывала другая мама, которую я сама выбрала, спрятав ее логарифмическую линейку, чтобы она к нам пришла. Так и случилось. Мне тогда было 4 года.

Папу я уважала. Он был высокий и красивый. У него были светлые глаза и темные волосы. Запомнилось, что он всегда ходил в черном длинном пальто.

Я очень любила прогулки с папой по большому и маленькому кругу. Вокруг Заячьего острова и по всем мостам. Нева меня всегда завораживала. Я иногда останавливалась на мосту и сквозь дырочки перил смотрела вниз на быстрое течение воды, волны. Раньше часто случались наводнения, которых я боялась, потому что мы жили на 1 этаже. Мне казалось, что вода может хлынуть в комнаты и нас затопить. У меня была книжка, где мальчик плавал по комнате в корыте.

Мы жили на Петроградской стороне, и Съезжинская улица – это моя Родина. Дом наш был 7-этажный, огромный, и перед ним большая площадка, где мы играли.

Рядом с домом был пустырь, и там мы из камушков строили воображаемые квартиры с балконами и множеством комнат.

Почти все тогда жили в коммуналках. Это воспринималось очень естественно.

Я не могу сказать, что меня как-то воспитывали. Была жизнь. Отец работал над диссертацией, мама преподавала. И мы с сестрой были предоставлены сами себе. Я приходила из школы, убиралась, подметала ковер, мне это нравилось. Я занималась с сестрой, ходила с ней гулять, делала уроки. И так изо дня в день. Когда я была одна, я играла с подругами. То, что мне приходилось заниматься с сестрой, мне не нравилось. Мне интереснее было со сверстниками.

У меня была тетя Маруся, которую я очень любила. Жила она недалеко на Подковырова, и я часто вместо школы ходила к ней, и мы с ней прекрасно проводили время. Она готовила мне вкусный

грибной суп. Потом мы ходили гулять на Каменный остров. У тети Маруси был удивительный дар интересно рассказывать обо всем. Я заслушивалась этими рассказами, они во многом повлияли на мое воспитание, развили во мне романтический взгляд на окружающий меня мир, отрывая от реальной действительности, выстраивая нереальную систему ценностей, что в дальнейшем мне пришлось с трудом преодолевать.

Сейчас я понимаю, что любя меня, баба Маруся меня баловала, не прививая те навыки, которые нужны в жизни. Она это делала от полного непонимания, как воспитывают детей.

Но ее любовь меня в детстве очень согревала.

Я помню, что я уходила из дома и могла часами ждать бабу Марусю, когда она поздно возвращалась с работы. Мне не хватало любви, я ее искала везде. Помню, что я постоянно ждала маму Олю с работы. И эта привычка ожидания у меня сохранилась до сих пор.

Сколько бы ни проходило времени, сколько бы ни случилось событий, мы всегда храним память о тех людях, которые нам встретились на нашем пути и указали направление, по которому мы невольно идем, вспоминая своих учителей.

Так случилось со мной. Судьба уготовила мне путь тернистый, оставив во младенчестве без мамы. Это определило всю дальнейшую судьбу.

Со стороны мамы почти не осталось родственников. Среди них особое место занимала Екатерина Ивановна Докучаева, моя двоюродная бабушка, родная сестра моей бабушки Надежды Ивановны. Она принадлежала к известному самарскому роду Докучаевых, землевладельцев, богатейших людей Самары. Ее родная сестра Вера Ивановна вышла замуж за Петра Васильевича Стахеева. Таким образом породнились Стахеевы и Докучаевы.

Судьба семьи замечательна связями, которые образуются на протяжении жизни. Интересно, что Василий Федорович и Глафира Федоровны были из известного дворянского рода Докучаевых. Они были родные брат и сестра. Глафира Федоровна вышла замуж за Василия Григорьевича Стахеева. А за Василия Федоровича Докучаева вышла моя прабабушка Татьяна Семеновна Аржанова. Вера Ивановна, дочь Татьяны Семеновны, вышла замуж за Петра Васильевича Стахеева, сына Глафиры Федоровны. Так дважды породнились Стахеевы и Докучаевы.

Поскольку я оказалась без прямой связи с родственниками мамы, меня это очень интересует, ведь вся семья Веры Ивановны Стахеевой оказалась за границей. Я знала об этом семействе отрывочно через Екатерину Ивановну, и это влияло на мое духовное развитие.

Трагической оказалась судьба моих бабушки и дедушки, которые оказались в тяжелое время блокады в Ленинграде. Мой дедушка принадлежал к известному казацкому роду Овчинниковых из Уралья. Это были крупные промышленники, поставившие лошадей царскому двору. Они занимались разведением породистых лошадей и прославились успехами на этом поприще. В 1943 году дедушка умер в блокаду, а в 1945 году умерла бабушка. Моя мама, их младшая дочь, поддерживала их как могла. Из Москвы приходили письма от Екатерины Ивановны, родной сестры моей бабушки. По завещанию все осталось маме, и она должна была помогать своей тете в Москве.

Но случилась трагическая смерть мамы, и отец мой остался со мной. Мне было 1,5 года. Потом отец женился, так что я пережила все испытания, которые выпадают на роль падчерицы.

Меня не забывала Вера Ивановна Стахеева, которая жила с семьей за границей и через Екатерину Ивановну присылала мне открытки к Новому году, Рождеству и Пасхе. Так начиналось мое непростое воспитание. Получилось, что я жила раздвоенной жизнью - жизнью советского человека и жизнью потомка аристократического семейства мамы.

Эти две линии уживались между собой хорошо. Мало кто знал о моей причастности к знаменитым российским фамилиям Докучаевых, Стахеевых, Аржановых.

С возрастом многие вещи оцениваются по-новому. Прошло много лет, пока я не прочитала про Святой ключ, про то, что туда приезжал Иоанн Кронштадтский, что он является духовным отцом Стахеевых. Особенно меня тронули страницы, где моя бабушка Надежда Ивановна Докучаева и ее родная сестра Вера Ивановна Стахеева-Докучаева сопровождали Иоанна Кронштадтского на корабле Стахеевых до Казани, когда он был уже пожилым человеком. Для меня это выглядело фантастически, выяснявшей случайно такие интересные подробности.

Личность Иоанна Кронштадтского была широко известна в России, особенно в среде православных верующих. Путешествие по Каме Иоанна Кронштадтского происходило на закате его дней. Для меня этот рассказ служит лишним раз подтверждением, какое значение придавали Стахеевы духовности и религии. И вся жизнь династии Стахеевых является этому подтверждением.

Когда мне исполнилось 15 лет, меня пригласила к себе на дачу Екатерина Ивановна Докучаева, которая не смогла устроиться за границей и вернулась в Россию. По завещанию моей бабушки мама должна была помогать своей тетке. В наследство мама получила драгоценности, которые бабушка смогла сохранить. Она зашила их в корсет. Мама дала Екатерине Ивановне изумрудное кольцо – так образовалась дача в Кратово, которая должна была когда-то перейти мне. Но в жизни все случается не всегда так, как задумывается.

Меня всегда интересовало, почему таких людей, как мои дедушка и бабушка, «не трогали».

Оказывается, мой дедушка известного казацкого, уральского рода Овчинниковых перешел на

сторону «красных» и таким образом спас свою семью от репрессий. Однако самого дедушку «за золото» регулярно вызывали в «Большой дом» и там пытали, чтобы он отдал, что имел, в казну государства.

Также мне стало понятно, почему мою маму Екатерину Леонидовну Овчинникову приняли в партию. Случилось это, когда уже умерли дедушка и бабушка в блокаду. Мама закончила Высшую партийную школу и была ответственным партийным работником. Никто не объяснит, как молодая цветущая женщина заразилась от меня дифтерией и утонула за 4 дня. У меня есть своя версия ее смерти. Это случилось как раз, когда было «Ленинградское дело». Мама в то время занимала ответственный пост заведующей отделом торговли Петроградского района, была активным общественным деятелем, и ее могли тихо «убрать». Все они похоронены на Серафимовском кладбище. Рассказывают, когда хоронили маму, по всей Петроградской шла процессия. Екатерину Леонидовну уважали и любили. Была она человеком умным, добрым и отзывчивым. Все это я отрывочно узнавала от друзей мамы, от папы и от родственников, которых почти не осталось.

Из детства мне запомнилось, что все директора магазинов с уважением относились к папе, потому что знали Екатерину Леонидовну.

Я читала мамины блокадные письма и одна фраза мне запомнилась: «Вот бы маслечка где-нибудь достать, чтобы мамочку поддержать». При переездах письма затерялись, но я надеюсь, что, может быть, они найдутся.

Екатерина Ивановна переписывалась с моим отцом, давала ему практические советы по моему воспитанию. Она считала, что ребенку без мамы нужно больше ласки и внимания.

Ее непонимание обстоятельств окружающей жизни, я выяснила по одному письму. Екатерина Ивановна пишет: «Таточка! Не хочешь ли ты поехать в Сорбонну поступить в аспирантуру? Или ты отдала свое наследство семье?» Такие советы меня совершенно обескураживали. Она постоянно переписывалась со своей сестрой Верой Ивановной Стахеевой, которая с семьей жила в Париже и в Биаррице. Так что я знала жизнь ее внучек Катюши и Веруши во всех подробностях. Они присылали мне открыточки и обучались у бабушки Веры Стахеевой русскому языку.

Свои 85 лет Екатерина Ивановна отпраздновала в Париже у своей родной сестры Веры Ивановны Стахеевой. Когда уже позже я к ней приехала, помню ее слова: «Я устала жить». Она умерла в 90 лет.

Мои отношения с Екатериной Ивановной находились в постоянном движении. Лето на даче у нее запомнится, как одна из ярких страниц в моем отрочестве. 15 лет – это еще не юность, и ты погружен в разные мысли, которые тебя тревожат, много думаешь обо всем, что происходит. Запомнилось, что у Екатерины Ивановны был грубый голос и речь ее отличалась своеобразием. Она преподавала английский, и ей ставили в упрек, что у нее американский акцент. Она 4 года прожила в Америке, но там не прижилась, быть на иждивении у своего брата Сергея не захотела. Он ее уговаривал остаться в Америке, но она вернулась на родину, где похоронены ее предки.

Особенно интересны были ее рассказы о загранице, о людях там живущих, отличающихся своеобразным колоритом. Любила рассказывать об Италии и великолепных закатах.

Так что эти впечатления о загранице запомнились на всю жизнь. И теперешняя заграница мне не так интересна, как мне была интересна та, о которой рассказывала Екатерина Ивановна. Так неожиданно сложились мои отношения со Стахеевыми, с которыми в 90-х годах мы познакомились и сейчас поддерживаем отношения.

Подробности о жизни в Святом ключе я узнала гораздо позже. Эти рассказы о настоящей дворянской усадьбе, со всеми присущими тому быту приметами: гувернантки, прислуга, уникальный сад, садовник, потомок которого недавно умер, – все вместе создавало особенное впечатление, не похожее на окружающую нас жизнь. Та старая дворянская жизнь представлялась земным раем. Эти впечатления окрашивали окружающий наш быт в серые, унылые тона, а жизнь тогдашняя выглядела очень однообразной.

Проходит время, меняется жизнь, а впечатления отрочества так и остаются с нами. Вот так сложно сложилась моя судьба, и я с большой любовью описываю прошлое, которое могло и не так сложиться, и все было бы по-другому. Но во всем этом есть какая-то невидимая нить, которая именно так сплела судьбы Докучаевых, Овчинниковых и Стахеевых.

ВКЛАД ЕЛАБУЖСКОГО КУПЕЧЕСТВА В ДЕЛО ПРОСВЕЩЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Г.Р. Руденко, Г.Ф. Романова, Н.В. Берестова

ЕГИА и ХМЗ, г. Елабуга

Аннотация: XIX век для Елабуги стал подлинным периодом расцвета: город славился на всю страну своими купцами-миллионерами и масштабами их благотворительности. Благодаря выстроенным предпринимателями 19-ти образовательным учреждениям в уездной Елабуге XIX века учебное дело было поставлено выше, чем в губернской столице – Вятке. В этой статье рассказывается о наиболее известных

елабужских учебных заведениях.

Ключевые слова: Елабуга, купцы, учебные заведения, училище, гимназия, приют, школа, вуз.

ELABUGA MERCHANTS' CONTRIBUTION TO EDUCATION OF THE VYATKA PROVINCE POPULATION: THE HISTORY OF ISSUE

G. Rudenko, G. Romanova, N. Berestova

Abstract: The 19th century became a true heyday for Elabuga: the town was famous throughout the country for its merchants - millionaires and the extent of their charity. Thanks to 19 educational institutions built by entrepreneurs in the provincial town of Elabuga the education system here was developed better than in the provincial capital Vyatka. This article tells about the most known educational institutions in Elabuga.

Keywords: Elabuga, merchants, educational institutions, vocational school, gymnasium, orphanage, school, higher education institution.

XIX век для Елабуги стал подлинным периодом расцвета: город славился на всю страну не только своими купцами-миллионерами и их торговыми предприятиями, но и масштабами благотворительности. Стахеевы, Гирбасовы, Ушковы, Баутины, Черновы, Заитовы и другие тратили огромные суммы, не рассчитывая получить от этого прибыль, чего недостает многим современным российским бизнесменам. Причем предприниматели XIX века строили самые разнообразные учреждения: храмы, больницы, дома призрения, библиотеки и, конечно же, учебные заведения.

Самым известным из них является возведенное на средства вдовы елабужского купца 1-й гильдии Василия Григорьевича Стахеева, Глафиры Федоровны, **Епархиальное женское училище**, место которого со временем занял учительский институт, затем Елабужский государственный педагогический институт (позже университет), а сейчас – Елабужский институт Казанского федерального университета. Историю этого образовательного учреждения, известного уже далеко за пределами России, бережно хранят в стенах вуза и чтят имя его основательницы. Поэтому мы перейдем к рассмотрению менее известных учреждений.

Старейшее учебное заведение Вятской губернии – **Елабужское уездное училище** – также открылось в Елабуге. Произошло это 25 июля 1809 года. Событие было обставлено чрезвычайно торжественно, и воспоминания об этом надолго сохранились в памяти жителей города. В Спасском соборе состоялась литургия, протоирей Юрьев прочел проповедь о пользе и необходимости наук, затем в самом училище состоялась официальная церемония, после нее – праздничный обед и пушечный салют, а вечером бал.

Училище изначально располагалось в одноэтажном каменном доме, построенном специально для этого в 1809 году инициатором создания данного учебного заведения протоиреем Спасского собора П.М. Юрьевым. Сам Павел Юрьев занял в нем должность смотрителя и законоучителя. В уездное училище принимались выпускники приходских школ и обучались в нем в течение двух лет. 4 мая 1821 года при училище был открыт приготовительный класс. До 1823 года он не имел определенных средств и содержался на частные пожертвования.

После пожара, случившегося в Елабуге во второй половине XIX века, пострадавшее в огне здание выкупил купец 2-й гильдии Алексей Иванович Стахеев. Он надстроил второй этаж, а главный фасад украсил барельефами с изображением Михаила Ломоносова в память о том, что здесь ранее располагалось учебное заведение.

1 июля 1888 года училище переименовали из уездного в городское трехклассное, и оно было переведено в новое здание по ул. Казанской, (ныне ул. Тугарова, б), выстроенное купцом елабужским 1-й гильдии Прохором Федоровичем Гирбасовым за свой счет. Известный купец-промышленник Петр Капитонович Ушков помог Ф.П. Гирбасову приобрести место для училища. А прежнее здание на Казанской улице полностью перешло в распоряжении **женской прогимназии**, информация о которой, к сожалению, практически отсутствует. Сейчас здание используется ЕИ КФУ.

В начале XX века в училище работали 5 преподавателей и обучались 90 учащихся. Сейчас это двухэтажное здание – уникальный исторический и архитектурный памятник периода эклектики, который находится на государственной охране.

В свою очередь, в комплексе зданий открывшегося в Елабуге 23 апреля 1859 года **Александринского приюта** до недавнего времени размещался Елабужский детский дом.

Приют для девушек-сирот, названный в честь жены императора Николая I Александры Федоровны, стал вторым таким учреждением в Вятской губернии. В нем на полном обеспечении около 100 девочек обучались грамоте, Закону Божию, рукоделию и ремеслу.

Проект каменного двухэтажного здания был разработан вятским архитектором Плесковским по образцовым планам и фасадам 1843 г. и утвержден вятской смотрительной комиссией в 1852 г. Возведено здание было елабужским купцом 1-й гильдии, почетным гражданином Д.Ф. Черновым на средства отца (37 249 рублей серебром) – известного предпринимателя Федора Григорьевича Чернова.

В северной части территории Д.Ф. Чернов в 1830-1840 гг. выстроил каменный двухэтажный

флигель, который позже передал приюту. На южной стороне был расположен деревянный дом священника приютской церкви, на задней стороне двора – корпус служб (прачечная, баня и др.). В 1890 г. в связи с недостатком свободной площади здание расширили пристройкой, а в 1891 году в приюте стала действовать женская ремесленная мастерская. Кроме того, на крутом склоне был разбит фруктовый сад, отданный Черновым приюту в полное распоряжение. Завершилось строительство в 1858 г. освящением домово́й церкви в честь святого Пантелеймона.

Некогда в приюте находился портрет императрицы Марии Федоровны, и до настоящего времени сохранилась надпись, гласящая: «Портретъ Императорскаго Величества Государыни Императрицы Мари́и Федоровны Всемило́стивейше пожалованный въ 1891 году детскому приюту».

Еще две мемориальные доски украшают стены дома: «Потомственный Почетный Гражданинъ Елабужскій купецъ Феодоръ Григорьевичъ Черновъ основатель и благодетель детскаго приюта». Внутри здания также имеется мемориальная доска с надписью: «Александринскій Дѣтскій приютъ. Существуетъ въ Елабуге съ 1859 года. Основанъ и обезпеченъ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ и кавалеромъ Елабужскимъ купцомъ Феодоромъ Черновымъ».

Мужское училище слепых было основано в 1896 году и размещалось в доме, выстроенном для этой цели видным елабужским купцом Ф.П. Гирбасовым. Целью благого дела было дать возможность слепым детям, уроженцам Вятской губернии, получить общее образование и навыки владения ремеслом. Обучались и содержались жившие в общежитии ученики за счет Гирбасовых.

Училище имело четыре класса: приготовительный и три учебных. Помимо изучения грамматики, арифметики и Закона Божия воспитанники занимались лепкой, музыкой, учились игре на рояле. В программу приготовительных классов входила и целая серия технических занятий, носящих общее название «Фребелевских работ». Они способствовали развитию осязания, имеющего для слепых огромное значение.

В начале XX века в училище числилось 30 мальчиков-учеников. С осени 1902 года при учебном заведении стали действовать две мастерские – сапожная и корзиночная, где под руководством наставников слепые дети овладевали ремеслом.

Училище просуществовало в Елабуге более 40 лет. После Великой Отечественной войны его преобразовали в школу для глухонемых детей. Сейчас двухэтажное здание является памятником гражданской архитектуры в стиле «кирпичной» эклектики.

В 1880 г. в память 25-летия царствования императора Александра II и дня освобождения крестьян от крепостного права состоялось открытие **Елабужского Александровского ремесленного училища**.

Дело в том, что реформы Александра II, направленные на переход от феодального строя к капитализму и ликвидировавшие крупные поместья, привели к острой нехватке фабричных рабочих и квалифицированных мастеров, поскольку в стране не было организованной системы профессиональной подготовки и переподготовки. Эта потребность и стала толчком в деле создания новых ремесленных училищ. К моменту открытия ремесленного училища в Елабуге в России уже насчитывалось 69 учебных заведений подобного типа, где обучали токарей, кузнецов (в том числе модельному делу и художественной ковке), вагранщиков, формовщиков, щипальщиков, медников, монтеров.

Пожертвованная горожанами на строительство в Елабуге Александровского ремесленного училища сумма составила более 45 000 рублей, большей частью это были средства купца-промышленника 1-й гильдии Федора Прохоровича Гирбасова. Разместилось училище в целом комплексе: имелись общежитие для учеников, каменное административное здание и каменные же постройки с мастерскими, кузницей и прочим.

В 1888 г. Ф.П. Гирбасов построил двухэтажное кирпичное здание с цокольным этажом, рассчитанное на 40 мальчиков, которые находились на полном содержании. Почетными членами попечительского совета Александровского ремесленного училища были Иван Григорьевич, Василий Григорьевич и Николай Дмитриевич Стахеевы, входившие в число богатейших предпринимателей России.

После трехлетнего курса из стен училища выходили мастера каретных дел, слесари, кузнецы и столяры. Обучение было платным, что делало его недоступным для детей ряда категорий населения. Однако Д.П. Стахеев учредил стипендию имени купца 1-й гильдии, инженера-механика Ф.В. Стахеева для обучения и содержания в училище одного пенсионера. Еще 150 рублей на обучение двух пенсионеров выделил в 1892-1893 учебном году Стахеевский благотворительный комитет, а в 1895-1896 учебном году эта сумма увеличилась до 500 рублей.

В 1899 году ремесленное училище по ходатайству Елабужской думы было преобразовано в Школу ремесленных учеников, все здания училища вместе с капиталом 40 000 рублей переданы в Министерство народного просвещения. Проценты с основного капитала поступали на содержание училища, а на проценты остального капитала в 60 000 рублей при школе содержалось общежитие для 32 учеников-пансионеров.

В школе, кроме преподавания Закона Божия и специальных общеобразовательных предметов, проводился курс ремесел: слесарно-кузнечного и столярно-токарного. Позже коммерции советник Иван Григорьевич Стахеев и инженер-механик Федор Васильевич Стахеев пожертвовали для мастерских

механический нефтяной двигатель.

Реальное училище в Елабуге открылось 10 сентября 1878 года по инициативе городского купечества и стало восьмым подобным учреждением в Казанском образовательном округе. Священник и краевед Николай Иванович Шишкин писал в «Истории Елабуги с древнейших времен», что здание училища по своей архитектуре, красоте и обширности производит самое величественное впечатление, оно одно из лучших в городе.

В 1876 г. Городская дума приобрела каменный двухэтажный дом для устройства шестиклассного реального училища с основным и коммерческим отделениями. Проект нового здания был составлен архитектором Казанского учебного округа С.В. Бечко-Друзиным. Строительство осуществлялось на пожертвования граждан под руководством специально избранной комиссии: городского головы А.Д. Кусакина и купцов 1-й гильдии И.И. Стахеева и Ф.П. Гирбасова. Большую часть денежных средств из суммы в размере около 186 000 рублей на строительство и содержание училища пожертвовали представители рода Стахеевых – одной из богатейших купеческих династий России, а также Ф.П. Гирбасов и елабужские купцы П.К. Ушков, Е.Е. Емельянов и И.М. Шабалин.

Среди известных учеников и выпускников Елабужского реального училища – маршал и Герой Советского Союза Леонид Александрович Говоров (обучался здесь в 1909-1916 гг.) и ученый-металлург, академик АН УССР Василий Николаевич Свечников. Впоследствии здание вошло в состав Елабужской школы милиции, поскольку располагалось на ведомственной территории. Сейчас оно находится в пользовании пришедшего ей на смену Елабужского суворовского военного училища.

В завершение отметим, что, согласно исследованиям специалистов, в уездной Елабуге XIX века учебное дело было поставлено выше, чем в губернской столице – Вятке. В нашем городе в то время насчитывалось 19 учебных заведений, в которых обучалось свыше 2 000 человек при количестве населения 11 000. Особенно примечателен тот факт, что в ряде зданий, построенных когда-то купцами для развития образовательного дела, и сейчас располагаются учреждения, работающие в этой сфере, – школы, лицеи, ссузы и вузы, которые обслуживают не только Елабужский район, но и все Прикамье.

Список литературы

1. Архив Елабужского государственного музея-заповедника.
2. Валеев Н.М., Шмонов Н., газета «Российскому купечеству посвящается».
3. Вафина А.Д., Гурьева Г.П. Елабужские купцы-меценаты Стахеевы. – Елабуга, 2013.
4. Каримова Н., Бурдина О.В. Цель высокая и благодетельная: вклад елабужских купцов в развитие образования. Купцы-попечители. / Материалы II Республиканской научно-практической конференции «Их имена составили славу России», посвященной 230-летию со дня рождения Н.А. Дуровой и 1150-летию славянской письменности. – Елабуга, 2013.
5. Польских К.В. Жизнь и деятельность купеческой династии Стахеевых. – Елабуга, 2011. – 112 с.
6. Столетие Вятской губернии. 1780-1880 // Сборник материалов к истории Вятского края. – Т. 2. – Вятка: Типография Губернского правления и литографии Котлевич, 1881.

«РЕАЛЬНОЕ ДЕЛО»: ВКЛАД САМАРСКИХ КУПЦОВ В ОСНОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ РЕАЛЬНЫХ УЧИЛИЩ

Е.А. Рядченко

Филиал РГГУ в г. Тольятти

Аннотация: В статье рассматривается процесс создания реальных училищ в городах Самарского Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв., анализируются формы участия самарских купцов в развитии реального образования, обосновывается их эффективность, подчеркивается особая значимость распространения практического среднего образования для развития губернии со сложившейся торгово-промышленной спецификой.

Ключевые слова: реальное училище, купцы, Самарское Поволжье, торгово-промышленная деятельность, практическое образование

«THE REAL DEAL»: THE CONTRIBUTION OF SAMARA MERCHANTS IN THE FOUNDATION AND DEVELOPMENT OF REAL SCHOOLS

E. Ryadchenko

Abstract: This article describes how to create real schools in the cities of Samara Volga region in the second half of XIX – early XX centuries., Analysis of the forms of participation of Samara merchants in the development of real education, explains their effectiveness, emphasized the special importance of promoting practical secondary education for the development of the province with the existing commercial and industrial characteristics.

Keywords: real school, merchants, Samara Volga region, commercial activities, hands-on education.

Развитие реального образования, происходившее во второй половине XIX – начале XX вв., связано с возрастающей потребностью общества в специалистах для промышленности и торговли. Торгово-промышленная специфика Самарского Поволжья, окончательно сложившаяся к концу XIX в., требовала включения в школьные курсы практически полезных знаний.

Самарское купечество думало и заботилось о развитии системы образования в губернии, оказывало образовательным учреждениям различную помощь, принимало участие в их жизни не только своими капиталами, но и личным вкладом. Еще в 1873 г. купцы – гласные городской думы обратили внимание на то, что регион испытывает острую необходимость в учебных заведениях, «которые давали бы возможность молодым людям приготовиться к занятию предстоящему им торгово-промышленной деятельностью соответственно требованиям времени, давали им специальное образование» [19, с. 1]. Купцы были уверены, что Самарское Поволжье в будущем будет только укреплять свои торгово-промышленные позиции, и поэтому «образованным деятелям на этом поприще в здешнем крае предстоит обширная деятельность и потому ближайшее изучение специальности этого рода может иметь особенно широкое применение в среде местного населения» [8, с. 1-6]. В итоге, реальное училище в Самаре имени императора Александра Благословенного было открыто 7 сентября 1880 г. [9, с. 484] в доме купца И.И. Макке. Его создание стало достойным продолжением лучших традиций, в соответствии с которыми инициатива устройства реальных училищ в России принадлежала частным лицам. Среди тех, кто приложил усилия к открытию Самарского реального училища, был гласный думы, уважаемый в городе человек, купец А.С. Злобин, особенно понимавший необходимость и актуальность распространения профессионального образования, открывавшего путь к получению высшего образования. Благодаря его усилиям, удалось «увеличить приходские училища и открыть реальное училище» [6, с. 255].

В соответствии с Высочайше утвержденным 15 мая 1872 г. уставом реальных училищ, определялась их цель – «общее образование, приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний», для «занятий различными отраслями промышленности и торговли» [32, с. 24]. Потребность в получении практического образования выразилась в стабильном увеличении числа учащихся реального училища: в год открытия (1880) в составе училища было 3 класса и 103 ученика [4, с. 29]; в 1885 г. училище имело 225 человек [28, с. 41], в то же время заметно росло количество поданных прошений для определения в училище, что «давало основание полагать», что в будущем учебном году в училище будет до 250 воспитанников [4, с. 29]; в 1894 г. – 320 [21, с. 163]; на 1 января 1897 г. – 326 [30]; в 1903 г. – 358 [2, с. 165], в 1911 г. – 571 [5, с. 20]; на 1 января 1913 г. реальное училище насчитывало уже 601 учащегося [4, с. 29]. Таким образом, к 1916 г. реальное училище вошло в число самых многолюдных учебных заведений в Самаре.

В соответствии с Уставом, при каждом реальном училище создавалось попечительство, состоящее из «городского головы, почетного попечителя, начальника училища и членов, числом от пяти до десяти» [32, с. 26-27], обязанное заботиться о средствах для училища и об учениках как во время их пребывания в училище, так и по выходе из него. С самого начала работы реального училища забота о нем в полной мере легла на плечи купцов и, в первую очередь, нескольких поколений купцов Субботиных. В «самое трудное время первых лет его организации» [3, с. 668] первым почетным попечителем Самарского реального училища был избран купец 1-й гильдии Петр Семенович Субботин, впоследствии неоднократно переизбиравшийся на эту должность. П.С. Субботин, как почетный попечитель реального училища, не считая регулярных взносов, вкладывал немалые средства в его развитие [10, с. 68]. За первые три года в должности почетного попечителя П.С. Субботин успел заслужить авторитет и уважение [11, с. 341-342], посвятив общественной службе значительную часть времени, «в неминуемый ущерб своих обширных торговых дел» [3, с. 668; 15, с. 648]. С 1899 по 1904 гг. почетным попечителем училища стал купец 1-й гильдии Н.Г. Неклютин [22, с. 30; 23, с. 223; 24, с. 205; 1, с. 198], известный своей благотворительной и общественной деятельностью.

В изучаемый период определилось несколько направлений купеческих пожертвований на просветительские нужды. Наиболее многочисленными являются пожертвования именных капиталов на стипендии учащихся в различных учебных заведениях. В 1883 г. попечительный совет Самарского реального училища в лице его почетного попечителя П.С. Субботина и членов, купцов 1-й и 2-й гильдий, наиболее уважаемых в городе людей, – Н.Ф. Дунаева, А.С. Злобина, В.Е. Буслаева, И.Л. Санина [11, с. 341-342], регулярно инициировал в городской думе рассмотрение вопроса об учреждении стипендий ученикам училища «для освобождения от платы за право учения». В 1884 г. Самарская городская дума поддержала решение попечительного совета о предоставлении двух стипендий ученикам этого училища [14, с. 541-542]. В 1885 г. были предоставлены сначала три [16, с. 149], а позже – еще семь городских стипендий [17, с. 781-801]. Понимая важность получения образования в открывшемся Самарском реальном училище, 19 февраля 1880 г. купцы Ставропольской городской думы ходатайствовали об учреждении двух стипендий по 200 руб. для учащихся из Ставрополя [33]. Кандидаты на получение стипендии избирались «из способнейших и беднейших молодых людей» [36]. Кроме учреждения стипендий и прямой финансовой помощи, в училище поступали коллекции, книги, периодические издания, музейные предметы, представляющие научный и познавательный интерес [37].

Большое распространение получают одновременные пожертвования на постройку зданий для учебных заведений. Реальное училище с 1881 г. и вплоть до 1906 г. находилось в старом, перешедшем от города каменном здании [35]. Администрация училища принимала разнообразные меры, но в корне изменить ситуацию к лучшему никак не удавалось. Средства на расширение здания реального училища требовались немалые. По городской смете на новый пристрой к зданию реального училища был выделен кредит в сумме 35 тыс. руб., попечительный совет добился увеличения кредита еще на 2 тыс. руб. [13, с. 314], тем не менее, несмотря на «ослабление недостатков», существующих помещений все равно не хватало, «расширяться уже было некуда, а, следовательно, теснота, духота, полумрак в школьных помещениях и после этого царили повсюду». Был разработан план более масштабной переделки, однако денег для приведения его в исполнение не было. Администрация училища обращается к купцу Андрею Андреевичу Субботину с просьбой «ссудить временно необходимой суммой для внутренней переделки училищного помещения», А.А. Субботин не только не отказал в «позаимствовании», но и взял «безвозвратно» на себя расходы по переделке школьного помещения, и работа быстро была выполнена. Училище получило «простор, больше света и больше воздуха, приличные отдельные кабинеты, 11 классов, довольно обширный двор для гимнастики и подвижных игр и, сверх всего, электрическое освещение, о котором никто не мечтал» [25, с. 7]. Однако со временем и этого оказалось недостаточно, ежегодно требовалось «пригатавливать лишний класс», так как был образован один параллельный класс и он неизбежно должен был дойти до 7-го. А.А. Субботин, постоянно интересовавшийся будущностью реального училища, отлично понимал, что все, что делается, есть только полумера, поэтому у него созрел план и желание заново перестроить все училищное здание за свой собственный счет, с чем он и его жена, Елизавета Ивановна, обращаются в городскую управу. Субботины не жалели средств на реконструкцию здания [35, с. 374]. Начатое в начале марта 1908 г. строительство было завершено к 20 сентября 1909 г. Новое здание было настолько готово, что «училище с 24 сентября 1909 г. могло уже открыть в нем учебные занятия» [25, с. 8]. Новое здание – настоящий дворец, сочетающий в себе богатство, изящество и в то же время простоту, ставший олицетворением отеческой заботы и внимания Субботиных к реальному училищу. Новое здание вобрало в себя все достижения передовой педагогической мысли, стало в определенном смысле символом изменившегося значения и роли образования в обществе. «Величие актового зала и великолепие храма переносили в иной, чарующий мир, где после убожества и неудобств старого помещения и смотрится веселее, и чувствуется лучше, и думается полнее» [25, с. 9]. Самарская дума выразила искреннюю признательность Субботиным [18, с. 9], распорядившись поставить в актовом зале реального училища портреты жертвователей, писанные масляными красками, а также учредить за счет города в одном из высших учебных заведений по указанию жертвователей две стипендии имени Субботиных для оканчивающих в реальном училище беднейших учеников из жителей г. Самары. Ходатайствовать о предоставлении А.А. Субботину звания почетного гражданина города Самары и избрать его почетным попечителем реального училища [25, с.9]. 2 февраля 1912 г. в реальном училище за заслуги по народному образованию состоялось поднесение Е.И. Субботиной Высочайшего подарка – броши-кулона с изображением императорской короны, украшенной бриллиантами [7, с. 3].

В уездных городах региона в изучаемый период также предпринимаются первые шаги по созданию учебных заведений и подготовке кадров для коммерческой деятельности. Если в 1870-е гг. в уездных городах для получения профессиональных навыков создавались небольшие классы, мастерские, то в начале XX в. профессиональное образование в уездных городах поднялось на новый уровень, связанный с открытием реальных и ремесленных училищ. Зачастую решение вопроса об открытии реальных училищ в уездных городах затягивалось на долгие годы, как это было, например, в Новоузенске [34], тем не менее уже в начале XX в., при непосредственной поддержке купцов реальные училища будут открыты в большинстве уездных городов, включая открытое в 1906-1908 гг. в Бузулуке частное реальное училище [31], учредителем которого стал купец И.Ф. Красиков [26, с. 104]. По данным на 1910 г., в Самарской губернии реальные училища были образованы в Бугуруслане, Бузулуке, Новоузенске, Бугульме [27, с. 94, 96, 97, 99, 102]. В Ставрополе реальное училище будет открыто в 1912 г. [20, с. 24]. В ведомости о числе учебных заведений и учащихся по уездным городам Самарской губернии за 1912 г. числилось уже пять реальных училищ с числом учащихся – 815 [29].

Таким образом, уже в начале XX в. реальные училища были образованы не только в губернском центре, но и в большинстве уездных городов Самарского Поволжья. Количественное увеличение реальных училищ сопровождалось и ростом численности обучавшихся в них. За три первых десятилетия, с 1880 по 1910 гг., численность учащихся Самарского реального училища возросла почти в 6 раз. В основании и дальнейшем развитии реальных училищ в городах региона заметную роль сыграли самарские купцы, которые фактически способствовали их становлению, предоставляя для реальных училищ свои дома и вкладывая средства в строительство или переустройство помещений для них. Особое место среди различных видов купеческой поддержки реального образования занимают пожертвования именных капиталов на стипендии учащимся реальных училищ, позволившие облегчить бремя оплаты за обучение для малоимущих воспитанников. Самарские купцы охотно откликались на потребности времени и оказывали значительную материальную помощь и поддержку реальным училищам, понимая всю значимость распространения практического среднего образования для развития губернии со сложившейся торгово-промышленной спецификой.

Список литературы

1. Адрес-календарь Самарской губернии на 1904 год / Под ред. И.А. Протопопова. – Самара: Типография губернского правления, 1904.
2. Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год / Сост. И.А. Протопопов. – Самара: Губернская типография, 1904.
3. Адрес Субботину П.С. по случаю оставления им должности городского головы // Приложение к ст. II Журнала Самарской городской думы № 39. 18 декабря 1884 г. – Самара: Губернская типография, 1885.
4. Архангельский Н.А. г. Самара. Исторический очерк. – Самара: Типография Губкооперативсоюза, 1923. – 40 с.
5. Архангельский Н.А. Город Самара. Краткий очерк. – Самара: Т-во скоропечатн. А.П. Левенсон, 1918. – 32 с.
6. Благодарственный адрес Злобину Авксентию Степановичу // Журнал Самарской городской думы № 11. 14 мая 1882 г. – Самара: Типография Сербулова, 1882.
7. Волжское слово. – 1912. – 9 (21) февраля.
8. Журнал Самарской городской думы. № 9. 7 мая 1873 г. – Самара, 1873.
9. Журнал Самарской городской думы. № 22. 11 сентября 1880 г. – Самара: Типография Г.В. Сербулова, 1880.
10. Журнал Самарской городской думы. № 4. 10 февраля 1881 г. – Самара: Типография Сербулова, 1881.
11. Журнал Самарской городской думы № 26. 27 сентября 1883 г. – Самара: Губернская типография, 1884.
12. Журнал Самарской городской думы № 26. 27 сентября 1883 г. – Самара: Губернская типография, 1884.
13. Журнал Самарской городской думы № 21. 29 мая 1884 г. – Самара: Губернская типография, 1885.
14. Журнал Самарской городской думы № 33. 1 ноября 1884 г. – Самара: Губернская типография, 1885.
15. Журнал Самарской городской думы № 38. 14 декабря 1884 г. – Самара: Губернская типография, 1885.
16. Журнал Самарской городской думы № 9. 7 марта 1885 г. – Самара: Губернская типография, 1886.
17. Журнал Самарской городской думы № 40. 29 ноября 1885 г. – Самара: Губернская типография, 1886.
18. Журнал заседаний Самарской городской думы 9 декабря 1909 г. – Самара: Губернская типография, 1909.
19. Исторические записки о Самарском реальном училище (1880-1890). – Самара, 1891.
20. Исторические хроники Ставрополя–Тольятти. Издание 2-е. – Самара: Издательский дом «Агни», 2007. – 296 с.
21. Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1896 год / Сост. И.А. Протопопов. – Самара: Паровая типография Губернского правления, 1895.
22. Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1899 год / Под ред. И.А. Протопопова. – Самара: Губернская типография, 1898.
23. Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1900 год / Под ред. И.А. Протопопова. – Самара: Губернская типография, 1899.
24. Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1902 год / Под ред. И.А. Протопопова. – Самара: Губернская типография, 1901.
25. Освящение нового здания Самарского реального училища // Памятная книжка Самарской губернии на 1911 год. – Самара: Губернская типография, 1911.
26. Памятная книжка Самарской губернии на 1909 год / Ред. С. Белецкий. – Самара: Губернская типография, 1909. – Разд. 3: Список чинов и учреждений Самарской губернии.
27. Памятная книжка Самарской губернии на 1910 год. – Самара: Губернская типография, 1910. – Разд. 3. Список чинов и учреждений Самарской губернии.
28. Приложение к Всеподданнейшему отчету Самарского губернатора за 1885 год. – Самара: Губернская типография, 1886. – Разд. V. Народное просвещение.
29. Приложение к Всеподданнейшему отчету Самарского губернатора за 1912 год. – Самара: Губернская типография, 1913. – Ведомость о числе учебных заведений и учащихся по Самарской губернии за 1912 г.
30. Самарская газета. – 1898. – 17 марта.
31. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Т. V. – СПб., 1877. – № 196.
32. Устав реальных училищ Ведомства Министерства народного просвещения. – Самара: Типо-литография Сербулова, 1879. – 41 с.
33. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). – Ф. 360. – Оп. 37. – Д. 4. – Л. 7.
34. ЦГАСО. – Ф. 5. – Оп. 12. – Д. 179. – Л. 89об.; Д. 150. – Л. 154; Д. 161. – Л. 39, 43.
35. ЦГАСО. – Ф. 32. – Оп. 18. – Д. 236. – Л. 374.
36. ЦГАСО. – Ф. 5. – Оп. 9. – Д. 141. – Л. 8.
37. ЦГАСО. – Ф. 3. – Оп. 100. – Д. 10. – Л. 2.

МЕНТАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА В ПОСТСОВЕТСКОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Л.А. Сабирова

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: Сквозная идея нашей работы – ментальные свойства русского человека в контексте конкретного социально-исторического периода. В центре внимания статьи – уникальная неповторимость и двойственность ментальности русского человека, его длительное духовное возрождение. В постсоветский период, стоя на перепутье, русский человек принимал участие в серьезных экономических и сложных политических кризисах. Несмотря на непоследовательность рыночных реформ, иногда и несправедливые социальные преобразования, противоречия в обществе и насущные наболевшие вопросы, русский человек старается преодолевать трудности.

Ключевые слова: русская ментальность, российское общество.

MENTAL PROPERTIES OF THE RUSSIAN PERSON IN POST-SOVIET RUSSIAN SOCIETY

L. Savirova

Annotation: The prevailing theme of our present paper is the peculiarities of the Russian mentality (RM) in a concrete historical context of the social period. In the spotlight of the paper is a dual, unique mentality of a Russian man and his lifelong spiritual rebirth. Having observed serious economic and complex political crises and having taken a part in different spheres of life activities a Russian man was at crossroads in the post-Soviet period. In spite of inconsequent market reforms, sometimes unjust social transformations, contradictions in society and practical urgent necessities a Russian man tried and tries to overcome obstacles.

Keywords: Russian mentality, Russian society.

Проблема ментальности, имея интегративный и многогранный характер, всегда будет актуальной как конкретный объект исследования. Методологический аппарат проблемы ментальности находится в стадии научных изысканий. Мы все россияне, наша страна велика и многонациональна. В ходе исторических событий и на уровне обыденного сознания представитель любой национальности, проживающий на территории Российской Федерации, как и русский человек, взаимно аккумулировал разные свойства ментальности других народов и национальностей, обогащая отдельные грани и черты своей культуры и жизнедеятельности.

PM постсоветской эпохи – это умонастроение русского человека, совокупность систем стереотипов поведения личности, её эмоций, чувств и мышления, субъекта российского государства с момента распада СССР по настоящее время. На ментальность влияли и влияют распад СССР, переход российского общества (РО) от социалистического типа к либерально-демократическому, капиталистическому типу, политический кризис 1993 года, экономические кризисы 1998 и 2008 годов. PM в современной стадии развития РО в значительной степени является постсоветской ментальностью. В ментальности современного русского человека двойственно сочетаются как добродетели, так и недостатки [2, с. 193]. Отношения современного русского человека с природной средой определены его приверженностью к утилитарно-прагматическому сознанию.

В отношениях с социальной средой современный русский человек по-прежнему ощущает себя зависимым от государства, политического лидера, бюрократической власти. В начале либерально-рыночных реформ русский человек в определенной степени поверил в возможности рыночной экономики и рыночного сознания. Особенно это проявилось у русского человека, представляющего «новую буржуазию». Русский человек-предприниматель во многом наследовал ментальные свойства дореволюционной русской буржуазии (склонность к независимости от власти, предпринимательской активности, стремлению быстро заработать и приумножить свой капитал, интерес к общественной жизни). Он попытался заняться предпринимательством, обрести частную собственность, разбогатеть. У него возродились предприимчивость, инициативность, чувство хозяина – собственника. Вновь стали актуальны ментальные свойства дореволюционного русского крестьянина, русского купца, русского предпринимателя как бережливость, хозяйственность, хотя той искренней щедрости и широты души, уважительного и культурного отношения к природным недрам и традициям своей страны у «новых русских» зачастую не наблюдается. Непоследовательность проведения либерально-рыночных реформ способствовала возрождению у русского человека ощущения своей зависимости от бюрократического государства и административно-командной экономики. Русский человек, представляющий «новую буржуазию», стал более безжалостен к конкуренту, более ориентирован на Запад, более коррумпирован. «Новый русский» – это особый феномен, появившийся в переходный период развития РО. Русский человек, представляющий «новых русских», стал ощущать свою значимость в РО, стремился быстро

разбогатеть и получить влияние на власть. На территории постсоветского пространства проявились и негативные либерально-капиталистические ценности в ментальности русского человека, представителя рабочего класса и крестьянства, проявилось чувство неудовлетворенности своим трудом, склонность к деморализации и пьянству, к социальной и политической пассивности. В то же время у русского человека сохранилась приверженность к социалистическому сознанию: надежда на государство, социальное иждивенчество. В ментальности русского интеллигента появилась неуверенность в завтрашнем дне, ощущение своей невостребованности в рыночном обществе, желание эмигрировать из России. Ощущение русским человеком несправедливости проведенной приватизации государственной собственности привело к тому, что он стал ощущать социальную напряженность во взаимоотношениях различных социальных слоев населения. В начале либерально-рыночных реформ русский человек активно поддержал переход российского государства от тоталитарного типа к демократическому типу. Он стал чаще участвовать в выборах власти и «группах давления» на власть, формировать определенные добровольные организации гражданского общества, свободнее выражать свое мнение. Незавершенность демократических реформ привела к тому, что ему не удалось до конца избавиться от надежд на то, что государство решит все его личные проблемы, распределит по справедливости общественные блага, т.е. его авторитарно-патриархальная и патерналистская ментальность в целом сохранилась [1, с. 698].

Преобладающая рыночная установка на формирование преимущественно потребительского отношения человека к обществу привела к тому, что у русского человека стала проявляться тенденция к материальному обогащению любой ценой, ставшему мерилom личного успеха человека в обществе, и духовность у него отошла на второй план, на первый – вышли деньги, собственность, сила. Массовая культура, распространившаяся в последнее время в России, предложила русскому человеку упрощенно – утрированные образцы поведения и нормы морали с использованием примитивных способов эстетического развития. Благодаря свободе выбора в огромном, но противоречивом информационном пространстве русский человек зачастую не способен быстро определить истинные ценностные ориентиры, грамотно их воспринять и проанализировать. Он впал в состояние растерянности, в определенной степени став маргинальной личностью [4].

Возрастание роли православия в современном РО привело к определенному возрождению религиозности русского человека [5]. Это выразилось в самоидентификации русского человека в качестве православного человека, в росте его интереса к православию и духовному самовоспитанию. Вместе с тем, возросло влияние на русского человека различных тоталитарных сект, сектантских движений.

Глобальные изменения в РО обусловили изменение отношения русского человека к самому себе. С одной стороны, он стал ощущать себя человеком, «родившимся в СССР», с другой стороны, это человек, шагнувший в неизведанный мир рыночного социума. Общеизвестно, что современное РО характеризуется тем, что свобода и самостоятельность русского человека слабо выражены законодательно, человек не рассматривается как высшая ценность и цель общественного развития. Эти тенденции существенно влияют на ментальность русского человека, ибо он не полностью реализует свой потенциал на благо страны. Несмотря ни на что, в своем большинстве русский человек имеет веру в великое предназначение России, стремясь сохранить исконно русское [6, с. 508].

На наш взгляд, надлежит понимать, что для положительной динамики РМ необходимо изменить обстоятельства, повлиявшие на формирование РМ в предыдущие эпохи. Необходимо способствовать развитию солидарности и партнерства на паритетных началах, обеспечивать права и свободы человека. В большей степени самому русскому человеку следует попытаться усовершенствовать следующее: 1) сформировать приоритетное правовое отношение к окружающей социальной действительности 2) выработать дисциплину воли и чувства; 3) преобразовывать отрицательные качества в положительные качества. 4) воспитывать в себе здравомыслие с анализом реальной ситуации; 5) ориентироваться на принцип меры во всем; 6) развивать духовность, самоуважение в совокупности с уважением к другим национальностям и культурам; 7) преодолеть слабость серединной культуры; 8) осуществить переход от безразличия к своей индивидуальности к обретению себя как саморазвивающейся, самодостаточной, востребованной личности [3].

Важно анализировать русскую ментальность во всей полноте и сложности проявления с учетом ее особенности при проведении социально-экономических реформ в современном РО. Архиважно опираться на присущие русскому человеку позитивные ментальные свойства.

Для того, чтобы русский человек поддерживал социально-экономические реформы, необходимо учитывать в его ментальности: склонность поддерживать в основном глобальные проекты, нацеленные, в первую очередь, на развитие России; стремление преимущественно не к материально-прагматическим, а к духовным целям; желание реализации тех проектов, которые обуславливают возрастание социальной справедливости и социального равенства и благоденствия людей в РО и процветания России в целом.

Список литературы

1. Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. Социокультурная динамика России. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. – Т. 1: От прошлого к будущему. – 804 с.
2. Полежаев Д.В. Русский менталитет: социально-философское осмысление. – Волгоград: Изд-во ВолГУ,

2007. – С. 193.

3. Сабирова Л.А. Своеобразие проявления русской ментальности в конкретно- историческом контексте общественного развития.: дисс. ... канд филос. наук: 09.00.11. – Саранск, 2014. – С. 128.

4. Сабирова Л.В. Социокультурный ориентир социолекта городской среды: синтез прошлого и настоящего в обществе // Шестые Стахеевские Чтения: мат. межд. науч. конф. – Елабуга, 2013. – С. 250-253.

5. Сабирова Л.А. Феномен русского человека как представителя корпоративной культуры (социо-философские аспекты) // Ключови въпроси в съвремената наука. – София, 2013. – С. 11-14.

6. Тойнби А.Дж. Постижение истории: Сборник / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.

УРОВЕНЬ ДОХОДОВ УЧИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 50-60-Е ГГ. XIX **В. (НА МАТЕРИАЛАХ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Р.Р. Сайфуллова

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: В данной статье рассмотрен уровень доходов учителей Российской империи, служивших в ведомстве Министерства народного просвещения, в 50-60-е гг. XIX в. Основным источником при изучении данной темы послужили именные списки учителей. В ходе исследования автор приходит к выводу, что уровень доходов учителей, работавших в разных типах учебных заведений, был различным.

Ключевые слова: учитель, уровень доходов, Министерство народного просвещения, гражданский служащий, учебное ведомство.

LEVEL OF THE INCOME OF TEACHERS OF THE RUSSIAN EMPIRE **IN THE 50-60TH OF THE XIX CENTURY** **(ON MATERIALS OF THE KAZAN PROVINCE)**

R. Sayfullova

Abstract: In this article the level of the income of the teachers of the Russian Empire serving in department of the Ministry of national education, in the 50-60th of the XIX century is considered. Nominal lists of teachers were the main source when studying this subject. During research the author comes to a conclusion that the level of the income of the teachers working in different types of educational institutions was various.

Keywords: teacher, level of the income, Ministry of national education, civil servant, educational department.

Уровень доходов является одним из наиболее важных критериев при определении профессионального статуса личности. Это связано с тем, что в обществе существует градация престижности профессий, необходимым и наиболее значимым элементом которой является заработная плата. Определением уровня доходов сегодня занимается наука статистика, которая помогает составить общее представление о доходах путем выявления средней заработной платы. В 50-60-е гг. XIX в. в Российской империи также создавались и применялись статистические сведения, однако они были неполными и не могли дать представление о средних показателях по всей стране.

При определении уровня доходов российских учителей в 50-60-е гг. XIX в. нами были использованы статистические сведения об учебных заведениях, формулярные списки служащих Министерства народного просвещения и правовые акты.

Перед описанием уровня доходов учителей необходимо упомянуть, что согласно ст. 61 Устава «О службе гражданской по определению от Правительства» [5] от 1857 г., лица, определяемые в должности учителей приходских, уездных и других училищ, находящихся в ведомстве Министерства народного просвещения, являлись гражданскими служащими и исключались из податного состояния [5, с. 17]. Это является важным аспектом рассматриваемой темы, т.к. гражданским служащим по истечении определенного срока службы мог быть присвоен определенный гражданский чин по Табели о рангах, что могло влиять на уровень заработной платы.

Рассмотрим уровень доходов служащих учебного ведомства Министерства народного просвещения на примере учителей гимназий, уездных и приходских училищ Казанской дирекции. При анализе формулярных списков учителей налицо различие уровня получаемой заработной платы в средних и низших учебных заведениях. Так, во 2-й Казанской гимназии по состоянию на 1857 г. существовала следующая система оплаты труда: законоучитель Андрей Ласточкин, из лиц духовного звания, со стажем 17 лет получал жалованья 285 руб. 90 коп. и пенсии 285 руб. 90 коп.; старший учитель Александр Камков, состоящий в IX классе, мещанин, со стажем 4 года получал жалованья 393 руб. 15

коп.; учитель чистописания, черчения и рисования, Коллежский Секретарь из вольноотпущенников, со стажем 12 лет, получал жалованья 257 руб. 29 коп. В Казанском уездном училище заработная плата распределялась следующим образом: законоучитель Петр Воскресенский, духовного звания, со стажем 17 лет получал 142 руб. 95 коп., учитель русского языка Коллежский Регистратор, из дворян, Виктор Ушаков получал 178 руб. 72 коп.; учитель рисования, черчения и чистописания Матвей Вяткин, из обер-офицерских детей, со стажем 12 лет, получал 57 руб. 18 коп. Самой низкой была заработная плата в 1-м Казанском приходском училище и составляла следующие цифры: законоучитель Андрей Самосадский, из духовного звания, со стажем 17 лет, получал 72 руб. 85 коп.; учитель Яков Кук со стажем 1 год получал 130 руб. [1].

Таким образом, средняя заработная плата учителей 2-й казанской гимназии составляла в 1857 г. 369 руб. 75 коп., в Казанском уездном училище – 139 руб. 40 коп., в 1-м Казанском приходском училище – 101 руб. 40 коп. [1]. По состоянию на 1860 год в тех же учебных заведениях была следующая средняя заработная плата: 544 руб. 40 коп., 260 руб., 111 руб. 40 коп. соответственно [2].

Эти сведения позволяют оценить различие между уровнем заработной платы в различных типах школ и представителей разных должностей. По нашему мнению, это связано с различием целей образования и воспитания. В начальных школах преподавались основы Закона Божьего, арифметики, правописания и других предметов. Большая часть населения оставалась на этом уровне образования, поскольку не имела возможность поступить в учебное заведение следующей, более высокой ступени. В гимназиях велась целенаправленная подготовка будущих слушателей университетов.

Различия в заработных платах в разных должностях мы объясняем количеством преподаваемых часов. Следует также обратить внимание на то, что учителя чистописания, рисования и арифметики получали более низкое жалованье в сравнении со своими коллегами, поскольку считались лицами, «не занятыми учеными предметами» [3]. Кроме того, важно отметить тот факт, что заработная плата распределялась вне зависимости от стажа работы и сословного происхождения учителей, что мы и наблюдаем из приведенных данных. От стажа работы зависела пенсия учителей.

В Российской империи изучаемого периода существовало пенсионное обеспечение для служащих учебного ведомства. Согласно ст. 539 Устава «О пенсиях и единовременных пособиях» от 1857 года учителя начальных училищ ведомства Министерства народного просвещения имели возможность получать пенсии за «беспорочную начальством засвидетельствованную службу» [4, с. 96]. Так, в именных списках Казанской дирекции училищ за 1857 и 1860 гг. представлен законоучитель Андрей Ласточкин, который помимо основного жалованья получал и пенсию, размер которой за три рассматриваемых года не менялся [2].

По нашему мнению, важным обстоятельством в рассматриваемых именных списках является то, что заработная плата за три года имела тенденцию к повышению. В гимназии заработная плата увеличилась на 32 %, в уездном училище – на 47 %, в приходском училище – на 9 %.

Таким образом, представленные материалы позволили нам сделать следующие выводы об уровне доходов учителей Казанской губернии в 50-60-е гг. XIX в.:

- уровень заработной платы учителей гимназий был выше, чем у учителей двух других типов учебных заведений;
- по истечении определенного срока службы учителя могли получать пенсии;
- учителя ученых предметов получали более высокую заработную плату, нежели учителя неученых предметов;
- заработная плата учителей не зависела от стажа и сословной принадлежности.

Изученный нами материал позволяет говорить о критериях распределения и начисления заработной платы учителей разных предметов в разных типах учебных заведений. Мы видим зависимость одного из главных критериев градации престижности профессии от учебного заведения, в котором трудился учитель, на основании чего напрашивается вывод, что о престижности такой профессии, как учитель, в 50-60-е гг. XIX в. нельзя судить однозначно. Для большей полноты картины необходимо изучить сведения о состоянии экономики Российской империи изучаемого периода, уровне цен и инфляции.

Список литературы

1. НА РГ. – Ф. 160. – Оп. 1. – Д. 71. – 26 л. (Именной список чиновников и учителей казанских гимназий и Казанской дирекции за 1857 год).
2. НА РГ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 7702. – 716 л. (Канцелярия Попечителя Казанского учебного округа с отчетами по Казанскому университету и учебному округу за 1860 год).
3. Пенсионная система России в XIX веке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ypensioner.ru/pensionnaya-sistema-rossii-v-xix-veke> (дата обращения: 18.09.2015).
4. Устав о пенсиях и единовременных пособиях 1857 г. // Свод законов Российской империи. – Т. III. – Кн. III. – СПб: Типография Второго Отделения Собственной Его Величества канцелярии, 1857. – 315 с.
5. Устав о службе гражданской по определению от Правительства // Свод законов Российской

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НОВОТОРЖСКОГО КУПЕЧЕСТВА В XVIII В.

Н.В. Серeda

Тверской государственной университет, г. Тверь

Аннотация: Автор анализирует сохранившиеся в архиве сведения о торговле и промышленном производстве купцов г. Торжка и сравнивает их со сведениями о занятиях местного купечества в начале XVIII в. известными из ранее опубликованных работ. Автор приходит к выводу о сокращении к концу XVIII в. ввоза сельскохозяйственной продукции, в частности льна и увеличении вывоза товаров, являющихся результатом их переработки.

Ключевые слова: купцы, оптовая торговля, фабрика, лен, льняные ткани, ткацкое производство, исторический источник.

ACTIVITIES OF NOVIYTORZHOK'S MERCHANTRY IN THE XVIIITH CENTURY

N.V. Sereda

Abstract: The author analyzes the extant archival data on Torzhok merchants' trade and industrial production, and compares the data with information about the local merchants' employment in the early 18th century, known from previously published works. The author concludes that the import of agricultural products, flax in particular, was reduced by the end of the 18th century and the export of goods resulting from their processing was increased.

Keywords: merchants, wholesale trade, factory, flax, linen, weaving production, historical source.

Принято считать, что торговая деятельность была важнейшей сферой жизни жителей городов Верхневолжья, в том числе жителей г. Торжка в XVII – начале XVIII в., особенно выделялась оптовая торговля. По литературным сведениям ею занималось до 150 жителей города, следовательно, 1/9 часть городского населения. Купцы поставляли в Архангельск и в Санкт-Петербург огромные партии пеньки, а также хлеб, кожу и других товаров [2, с. 172]. По мнению М.Я Волкова, товары, отправляемые новоторжскими купцами за пределы города, являлись в основном продукцией сельского хозяйства, скупаемой в уезде и даже за его пределами. Пеньку, а также холст и рогожи купцы Торжка, по его мнению, заготавливали в соседних уездах [1].

Продукция местных ремесленников, по мнению М.Я Волкова, поглощалась в основном горожанами, а за пределы местного рынка вывозили лишь продукцию солодовенной, кожевенной и мыловаренной отраслей [1, с. 79-85]. В числе вывозимых товаров Волков не называет даже продукцию мукомольной продукции, а между тем этот вид деятельности был широко развит в крае и, по сведениям другого исследователя, служил источником накопления для некоторых новоторжцев [2, с. 171].

В Госархиве Тверской области сохранились ведомости о торгах промыслах и ремеслах Торжка за 1781, 1784, 1796 г. [5, 6]. Их характеристика уже в литературе [5, с. 161-170]. В данной работе проводится сравнение количественных показателей этих ведомостей с цифрами, приводимыми М.Я. Волковым. Проведенный анализ свидетельствует о сокращении к концу XVIII в. вывоза сельскохозяйственной продукции и увеличении вывоза товаров, являющихся результатом ее переработки [1;5]. Особенно любопытная ситуация произошла со льном и холстом. Отправляемый в Санкт-Петербург объем холста за 15 лет увеличился с 5300 аршин в 1781 до 9800 в 1796 г. Исследование показало, что в 1781 г. из 5300 аршин 5000 было куплено на местном торгу. В 1784 г. в столицу было отправлено 25000 аршин и еще 12000 – в Юрьев, всего 37 тыс. аршин, при том, что местные купцы скупили в этом году около 50000 аршин. Как были использованы оставшиеся 13 тыс. аршин, неизвестно. В 1796 г. также было закуплено 50000 аршин холста, при этом в Санкт-Петербург отправили 9800 аршин, в Москву – 2000, на Украину 3000, в общей сложности 14800 аршин. Итак, при десятикратном увеличении с 1784 по 1796 г. количества закупаемого новоторжским купечеством холста (с 5 тыс. до 50 тыс.) его вывоз из города резко сократился. Заслуживают внимания еще ряд обстоятельств. Во-первых, в целом за рассматриваемый период (1781-1796 гг.) количество вывозимого из Торжка холста все-таки увеличилось в 3 раза. Во-вторых, в 90-е гг. существенно расширился регион сбыта холста: теперь его отправляли не только в северную столицу, но также в Москву, на Украину. Но встает вопрос: куда и каким образом отправляли оставшиеся от 50 000 аршин, произведенного в Торжке и округе холста? Ведомости не дают ответа на этот вопрос. По всей видимости, большое количество холста потреблялось на местном рынке, но едва ли на местные потребности требовалось столько холста, учитывая, что в сельской округе было широко развито домашнее его производство. Используемые ведомости не ставили задачу выяснить участие на

тверском рынке иногородних купцов в качестве покупателей товаров, и это обстоятельство позволяет предположить, что, скорее всего, на Украину уже в конце XVIII в. уходило гораздо больше холста, чем принято считать, и вывозили его не местные, а иногородние купцы.

В-третьих, встает вопрос о том, что позволило так резко увеличить объем закупок холста тверскими купцами. Ведомости говорят, что холст скупали в городе на торгу, в Новоторжском уезде, а в 1784 г. частично в Старице. Однако есть основания считать, что резкое увеличение закупок холста связано с тем, что располагавшаяся в Твери канатная фабрика П.Д. Светогорова стала производить и полотно, причем произошло это, по всей вероятности несколько ранее, чем считают исследователи [3, с. 185]. И, на наш взгляд, именно расширение ассортимента продукции на этой мануфактуре и стало причиной резкого увеличения закупок холста купечеством.

На фоне роста количества вырабатываемого и вывозимого холста следует отметить полное исчезновения вывоза льна из Торжка. В начале века, по сведениям М.Я. Волкова, из Торжка отправляли в Санкт-Петербург и Архангельск 1379 пудов льна в год, ведомость за 1781 г. говорит о 170 пудах льна отправленного в столицу, в позднейших ведомостях лен как вывозимый товар вообще не упоминается. Скорее всего, переработка льна и изготовление холста в конце века стало более выгодным для местных предпринимателей, и именно поэтому местное купечество скупало лен, а на рынок поставляло продукцию из него.

Таким образом, при снижении количества товаров, отправляемых местными купцами в Санкт-Петербург и другие города, происходят существенные изменения в номенклатуре вывозимых товаров. В другие города отправляли уже не столько сырье, сколько готовую продукцию: не зерно, а продукты переработки зерна, не лен, а холст, не только кожу и железо, но и изделия из этих материалов и т.д. Происходившие перемены свидетельствуют о развитии местных ремесел и мануфактур, вкладывании капиталов местным купечеством не только в торговлю, но и в производство по переработке местного и привозного сырья. Сведения о переориентации в деятельности новоторжского купечества подтверждаются исследованиями деятельности отдельных купеческих фамилий города [4, с. 91-95].

Список литературы

1. Волков М.Я. Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России. Первая четверть XVIII в. – М., 1994.
2. Демкин А.В. К вопросу о преемственности торговых капиталов XVII в. // Промышленность и торговля в России XVII – XVIII вв. – М., 1983.
3. Демкин А.В. Полотняное производство в России на рубеже XVIII – XIX вв. – М., 2004.
4. Ефремова Е.Н. Предпринимательская деятельность новоторжского купеческого рода Вешняковых // Экономика, управление, демография городов европейской России XV – XVIII веков. – Тверь, 1999. – С. 91-95.
5. Середа Н.В. Торговая деятельность новоторжского купечества в XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI – XVIII вв. – СПб., 2001.
6. Ведомости о торгах промыслах и ремеслах Торжка за 1781, 1784, 1796 г. (Государственный архив тверской области. – Ф. 1729 новоторжский городской магистрат). – Оп. 2. – Д. 643, 922, 1073.

КОМПОНЕНТЫ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

М.Ф. Соловьева

ВятГУ, г. Киров

Аннотация: Статья посвящена проблеме определения компонентов социокультурного капитала в российской провинции. Представлены попытки определения критериев измерения социокультурной среды на основе теорий социального капитала, глокализации в условиях глобализации. Также автор обращается к роли купечества в формировании социокультурной среды на основе социальных, культурных, научных связей представителей купечества.

Ключевые слова: социокультурного капитал, социальная история, социальный капитал, биографический метод в ходе исследования социально-культурного капитала, глокализация.

COMPONENTS MEASURING THE SOCIAL AND CULTURAL ENVIRONMENT OF THE PAST AND THE PRESENT

M. Solovyova

Annotation: The article is devoted to the determination of the components of social and cultural capital in the Russian province. Is an attempt to define criteria for measuring the socio-cultural environment on

the basis of the theory of social capital, in terms of globalization glocalization. The author also refers to the role of merchants in the formation of social and cultural environment on the basis of social, cultural, scientific relations representatives of the merchants.

Keywords: socio-cultural capital, social history, social capital, biographical method in the study of social and cultural capital, glocalization.

Само обращение к теме измерения социокультурной среды является чрезвычайно актуальным направлением в современной науке. Главная проблема заключается в том, что тема требует междисциплинарного подхода, но сторонники предметного изучения не всегда принимают подобные попытки.

Вопрос об изучении среды, прежде всего, касается истории, поэтому первым компонентом измерения можно считать компоненты или составные части социальной истории, которая как наука относительно молода. Однако, по мнению ряда исследователей, социальная история противопоставляется истории культурной [7]. Тем не менее, социальная история не может обходиться без учета развития культурной политики. В начале XXI века в процессе изучения социальной и экономической истории внимание уделяется такому феномену, как социальный капитал общества (понятие вел П. Бурдье), а значит той среды, в которой это общество находится, так как этот капитал и является ядром клетки – социума. Теория социального капитала находит все больше сторонников при изучении различных уровней общества, включая и такие уровни провинции, как город – районный центр, село. Немало диссертационных исследований в педагогике, истории посвящено феномену – поселок городского типа. Но, прежде всего, интересны критерии измерения социального капитала: ценности, социальная активность в решении проблем местного общества. Однако в настоящее время недостаточно разработана методика измерения указанного типа капитала, который существенным образом вовлечен в качественное и количественное изменение социокультурной среды [8].

Интерес исследователей к социальному капиталу как особому механизму взаимодействия вызван тем, что он является движущей силой и причиной изменений окружающей среды (именно социальный капитал позволяет адаптировать город к внешним вызовам, при этом сохраняя стабильность, устойчивое развитие самого общества [10].

При этом часть исследователей понимают социальный капитал как часть человеческого капитала, а иные – как самостоятельное явление. В то же время речь идет и о проявлении личностных качеств – личностный капитал как первопричина социальных изменений. Идеи обоснования причины изменений окружающей среды нам также известны из теории пассионарности Л. Гумилева [3] и теории позитивного альтруизма П. Сорокина [6].

По мнению ученых, в начале XXI века назрела историческая потребность изучения социокультурных явлений в их динамике и преемственности. В связи с этим важно обратиться к таким компонентам измерения, как генезис и реинновация. На рубеже XIX – XX вв., а также XX – XXI вв. в России и мире ярко проявили себя такие тенденции, как рост крупной частной собственности, свобода выхода на внешний рынок, монополизация, создание транснациональных компаний, глобализация. Эти вызовы внешней среды закономерно повлияли на изменения в провинциальной части России, вызывая как негативные явления: расслоение общества, социальные конфликты, так и позитивные: превращение местной элиты первоначально в региональную, а затем и российскую. Так как в Поволжье ведущую роль в развитии общества играло купечество, то представители данного сословия стали известны в столицах, а позднее и за рубежом. Интересно отметить, что помимо достаточно изученной традиции меценатства и благотворительности купцов первой гильдии, чрезвычайно мало уделено внимание взаимодействию лидеров края – купцов с политическими лидерами России, что закономерно при слиянии финансового и политического капитала, которое послужило причиной банкротства многих из них, так как, помимо экономической конкуренции, появилась политическая – за возможности лоббирования своих интересов. На основании публикаций в современной научной публицистике можно отметить, что начинается новый пласт исследований – взаимодействие купечества с представителями науки как особый способ обеспечения конкурентоспособности продукции и поиска рынков сбыта. Опубликованные в ряде регионов документы (на бумажной основе или Интернет-ресурсах архивов субъектов РФ, научных библиотеках) позволяют уточнить или опровергнуть информацию, широко распространяемую в серии изданий по истории России (например, серия «Знаменитые династии России»), прослеживая связи представителей известных основателей и преемников купеческих династий. [9, 2 С. 148-151).

Исследователям интересны обозначенные в публикациях традиции и новации, стремление к интеграции экономического и культурного начала в бизнесе, сохранения и преумножения культурной среды в социуме родового поселения или места проживания, соединение или противоречие между потребностями личности и социума, возникновение и разрешение напряженности социальных и культурных связей представителей центра и провинции.

Рассматривая критерии измерения социокультурной среды прошлого и настоящего, можно убедиться в существовании параллельного развития концепций социоцентризма и антропоцентризма. В то время как в литературе и искусстве явно выражен «мемуарный бум», в экономике и политике происходят процессы торможения развития экономической свободы человека, индивида. Идеи

гуманизма, ярко обозначенные в правовых документах государства и заявлениях общественных организаций на рубеже веков в последние годы, вызывают раскол в рядах общественных движений, так как изменилось восприятие смысла антропоцентризма и оценки социокультурной ситуации в провинциальной России.

Тем самым общество дает основание понять необходимость биографического метода в гуманитарных науках (историческая персонология, социальная антропология [1]).

Индивидуальная биография рассматривается как особое измерение социокультурной среды. Естественно, в научной среде нет единого мнения о роли данных тенденций в историческом познании: сомнение вызывает субъективизм восприятия среды, личности, текущих событий как субъекта истории, так и исследователя. Тем не менее, бурное развитие психологической антропологии, военной антропологии способствует не столько отрицанию биографического метода, сколько поиску новых способов поиска объективных оценок событий прошлого и настоящего. Это можно проследить и на примере изучения купеческих династий Волго-Вятского региона: ученые используют архивные данные наряду с публикациями дневников известных вятских чиновников, купцов, политических деятелей.

Такое взаимодействие личности и общества, нашедшее отражение в документах, периодике, мемуарах способствует многоаспектному изучению прошлого и настоящего.

Социокультурная среда российской провинции прошлых веков создала предпосылки для формирования основы глобальных процессов, которые одновременно породили интерес к местной истории [4]. При этом речь идет как о реинновациях (например, традиция установления именных стипендий со стороны представителей политических лидеров, городской и областной администрации для успешных учеников, победителей олимпиад из недостаточно обеспеченных семей), так и о новых способах проявления инициативы местного сообщества и административного ресурса для перехода среды в новое качественное состояние. Примером такого взаимодействия служит феномен «обучающийся город» (обучающееся село, ассоциация обучающихся городов, ассоциация обучающихся стран). В данном явлении, развитии социокультурной среды, просматриваются достижения провинциальных городов России прошлого века, районных центров, колхозов, создающих на местном уровне условия для многостороннего развития личности: детский сад, школа, музыкальная или художественная школа, спортивная школа, дом культуры, дои творчества, медпункты, почта. В настоящее время подобное формирование социокультурной среды получило название глокализация – появление глобальных явлений на местном уровне. Если Москва, как и Токио, Пекин, может относиться к категории ХАБОВ (особые центры, где концентрируются основные факторы глобализации), где нет стремления к унификации, а лишь подвижности процессов, то в провинциальной России города и села еще не осознали смысл распространенных глобальных явлений. Например, развитие внутреннего туризма на основе анализа достижений зарубежного историко-культурного, экологического, делового, научно-образовательного и др. При этом создается новый механизм взаимодействия организаций, инициативных граждан, власти, бизнес-сообщества на уровне муниципального образования, субъекта РФ. Для развития взаимодействия и взаимообогащения опыта формируются ассоциации. Города обучения на протяжении всей жизни в Японии развиваются с 1979 года; наиболее известен в мире в последние годы обучающийся город на острове Окинава. 4700 городов и сообществ Канады разработали программу «обучающийся город 2020». Они разработали 17 критериев и 25 особых оценок как сводный индекс обучения. В Великобритании сеть обучающихся городов состоит из 80 муниципалитетов и регионов. Обучающаяся Эстония разработала 4 модели развития на основе интерактивных технологий в условиях информационного общества. ИКАЭ – международная Ассоциация городов, представленных их местными органами власти, которые сгруппированы вместе, чтобы совместно работать над проектами и мероприятиями по улучшению качества жизни своих жителей на основе четырех столпов, изложенных в докладе Делора, что мы имеем дело с обучением, чтобы, как известно, научиться делать, научиться быть и научиться жить вместе в городе [5].

Если XIX век создал условия для развития социокультурной среды за счет меценатов-благотворителей, XX век – за счет государственной политики и кооперативного движения колхозов, коммун, то начало XXI века связано с 2 ведущими тенденциями: развитие социокультурной среды на основе принципа КСО – корпоративной социальной ответственности и интеграции инициативных граждан и организаций в стремлении к обучению всех категорий населения как особому способу формирования социального и личностного капитала.

Список литературы

1. Иконникова С.Н. Биография как социокультурное измерение истории: URL: / http://cr-journal.ru/rus/journals/100.html&j_id=8
2. История Елабуги в документах и материалах (с древнейших времен до начала XX века) / Авт. сост. И.Е. Крапоткина, И.В. Маслова, А.С. Нигамаев. – Казань: изд-во КГУ, 2012. – 272с.
3. Лев Гумилев и "теория пассионарности". URL: / <http://chinese2007.narod.ru/gumilev1.htm>
4. Нехай В.Н. Глобализация: социокультурное измерение. URL: / <http://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-sotsiokulturnoe-izmerenie>

5. Образование на протяжении всей жизни: разнообразие идей, концепций, форм, методов, технологий: В 10 т. – Т. 1. Политика образования на протяжении всей жизни: глобальный, национальный и региональный контекст: Международная монография по итогам акций «Неделя образования взрослых» 2012-2014 г.г. / Под ред. Н.П. Литвиновой, С.С. Лебедевой. – СПб: Изд-во «Политехника-сервис», 2014. – 487 с.
6. Соловьева М.Ф. Теория позитивного альтруизма П. Сорокина и роль педагогических династий в развитии регионального социума. Материалы Международной научно-практической электронной конференции «Социально-антропологические проблемы информационного общества» (25-31 марта 2013) // http://www.covenok.ru/koncept/teleconf/1/sovremennoe_obshhestvo/
7. Социальный капитал. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/%>
8. Социальный капитал. URL: <http://www.smart-edu.com/intellektualnyy-kapital/sotsialnyy-kapital-v-strukture-intellektualnogo-kapitala.html>
9. Ушковы // Знаменитые династии России. – 2015. – № 84.
10. Rouble Blair A. Creating Diversity Capital: Transnational Migrants in Montreal, Washington and Kyiv. – Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005. – 267 p.

СИБИРСКОЕ КУПЕЧЕСТВО И НАУКА

О.А. Сутягина

ТомИнТех, г. Томск

Аннотация: В статье рассматривается научно-исследовательская деятельность отдельных представителей сибирского купечества. Показано, что сибирские купцы-ученые оставили заметный след в разных областях знаний, но в большей степени в истории таких наук, как история и археология.

Ключевые слова: купечество, купцы, Сибирь, наука, XIX в.

THE SIBERIAN MERCHANTS AND SCIENCE

O.A. Sutyagina

Abstract: The article is about the research activities of some representatives of the Siberian merchants. It is shown that the Siberian merchants as scientists had made their outstanding marks in various fields of knowledge, but to a greater extent in history and archeology.

Keywords: merchant class, merchants, Siberia, science, 19th century.

Купечество и наука – тема отдельного интереснейшего исследования. Здесь следует выделить два аспекта: купцы – жертвователи на науку и купцы-ученые. Несмотря на то, что оба аспекта тесно связаны, однако имена жертвователей на науку известны лучше, чем имена ученых, вышедших из купеческого сословия. Мы же остановимся именно на последнем аспекте и расскажем о сибирских купцах-ученых.

Многие из сибирских купцов оставили заметный след в истории таких наук, как археология, этнография и история. При этом особо на этом поприще отличились енисейские купцы Н.В. Латкин, И.П. Кузнецов и А.И. Кытманов.

С именем Николая Васильевича Латкина связано зарождение научного краеведения в Енисейской губернии. Он родился в 1833 г. в семье потомственного почетного гражданина В.Н. Латкина, русского общественного деятеля, занимавшегося торговыми делами в Архангельске. В.Н. Латкин, лелея мечту о поднятии благосостояния Печорского края и Севера России, представил министру государственных имуществ П.Д. Киселеву проект о развитии промышленности в Печерском крае, исследовал устье р. Печоры, пространство между притоками рр. Усой и Сосью за Уралом, водораздел между притоками рр. Усы и Сосвы. Дневники, которые Латкин вел во время путешествия, были опубликованы в «Записках Географического Общества». Сын унаследовал от отца тягу к исследованиям и общественной пользе. Образование он получил в Петропавловском немецком училище в Санкт-Петербурге. Долгое время прожил в Сибири, особенно в Енисейской губернии, где занимался золотопромышленностью. Был автором трудов по статистике и истории промышленности, пароходства, железнодорожного строительства и финансам. Приоритетное значение для него имело изучение истории золотопромышленности Сибири. Его крупное исследование «Очерк Северной и Южной систем золотых промыслов Енисейского округа» было удостоено малой золотой медали Императорского Российского Географического Общества. Перу Латкина принадлежали также исторические очерки «Красноярский округ Енисейской губернии» (Красноярск, 1890) и «Енисейская губерния: ее прошлое и настоящее» (СПб., 1892), которые дали толчок для развития исторического краеведения в губернии. Кроме того, он написал несколько брошюр и много статей о Сибири и севере России в русских и иностранных повременных изданиях, особенно в "Mittheilungen" Петерманна, издал на французском языке брошюру «Aperçu général de l'arondissement de Krasnojarsk» для народного международного географического конгресса 1875 г. Являлся сотрудником «Русского Вестника», помогал в написании 1-го издания

«Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона по отделу географии Сибири. К тому же Н.В. Латкин сотрудничал с Енисейским губернским статистическим комитетом, участвовал в издании «Памятных книжек» по Енисейской губернии. В 1865 г. в «Памятной книжке Енисейской губернии» он напечатал две статьи: «Ведомость о промысле песков и добыче золота при прииске Енисейского округа в 1864» и «Географические и статистические сведения о замечательных золотоносных речках Енисейского округа». Сын Н.В. Латкина Василий Николаевич также пошел по стопам отца и стал ученым только в другой области, в истории права [14, с. 384; 4, с.190].

Иннокентий Петрович Кузнецов, выходец из красноярской купеческой династии золотопромышленников и меценатов, был известным археологом и историком. Образование он получил в частной гимназии в Петербурге, был вольнослушателем медицинского факультета Томского университета (1888-1891). После ряда совместных с педагогом-археологом И.Т. Савенковым, к слову сказать, тоже купеческого происхождения, и самостоятельных раскопок в Минусинской котловине Кузнецов заслужил известность в сибирской археологии. Кузнецов предпринял попытку собственной классификации минусинских курганов, внедрил новые принципы в традиционные приемы предшественников, высказал справедливые суждения о постепенном переходе от бронзового инвентаря к железному [11, с. 178]. В 1890 и 1897 гг. в Томске двумя выпусками вышли «Исторические акты XVII столетия (1630-1699 гг.)», на обложке которых было напечатано: «Собрал и напечатал И.П. Кузнецов-Красноярский». Иннокентий Петрович понимал, насколько хрупкими могут быть исторические реликвии, особенно в Сибири с ее лесами и городами из деревянного кружева, где самым страшным бичом были пожары, уничтожавшие памятники прошлого и бесценные документы. Опубликовав свои «Исторические акты», Иннокентий Петрович Кузнецов сохранил их для потомков. Под псевдонимом Кузнецов-Красноярский выходили и его исторические сочинения. Специалисты по достоинству оценили исследования по материалам собственных археологических раскопок в минусинских и хакасских степях: «Древние могилы Минусинского округа» (Томск, 1889), «Минусинские древности» (Томск, 1908). Свое место в историческом освоении прошлого Сибири занял и «Архив Аскысской Степной Думы» (Томск, 1892), основанный на уникальных документах, которые нашел и обработал сам автор [9, с. 82]. Так же им были написаны и опубликованы статьи на исторические темы в газетах и журналах: московском – «Историческом обозрении», томском – «Сибирском наблюдателе», в иркутском и минусинском – «Сибирском архиве» [13, с. 90].

Александр Игнатьевич Кытманов – сын енисейского купца и золотопромышленника И.П. Кытманова, выпускник естественного факультета Петербургского университета, кандидат естественных наук, был одним из создателей Енисейского музея и первым его распорядителем, начиная с момента его открытия в 1883 г. [8, с. 2]. Особый интерес А.И. Кытманов испытывал к геологии и истории. В 1892-1893 гг. он предпринял путешествие по Енисею до Гольчихи с целью ознакомления с состоянием рыбного промысла и попутно познакомился с бытом и нуждами жителей, населявших низовья Енисея и тундру. По результатам этих исследований были изданы научные труды. Им же была написана «Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии», составленная на основе ряда недошедших до нас документов, летописных и фольклорных источников, поэтому представляющая особую ценность. В связи со смертью Кытманова летопись осталась неоконченной [4, с. 186]. Новосибирский исследователь Е.В. Комлева справедливо отметила, что зачастую купцы-ученые сочетали интересы в самых разнообразных областях знания. Так вот и А.И. Кытманов проявил себя не только как геолог и историк, но и как ботаник и почвовед [7, с. 101].

Свой вклад в изучение археологии, этнографии и истории родного края внесли и другие представители сибирского купечества. Среди них селенгинский и владивостокский купец А.Д. Старцев, киренский и иркутский купец П.И. Пежемский, нерчинские купцы М.А. и М.М. Зензиновы, тарский купец Е.И. Малахов, якутский купец И.С. Москвин и многие другие [1, с. 102; 7, с. 100].

Автором ряда серьезных работ по экономическим проблемам был нерченский купец М.Д. Бутин. В 1871 г. в Иркутске была опубликована книга братьев Бутиных «Исторический очерк сношений с Китаем и описание пути с границы Нерчинского округа в Тянь-дзинь», посвященная вопросам русской торговли в Китае и Монголии, которая была основана на материалах экспедиции «Торгового дома братьев Бутиных». Авторы пришли к выводу, что торговый путь из Кяхты через Ургу на Пекин очень неудобен, ввиду его малонаселенности и безводности пути. Их предложение сводилось к тому, чтобы освоить новый торговый путь из Нерчинска через Восточную Монголию в Пекин [3, с. 4]. М.Д. Бутин являлся также автором книги «Сибирь ее дореформенные суды и условия ведения торговых и промышленных дел до сооружения Сибирской железной дороги» (СПб., 1900), в которой он высказывает идею о том, что для процветания капиталистических отношений в Сибири необходимо поощрять местную промышленность и совершенствовать внутренние пути сообщения [2, с. 14]. В одном из своих сочинений М.Д. Бутин высказал мысль, актуальную для российских бизнесменов и сегодня: «Если вы хотите оставить страну пустынной, бедной и закабаленной, вывозите и вывозите из нее сырье. Но, если вы хотите видеть ее населенной, цветущей, если вы хотите, чтобы пути ее окупались, то поощряйте ее местную заводскую промышленность, развивайте промыслы, земледелие и облегчайте внутренние пути» [6, с. 104].

Довольно значительную группу среди сибирского купечества составляли участники и спонсоры научно-исследовательских экспедиций по поиску судоходных путей сообщения. Большой вклад в

развитии северного морского пути внесли красноярский купец М.К. Сидоров и иркутский купец А.М. Сибиряков. Последний при этом не только принимал активное участие в экспедициях (в течение 1870–90-х годов он осуществил ряд экспедиций по исследованию рек Печоры, Енисея, Оби, Амура, побережья Карского и Охотского морей), но и занимался научно-аналитической деятельностью, результаты которой были отражены в ряде публикаций. Еще в конце XIX в. Сибиряковым была высказана идея, до сих пор не потерявшая своего значения: связать все уголки восточной части России при помощи водных артерий и волоков в единый хозяйственный механизм, открыть новые порты для активизации внешней торговли Сибири [10, с. 3].

Немаловажную роль в освоении Амура сыграли красноярский купец П.И. Кузнецов и читинский купец М.И. Чардымов. В исследовании рек Западной Сибири активное участие принял тюменский купец Н.А. Тюфин. Помимо исследования рек, отыскания новых водных путей сообщения купцы занимались и составлением карт. В частности в 1877 г. на средства тюменского купца И.И. Игнатова была составлена и издана карта-дорожник по рекам Западной Сибири: Туре, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи. Это была первая в своем роде карта, представляющая полный путь от Тюмени до Томска, с указанием главных паромных пристаней [12].

Свой след в медицине и литературе оставил Николай Андреевич Белоголовый, принадлежавший к роду крупных иркутских купцов и меценатов. В 1855 г. по окончании Московского университета, он вернулся в Иркутск, где служил одновременно городским, окружным и ветеринарным врачом. Был одним из организаторов Общества врачей Восточной Сибири. В 1862 г. Николай Андреевич защитил докторскую диссертацию по медицине. Многократно бывал на медицинской практике за границей. После банкротства старшего брата Андрея потерял состояние и занялся частной медицинской практикой. Последние 20 лет жизни провел за границей, во Франции и Швейцарии, куда к нему ездили лечиться многие знаменитые соотечественники, в том числе И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский. Н.А. Белоголовый оставил много интересных воспоминаний о декабристах, написал биографию своего друга С.П. Боткина, к слову сказать, тоже купеческого происхождения, публиковал статьи в «Русских ведомостях» и «Русской мысли» [5, с. 70].

Безусловно, приведенный нами список – далеко не полный перечень деятелей науки из среды купеческого сословия, однако и его достаточно, чтобы констатировать: сибирское купечество дало немало исследователей, прославивших свое имя в разных областях. Научные исследования Сибири, проводимые как самими купцами, так и на их средства, носили, кроме академического, практическое значение, способствовали определению географического и экономического положения региона в России и по отношению к пограничным государствам.

Список литературы

1. Алисов Д.А. Родионоведческая деятельность сибирских купцов во второй половине XIX – начале XX вв. // Интеллигенция России: динамика, образы, потенциал местных культурных гнезд: Материалы Третьей всероссийской конференции «Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII – XX вв.)». 25-27 ноября 1998 г. – Т. 2. – Омск, 1998. – С. 100-103.
2. Бутин М.Д. Сибирь ее дореформенные суды и условия ведения торговых и промышленных дел до сооружения Сибирской железной дороги. – СПб., 1900. – 206 с.
3. Бутины. Исторический очерк сношений с Китаем и описание пути с границы Нерчинского округа в Тянь-дзинь. – Иркутск, 1871. – 99 с.
4. Быконя Г.Ф. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.) / Г.Ф. Быконя, Е.В. Комлева, А.И. Погребняк. – Новосибирск, Изд-во СО РАН, 2012. – 316 с.
5. Гаврилова Н.И. и др. Белоголовые // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: В 2-х т. / Отв. ред. Д.Я. Резун. – Т. 1. – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2012. – С. 69-71.
6. Зуев А.С. Бутин Михаил Дмитриевич // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: В 2-х т. / Отв. ред. Д.Я. Резун. – Т. 1. – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2012. – С. 102-104.
7. Комлева Е.В. Сибирское купечество как источник формирования региональной интеллигенции (конец XVIII – начало XX века) // История Сибири, 1583-2006. Проблемы и перспективы: Сб. материалов региональной молодежной научной конференции. – Новосибирск, 2006. – С. 96-105.
8. Кытманов А.И. Енисейский общественный местный музей и общественная публичная библиотека. – Енисейск, 1886. – 64 с.
9. Малашин Г., Развожаев М. Кузнецовы: польза, честь, отечество, Суриков // Суриковские чтения: научно-практическая конференция, 2003. – Красноярск, 2004. – С. 76-91.
10. О торговых сношениях Сибири морским путем с иностранными портами. – СПб., 1879. – 50 с.
11. Ожередов Ю.И. Кузнецов-Красноярский Иннокентий Петрович // Томск от А до Я. – Томск, 2004. – С. 178-179.
12. Сутягина О.А. Роль сибирского купечества в развитии водных путей сообщения во второй

половине XIX в. // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX-XXI вв. – Вып.2. – Томск, Изд-во ООО «Оптимум», 2010. – С. 20-27.

13. Сысоева Л.А. Во славу любезного Отечества. Семья Кузнецовых в истории Красноярска и России. – Красноярск: Сибирский печатный двор, 2010. – 120 с.

14. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1896. – Т. XVII. – 482 с.

МЕДВЕЖЬЕГОРСК В 1920 – 1930-Е ГОДЫ: ОТ ДЕРЕВНИ ПРИ ЛЕСОЗАВОДЕ К ПОСЕЛКУ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ И СТОЛИЦЕ БЕЛОМОРКАНАЛА

С. Н. Филимончик

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск

Аннотация: В статье на материалах Медвежьегорска показана роль Мурманской железной дороги и Беломорско-Балтийского канала в урбанизации Карелии, дана сравнительная характеристика промышленного и культурного развития городского поселения в условиях нэпа и ГУЛАГовской модели освоения севера.

Ключевые слова: урбанизация, Мурманская железная дорога, Беломорско-Балтийский канал

MEDVEZHIEGORSK DURING 1920S - 1930S: FROM A TIMBER MILL'S VILLAGE TO RAILROAD SETTLEMENT AND THE CAPITAL OF THE WHITE SEA-BALTIC CANAL

S.N. Filimonchik

Abstract: The article uses the materials of Medvezhiegorsk to illustrate the role of Murmansk railroad and the White Sea-Baltic Canal for the urban development of Karelia. It provides a comparative analysis of the settlement's industrial and cultural development in the context of new economic policy and the GULAG model of reclaiming the North.

Keywords: urban development, Murmansk railroad, White Sea-Baltic Canal.

В период форсированной индустриализации темпы роста городского населения Карельской АССР опережали общероссийские. Запасы древесины, минерального сырья, сравнительно удобная связь с Западной Европой благоприятствовали промышленному развитию и урбанизации Карелии. В то же время развитие городов, расположенных в суровых климатических условиях, удаленных от центра страны, требовало дополнительных капиталовложений. Негативно сказывались на городской жизни нехватка квалифицированных специалистов, техники, слабость инфраструктуры. В данной статье ставится задача на материалах Медвежьегорска рассмотреть различные подходы к освоению северных территорий, выработанные в 1920-1930-е гг., и показать их значение для развития данного городского поселения.

У истоков интересующего нас поселения стоят заонежские крестьяне Герасим Гагарин, Петр и Федор Захарьевы – владельцы построенного в 1794 г. на р. Кумсе лесозавода. Это был старейший в Олонецкой губернии лесопильный вододействующий завод [10, с. 22, 34]. Однако подлинную жизнь городу дала Мурманская железная дорога, построенная в годы Первой мировой войны для доставки военных грузов союзников. В 1917 г. в районе железнодорожной станции Медвежья Гора и Захарьевского поселка проживало около 300 человек [9].

В период нэпа территория вдоль трассы Мурманской железной дороги (далее МЖД) в целях её освоения была передана сроком на 10 лет Транспортно-промышленному колонизационному комбинату МЖД, подчиненному Наркомату путей сообщения РСФСР. Широко задействовав рыночные механизмы, комбинат занимался не только транспортными перевозками, но и лесозаготовительной деятельностью, переработкой и продажей древесины, рыболовством, снабжением лесозаготовок продовольствием, внешней торговлей, переселенческой деятельностью.

Транспортно-промышленный комбинат МЖД заложил в Карелии 20 поселков переселенцев. Один из первых поселков – имени Наркома путей сообщения Ф.Э. Дзержинского – возник в километре от станции Медвежья Гора в 1923–1924 гг. Через год там появились еще два поселка – имени И. Арнольдова (руководителя комбината МЖД) и Южный. К 1927 г. выросли поселки Первомайский, Железнодорожный, Школьный. В конце 1920-х гг. поселки объединили в единое поселение Медвежья Гора. В период административной реформы 1927 г. это поселение стало центром Медвежьегорского района. 17 июня 1929 г. Медвежья Гора получила статус рабочего поселка. В 1929 г. его население составляло 2500 человек [5, с. 50].

Лесозаготовительный трест, созданный комбинатом, в 1924 г. построил в Медвежьей Горе

двухрамный лесопильный завод, установил на нем быстроходные лесопильные рамы шведского производства. Комбинат МЖД построил школу, клуб, больницу [2]. 25 июля 1925 г. в сосновом бору вблизи Медвежьей Горы принял первых отдыхающих санаторий для больных туберкулезом. Казалось, что пейзажи, не уступающие по красоте Швейцарии, охота, рыбная ловля, сбор грибов и ягод способны превратить Медвежью Гору в курортный центр, не уступающий пригородам Ленинграда [8].

Экономическая деятельность на принципах нэпа позволила выйти из затяжного экономического кризиса, восстановить довоенный уровень производства в Карелии. Однако общий уровень экономического развития и жизненный уровень населения к концу 1920-х гг. оставался низким. Руководство страны сочло исчерпанной нэповскую модель развития и начало искусственно сворачивать рыночные отношения. В условиях слома нэпа комбинат МЖД, работавший на коммерческой основе, был ликвидирован, а предприятия, им созданные, перешли в ведение правительства Карелии.

В годы первой пятилетки был взят курс на ускоренное развитие в республике лесозаготовительной отрасли, дававшей валюту для индустриализации. Лесозавод в Медвежьей Горе наращивал производство, в конце 1920-х гг. на нем работало более 1 тыс. рабочих [13, л. 5, 6]. Остро встала проблема обеспечения их жильем. Лесозавод имел жилую площадь более 8 тыс. кв. м. [13, л. 147], но это были бараки, в которых молодежь часто спала на голых досках, обходилась без умывальников, не имела элементарных предметов обихода. Семейные рабочие нередко размещались в одной комнате с сезонниками, мужчины могли быть заселены в комнаты, где жили женщины. С 1929 г. действовала карточная система снабжения. Чтобы поддержать рабочих, спешно создавалась система общественного питания. В столовой лесозавода отпускатось ежедневно 600 обедов и 200 порций холодных закусок, но качество их было низким: мясные блюда включались в меню 1 раз в рабочую неделю. Питание рабочих стало постепенно улучшаться, когда в 1932 г. на лесозаводе создали подсобное хозяйство, в котором выращивали свиней, кроликов, гусей, кур, коров. Тяжелые условия жизни делали неизбежной высокую текучесть кадров. Так, за 9 месяцев 1932 г. на Медвежьегорском лесозаводе было принято 1026 рабочих, а уволено 1331 [13, л. 154].

Интересны впечатления о Медвежьей Горе англичанина Дэвида Бакстона, увлеченного историей архитектуры 22-летнего выпускника Кембриджа, путешествовавшего по северу России летом 1932 г. С одной стороны он подчеркивает промышленный статус поселения, его динамичное развитие. Медвежья гора для него это «деревянный город, быстро растущий вокруг лесопильных заводов». С другой стороны, путешественник отмечает плохие дороги, неразвитую социальную сферу: «В самом центре Медвежьегорска улицы утрамбованы опилками, а приподнятые тротуары с дощатым покрытием дают возможность пешеходам передвигаться, не пачкая обуви. Подальше от центра есть места, где дома, стоящие на шатком ненадежном фундаменте, поднимаются прямо из грязи. Что же касается санитарных удобств и вывоза отходов, то создается впечатление, что до этого еще руки просто не дошли». Наиболее ярко Д. Бакстон описал свое пребывание на железнодорожной станции – «яростное сражение в очереди» за железнодорожным билетом [1, с. 100].

С 1931 г. развитие поселка определяло строительство Беломорско–Балтийского канала. Управление Беломорстроя разместилось в Медвежьей Горе. Именно здесь 27 июля 1933 г. был подписан Акт правительственной комиссии СССР о приемке канала в эксплуатацию. Летом 1933 г. Медвежья Гора была преобразована в рабочий поселок городского типа. В это время в нем проживало 6 136 жителей [17, с. 58]. Со времени строительства канала значительную часть жителей поселка стали составлять заключенные. Медвежьегорск 1930-х гг. нередко называют столицей русской интеллигенции. В разное время здесь жили известные деятели культуры, в том числе литературовед Д.С. Лихачев, философ А.Ф. Лосев, историк Н.П. Анциферов, дирижер Л.Я. Теплицкий и другие.

17 августа 1933 г. принято Постановление СНК СССР о создании Беломорско-Балтийского комбината (далее – ББК), в ведение которого передали освоение территории вдоль трассы канала [6, с. 89]. Комбинат являлся одним из крупнейших подразделений в системе ГУЛАГа. На 11 января 1935 г. в его распоряжении находилось 66 444 заключенных. Больше было в это время только на строительстве БАМа (154 тыс.) и канала Москва-Волга (193 тыс.) [7, с. 116, 117]. Кроме того, на территорию, подчиненную комбинату, было перевезено 21 947 трудпоселенцев. В июне 1939 г. 16-е Медвежьегорское отделение ББК НКВД включало три лагеря, в которых содержались 10 849 человек: в 1-м находилось 6 413 заключенных, во 2-м – 931 в 3-м – 3 505 заключенных [14, л. 31, 32]. 26 сентября 1938 г. поселок Медвежья Гора был преобразован в город Медвежьегорск.

Приоритетным направлением экономической деятельности ББК являлось развитие лесной промышленности. Медвежьегорский лесозавод перешел в ведение комбината и подвергся коренной реконструкции.

Кроме того, комбинату поручили наладить производство предметов потребления. В 1936 г. в Медвежьей Горе начала работу обувная фабрика, объединенная с кожевенным заводом в единый Кожобувьпромкомбинат [3, л. 4]. Предприятие выпускало сапоги (армейские, рыбацкие), кожаные ботинки и другую обувь. К работе на фабрике привлекли трудпоселенцев, которые обучались профессии прямо на производстве [3, л. 15]. Из состава трудпоселенцев формировались и инженерно-технические кадры. В 1937 г. на комбинате трудилось 743 работника, из них 105 составляли заключенные, 638 – вольнонаемные и трудпоселенцы [4, л. 9].

В 1939 г. ББК организовал в Медвежьегорске мебельное производство. Несмотря на перебои с доставкой ценных пород дерева, высокий брак из-за недостаточной квалификации мебельщиков, которых готовили прямо на производстве, Медвежьегорская мебельная фабрика освоила выпуск английских шкафов, шахматных, письменных столов, трюмо, буфетов, стульев из дуба, сосны и других пород дерева [15, л. 44, 47].

Силами комбината в Медвежьей горе были построены шикарная гостиница, современная поликлиника, Дом обороны, парашютная вышка. В поселке впервые появились водопровод и канализация.

Несмотря на осуществление силами комбината ряда значимых проектов, повседневная жизнь рядовых горожан в конце 1930-х гг. оставалась трудной. В магазинах не хватало товаров повседневного спроса – мыла, соли, хлеба, папирос, сахара. За ними выстраивались громадные очереди [16, л. 118]. В сентябре 1939 г. магазины ББК, расположенные в центре города, стали работать как закрытые распределители и перестали обслуживать горожан. На заседании пленума Медвежьегорского горсовета 16 ноября 1939 г. руководитель промышленной секции Макаров отмечал: «Живем мы теперь уже согласно постановления в городе Медвежьегорске, но как мы живем – гораздо хуже, чем жили в 1929–1932 годах. В магазинах ничего достать нельзя, нет брюк и даже иголок негде купить, нет продуктов, в столовых нет ничего поесть» [16, л. 111].

В составе комбината работал ряд культурных учреждений. Самым известным из них стал Центральный театр ББК. Он располагался в центре Медвежьегорска в удобном двухэтажном здании с великолепно оборудованной сценой, зрительным залом на 346 мест, стационарной киноустановкой [18]. В театре ставились спектакли классического репертуара (произведения А. Островского, А. Грибоедова, Ф. Шиллера), шли современные пьесы (драмы А. Арбузова, А. Корнейчука и других советских авторов). Впервые на сцене этого театра в Карелии были поставлены оперные спектакли, в том числе «Евгений Онегин» П. Чайковского, «Царская невеста» Н. Римского-Корсакова, «Кармен» Ж. Бизе, «Русалочка» А. Даргомыжского и др. В Центральном театре ББК с успехом проходили симфонические концерты, фортепианные вечера, концерты джазовой музыки. Художественным руководителем театра в 1933–1939 гг. являлся А.Г. Алексеев. Опытный режиссер, он в 1920-е годы руководил Московским театром сатиры и Московским театром оперетты. Заведовали музыкальной частью театра Л.Я. Теплицкий, Б.С. Пшибышевский, Р.Д. Жеребцова [11]. В 1936 г. спектакли и концерты Центрального театра ББК посмотрели более 40 тыс. зрителей, 108 тыс. человек посетили киносеансы.

Беломорско-Балтийский комбинат создал свою сеть библиотек, включавшую 25 стационарных и более 400 передвижек. Книжный фонд Центральной библиотеки ББК в Медвежьегорске был самым большим в республике – 320 тыс. экземпляров. Основную часть фондов составляли новые издания – НКВД в первоочередном порядке получал все книжные новинки [16, с. 78]. В библиотеке ББК так же, как в других библиотеках, было очень много агитационно-пропагандистской, политической литературы. В то же время поступало много технической литературы, предназначенной для инженеров, технических занятий с рабочими и т.д. Читателями этой библиотеки являлись около 20 тыс. человек [12, л. 15].

Возможности длительного использования труда заключенных на промышленном производстве, а также в культурной сфере были ограничены. Из-за тяжелых условий жизни среди заключенных росло число ослабленных и больных людей. Так, в 1940 г. полноценными работниками являлись не более половины рабочих ББК. На 1 января 1941 г. на комбинате насчитывалось 69778 человек, из них 15 200 – инвалиды, совершенно нетрудоспособные [14, л. 26]. Во второй половине 1930-х гг. будущее комбината стали связывать в основном с развитием лесозаготовок и строительства, а учреждения культуры и социальной сферы стали выводиться из подчинения НКВД. Школы, библиотеки были переданы в подчинение Наркомпросу КАССР, Центральный театр ББК перешел в ведение Управления по делам искусств при правительстве Карелии.

Ход мирной жизни города нарушила Великая Отечественная война. 5 декабря 1941 г. после тяжелых боев советским войскам пришлось оставить Медвежьегорск, до 23 июня 1944 г. город находился в финской оккупации.

Список литературы

1. Бакстон Д. Путешествие по северной Руси // Звезда. – 2002. – № 7. – С. 96-113.
2. Город у Дивьей Горы // Вперед. – 1988. – 24 сентября.
3. Государственный Архив Российской Федерации (далее ГАРФ). – Ф. 9414. – Оп. 1а. – Д. 844.
4. ГАРФ. – Ф. 9414. – Оп. 1а. – Д. 952.
5. Гравит В.В., Мулло И.М. Медвежьегорск. – Петрозаводск, 1987. – 133 с.
6. ГУЛАГ в Карелии: сб. документов и материалов. 1930-1941. – Петрозаводск, 1992. – 225 с.
7. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х гг. Собр. документов: В 7 т. – Т. 3. Экономика Гулага. – М., 2004. – 624 с.
8. Красная Карелия. – 1925. – 16 октября.
9. Кунстман В. Город у Дивьей горы // Вперед. – 1988. – 24 сентября.
10. Мошина Т.А. Заонежье в биографиях. – Петрозаводск, 2010. – 112 с.
11. Налейкина Г. Центральный театр заключенных // Вперед. – 1994. – 27 сентября.

12. Национальный Архив Республики Карелия (далее НАРК). – Ф. 3. – Оп. 5. – Д. 186/26.
13. НАРК. – Ф. 689. – Оп. 5. – Д. 19/136.
13. НАРК. – Ф. 865. – Оп. 36. – Д. 2/15.
14. НАРК. – Ф. 865. – Оп. 36. – Д. 3/23.
15. НАРК. – Ф. 690. – Оп. 3. – Д. 141/1222.
16. Покровская И.П. Население Карелии. – Петрозаводск, 1978. – 192 с.
17. Романова Е.П. Библиоковед Георгий Иванович Поршнев // Библиотечный вестник Карелии № 8 (15). – Петрозаводск, 2004. – С. 76-79.
18. Санников А. Родом из Медгоры // Диалог. – 2006. – 20 сентября.

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ДЕТСТВА В ТАТАРСКОЙ АССР **В 1920-Е ГГ.**

И.И. Ханипова

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань

Аннотация: в статье проанализировано становление системы охраны детства в Татарстане в 1920-е гг. Автор рассмотрел мероприятия местных органов власти по спасению голодающих детей, вовлечению общественности в создание материально-бытовых условий для сирот. Сделан вывод, что основным механизмом ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в ТАССР в этот период было создание различных типов детских учреждений (детские дома, дома ребенка). Патронат, инициированный властью, особого распространения не получил, при этом имел свою региональную специфику.

Ключевые слова: дети, беспризорность, безнадзорность, детские дома, голод, Татарская АССР.

FORMATION OF SYSTEM OF CHILD PROTECTION IN THE TATAR **AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC IN 1920**

I. Khanipova

Abstract: The article analyzes the system of child protection in Tatarstan in 1920. The author has considered the actions of local authorities of saving the starving children, public involvement in the creation of material conditions for orphans. It is concluded that the main mechanism for the elimination of child abandonment and neglect of Tatarstan in this period was the creation of various types of children's institutions (orphanages, children's homes). Patronage, initiated by the government, did not get a special distribution, thus had its regional specificity.

Keywords: children, homelessness, neglect, orphanage, hunger, Tatar ASSR.

С образованием нового социалистического государства шло формирование системы советских органов охраны детства. В Татарской АССР становление государственной системы охраны детства началось с 1920 года, когда в составе Народного комиссариата просвещения ТАССР был создан отдел охраны детства [7, л. 111–111об.]. Уже к началу 1921 года отдел охраны детства Наркомпроса ТАССР имел разветвленную структуру – подотделы (детских домов, правовой защиты детей, воспитания и соцобеспечения, лечебно-воспитательный) и секции (питание детских домов, показательных учреждений, обучение и воспитание физически дефективных детей, обучение и воспитание умственно и нравственно дефективных детей)¹⁴. Аналогичная структура создавалась в катонных отделах народного образования.

На момент организации Наркомпроса ТАССР в июле-августе 1920 г. работа по охране детства в кантонах республики практически не проводилась, поэтому с первых же дней своей деятельности отдел начал налаживать связь с кантонами, разъяснять основные функции и задачи подотделов охраны детства на местах, выяснять количество детских учреждений и численность воспитанников.

Отделом охраны детства велась активная переписка с учреждениями республики и кантональными органами власти для регулирования вопросов с помещениями, питанием, оборудованием и материальным обеспечением организуемых детских домов. Большая работа проводилась отделом по распределению приезжающих детей в кантональные детские дома или отправке их на родину, выдаче специальных книжек на получение жалования за «казенных» детей [9, л. 173].

Проверку складывающейся системе охраны детства устроила сама жизнь. На ее функционирование оказывали влияние сложная внутренняя и внешняя обстановка, разруха и социально-

¹⁴ Структурные изменения системы Наркомпроса ТАССР на протяжении 1920-х гг., в том числе отдела, занимающегося вопросами охраны детства, см.: 2, с. 34–46, 150–154.

экономический кризис, характеризующие первые годы советской власти. Существенно усугубил ситуацию голод, обрушившийся на республику в 1921–1923 годах. В условиях голода работа детских учреждений в сельской местности во многом носила эпизодический характер. Да и деятельность самих органов управления зачастую стопорилась из-за элементарного отсутствия профессиональных кадров – деятельность целого отдела (подотдела) часто был вынужден вести один человек. Характерным и распространенным явлением времени стало совмещение функций нескольких отделов и подотделов. Например, в начале сентября 1921 года дошкольный подотдел Бугульминского кантонработника из-за нехватки кадров объединили с секцией охраны детства [8, л. 52].

Создание нормальных условий жизни для детдомовцев давалось очень тяжело. Большинство детских учреждений республики испытывали крайнюю нужду в помещениях, материальном обеспечении, а главное – в питании для воспитанников. Так, в Агрызском кантоне в начале 1922 года имелось два детских дома, с общим численностью детей 320 человек. Данные детдома были переполнены. Сами современники объясняли это тем обстоятельством, что «после массовой смертности родителей, на почве голода, остаются дети сироты на произвол судьбы, без всякого призора» [1, с. 21]. Фактически, голод начала 1920-х годов показал, насколько механизмы социальной защиты детей были еще несовершенны и не срабатывали в провинциальных условиях.

Одним из главных и приоритетных направлений правовой охраны детства была ликвидация детской беспризорности и безнадзорности. После официального окончания голода в республике правительство использовало разные стратегии освобождения городских улиц и общественных мест от беспризорников [см.: 14]. Основным направлением борьбы с беспризорниками было устройство последних в детские дома.

В целях борьбы с уклонением некоторых родителей от своих обязанностей по воспитанию и содержанию детей, возложенных на них законом, а также для ознакомления населения с существующим порядком приема детей в дома младенца, 19 сентября 1924 года вышло обязательное постановление Народных комиссариатов здравоохранения и внутренних дел ТАССР «О подкинутых детях», подробно разъяснявшее вопросы о контингенте детей, принимаемых в дома младенца, о формах государственной помощи в соответствии с конкретным случаем, об административной ответственности родителей и т.п. [11, с. 666–667].

Вместе с тем, обследование домов младенца республики показало их материальную несостоятельность. В частности в г. Лаишеве дом младенца представлял довольно мрачную картину: ветхое холодное помещение, нехватка постельного белья, однообразное и недостаточное питание, и, как итог, высокая детская смертность. По признанию проводившего обследование санитарного врача, с момента образования дома младенца в 1920 году в нем умирали почти все младенцы грудного возраста, причем записей о состоянии здоровья детей не велось [5, л. 110 об.].

Ситуация с решением проблем охраны детства усугублялась общим кризисом в стране. Так, до 1 октября 1926 года в деревне Б. Менгерях Арского кантона действовал дом матери и ребенка на 30 мест, за год черед него прошло 240 матерей и детей. Вскоре дом был закрыт по причине того, что не было средств на его содержание, однако официальная формулировка гласила «непопулярен среди населения» [6, л. 49].

Для привлечения широких масс общественности к проблемам охраны детства, оживления санитарно-просветительной работы и оказания материальной поддержки учреждениям по охране материнства и младенчества государство использовало кампании, т.н. трехдневники и недели. Так, 7 октября 1920 года СНК РСФСР издало декрет о «Неделе ребенка», проведение которой первоначально планировалось с 7 по 14 ноября 1920 г. Основной целью мероприятия была организация общественности для оказания помощи нуждающимся детям советских республик. Инициаторы недели призывали трудящееся население страны к добровольному пожертвованию предметов первой необходимости и продуктов. В целях пропаганды помощи детям республики СНК ТАССР постановил провести «Неделю ребенка» с 14 по 21 ноября. Комиссия по организации «Недели ребенка» обратилась ко всем профсоюзам, фабричным комитетам и комитетам служащих с предложением сделать процентные отчисления от заработной платы в специальный фонд. В рамках недели планировалось провести медицинский осмотр всех детей Татарской республики и оказать им, при необходимости, лечебную помощь.

В итоге в ходе «Недели ребенка» по г. Казани были собраны следующие виды пожертвований: канцелярские принадлежности (писчая бумага 1430 листов, промокательная бумага 12 листов, 123 карандаша, 3294 ручек, 247 перьев, 72 конверта, 310 рисовальных открыток, 16 резинок, 4 флакона чернил, 2 чернильницы, 1 грифельная доска, 3 альбома, 2 транспаранта, 1 готовальня, 2 пресс-папье и 1545 книг разного содержания), белье и обувь (7 костюмов детских, 11 юбок, 29 лифчиков, 9 панталон, 4 шт. кальсон, 9 свивальников, 10 капоров, 5 головных платков, 1 башлык, 1 одеяло, 29 пуговиц, 110 вязаных туфель, 7 сорочек, 74 кофточек, 121 платьев, 158 рубашек, 61 чепчиков, 15 наволочек, 11 носовых платков, 2 1/2 аршина коленкора, 41 пара чулок, 56 шапок, 90 штанишек, 7 пар варежек, 15 полотенец, 9 пальто, 7 пиджаков, 3 панамок, 2 простыни, 2 подушки, 2 воротничка, 14 чепчиков, 9 фартуков, 1 скатерть, 1 пара галош, 8 пеленок, 4 салфетки, 3440 мешочков), посуда (2 деревянных чашки, 3 сахарницы, 6 стаканов, 4 рюмки, 4 чашки, 2 молочника, 2 вилки, 2 чайных ложки, 41 бокал, вазочка для цветов, 8 блюдец, 2 ножа, 2 столовых ложки, 14 деревянных ложек, 1 тарелка, разных игрушек 4077 штук), продукты (крупа 11 1/2 фунтов, кофе 48 фунтов, 4 коробки спичек, 10 фунтов сухарей ржаных, 11

фунтов муки, 3 куска мыла, 1 фунт сахара). Пожертвованной деньгами поступило 1 476 204 руб. 8 коп.

По Лаишевскому и Спасскому уездам в пользу детей было пожертвовано: 39 полотенец, 5 пар носков, 52 пары валенок, 10 штук игл, 2 шапки, 10 мотков суровых ниток, 5 фунтов шерсти, 9 пар варежек, 6 аршин холста, 31 152 аршина мануфактуры, 517 гимнастеров, 393 брюк, 333 женских рубашки, 505 фуражек, 91 пара чулок, 40 пар валенок детских, 40 пар ботинок детских, детских ботинок 176 пар, 24 головных платка, а также 1 пуд 38 фунтов чечевицы, 30 фунтов овса, 3 пуда 20 фунтов ржаной муки, 3 пуда 24 фунта пшена, 20 фунтов гороха. Пожертвованной деньгами поступило 318 969 рублей.

Деньги, собранные в период кампании «Неделю ребенка» по г. Казани и по уездам, сданы в казначейство, вещи и учебные пособия распределены между детьми. Продукты сданы прод[овольственным] комитетам для распределения между детскими учреждениями [2, л. 30–31].

25 января 1926 г. ЦИК ТАССР принял постановление «О проведении трехдневника по охране материнства и младенчества» по г. Казани и кантонам ТАССР. Оживленную деятельность развернули женсоветы, занимавшиеся агитационно-просветительной пропагандой идей охраны материнства и младенчества среди рабочих и крестьянских масс. Активистки женского движения проводили всевозможные доклады, лекции, концерты, спектакли, вечера, устраивали кружечные сборы и лотереи, кампании по подписным листам и т.п.

Невозможность окончательной ликвидации беспризорности и как следствие вытекающими из нее формами асоциального поведения детей только лишь силами государства, вынудило последнее вновь обратить внимание на практику семейного воспитания, в т.ч. опеку и патронирование. Учреждение нового института частного патронирования, на которое государство возлагало большие надежды, расширяло функции детской социальной инспекции, главными задачами которой были борьба с беспризорностью и детской преступностью. Однако, кампания массового патронирования, не поддержанная населением, фактически провалилась [10]. В то же время, в татарских деревнях сложилась инициативная практика опеки над детьми-сиротами родственников.

Во второй половине 1920-х годов решение вопросов детской беспризорности, опеки, патронажа и правовой охраны несовершеннолетних стали все чаще отправлять непосредственно на места. Проведение мероприятий по борьбе с детской беспризорностью и правовой охране детей возлагалось на кантонные исполнительные комитеты, а также и на кантонные съезды советов [12, с. 757].

Переломный характер эпохи, когда старые традиции и привычные морально-этические нормы были уничтожены революцией, новые же находились в стадии формирования, повлиял на развитие преступности в детской среде [подробнее см.: 13]. Деморализующая сила голода толкала детей на преступление не только в период острого голода, но и в последующие годы, поскольку уличный образ жизни, отсутствие семьи и достаточной поддержки со стороны государства вынуждали ребенка совершать противоправные действия. Асоциальное поведение часто сохранялось и у беспризорников, устроенных в детские учреждения [4, с. 24–25, 27–28].

Для борьбы с детской преступностью была создана специальная комиссия несовершеннолетних правонарушителей (морально-дефективных детей). Работа комиссии несовершеннолетних правонарушителей составляла одно из направлений деятельности отдела социально-правовой охраны несовершеннолетних и воспитания дефективных детей Главсоцвоса Наркомпроса ТАССР, поддерживавшего тесную связь с кантонами, инструктировавшего местные власти о механизмах проведения социально-правовой защиты подрастающего поколения.

Из кантонов в свою очередь в Татнаркомпрос поступали отчеты по делам опеки, юридической помощи несовершеннолетним, детскому адресному столу и комиссии несовершеннолетних. Дела, неразрешенные на местах в Кантонаробах, а также многочисленные дела по продаже (присвоению) имущества несовершеннолетних присылались на рассмотрение и утверждение в отделение опеки и комиссии несовершеннолетних правонарушителей.

Таким образом, инициированная новыми социально-политическими, экономико-правовыми условиями формирующегося государства, система охраны детства в 1920-е гг., переживала свое становление. Властными органами на местах предпринимались меры по спасению голодающих детей, вовлечению общественности в создание материально-бытовых условий для сирот и развитие патроната, борьбе с беспризорностью и безнадзорностью. В то же время, правовой статус самого ребенка, несмотря на развивающееся законодательство и проводившиеся мероприятия по социальной защите детей, оставался декларированным, поскольку не всегда обеспечивался на практике.

Список литературы

1. Агрызский кантон за первый год своего существования (3 декабря 1921 г. – 1 ноября 1922 г.). – Казань, 1922. – 76 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. А-482. – Оп. 11. – Д. 67.
3. Латыпова Г.М. Деятельность Народного комиссариата просвещения ТАССР в 1920-е гг. – Казань, 2013. – 240 с.
4. Маслова И.В., Сабиров И.Т. Во благо детей. Страницы истории Елабуги. – Елабуга, 2003. – 40 с.
5. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). – Ф. Р-1102. – Оп. 1. – Д. 20.

6. НА РТ. – Ф. Р-2673. – Оп. 1. – Д. 36.
7. НА РТ. – Ф. Р-3682. – Оп. 1. – Д. 24.
8. НАРТ. – Ф. Р-3682. – Оп. 1. – Д. 47.
9. НА РТ. – Ф. Р-3682. – Оп. 1. – Д. 78.
10. Смирнова Т.М. Опыт патронатного воспитания детей в советской России и современность // <http://childcult.rsu.ru/article.html?id=618906> <http://childcult.rsu.ru/article.html?id=618906> (Дата обращения 12.01.2013).
11. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства Автономной Татарской Республики. – 1924. – № 51 (23 октября). – Ст. 427.
12. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства Автономной Татарской Республики. – 1924. – № 59 (30 декабря). – Ст. 487.
13. Ханипова И.И. Детская преступность в Татарской АССР в 1920-е годы: основные факторы развития // Правовая система России: традиции и инновации: Материалы X всероссийской научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 25-27 апреля 2013 г. / Под общ. ред. Н.С. Нижник: В 5 ч. – Ч. II. – СПб., 2013. – С. 242-247.
14. Ball Al. M. And Now My Soul Is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918-1930. – Berkeley and Los Angeles; London, 1994. – 356 p.

«РАЗБИТОЙ КОЛОКОЛ ВЕСОМ В 100 ПУД ПЕРЕЛИТЬ».

ЭПИЗОД ИЗ ПРАКТИКИ КОЛОКОЛОЛИТЕЙНОГО

ДЕЛА 1826 Г.

Н.А. Четырина

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Аннотация: В статье использован любопытный документ о переливке неграмотным крестьянином колокола для церкви села Шарапова в 1826 г. Он добавляет новые детали в историю развития колокольного дела в XIX в. и демонстрирует вечную актуальность выбора надежных партнеров.

Ключевые слова: село Шарапово, церковь, колокол, переливка, крестьянин.

"A BROKEN BELL, WEIGHT IN 100 POODS POUR". EPISODE FROM THE PRACTICE OF BELL FOUNDRING BUSINESS 1826

N.A. Chetyrina

Abstract: The article used an interesting document on the recasting illiterate peasant bells for the village Church Sharapova in 1826, He adds new details to the history of campanology in the nineteenth century and demonstrates the eternal relevance of selecting reliable partners.

Keywords: village of Sharapovo, Church, bell, recasting, a farmer.

Возрождение церковной жизни в последние десятилетия стало импульсом для развития campanологии (колоколоведения). Обнаруженный в Центральном государственном архиве Москвы (ЦГА Москвы) в фонде ратуши Сергиевского посада документ о переливке крестьянином Хрисанфом Васильевым Ворониным 100-пудового колокола для церкви в селе Шарапове 1826 г. [11, л. 1-2] иллюстрирует практику колокололитейного производства в первой половине XIX в.

Село Шарапово расположено примерно в 10 км от Сергиева Посада. Поселение несколько раз меняло административное подчинение. В XVI в. оно входило в состав Переяславского уезда, в XIX в. – Александровского уезда Владимирской губернии, сейчас – в составе Сергиево-Посадского района Московской области. Деревянная церковь в нем существовала, скорее всего, уже в 1328 г., ее посвящение Михаилу Архангелу документально подтверждается с 1562 г. На протяжении всего периода существования (как минимум, с 1562 г. и до сегодняшнего дня) сохранялось посвящение главного престола и, соответственно, название всего храма в честь Михаила Архангела. Правда, в повседневной жизни название церкви могло варьироваться и не только в просторечии, но и в документах. Здесь – церковь Архистратига Михаила, в контракте 1862 г. – Архангельская церковь [13, с. 71].

В 1778 г. вместо деревянной была построена и освящена каменная церковь с трапезной. В 1820-х годах трапезную перестроили и в июне 1829 г. освятили. Судя по всему, именно в связи с перестройкой и освящением новой трапезной церкви связан и заказ на переливку старого разбитого колокола в 100 пудов. Колокола разбивались по разным причинам: металл становился хрупким и колокол быстро портился при избытке олова в сплаве или при очень сильном морозе, от падения во время пожара, при низко спустившемся языке, от излишнего усердия звонаря. По мнению А.Ф. Бондаренко «чаще всего колокола разбивались именно на Пасхальной неделе, поскольку в Великую седмицу к звону допускались

все желающие, среди которых были и такие, которые на радостях соревновались друг с другом в силе извлекаемого звука» [2, с. 116; 8, с. 395, 405]. Перестройка продолжалась и позднее – в середине XIX в. старый храм был разобран и на его месте возведен новый, пристроена новая трапезная и возведена высокая колокольня (контракты на строительство 1848 и 1862 гг. опубликованы) [5, с. 471-472; 9, с. 179; 13, с. 68-71, 159-160].

В этот период активного строительства священниками храма поочередно являлись представители одной семьи трех поколений: Сергей Алексеев (1790-1821 гг.), затем его зять Павел Михайлович Никольский (1821-1840 гг.), который стал тестем следующего священника Дмитрия Миловидова (1840-1866 гг.) [5, с. 472]. Семейственность в данном случае обернулась преемственностью в нелицемерной заботе об улучшении храма как важного духовного центра округа.

В.Г. Добронравов в описании церкви конца XIX в. обращает внимание не только на историю храма, число престолов и построек, но и на ценную утварь, иконы, богослужебные книги, церковные документы, состав причта. А вот о колоколах, без которых нельзя себе представить колокольню, не сказано ни слова! Хочется добавить, что приблизительно в это же время по разработанной Академией Художеств анкете в массовом порядке составлялись метрики русских церквей. Сотни таких документов хранятся в архиве Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге. Опубликованная в 2009 г. А.Ф. Бондаренко метрика содержит подробное описание колокольного набора. Сохранилась ли такая метрика по церкви Михаила Архангела в селе Шарапове, не известно [1, с. 143-161].

Процесс отливки колокола упрощенно, схематично можно представить следующим образом. Отливка больших колоколов происходила в яме рядом с плавильной печью. Форма для отливки использовалась только один раз и готовилась для каждого колокола индивидуально с учетом норм колокольной акустики. Ее составляющими были «болван» (с внутренним очертанием модели) и кожух (с внешними). Криволинейные контуры будущего колокола очерчивали с помощью деревянных шаблонов-лекал. Для формовки использовалась глина разных сортов. Для предотвращения появления трещин при сушке, глину смешивали с конским навозом, коровьей шерстью, добавляли льняные волокна, а для придания большей вязкости формовочную смесь разводили не водой, а крепким суслом или пивом, а в некоторых случаях мочой. Готовая высушенная форма смазывалась салом. Чтобы кожух мог выдержать давление расплавленного металла, находящуюся в яме форму засыпали землей и плотно утрамбовывали. При проведении плавки старались добиться меньшего угара металла, правильного соотношения меди и олова. Следили за тем, чтобы сплав лился точно в форму, а не проливался на землю, чтобы излишний расход не приводил к нехватке металла на всю отливку и не пришлось бы переделывать всю работу с самого начала. Остывший колокол откапывали из земли, очищали и исправляли мелкие погрешности. Затем на себе перевозили к церкви или колокольне, поднимали и привешивали [10, с. 119, 184, 185].

В XIX в. отливка колоколов в Москве производилась на частных предприятиях А. Струговщикова, Н.А. Самгина, М.Е. Астраханцева, М.Г. Богданова, Оловянишниковых и иных владельцев. Существовали колоколотейные заводы и в других местах империи. На этих заводах отливали как отдельные колокола, так и целые колокольные наборы. Даже сейчас, при современной развитой транспортной инфраструктуре для перевозки таких крупногабаритных тяжелых грузов требуются согласованные усилия многих служб. По этой причине, при необходимости, колокольные мастера с некоторых заводов выезжали для проведения отливок в другие города. Во второй половине XIX в. продукция заводов экспонировалась на многих отечественных и международных выставках и была отмечена разнообразными наградами. На заводе Самгина отливали колокола не только для храмов и монастырей России, но и за границу [3, с. 25-29].

Наряду со специализированными предприятиями, литьем колоколов занимались «странствующие мастера». Так, в 1847 г. по приглашению кн. М.С. Воронцова в Тифлис из Орловской губернии приехал мастер для литья колокола в 800 пудов. В 1882 г. в городе Мологе крестьянин Константин Никитин Кичигин отлил колокол в 300 пудов, и звук у него был прекрасный [8, с. 378-379, 386]. От «странствующего мастера» требовались универсальные знания производственного процесса, начиная от подготовки формовочных материалов, составления шихты, постройки печи, изготовления и украшения модели, плавки и заливки, кончая подъемом готового изделия на колокольню [10, с. 193]. Он выступал как организатор трудоемких производственных процессов, к которым для подсобных работ привлекалось множество людей [7, с. 18]. При этом, даже для выполнения «черных» работ «от мастерового люда была нужна не просто физическая сила, но соответствующие навыки в тяжелом и порой даже опасном деле» [2, с. 282].

В первой четверти XIX в. для Вознесенской церкви Сергиевского посада были отлиты два колокола: большой (264 п. 27 ф.) и будничный (37 п. 20 ф.) дья. На большом колоколе были четыре литых изображения и надпись: «1825 г. мая 15 дня вылит сей колокол в Сергиевский посад в церковь Вознесения Господня иждивением купца означенного посада Павла Алексеевича Камаева при священнике Василии Никитине и церковном старосте Василии Герасимове Дудине на заводе Николая Самгина, веса 264 п. 27 ф.». Эти колокола исправно служили и в 1900, и в 1920 гг., т.е. около 100 лет [12, л. 89].

Отливка в 1825 г. колокола на заводе Н.А. Самгина, его доставка и подъем наверняка стали важными событиями, все детали которых были хорошо известны жителям окружающих посад сел и

деревень. Однако уже в следующем 1826 г. выбор прихожан села Шарапова пал на крестьянина Хрисанфа Васильева Воронина, который к тому же был неграмотным [11, л. 1 об.].

Это очень любопытное обстоятельство. Мог ли неграмотный крестьянин производить сложные расчеты, без которых невозможно правильно определить состав колокольной бронзы, тем более при повторном использовании? По мнению В.А. Кондрашиной, колокольные мастера владели такими методами, что даже не умея читать и писать, могли «создавать выдающиеся произведения искусства» [6, с. 63-74]. Противоположного мнения придерживается А.Ф. Бондаренко, которая считает, что русские колоколотейные мастера были не просто грамотными людьми: «Определение необходимых материалов, особенно количества металла с учетом расхода “на прибыль”, “на выгонку”, “на угар” требовало математической точности, которую никак нельзя было передать устным путем» [2, с. 263-264]. Из-за использования вторичного сырья даже квалифицированные иностранные мастера испытывали трудности с точными расчетами. Получил широкую известность случай с приехавшим в Россию из Нюрнберга мастером Хансом (Иваном) Фальком, который в 1636 г. отлил колокол только с третьей попытки [2, с. 287].

При этом нанятый сельским причтом крестьянин Х.В. Воронин не знал даже об обязательной добавке олова, что могло отрицательно повлиять на качество звука. О недостаточной квалификации говорит и тот факт, что «на угар и приямок» он потребовал «меди 10 пуд», что составляет 10%, а не 3-4% как у хороших мастеров [10, с. 102]. Видимо, этот случай как нельзя лучше подтверждает наблюдение Н.И. Оловянишникова о том, что раньше странствующие мастера «формовали колокола руководствуясь лишь тем, что удалось им заметить на службе при колоколотейных заводах» [8, с. 405].

С другой стороны, отсутствие упоминания олова в контракте не насторожило заказчиков. Они не обговаривают декор и надписи на колоколе. Обычно, обдумывая такое важное дело, как новая постройка, перестройка, приобретение дорогостоящих культовых предметов и тому подобное, заказчик тщательно собирал информацию и лишь потом принимал решение. Чем серьезней и опытней был заказчик, тем больше пунктов, условий было в договоре. Для сравнения, в упомянутом ранее договоре 1848 г. на строительство церкви в селе Шарапове набор условий оформлен в 7 пунктах [13, с. 69-70]. В нашем случае договор вовсе не разделен на пункты. Есть обязательство мастера перелить колокол в случае «неудачи» за свой счет, есть обязательство – годичная гарантия мастера на устранение возможной «непрочности», но они не обеспечиваются залогом, не предусмотрены штрафные санкции. Не оговорены начало и окончание работ. Это свидетельство недостаточной предусмотрительности заказчиков, в числе которых были сельский священник и крестьяне (церковный староста и прихожане). При этом заказчики обязывались взять на себя организацию подсобных работ, предоставить необходимые материалы, выплатить задаток (40 руб.) при заключении договора. Для плавки 100 пудов меди требовалось до 3-х сажень дров. Названные в документе солод был необходимым компонентом при приготовлении суслу или пива для формовочной смеси, а пенька, скорее всего, заменяла в ней коровью шерсть или льняное волокно.

Видимо, священника с прихожанами устраивало соотношение предлагаемой цены (250 руб.) и предполагаемого качества. К тому же приглашение «странствующего мастера» избавляло от необходимости дважды транспортировать тяжелый 100-пудовый груз (туда – разбитый колокол, обратно – вновь отлитый). Это подтверждает наблюдение исследователей о важной роли заказчика, активно и со знанием дела принимавшего участие в формировании заказа [4, с. 53].

Мы не знаем, как закончилась история с переливкой колокола. В ЦГА Москвы нет ни фонда, ни дела церкви Михаила Архангела в селе Шарапове. Однако контракт прошел предусмотренную законом процедуру регистрации в ратуше Сергиевского посада, что свидетельствует о серьезности намерений обеих сторон. Именно благодаря практике дословного воспроизведения документа в «Книге записи условий и контрактов» мы смогли узнать об этой весьма неоднозначной ситуации. Сохранившийся договор добавляет новые детали в историю развития колокольного дела в XIX в. и демонстрирует вечную актуальность выбора надежных партнеров.

Приложение

Запись условия крестьянина деревни Горбанцова экономической Сигорской волости Углицкого уезда Ярославской губернии Хрисанфа Васильева Воронина со священником, церковным старостой и приходскими людьми церкви Архистратига Михаила села Шарапова Александровской округи Владимирской губернии на переливку колокола в 100 пудов.

(л. 1) 1826 года ноября дня я, нижеподписавшейся Ярославской губернии Углицкого уезда Экономической Сигорской волости деревни Горбанцова крестьянин Хрисанф Васильев Воронин, заключил сие условие Владимирской губернии Александровской округи села Шарапова с священником Павлом Михайловым, старостою церковным того ж села крестьянином Михайлом Сергеевым и приходскими людьми в том, что обязался я имеющейся в том селе при церкви Архистратига Михаила разбитой колокол весом в 100 пуд перелить такого ж весу, с получением от них на угар и приямок меди 10 пуд, ценою за каждой пуд получить мне по переливке и по отчистке по 2 руб. 50 коп., итого 250 руб. С таковым притом дополнением: к переплавке онаго в означенном селе Шарапове приуготовление, как-то:

яму вырыть своими работчими людьми, а также и выклатъ кирпичом печь, но только их, а не моими; материал же: сало, дрова, пенька, солод доставать им, приходским людям, равно и к затолчке при литье и по отлитии в точке способствовать им же, я же обяуюсь тот колокол вылить самым лучшим мастерством как долг повелевает, и ежели в чем воспоследует неудача или, чего Боже сохрани, оной колокол (л. 1 об.) лопнит, то перелить мне, Воронину, на свой шет своими материалами, не требуя никакой двойной платы. По отлитии на колокольню поднять мне, Воронину, своими инструментами, сверх сего в течении года, естли оной колокол в чем либо окажется непрочным, то на тех же правилах обяан перелить на свой же кошт. При заключении ж сего условия получить мне в задаток ходячею монетою в шет условленной суммы 40 руб. В чем оное условие с обеих сторон хранить свято и ненарушимо.

К сему условию вместо означенного крестьянина Хрисанфа Васильева за неумением его грамоте и писать по его личному прошению г.Нестеровой дворовой человек Иван Алексеев Соколов руку приложил. К сему условию села Шарапова священник Павел Михайлов за себя и вместо старосты церковнаго крестьянина Михайла Сергеева за неумением его грамоте по личному его прошению руку приложил.

Помета писца. 1826 года ноября 22 дня Московской губернии в ратуше Сергиевскаго посада сие условие, представленное при объявлении Ярославской губернии Углицкаго уезда от крестьянина Хрисанфа Васильева явлено, и в следствии (л. 2) состоявшейся того ж числа резолюции в книгу под № 13 записано. Подписал бургомистр Тарбинский. Справил повытчик Синьковский. У сей явки ратуши печать.

Подлинное условие от явки получил крестьянин Хрисанф Василив, а вместо его за неумением грамоте и писать мещанский сын Иван Линякин расписался.
ЦГА Москвы. – Ф. 73. – Оп. 2. – Д. 61. – Л. 1-1 об.-2.

Список литературы

1. Бондаренко А.Ф. Метрика московской церкви Живоначальной Троицы, что в Голенищеве. 1887 г. Из материалов Археологической комиссии // Исторический архив. – 2009. – № 5. – С. 143-161.
2. Бондаренко А.Ф. История колоколов России XI – XVII вв. – М., 2012.
3. Бондаренко А.Ф. Из истории колоколов в России. Избранные труды по отечественной campanологии. – М., 2014.
4. Бусева-Давыдова И.Л. О роли заказчика в организации строительного процесса на Руси в XVII веке // Архитектурное наследство. – № 37. – М., Стройиздат, 1988.
5. Добронравов В.Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. – Вып. 2. – Владимир, 1895.
6. Кондрашина В.А. Обучение колокольному ремеслу на Московской Пушечном дворе во второй половине XVII века // Колокола: История и современность. 1990. – М., 1993. – С. 62-74.
7. Кондрашина В.А. Московская школа колокольного литья в русской культуре второй половины XVII в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. – М., 2000.
8. Оловянишников Н.И. История колоколов и колоколотейное искусство. – М., 2003.
9. Пэнэжко О. Храмы Сергиево-Посадского благочиния. – Владимир, 2007.
10. Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. – Ч.1. – М., 1962.
11. ЦГА Москвы. – Ф. 73. – Оп. 2. – Д. 61. – Л. 1-1 об.-2.
12. ЦГА Москвы. – Ф. 2128. – Оп. 1. – Д. 99. – Л. 89.
13. Четырина Н.А. Контракты на строительные и отделочные работы, производство и продажу стройматериалов из фонда ратуши Сергиевскаго посада (1795-1863 гг.). – М., 2012.

КОНФЛИКТ КАК СПОСОБ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ГОРОЖАН И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Д.Н. Шаранова

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: В статье рассматриваются конфликты горожан Казанской губернии с органами городского самоуправления в конце XIX – начале XX веков, причины возникновения этих противоречий, а также позитивные функции конфликтов для развития общества.

Ключевые слова: социальный конфликт, городское самоуправление, Казанская губерния, ходатайство.

THE CONFLICT IS AS A WAY OF TOWNSFOLK'S SOCIAL COMMUNICATION AND LOCAL SELF-GOVERNMENT'S AUTHORITIES (IT IS BASED ON MATERIALS OF THE KAZAN PROVINCE)

D.N. Sharanova

Abstract: The article is devoted to the conflicts of townfolk of the Kazan province with authorities of city self-government at the end of the XIX beginning of the XX centuries. It is spoken about the emergence's reasons of these contradictions, and also the positive functions of the conflicts for society's development are noted.

Keywords: social conflict, the city self-government, Kazan Province, petition.

В современном мире все чаще общество «идёт» к развитию путём противостояний, столкновений, восстаний и т.д. Эти толчки к развитию образуются внутри каждой семьи, внутри социальных групп, внутри государства и между ними. Особый интерес вызывают конфликты внутри социальных групп. Социальный конфликт – столкновение сторон, мнений, сил; высшая стадия развития противоречий в системе отношений и людей и социальных институтов [3, с.80].

В Российской империи социальные конфликты проявлялись в результате перехода социально-экономических отношений на новый уровень. В конце XIX – начале XX веков в России были проведены реформы, в частности реформы городского и местного самоуправления. Закон о городском самоуправлении 1870 года, а именно принятие «Городового положения 1870 г.» стало отправной точкой в решении проблем городского населения. Были созданы новые условия для подъёма уровня жизни в городах, привлечения к работе в органах самоуправления стремительно набиравших силу после падения крепостного права предпринимателей [1, с.297]. Органы городского управления Городская Дума и Городская управа стали всесловными и выборными органами, которые выполняли законодательную и исполнительную функции.

В Казанской губернии в начале XX века большое количество противоречий и разногласий происходили между горожанами и органами городского самоуправления. Жалобы касались денег, выборов, неисполнение обязанностей и постановлений городской управы и др. Например, расчёт с подрядчиком Колобовым за постройку казарменных зданий не произведен в срок. Причину этого послужили разногласия между управою и подрядчиком о размере причитающейся суммы. «По расчету управы эта сумма определялась в 84834 р. 87 коп., за уплатою 79290 руб., причиталось выдать ему еще 5544 р. 87 коп. Между тем подрядчик исчислял причитающуюся ему, сверх уже полученных 79 тыс. руб., сумму в 15964 р. 27 коп.» [6]. Городская дума заказала подряд Колобову на постройку, в ходе этого взаимодействия возникла конфликтная ситуация из-за невыплаты денег за работу. Этот ресурсный конфликт дошел до судебных разбирательств, в котором судебная палата все-таки частично удовлетворила иск Колобова. Дума поручила управе уплатить сумму Колобову незамедлительно из запасного капитала. Эта конфликтная ситуация способствовала совершенствованию работы городских органов самоуправления.

Были конфликты, которые не решались после подачи первой жалобы. Горожанам приходилось несколько раз обращаться к управе. «Адресующий в Москательном ряду городской лавки, торговец Кудряшов обратился в городскую управу с жалобой, в которой объясняет, что ни мостовая, ни двор при лавках не убираются городским обозом, хотя это и лежит на его обязанности. Кроме того, Кудряшов обращает внимание управы на то, что в арендуемом им помещении под лавку, один из сводов дал трещину и грозит падением, что представляет опасность для жизни бывающих в лавке людей» [2]. Об этой проблеме торговец заявлял ни один раз и до настоящего времени ничего не было предпринято. В результате управа поручила архитектору осмотреть лавку Кудряшова и отремонтировать. Этот конфликт оказал определенное воздействие на прием работы городской управы и способствовал развитию торговой деятельности Кудряшова.

Одной из проявлений назревания конфликта были ходатайства. В газете «Казанский телеграф» немало зафиксировано ходатайств, которые рассматривались органами городского управления. Ходатайство по словарию Д.Н. Ушакова – это просьба, представление о чем-нибудь, с целью добиться чего-нибудь, выхлопотать что-нибудь [7, с.552]. Такими просьбами горожане, служащие пытались выразить свое противоречие, требуя улучшения жизненных условий. Проанализировав ходатайства горожан в Казанской губернии можно сказать о том, что они касались работы, образования, экологии и общественной деятельности. Например, по ходатайству служащих по пароходству и судоходству на реках волжского бассейна возбудили следующие вопросы:

- 1) о распространении на них государственного страхования;
- 2) о собрании особого совещания, в котором служащие могли бы высказывать свои нужды и потребности;
- 3) о допущении делегатов судорабочих и служащих по судоходству в комиссии и совещания,

которые будут рассматривать или разрабатывать те или иные мероприятия по рабочему вопросу [10].

Ходатайство Казанского комитета профессоров о пособии на организацию высших женских курсов в Казани обсуждалось Саратовской училищной комиссией. Годом ранее это ходатайство было отклонено городской управой. «Потребность в высших женских курсах очень велика, так как до 1000 девушек ежегодно остаются за стенами высшей школы. Трудность борьбы за существование в таких городах как Санкт-Петербург и Москва, пугает их и удерживает от поступления в высшие учебные заведения. Поэтому идею утверждения таких курсов в Казани следовало бы приветствовать, и городское самоуправление должно идти на встречу такому начинанию» [9]. Продолжительными прениями устанавливается крайняя потребность в открытии в Казани женских курсов, и комиссия предложила думе дать обязательство по открытию их и ежегодно ассигновывать на их содержание по 1000 рублей. Это ходатайство было направлено на привлечение внимания к проблемам женского образования. Так как комитет профессоров считает важным этапом открытие женских курсов для развития образования в провинциальном городе.

В ходатайстве военного ведомства комитет по постройке дома главнокомандующего войсками округа, сообщив управе, что «А.И. Косич выразил желание, чтобы освещение Грузинской улицы электрическими фонарями было продолжено до вновь построенного дома, просить до исполнения этого пожелания» [8]. Обсудив просьбу комитета, городская дума решила продолжить уличную электрическую осветительную сеть до военного госпиталя, для чего поставить шесть новых электрических фонарей.

Надо отметить, что большинство ходатайств имели положительный результат. Но были случаи отказа в просьбах, например отклоненным ходатайством было отказ городской санитарной комиссии, которая просила через начальника губернии об отпуске из средств казначейства за недостатком средств у города 366000 рублей на устройство помещений для холерных больных и на осуществление работ по улучшению санитарного состояния города, как меры борьбы с угрожающей эпидемией холеры. «Губернатор ответил городской управе, что он не находит возможным возбудить ходатайство комиссии об отпуске из казны просимой суммы, так как просимая сумма даже не представлена приблизительными сметами на работы, отсутствие у города денежных средств должно быть удостоверено постановлением городской думы с подробными данными о состоянии городской кассы» [4].

Представитель общества «газ и электричество» обратился в думу с ходатайством о разрешении производства земляных работ и прокладки труб по улицам города от электрической станции к р. Казанке, а в случае надобности за р. Казанку, для отвода зловонных, отработанных газов с осветительной станции. Дума отклонила это ходатайство [5].

Таким образом, в конце XIX – начале XX века в Казанской губернии реформа городского самоуправления стала отправной точкой возникновения социальных конфликтов среди горожан с органами городского самоуправления. Свои интересы горожане выражали в жалобах, требованиях, ходатайствах. Большинство конфликтов носили ресурсный характер, т.е. основой противоречий были материальные средства, либо средства производства. Ходатайства стали формой выражения потребностей горожан, которые способствовали улучшению социальных институтов в провинции. Многие требования не принимались во внимание со стороны органов самоуправления. Однако желание и потребности горожан вынуждали идти на уступки им. Положительный результат конфликтных противоречий приводил к совершенствованию условий проживания городского населения.

Список литературы

1. Городовое положение 1870 года // Орлов А.С. и др. Хрестоматия по истории России. – М.: Проспект, 2007. – С.297-299.
2. Жалоба арендатора городской лавки // Казанский телеграф. – 1905. – 30 апреля.
3. Краткий словарь по социологии / Авт.-сост. П.Д. Павленок – 2-е изд. – М.: Инфра-М, 2015. – 254 с.
4. Отказ в ходатайстве городской санитарной комиссии // Казанский телеграф. – 1905. – 10 апреля.
5. Отклоненные ходатайства // Казанский телеграф. – 1905. – 29 апреля.
6. Расчет с подрядчиком // Казанский телеграф. – 1905. – 8 апреля.
7. Толковый словарь русского языка: В 3т. – Т.3. Р-Я / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Вече, Мир книги – 672 с.
8. Ходатайство военного ведомства // Казанский телеграф. – 1905. – 24 марта.
9. Ходатайство Казанского комитета профессоров о пособии на организацию высших женских курсов в Казани // Казанский телеграф. – 1905. – 17 марта.
10. Ходатайство служащих судоходства // Казанский телеграф. – 1905. – 8 марта.

Раздел 2. Литературный и филологический аспект исследования российской провинции: проблематика, образы, язык и стили писателей

АВТОБИОГРАФИЗМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.А. ДУРОВОЙ

О.А. Айкашева

ЕГИА и ХМЗ, г. Елабуга

Аннотация: В статье проводится параллель между произведениями Н.А. Дуровой и ее автобиографией. Целью исследования литературного наследия кавалерист-девицы стала необходимость раскрыть причины ее необычных поступков и дать им объяснение, опираясь на ее творчество – через эмоции, чувства и внутренние переживания героев ее произведений. Анализ писательских пристрастий Н.А. Дуровой позволяет глубже понять эту загадочную личность.

Ключевые слова: автобиография, «Записки кавалерист-девицы», «Клад», «Игра судьбы, или Противозаконная любовь», офицеры, женщина, конь, юноша, загадочные поступки, семейные истории.

AUTOBIOGRAPHISM IN N.DUROVA'S CREATIVE WRITING

О.А. Aikasheva

Abstract: The article draws a parallel between N. Durova's works and her autobiography. The aim of the study of the Cavalry Maiden's literary heritage is the need to uncover the reasons of her unusual behavior and explain them with due regard to her creative work – through the literary characters' emotions, feelings and inner experiences. The analysis of N. Durova's literary addictions allows getting a deeper understanding her mysterious personality.

Keywords: autobiography, «The Cavalry Maiden's Notes», «The Treasure», «Game of Destiny, or Illegal Love», officers, woman, horse, youth, mysterious behavior, family stories.

Писательская биография Надежды Андреевны Дуровой довольно короткая, но плодотворная. За пять лет ею были опубликованы десять повестей и роман. Неслыханную популярность писательнице принесли ее «Записки кавалерист-девицы», в которых описана вся жизнь автора. Считать это произведение в полной степени мемуарным не позволяет наличие в нем вымышленных элементов и отсутствие некоторых важных фактов из биографии, но именно благодаря ему читатели рисуют полную картину жизни Дуровой, тем более автор сама за подробностями своей жизни рекомендует обращаться именно к «Запискам»: «О биографии моей вы можете выправиться в моих Записках. В них подробно описана вся моя жизнь с самого рождения» [5, с. 22]. Во всех произведениях Надежда Андреевна ведет повествование от первоисточка – от «Кавалерист-девицы», таким образом, сохраняется единый образ автора-рассказчика. Везде Дурова поясняет, что записывает виденное или слышанное «без перемен», претендуя на достоверность написанного, что позволяет сделать вывод о том, что автор ничего не выдумывала и не сочиняла, а писала, опираясь на свой жизненный опыт. Исходя из этого, можно предположить, что герои произведений Дуровой выступают средством выражения ее эмоций и настроений, внутренних переживаний.

Конечно, в Надежды Андреевны творчестве нет ответов на вопросы, озвученные когда-то Пушкиным в предисловии к «Запискам» в журнале «Современник»: «Какие причины заставили молодую девушку, из хорошей дворянской фамилии, оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений – и каких еще? Наполеоновских! Что побудило ее? Тайные, семейные огорчения? Воспаленное воображение? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?.. Вот вопросы, ныне забытые, но которые в то время сильно занимали общество» [8, с. 54]. Анализ писательских пристрастий Н.А. Дуровой, возможно, позволит пролить свет на два ключевых вопроса, касающихся загадочных поступков женщины-легенды: что заставило женщину с маленьким сыном уйти от мужа? почему нельзя было остаться в доме родителей?

Для наблюдения остановимся на двух повестях Надежды Андреевны – «Игра судьбы, или Противозаконная любовь» и «Клад».

Первой попыткой создать литературное произведение, используя свой жизненный опыт, стала повесть «Игра судьбы, или Противозаконная любовь». Алла Бегунова, автор книги «Надежда Дурова», считает, что описанные здесь события имеют непосредственное отношение к истории замужества Надежды Андреевны [1, с. 51]. Героиня повести Елена Г*** была выдана родителями замуж за Лидина, любила супруга, терпеливо сносила его измены, попойки, даже пощечины. Лидин находился на статской службе, где отец Елены был чиновником. О его служебных обязанностях Дурова пишет: «Однако, что он мог еще и что было в его воле – это носиться вихрем по уезду на тройке коней вороных, но как он ездил теперь не для того, чтоб бросать деньги, а собирать их, то и прием ему был не так радушен, излишества всех родов, ослабляя крепость сил, сделали его ленивым и неспособным к той неусыпной деятельности, какой требовала его должность...» [1, с. 58]. Описывая характер Лидина, Дурова не жалеет черных

красок: «...он был собою молодец, довольно ловкий с дамами, довольно вежливый со старухами, довольно образованный, довольно сведущий по тамошнему месту, довольно буйный, довольно развратный... На Елену смотрел он равнодушно, любовь была для него чувством вымышленным, никогда ни малейший отголосок ее не отзывался в его чугунном сердце...» [1, с. 60]. Супружеские отношения Елены Г*** и Лидина прервались неожиданно, он уехал, как только получил отставку и написал, что не возвратится к ней во всю жизнь, чтоб она считала себя свободною и поступала, как хотела.

Василий Чернов, муж Дуровой, тоже находился на статской службе в Сарапуле [7, с. 126], где отец писательницы Андрей Дуров был городничим. Работа у Василия была хлопотная, связанная с разъездами по всему Сарапульскому уезду, об этих отлучках из дома Надежда Андреевна часто упоминает в повести. Семейная жизнь Надежды закончилась загадочно: 7 января 1803 года Василий Чернов присутствовал в Вознесенском Соборе при крещении сына Ивана, но в «Месяцеслове с росписью чиновных особ...» за 1803, 1804, 1805, 1806 годы среди чиновников Российской губернии его фамилии уже не значится [1, с. 59]. Если историю замужества Елены Г*** считать историей замужества самой писательницы, то брак Дуровой и Чернова разрушился стараниями супруга, это Василий Чернов оставил свою молодую жену с маленьким сыном и исчез из их жизни. Судьба этого человека пока остается неизвестной.

Определенный интерес для анализа представляет повесть «Клад». Это произведение буквально пронизано элементами автобиографизма и дает интересный материал для наблюдений.

«Клад» состоит из трех эпизодов, которые взаимосвязаны между собой – это истории молодых офицеров Лилло и Горгони, еврея Иохая и его жены Рахили и страшного разбойника Гамета. Рассматривая автобиографические моменты в повести, остановимся на истории двух офицеров и семейной истории Гамета.

Лило и Горгони – два доблестных офицера, которые вынуждены вести уединенный образ жизни из-за отличий от окружающих: Лилло обладал устрашающей внешностью, а Горгони – голосом, который невозможно было слушать без содрогания. В силу этих особенностей молодые офицеры не могли рассчитывать на нежные чувства со стороны прекрасных дам: «Да, мой Лилло! К довершению безотрадности нашего положения, мы еще только вступаем в тот возраст, для которого природа назначила все, что есть у нее восхитительного для наших чувств сердечных... нам только двадцать два года! И, увы! Ни ты, ни я не смеем отдаться приятному влечению, которое начинает уже оказывать власть свою над нашими сердцами!» [2, с. 232]. Наделив своих героев такими качествами, Дурова передает и свои личные переживания, ведь и ей пришлось жить уединенно, поклявшись царю сохранить тайну своего пола, она не имела права позволить себе сердечных увлечений, не могла устроить свою личную жизнь.

Яркий автобиографический момент в повести «Клад» связан с ранним детством Надежды Андреевны, когда она находилась на воспитании отцовского денщика и училась ездить верхом. Писательница в своем произведении описывает внучку Гамета, Зухру-Рахиль, которую сумасшедший разбойник принимает за внука и зовет Рашидом: «Теперь не было другого занятия старому татарину, как нянчиться со своею внучкою, которую он упорно звал Рашидом и наводил тьму хлопот Ревекке, требуя от нее игрушек и одежды, приличных мальчику. Пока девочка была мала, то над этим только что смеялись, но когда ей исполнилось десять лет и Гамет, не отпуская ее ни на минуту от себя, начал учить стрелять из лука, ездить на лошади, действовать рогатиной, кистенем, тогда Рашид встревожился...» [2, с. 288].

«К пятнадцати годам молодая Рахиль-Зухра сделалась славным наездником, имела вид и все приемы смелого воина и резвого юноши... Дикари приписывали юной Рахили-Зугре сходство с дедом, никак не думали, чтоб в словах их не заключалось самого лестного для нее приветствия...» [2, с. 288-289]. Дважды упоминает Дурова о коне юной наездницы – умном, верном благородном животном, который напоминает коня Алкида, спутника писательницы во время воинской службы. Одно упоминание связано с обучением девочки: «Гамет и Рахиль-Зугра летали вихрем по полям и горам на добрых конях, старый татарин учил молодую внуку всем наездническим правилам, знакомил с опасностями, заставлял скакать стремглав с крутой горы, прыгать через пропасти, к счастью, у Зугры-Рахили был дивный конь, украденный где-то черемисами нарочно для нее, а без этого юная татарка-жидовка заплатила бы головою за уроки сумасшедшего деда» [2, с. 288-289]. Другой эпизод связан с ранением Рахили-Зугры, когда она уже была атаманом шайки разбойников и ее принимали за мальчика: «...близ мальчика стоял конь его, он дыбился, крутил головою и яростно ржал, когда Лилло и Горгони хотели подойти к его хозяину. Офицеры приказали солдатам окружить и схватить коня, но тот так проворно бил задними и передними ногами и в то же время так ловко схватывал зубами то за плечо, то за голову смельчаков, хотевших взять его, что не один уже из них валялся на земле...» [2, с. 299].

Исследовательский интерес представляет собой метаморфоза, произошедшая с мальчиком Гаметом.

Юноша из обычной татарской семьи, его отец Рашид тоже человек обыкновенный, мать, не имевшая ничего заметного ни в дурную, ни в хорошую сторону, младший брат подобен многим, но Гамет резко отличался от прочих людей. Лицо суровое, голос повелительный, взгляд грозный и мрачный [2, с. 256]. Себя в детстве Дурова описывает как замкнутого ребенка с мрачным взглядом: «Беспрестанное угнетение свободы и строгость обращения матери, а иногда и жестокость, напечатлели на физиономии моей выражение страха и печали» [3, с. 12].

Чертами абсолютного бесстрашия наделяет Дурова Гамета: «В местах, где лес становился реже, виднеются небольшие деревни чуваш, черемис, они так же дики, как окружающая их природа, но только дикость их наводит страх на путника... и всякий, кого случай или надобность приводит на эту тропинку, завидев издали чернеющие хижины, спешит спуститься пониже, наклоняет голову, цепляется за ветки... Однако есть существо, которое проходит этими дикими местами не только смело, покойно, но и даже предпочитает их цивилизации, лугам, веселым полям, красивым рошам! И это существо – ребенок, не старше двенадцати лет!» [2, с. 256]. Себя в этом возрасте Дурова описывает такой же бесстрашной: «С каждым днем я делалась смелее и предприимчивее и, исключая гнева матери моей, ничего в свете не страшилась. Мне казалось весьма странным, что сверстницы мои боялись оставаться одни в темноте; я, напротив, была готова в глубокую полночь идти на кладбище, в лес, в пустой дом, в пещеру, в подземелье. Одним словом, не было места, куда б я не пошла ночью так же смело, как и днем; хотя мне так же, как и другим детям были рассказываемы повести о духах, мертвецах, леших, разбойниках и русалках, щекочущих людей насмерть, хотя я от всего сердца верила этому вздору, но нисколько, однако ж, ничего этого не боялась, напротив, я жаждала опасностей, желала бы быть окруженною ими, искала бы их, если б имела хотя малейшую свободу» [4, с. 42-43].

Причиной такого странного поведения было желание быть подальше от матери и от домочадцев. Дурова посвятила немало страниц в «Записках» своей матери, но нигде она не упоминает ее имени, нигде не рассказывает о своих чувствах, кроме страха перед гневом матушки, а устами мальчика Гамета писательница позволяет себе выразить горечь и обиды обделенного любовью ребенка: «А дома! Что я услышу? ... Что я услышу там, что увижу? Зайнуллу целуют! Зайнуллу ласкают! Мать говорит ему: Поди дружок Зайнуллочка, принеси мне в маленькое ведро немного воды»; «Мать ли это? Моя ли мать?» [2, с. 259]. В повести мать мальчиков – единственный персонаж без имени. Отношение простой крестьянки к младшему сыну объясняется характером Зайнуллы: «Зайнулла был ласков и игрив как котенок, он беспрестанно лънул к матери, целовал ее... Татарка смеялась и сама целовала добродушного и веселонравного ребенка» [2, с. 259]. Отношение своей матери к младшей сестре Надежда Андреевна объясняет внешностью девочки: «Мать моя имела для утешения своего другую дочь, точно уже прекрасную как Амур, в которой она, как говорится, души не слышала» [3, с. 7]. Сама писательница не раз упоминает, что ее внешность не соответствовала желаниям матери: «Это не сын, прекрасный как амур! Это дочь, и дочь богатырь! Я была необыкновенной величины, имела густые черные волосы и громко кричала» [4, с. 34]. «Мое рождение, пол, черты, наклонности – все было не то, чего хотела мать моя. Существование мое отравляло жизнь ее, а непрерывная досада испортила ее нрав» [4, с. 55].

Если о своих обидах на мать Дурова ни разу не упомянула в книгах, то Гамет болезненно реагирует на свое положение в семье: «Итак, я очень виноват! Меня нельзя ни любить, ни ласкать, ни называть сыном! Я всегда просто Гамет, и все это за то только, что у меня высокий рост, громкий голос, много силы, и что я не выюсь около них, как высеченный щенок, которого опять приласкали!» [2, с. 259]. Писательница оправдывает мать Гамета тем, что она простолюдинка, не думающая о тонкостях души ребенка: «Недальновидная мать часто сама подливала масла в огонь, хотя и без всякого умысла. И могла ли простая крестьянка понимать все эти тонкости, например действия обидного невнимания на самолюбие» [2, с. 257]. Мать Надежды Андреевны была дочерью богатых украинских помещиков и имела представление о воспитании детей, но целенаправленно занижала самооценку старшей дочери и задевала ее самолюбие: «Долго ли твердить тебе, что ты не имеешь права на самолюбие?.. красивая розовая лента не имеет ничего общего с тобою! ... она красива сама по себе и тебе ничего не придает!» [4, с. 64].

Результатом нелюбви матери стал уход из отцовского дома. Гамет становится разбойником, преступником, за голову которого назначена награда. Надежда Дурова вступает в ряды русской армии и принимает присягу, что тоже по сути являлось преступлением. Дурова понимала, что становится причиной бедствия матери и проклятием семьи: «...определено было мне оставить дом отцовский и начать совсем новый род жизни. В день семнадцатого сентября я проснулась до зари и села у окна дожидаться ее появления: может быть, это будет последняя, которую я увижу в стране родной! Что ждет меня в бурном свете! Не понесется ли вслед за мною проклятие матери и горечь отца? Будут ли они живы? Дождутся ли успехов гигантского замысла моего?» [4, с. 57-58]. И если Гамет переменил жизнь из-за того, что родители заплатили калым за любимую им девушку для Зайнуллы и тем самым лишили его счастья семейной жизни, то Дурова решила на такой шаг, как раз чтобы не возвращаться больше к семейным узам: «Так, я на воле! Свободна! Независима! Я взяла мне принадлежащее, мою свободу; свободу! Драгоценный дар неба, неотъемлемо принадлежащий каждому человеку!...» [4, с. 63].

Ответить на все вопросы, связанные с причинами поступков Надежды Андреевны, невозможно, но ее литературное наследие позволяет составить более точный психологический портрет женщины, выступавшей в чуждой ей от природы сфере бытия, но оставшейся в душе женственной и романтической натурой.

Список литературы

1. Бегунова А.И. Надежда Дурова. – М.: Вече, 2011. – 432 с.

2. Дурова Н.А. Избранные сочинения. – Елабуга, 2013. – 480 с.
3. Дурова Н. Записки кавалерист-девицы. – Казань, 1960. – 204 с.
4. Дурова Н.А. Избранное. – М.: Советская Россия, 1984. – 440 с.
5. Дурова Н.А. Автобиография. Переписка // Письмо В.Н. Мамышеву. – Елабуга, 1996. – 24 с.
6. Избранные сочинения кавалерист-девицы. – М.: Московский рабочий, 1983. – 479 с.
7. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1802-е. – СПб. – 285 с.
8. Пушкин А.С. Предисловие издателя к запискам кавалерист-девицы // Современник. – 1836. – Т. 2.

ЭМОТИВНАЯ ПОЛЯРНОСТЬ В ПОЭМЕ Д. И. СТАХЕЕВА

«НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ»

Г.Н. Божкова

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

И.Г. Шабалина

СОШ №10, г. Елабуга

Аннотация: На рубеже XX - XXI веков особое развитие получило психологическое литературоведение, предметом изучения которого являются эмоции человека и их отражение в художественных текстах. Внутренний мир литературных героев, их эмоциональные переживания находятся в фокусе внимания многих учёных, они способны более полно раскрыть художественный образ. Именно анализ эмоций персонажей в прозе Д. И. Стахеева позволяет подметить важные стороны их характера: «центробежные» и «центростремительные» силы, пугающую поспешность в добре и зле, круговорот моментального самоотрицания и саморазрушения.

Ключевые слова: поэма, эмотивная полярность, психологизм, жест, герой, сюжетная схема.

EMOTIV POLARITY POEM D. STACHEEV «NOW DISMIS»

G. Bozhkova

I. Shabalina

Abstract: At the turn of XX XXI centuries particular development has been the psychological literature, which studies human emotions and their reflection in literary texts. The inner world of literary characters, their emotional experiences are the focus of attention of many scientists, they are able to more fully reveal the artistic image. It is the analysis of emotions the characters in prose D.I. Staheeva allows you to notice important aspects of their character, "centrifugal" and "centripetal" force frightening haste in good and evil cycle of instant self-denial and self-destruction.

Keywords: poem, emotive polarity, psychology, gesture, character, plot scheme

Исследования литературоведческого анализа эмоций проводятся на стыке таких наук, в центре внимания которых находится человек (психология, философия, лингвистика), поскольку именно эмоции определяют сложный и полный противоречий внутренний мир человека. Эмотивная полярность (совмещение полярных эмоций в пределах одного микротекста) в литературоведении малоизученна. В художественном тексте выделяют два способа передачи эмоций. О карпалистическом (жестовом) размышляет Юрий Цивьян в монографии «На подступах к карпалистике: движение и жест в литературе, искусстве, кино» (2010). Автор утверждает, что все эмоции как в жизни, так и в кино, литературе человек способен выражать жестами. С этой точки зрения интересен словарь С. А. Григорьевой, Н. В. Григорьева и Г. Е. Крейдлин [1]. Филологи убеждены в том, что жесты, мимика и позы - это части единой жестовой и эмоциональной системы. Жестовые вокабулы - невербальные единицы, имеющие одинаковые формы, позволяют раскрыть внутренний мир литературного героя и отличаются от физиологических движений человека. В словаре предлагается следующая классификация, которую мы намерены использовать. Жест, по мнению С. А. Григорьевой, Н. В. Григорьева, можно разделить на несколько групп: коммуникативные – стимулирующие речевой акт (жестикаляция, заикание, вызванное волнением, похлопывание, поглаживание и прочие). Они в свою очередь делятся на указательные, дейктические: показывать пальцем, глазами, движением головы, манить; этикетные: рукопожатие, поцелуй, помахивание рукой при прощании; самый большой подкласс коммуникативных жестов ситуативно-нейтральные: склонить голову, приложить палец к щеке, губам и прочие. Ко второй группе относятся симптоматические жесты, которые непосредственно раскрывают внутреннее состояние героев: сжать губы, кусать губы, барабанить пальцами по столу. Однако любое движение в основе своей физиологично и очень часто становится своеобразной реакцией на высказывание, поэтому симптоматические жесты занимают промежуточное место между физиологическими и коммуникативными, однако нельзя не

заметить, что важнейшую роль играет сила эмоций.

Б.С. Михайличенко в монографии «Проблемы литературоведения: теория литературы» разделяет жесты на решительные, энергичные, выразительные и трусливые, флегматичные, бесцветные. Стоит отметить и указания на простейшие жесты «линейные», а так же «кинетические», приводящие в движение [3, с. 86].

Эмоциональное переживание может быть репрезентировано в языке и речи литературного героя или рассказчика, повествователя, автора. А. Б. Есин в своей монографии «Принципы и приёмы анализа литературного произведения» [2] называет такой вид психологизма, способный сообщить читателю о мыслях и чувствах персонажа с помощью предельно краткого обозначения тех процессов, которые протекают внутри, суммарно-обозначающим.

Интересным становится тот факт, что в творчестве елабужского писателя Дмитрия Ивановича Стахеева центральным становится именно внутренний конфликт, который способен раскрыть сложную амбивалентную личность главных героев произведений. Типологической особенностью творчества Стахеева является точный хронотоп, традиционно изображающий провинциальный город и героя-купца, думающего не только о преумножении собственных благ, а предприимчивого человека, способного на духовное преображение: «Стал он думать, для чего, мол, так живём / Копим деньги, тело нежим, спим, да пьём. / А кругом нас старость, бедность, сироты, / Перечесть нельзя бездомной нищеты. / <...> / Для чего же пострадал за мир Христос? / И прияли ль мы духовно от Него / Святость высшую учения Его? / «Возлюби, - сказал – мой крест и скорбь возьми, - / В бедном, нищем ты Меня в свой дом прими». / «Что ж мы приняли?» - он спрашивал себя - / И вздыхал, и плакал, тягостно скорбя» [4, с. 224]. Такие вопросы всё чаще и чаще стал задавать себе богатый купец Панфил Кузьмич – герой поэмы «Ныне отпускаеши», чья жизнь разделилась на две контрастные части, виной чему стал магический случай: встреча морозной ночью со старушкой, которая, замерзая, просила помощи, но её мольба была проигнорирована преуспевающим предпринимателем. Однако именно эта героиня сумела пробудить то духовное, которое присутствует в героях Стахеева зрелого творческого периода. Бесспорный интерес вызывает психологический портрет Панфила Кузьмича, поскольку внешним данным писатель не уделяет должного внимания «<...> крепок и мясист, / Лёгкок на ногу и на слово речист» [4, с. 214]. В первой смысловой части поэмы перед читателем герой-хищник, ведущий хлебный торг, имеющий «особняк в два этажа»: «В доме – роскошь, зеркала, ковры, цветы / <...> / Мебель крупная, всё яшень да орех. / <...> / Кони жирны, запрягут их, что твой дом, / Пар валит от них по улице столбом» [4, с. 215]. Именно суммарно-обозначающий вид психологического изображения позволяет как нельзя лучше создать портрет главного героя. Вербальное обозначение характера демонстрирует чёткую авторскую позицию. Д. И. Стахеев сравнивает героя в начале и в финале произведения. В развитии действия Тарасов Панфил Кузьмич - «строг», «крут», «скуп». Жесты его решительные, энергичные, симптоматичные: «Размахнётся так иной раз, что – беда! / кулачище – страсть! Как двинет, замолчишь», «гневный взгляд». Совершенно не случайно автор обращает внимание на кулак - «кулачище» - знак силы, власти, «самодурства», зажиточности и безнаказанности. Однако даже в начале поэмы внимательный читатель не сможет не заметить эмотивную полярность данного героя, поскольку удалая бесшабашность легко сменялась «тяжёлыми думами», «скорбью души», «покачивал уныло головой», «мрачен», «уныл». Интересны внутренние монологи, которые появляются в моменты духовного возрождения: «И скорбит душой, неведомо о чём. Вот, мол, люди едут и идут, / А подумаешь – зачем они живут? / Суетятся все, хлопчут <...> а потом - / Старость, смерть <...> А душа? ...» [4, с. 216]. Однако до настоящего возрождения ещё далеко, и процесс этот слишком сложен, ведь обновление, о котором часто пишет писатель-реалист в своей прозе (романы «Наследники», «Духа не угашайте», «Неугасающий свет», «Обновлённый храм»), это не внешние изменения, а длительная внутренняя работа, которая хорошо знакома Дмитрию Ивановичу: его отец перед смертью много думал о душе, трагил огромное состояние на благотворительность, да и сам писатель в предисловии к собранию сочинений пишет о том, что во многих его жизненных трагедиях виной стала греховность: женитьба без родительского благословения, стремление к славе, словословие. Герой поэмы после бесед с праведным старцем, лишённым страстных эмоций, «ветхим, с ясным ликом, со спокойным, кротким взглядом», убеждённым в том, что одного желания измениться недостаточно, необходимо помнить и о том, что от человеческого преобразования не должны страдать близкие и окружающие люди: уйти от мира – это значит причинить боль семье, которая останется без кормильца, опоры: «Не грехи, сын мой, семьи не искушай, / В нищету её и скорбь не обрекай. / Меркой вечности судить дела людей, может тот, кто отрешился от страстей, / Кто узрел душой тщету сует людских / И сподобился постигнуть бренность их ...» [с. 217]. Данная сцена психологически очень сильна: она напоминает борьбу дьявольского и божественного. Олицетворением чистоты, мудрости становится старец, его портрет полон гармонии: он не делает лишних движений, его жесты совершенно спокойны: «руки тощие» лежат на коленях или «руки протянул», «руку дряхлую к его руке склонил», желая успокоить дрожь больших рук купца. Автор в этой сцене использует коммуникативные, ситуативно-нейтральные жесты. Герой «ласково смотрит», у него тихий голос, он «тихо и задумчиво внимает». Эмотивная полярность заметна и в поведении Панфила Кузьмича, в котором очевидна страстная натура: «Овладесть собой купец не скоро мог, / От рыданий слёзных изнемог», «слёзы льются», «истомлён тоской», «измучен думой». Внутренние переживания и сомнения купца позволяют понять и

элементы косвенного и прямого психологизма – пейзаж, сон, «диалектика души». Силу духовной мёртвенности купца в развитии основного действия помогает увидеть зимний пейзаж, метель, переходящая в бурю сродни пушкинским «Бесам»: «Лют мороз в ту ночь над городом стоял, / Снежным вихрем ветер рвался и стонал. / <...> / В снежной буре тучный конь бежит, спешит» [4, с. 217]. В это же время видит Панфил Кузьмич кошмарные сны: старуха, замёрзшая, но живая с укором во взгляде является ему, и только появляется у героя желание лечь спать, как вновь является один и тот же образ. Момент прозрения ознаменовал сильный раскат грома «Жарким летом загремел гром, / С треском, с грохотом разносится кругом, / В тучах тёмных яркой молнией блеснит, / Грозным пламенем в поднебесии горит» [4, с. 228]. С тех пор принимает персонаж единственно верное решение: искупить грехи (чревоугодие, гордость, словословие и убийство). Изменяется не только внешность, но и помыслы, ключом к познанию которых становится сон, в котором купец уже не проходит мимо народной беды, а ценою собственной жизни пытается спасти детей, стариков. Эта сцена очень близка каторжному сну Дмитрия Карамазова (Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы»), который видит женщин-погорелиц и не может слышать голодного детского плача, хотя совсем недавно помышлял об отцеубийстве. Панфилу Кузьмичу снится лодка, наполненная плачущими людьми, просящими помощи, поскольку вода начала уже проникать внутрь судна. Именно после данного видения герой поэмы убеждён, что цель его жизни помочь страдающим и стать частью общего. Тарасов отправляется добровольцем на войну и работает при лазарете, извлекая раненых из-под завалов, не боясь ран и инфекций. В развязке перед читателем не «купец», «кулак», «Панфил Кузьмич», «делец», «батюшка», страстная личность, а Божий ратник, пожертвовавший собой ради блага десятка людей «... мирно вечным сном заснул. / Совершилось. День угаснул, и заря / Разлилась по небу, пламенем горя» [4, с. 237]. Близок последний закатный пейзаж жизни упокоившегося героя поэмы. Звучит мотив христианского прозрения и искупления.

Итак, перед читателем произведение зрелого писателя с архаико-мифологической сюжетной схемой, смысловым ядром которой стал миф о великом грешнике. Композиция поэмы «Ныне отпускаеши» соответствует богословской триаде: «грех – покаяние – спасение», встречающейся во многих произведениях Д. И. Стахеева (романах «Неугасающий свет», «Духа не угашайте», «Обновлённый храм» и прочие). Однако поиски покаяния приводят героев елабужского писателя не только в монастырь, но и в нигилизм, в сражения за чужую волю, на войну. Новаторством проанализированного произведения становится исторический фон. В прозе Д. И. Стахеева не встречалось изображения военных сцен, данная поэма является новаторской. Любую войну Дмитрий Иванович Стахеев, подобно Л. Н. Толстому, считает порочным братоубийством, преступлением против духа, поэтому так силён бичующий реализм писателя в развязке: «Свищут пули, слышен страшный пушек гром. / Дым, и крик, и стон, и скорби – ад кругом. / <...> / Гибли люди, шёл на брата брат с мечём / Хлеб губил в полях, дома сжигал огнём» [4, с. 236]. Только пройдя через очищающий огонь, Тарасов П. К. понял истинный смысл человеческого существования, который прост и сложен одновременно - это неустанный духовный и физический труд, работа над собой, умение пожертвовать жизнью ради блага многих. Однако Стахеев убеждён, что именно земная человеческая жизнь простого маленького человека достойна истинного внимания, и в этом произведении он в очередной раз верен своим принципам, помещая в центр повествования жизнь обычного купца, сумевшего стать Великим и величие его в умении воскресить самого себя, «пройти» через грех, помочь людям и очиститься. Движения героя в финале тихие, спокойные, как у старца-праведника: «помогает», «тихо смотрит»: «Битва длилась. Раздавался пушек гул, / Божий ратник мирно тихим сном заснул» [4, с. 237]. Эмотивная полярность в данном произведении выполняет несколько важных функций:

1. Психологическую, позволяющую увидеть духовный мир героев, их жизненные предпочтения;
2. Сюжетообразующую, способствующую развитию конфликта и созданию сложного многомерного образа.

Герой произведения – личность чрезвычайно широкого диапазона, способная выдержать переход от тяжелейших нравственных падений к праведничеству и даже святости. Последнее условие часто встречается в представлениях русских писателей XIX века о национальном характере с его «широтой». «Великий грешник» стал в культурной традиции подлинным радетелем за несовершенное людское сообщество, важнейшим типом русского человека.

Список литературы

1. Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. - Москва-Вена: Языки русской культуры; Венский славянский альманах, 2001. - 256 с.
2. Есин А.Б. Принципы и приёмы анализа литературного произведения. - М.: Флинта: Наука, 2010. - 248 с.
3. Михайличенко Б.С. Проблемы литературоведения: теория литературы. Монография. - Самарканд: СамГУ, 2009. - 182 с.
4. Стахеев Д.И. Благоприобретение. Избранные сочинение. – Елабуга, 1999. – 240 с.

ОБРАЗ ОДАРЁННОЙ ЛИЧНОСТИ В ПОВЕСТИ Д.И. СТАХЕЕВА

"ПУСТЫННОЖИТЕЛЬ"

Г.Н. Божкова, Е.М. Матвеева

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Сердце – вот истинный рычаг всего великого.

Л. Бетховен

Аннотация: Надолго в литературоведении было забыто имя талантливого русского писателя и поэта Дмитрия Ивановича Стахеева. Современник Дмитрия Ивановича, известный литератор В. Русаков писал об этом явлении так: «... Я всё больше и больше прихожу к заключению, что Стахеев далеко не оценён по достоинству и что непременно должно прийти время этой оценки...». Время пришло, но вновь заговорили о творчестве писателя лишь в конце XX века, когда были переизданы некоторые художественные тексты Стахеева учёным Н.М. Валеевым, было проведено целостное исследование жизни, личности и писательской деятельности литератора. Однако многие произведения (повести, поэмы, лирика, романы) ещё недостаточно изучены. В данной статье мы обратились к анализу ранней повести Д.И. Стахеева «Пустынножитель», что позволило нам прийти к выводу: героем творческого наследия Дмитрия Ивановича становится не только предприимчивый купец или дворянин, но и человек особенный, одарённый. Николай Александрович Климентов имеет все признаки одарённой личности.

Ключевые слова: конфликт, духовно-нравственная одарённость, гениальная личность, монолог, художественные детали.

THE IMAGE OF THE GIFTED PERSON IN THE D.I. STACHEEV'S STORY

"THE DESERT"

G.N. Bozhkova

E.M. Matveeva

Abstract: For a long time in literary forgotten the name of the talented Russian writer and poet Dmitri Ivanovich Staheev. Contemporary Dmitry Ivanovich, a famous writer Rusakov wrote about this phenomenon so: "... I am more and more come to the conclusion that Stakheev priced is not appreciated and that is sure to come during this assessment ...". The time has come, but once again talking about the writer until the end of the XX century, when they were reprinted some literary Staheev's texts scientist NM Valeev, was conducted a holistic study of the life, personality and literary activity of the writer. However, many works (novels, poems, poetry) is still poorly understood. In this article, we turned for test of the early DI Staheev's novel "The Desert", which allowed us to come to a conclusion: the hero of the creative legacy of Dmitri Ivanovich is not only an enterprising merchant or a noble, but the man is special, gifted. Nikolai Klimentov has all the signs of a gifted person.

Keywords: conflict, spiritual and moral endowments, brilliant personality, a monologue, artistic details.

В произведениях Д.И. Стахеева вдумчивый читатель не найдёт глобальных исторических событий, глубоких трагических конфликтов. Писателя больше интересует внутреннее пространство человека. Литератор был верен идее того, что «потрясающие события» - меньшее испытание для человеческих отношений, чем будни с мелкими неудовольствиями [7, с. 12]. Именно поэтому Д.И. Стахеев не создаёт масштабных героев, подобных Раскольникову, Базарову. Стахеевский герой – провинциальный человек, купец, мелкий чиновник, желающий приумножить своё духовное богатство, это человек не только деятельный, но и одарённый.

В 1891 году выходят избранные произведения Д.И. Стахеева, среди которых и повесть «Пустынножитель», где психологически точно писатель создал образ главного героя – Николая Александровича Климентова. Персонаж этот интересен нам своей духовно-нравственной одарённостью. Примечательно, что прототипом образа Николая Климентова стал друг Д.И. Стахеева, известный литературный критик XIX века Николай Николаевич Страхов. Восемнадцать лет писатель прожил со Страховым в одной квартире, это событие не могло не отразиться на творчестве Стахеева. В своём произведении «Группы и портреты» он пишет: «Предлагаемые листочки заключают в себе, между прочим, воспоминания о Н.Н. Страхове, о многолетнем сожительстве с которым я намеревался написать больше и подробнее... Намерения своего я, однако, не мог выполнить, и именно потому, что в рассказе «Пустынножитель» Страхов был уже мною описан, хотя и без означения его фамилии» [4, с. 132].

Термин «духовно-нравственная одарённость» принадлежит российскому учёному, доктору педагогических наук Ф.Н. Козыреву, который понимает под данным понятием «кротость, чистоту помыслов, глубину суждений и крепкие духовно-нравственные позиции, преобладающие в человеке» [1]. Впервые о наличии у гениальной, одарённой личности духовного богатства заговорил французский

просветитель XVIII века Жан-Батист Дюбо. В своём труде «Критические размышления о поэзии и живописи» он посвящает проблеме одарённости целую главу и приходит к выводу, что «гениальная личность идеальна, возвышена, отличается «благородными сердечными чувствами», обладает «дальновидностью» и умением оценить собственный интеллектуальный потенциал» [3, с. 277]. Качества, перечисленные Ф.Н. Козыревым и Ж. Дюбо, присущи личности главного героя повести «Пустынножитель».

Уникальность образа персонажа очевидна уже в портрете. Автор не использовал подробных описаний внешнего вида Климентова в повести, предпочитая лейтмотивный способ введения портретных характеристик в текст, что позволяет читателю сосредоточиться на деталях, раскрывающих образ героя. Так, главной особенностью Николая Климентова является его *улыбчивость*: с приходом гостей «... на тощем лице его появлялась улыбка» [6, с. 191]. Более того, «все знакомые, родные и близкие иначе не могли его представить себе, как улыбающимся, ласковым, с открытым выражением лица» [6, с. 203]. Даже перед смертью «...скользнула по исхудалому лицу Николая Александровича лёгкая улыбка...» [6, с. 251]. Климентов никогда не бывал груб с людьми, к трудностям относился с житейской мудростью и спокойствием. Вспоминая неудачи, которые не раз встречались на жизненном пути, герой высказывает одну из важнейших мыслей произведения: «Радуемся часто тому, над чем следует плакать, и плачем там, где под видимыми неудачами скрывается ожидающее нас благополучие» [6, с. 176].

Таким образом, можно утверждать, что улыбка – это отражение жизненной философии Николая Климентова. Эта художественная деталь сближает главного героя с прототипом – Николаем Николаевичем Страховым. В листочках воспоминаний «Группы и портреты» Стахеев пишет: «Страхова иначе нельзя себе и представить, как с улыбкой, и не только в то время, когда он хлорированный лежал под ножом оператора в Николаевском сухопутном госпитале, на лице его оставалось обычное добродушное выражение улыбки, но даже и тогда, когда он был разлучен со своими книгами и уложен в гроб, - на лице его сохранилась улыбка» [4, с. 92].

С большой любовью, тактом, нарисовал писатель характер удивительного человека Николая Климентова: «Он отличался необычайной осторожностью в своих суждениях и отзывах обо всём... и в этом случае представляя прямую противоположность тем недовольным людям, которые ни о чём иначе не отзываются, как с порицанием...» [6, с. 5]. Герой никогда никого не осуждал, снисходительно относился к людской грубости. Он всегда боялся обидеть кого бы то ни было своим словом. *Доброта и тактичность* Климентова распространялась на каждого человека, вне зависимости от социального статуса, поэтому даже прислуга его Прасковья Трофимовна не могла вспомнить ни единого грубого слова в её адрес.

Не чуждо герою *чувство милосердия*. Автором описан случай, когда квартиру Климентова стали одолевать мыши. Хозяйственная Прасковья Трофимовна предложила действенный способ – отравить их приманкой с мышьяком, но Николай Александрович ответил однозначным отказом. Рассуждения по этому поводу читатель находит в монологе героя: «Ну вот ещё! Выдумали! Как можно, - сейчас и смертная казнь! За что же? Нет, нет. Лучше их к изгнанию присудить. Маленькую такую мышеловочку... И когда вы заарестуете зверька, тотчас же его вон из квартиры; прямо на улицу, отправляйся, мол, голубчик, куда знаешь, здесь нет тебе приюта» [6, с. 190].

Николай Александрович показан автором как любящий и *заботливый* родственник. Он долгое время полностью обеспечивал пропоицу-брата: платил за квартиру, выплачивал долги, устраивал на работу. Герой настолько любил своего брата, что не мог даже помыслить о том, чтобы сетовать на судьбу за преподносимые трудности. Когда же брат умер, он сильно страдал и упрекал себя за то, что был к нему «мало снисходителен». Занявшись организацией похорон родного человека, Николай Климентов столкнулся с жестокой жизненной реальностью: церковные поборы, небрежное отношение служителей к своим обязанностям, равнодушие людей к чужому горю. Эти обстоятельства надолго поселили в его душе боль и обиду. Рассуждая о человеческих грехах и жизненной несправедливости, он говорит: «Обидно это <...> - невозможно восстановить равенства между людьми, не только пока они живы, но даже и между мёртвыми...» [6, с.207]. Это *неприятие несправедливости и равнодушия* подчёркивает чистоту души главного героя.

Обладание невероятной духовной мощью позволяло Климентову оставаться один на один со своими переживаниями. Герой *никогда не жаловался на жизнь*, считая, что не имеет права перекладывать свой душевный груз на чужие плечи. Единственными свидетелями его терзаний были книги и Прасковья Трофимовна, которые «могли видеть его скорбь во всей её неподдельной искренности» [6, с. 206]. Именно книги стали настоящими, преданными безмолвными друзьями героя. Климентов начитан, его жизнь не имела бы смысла без книг, поэтому дом персонажа напоминал книжный шкаф. Материальные средства нужны Николаю Александровичу для покупки новых книг, даже если денег не хватало, он копил их месяцами и покупал заинтересовавшее его издание. Герой никогда не страдал от одиночества, более того, никогда и не чувствовал себя одиноким, потому что всё свободное время читал, анализировал прочитанное и пытался создать собственные произведения. Нельзя не заметить того факта, что подобная жизнь – это своеобразное бегство от социальной действительности. Климентов не такой, как все: ему не нужны почести, лесть, карьерный рост, он, подобно Обломову, герою романа И.А. Гончарова, далёк от интересов практической жизни, тяготеет её запросами. Однако

Николай Александрович, уважающий уединение, не останавливается в духовном развитии, хотя в повести он не становится известным человеком. Климентов выбирает свой жизненный путь – делать добро другим.

Духовно-нравственная одарённость главного героя проявляется в его *отзывчивости*. Николай Александрович никогда не отказывал людям в помощи, хотя часто даже не знал их. Бросая все дела, он «оставлял свой тихий уголок и тащился куда-нибудь на Васильевский остров ... ходатайствовать за совершенно постороннего ему человека» [6, с. 202]. Думая о других, он зачастую забывал о себе.

Климентов отличает его *аскетичность*. Одевался скромно, не покупал лишнего, снимал скромную квартиру, в которой только два раза за всю жизнь делал ремонт. Единственной его страстью были книги, которые он приносил из книжных лавок стопками, хранил бережно и тщательным образом читал ежедневно. Отказ от повышения по службе характеризует Николая Александровича как человека, не зависящего от чужого мнения, положения в обществе и материальных благ. «Такая видная должность, извините, не соответствует моему характеру», - искренне признался Климентов своему начальнику, а тот, в свою очередь, явно позавидовал подчинённому, который был свободен, а потому счастлив.

В финале повести образ Климентова полностью раскрывается для читателя. Это человек *благодарный и благородный*. После его смерти в письменном столе было найдено завещание, «по которому все наличные деньги назначались Прасковье Трофимовне, «в благодарность за добрую службу», а книги – Императорскому Человеколюбивому обществу для раздачи денег от их продажи бедным» [6, с. 255].

Исходя из всего вышесказанного, мы можем сделать вывод: Николай Александрович Климентов обладает *духовно-нравственной одарённостью*. Д.И. Стахеев, создавая образ одарённой личности, использует портретные характеристики, художественные детали, монологи, внесюжетные элементы (воспоминания героя), показывает взаимоотношения героя с другими персонажами.

Важными особенностями одарённой личности в повести являются:

1. *Улыбчивость*, отражающая жизненную философию персонажа;
2. *Доброта и тактичность*, которые распространяются на всех людей, вне зависимости от их социального статуса и отношения к герою;
3. *Безвозмездная забота о близких*;
4. *Неприятие несправедливости и равнодушия*, которое подчёркивает чистоту души главного героя;
5. *Духовная мощь*, проявляющаяся в нежелании перекладывать свой душевный груз на других людей, а также принятии жизни такой, какая она есть, со всеми её трудностями и неудачами;
6. *Отзывчивость*;
7. *Аскетичность* при возможности жить богато;
8. *Благородство и умение быть благодарным*;
9. *Чувство милосердия*.

Список литературы

1. Андреева Е.Г. Духовно-нравственная одарённость и формирование ценностей у современных молодых людей [Электронный ресурс]: профессиональное интернет-издание // Андреева Е.Г. Электронные данные. – Санкт-Петербург: редакция «Психологической газеты», 2015. – режим доступа к газете: <http://psy.su/feed/4789/>
2. Грахова С.И., Божкова Г.Н. Д.И. Стахеев: Очерки творчества. – Елабуга: Изд-во ЕГПУ. – 80 с.
3. Дюбо Ж. Критические размышления о поэзии и живописи. – М.: Искусство, 1976. – 768 с.
4. Стахеев Д.И. Благоприобретение. Избранные сочинения. – Елабуга, 1999. – 240 с.
5. Стахеев Д.И. Духа не угашайте. Избранные произведения. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1992. – 417 с.
6. Стахеев Д.И. Пустынник. Избранные сочинения. – 309 с.
7. Хабибулина Г.Н. Духовная жизнь России в романах Д.И. Стахеева 1870-1890-х гг. [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. фил. наук (10.01.01). – Елабуга, 2007. – 177с.

ТЕМА РЕЛИГИИ В ПОЭЗИИ Е.А. ПОСПЕЛОВА

А.В. Быков

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: В данной статье проанализировано отношение лирического героя поэзии Е.А. Поспелова, современного провинциального елабужского поэта, к религии, Богу, бессмертию. Выявлено неоднозначно сложное отношение: от религиозности до атеизма.

Ключевые слова: религия, Бог, бессмертие, атеизм, вина, грех.

THE TOPIC OF RELIGION IN THE POETRY OF E.A. POSPELOV

A.V. Bykov

Abstract: This article analyzes the attitude of the lyrical hero of the poetry of E.A. Pospelov, modern Elabuga provincial poet, to religion, God, immortal. Identified ambiguously complex relationship: from religiosity to atheism.

Keywords: religion, God, immortal, atheism, guilt, sin.

Евгений Александрович Поспелов (1950 г.р.) – известный елабужский поэт, автор двух поэтических сборников: «Вполголоса» (2001) и «Крылатый ковчег» (2010). Лауреат Литературной премии имени Марины Цветаевой (2010). Е.А. Поспелов - провинциальный поэт, но только потому что он живёт в провинции, он настоящий поэт, наверно, лучший поэт среди елабужан, когда-либо писавших стихи. О его поэзии написано мало: несколько небольших статей в газетах Елабуги, в журнале «Аргамак» [1], одна научная статья [2].

Евгений Александрович – поэт мыслящий, и тема религии – это живая, важная тема его размышлений. Он (или, вернее, его лирический герой) пытается верить в Бога, ищет его. Бог ему нужен, как и всем, для защиты, опоры, спасения, Бог – это источник всего положительного, в него нужно верить, в него хочется верить.

– И к чему поминаешь ты Бога
Тут и там? – Потому что была
У души одинокой берлога,
Где она отдохнуть бы могла.
– Но ведь ты же не веруешь в чудо,
Ты воспитан всеильным умом...
– Есть в душе закоулки, откуда
Пахнет прихотью, чудом и сном.
– Но ведь это похоже на сказку –
Сны и прихоти... Бог-то причём?
– Не при чём. Просто хочется краски
Осветить самым светлым лучом.
Просто хочется каждое слово,
Что родилось в грехе и во тьме,
Проверять у поэта такого,
Над которым не властвует смерть...

(«И к чему поминаешь ты Бога», с. 247¹⁵).

В этом стихотворении утверждается необходимость веры в Бога, хотя она и похожа на веру в чудо, в сказку (но в этом нет противоречия).

Кроме того, Бог присутствует в поэзии Е.А. Поспелова как традиционный творец, управляющий судьбами мира и людей: он предназначает друг другу людей для любви («Мы богом друг для друга рождены», с. 155), наделяет людей талантами («От Бога каждому даётся», с. 245). Но всё же главная функция Бога – другая. После смерти человек попадает на суд Бога и ему воздаётся по заслугам. Это один из существенных мотивов поэзии Е.А. Поспелова:

Простятся прегрешения? Бог весть...
Оценят устремления? Быть может...
Но то, что мог, я сделал? Непохоже!..
К тому же и ответ держать не здесь.
Таинственных весов качнётся ось,
И станет ясно, что я только гость
В том лучшем из миров, где сердце билось. (...)

(«И чёрных дней моих не перечеть», с. 78)

В поэзии Е.А. Поспелова присутствуют ад и рай, в ней существенное значение имеет понятие «вина», а значит и ответственность перед высшими силами, и наказание – ад или просто укор Бога («за наши горы зла»), и награда - рай («И страшно, и легко», с. 233).

В общем всё вполне традиционно, совпадает с общими для всех традиционных религий представлениями. Лирическому герою Евгения Александровича знаком «веры дух» (с. 38). Он уважает религиозность простого народа – в стихотворении «Терпенья, Господи, терпенья» (с. 219) он даёт совет, «когда бессильно упование на суд и Высший, и земной»,

Перетерпеть, не стать уродом,
Полушутя не впасть во грех,
И в храм войти вслед за народом,

¹⁵ Все стихотворения Е.А. Поспелова цитируются по сборнику «Вполголоса», поэтому после названия стихотворения в статье указывается только номер страницы в этом сборнике.

И удержать, как кашель, смех.

Ведь «жить отрицанием прощя» (с. 218), отрицанием Бога и религии.

Но, конечно, всё гораздо сложнее, ибо лирический герой Евгения Александровича – человек мыслящий, поэтому то самое «более простое» отрицание частенько встречается в его поэзии. Ибо для него, помимо всего прочего, важнейшей ценностью является свобода и самостоятельность мышления:

Идя путём, который незнаком, (...)
Не страшно ей! Не киснуть же в болоте...
Для мысли есть единственный закон:
Пересекать запретный рубикон
И не дряхлеть со смертью чьей-то плоти.

(«Мысль не спохватится, когда летя в огонь», с. 82)

Так вот, пересекая «запретный рубикон», лирический герой Е.А. Поспелова нередко приходит к мысли, что истина заключается отнюдь не в религиозности и религии (ибо религия может быть поводом к войне, может быть лицемерна). Важнее религии - любовь (в широком смысле).

Стары как мир одни и те же боги,
Стоящие от жизни в стороне.
Мечети же, соборы, синагоги
Почти всегда участвуют в войне.
Но есть любовь, она неповторима (...),
Любовь бессильна объявить войну.

(«Дидактическая баллада о войне», с. 242)

Кто любит жизнь, тот не боится в ад сходить
И не кичится участью страдальца.
Ведь вера в жизнь не три молельных пальца,
А та ладонь, что хочет напоить.

(«Кто любит жизнь, тот не боится в ад сходить», с. 217)

Выясняется, что любовь к жизни в стихах Евгения Александровича часто оказывается ценнее, чем соблюдение заповедей, он даже (о, ужас!) готов оправдать грех, ибо не грешить, живя земной жизнью, невозможно. Безгрешен тот, кто не живёт: не любит, не испытывает страстей.

Пред небесами тот не виноват,
Кто на земле почти не существует. (...)
Любить кого-то, что-то – значит жить.
Но как, любя, притом не согрешить,
Не промотать с улыбкой дар бесценный?

(«Пред небесами тот не виноват», с. 71)

Так вот до какой ереси доводит свободомыслие! Да, лирический герой Е.А. Поспелова может быть и еретиком. С Богом он иной раз обращается весьма фривольно, почти запанибрата. Всевышний у него, «скрывая хрипловатость», поёт песенки его возлюбленной, пока та спит («До сотворенья мира ты жила», с.172), Бог раскаивается, что назвал грехом плотское проявление любви вне брака («Всё как у всех. Шептание и крик», с. 180) и т.д.

Бывают минуты, когда лирический герой поэта не верит в то, что Христос спас людей (а ведь он Бог-Спаситель), не верит, что спасение всё-таки состоялось:

Сотворённый Тобой и Тобой не спасённый,
Белый свет потемнел, будто мартовский снег.
И стоит на коленях почти обречённый,
Бесконечно всеильный, больной человек.

(«Как тогда, на Тебя уже не надеюсь», с. 25)

Творец бессилён что-то изменить,
Коль дух нам стал помехой и обузой...

(«Устали боги людям помогать», с. 44)

Бог, сотворивший мир, не в силах изменить его, не в силах уничтожить в нём зло, которое принёс человек. В стихотворении «Мне снился Бог уже немолодой» (с. 79) приводятся предполагаемые мысли Бога о том, что он бессилён, потому что находится не над этим миром, а внутри него, Бог - часть мира, созданного им же, он не управляет миром, а сам существует по его законам. Фактически Богу осталось лишь наблюдать достаточно плачевные результаты своего творения.

- Увы, на высший суд не претендую (даже так! – А.Б.)
Не мир во мне, а я в нём существую.
Не мне дать свет, не мне рассеять мрак.

Иной раз в стихах Евгения Александровича выражается мрачное, пессимистическое настроение. В стихотворении «К вопросу о вере» (с. 227) утверждается, что люди верят во всё, что угодно: и что Бог есть и что Бога нет. Но заканчивается всё весьма энергичной, эмоциональной фразой:

А раз всё так, и в то, что Богу
До нас давно и дела нет!!

Похоже, порой в это же начинает верить и сам лирический герой.

Но раз так, то зачем вообще нужен этот бессильный, бессмысленно существующий Бог? Так лирический герой Евгения Александровича приходит к атеизму:

Просыпается с дрожью душа,
Ищет Бога. Ан нет его, Бога.
Только посох карандаша
Да листа голубого дорога...

(«Просыпается с дрожью душа», с. 252)

Также порой он не верит в бессмертие души, а значит и в Высший суд, и в ад-рай. Этому посвящено прекрасное грустное стихотворение «Тост» (с. 228), напряжённость чувств в котором вполне сравнима с «Благодарностью» Лермонтова:

Я пью за тьму последнего приюта,
За растворимость полную души
В сырой земле, в безвестности, откуда
Не слышно ни святого, ни ханжи.
Я пью за этой жизни отторженье,
За право вдруг исчезнуть без следа,
За участь не оставить продолженье
Ни в чём, ни в ком, нигде и никогда.
За лёгкий нрав того, кто годы мерил
Восторгом безрассудности своей,
За смелость уповавших на бессмертье,
Которым бог не наделил людей.

Несомненно, что весь комплекс традиционных религиозных настроений и представлений остаётся важным и значимым в художественном мире Е.А. Поспелова и не отменяется стихотворениями с еретическим и атеистическим смыслом. Но и наоборот: еретическое свободомыслие не отменяется религиозностью. Оба эти комплекса мотивов существуют параллельно и равноправно, они совершенно адекватно описывают сложность внутреннего мира человека: в разные моменты жизни человек настроен по-разному, ощущает мир по-разному и верит в разное. То же самое мы можем наблюдать и у классиков русской поэзии: Лермонтова, Блока, Цветаевой и др. Среди людей вообще мало тех, кто твёрдо себя может отнести к верующим или атеистам: все мы то верим, то сомневаемся. И всё же можно сказать, к чему мы больше склонны, чего в нас больше – веры или сомнения. Лирический герой Евгения Александровича больше верит (или старается верить), мыслит в религиозной системе понятий и ценностей, но довольно часто и серьёзно сомневается во всём. Порой он не находит Бога, но самое главное его отличие от закоренелого атеиста – то, что он ищет Бога и страдает от того, что иногда не ощущает веры в него.

Я узнал немного о многом,
Песни пел и женщину любил,
Верил в разум и боролся с Богом,
Но его в себе не победил!..

(«Всё пройдёт», с. 261).

Список литературы

1. Алешков Н. Вслед за Петраркой и Шекспиром // Аргатак - Татарстан: литературный альманах. – 2010. – № 1 (3). – С. 132 -134.
2. Быков А.В. Россия в поэзии Е.А. Поспелова // Русский человек: сущность, своеобразие и перспективы развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Елабуга, 21-22 октября 2010 г. – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2010. – С. 29-32.
3. Поспелов Е.А. Вполголоса. – Казань: Рухият, 2001. – 272 с.

ОБРАЗ КУПЦА СЕРГЕЯ ПРИВАЛОВА В РОМАНЕ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

«ПРИВАЛОВСКИЕ МИЛЛИОНЫ»

И.Н. Вревкина

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

А.М. Борознова

ЦГБ им. Мусы Джалиля, г. Набережные Челны

Аннотация: В статье рассматривается образ главного героя романа «Приваловские миллионы», его идеи и поступки Сергея Привалова как представителя купеческого класса.

Ключевые слова: Д.Н. Мамин-Сибиряк, деловой человек, образ купца в русской литературе.

IMAGE OF THE MERCHANT SERGEY PRIVALOV IN THE NOVEL D.N. MAMIN-SIBIRYAK "PRIVALOVSKY MILLIONS"

I.N. Verevkina

A.M. Boroznova

Abstract: In article the image of the main character of the novel "Privalovsky Millions", idea and acts Sergey Privalov as representative of a merchant class is considered.

Keywords: D.N. Mamin-Sibiryak, the businessman, an image of the merchant in the Russian literature.

Принципиальная особенность реализма конца XIX века – переход обличительного начала, имеющего в русской литературе глубокую генеалогию, в новое качество. Писатели-реалисты стали показывать «испорченность жизни во всем: в крупном и в малом, в личном и общественном, в трагическом и комическом, в резких нарушениях нормального порядка вещей и в самой жизненной норме. Русский реализм 70-80-х годов XIX века исследовал эту проблему в философском ключе. Русский реализм не отвергал определяющего значения социальных обстоятельств, но в самом человеке он уже видел в первую очередь активную силу, таящую возможность самовоспитания и серьезного обратного воздействия на жизнь, а не результат воздействия среды.

Вступив в литературные круги в конце 70-х — начале 80-х годов, когда в России, в частности на Урале, в общественную жизнь активно вторгся капитализм, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк надолго сделал основной и ведущей темой своего творчества раскрытие глубоких социальных противоречий уральской жизни этого периода [1, с. 275].

Важнейшее место в произведениях Мамина-Сибиряка занимало требование правдивого изображения действительности. Он заявлял: «...придумывать жизнь нельзя, как нельзя довольствоваться фотографиями. За внешними абрисами, линиями и красками должны стоять живые люди, нужно их видеть именно живыми, чтобы писать». Мамин-Сибиряк считал недопустимым уход в мир вымысла, искажающего действительность. Писатель осознавал, что в творчестве необходимо опираться на объективную правду жизни, но при этом нельзя копировать натуралистичность действительности [1, с. 273].

Роман «Приваловские миллионы», замысел которого возник у писателя ещё в студенческие годы и на воплощение которого Мамин-Сибиряк потратил около десяти лет, рассказывает о становлении буржуазии в России XIX века, где автором художественно воссозданы яркие образы сибирских промышленников, переданы типологические черты «деловых людей» эпохи. Сюжет романа основан на реальных фактах из жизни промышленного Урала XIX века. В основу романа легла история разорения Сергинских заводов Губина.

В романе автор описывает жизнь уездного города Узел в Сибири, прототипом которого стал Екатеринбург.

К началу 80-х годов в России завершился промышленный переворот. Началось создание мощной экономической базы, проводилась модернизация промышленности, её организация на капиталистических началах. Период с 1892 года, когда министром финансов стал С.Ю. Витте, называют «золотым десятилетием» русской промышленности [3, с. 545-546]. В конце 80-х и 90-х годов XIX века коренным становится вопрос о том, по какому пути развития идти России: оставаться крестьянской страной или становиться на капиталистический путь развития.

Мамин-Сибиряк, хорошо чувствующий изменения в общественной жизни, верный реальной действительности, раскрывал в своих произведениях именно капиталистический путь развития России [5].

Исследователь творчества писателя А.В. Стариков отмечал поразительную глубину и художественную силу, с которыми изображаются в романе «Приваловские миллионы» буржуазные взаимоотношения: «Мамин-Сибиряк с самих первых шагов в литературе как бы поставил перед собой задачу показать Россию в ее движении по капиталистическому пути. Он сделал это первым. В этом его особая заслуга» [5].

Говоря о цели своего творчества Мамин-Сибиряк писал: «Моя цель самая честная: бросить искру света в окружающую тьму».

Сюжетной пружиной романа являются наследственные миллионы Сергея Привалова. Именно капитал является своеобразным рентгеновским лучом, раскрывающим сущность героев. Деньги в романе обладают магической силой, одни герои испытывают живительное влияние приваловских миллионов, другие – хорошо знают цену магическому слову «миллионы».

По своей структуре «Приваловские миллионы» примыкают к классическому русскому роману. Много места занимает в нём изображение судьбы главного героя Сергея Привалова, повторявшего, по словам автора, «раздвоенных» людей, у которых хорошие намерения и заветные мечты постоянно шли

вразрез с практикой. В этом обнаруживалась связь писателя с прогрессивными традициями реалистической русской литературы, которая раскрывала судьбы человека в связи с определённой социальной средой, порождающей подобные характеры [2, с. 72].

Сергей Привалов - натура сложная и противоречивая, с одной стороны, это поистине деловой человек, знающий и любящий своё мельничное дело, которое некоторые считали блажью: «А вот извольте сговориться с субъектом, у которого в голове засела мельница! Это настоящая болезнь, чёрт возьми» [4, с. 195]. С другой стороны, человек пытающийся изменить существующую систему, где капиталы одних строятся на тяжёлом и неблагодарном труде других.

Сергей Привалов потомок двух богатейших семей купеческого Урала сочетает в себе деловые качества Гуляевых и разгульную натуру Приваловых: «Да, он умнее, чем может показаться с первого раза. Но не заметили ли вы в нем, что намекало бы на бесхарактерность? Нерешительность во взгляде, бесцельные движения... Обратите внимание, Привалов – последняя отрасль Гуляевых и Приваловых, следовательно, в нем должны перемешаться родовые черты этих фамилий: предрасположение к мистицизму, наконец – самодурство и болезненная чувствительность. Привалов является вырождением, следовательно, в нем ярче и шире оставили свои следы наследственные пороки и недостатки, чем достоинства. Это закон природы, хотя известным образованием и выдержкой может быть прикрыто очень многое. Ведь вместе с своими миллионами Привалов получил еще большое наследство в лице того темного прошлого, какое стоит за его фамилией» [4, с. 144].

В Привалове борются два противоположных начала, но верх одерживает гуляевская кровь. Происходит это отчасти от того, что до пятнадцати лет Сергей воспитывается в семье Бахаревых, которые чтут раскольничьи традиции и старинный уклад жизни, унаследованный ими в доме Павла Гуляева.

В идейных исканиях Сергея Привалова находят отражение народнические идеи. Либеральное народничество проповедовало мирный путь социальных преобразований, теорию малых дел в сферах культурно-просветительской и народно-хозяйственной. Либеральные народники считали, что в России идёт только «игра в капитализм», поэтому ещё есть возможность его избежать, а для этого надо поддерживать общину, артели, то есть народное производство, покупать землю для крестьян у казны, помещиков, бороться за социальное равенство [3, с. 354-355]. Герой приходит к народничеству: любое дело его привлекает с точки зрения улучшения народной жизни: занимается ли он обретением прав на наследство, строительством мельницы для производства дешевой муки [6].

Несмотря на то, что Привалов сам являлся владельцем заводов, заводчиков он воспринимал как паразитов: «А что касается русского заводского дела, я — против него. Это болезненный нарост, который питается за счёт здоровых народных сил... Наша политика относительно заводов вместо развития промышленности создала целое поколение государственных нищих, которые, лёжа на неисчислимых сокровищах, едва могут пропитать себя милостыней. Результат получился как раз обратный: вместо развития горной промышленности мы загородили ей дорогу чудовищной монополией... Я должен в особенности выяснить положение своё собственное и других заводчиков. Мы живём паразитами» [4, с. 203].

Не интересуют Привалова и прибыли как средство обогащения, и те самые приваловские миллионы как воплощение социальной несправедливости: «Мне ничего не нужно вашего... решительно ничего. Меня давят ваши миллионы...» [4, с. 201].

Доходы ему нужны как средство для выплаты «исторического долга» народу и отчизне: «Земля башкирская, а заводы созданы крепостным трудом. Чтобы не обидеть тех и других, я должен отлично поставить заводы и тогда постепенно расплачиваться со своими историческими кредиторами. В какой форме устроится все это - я еще теперь не могу вам сказать, но только скажу одно, — именно, что ни одной копейки не возьму лично себе...» [4, с. 75].

В этих намерениях Привалова искупить долг перед историческими кредиторами сказывается влияние романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Сказывается также и глубокое, благородное убеждение русских интеллигентов, всегда являвшихся интернационалистами, бескорыстно служить народу, отдавать свою энергию, знания, опыт делу развития «малых» народностей России [5].

Мельница, построенная Приваловым, должна служить развитию земледелия в стране.

Именно мельничное дело раскрывает Сергея Привалова как делового человека: «Дело по хлебной торговле пошло бойко в гору... Расчёты и ожидания оправдались скорее, чем он надеялся. Недоставало времени и рабочих рук. Приходилось везде поспевать самому, чтобы поставить сразу всё дело на твёрдую почву» [4, с. 304].

Герой мечтает об артельном труде, о рациональной организации хлебной торговли, с помощью которой надеется не только освободить от долгов Шатровские заводы, но и спасти мелкого производителя от капиталистической эксплуатации [2, с. 89].

Мамин-Сибиряк на примере Привалова показывает, как при столкновении с жизнью рушатся либерально-народнические намерения и начинания. Попыты осуществления социальных реформ убеждают героя в том, что организованная им хлебная торговля «на рациональных началах» в сущности не противостоит буржуазному предпринимательству, что построенная им мельница становится капиталистическим предприятием.

Неудачи социальных опытов Сергея Привалова раскрыты в романе не как следствие мечтательности и практической опытности героя, а как результат беспочвенности оторванных от жизни народнических теорий. Либеральное народничество, не желая того, способствовало развитию капитализма [2, с. 90].

Собираясь изменить жизнь рабочего населения горнозаводского округа, Сергей Привалов столкнулся с «хищниками» (Половодовым, Ляховским) и оказался беспомощным, отчасти, из-за несостоятельности своих идей, отчасти, из-за того что многими героями как личность Привалов не воспринимается в разрыве от миллионного наследства. Но автор видит в своём герое именно личность, которая может развиваться во что-то большее. Именно поэтому приваловская линия продолжает своё развитие в виде наследника.

Список литературы

1. Боголюбов К.В. Мамин-Сибиряк, 1956. [Электронный ресурс Фундаментальная электронная библиотека. URL:<http://feb-web.ru/feb/irl/il0/i92/i92-2672.htm>] (дата обращения: 3.03.2015).
2. Груздев А. Д.Н. Мамин-Сибиряк. Критико-биографический очерк. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1958. – 185 с.
3. Лукутин А.В. История. 9 и 11 выпускные классы. – М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2006. – 640 с.
4. Мамин-Сибиряк Д.Н. Приваловские миллионы. – М.: Вече, 2014. – 384 с.
5. Стариков В.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк и его роман «Приваловские миллионы». [Электронный ресурс] URL: <http://www.philology.ru/literature2/starikov-81.htm> (дата обращения: 16.04.2015).
6. Щенникова Л. П. Журнал Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств: 2 (15)/2013 Научная библиотека КиберЛенинка. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ural-i-rossiya-v-romanah-d-n-mamina-sibiryaka#ixzz3K26D7iuJ> (дата обращения: 4.04.2015).

БИБЛИОНИМЫ В ПРОЗАИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Н.А. ДУРОВОЙ

К.Р. Волкова

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: В статье представлен морфологический и структурно-семантический анализ библионимов – названий художественных текстов. Материалом для исследования послужили заголовочные комплексы произведений Надежды Дуровой.

Ключевые слова: библионим, заглавие, заголовочный комплекс, ономастика, Надежда Дурова.

BIBLIONIMS IN PROSAIC HERITAGE OF N.A. DUROVA

K.R. Volkova

Abstract: The paper presents the morphological, structural and semantic analysis biblionyms – the names of literary texts. Material for the study served as a header complex works of Nadezhda Durova.

Keywords: biblionym, title, header complex, onomastics, Nadezhda Durova.

Сегодня мы едва различаем след, оставленный в литературе XIX века писателями, «которые в свое время печатались на страницах лучших журналов, писателей, о которых когда-то много спорили, много говорили, много писали, которых читали, – но которые теперь почти забыты» [1, с. 38]. Этим фактом и продиктовано наше обращение к творчеству известной личности первой половины XIX века – Надежде Андреевне Дуровой. Прославившись как участница Отечественной войны 1812 года, ординарец фельдмаршала М.И. Кутузова, «кавалерист-девице» принадлежит ряд литературных произведений, из которых наибольшую известность получили «Записки кавалерист-девицы», высоко оцененные корифеями литературы А.С. Пушкиным и В.Г. Белинским.

В настоящее время изучение творчества Надежды Дуровой только начинает привлекать внимание исследователей. Первыми литературоведческими трудами по анализу художественных текстов Н.А. Дуровой стали работы Е.И. Болюх [2] и Е.Е. Приказчиковой [8]; лингвистическому исследованию произведений «кавалерист-девицы» посвящены диссертации К.Р. Волковой [3] и А.А. Ивыгиной [4].

Литературные сочинения Надежды Андреевны интересны в лингво-функциональном, структурном, морфологическом, а также в ономастическом аспектах. Заглавия художественных текстов классифицируются самостоятельным подклассом ономастического пространства в разряде идеонимов – библионимы [7, с. 42], так как «называя литературное произведение, мы имеем в виду не то, как выглядит книга, а ее содержание» [9, с. 203]. Дискуссионность вопроса о статусе заголовочного комплекса в современном языкознании отсылает нас к фундаментальному труду С. Кржижановского «Поэтика заглавий» (1931), постулаты которого являются основополагающими для нашего исследования. Заглавие – это «стянутая до объема двух-трех слов книга» [5, с. 7]. Название произведения имеет кольцевой принцип – открывающее и замыкающее содержательно-смысловую информацию текста, потому что

читатель возвращается к заглавию вновь после прочтения для полной интерпретации текста.

Целью настоящей статьи является морфологический и структурно-семантический анализ заглавий опубликованных художественных текстов Н.А. Дуровой. Предметом исследования явились 42 ономастические единицы, из которых 12 названий литературных текстов и 28 заглавий глав произведений.

С морфологической точки зрения заглавия произведений Н.А. Дуровой разнообразны. Широко представлен лексико-грамматический класс имен существительных в названиях: *Записки, Гудишки, Фуражировка, Клад, Бал* и др. Данные названия употреблены только в форме именительного падежа, что отличает однословные прозаические заглавия, например, от газетных. Отдельную большую в количественном отношении группу составляют библионимы, в которые введены порядковые числительные цифрового оформления: *1808 год; Командировка 1810; 1813 год; 1814 год; 1815 год; Перевод в другой полк 1811, апреля 1-го; Война 1812 года 11-го марта*. Встречаются примеры употребления числительного в виде слова – *Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения; Первый приезд мой в столицу; Две недели отпуска*. Числительные отличаются особой функциональностью, этот класс использован автором для определения важных дат (цифровая форма) или значимости повторения событий (словесная форма). К следующей группе заглавий можно отнести конструкции с отглагольными существительными: *Возвращение войск в Россию, Поездка в Петербург; Первый приезд мой в столицу; Перевод в другой полк 1811, апреля 1-го* и др. В данных словосочетаниях значение действия носит отвлеченный характер. Главное преимущество конструкций с отглагольным существительным – их краткость, что очень значимо для названий художественных произведений. В составе заглавий редкими примерами встречаются имена прилагательные, местоимения, наречия. Преобладание некоторых грамматических классов и форм слов над другими говорит о внимательном создании названий с точки зрения морфологического выражения.

Название произведения как носитель определенной информации может иметь всевозможные формы и различные степени развернутости. Заглавия произведений Н.А. Дуровой разнообразны и в структурном плане. Большую группу представляют названия, выраженные одним словом – именем существительным в именительном падеже: *Угол, Павильон, Отпуск, Дон, Гудишки, Домбровица, Фуражировка, Дуэль* и др. Крайняя точность и краткость характерны названиям произведений Надежды Андреевны. Ограниченное количество заглавий выражено сочинительными словосочетаниями, отличающимися особой распространенностью: *Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения, Игра судьбы, или противозаконная любовь*. Широко представлены названия художественных текстов, в которых реализуются словосочетания с подчинительной связью: *Граф Мавриций, Серный ключ, Ярчук собака-духовидец, Рассказ татарина, Литературные затеи, 1808 год* и др. В отдельную группу можно выделить так называемые сложные конструкции, состоящие из нескольких простых словосочетаний (*Детские лета мои, Некоторые черты из детских лет*). Отметим, заглавия произведений Н.А. Дуровой в структурном отношении не оформлены в предложение. Некоторые названия структурно соответствуют предложению, но к таковым их причислить невозможно: *Происшествие из времен Иоанна Грозного вскоре после покорения Казани, Возвращение войск в Россию, Первый приезд мой в столицу, Поездка на Ижевский оружейный завод, Перевод в другой полк 1811, апреля 1-го, Поход обратно в Россию*. Обладая относительной предикативностью, рассмотренные конструкции заглавий отличаются смысловой законченностью, в силу использования автором отглагольных существительных в качестве главного слова. Очевидная важность данных структур с отглагольными существительными – их краткость. «Чем более лаконично заглавие, тем более семантически емким оно является. Это можно объяснить тем, что заглавие призвано не только установить контакт с читателем, но и вызвать у него интерес, оказать на него эмоциональное воздействие...» [6, с. 173]. И порой подбор наиболее удачного названия требует дополнительного внимания.

Следует отметить тот факт, что в литературном творчестве Н.А. Дуровой некоторые произведения имеют варианты библионимов. Так, наиболее известное широкому кругу читателей произведение Н.А. Дуровой «*Записки кавалерист-девицы*», ставшее событием для русской литературной жизни начала XIX века, долгое время издавалось под названием «*Кавалерист-девица. Происшествие в России*». Этот библионим конкретизирует место событий, тем самым выделяя его из ряда схожих случаев, имевших место в мировой истории. Также автор в своем письме к А.С. Пушкину указывал, что данному сочинению желает дать название «*Своеручные записки русской амазонки, известной под именем Александрова*» (псевдоним Дуровой). «*Записки кавалерист-девицы*» и другие произведения автора можно объединить в отдельную группу текстов, имеющих несколько заглавий одного литературного текста. Рассказ «*Игра судьбы, или противозаконная любовь*» был опубликован в журнале «Библиотека для чтения» под названием «*Т-ская красавица, или Игра судьбы*». Повесть «*Павильон*», напечатанная в 1839 году в журнале «Отечественные записки», имела заглавия: «*Людгарда, княжна Готи. Рассказ унтер-офицера Рудзиковского*» и «*Викарий*». К этой группе можно отнести произведение «*Серный ключ*», выходявшее в литературный свет под названиями «*Черемиска. Черемиска повесть. Рассказ исправницы Лязовецкой*» и «*Серный ключ, или Черемиска*». Как видим из представленных вариантов, выбор финального библионима определяется большей завуалированностью, чем первичные, содержащие

указание на главного героя, что свидетельствует о стремлении Надежды Дуровой к открытости и доступности к интерпретации текста. В некоторых случаях изменение заглавия произведения обусловлено требованием редактора.

Художественные произведения Н.А. Дуровой своеобразны и оригинальны; имеют свое индивидуальное начало. Её тексты являются ценным материалом, требующим более пристального лингвистического внимания.

Список литературы

1. Болух Е.И. Жанровое своеобразие художественной прозы Надежды Андреевны Дуровой: дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2001. – 160 с.
2. Булатов Н. Старейший русский романист // Вестник литературы. – 1915. – № 2. – С. 38.
3. Волкова К.Р. Антропонимы в текстовом поле «Кавалерист-девицы» Н.А. Дуровой: функционально-структурный аспект): дис. ... канд. филол. наук. – Елабуга, 2012. – 156 с.
4. Ивыгина А.А. Категория пространства и способы ее образной экспликации в текстовом поле Н.А. Дуровой (на материале мемуаров «Записки кавалерист-девицы»): дис. ... канд. филол. наук. – Елабуга, 2012. – 143 с.
5. Кржижановский С. Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931. – 32 с.
6. Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 187 с.
8. Приказчикова Е.Е. «Записки кавалерист-девицы» Н.А. Дуровой и военная мемуарная литература I половины XIX века: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1995. – 215 с.
9. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 368 с.

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В РАССКАЗАХ И ПОВЕСТЯХ

Д.И. СТАХЕЕВА И С.Т. РОМАНОВСКОГО

Ю.Ю. Данилова

А.А. Ивыгина

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: Настоящая статья посвящена изучению колоративов и специфике их функционирования в дискурсе «елабужских» писателей. Сопоставительный аспект исследования направлен на выявление черт сходства и различия в употреблении доминантных цветолексем Д.И. Стахеевым и С.Т. Романовским.

Ключевые слова: цвет, лексико-семантическое поле, дискурс, Д.И. Стахеев, С.Т. Романовский, Елабуга.

COLOR SYMBOLISM IN THE STORIES AND NOVELS D.I. STACHEEV AND S.T.

ROMANOVSKY

Y.Y. Danilova

A.A. Ivygina

Abstract: The present article is devoted to the study of coloration and the specifics of their functioning in the discourse of "Yelabuga" writers. The comparative aspect of the study aimed to identify features of similarity and differences in the use of the dominant totalensam D.I. Staheekum and S.T. Romanovsky.

Keywords: color, lexico-semantic field, discourse, D.I. Staheev, S.T. Romanovsky, Yelabuga.

Являясь одной из констант русской культуры [5], как и любой другой, цвет может служить «своеобразной моделью развития, отображающей пути формирования, освоения, закрепления в культурной памяти не только общих, но и национально окрашенных культурно-значимых концептов» [1, с. 109]. Научное изучение традиций употребления цветообозначений в качестве важных эмоциональных средств на психолого-ассоциативном уровне является достаточно глубоким, но как ни парадоксально до сих пор цвет не имеет общей концепции как в пределах какой-либо одной науки, так и целого научного направления.

Изучение цвета как в рамках национальной языковой картины мира, так и идиостиля конкретного автора представляет научный интерес для лингвистов. Поэтому важным становится исследование основ формирования природы цвета, его употребления, функционирования, т.к. цветообозначения в художественной ткани произведения определяют индивидуально-авторский стиль писателя, его манеру, специфику его лингвоментального существования в целом. Поэтому настоящая

статья имеет своей целью выявить, прежде всего, роль колоративной лексики в художественном описании «елабужских» авторов, раскрыв особенности ее функционирования, а также символику цвета, определяющую общие и индивидуальные характеристики авторского дискурса. Материалом для исследования послужили тексты семи рассказов и повестей Д.И. Стахеева («Благоприобретение», «На базаре», «Извоз» и др.) и С.Т. Романовского («Кама», «Костер из тальника», «Половодье», «Роса» и др.), из которых нами были извлечены 386 фрагментов, содержащих разного рода «цветовые» единицы: 155 номинаций в текстах Д.И. Стахеева, у С.Т. Романовского – 231, что в среднем составляет 1,2 и 3,7 употреблений на страницу соответственно.

Состав лексико-семантического поля «цвет» у Д.И. Стахеева и С.Т. Романовского в целом совпадает с универсальными (общезыковыми) представлениями носителей русской лингвокультуры о цветовой лексике и ее организации, за исключением окказиональных цветолексем, не ставших объектом изучения в настоящей статье. Поскольку материал статьи построен на сопоставительном анализе колоративов «елабужских» писателей, мы ограничимся рассмотрением цветовых лексем, которые являются доминантными с точки зрения их употребления в текстах обоих писателей.

Так, ЛСП «цвет» у обоих авторов состоит из 8 микрополей *красного, белого, желтого, зеленого, синего, серого, черного* цветов и их разнообразных оттенков. Их символика и функционирование в прозе Д.И. Стахеева и С.Т. Романовского станут предметом нашего исследования.

В прозаических творениях обоих авторов в количественном плане ярко выражен *красный* цвет, который составляет 18,1% (у Д.И. Стахеева) и 21,2% (у С.Т. Романовского) цветообозначений от общего количества употреблений цветолексем и занимает лидирующее место в наборе авторских красок. В текстах обоих писателей *красный* цвет (и его оттенки) используются, как правило, в картинах описания предметов и реалий окружающей действительности мира: человека, его внешности, природных пейзажей: «*Купальные костюмы их – ярких цветов, красного, синего, желтого...*» [3, с. 83]; «*Лица игравших раскраснелись и потные лбы их еще более нахмурились*» [3, с. 82]; «*На обширном дворе парень в чуйке, подпоясанным красным кушаком...*» [4, с. 410]; «*Красно горит морковь, а помидоры еще красней – ладонь не обожгите*» [2, с. 138]; «*Его высокие скаты – то зеленые, то красные, то голубовато-белые – в могучих корабельных соснах, источающих крепкий запах хвои...*» [2, с. 125]; «*... торгует грибами и орехами тетя Шура – женищина могучая, в красном платье и косынке*» [2, с. 143]. В текстах Д.И. Стахеева и С.Т. Романовского, при создании и описании картин природы используется устойчивый фольклорный эпитет «красно (-ое) солнышко»: «*– Стар, стар, а лаешься, как собака – эх ты! – с укоризной сказал крестьянин и взглянул на небо: дескать, высоко ли еще красное-то солнышко?*» [4, с. 409]; «*Я узнал, что такое любовь. Конечно, не красно солнышко, всех не обогрею*» [2, с. 148]. Следовательно, в дискурсе авторов *красный* зачастую имеет традиционное народно-поэтическое прочтение: это цвет, огня, энергии, радости, любви, могущества, жизненной силы, красоты. Отметим, узальное значение полисеманта *красный* (символика борьбы, опасности, революции, войны) в контексте названных произведений авторами не эксплицирована.

Бесконечность, вечность, истина, вера, чистота – символические значения, присущие *синему* цвету. В народных представлениях этот цвет ассоциируется с чистотой, божественно-светлым мирским началом. В творчестве Д.И. Стахеева *синий* (15,5%) нашел отражение, сочетаясь с классическими фольклорными образами неба и морской/речной поверхности: «*Пред нами неоглядная даль синевы, с бесконечно-разнообразными переливами тонов моря...*» [3, с. 75]; «*Красив он по утрам, когда солнце, только что выкупавшись в синих волнах моря, бросит на него свои яркие лучи!*» [3, с. 74]. *Синий* в текстах Стахеева становится и цветом описания: «*Одетый в теплую, крытую синим сукном шубу <...> он торопливо переходит от воза к возу...*» [4, с. 343]. В дискурсе С.Т. Романовского цветовая характеристика *синей* гаммы (9,5%) используется традиционно в описаниях глаз человека. Для писателя цвет глаз – особая примета (*синеглазый, голубоглазый*), поскольку в его понимании, так же, как и в традиционном, именно глаза напрямую связаны с внутренним миром человека, его мыслями, чувствами, душой. На них писатель и акцентирует внимание и наделяет людей чистых, искренних этим цветом глаз: «*Вот женщина перестала улыбаться, вытерла слезы, и я увидел, что глаза ее – голубые, яркие, совсем не узкие – окружены ранними морщинками*» [2, с. 130]; «*В толчее девушка с синими – голова кружится, до чего синими! – глазами спрашивает торговца с Кавказа, почем груши*» [2, с. 145].

Нередко оба автора прибегают к использованию в своих текстах и оттенка *синего* цвета – *голубой*. Случаи применения Романовским цветолексемы *голубой* очень близки к деталям художественного мира, характерным лексеме *синий*. Эти цвета традиционно ассоциируются с образами неба, воды, простора, свободы: «*Вы не верите счастью, обрушившемуся на вас, и успеете обратит внимание на то, что небо над кипящим рынком невероятной голубизны*» [2, с. 151]. В текстах Стахеева *голубому* отводится особая роль. Художник зачастую использует его при описании елабужских церквей, соборов: «*На первом плане виден пятиглавый собор мутно-голубого цвета...*» [4, с. 373]; «*Каменный двухэтажный дом его, что твой дворец, красуется против голубого соборного храма...*» [4, с. 345]. В голубом цвете предстает и стахеевская Елабуга – Елабуга православная, духовно-чистая, религиозная, с пятиглавыми соборами и храмами: «*Каменный двухэтажный дом его, что твой дворец, красуется против голубого соборного храма...*» [4, с. 345]

Описание любимой Елабуги, прежде всего, ее храмов и церквей, у Романовского наполнено

белым (21,2%,) цветом. Это обусловлено, прежде всего, экстралингвистическим фактором: С.Т. Романовский был искренне верующим человеком, цитирующим Библию целыми страницами, поэтому всё, что связано с религией для него сакрально и очень символично. Церкви и храмы в его описании обязательно белы, кротки, невинны, чисты: «Если вам случилось жить на Каме или плыть по ней, вы, наверно, заметили, что белокаменные храмы ее построены всегда у холмов...» [2, с. 126]; «Белые церкви отражались в Тойме, и их отражения тихо струились и дрожали...» [2, с. 103]. Так, доминирующий у Романовского белый цвет активно используется писателем в его произведениях, символизируя чистоту, свет храмов и церквей. Белый цвет (в 7,1%) у Д.И. Стахеева используется для характеристики предметов и явлений с точки зрения выявления чистоты, обновления, изменения жизни: «Только что оканчивалась <...> ночь и на дальнем востоке начинала пробиваться сквозь мрак беловатая полоса, предвестница наступающего дня...» [4, с. 404]; «...беленькие цветочки дикого жасмина пестрели в этой живой изгороди, и их приятный запах далеко разносился в воздухе» [3, с. 43].

Зеленый у Д.И. Стахеева (8,4%) содержит положительную семантику, ассоциируясь с жизнью растений, весной, летом, молодостью, обновлением. Он, как правило, находит реализацию, сочетаясь с различными номинациями растительных и природных реалий: «... в Алуште, когда на ее набережной будут красоваться каменные здания с прихотливыми башенками, балкончиками и террасами и зеленью растений ...» [3, с. 98]. Зеленый цвет также используется в описании одежды и предметов быта: «По середине комнаты – зеленый стол с двумя свечами, а вокруг четыре мужские фигуры с картами в руках» [3, с. 81]; «Рядом на скамейке <...> сидит в наряде яркого цвета татарин с жиденькой седой бородой, с серыми, оловянными глазами и зеленой чалмой на голове (бывал значит в Мекке)» [3, с. 94]. В последнем контексте номинация цвета выполняет не только номинативную и характерологическую функции, но и лингвокогнитивную: зеленый как этнолингвокультурный и ментальный маркер (зеленый – традиционный цвет ислама). Отметим, подобной объективации данного цвета в дискурсе С.Т. Романовского нами обнаружено не было. Зеленый и его оттенки (11,2%) для автора, прежде всего, – цвет природы, деревьев, травы, листвы, лета: «... травы зеленели сочно и влажно; зелень их вместе с зеленью тальников слегка волновалась ...» [2, с. 206]; «до чего же прихотливые зеленые прожилки листа похожи на сплетение жил на руке человека» [2, с. 197].

У Д.И. Стахеева желтый и его оттенок золотой цвета очень редки в употреблении (5,8%) и доминирует лишь с описательной семантикой, например, «Но вершины гор еще находятся под жаркими лучами солнца и облака <...> тоже еще ярки, румяны и золотисты» [3, с. 81]. Важно отметить, что золотой цвет играет заметную роль в текстах писателя, т.к. ассоциируется с солнцем, величием, великолепностью, могуществом, силой, с церковью: « – Если будет Господу угодно и мне полезно, – думает купец, – и получу я на хлеб тысяч десяток пользы, то непременно пожертвую для духовенства золотые ризы» [4, с. 388]. Данный цвет в дискурсе С.Т. Романовского напротив становится частотным. Примечательно, что автор в подавляющем большинстве случаев из всей гаммы желтого употребляет литературно-книжную лексику золотой, который примерно составляет 77% от общего количества единиц микрополя. Причем предметом описания могут выступать самые разнообразные объекты: от традиционно-поэтических образов рассвета, заката, небес, луны, вечерней и утренней воды до бытовых деталей, порой неожиданных, типа мочал: «...сквозь острую боль в голове залюбовался медом – золотой <...> тягучей влагой в неразгаданных извлечениях из цветов прикамского лета...» [2, с. 206]; «... продают. И не что-нибудь, а роскошные банные мочалки-мочалы. Золотом горят мочалы на солнце, далеко видно» [там же: 140]; «... и в разнотравье обнаружил зверобой – золотые звезды его или привяли, ил собирались закрыться на ночь» [2, с. 199]. Важно подчеркнуть, что желтый является характеристикой света, придающей картине произведений, нарисованной художником слова, некую освещенность. Большинство примеров у С.Т. Романовского, с использованием цветообозначения золотой, построены с целью вложить дополнительную характеристику сияния, сверкания составным деталям его картины.

Ахроматический тон чёрный (8,4%) в текстах Д.И. Стахеева включает в себя как отрицательную семантику, негативные ассоциации (злоба, агрессия), так и нейтральную семантику (описание глаз, внешности). Примером могут послужить следующие фрагменты: «Сына он не хотел видеть потому, что досадно же наконец; учил, учил, бил – рук своих не жалеючи и – вдруг такая черная неблагодарность!» [4, с. 354]; «Белов отошел от окна, обдернул свою красную рубаху, надетую поверх черных плисовых штанов, встряхнул черными, густыми волосами...» [4, с. 338]. Этот же цвет представлен в минимальном количестве в дискурсе С.Т. Романовского (2,6 %), и примечательно, что в лексеме чёрный не содержится отрицательная, негативная коннотация. Он используется художником лишь как описательная характеристика какого-либо объекта или его элемента, например, корова: «... и увидел безбрежье травы, по брюхо в которой трусила черная корова, далеко – не догонишь» [2, с. 54]; «На полянке, вытянув большую черную морду, стояла Красавка» [2, с. 58].

Серый (14,3%) входит в число цветовых лексем, предпочитаемых Д.И. Стахеевым, и по частотности своей становится третьим. В его узуальном прочтении наблюдается двойственная семантика: с одной стороны, становится символом безразличия, смирения, ненужности, отречения, болезни, с другой – стремления к стабильности, равновесию, сдержанности. Подобная двойственность обнаруживается и у Д.И. Стахеева. В сером цвете у писателя предстают элементы как предметы, так и детали одежды: «Ни в чем не заметно преимуществ одного перед другим – оба рыжеватые, большеносые и сероглазые» [3, с.

38]; «К возу с <...> пробрался полицейский солдат, с медной бляхой на **серой фуражке** и с палочкой в руках» [4, с. 405]. Отрицательной коннотацией наполнен оттенок серого **свинцовый** при описании природных явлений: «День начинался пасмурный и холодный, **небо** было точно **свинцовое**, и резкий ветер срывал старенькие рогожи с крестьянских возов» [4, с. 405]; «После дождя, лившего всю ночь, в воздухе было сыро и холодно, оборванные клочья сырых **свинцовых облаков** тянулись длинной вереницей по небу...» [4, с. 389]. Заметим, **серый** цвет (и его оттенки) у С.Т. Романовского (2,6%) ассоциативно-символически не нагружен. Автор использует его для описания окружающего мира: роса («Он лежал лицом вверх в тяжелой, как кольчуга, кольчатой **серебряной росе**...» [2, с. 197]); просвет, тень («От противоположного берега до середины Камы лежала **тень** – зеленая с лиловыми и **серебряными** текущими **просветами**...» [2, с. 128]; «Синие, красные, зеленые, помнится, какие-то темноватые, **стально отлива** разноразмерные **бумажки** просыхали на солнце...» [2, с. 135].

Таким образом, анализ колоративов писателей «елабужского» края показал, что ядро поля у Д.И. Стахеева составляет **красный**, у С.Т. Романовского – **белый** и **красный**, в приядерную зону в контекстах обоих художников включаются остальные основные цвета типа **синий**, **голубой**, **желтый**, **золотой** и др., в зону периферии вынесены индивидуально-авторские образования, «нецветные» и «разноцветные» номинации.

В целом цветовая символика у художников совпадает с универсальными (общеязыковыми) представлениями носителей русской лингвокультуры о цветовой лексике и ее организации. Их значимость в дискурсе Д.И. Стахеева и С.Т. Романовского бесспорно велика, т.к. они концептуальны и формируют в сознании читателя стереотипные образы типа **белый город с белокаменными церквями и пятиглавыми голубыми соборами**, **белые люди в разноцветных ярких нарядах**, **зеленые травы**, **красное солнышко красным летом**, **синее море**, **голубое небо**, **золотой мед**, которые демонстрируют специфику авторского сознания, соответствующее русскому этноменталитету и культурной традиции.

Список литературы

1. Жаркынбекова Ш.К. Моделирование концепта как метод выявления этнокультурной специфики // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. – Братислава, 1999. – 219 с.
2. Романовский С.Т. Костер из тальника. Рассказы / Сост. Е.М. Шастина; Авт. пред. А.С. Романовский. – Елабуга, 2007. – 216 с.
3. Стахеев Д.И. Благоприобретение. – Елабуга, 1999. – 240 с.
4. Стахеев Д.И. Духа не угашайте. Избранные произведения. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1992. – 417 с.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.

ДИАЛЕКТНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ:

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ

АСПЕКТЫ

Н.И. Ершова

МГУ им. Н.П. Огарева, г. Саранск

Аннотация: Статья посвящена структурно-семантическому и лингвокультурологическому анализу фразеологических синонимов, функционирующих в русских говорах Мордовии. Представлена классификация фразеологических синонимов, охарактеризованы многочленные синонимические ряды.

Ключевые слова: говоры, фразеологический синоним, фразеологизм, образная основа, сравнение.

DIALECT PHRASEOLOGICAL SYNONYMY: STRUCTURAL-SEMANTIC AND

LINGVO-CULTURAL ASPECTS

N.I. Ershova

Abstract: The article is devoted to the structural-semantic and lingvo-cultural analysis of phraseological synonyms, functioning in the russian dialects of Mordovia. The classification of phraseological synonyms is presented, polynomial synonymous rows are described.

Keywords: dialects, phraseological synonym, phraseologism, shaped base, comparison.

Диалектная фразама является уникальным средством конденсации социокультурного содержания, отражающим специфику мировосприятия народа. Почти все проявления жизни человека – его рождение и смерть, особенности характера, возраста, внешнего облика, умственной деятельности, профессиональные качества – находят отражение во фразеологии говоров. «В центре диалектной

фраземной номинации стоит сам человек, познающий субъект, его восприятие действительности, ценностное отношение к миру реалий, и поэтому главным мерилем значимости окружающего мира является человек – его тело, чувства, состояния, потребности и интересы» [2, с. 16]. Взаимоотношения между людьми и их оценка наиболее ярко проявляются во фразеологической картине мира в силу способности фразеологизмов образно отражать характерные черты мировосприятия народа, влияние культурных, мифологических, социально-исторических и других факторов. Этим и объясняется попытка рассмотрения в данной статье антропоцентрических фразеологических синонимов, бытующих в русских говорах Мордовии.

Наиболее отчетливо выделяются три класса диалектных фразеологических синонимов, функционирующих в рассматриваемых говорах:

1. Фразеологические синонимы, не имеющие стилистических и семантических различий, но отличающиеся образной основой.

2. Фразеологические синонимы, различающиеся оттенками значения.

3. Фразеологические синонимы, различающиеся стилистической окраской.

Первый класс является самым многочисленным. Как известно, в основе большинства фразеологизмов лежит образное представление. В диалектных фразеологизмах метафорический смысл ощущается особенно ярко. Этот факт позволяет утверждать, что главное различие внутри синонимических рядов фразем связано с различием выраженных образов. В процессе синонимического развития фразеологизма, главным образом, идет поиск нового, более яркого и экспрессивного образа и лингвистических средств его построения при сохранении единства логической стороны понятия, лежащего в его основе. Стремление «обновить» экспрессивность фразеологизма является и одной из важнейших причин появления диалектных синонимов первого класса.

Выбор метафоры, сравнения или части пословицы как основы для фразеологизма обусловлен в говоре актуальностью того факта, местного явления, обычая, процесса труда, предмета быта, который находит отображение в семантике этих образных выражений. Образное представление, переданное такого рода словосочетаниями, созвучно или было созвучно в какой-то период диалектной среде. Оно всем понятно и поэтому часто повторяется, являясь «удобным» для образования фразеологического оценочного содержания.

Так, отдельные фразеологические единицы в составе следующих синонимических рядов первого класса включают в себя компонент *душа*: ‘устать, обессилеть’ – *в пень встать, душа замаялась, ног не таскать, повесить крылышки*; ‘нет желания видеть кого-либо’ – *душа не переваривает, на дух не надо, без тоски глядеть не хотеть*; ‘умереть’ – *душа вышла, в тополя пойти, лежать воронкой* и др. Напр.: Ткала весь день фцара, *душа замашьсь* (Старая Федоровка, Старошайговский район); Мужа маво пьралич ударил, и *душа вышль* (Киржеманы, Большеигнатовский район); Как токъ ты еш таку слатку кашу? У меня прямя *душа ни пираваривьт* (Редкодубье, Ардатовский район).

Как видим, специфика компонента *душа* в составе фразем русских говоров Мордовии проявляется в том, что душа, как и человек, способна действовать, перемещаться в пространстве, переживать, проявлять и испытывать эмоции.

Подчеркнем, что антропоцентрическое видение мира проявляется через характерные образы. Е.В. Брысина указывает, что «сравнения, являясь одним из самых древних видов интеллектуальной деятельности, отражают процесс миропостижения на основе сопоставления самого себя и предметов окружающего мира с уже познанным» [1, с. 198].

Так, для характеристики неопрятного, неряшливого человека в русских говорах Мордовии употребляются следующие компаративные фразеологические синонимы: *как акуля (акулька), как из лагуна вылез, как чучело (пугало) огородное, как мокрая курица, как шебол, как мазан грязный* и др. Напр.: Ходиш ты *как мокрья куриць*, нъридильсь бы (Лаврентьево, Темниковский район); Маньк, ты што нърридильсь *как пугль агароднъя*, сыми щас же, ни срамись (Казенный Майдан, Ковылкинский район).

Как видим, выступая средством познания окружающей действительности и ее оценки, сравнения имеют прямое отношение к условиям жизни человека. Большинство традиционных сравнений диалектоносителей основано на жизненных наблюдениях за внешним видом окружающих предметов, животных и людей, о чем свидетельствуют рассмотренные выше синонимические ряды фразеологизмов в русских говорах Мордовии.

Подчеркнем, что для некоторых синонимических рядов фразеологизмов, относящихся к первому классу, характерны и обороты тавтологического характера, которые обусловлены стремлением диалектоносителя к уточнению значения первого слова во фразеологизме и усилению экспрессивности всего фразеологического оборота: ‘о большом, худом человеке’ – *схмень схменем*; ‘болеть’ – *катком кататься и лежать лежма*; ‘о неопрятном, неряшливом человеке’ – *шарада шарадой и чапан чапаном*; ‘о некрасивом человеке маленького роста’ – *шишига шишигой, шивота на шивоте, страсть страстью*. Напр.: У нёво брюхь схватиль, он *катком каталси* фсю ноч (Суподеевка, Ардатовский район); Палекшь што ли Прасковьи? – Како там лекшь. *Схмень схменим*, адна кожъ астальсь, сматреть страшнь (Смольково, Лямбирский район); Суподеивски дефчонки *шивота нъ шивоте*. Ноги тонки, кривэи и соски нъ животе (Суподеевка, Ардатовский район).

Подчеркнем, что к первому классу относятся многочисленные фразеологизмы, отражающие

внутренний мир, внешний облик человека и его умственные способности. Они характеризуются исключительным богатством и разнообразием и составляют в рассматриваемых говорах многочисленные синонимические ряды.

Менее многочисленным в русских говорах Мордовии является второй класс фразеологических синонимов, различающихся оттенками значения. Между членами синонимических рядов возможны семантические различия, связанные с разной степенью интенсивности действия или признака или с указанием на разный способ действия.

Примером первой группы являются синонимы-фразеологизмы, объединенные общим семантическим компонентом 'быстро бежать': *бегма (бегома, бегомушки) бежать, заголи ляшки, как на воздухах лететь, на паре не догонишь*. Однако лексическое значение трех последних фразем имеет дополнительную сему 'очень', указывающую на большую интенсивность признака по сравнению с первым фразеологизмом синонимического ряда. Напр.: Глижу, а вдоль улицы шабренкь *бегома бижьит* (Ожга, Старошайговский район); Я вить дь балезни *как нь ваздусих ляталь*, а таперь сто шагоф прайдеши и зьдахнесси (Усыскино, Инсарский район); Вот нисецць, *на пари ни дагониши* (Ишейки, Темниковский район).

Ко второй группе фразеологизмов, различающихся указанием на разный способ действия, можно отнести следующий синонимический ряд: *алалу разводить* 'заниматься пустыми разговорами' – *воловодь разводить* 'пространно говорить о чем-либо незначительном' – *язык отбивать* 'болтать' – *молоть пустое* 'пустословить'. Напр.: Пашли картошку из ямы вынимать, нечивь *алалу рьзвать* тут (Усыскино, Инсарский район); Канчяй *язык адбивать*, иди работть (Трофимовщина, Ромодановский район).

Как видим, образные представления, определяющие общее содержание фразеологических единиц указанных синонимических рядов, различаются.

Малочисленность третьего класса фразеологических синонимов, различающихся стилистической окраской, объясняется слабой стилистической дифференцированностью говоров. В рамках синонимических рядов данного класса противопоставлены нейтрально-номинативные и бранные, грубые, неодобрительные, презрительные (экспрессивно окрашенные) фраземы, причем многие из них создаются диалектоносителями как средство выражения народного юмора, иногда грубоватого (с пометами ирон., шутил.).

Так, старого, дряхлого человека в русских говорах Мордовии характеризуют фразеологические синонимы *букет костей* (ирон.), *морковь беззубая* (груб.), *старое базло (старая базла)* (груб.), *старше поповой собаки* (ирон.). Напр.: Эх, ты, *букет костей*, вады уш ни можьш принесть (Лаврентьево, Темниковский район); Тибе уш, *маркофь биззубья*, нь пакой пара (Лаврентьево, Темниковский район); Дь ни нгт табой смеёмси, *старь базла* (Рождествено, Ичалковский район); Выбирал долгь, ну уш и выбръл: ана уш *старшь пановъй сабаки* и вофси ни парь яму (Саловка, Лямбирский район).

Как видим, в русских говорах Мордовии преобладают синонимичные фразеологические единицы, характеризующие человека с отрицательной стороны. Негативно окрашенные фразеологизмы, некоторые из которых зафиксированы в «Словаре русских говоров на территории Мордовской АССР / Республики Мордовия» [5] и «Фразеологическом словаре русских говоров Республики Мордовия» Р. В. Семенковой [4] с пометами «неодобрит.», «ирон.», «груб.», «презрит.» и др., очень частотны в рассматриваемых говорах.

По справедливому замечанию В.М. Мокиенко, «народный живой язык очень живо и оперативно реагирует на отрицательные стороны общественной жизни, на отрицательные качества людей или целых общественных групп, на отрицательные действия и поступки. К положительным же явлениям жизни народная речь относится более спокойно: ведь это норма, обыденность...» [3, с. 48]. Этот факт, по-видимому, и определяет богатство и разнообразие диалектных фразеологических синонимов, негативно характеризующих человека в русских говорах Мордовии.

Таким образом, актуальность живых, непосредственных наблюдений диалектоносителей в образовании представлений, на основе которых складывается семантика диалектных фразеологизмов, создает возможность появления в русских говорах Мордовии многочисленных синонимических рядов. Семантика и оценочность данных фразеологизмов мотивированы элементом их содержания, называемым «внутренней формой» и находящим опору в диалектной среде.

Описанные выше фразеологические синонимы являются важнейшим средством образной характеристики личности, эмотивной оценки ее чувств, нравственных действий, поступков и поведенческих реакций, в совокупности составляющих ядро ценностной картины мира русского народа. Они раскрывают особенности восприятия окружающего мира диалектоносителями и специфику его языковой репрезентации.

Список литературы

1. Брысина Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества. – Волгоград: Перемена, 2003. – 293 с.
2. Брысина Е.В., Кудряшова Р.И. Антропоцентризм диалектной картины мира // Динамика и функционирование русского языка: факторы и векторы. – Волгоград, 2007. – С. 197-200.

3. Мокиенко В.М. В глубь поговорки. Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. – СПб.: Азбука-классика, Авалон, 2005.– 256 с.
4. Семенкова Р.В. Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – 332 с.
5. Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР / Республики Мордовия. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1978-2006. – Вып. 1-8.

ЧЕЛОВЕК И СРЕДА В РАССКАЗЕ ОДИНОКОГО «СТАНЦИЯ» **(НА МАТЕРИАЛЕ РУКОПИСНОГО ЖУРНАЛА «ШКОЛЬНЫЕ ДОСУГИ»)**

Е.А. Казеева

МГУ им. Н.П. Огарева, г. Саранск

Аннотация: В статье исследуется проблема взаимоотношений человека и среды в рассказе Одинокого «Станция». Особое внимание уделяется изучению системы персонажей произведения, а также выявлению функции пейзажных зарисовок. В заключении делается вывод о том, что рассказ Одинокого полностью вписывается в классическую реалистическую традицию с ее основополагающим принципом социального детерминизма.

Ключевые слова: проблема, рассказ, среда, человек, персонаж, пейзаж.

MAN AND ENVIRONMENT IN THE STORY OF A LONE "STATION" (ON THE **MANUSCRIPT MAGAZINE "SCHOOL ACTIVITIES")**

E.A. Kazeeva

Abstract: The article examines the problem of the relationship between man and environment in the story of a Lone "Station". Special attention is paid to the study of the characters of the work and identifying features of landscape sketches. In conclusion the author concludes that the story of a Lone fully fit into the classical realistic tradition, with its fundamental principle of social determinism.

Keywords: problem, story, environment, people, character, landscape.

Одной из ключевых проблем, привлекавших внимание западноевропейских и отечественных писателей-реалистов, является проблема взаимоотношений человека и окружающей его среды. Художественное воспроизведение среды, ее влияния на характеры людей, зависимость человека от обстоятельств, связанных с его социальным положением, преобладает в реалистической прозе России и Запада. Наиболее остро данная проблема ставится в ранних рассказах Одинокого («Сельский учитель», «Дневник гимназиста», «Дневник бывшего гимназиста», «Станция», «Вьюга», «Адрес приказчиков купцу», «Слепой»), посвященных жизни русской провинции. Одинокий (А.И. Тиняков) – писатель дебютировал на страницах орловских периодических изданий, среди которых центральное место занимал гимназический рукописный журнал «Школьные досуги». В нашей статье предпринята попытка проследить, как реализуется проблема взаимоотношений человека и среды в рассказе Одинокого «Станция» (6–20 ноября 1902 г.).

Заглавие данного произведения, призванное, в первую очередь, обозначить место происходящих событий, кроме этого, несет дополнительную смысловую нагрузку. Безымянная станция становится образом-символом остановившейся жизни, воплощением косного, неподвижного уклада провинции. Также обращает на себя внимание подзаголовок «Картинки»: отдельные главы рассказа, так называемые «картинки», позволяют Одинокому воссоздать иллюзию достоверности описываемых в произведении событий и реалистически изобразить окружающую героя социальную и природную среду. В подзаголовке содержится указание на типичность происходящего: из отдельных сценок складывается цельное полотно жизни русского провинциального города, преломленное в судьбах главных героев.

Полагаем, что именно через систему персонажей произведения автор показывает специфику взаимоотношений отдельного человека и окружающей его среды. Попытаемся продемонстрировать это на примере анализа текста. Внимание А.И. Тинякова сосредоточено на трех центральных персонажах – Парамоне Николаевиче Тишине, безымянном молодом телеграфисте, безымянной жене купца. Кроме того, на страницах рассказа присутствуют и второстепенные персонажи – бывший начальник станции, старый телеграфист, группа мужиков. Судьба этих всех героев так или иначе связана со станцией. Автор сразу же вводит читателя в курс действия, рисуя картину осеннего пейзажа. Отметим, что указанное время года выбрано Одиноким неслучайно: оно символизирует конец определенного этапа в жизни человека, крушение его надежд, увядание. Такую же функцию выполняет образ-символ уходящего поезда, которым начинается и заканчивается рассказ. Пейзажные зарисовки, выполняющие в ранней прозе А.И. Тинякова психологическую функцию, задают тон будущему конфликту.

Проблема «человек и среда» раскрывается автором в первой главке на примере образа начальника станции Парамона Николаевича Тишина. В глухую осеннюю ночь он, свободный от службы, находится в своей квартире. Писатель скупо сообщает о том, что уже семнадцать лет герой вынужден вести безрадостное, лишенное всякого смысла существование. «Сколько таких угрюмых ночей проводил он здесь, у окна, прислушиваясь к вою ветра и шуму дождя; сколько мыслей, тоскливых и серых, перебивало в его голове, когда он, вот так, как теперь сидел, прислонялся головою к стеклу...» [1, с. 7], – пишет Одинокий. Тишин мучительно переживает, что его лучшие годы прожиты напрасно, это стало причиной его пристрастия к алкоголю. Желая ярче показать конфликт между настоящим и прошлым героя, погубленного провинциальной средой, автор вводит в текст рассказа два портрета. Первый показывает юношу, перед которым открыты все пути: «Он приехал молодым и веселым, усы еще только пробивались, на голове была шапка волос густых и кудрявых...» [8]. Второй – человека с седыми усами, давно небритыми щеками и лысой головой. Причина столь разительной перемены – провинциальная среда, не позволившая Тишину самореализоваться: «Надежды увяли, мечты не сбылись, а ветер воет так же, как тогда, в первую ночь, когда он был свободен от службы, и так же часы стучат, и собака лает» [8]. И далее: «Помнит он, как мечта за мечтой, радость за радостью уходили из его сердца, как на их место вселялась мутная злость, грусть, и как, наконец, уходили и они, оставляя там пустоту» [8]. Типичность судьбы обычного человека, погубленного социальной средой, показывается и на примере образа умершего предшественника Парамона Николаевича. Молодой Тишин присутствовал на похоронах старого начальника станции, не предполагая, что повторит его судьбу. Лишенная всякого смысла жизнь негативно влияет на эмоциональное состояние героя: именно поэтому не вызывает никаких чувств смерть сожительницы Тишина – кухарки Агафьи: «Он не жалел ее и потому что он не любил ее, и потому что в сердце уже ничего не осталось живого и человеческого» [9]. Таким образом, Одинокий показывает драматическое влияние среды на личность: «И это превращение его из человека чувствующего и страдающего в неодушевленный предмет совершилось медленно и почти незаметно» [9]. А.И. Тиняков неразрывно связывает судьбу героя со станцией, которую он ненавидит: «Жизнь хмурилась на него, словно сердилась за что-то, а с тех пор, вот уже семнадцать лет она ушла от него, как и ушла от этой станции...» [9]. Поэтому главное желание Тишина – покинуть свою невольную тюрьму, порвать с удушающим влиянием среды; «не делать одного мертвого, тусклого дела» [10]. К сожалению, по мысли Одинокого, это невозможно: поезда приходят и уходят, а герой остается на своем месте. Негативное воздействие среды на Парамона Николаевича особенно остро ощущается в финальной сцене: Тишин сидит у окна, пьет водку, слушает шум ветра и протяжный вой собаки.

Во второй главке вниманию читателя представлена новая картинка из жизни станции. Она, как и первая, строится на контрасте, только не возрастных категорий одного и того же персонажа, а двух различных героев. Автор показывает читателю выполняющих свои служебные обязанности безмянных телеграфистов. Один из них – уже пожилой, очень хмурый, другой – «молодой человек лет двадцати двух, белокурый и худощавый» [10]. Если образом-символом провинциальной среды в первой картинке был вой собаки и шум дождя, уносившие героя из повседневности в прошлое, то здесь им становится громкий и однообразный шум телеграфного аппарата. А.И. Тиняков дает выразительную характеристику той обстановке, которую ненавидит юноша: «душная комната», «душная станция», «душная действительность». Уже в первый год службы душою молодого человека овладевает скука. Однако герой еще одержим юношескими иллюзиями: он надеется, что покинет ненавистную станцию. В голове молодого служащего рождаются честолюбивые мечты: начальство заметит его усердие и будет способствовать его дальнейшей карьере. В губернском городе, куда герой мечтает переехать, он начнет новую жизнь: будет гулять по улицам, освещенным электричеством, посещать театр. Телеграфист надеется на серьезные изменения в личной жизни: он заведет товарищей, будет много читать, вступит в брак с хорошенькой девушкой, отдаст сына в реальное училище. В рассказе как бы стирается грань между мечтами и реальностью; поток сознания молодого телеграфиста передается с помощью коротких предложений, часто заканчивающихся многоточиями: «И он уже видит себя на платформе большой, шумной станции, он ходит под руку с «ней», с невестой /.../ Вот они уже женаты... Они приходят в театр; она в новом платье, хорошенькая и свеженькая. На сцене герой и героиня... И он смотрит на сцену и на нее и чувствует себя героем...» [11]. Однако эти сладостные мечты прерываются монотонным стуком телеграфного аппарата, как бы намекающим, что жизненные обстоятельства окажутся сильнее мира идеального. В конце данной картинке автор говорит о том, что надеждам героя не суждено сбыться, его ожидает судьба Тишина. Об этом косвенно свидетельствует предложенная А.И. Тиняковым портретная характеристика: «Пройдут года, у тебя на висках поредеют волосы, спина согнется, и морщины лягут на твое молодое лицо...» [11]. Телеграфист, как и его начальник, устанет бесплодно мечтать и начнет пить: «/.../ желание жизни и счастья исчезнет, останется пустота, страшная, ненаполнимая пустота!» [12]. Таким образом, «золотистые, юные сны» [12] молодого героя вскоре развеются из-за сурового столкновения со скучной провинциальной средой.

В третьей, самой маленькой, «картинке» А.И. Тиняков изображает обычный день из жизни железнодорожной станции. Ее главный зал грязен и плохо освещен, на стене висят однообразно тикающие часы. На этом мрачном фоне показана группа мужиков, окружающая «корявого, всего заросшего волосами мужиченко» [12], который «долго и скучно рассказывает о каком-то попе и земском

начальнике» [12]. Все происходящее здесь серо, обыденно, пошло, как и сама жизнь маленькой станции. Неслучайно автор предлагает читателю перейти в дамскую комнату, поскольку «скучно слушать, читатель, его неинтересный рассказ...» [12]. В данной «картинке» вновь показана мрачная, давящая обстановка, которую хочется как можно скорее покинуть. Неслучайно слово «скука» становится лейтмотивом этой небольшой по объему главы.

Главная героиня заключительной «картинки» – безымянная женщина средних лет. Рассказ о ней начинается с пейзажной зарисовки: дается краткое описание дамской комнаты, ключевой характеристикой которой становится полумрак. Убогий и скудный интерьер в какой-то степени предсказывает нам нелегкую судьбу героини: «/.../ круглый стол, засиженное мухами зеркало, да старый диван; окна выходят в шумящий и плачущий сад, голая ветка березы стучит по стеклу» [12]. Автор не рисует портрета женщины, а показывает ее отношение к окружающей обстановке. Она смотрит вперед, но, оказывается, не видит того, что находится рядом – тусклой лампы, грязного потолка; не слышит шума ветка и тиканья часов. А.И. Тиняков объясняет это тем, что мысли героини обращены в ее прошлое, которое сравнивается с холодной и темной осенней ночью. Одиноким кратко рассказывает читателю основные факты ее биографии: появление на свет в богатой купеческой семье, раннее замужество, рождение сына. За этим сухим перечнем вновь ощущается трагедия человека, погубленного средой. Лишь в далеком детстве «ее смех звучал серебристо и беззаботно» [13], потом же радостные дни сменились суровыми буднями. Замужество героини тоже было обусловлено обычаями того круга, в котором она родилась и выросла. До свадьбы девушка видела своего жениха всего три раза, ни о какой взаимной любви между будущими супругами не могло идти и речи, однако она не испытывала и отвращения к браку. Выбор героини был предопределен ее окружением и воспитанием: «Ей говорили «иди», а она с раннего детства привыкла слушаться, она постоянно считалась рабой. И она пошла... без любви... не зная того, что ее ожидает...» [13]. Автор вновь обращается к приему контраста, показывая роскошный пейзаж деревенской свадьбы: «соловьи заливались в сиреневых кустах, сияли равнодушные звезды, гремела музыка...» [13] и унылую семейную жизнь героини. Ей не удастся достичь взаимопонимания с грубым и суровым мужем. Одиноким говорит о настоящем рабстве, в котором невольно оказалась молодая женщина: «Рабой была она и осталась рабой /.../ И она трепетала этого крика (мужа – Е.К.) и даже себе не казалась тогда человеком» [13]. В жизни героини, также как и в природе, наступила осень с длинными, тоскливыми вечерами, холодом и шумом ветра. Постоянным ее спутником стало одиночество, поскольку муж часто уезжал по торговым делам. Смысл жизни героиня обретает после рождения сына Коли, «слабенького и худенького» [14]. Автор подробно описывает чувства молодой матери: «О, Боже! Как она любила его! Как дрожала за каждую его слезинку, за каждый шаг!» [14]. А.И. Тиняков показывает неумолимый бег времени, в потоке которого героиня жила лишь своим сыном: «проходила молодость, жизнь тянулась без радостей и счастья, без солнца и любви» [14]. Лишь тревога за сына позволяла скрашивать ее безрадостные будни. Однако мать не могла оказывать даже малейшего воздействия на его судьбу: хорошо учившийся Коля был по настоянию отца «пущен в науку» и отправлен учиться в далекий город. Единственным желанием оставшейся вновь одной женщины было дожидаться Рождества, когда Коля приезжал домой на каникулы. Так незаметно прошли три года, героиня постепенно начала смиряться со своей судьбой. Однако ее унылую, но размеренную жизнь изменила тревожная телеграмма о тяжелой болезни сына. Даже сама обстановка, предшествовавшая ее получению, как бы предупреждала о беде: «Было темно и тихо... Самовар на столе зловеще шипел, и трещал неугомонный сверчок /.../ Он (муж – Е.К.) читал газету, а ей было чего-то страшно и тяжело» [15]. Героиня немедленно отправляется к тяжелобольному сыну. Ощущение приближающейся беды содержится в финальных строках рассказа: «О, как воеет ветер! Точно рыдает над чьей-то могилой, одинокой и ранней...» [14].

Таким образом, в своем рассказе Одиноким изображает жизнь небольшой железнодорожной станции, делая центральной проблемой текста влияние среды на человеческую личность. Все герои произведения – маленькие, незаметные люди под влиянием безрадостной однообразной обстановки постепенно утрачивают свои лучшие качества, расстаются с самыми светлыми надеждами. Одиноким часто прибегает к антитезе, позволяющей продемонстрировать контраст между мечтами героев и их настоящим состоянием. Еще одним средством характеристики внутреннего мира персонажей становятся описания окружающего их интерьера и пейзажные зарисовки. Кроме того, автор обращается к рамочной композиции: действие замыкается в первой и последней фразах повествования: «Поезд ушел...» [7] и «поезд пришел» [15]. Так рассказ «Станция» полностью встраивается в реалистическую традицию с основополагающим принципом социального детерминизма. Предполагаем, что А.И. Тиняков испытывает сильное влияние чеховской традиции («Ионыч», «Крыжовник»), предложившей классическую интерпретацию пагубного влияния среды на человека.

Список литературы

1. Одиноким. Станция. Картинки // Школьные досуги. – 1902. – № 5. – С. 7-15 // Орловский объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева. – 10677/490 оф. – РК. 1521. Далее все ссылки даются по этому источнику с указанием страницы в тексте.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПРОВИНЦИИ XIX В. В ПУБЛИЦИСТИКЕ

С. А. ПРИКЛОНСКОГО (ОПИСАНИЕ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ)

Н.Ю. Кузнецова

ПетрГУ, г. Петрозаводск

Аннотация: В статье исследуется образ Олонецкой губернии, который был создан С.А. Приклонским (1846-1886) в книге «Народная жизнь на Севере». С.А. Приклонский, представитель чиновнического краеведения, народник публицист, подробно описывал земельный вопрос в губернии, жизнь и быт крестьян.

Ключевые слова: С.А. Приклонский, Олонецкая губерния, краеведение, традиционное общество.

THE PROVINCES OF THE NINETEENTH CENTURY IN PUBLICISM

S. A. PRIKLONSKY (DESCRIPTION OF THE OLONETS PROVINCE)

N.Y. Kuznetsova

Abstract: The article analyzes the image of Olonets province, which has been described S.A. Priklonsky (1846-1886) in book "People's lives in the North." S. A. Priklonskii, representative of officialdom, local history, populist writer, described in detail the land problem in the province, and everyday life of the peasants.

Keywords: S.A. Priklonsky; Olonets province, local history, the traditional society.

Русский Север, по мнению Д.С. Лихачёва, представляет собой «удивительнейшее сочетание настоящего и прошлого, современности, человека, природы, и истории русской! – самой значительной, самой трагической в прошлом и самой философской» [4, с. 3-4]. Это высказывание нашло отражение и в истории Олонецкой губернии – небольшой по территории, удалённой от центра и глубоко провинциальной, но в то же время оставившей след в литературе и публицистике многих деятелей культуры XIX в. Этот регион Российской империи «оказался богат» на статистические обзоры и краеведческие статьи, путевые очерки и записки путешественников, в большинстве которых авторы сходились во мнении о том, что Олонецкая губерния представляла собой яркий образец провинции. Не оказался исключением из этого правила и Сергей Алексеевич Приклонский.

На протяжении 1871-1873 гг. С.А. Приклонский, являясь чиновником на службе у олонецкого губернатора (должность правителя Канцелярии обеспечивала ему возможность доступа ко многим данным, отчетам и архивным материалам, недоступным простому обывателю), осуществил несколько инспекционных поездок по губернии. Всё это позволило автору собрать большую часть материалов, на основе которых он затем издал книгу «Народная жизнь на Севере» [5]. Яркими моментами в тексте его работы является описание традиций, быта и нравов и карельского населения.

С.А. Приклонский, основываясь на личных наблюдениях и той информации, которую он сумел получить за почти 10 лет чиновничьей службы, в книге даёт подробное описание как карельского населения в целом губернии [3], так и жителей отдельных её территорий [1]. Автор, рассматривая один из самых острых вопросов постреформенного периода в империи – вопрос о земле, изучил и историю земельных отношений в крае. Он прослеживает историю обезземеливания крестьян на протяжении XVIII века, когда их положение оказалось на грани катастрофы, историю распределения земли среди крестьянства в крае (после реформ) и проблемы, возникшие в связи с этим: особенности земледелия в крае, малоземелье крестьянства, борьба маломочных и зажиточных крестьянских хозяйств в деревне, злоупотребления со стороны чиновников в отношении наделения крестьян землёй и т.д.

Также автор анализирует роль монастырей и состояние Русской православной церкви в крае [2]. Например, одна из небольших, но достаточно известных в губернии обителей – Палеостровская – также вызывает его интерес в свете освещаемого земельного вопроса и их отношений с крестьянской общиной. С. А. Приклонский отмечает, что северные монастыри являлись одними из крупнейших землевладельцев, а также занимались ростовщической деятельностью, часто обирая местных крестьян и загоняя их в кабальную зависимость [5].

Помимо острых для современного автору периода вопросов, он освещает также многие темы и вопросы, которые и до него затрагивали исследователи и путешественники: общее состояние губернии, развитие земледелия в крестьянской среде, деятельность земств в крае, активная промысловая деятельность среди крестьян, уровень образования, местные обычаи и традиции. С. А. Приклонский, к примеру, отмечает, что организация школ в Олонецкой губернии, несмотря на достаточно образованное крестьянство, происходила не всегда гладко, и часто крестьяне в селениях не поддерживали инициативу земства об организации школ. А саму деятельность земств на местах он обозначает как «тяжелую, малоотрадную картину» [5, с. 208].

Сергей Алексеевич Приклонский, происходивший из другого региона и назначенный на службу в Олонецкую губернию, в своей книге «Народная жизнь на Севере» смог подробно описать быт крестьянства как «сторонний наблюдатель». Он объективно и беспристрастно обрисовывает ситуацию и высказывает своё мнение относительно наблюдаемых явлений. Автор строит свои рассуждения не только на основе статистики и архивных данных, но и на личных впечатлениях, полученных в период службы в Канцелярии олонецкого губернатора. Несмотря на статус государственного служащего в период сбора материалов и данных для книги, С. А. Приклонский объективно подошёл к её написанию, выделив как положительные, так и отрицательные моменты жизни местного населения в губернии.

Список литературы

1. Кузнецова Н.Ю. Заонежье глазами С.А. Приклонского.
2. Кузнецова Н.Ю. Монастыри Русского Севера в исследованиях А.С. Пругавина и С.А. Приклонского // Научный электронный журнал CARELICA. – 2014. – № 1(11). – С. 42-50.
3. Кузнецова Н.Ю. Образ жителя Олонецкой губернии второй половины XIX века в книге С.А. Приклонского "Народная жизнь на Севере" // Карелы: осмысление исторического опыта: материалы научно-практической конференции. – Петрозаводск; Verso, 2014. – С. 106-110.
4. Лихачев Д.С. Русский Север // Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. – М.; Архангельск, 2004. – С. 3-4.
5. Приклонский С.А. Народная жизнь на Севере. – М.: Типо-Литография И.Н. Кушнерова и К°, 1884. – 367 с.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО КУНГУРА В КНИГЕ ПУТЕВЫХ ОЧЕРКОВ ВАС. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО «КАМА И УРАЛ»

С.Т. Лапшина

г. Кунгур

Аннотация: Статья посвящена анализу трёх глав книги Вас. И. Немировича-Данченко «Кама и Урал», рассказывающих о купеческом городе Кунгуре 1876 г. В работе дана характеристика увиденного путешественником, его заметкам, как о социальных слоях городского общества, так и о бытовых подробностях провинциального города. Особое место отведено достижениям купцов. С чувством юмора и гордостью Немирович-Данченко делает вывод, что Кунгур один из самых красивых и благоустроенных городов нашего востока.

Ключевые слова: краеведение, Кама и Урал, город Кунгур XIX века, купцы, этнографические подробности, Грибушин, Кузнецов, Губкин.

THE IMAGE OF THE PROVINCIAL TRAVEL ESSAYS IN THE BOOK KUNGUR VAS. I. NEMIROVICH-DANCHENKO "KAMA AND URAL"

S.T. Lapshina

Abstract: The article is devoted to the three chapters of the book Vas. I. Nemirovich-Danchenko "Kama and Ural", telling about the merchant city of Kungur, 1876. Description of what he saw, his notes traveler as the social strata of urban society and domestic details. A special place is devoted to the achievements of the merchants. Humorous and pride of Nemirovich-Danchenko concludes that Includes one of the most beautiful and comfortable cities to our East.

Keywords: local studies, Kama and Ural town of Kungur, 19th century.

«Я был на Урале в 1875 г. После того, как слышно, там изменилось немного. Провели железную дорогу, строившуюся при мне, но она не улучшила быта рабочих и положения заводов... - писал в 1904 г. Василий Иванович Немирович-Данченко (1848–1936) - путешественник, поэт, автор многочисленных очерков, романов, рассказов, воспоминаний.- <...> Русская литература с тех пор обогатилась прекрасными произведениями об Урале г. Мамина (Д. Сибиряка) и др. Смею думать, что и мои записки, в своё время благосклонно принятые критикою и читателями, не устарели. Они печатались в «Деле», в «Историческом вестнике», «Русской речи» и «Русских ведомостях» и теперь впервые являются собранными вместе»[7, с. 28].

За сто лет эта удивительная книга, названная автором «Кама и Урал», так полностью не исследована, хотя существует обобщённая оценка учёных-историков: «Путевые очерки насыщены жизненными реалиями. <...> Многообразие, неповторимость русской природы переданы в мастерских зарисовках пейзажей. Естественно и органично вводятся в очерки этнографические и исторические сведения. Н.-Д. внимателен к локальной специфике, местным легендам и преданиям. <...> В путевых очерках Н.-Д. предстает одарённым художником, наделённым знанием жизни, социальной зоркостью, он

русский патриот и гуманист»[9, с. 348].

А.В. Теленков рассматривал книгу Вас. И. Немировича-Данченко «как источник изучения мировоззрения русского населения Урала», отмечая, что «книга написана как трагедия Урала; автор передаёт боль за настоящее и будущее края. <...> золотыми нитями через всё его произведение проходят идеи человеколюбия и сострадания. Автор старается «не мешать» читателю навязыванием своих мыслей, <...> рисует портреты представителей простого народа, заводчиков, местных миллионеров, татар, женщин...»[10, с. 71].

Историки и краеведы Добрянки проанализировали главы, относящиеся к истории их района», подтверждая, что «дорожные очерки представляют большую ценность не только как типичное явление русской литературы второй половины XIX века, но и как важный исторический источник при изучении прошлого своей малой родины»[3, с. 283].

Автор сайта Елабужского музея-заповедника «перевёл» и выложил страницы, касающиеся Елабуги. Он считает, что «чтение текста <...> позволит ощутить вкус и звучание совершенно другой, ушедшей в далёкое прошлое, русской речи» [4, с. 71].

Очередь проанализировать 3 главы: XXV «От Перми до Кунгура» -(8 страниц), XXVI «Кунгур»-(7 страниц), XXVII «От Кунгура до Саксунской (Суксунской – С.Л.) горы» [7, с. 249 (С.22)].

В предисловии к изданию 1904 г. Немирович-Данченко пишет, что был на Урале в 1875 г., а в сносках главы XXIV указывает другую дату: «Автор был в Пермской губернии в 1876 г» [7, с. 108 (С.11)]. (Путешествие длилось 2 года?- С.Л.)

Заканчивается книга осенним пейзажем: «Когда мы уезжали из Салды, солнце светило вовсю. Свежий осенний ветер колыхал пожелтевшие листья деревьев». [7, с. 249 (С.22)]. Закончил путешествие по Уралу Василий Иванович приблизительно в сентябре, а уже в «1876 г. Немирович-Данченко посетил Аджарию, где назревало восстание против турецкого ига». [б.] Россия объявила войну Турции, и Василий Иванович участвовал как военный корреспондент в событиях русско-турецкой войны с апреля 1877 по 3 марта 1878 г, оставив удивительное произведение «Год войны. Дневник русского корреспондента», написанное по горячим следам.

Записи о путешествии по Уралу начал публиковать отдельными очерками в 1890. И только в 1904 собрал в книгу. Естественно, за 28 лет что-то забылось, какие-то даты, фамилии забылись, что-то освежил в памяти по «Адрес-Календарям», и повествование покрылось ореолом романтики и ... неточностями.

Тем не менее, страницы о Кунгуре не просто хороши – замечательны.

Итак, в начале весны 1875 г. на пароходе из Казани (сначала по Волге, затем по Каме в Пермь плывёт 32-летний Василий Немирович-Данченко (по разным источникам год рождения 1844/45 или 1848 – С.Л.)). Началась путина, и путешественник сначала по Чусовой, затем по Каме объехал все горнозаводские посёлки Урала. В июне отправился из Перми в Кунгур «на тройке», запряжённой в телегу, когда уже «...пахло в тёплом воздухе <...> липовым цветом». [7, с. 241 (14)]. 100 вёрст до Кунгура ехали долго. Возница, «мрачный кунгурский мужик», жаловался на жизнь: «Пять троек у меня было опрошлый год, а ныне –две...» Виноваты во всём чиновники. Услышав, что «господин» не здешний, посетовал, что «с проезжим человеком разговаривать не велено. За это влетает-то...» и тут же разоткровенничался, что из-за плохих дорог кони колеют. А на тракте ветки, камни – не езда, а мучение. Да и леса повыврубили. «В упокойниках леса наши, -продолжал кучер.- ... по нашему Пермскому краю от этого от самого промысла многие мещане миллионщиками объявились <...> Так и сняли с земли шубу-то... Ишь, ей без шубы холодно, она и мёрзнет; где прежде хлеб рожался сам восемь да сам девять, теперь и сам четыре слава те, Господи». А всё из-за Смышляева: «...Потому он у нас царь. Что захотел, то и сделал. Теперь казна какие тысячи на эту дорогу отпустила - страху подобно» [7, с. 245 (18)]. (Дмитрий Дмитриевич Смышляев - организатор пермского губернского земства. С 1876 г. занимал пост председателя губернской земской управы. В расходах Земства «обязательных» и «необязательных» он сменил приоритеты. Смышляев на первый план выдвинул вопросы народного образования, медицины и улучшения экономического быта населения...- С.Л.)

В том, что все проезжающие по Сибирскому тракту страдают от бездорожья, Немирович-Данченко убедился «на первой же станции, развернув Книгу жалоб».

Слушая стенания извозчика-кунгуряка, молодой путешественник внимательно смотрел по сторонам, любовался сначала «алым фоном заката», вечерней мглой, «голубой и мечтательной», а потом и наступившей ночью. Дорога, как и река, «капризно вьётся, подбегая к каждой рошице, к каждой деревушке». [7, с. 241 (14)]. А возница и про Ермака рассказал, и про татар, что «как стали бедняге и пить стали». Сначала навстречу попадались обозы, идущие в Пермь и на Крестовскую ярмарку. Ближе - снова крестьянские возы - попутно– сотни возов с корьём: «Это всё в Кунгур. Ивовую кору для кожевен везут» (заготовкой дубильного корья занимались с 15 мая по 15 августа – С.Л.). С удовлетворением Немирович-Данченко отмечал обилие крупных построек перед Кунгуром: «Сплошные постоянные дворы вытянулись по обе стороны дороги». И возница повеселел: «Город у нас большой да красовитый». [2, с. 246 (19)]. Подъехав к городской станции, путешественник узнал, что оба номера заняты: в одном молодые, а во втором «пьяные купцы бушуют. <...> Один напился и вообразил, что умирает... Из города нотариуса вытребовал. Диктует ему духовное завещание». Невольные свидетели подписывались уже под «двадцать

шестым. Потому, «как напьётся, сейчас умирать». [2, с. 247 (20)].

Через весь город поехали назад, в «Константинополь» - лучшую гостиницу. А город – сплошной базар. Чтоб торговать днём, приезжали с ночи. Скупщики, «как саранча, шмыгают вокруг сонных мужиков». Сенной рынок, гончарные ряды, «бабы с ягодами, грибами, яйцами, мальчишки с целыми горами деревянной посуды». Усталый путник, еле дозвонившись, вошёл в гостиницу и дал сразу оценку: «Омерзительный номер». Но тут же чувство юмора помогает вспомнить Гоголевского Чичикова. Немирович-Данченко иронизирует: «... всё голодное население тотчас же выползло на стены, очевидно, любопытствуя, кого Бог послал на ужин». На вопрос, что это у вас, половой отвечал: «Известно что! Здешний клоп. У нас им не обижаются. У нас везде. Домашний зверь-то», - и тотчас же «перстом сделал из него запятую». Когда выяснилось, что новый постоялец вина не пьёт, разочарованно протянул, что жилец непьющий им не выгоден, у хозяина винный погреб свой. Очевидно, было уже 4 часа утра, слышно, как «пегухи орут во всю глотку. Удивительно исправная птица». Далее автор сообщает: «Я подошел к окну. Городок выглядывает очень кокетливо, хотя между чистенькими, щеголеватými домами здешнего купечества кое-где напоказ выставляется гнилая рвань мещанского убожества. <...> сползают вниз по крутому берегу маленькие, покривившиеся домики кунгурской бедноты...» А в окно – «противный удушающий запах кожи». Пообещав паспорт утром, гость услышал историю про немцев, «третьего дня квартальный даже одному руки назад скрутил». «Книги какого содержания?», а они, немцы, глазами только хлопают, да лопочут что-то по-своему... Мы тут тихо, смиренно, по православной вере живём. А они зачем к нам?» И совсем по Гоголю предположил, что «они на нашей земле, свои крепости на случай войны хотят строить», [7, с. 250 (23)], чем насмешил Немировича-Данченко. (Совсем невероятно, но немцами могли быть учёные Альфред Эдмунд Брем (1829-1884) и Отто Финш или их соотечественники, отставшие от группы. Именно в это время, в 1876 г., «Общество германской севернопольярной экспедиции направило их в Западную Сибирь для проведения исследовательских работ. В октябре 1876 г. они, уже возвращаясь, ходили в Перми охотиться на тетеревов») [8, с. 112-113].

Хронология кунгурских страниц такова: поздней ночью (или ранним утром) Василий Иванович приехал в Кунгур, отдохнул в гостинице, день гулял по городу, ночевал вторую ночь и выехал в сторону Суксуна.

Когда вышел утром из номера, увидел, что «все улицы и площади этого торгового города были залиты народом». И отправился Немирович-Данченко, что называется, на кунгурцев посмотреть и себя показать.

«Вон толстый купец тащит за ухо через улицу своего приказчика; тот смиренно следует за ним и даже не делает попытки освободиться.

(Собеседник комментирует – С.Л.) - ... Сейчас казнить будут... Чем ни пошло по морде. Палка - палкой, веник - веником. У них это просто. Оттого ими и приказчики всегда довольны. У других - выгонят, а этот оставит - служи... И ещё раз поймают, и ещё раз сами из своих рук накажут...». На восклицание гостя. «Ну и нравы у вас», кунгуряки парируют: «Помилуйте, они наши кормильцы, мы без них, что тараканы в пустой избе» [7, с. 252 (25)]. А второй ему в пику: «Болван ты! Всю из тебя соку с кокой (по Далю - богатство, достаток [1, с. 134].) выжмут». «Отчего не выжать. <...> У нас одно – блоха своя, всего и хозяйства».

Поговорив и, наверное, купив «Пермские Губернские ведомости» (не в управу же он заходил для знакомства со статистическими отчётами), а может, позднее, полистав Адрес-календарь, Немирович-Данченко делает вывод: «Кунгур играет громадную роль в торговле этого края. Едва ли это не самый богатый город. Одного перечисления фирм его довольно, чтобы получить некоторое понятие о значении Кунгура в Пермской губернии. Вот главнейшие из них: Кузнецов, отправляющий ежегодно за границу сала на 10 миллионов рублей. Губкин, занимающийся чайною торговлею с 6-миллионным оборотом. Грибушин, из писцов почтовой конторы, ставший миллионщиком; кожевщик Фомин (Фоминский –С.Л.), Чуватов, Пликин (Пиликин – С.Л.), Турицын, торгующие кожею от 300 до 100 тысяч в год каждый и многие др.» Со слов кунгуряков, «купцы значительные. Нигде таких пожертвований нет, как у нас... Вон недавно Грибушин (А.С. Губкин – С.Л.) на техническую школу дом (построил техническое училище - С.Л.) да несколько сот тысяч дал, а вот мещанин здешний Зыряков (Зырянов –С.Л.) взял да так ни с того, ни с сего 90 тысяч рублей на благотворительные дела отдал...» [7, с. 251 (24)] (построил богадельню – С.Л.).

«Кунгур – по преимуществу купеческий город. Все тут живут тем, что даст купец. Он даёт тон городу, он первый и в городской, и в земской управе. В клубе чиновники перед ним млеют, в соборе батюшка о его благотворениях произносит краткие слова. Мещане смотрят ему в глаза и ещё издали снимают шапки». (До 1876 г. городским головой был М.И. Грибушин, сменил его Иосиф Титович Ковалёв. Оба о благополучии города заботились – С.Л.)

Понравился Василию Ивановичу Кунгур: «Красивые церкви без того запущенного вида, каким они отличаются в других местах, красивые (белокаменные, с зелёными кровлями) дома, где ни во дворе, ни в окнах не видать ни души.. Сады с густою листвою своих лип и клёнов. <...> Крутой и капризный извив Сылвы вроде французского S». (Почему-то о двух других реках – Ирени и Шакве – ни слова, словно их и нет. Не увидел Ириловку, ни слова о судостроительном заведении Гакса. А тот в Кунгуре в это время строил пароходы). Обратил внимание и на стены домов, где вместе с фамилией владельца указано, с чем

тот должен являться по тревоге на пожар: «с кишкой», «с бочкой» или «с машиной».

В гостинице вечером пьянствовали «господа купцы» и артист, он злился: «Можете ль вы понимать, что такое музыка!» «Построй ты мне здесь каменный театр!- приставал он к купцу- Я вам оперы ставить берусь. Свет увидите, черти эдакие. Тут вы ведь совсем щетиной обросли, свиным салом покрылись. Кроме кожи, ничего не знаете. Ведь вас, толстолобых, не прошибёшь теперь...» На что получил резонный ответ: «Зачем? Кто ходить-то будет?» А музыка для кунгуряков – это пение в церкви, «ежели хорошие певчие». Половой вторит: «У нас певчие какие! В Екатеринбурге таких нет. У нас по воскресеньям парковое (многоголосное хоровое – С.Л.) пение в соборе!»

Сравнивает Немирович-Данченко провинциальный Кунгур (и не в его пользу) со столицей только однажды. В гостинице «вместо органа играла шарманка. Мотивы – таких в других местах и не услышишь: «Шла девица за водой», «Гусар, на саблю опираясь», «Под вечер осени ненастный.»

Если город Пермь, по словам автора, «миниатюрен, куда ни зайдёшь, виден его конец», то Кунгур огромен, переезжал с площади на площадь гость столичный очень долго (а их было 6: Соборная, Острожная, Мининская, Торговая, Кожевенная, Приходская) [11, с. 87].

Путешественник умудрился даже «запутаться. У какой-то церкви разговорился с просвирней. «Лицо – широкая масленица, сама – толще колокольни». Предлагала остаться в Кунгуре, обещала женить: «А ты не гордыбачься (по Далю –не зазнавайся)... У нас невесты белые, разсыпчатые». Посмеялся только, скучно, мол, у вас, «взбесишься от тоски». Возвратившись в гостиницу, а проводила его Фёкла, автор подытоживает: «Женщины здесь говорят как-то особенно, певуче». Запах кожи для них «скусный». Кстати, об уральских женщинах трижды заводит речь автор. Первый раз перед Пермью. Удивляясь тому, что мужчина, ушедший летом на заработки, не бьёт жену и не попрекает, если она без него гуляла и «понесла». Даже хорошо: работник вырастет. Второй раз о кунгурячках (см. выше). В третий раз, выехав из Кунгура, удивляется женщинам села Сабарка. «Здесь бабу бить нельзя. Она сама оглоушит кого угодно. <...> Сабаровские бабы своих мужиков в струне держут. <...> У нас часто баба ресторанов водит...» [7, с. 258 (31)].

Нет в описании кунгуряков названий одежды, обуви, деталей костюма. Только раз промелькнула фраза «косцы-башкиры в белых балахонах и белых валяных шапках», «бабы в необычайно ярких платьях».

Кунгур XIX века по российским меркам – захоlustье, а Немирович-Данченко восклицает: «По моему мнению, это один из самых красивых городов нашего востока, да и из самых благоустроенных», хотя сам постоянно замечает, что «всюду душающий запах кожи». А ведь ещё 10 лет назад он был заполонён польскими сыльными [5, с. 12].

Вот так колоритно обрисовал Василий Иванович уральский провинциальный город в книге путевых очерков «Кама и Урал».

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. III. – М.: Русский язык, 1999. – С. 134.
2. Дмитрий Дмитриевич Смышляев, организатор пермского губернского земства [Электронный ресурс] //.-URL: <http://www.permgani.ru/publikatsii/stati/dmitrij-dmitrievich-smyshlyaev-organizator-permskogo-gubernskogo-zemstva.html> (20.09.15).
3. Калинин М.А. Эхо минувших веков. – Березники, 2003; Калинина И.Н. Путевые очерки Вас.И. Немировича-Данченко «Кама и Урал» как ценный источник по истории Добрянского района // Грибушинские чтения. – 2011; На стыке традиций, эпох, континентов. – Кунгур, 2011.
4. Куклин А.Г. Кама и Урал. Василий Иванович Немирович-Данченко [Электронный ресурс] //.-URL: http://www.elabuga-foto.ru/homeland/_nemirovich01.html (май 2011).
5. Лапшина С.Т. Кунгур как место ссылки. – Пермь, 2011.
6. Немирович-Данченко, Василий Иванович // Википедия [Электронный ресурс] //URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
7. Немирович-Данченко Вас.И. Кама и Урал. – СПб. Издание ПП. Сойкина, Книжный магазин, Невский, 96. или «Кама и Урал» // Сборник краеведческих материалов / Сост. С.Т. Лапшина. – Кунгур, 2004. – С.249 (С.22).
8. Николаев С.Ф. Брем на Урале: странички истории // Звезда.-1979.-№31 в сб. Краснопёров Д.А. Литературная память Перми [Электронный ресурс] //.- URL:http://biblioteki.perm.ru/files/61/literaturnaya_pamyat.pdf
9. Рабинович Я.Б., Семёнов В.Л. Немирович-Данченко и его книга «Кама и Урал» // Ученые записки Пермского гос. ун-та. – 1976. – Вып. 348.
10. Теленков А.В. «Кама и Урал» Вас.И. Немирович-Данченко как источник изучения мировоззрения русского населения Урала. //Вестник Пермского университета. История. – Вып.4. – Пермь, 2003. [Электронный ресурс] //URL: <http://histvestnik.psu.ru/PDF/2003/12.pdf> (12.09.15)
11. Чагин Г.Н., Шилов А.В. Уездные провинции. Кунгур, Оса, Оханск. – Пермь: Книжный мир, 2007. – С.87.

«В КАМЫШИНЕ МОЛОДОСТЬ НАША»: ГОРОД ТЕКСТИЛЬЩИКОВ В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ ОРЛОВА

О.В. Назарова

Отдел краеведения ВОУНБ им. М. Горького, г. Волгоград

Аннотация: Публикация посвящена жизни и творчеству провинциального поэта Николая Александровича Орлова (1903-1999). В статье рассматривается образ города Камышина в стихах и песнях поэта. Основные темы творчества автора – любимый город, Камышинский хлопчатобумажный комбинат, рабочая молодёжь, радость строительства нового индустриального города, романтика жизни. На основе публикаций многотиражной заводской газеты «Камышинский текстильщик» и районной газеты «Ленинское знамя» середины XX века прослеживается литературная, культурная и трудовая жизнь города.

Ключевые слова: Орлов Николай Александрович (1903–1999), поэт, биография, политические репрессии, Камышин, город текстильщиков, Камышинский хлопчатобумажный комбинат, литературное творчество, образ Камышина в творчестве поэта, агитационная работа, художественная самодеятельность, городская песенная культура, литературные объединения г. Камышина, периодическая печать Камышина, краеведы.

«OUR YOUTH IS IN KAMYSHIN»: THE CITY OF TEXTILE WORKERS IN THE WORKS OF NIKOLAY ORLOV

O. Nazarova

Abstract: The publication is devoted to the life and works of the provincial poet Nikolay Aleksandrovich Orlov (1903-1999). In this article the image of the city Kamyshin in poems and songs of the poet is considered. The main subjects of the works of the author are : the favorite city, the Kamyshin cotton factory, young workers, pleasure of construction of a new industrial city, the romantic of life. Based on the publications of the multiproduction factory newspaper «Kamyshinsky Tekstilshchik» and the regional newspaper «Leninskoye Znamya» of the middle of the XX century the literary, cultural and labor life of the city is traced.

Keywords: Orlov Nikolay Aleksandrovich (1903–1999), poet, biography, political repressions, Kamyshin, the city of textile workers, the Kamyshin cotton factory, literary creativity, image of Kamyshin in the works of the poet, propaganda work, amateur performances, city song culture, literary associations of the city Kamyshin, periodicals of Kamyshin, local historians.

На высоком берегу Волги, между Саратовом и Волгоградом, стоит город Камышин. Его уникальная история началась более трех веков назад. Сначала – небольшая крепость, потом – купеческий городок, в 60-годы – посёлок текстильщиков, в настоящее время – один из интереснейших городов Нижней Волги.

Этот город стал судьбой Николая Александровича Орлова, поэта, который приехал сюда в 1951 году не по своей воле, но остался здесь на всю жизнь.

Николай Александрович Орлов родился 12 ноября 1903 года в г. Иваново-Вознесенске. Его первое стихотворение было напечатано в 1925 году в газете «Рабочий край» города Иваново-Вознесенска. В 1924 году по путёвке комсомола двадцатилетний Николай был направлен на учёбу в Ленинградское авиационное училище. Служил в авиации Черноморского флота в Севастополе. Радовался молодости, жизни и морской романтике:

*Дозоры, маневры,
Походы
И схватки
С волной штормовой –
Всё-всё, что я делал
В те годы,
В мой список вошло
Послужной.*

Но была еще одна стихия, которая захватила сердце молодого летчика: «В те годы я всё свое свободное от службы время отдавал литературному творчеству – писал стихи. Товарищам-лётчикам мои стихи очень нравились. Но я хорошо понимал, что хорошие специалисты в области авиации, они не были такими в литературной критике»[16, с. 4]. И хотя его стихи охотно печатали севастьяпольские газеты «Красный черноморец», «Маяк коммуны», он всё же отправил их Максиму Горькому. Это был первый серьезный поворот в судьбе молодого человека. Вскоре пришли письма из г. Сорренто, в которых А. М. Горький критически разобрал стихи Николая, указал недостатки некоторых строк, но в целом отметил дарование автора и посоветовал учиться у хороших мастеров – А. Пушкина, М. Лермонтова. Затем в г.

Симферополе, по рекомендации великого писателя, увидела свет первая книга Н. Орлова «Солнце за станком» (1932).

Первый день войны застал Н. Орлова в Костроме, где он оканчивал Учительский институт на факультете русского языка и литературы. Орлов подал заявление о своем добровольном желании пойти на фронт, но по состоянию здоровья (авария на самолёте) ему было отказано.

В 1944 году по ложному доносу Н. Орлов был арестован с формулировкой «за критику действий советского правительства». Семь лет на этапах и в тюрьмах: Ярославской, Рыбинско-Кировской и, в конце концов, в Воркутинской тюрьме на Крайнем Севере за Полярным кругом. Однако и за колючей проволокой не переставал быть поэтом. Сознывая всю тяжесть и безысходность заточенья, сочинял в уме:

Слова у поэта всегда при нём.

Им тщательный обыск

Не страшен.

Им рот не закроешь

Тюремным замком

И цепью стальной не свяжешь.

Уже позже, в Камышине, стихи лагерных лет вошли в сборник «Ордер на обыск» (1992).

После освобождения Николай Орлов приезжает в Камышин, т.к. областные города были для него закрыты. В это время здесь началось грандиозное строительство хлопчатобумажного комбината, которое «омолодило, обновило город, вдвое увеличило его население. Камышинский ХБК был самым крупным не только в СССР, но и в Европе. На предприятии работало около 20 тысяч человек, а фабрики были размещены на площади более 70 гектаров. В цехах предприятия установлено почти столько же прядильного и ткацкого оборудования, сколько работало на всех текстильных предприятиях Иваново»[12, с. 53].

Николай Александрович влюбился в этот город: в характеры, судьбы людей, старые и новые трудовые традиции, принципиальность и честность простых рабочих, преданность своей профессии:

Мне посёлок текстильщиков

Дорог

Тем, что рос

У меня на глазах,

Тем, что строила

Здания эти

Здесь, в приволжской степи,

Молодёжь,

Презирая неистовый ветер

И песчаный

«Камышинский дождь».

Комбинат стал дорогой в будущее многих и многих молодых людей, которые приезжали сюда не только трудиться, но и устраивать свою жизнь. Отсюда, из Камышина, они писали письма родным о том, «какой большой комбинат в Камышине строится, о том, как интересно делать ткани»[12, с. 55]. «Тот, кто с нами – судьбой не обижен», – писал об общем душевном настрое Н. Орлов, – «Здесь рождается тонкая пряжа, нить за нитью идёт в полотно. Здесь мечта быстрокрылая наша подружилась с делами давно».

Николай Александрович устраивается работать в редакцию камышинской городской газеты «Ленинское знамя», а когда в 1958 году была создана многотиражная газета Камышинского хлопчатобумажного комбината, то переходит работать туда сотрудником редакции. После многолетнего перерыва, он, наконец, вновь начинает систематически писать стихи. Как сотрудник газеты «Камышинский текстищик», он часто встречался с юными читателями, школьниками, будущими строителями, молодыми текстильщицами[23]– читал стихи, отвечал на вопросы собравшихся, делился творческими планами. В то время для чтения стихов не нужны были специальные сценические площадки, свет рампы и широкая реклама: самые душевные встречи проходили в средней школе №1 г. Камышина[18, с. 2], общежитии №17/2[2, с. 2], в библиотеках, на фабриках и заводах.

Активно участвовал в агитационной работе на фабриках и предприятиях Камышина. Так, в 1959 году в клубе железнодорожников была создана творческая агитбригада «Семафор». В бригаду вошли наиболее активные члены художественных кружков. Выступления бригады проходили не в клубе, а на рабочих местах во время перерыва. Сатирическая программа, стихи для которой написал Николай Орлов, отличалась огромным юмором, поэтическим задором и комизмом производственных ситуаций: «Во время выступления бригады многим приходится покраснеть. Лодыри, пьяницы, браконделы узнают себя в сатирических куплетах»[9, с. 3]. В 1961 году, совершенствуя методы лекционной пропаганды, Камышинское отделение Общества по распространению политических и научных знаний подготовило радиожурнал «Для вас, любознательные», передачи которого транслировались радиоузлом городского парка культуры и отдыха. Первый номер открылся выступлением председателя горисполкома т. Аксёнова, который рассказал о перспективах развития Камышина в семилетке, затем лектор т. Иванов посвятил свое выступление теме «Цена одной минуты», а третья страница была отдана поэту Н. Орлову и композитору Дьяченко, которые исполнили свои песни и стихи[1, с. 3].

Николай Орлов был участником становления крепких литературных традиций города Камышина. Он сам воспитал не одно поколение молодых писателей и поэтов. Но не терял связи и с теми, с кем познакомился еще в годы комсомольской молодости в г. Иваново. Много лет переписывался с Михаилом Дмитриевичем Шошиным, Виктором Васильевичем Полторацким (настоящая фамилия – Погостин, 1907-1982), советским писателем, поэтом и журналистом, лауреатом Сталинской премии третьей степени, Геннадием Ивановичем Горбуновым (1912-1973), журналистом, заведующим отделом культуры и быта Ивановской областной газеты «Рабочий край» (в своих публикациях и повести «Наши знакомые» также, как и Н. Орлов, писал о жизни работниц-текстильщиц г. Иваново). В 1968 году, к 65-летию со дня своего рождения, Николай Орлов послал Геннадию Горбунову пригласительный билет со словами: «Дворец культуры текстильщиков приглашает Вас на творческий вечер Николая Орлова...»[5, с. 2], как бы напоминающая и о старой дружбе, и об общей теме в творчестве. Орлов дал «путёвку в жизнь» Михаилу Александровичу Дудину(1916–1993) – молодому пареньку, который через несколько десятков лет стал известным советским поэтом, переводчиком, общественным деятелем, лауреатом Государственной премии СССР.

Помимо работы в газете, он организует на хлопчатобумажном комбинате литературный кружок, который объединяет творческую рабочую молодежь. На первом занятии кружка в октябре 1959 года присутствовало всего пять человек, через год – уже 27. Все члены кружка писали стихи или рассказы, басни, очерки, главная тема которых – жизнь текстильного комбината. На занятиях кружка каждое произведение молодых авторов тщательно разбиралось, обсуждалось. Лучшие из них печатались в многотиражке «Камышинский текстильщик», в районной газете «Ленинское знамя». Многие кружковцы активно участвовали в выпуске стенгазет, сатирических листов, готовили вечера-концерты.

С появлением творческого объединения литературные вечера с участием начинающих авторов стали не только часты, но и популярны. Это были необычные вечера: «Днём все участники совместно стояли за прядильными машинами и ткацкими станками. А вечером одни из них читали свои произведения, а другие внимательно слушали их»[10, с. 2]. На творческие отчёты своих товарищей по труду собиралось до двухсот человек – ткачих, прядильщиц, строителей, работников ТЭЦ, типографии, хлебозавода. Сюда тянулась молодёжь – послушать лирические стихи, посмеяться над рассказами и побасенками, спеть сатирические куплеты. Отсюда, из этих литературно-производственных вечеров «вышел» замечательный камышинский журналист и краевед, а в то время – заведующий складом ткацкой фабрики, Евгений Васильевич Хорошунов[10, с. 2]. Частым гостем был и ответственный секретарь многотиражной газеты «Строитель» Василий Никифорович Мамонтов, которого сейчас мы считаем одним из старейших камышинских краеведов, написавшим замечательные книги о Камышинском стеклотарном заводе и камышинских просёлках[11].

В 1961 году в Москве состоялся XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, который принял Устав КПСС (частью которого являлся Моральный кодекс строителя коммунизма) и Третью программу КПСС. А спустя некоторое время в маленьком Камышине в клубе «Победа» состоялось торжественное собрание партийно-хозяйственного актива хлопчатобумажного комбината, посвящённое XXII съезду ленинской партии. Как и было положено, вначале заседания выступила председатель фабричного комитета профсоюза Г. К. Корепанова с докладом об итогах предсъездовского социалистического соревнования. В своём докладе она отметила, что «в последнее время успешно работает коллектив второй ткацкой фабрики, давший Родине 600 тысяч метров ткани сверх государственного плана», а затем состоялся концерт художественной самодеятельности. На сцену вышли участники литературно-музыкальной композиции «С партией наши сердца», написанной Н. А. Орловым. И, как отмечает газета тех лет, «и художественное чтение, и танцы, и выступление хора и эстрадного оркестра с большим интересом, тепло были встречены зрителями»[22, с. 1].

Более 10 лет Николай Александрович отдал художественной самодеятельности: писал стихи и песни для клуба «Победа» при хлопчатобумажном комбинате, участвовал в создании литературно-музыкальных композиций, читал свои стихи[6, с. 2], а его знаменитые «Песня камышинских текстильщиц» и «Приветственная песня сталинградцам» несколько раз исполнялись на празднике песни в Сталинграде в 1960 году, заслужив «много аплодисментов» и призы[13, с. 2]. Его называли поэтом-песенником. Несколько десятков песен («Два слова», «Клятва на верность», «Песня советских строителей», «Космонавты, на старт», «Если любишь», «Волжские страдания», «Улыбка», «Сегодня над Камышином чудесная луна») [17, с. 1], восемь из которых вошли в сборник, выпущенный Сталинградским книжным издательством «Сталинградский праздник песен»[14, с. 1], были созвучны городской песенной культуре 60-х годов XX в.: в них есть и молодой задор, и радость созидания светлого будущего. В Камышине исполнялись: «Город Камышин поёт», «Камышин наш не старится», «Песня о Камышине» [15](на музыку камышинских композиторов Николая Васильевича Ольхового и Анатолия Ивановича Вековешникова).

Но вот за эту самую самодеятельность, за «дежурные» стихи, посвященные датам, праздникам, событиям его часто критиковали коллеги по перу и журналисты, отмечая, что в стихах «много кумача, стягов, знамен и улыбок, но нет «в муках ночей рождённого слова»[7, с. 4].

Ему советовали: «Пусть стихи, поэмы, песни будут побольше насыщены философскими раздумьями, широкими обобщениями»[8, с. 4]. А он обобщал до нельзя радость от строительства новых

кварталов с квартирами улучшенной планировки («в нашем доме окна много шире, воздухом и светом дом богат») зарождающегося индустриального города, восхищение трудом девушек с комбината «в ткацкие влюбленные станки», которые после работы решают «квартирный вопрос»:

*Они строят,
Думая о мире.
Строят,
Не жалея сил своих.
Чтоб жильцы,
Когда войдут
В квартиры,
Добрым словом
Вспомнили о них.*

Он много печатался. В 1961 г. стал членом Союза журналистов СССР. В 1963 г. выходит небольшой сборник стихов «Встреча», затем «Ордер на обыск» (1992), «После встреч и разлук» (1994), «Повороты судьбы» (1999). Принял самое активное участие в организации исторического музея города Камышина [24, с. 2] (ныне Камышинский историко-краеведческий музей). Его творчество привлекло внимание знаменитого поэта Фёдора Григорьевича Сухова. Отмечая большую общественную деятельность Н. Орлова, он считал, что можно поставить «в пример стариковствующим юношам человека довольно почтенного возраста, но полного молодого задора» [25, с. 4]. Благодаря его усилиям и усилиям других участников литературной группы «Родник» при редакции газеты «Ленинское знамя», в Камышине появилось «достаточно литературных сил», чтобы составить сборник из произведений камышинских авторов и издать в Волгоградском книжном издательстве.

Орлов искренне любил свой город и посвящал ему лучшие строки:

*Я люблю наш город песенный,
Над разлившейся рекой,
Ветром осенью овеянный
Мой Камышин дорогой.
В днях,
Работой общей слаженных,
Он мне близкая родня
Город тканей, кранов башенных,
Город завтрашнего дня.*

В шестидесятые годы в Камышине и области у молодёжи неожиданно возникло желание поискать счастье на стороне, и потянулись отряды «за туманом, за туманом и за запахом тайги». Это становилось бедствием. Город, другие районы области беднели молодёжью. Нужно было как-то остановить убегающую волну. Николай Александрович не остался равнодушным к этому факту, он написал прекрасное, очень ёмкое по мысли, эмоциональное стихотворение.

*Я – романтик,
Но в дорогу дальнюю
С Волги
Уезжать не тороплюсь.
И в Камышине
Романтика реальная
Всюду есть,
Куда не оглянусь.
Вот она –
Желанная и близкая –
В шуме фабрик,
Взлёте этажей.
И живут –
С камышинской пропискою –
Авторы
Романтики моей!*

После публикации этих стихов в городской и молодёжной областной газетах поэт и редакции получили сотни писем – отклики парней и девушек, отказавшихся от поисков «далёкого тумана». Они нашли свою романтику в цехах фабрик, в размахе строек [20, с. 106-114].

И ответом на призыв учителя не покидать родные места стало стихотворение работницы Камышинского хлопчатобумажного комбината, начинающей поэтессы Надежды Петровской «Наш комбинат» [4, с. 3]:

*Хотелось мне писать о стройках коммунизма,
О молодых героях целины,
О том, что дни советской нашей жизни
Всегда героических подвигов полны.*

*Таких стихов написано немало:
Поэтами народ у нас богат,
И я решила: напишу сначала
Про наш Камышинский текстильный комбинат*

Влюбленность в литературу и романтику неба Николай Александрович пронес через всю жизнь. В зрелые годы в своей квартире он собрал уникальную коллекцию книг с автографами. Вот как он писал о ней директору Волгоградской областной универсальной научной библиотеки им. М. Горького Anne Алексеевне Беленькой: «Если случится Вам быть в Камышине, прошу навестить меня. Вы найдете много интересного для себя. У меня хранятся авторские подарки с дарственными надписями многих наших поэтов и писателей СССР. Есть подарки от близких Сергея Есенина: от его лучшего друга Анатолия Мариенгофа, от мужа старшей сестры С. Есенина Екатерины Александровны Есениной, Василия Фёдоровича Наседкина. Словом, скучать не будете. Есть много редких старинных книг и журналов. Я большой любитель букинистических книг. Особенно много старой русской периодики мне высылали ленинградские букинистические магазины» [19, л. 1]. И над всем этим «у самого потолка – огромный деревянный пропеллер английского самолета. На таких самолетах (снимок тут же) летали наши лётчики в 20-е годы. В центре стены – фотография молодого летчика. Только глаза его напоминают мне, что это – хозяин квартиры» [3, с. 4].

Стихи подлинного лиризма Николая Орлова связаны с темой любви и молодости. Жизнь подарила Николаю Александровичу длинный путь – он прожил 95 лет. Но, к сожалению, поэзии он отдал свои зрелые годы, т.к. молодость забрали война и лагеря. И встречая на улицах Камышина молодёжь, автор не удивляется («*всё в жизни переменчиво*»), а лишь сожалеет:

*Шумит другая молодость,
Другой лесок колышется,
Поют другие девушки
Над Волгою-рекой.*

Николай Александрович умер в 1999 году [21, с. 2] в городе, где он был «*счастлив своей судьбой*». Быть может, он не был поэтом «первого эшелона». Но его стихи и песни в Камышине не забывают, лишь подтверждая слова поэта:

*Знаю, мои песни время не остудит.
Обо мне припомнят,
Да меня не будет...*

Список литературы

1. Бакаев Х. Совершенствовать методы лекционной пропаганды // Сталинградская правда. – 1961. – 26 февраля.
2. Было интересно // Камышинский текстильщик. – 1958. – 4 декабря.
3. Воробьёв В. Стихи и крылья // Ленинское знамя. – 1959. – 1 июля.
4. Горбатов А. «Про наш текстильный комбинат...» // Сталинградская правда. – 1961. – 26 февраля.
5. Горбунов Г. Слово о товарище поэте // Рабочий край. – 1968. – 22 ноября.
6. Зайцев В. Восьмой сезон: (в фабричном клубе) // Камышинский текстильщик. – 1963. – 7 сентября.
7. Копорова В. Поэтические голоса Камышина // Ленинское знамя. – 1961. – 7 июня.
8. Костин В. «Люблю тебя, Камышин, приволжский городок...»: К 35-летию литературной деятельности поэта Николая Орлова // Ленинское знамя. – 1960. – 21 августа.
9. Леонтьев Ю. Выступает «Семафор» // Ленинское знамя. – 1959. – 17 октября.
10. Литературный вечер // Камышинский текстильщик. – 1960. – 3 марта.
11. Мамонтов В. Камышинский стеклотарный : страницы истории завода: [1939–1999]. – Волгоград, 1998. – 156 с. ; Мамонтов В. Там, где Иловля-река: записки журналиста о камышинских просёлках. – Камышин, 2000. – 271 с.
12. Мурашов А. Камышин. – Волгоград, 1975. – 120 с.
13. Нам аплодировали сталинградцы // Камышинский текстильщик. – 1960. – 19 сентября.
14. Новости культурной жизни // Камышинский текстильщик. – [после 1959].
15. Ольховой Н. В. От всей души. – Камышин, 1995. – 37 с.
16. Орлов Н. Мой самый дорогой учитель: (К 100-летию со дня рождения М. Горького) // Камышинский текстильщик. – 1966. – 26 марта.
17. Песни Н. Орлова // Камышинский текстильщик. – [после 1959].
18. Петров В. Когда звучат стихи // Камышинский текстильщик. – [после 1959].
19. Письмо тов. А. Беленькой. Камышин, 1 декабря 1968 г. [Машинопись]. Подлинник.
20. По воспоминаниям камышинского журналиста, краеведа Василия Никифоровича Мамонтова: Мамонтов В. На своём берегу: литературные тропинки отчей стороны. – Камышин, 1998. – 159 с.

21. Последний поворот судьбы // Волгоградская правда. – 1999. – 10 сентября.
22. С партией наши сердца // Камышинский текстильщик. – 1961.
23. См. об этом: В детской библиотеке // Камышинский текстильщик. – [после 1959]; Местные поэты в гостях у строителей // Ленинское знамя. – 1960. – 23 января; Творческий вечер поэта Н. Орлова // Камышинский текстильщик. – 1959. – 29 октября.
24. Создается исторический музей // Камышинский текстильщик. – 1960. – 15 сентября.
25. Сухов Ф. Камышинские родники // Волгоградская правда. – 1963. – 2 июля.

ФЕНОМЕН РУССКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ УСАДЬБЫ В ПОЭМЕ

А.М. БАКУНИНА «ОСУГА»

А.Н. Пашкуров

Институт филологии и межкультурной коммуникации КФУ, г. Казань

Аннотация: В настоящей статье рассматривается своеобразие образа русской усадьбы в словесности начала XIX века на примере поэмы А.М.Бакунина (1768 (1763?) – 1854) «Осуга». Александр Бакунин – друг известного русского писателя-предромантика Николая Львова, участник его литературного кружка.

Своеобразие поэмы – в соединении традиций сентиментализма и раннего реализма, что на жанровом уровне отражается через диалог жанров очерка и идиллии. Наряду с емкими реалистическими зарисовками из хозяйственной жизни русской провинциальной усадьбы, произведение включает интересные лирические отступления о семье, доме и национальном характере россиян.

Ключевые слова: усадебный уклад России, провинция, дом, семейный очаг, сентиментализм и ранний реализм, очерк, идиллия.

RUSSIAN PROVINCIAL MANSION PHENOMENON IN POEM “OSUGA”

BY A.M. BAKUNIN

A.N. Pashkurov

Abstract: In the present article peculiarity of Russian mansion image in literature of the beginning of 19th century is considered on example of poem “Osuga” by A.M. Bakunin (1768 (1763?) – 1854). Alexander Bakunin was a friend of famous Russian pre-romantic writer Nicolay Lvov and a member of his literary society.

The poem peculiarity is in composition of traditions of sentimentalism and early romanticism, which is reflected on the genre level through a dialog of such genres as essay and idyll. Together with succinct realistic sketches of household of Russian provincial mansion the writing contains interesting lyrical digressions about family, home and Russian national temper.

Keywords: Russia’s mansion lifestyle, provinces, household, hearth and home, sentimentalism and early romanticism, essay, idyll.

XVIII век – интересное и пестрое время становления усадебной жизни и усадебной культуры в России [1; 3; 5; 8]. К новому явлению за десятилетия одного века примерялось достаточно большое число историко-культурных ролей, “масок” литературно-мифологических традиций.

Поначалу, по-видимому, в определенный противовес с классической древнерусской религиозно-философской поэтикой Сада (мира как сада) [10], возобладали представления об усадебном комплексе как своего рода «форпосте» облагораживающего влияния цивилизации на необработанную природу. В связи с этим на первые роли выступила, еще в зрелые годы Петровского царствования, парковая символика. К тому же, парк был очень удачной «моделью» для демонстрации новых европейских устремлений российской цивилизации. Достаточно свободно вписалось все это и в государственную панегирическую символику, когда нередко парки, дворцы и усадьбы воспринимались как неразлучимые части одного целого летящей к новым горизонтам страны.

Вторая половина «осмнадцатого столетия» пошла в плане освоения усадебного пространства более причудливо и, без преувеличения сказать, более «литературно». Можно говорить как минимум о трех тенденциях, главенствующих в этот период.

С одной стороны, в ключе увлечения деятелей российской культуры европейской «философией Натуры», в смежном сентиментализму русле, складываются представления о усадьбе как «воспоительнице дум и помышлений», используя образ-воспоминание из второго тома «Мертвых душ» Н.В.Гоголя. Мир, окружающий счастливое уединение человека на лоне природы, ощущается в этом свете как гимн и Богу и природу, к тому же, превосходно вписываясь в символику теплого античного жанра идиллии (в контексте в т.ч. и последующей эволюции усадебного образа – см.: [4; 6]).

С другой стороны, дали свой поучительный плод дидактические традиции Просвещения. В просветительском реализме 1760-1790-х годов постоянно встречаются примеры синтеза документального

и художественного, словесности – с политологией, философией и эстетикой (вспомним классическую структуру «Путешествия...» А.Н.Радищева). Александр Бакунин, о котором у нас и пойдет сейчас речь, писатель и философ, был близок как раз этой традиции: не случайно, в одном «измерении» с художественным произведением – поэмой «Осуга», им создана строгая записка о самой философии хозяйствования в усадебном мире – «Об отделке Прямухина и окрестностей» (о философии усадебного интерьера и специфике архитектурных решений – см.: [3; 8]).

Наконец, свой вариант породила в системе литературных интерпретаций явления усадьбы и веселая игровая поэтика предромантизма. В этом случае в хронотопе усадьбы встретились традиции нового века и богатый спектр мифологических «линий». Николай Львов, одновременно – и один из родоначальников нашего предромантизма и ведущий реформатор усадебного комплекса в российской провинции своего времени, очень удачно и гармонично использовал идею земного рая – парадиза [10].

Поэма Александра Михайловича Бакунина «Осуга», как, впрочем, и сам ее создатель, очень не широко известны сейчас в культуре и истории России.

Первое и едва ли не единственное для широкого круга читателей, что помнят о самом Бакунине, то, что он – отец знаменитого революционера-анархиста XIX века Михаила Бакунина. Гораздо меньший круг людей знает Бакунина-старшего как родственника, друга и сотоварища русского поэта-предромантика Н.А.Львова, адресата экспериментальных игровых львовских посланий (одно из последних к настоящему времени полных исследований о феномене семейного гнезда Бакуниных – см.: [12]).

Поэма «Осуга» тоже не могла долгое время «похвалиться» широкой известностью читающей России. Отрывки ее были опубликованы в начале XX века, в 1915 году, в документальной книге А.А.Корнилова «Молодые годы М.Бакунина». Затем, целую эпоху спустя, свод разных вариаций произведения увидел наново свет в журнале «Наше наследие» за 1994 год, № 29-30. И только в 2006 году в Твери, под редакцией М.В.Строганова и Л.Г.Агамалян, вышло первое полное собрание лироэпического и прозаического творчества А.М.Бакунина [2].

Не удивительно, что изучение большинства вошедших в это уникальное издание произведений только-только сейчас стало «пробуждаться к жизни». «Осуга» пока заслужила внимание лишь некоторых историков-краеведов, ревнителей Тверского края. Помимо важного ореола генезиса усадебной культуры России, это произведение Бакунина-старшего оказывается еще и у истоков чрезвычайно актуальной для мировоззрения литературной культуры России проблемы провинции как средоточия отечественной цивилизации (историю и теорию вопроса – см.: [7; 9; 10]).

По времени поэма относится ко второму, после-львовскому периоду творчества Бакунина (самое начало XIX столетия, после 1804 года) и посвящена родовому гнезду Бакуниных – усадьбе Прямухино. Как интересно подметил в комментариях М.В.Строганов [2, с.135-227], в видении усадебного мира автором переплелось несколько традиций:

а) «идиллия на Земле», счастливый приют спокойной, дружной и обширной семьи (стремительно, к прискорбию, «расколовшейся» потом из-за «не-Божьих пристрастий» Бакунина-младшего);

б) представляемое в дидактическом и хозяйственном ключе пространство – символ и оплот благосостояния СВОЕГО Счастья;

в) «малая Вселенная», своеобразная «энциклопедия русской жизни», если вспомнить крылатые слова В.Г.Белинского (заходя чуть вперед, заметим, что потому и не случайно включает автор в свою поэму любовно-подробные сведения о собираемых книгах и журналах, лирико-политические отступления о сохе и основах русского быта и другое).

Имя свое поэма об усадебном царстве получила по реке, протекающей по его заповедно счастливым просторам – так входит в поэму освященный древними фольклорными верованиями образ живой святой воды: «... расстилая / Струями ленты голубой, / Блестит Осуга, возрождая, / Как первый луч зари младой...» [2, с.13].

Тема простора сразу рождает и любимое в предромантизме и романтизме чувство-философию Свободы: «Свободу сельскую любя, / Не задыхаясь от пыли, / Не слыша стуку мостовой...» [2, с.11]. Поэт-хозяин решительно оспаривает в этом своем маленьком царстве-государстве даже легкие тени намеков на бедственное рабское положение крестьян – как видится ему, они свободны, как и он: «... свой удел за то имеют: / Поля, покосы, скот и дом, / И, беспрепятственно владея, – Хозяева в быту своем. / ... На сей незыблемой основе / Покоится святая Русь...» [2, с.13].

Как только появляется освященный образ Руси «ОНА» – в поэму полновластной царицей входит Женщина. Высокий этот собирательный образ соткан из множества традиций и уровней.

Из сказки – светлая картина в первых сценах поэмы, когда «душа-девица», волшебница, передала людям во исцеление живую воду «на перышке Жар-птицы».

Чуть позже выступит на сцену и жена, хозяйка усадебного царства – мир с женой есть мир в семье, пронизательно размышляет Бакунин: «Кто с милою женой в совете / И добрым умыслом живет ... / По вере Бог ему дает...» [2, с.15-16].

Жена – новый лик той же волшебницы, потому и признается поэт с улыбкой, что и самый преклонных лет супруг под ее мудрой опекой взбодрится и «... Стоит, с недугами сражаясь, / Как на

родной земле Антей» [2, с.16].

Неразрывно связан с поэтическим образом Женщины и образ-рефрен Родной Земли, которая так светло наречена еще в прологе: «Краса... неизменная подруга, / Кормилица моих детей» [2, с.11].

Для НЕЕ, для Женщины, целый мир – дом, и все ей, легко и счастливо, позволяет вступать во владение собою. Потому, возьмем два разно-полюсных примера, висит в усадебной гостиной на самом почетном месте, для постоянных «усердных взглядов» «Царицы-матушки портрет» – но потому же, и от самых простых звучных крестьянок смущается и робеет дикая природа: «Не так медведь ружья боится, / Как гула женских голосов» [2, с.13].

Где царит в усадьбе Она – жизнь в самом уютном доме, спокойно и согласованно, дробится-разветвляется на два русла.

Первое из них – царство помещений и вещей. «Диван и кресла выписные / В шпалерну ткань облечены ... / Плафонной люстр бронзо-бумажный, / Паркетом живопись пола, / И на простенке двухэтажны / В стеклянных рамах зеркала...» [2, с.16]. Но за всеми этими мелочами – высокое небесное назначение: «И дом ее <Женщины, Хозяйки – А.П.> как небеса...» [2, с.18]. Кстати, важно помнить, что в Новое время тема-рефрен "небесного Дома" прямо перейдет от храмовых ансамблей – как раз к миру Усадьбы!

Другая счастливая «река-измерение» жизни усадьбы – сам распорядок дня, с добротным любованием выписанный хозяином. Во многом план действий / событий суток определен самой планировкой в доме.

Поэт-домоустроитель предлагает своим домочадцам и гостям такой путь: из старого зеленого сада, откуда открывается общая панорама на дом с флигельками, – в столовую, где можно сразу встретиться со всей семьей и провести время в милых беседах и шалостях («... как-то весело живем» [2, с.15]; «В столовой бегают, шумят» [2, с.17]; «Сестриц и братьев Саша школит, / Гоняя из угла в угол... / И все четыре – грех сознаться – Так милы сердцу моему...» [2, с.18]) – в диванную, тут в тишине меж зеркал можно перевести дыхание и подумать – в гостиную, освященную портретом царицы, в этом мире и сам поэт «... счастливее царя» в кругу семьи, мирных сражений в шахматы и уютного чтения («А тут задумались доки: Шах ферязи царю – и мат!» [2, с.17]) – святая святых: супружеская спальня («Зеленым пологом одела / Любовь супружеский приют» [2, с.19]) – в глубине: кабинет хозяйки, маленькое сердце дома («Хозяйки доброй кабинет, / Делаю и детям посвященный...» [2, с.19]).

Общее и важное в каждом дне усадьбы – гармоничное сочетание-встреча трех миро-занятий: рачительных дел по хозяйству, «мирных умственных занятий» (чтение, музыка, тихие настольные игры) – и жизни с детьми (здесь тишина – редкий гость: «Но двери с шумом растворились, / Затрясся пол и потолок...» [2, с.21]).

Рассмотрение лирических и саркастических отступлений в поэме – предмет особого отдельного разговора, заметим только, что в этой области, охватывающей едва ли не половину пространства поэмы, явственно вызревает философия славянофильства: с его высуждением «темного Запада» («... бездушно лаять / На бескорыстную любовь» [2, с.19]; «Музыка тигров и ослов» [2, с.21]) и прославлением исконного Российского («Соха, кормилица народа, / Связей общественных душа!» [2, с.25]).

Многосторонний рассказ о круге чтения обитателей усадьбы – прекрасный материал для освоения всеми, кто интересуется актуальными проблемами гуманитарных наук в триаде "текст – произведение – читатель".

Мы же в заключение обратимся экизно еще к одной красивой странице мифотворчества усадебной жизни у А.Бакунина – к образу Музыки. Если там, за пределами усадьбы и России, лишь «... мертвый колокол трезвонит» [2, с.21], то здесь все звучит: от пенья птичек в садике до пилы на лесопильне, от фортепиано в домашних стенах до коровьей песенки на свой лад. Любопытно, что для доброго мудрого пастуха, как видится Бакунину, такая музыка милей и самого соловья: «Стада мычат, пастух трикраты / Перекрестился – соловья / Восторгом голос вдохновленный / Не так обрадует его, / Как этот клич обыкновенный – Пастушья слава, молоко...!» [2, с.25].

Список литературы

1. Аникст М.А., Турчин В.С. "В окрестностях Москвы": Из истории русской усадебной культуры XVII-XVIII веков. – М.: Искусство, 1979. – 464 с.
2. Бакунин А.М. Поэмы и проза. – Тверь: Золотая буква, 2006. – 228 с.
3. Бартенев И.А., Батождкова В.Н. Русский интерьер XVIII – XIX вв. – СПб.: Сварог и К°, 2000. – 140 с.
4. Густова Л.И. Трансформация образа усадьбы в русской поэзии XVIII – первой трети XIX веков: автореф.дисс. ... к.ф.н. – Псков, 2006. – 17 с.
5. Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. – М.: ОГИ, 2003. – 528 с.
6. Жеребкова Е.В. Усадьба в русской литературе (II половина XVIII – I половина XIX вв.): автореф.дисс. ... к.ф.н. – СПб., 2013. – 23 с.
7. Злотникова Т.С., Ерохина Т.И., Летина Н.Н., Киященко Л.П. Русская провинция в философском

- дискурсе: концептуализация метафоры // http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1054. Доступ свободный. – Проверено: 15.11.2015 г.
8. История русской архитектуры. – СПб.: Стройиздат, 1994. – 600 с.
 9. Ласунский О.Г. Литературно-общественное движение в русской провинции. – Воронеж, 1985. – 211 с.
 10. Милюгина Е.Г. Эстетика парадиза в усадебном творчестве Н.А.Львова // Михаил Муравьев и его время. – Казань: ГБУ "Республиканский центр мониторинга качества образования", 2013. – С.77-82.
 11. Мир русской провинции и провинциальная культура. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. – 390 с.
 12. Сысоев В.И. Бакунины. – Тверь: Созвездие, 2002. – С. 57-136.

ОБРАЗ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА В ПРОЗЕ Ю. БУЙДЫ

Т.Г. Прохорова

КФУ, г. Казань

Аннотация: В статье анализируются принципы создания образа провинциального города в прозе Ю. Буйды. Основным материалом анализа является роман «Синяя кровь». Установлено, что Чудов предстает как типичный провинциальный и как сказочно-литературный город. Проанализирован образный пласт, связанный с тоталитарной эпохой. Выявлена связь облика города и характера его жителей, определены способы создания мифологизированной реальности, характер художественного пространства, сквозные контрастные мотивы, воплощенные в ключевых топосах.

Ключевые слова: Юрий Буйда, образ провинциального города, мотив, городские топосы, художественное пространство, утопическое сознание.

THE IMAGE OF A PROVINCIAL TOWN IN Y. BUIDA'S PROSE

T.G. Prohorova

Abstract: The author analyses the principles of creating the image of a provincial town in Y. Buida's prose as exemplified in the novel "Blue Blood". It is stated that Chudov appears to be a typical provincial and fairy-bookish town. The image layer connected with the totalitarian epoch is specified. There were revealed the relations between the face of a town and the nature of its citizens. The ways of creating mythological reality, the nature of artificial space and thorough contrasting motives embodied in key topos are discovered.

Keywords: Y. Buida, the image of a provincial town, motif, topos of a town, the artistic space, utopian consciousness.

В творчестве Юрия Буйды ярко выражена одна из наиболее характерных тенденций литературного процесса эпохи постмодерна – размывание границы между fiction и non-fiction, сложное переплетение исторически-достоверного и вымышленного, автобиографического и фантазийного. Данная тенденция проявляется и в характеристике места действия в его произведениях. Своеобразие художественного мира прозы Ю.Буйды во многом определяется характером того места, где разворачиваются события. По наблюдению критика Е. Горшковой, Буйда как «летописец-мифотворец наделяет места, где происходит действие, удивительными преданиями, складывающимися в своеобразный эпос» [2].

Писатель родился в маленьком городке Знаменске Калининградской области (бывшем немецком Велау) в 1954-ом году. Образ этого провинциального города под разными названиями становится одним из главных героев его новеллистических книг «Прусская невеста» (1998), «Все проплывающие» (2010), «Жунгли» (2011), романов «Город палачей» (2003), «Синяя кровь» (2011), «Вор, шпион и убийца» (2013). В его облике неизменно слиты реальное и ирреальное.

Материалом анализа в данной статье является роман «Синяя кровь» – финалист премии «Большая книга» 2012-го года. В его основу положена биография актрисы советского кино Валентины Караваевой, которая родилась и провела значительную часть жизни в Вышнем Волочке. Но Ю. Буйда не только изменяет имя главной героини (здесь ее зовут Ида Змойро), но и переносит действие в вымышленный Чудов, который имеет мало точек соприкосновения с реальным Вышним Волочком, зато вбирает в себя черты родного писателю Знаменска.

Цель нашего исследования – прояснить принципы создания образа провинциального города в творчестве писателя.

Название «Чудов» содержит обозначение основного мотива, выражающего одну из важнейших особенностей сознания горожан – маргиналов, для которых грань между обыденным и чудесным размыта настолько, что они легко меняются местами. Примечательна в связи с этим и характеристика городского пространства: несмотря на то, что Чудов расположен недалеко от Москвы, в романе подчеркивается его отделенность от остального мира, неслучайно он определяется как «город на острове» [1, с. 48]. Островное местоположение Чудова служит предпосылкой для создания мифологизированной

реальности. Чудовцы живут на обочине жизни. Отсутствие культурных корней, зачастую – даже имен, которые им заменяют прозвища, они компенсируют это тягой к жизни иной и желанием как-то заявить о себе. Так, Адольф Эркель ненавидел Достоевского за то, что тот вывел его в романе «Бесы» в роли ничтожного прапорщика-нигилиста и ни разу не упомянул его имени («На тыщу страниц ни разу (...)!» [1, с. 70]).

Примечательно прозвище Эркеля: в городе его звали Мечтальоном. В той или иной степени всех чудовцев можно назвать мечтальонами. Им присуща утопичность сознания, которая по-своему отражается и в фантастической географии города. Так, недостроенный Кошкин мост, напоминающий динозавра с длинной шеей, служил «напоминанием о тех временах, когда через эти места пытались проложить водный путь в Индию – канал, который соединил бы великие русские реки с реками великой Индии, беспечно и бесплодно кипевшей богатством в ожидании московской безжалостной власти, ее воинов, кабатчиков и царей... Почему Индия? Ложь, сказка, красота, потому и Индия. (...) Но эта ложь, эта дурацкая сказка так нравилась людям, так глубоко проникала в их сознание, что никто ни о чем и не думал, кроме как (...) о мерцающем призраке волшебного юга (...)» [1, с. 22].

Стремление чудовцев выйти из пустыни беспамятства определяет и их отношение к истории, стремление к мифологизации. Юный телефонист Коля Вдовушкин «мечтал написать историю Чудова и часто жаловался на то, что в архивах сохранилось так мало документов». Но этот «недостаток» в романе успешно восполняется фантазией, стилизованной под документ:

«Коля Вдовушкин рассказывал о братьях-палачах, которые в конце XVI века основали Чудов. В разных местах их фамилия произносилась то как Босх, то как Бош, а на Руси они были известны под именем Бох. Они были фламандцами, флемингами, то есть беглецами, родились в Брабанде, в городке Хертогенбох, и принадлежали к семье потомственных палачей (...) По достижению определенного возраста братья Иаков и Иоанн сдали экзамен, чтобы стать полноправными палачами. (...)

Никто не знает, что там случилось, но уже через три дня после экзамена братья бежали из города и вскоре прибыли в Москву. (...) Они привезли с собой спящую женщину, заключенную в серебряном ларце, и глубокие познания в темном ремесле, которые вызвали восхищение у царя Ивана Грозного.

В начале 1584 года братья-палачи были отпущены на покой и получили от царя в дар эти земли. (...) По легенде, они привезли с собой в Чудов множество уродов – хромых, горбатых, слепых, проститутток и юродивых, чтобы спасти их от позора и голодной смерти, а также способствовать их возрождению к новой жизни» [1, с. 72].

Приведенная цитата позволяет понять, что действие разворачивается в «большом» городе, неслучайно в дальнейшем в его образе появится такая знаковая деталь, как костыли, которые однажды были розданы всем желяющим, причем их было так много, что из костылей стали городить заборы. Также, конечно, недаром в приведенной цитате упоминается имя Босха, который, как и буйдовские братья-палачи, родился в Хертогенбосе, в Брабанде, в семье потомственных живописцев: город и его обитатели в романе «Синяя кровь» будто написаны в стилистике Босха.

Ю.М. Лотман писал, что город – это механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, поэтому настоящее и прошлое сопологаются друг с другом как бы синхронно [см: 3, с. 36]. В романе Ю. Буйды топоры Чудова «сопологают» эпоху Ивана Грозного, Петра Первого, Сталина... Их объединяет мотив насилия, палачества, воплощающийся в гротескных реально-фантастических образах. Например, рассказ о строительстве водного пути в Индию начинается так:

«Первая стройка, затеянная Петром Великим, вскоре захлебнулась и утонула в зыбучих топях, тянувшихся к югу от города. Вторую стройку остановила война 1914 года, третью – смерть Сталина, хотя именно с третьей попытки и удалось осушить часть болот и построить самый глубокий в мире канал, в стенах которого (...) навсегда успокоились несколько десятков заключенных, чьи локти, пятки и затылки случайно обнаруживались при шлифовке бетонных поверхностей.» [1, с. 23].

Не менее значимы и такие говорящие топонимы, как: памятник Пушкину с фонарем в вытянутой руке, прозванный в Чудове Трансформатор, ресторан «Собака Павлова», Храм Вознесения Христова, пароход «Хайдарабат», по легенде, привозивший товары из волшебной Индии Африка – четырехсотлетнее обшарпанное здание, принадлежавшее «какому-то Африкану Петровскому». Само по себе такое соседство уже свидетельствует о том, что образ города в романе «Синяя кровь» напоминает лоскутное одеяло, соединяющее культурные знаки разных эпох.

Наряду с утопичностью, характеризующей образ мышления чудовцев, им была свойственна верность обычаям, традициям, уходящим в далекое прошлое и подчеркивающим неизменность бытия. Соответственно, в образе города выделяются доминантные точки, в которых фокусируется эта грань сознания. Вначале обратим внимание на одну весьма показательную деталь, связанную с такой характеристикой, как открытость, позволяющую говорить о женском начале Чудова.

Дома в этом городе не запирались. «Если человек строил дом, (...) он после освящения жилища отдавал ключ в церковь на вечное хранение. В храме по обе стороны от алтаря висели ключи с выбитыми на них именами и датами, выкованные еще в 1584 году и принадлежавшие семьям, которые и до сих пор носили фамилии, впервые упомянутые в церковных книгах времен Ивана Грозного. (...) Если что здесь и запиралось, так это колодец на площади, через который можно было попасть в ад. Даже ресторан «Собака Павлова» стоял открытым сутки напролет, и любой мог зайти и выпить из огромного медного

чайника, стоявшего на низком столе возле массивной стойки» [1, с. 48-49].

В ряду городских святых необходимо выделить образ Спящей красавицы, который является в романе Буйды материальным, зримым воплощением чуда. Критик Е. Горшкова назвала Спящую красавицу «смыслом города его структурообразующим мифом» [2]. К привезенному братьями-палачами саркофагу со Спящей красавицей, хранившемуся в подвале Африки, началось настоящее паломничество. К ней шли «как в церковь» с мольбами и заклинаниями, потому что «она-то и была смыслом этого города, всей этой жизни, с ее редкими просветами счастья и горькой водой в колодцах (...) Она была звеном, связующим мир. (...)» [1, с.73].

Осквернение этой святыни во время захвата города Батальоном прокаженных, кажется, отняло у чудовцев их надежду на спасение мира красотой, на торжество добра. Поэтому единственным воплощением их надежд, единственным выражением души города и души каждого из его обитателей стала голубка, которую всякий раз выпускали в крематории во время похоронного обряда. Когда «гроб погружался в огонь и над крематорием начинал тягуче петь в свой рожок медный ангел, люди расступались, освобождая место для девочки с белой птицей. (...) она привставала на цыпочки и высоко поднимала руки, выпуская голубку на волю. (...)» [1, с. 10].

Каждая мать в Чудове мечтала, чтобы ее дочь сыграла роль девочки-голубки. Но вдруг эти девочки стали исчезать одна за другой. Детективная сюжетная линия романа неразрывно связана с мотивом противостояния тьмы и света. В этом противостоянии главная роль принадлежит Иде Змойро. Поселившись в Чудове волею обстоятельств и не имея возможности играть на большой сцене, она нашла свое предназначение в том, чтобы, выражаясь ее словами, «зажечь в пустоте звезду». Для этого, в частности, она и создала школу для девочек-голубок, учила их актерскому мастерству. Сама же Ида с детства мечтала о роли Спящей красавицы и в конце жизни ей, наконец, довелось ее сыграть. Образ Спящей красавицы воспринимается в данном случае как метафора актерского дарования, которое до поры до времени спит, чтобы в определенный момент пробудиться. Ида Змойро не сразу научилась видеть, понимать и любить людей не как толпу зрителей, но как своих партнеров, не сразу искусство стало для нее составляющей жизни, а не наоборот. К этим открытиям актриса шла через душевную боль, страдания, гибель самых близких людей.

В финале романа мы видим, как Ида, потрясенная очередным исчезновением своей ученицы, среди ночи вбежала в милицейский участок, силы оставили ее, и она упала в обморок, который обернулся летаргическим сном. Она лежала в больнице за стеклянной стеной, подобно Спящей красавице, а к ней шли люди, надеясь на чудо пробуждения. Они так и не поняли, было ли это игрой с целью выманить убийцу или это, действительно, был летаргический сон. Так или иначе, сама находясь на пороге смерти, она смогла прервать цепочку смертей и спасти своих девочек-голубок. Это и стало завершением спектакля ее жизни, в котором игра становится способом преодоления смерти, а творчество - путем к воскресению. Так пустыня, какой казался Иде Чудов, обретает «звезду», и, следовательно, изначальная замкнутость этого «чудного места» размыкается.

Подводя итог, можно сказать, что в романе Ю. Буйды «Синяя кровь» Чудов представлен и как типичный провинциальный город, которому сопутствует мотив пустоты, не раз варьирующийся в литературе при создании образа провинциальной жизни, и как сказочно-литературный город, о чем свидетельствует заданный заглавием мотив чуда. Эта двойственность, естественно, отражается и на характеристике типов горожан – маргиналов, погруженных в тину обыденности, и одновременно чудаков, мечтающих о жизни иной и стремящихся ее приблизить. Кроме того, в романе Буйды неизменно присутствует образный пласт, связанный с тоталитарной эпохой. Все это вместе является проекцией сознания горожан, совмещающего в себе патриархальность и утопичность, внутреннюю несвободу и стремление к преодолению замкнутости, порожденную ею.

В ряду городских топосов выделяются те, что задают координаты картины мира, его верх и низ: это церковь Воскресения Господня, с которой связан важнейший сюжетобразующий мотив бессмертия, и колодец на площади, с которым связан мотив ада. Каждый из этих образов обрастает спутниками, конкретизирующими ключевые мотивы. Так, с мотивом ада имплицитно связаны мотивы палачества и страдания, исторического экспериментаторства и насильственного вмешательства в природу (строительство каналов). Мотив воскресения объясняет значение образов Спящей красавицы и голубки, в которых выражается душа города. Точкой пересечения смыслов становится образ крематория, где соединяются мотивы жизни, смерти и бессмертия. В целом образ города строится на соединении несоединимого, на парадоксах, которые в итоге разрешаются торжеством света над мраком, добра над злом.

Список литературы

1. Буйда Ю.В. Синяя кровь. – М.: Эксмо, 2012. – 249 с.
2. Горшкова Е. Не такое уж темное царство // Октябрь. – 2011. – №11. – 174-178. [Электронный ресурс] / URL: <http://magazines.russ.ru/october/2011/11/go15.html/> (дата обращения – 2.10.15).
3. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры // Ученые записки Тартуского гос. университета. Труды по знаковым системам – XVIII. – Вып. 664. – Тарту, 1984. – С. 32-44.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПУТЕВОГО ОЧЕРКА Д.И. СТАХЕЕВА «ЗА БАЙКАЛОМ И НА АМУРЕ»

Е.Л. Пупышева

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: Статья посвящена комплексному описанию языковых особенностей путевого очерка Д.И. Стахеева «За Байкалом и на Амуре».

Ключевые слова: автор, путевой очерк, языковые особенности, интерпретация.

LANGUAGE FEATURES TRAVEL NOTES D.I. STAKHEEV "LAKE BAIKAL AND ON THE AMUR"

E.L. Pupyshcheva

Abstract: The article is devoted to the complex description of the linguistic characteristics of the travelling essay D. I. Stakheeva "Beyond lake Baikal and the Amur river".

Keywords: author, travel essay, language features, interpretation.

За более чем 40 лет своей писательской деятельности Дмитрий Иванович Стахеев написал стихи и поэмы, драматические и лирические произведения, статьи по искусству, очерки. Рассвет литературного творчества писателя приходится на 70-90-е гг. XIX века, его произведения печатаются в журналах «Вестник Европы», «Новый мир», «Русский вестник», «Наблюдатель» и т.д.

На данный период можно отметить ряд серьезных исследований в области изучения творческого наследия самобытного писателя, в которых рассматриваются многие аспекты его жизни и творчества (Н.М. Валеев, С.И. Грахова, Г.Н. Хабибуллина, О.В. Макушева), лингвостилистические особенности произведений (Д.А. Салимова, Л.Б. Бубекова, Ю.Ю. Данилова, Т.А. Юлкина и др.).

Несмотря на то, что мастерство этого художника слова привлекает к себе пристальное внимание ученых, исследование его творческого наследия остается перспективной задачей и сегодня.

Предметом рассмотрения в нашей статье является языковое своеобразие путевых картин «За Байкалом и на Амуре», написанных в 1869 г. и опубликованных в Санкт-Петербурге. Именно в этот период очерк становится основным в творчестве писателя, пишущего о русской провинции и знакомящего читателя с «различными частями беспредельной и разнообразной России, которая заключает в себе столько климатов, столько народов и племен, столько вер и обычаев, и которой народонаселение представлено такой огромной массой» [2, с. 129].

Книга посвящена путешествию автора, оказавшегося в Забайкалье и на Дальнем Востоке в 60-е годы XIX в. по поручению отца в связи с торговыми делами семьи Стахеевых. Путевой очерк состоит из 6 частей: «У Байкала», «От Байкала до Кяхты», «Кяхта», «Очерки бурятской жизни», «Майматчин», «От Кяхты до Благовещенска», «От Благовещенска до р. Сунгари».

Путешествуя по Дальнему Востоку, автор знакомит нас с географическим положением описываемых мест, их флорой и фауной, дополняя эти описания этимологией происхождения топонима, историческими сведениями и преданиями: *Озеро Байкал лежит в Восточной Сибири, в 65 верстах от гор Иркутска. Оно известно еще под названием Святого моря и это название, по всему вероятно, перешло от монголов, так как оно называется по-монгольски "Далайнор", что значит в переводе – "Святое озеро". О нем упоминают древнейшие китайские летописи, и в одной китайской географии, изданной в царствование монгольской династии Юань, говорится о стране кулиханов, где находилось множество лилий (Lilium Marstogon желтая сарана). Эта страна от столицы Китая простиралась далеко на север, до моря Бей-хай (по-якутски богатое озеро); за этим морем, – по словам географии, – дни становятся долгими, а ночи короткими. В китайских же исторических сочинениях упоминается о Байкале, как о месте ссылки важных преступников, и о том, что лучшие соколы для императорской охоты привозятся от Байкала* [4, с. 1].

Подробному описанию Байкала, одного из древнейших озер планеты, посвящена первая часть путевого очерка: *Байкал имеет до 600 верст длины и от 75 до 100 верст ширины; его глубина и до сих пор еще никем достаточно не исследована, промерены только некоторые места... [4, с. 1]. Таймень, самая бойкая рыба, водится в Байкале преимущественно около юго-западных берегов; сиг, налим живут и плодятся всегда на одном месте и, по месту жительства, имеют различный вкус и цвет кожи* [4, с. 6].

Герои амурских очерков Д. Стахеева – солдаты, казаки, сельское духовенство, провинциальная интеллигенция, купцы, крестьяне. Писатель знакомит читателя с бытом и укладом коренных жителей этих мест (буряты, тунгусы): *Хлеб у них делается самым простейшим способом: смешают муку с водой и сделанные таким образом катышки положат в горячую золу, – вот и хлеб готов* [4, с. 15]. Автор акцентирует внимание читателя и на национальной одежде бурятов: *Одежда женщин, в праздничные дни, состоит из парчи ярких цветов, употребляемой у нас в церквах, а также и из шелковых материй;*

шапки их из бобров и соболей; на груди повешены русские серебряные монеты, в ушах серьги, униженные в несколько рядов маржаном; на голове тоже украшения, сделанные из маржана, вроде диадемы; на руках большие серебряные браслеты; сапоги шелковые, вроде китайских, с толстыми подошвами. Девушки носят прическу, состоящую из множества косиц, убранных маржаном; замужние же носят только две косы, красиво лежащие по обе стороны груди и соединенные нитями из маржана и серебра [4, с. 16].

Д.И. Стахеев, сам являясь представителем купеческого сословия, дает меткую характеристику местному купечеству, представленному под названием «Торгующего на Кяхте купечества» и делающему деньги на сомнительных сделках (занятие контрабандой с китайцами), отдавая дань природной смекалке и изворотливости: *Подходят от доверителей из Москвы товары, подвозят каждый почтовый день, на пяти и шести тройках, серебро и золото, да тайная дорожка неустанно протаптывается верховыми, пробирающимися с грузом драгоценных металлов. Все это и явно и тайно переходит в руки сметливых китайцев, а от них принимаются партии чая и отправляются в Москву. Китайцы накормят купцов до отвала своими многочисленными, разнообразными яствам, угостят их горячим и крепким вином "майгулу" и сами при таком торжественном случае хватают через край [4, с. 20].*

Объездив всю Восточную Сибирь по торговым делам, он рассказывает и о ежегодных ярмарках, о том, как происходят процесс купли-продажи: *Обороты Благовещенской ярмарки конечно ничтожны. В продолжение двух недель каждодневной торговли все маньчжурские лавки вместе выручат не более двух тысяч рублей кредитными билетами. Все эти билеты потом переходят через руки маньчжур в карманы местных русских купцов, выменивающих билеты на русское серебро, считая каждый рубль в 1 р. 50 к. и 1 р. 45 к. Со времени заселения Амура цена на серебро была за каждый серебряный рубль два бумажных рубля, но возрастающая конкуренция на эту выгодную (лично для купца) торговлю понизила курс на серебро до 1 р. 40 к. Благовещенские купцы ведут с маньчжурами дела отдельно от ярмарочной торговли; эта последняя, так сказать, мелочная, розничная торговля, имеющая отношение только к местным жителям [4, с. 44].*

Характеризуя языковые особенности путевых картин Д.Стахеева, можно обратить внимание на следующие особенности: хроникальное построение материала (описание событий в их временной последовательности, в данном случае путешествие самого автора по торговым делам в течение нескольких лет). Большую роль играют в анализируемом произведении такие элементы изображения, как пейзаж, используемый то как средство определения времени действия; то как способ обрисовки условий, в которых протекают события; то как возможность передачи настроения героя. *Я никогда не бывал на этом острове, но по описаниям бывших на нем, – вид его чрезвычайно красив, и красота эта дикая, печальная и однообразная. Голые скалы торчат из-под вод Байкала, на них гнездится серый орел, хищник бурятских овец; в полях кочуют буряты; по камням лениво ползает бескрылая зеленая стрекоза; чайки и гагары одиноко сидят по утесам над своими гнездами, выжидая добычи из моря. Везде, куда ни помотришь, камни да камни, и кругом все как-то безжизненно, пусто и дико; Святое море однообразно и печально шумит, гремящий вал его бьется об утесы и выкатывает округленные зерна лунного камня, имеющего синевато-белый цвет и радужный отлив [4, с. 1].*

Двуединая природа жанра – художественность и публицистичность – обусловила употребление изобразительно-выразительных средств, например, при описании гостиницы: *сравнения (она казалась ветхим старцем; кривые, дырявые доски, углубляющиеся под ногами, как фортепьянные клавиши; окна в верхнем этаже были местами повыбиты, ставни большею частью переломаны и остатки их, повиснув на ржавых петлях, скрипели и выли на разные тона, аккомпанируя шуму волн Байкала), эпитеты (беспорядочный и угрюмый вид, тяжелого и мрачного впечатления) [4, с. 3].* Специфику речи героев отражают фразеологизмы *не мудрствуя лукаво, бразды правления, диалектные слова рысаки (беглые каторжники), сидейка (кабриолет), вывозка (доставка чая в таможеню), голометь (бездорожье на реке весной).*

С другой стороны, Д.И. Стахеев, будучи образованным человеком, сам занимаясь чайной торговлей в Кяхте, приводит статистические данные: цены на товар, количество добываемой пушнины и т.д., что ни в коей мере не делает повествование сухим, а позволяет понять дух той эпохи:

Теперь, в заключение этой главы, несмотря на то, что задача этой статьи – познакомить читателя только с прибайкальской жизнью, я, тем не менее, считаю не лишним дать некоторое понятие о том, сколько добывается во всей Забайкальской области звериных шкур. Вот приблизительные цифры:

Беличьих шкурок обращается в продаже, средним числом, до 450 000

Соболей (самый лучший сорт соболя баргузинский) 1800

Лисицы различных видов 2000

Волчьих шкур 1000

Медвежьих шкур 300

Диких коз убивается до 4500

Оленьих шкур 1000

Кабанов убивается до 200

Рысей, росомах, выдр, степных кошек и зайцев – цифра неизвестна; но в продаже их, по

отзывам торговцев, бывает на две и на три тысячи рублей серебром в год [4, с. 6].

В очерке «Кяхта» он пишет об обороте капитала в период свободной торговли: *С 1856 года русское правительство находило нужным принять во внимание просьбы купцов и открывает в Кяхте свободную торговлю, с ограниченным выпуском золотой русской и серебряной иностранной монеты. Торговля в это время достигает до 13 1/2 миллионов фунтов. вывоза чая и затем начинает с каждым годом уменьшаться* [4, с. 28].

Функции авторского «я» также многообразны: автор-свидетель, автор-исследователь и автор-лирический герой, что, безусловно, влияет на смысловое и языковое понимание содержания путевого очерка Д.И. Стахеева. Рассказывая о своих поездках, связанных с торговыми делами, автор описывает города и селения, людей с которыми знакомится:

Я поехал в Кяхту. Начиная от таможен, по большой улице Троицкосавска, до торговой слободы Кяхты, дорога идет по шоссе, сооруженном на капиталы кяхтинского общества. С правой стороны, при выезде из города, видны горы, поросшие чахлым кустарником и отчасти хвойным лесом, налево – песчаная местность, по которой пробирается едва заметная речонка Кяхта; далее за ней видны голые остроконечные сопки, длинной цепью вытянувшиеся по границе Монголии.

У шлагбаума, при въезде в торговую слободу, таможенные надсмотрщики осмотрели мой экипаж и не совсем деликатно оцупали мои карманы. Один из них оказался даже знакомый человек: он был из числа тех кустодий, которые осматривали мой чемодан при въезде в г. Троицкосавск. Получив от меня билетик, данный из канцелярии градоначальника, на право проезда в торговую слободу, и удостоверившись, что со мной нет запрещенного золота и серебра, досмотрщики подняли шлагбаум, и я въехал в торговую слободу [4, с. 16].

Специфика идиостиля путевых картин заключается и в том, что писатель выражает свое мнение о происходящих событиях, что придает особый доверительный и эмоциональный характер изложению, например, в лирическом отступлении о беглых каторжниках (рысаках):

И проходят, таким образом, многие годы полугодного, нечеловеческого существования. Опасность в непроходимом сибирском лесу от лютого зверя, опасность от болезни, от голодной смерти, опасность от переправ через реку, наконец, опасность от человека, который может лишить свободы рысака и передать его в руки начальства. Везде опасности! Из-за чего же человек отдает себя на такое страшное существование? Какие надежды его поддерживают? Какие цели им руководят? Нет у него никаких надежд, никаких целей, кроме желания свободы, хотя эта голодная и холодная свобода в тысячу раз хуже всякой неволи. А все-таки люди меняют сытую неволю на голодную свободу! [4, с. 10].

Ту же функцию автор-лирический герой мы видим в лирическом отступлении о причинах прекращения чайной торговли с Китаем в Кяхте: *Грустно, что эта вековая торговля, так сказать, ускользнула из наших рук; но нужно примириться с тем, что совершилось, потому что всему есть свои законные причины, начало которых нужно искать в нашем прошлом; а разбирая прошлое, опять необходимо будет еще отклониться назад, - и увидим, что между событиями существует самая тесная и непрерывающаяся связь... (рассуждения о причинах прекращения чайной торговли с Китаем в Кяхте)* [4, с. 24].

Подводя итоги, можно отметить, что путевой очерк Д.И. Стахеева «За Байкалом и на Амуре» представляет богатое поле не только для этнографического, но и лингвистического исследования. В лингвистическом плане путевой очерк отличается разнообразием использования языковых и речевых средств (эпитеты, сравнения, просторечная и диалектная лексика). Через призму авторского восприятия мы знакомимся с бытом и нравами людей разного сословия, осваивавшего бескрайние сибирские просторы Российского государства. Авторское «я» максимально приближается к читателю, родственному ему по духу, умонастроению, взглядам.

Список литературы

1. Грахова С.И., Божкова Г.Н. Д.И. Стахеев: Очерки творчества. – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2011.
2. Базанов В.Г. Русские революционные демократы и народознание. –Л., 1974. – 557 с.
3. Салимова Д.А., Бубекова Л.Б., Данилова Ю.Ю. Лингвистические особенности художественного дискурса Д.И. Стахеева. – Краснодар, 2011. – 100 с.
4. Стахеев Д.И. За Байкалом и на Амуре. Путевые картины [Электронный ресурс]. – URL: <http://profilib.com/chtenie/123704/dmitriy-stakheev-za-baykalom-i-na-amure-putevye-kartiny.php> (дата обращения 28.08.2015).

НЕИЗВЕСТНЫЕ СВЕТСКИЕ ОЧЕРКИ НАДЕЖДЫ ДУРОВОЙ

А.И. Разживин (Ключёвский)

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: В статье рассматриваются малоизвестные очерки Н.А. Дуровой (А.А. Александрова), светской тематике которых приданы жанровые формы статей толкового словаря. В этом автором статьи усматриваются традиции сатирической литературы XVIII века.

Ключевые слова: русская литература XIX века, Дурова, очерки, светская тематика.

UNKNOWN SECULAR ESSAYS BY NADEZHDA DUROVA

A.I. Razzhivin (Klyuchovsky)

Abstract: The article examines the less known essays by N.A. Durova (A.A. Aleksandrova), the secular themes of which are in the genre forms of dictionary articles, which makes the author discern the traditions of the 18th century satirical literature.

Keywords: Russian 19th century literature, Durova, essays, secular themes.

В журнале «Отечественные записки» за 1839 год в разделе «Смесь» [1] публикуется небольшое произведение «Два слова из житейского словаря». Автор А.Александров. Для читателей конца 30-х годов это имя было узнаваемым. Первая в русской армии женщина-офицер, штаб-ротмистр армии, личный ординарец фельдмаршала Кутузова, обладатель военной награды времен Александра I - Георгиевского солдатского креста, снискавшая благодаря поддержке А.С.Пушкина славу писателя. С благословения и высочайшего соизволения императора, пораженного самоотверженным желанием служения родине на военном поприще, Н.А. Дурова обрела имя Александра Андреевича Александрова (производное от имени царя).

Послевоенные годы Дурова (Александров) провела в Вятской губернии, живя в Елабуге с 1831 по 1836 (далее пятилетний Петербургский период) и с 1841 года до кончины в 1866 году.

В печати Дурова дебютировала в «Современнике» Пушкина (1836) мемуарами, на которые общество сразу обратило внимание; «Записки» были так хорошо написаны, что их сочли мистификацией, автором их - самого Пушкина, который предпослал им от себя красноречивое вступление. «С неизъяснимым участием, – писал Пушкин, – прочли мы признания женщины, столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и пламенным» [5, с. 263]. Белинский был в восторге от записок Дуровой (дополнения к которым вышли в том же 1836 и 1839 г.). Он писал: «Кажется, сам Пушкин отдал ей свое прозаическое перо, и ему-то обязана она этой мужественной твердостью и силой, этой яркой выразительностью своего слога, этой живописной увлекательностью своего рассказа, всегда полного, проникнутого какой-то скрытой мыслью» [3, с. 413]. К мемуарному жанру принадлежит также ее книга «Год жизни в Петербурге» (1838). Позднее появляются повести с романтическими сюжетами («Павильон», «Гудишки», «Серный ключ» (1839)). На фоне мемуарной литературы Дуровой и её повестей небольшие светские очерки 1839 года оказались почти не замеченными. Они, действительно, были скромны по своим сюжетам, но отражали тенденцию времени в обличении высшего света, показывая мелочность его интересов, лицемерие, бездуховность.

«Два слова из житейского словаря» – очерк, состоящий из двух частей, названных «Бал» и «Воспоминания». По структуре он напоминает сатирические жанры второй половины XVIII века – словарные статьи журналов Н.И. Новикова, «Опыт Российского сословника» Д.И. Фонвизина. Толкование фразы, слова, термина преследовало ранее, как и в новое время, сатирические цели. Под видом филологических изысканий читателю преподносится явная сатира в форме иллюстрации «словарной статьи». «Бал. Магическое слово! Сколько тревоги делают эти четыре литеры, в таком порядке поставленные! Чего не представляют они уму, сердцу, а особливо воображению! Какие потрясения, какие планы, чувства, замыслы столбятся в уме и сердце двух- или трехсот человек...», – пишет А. Александров [1, с. 58]. Со времени петровских ассамблей бал был формой светского общения, вмещающего отдых, развлечения, «... был областью общественного представительства, формой социальной организации, одной из немногих форм дозволенного в России... коллективного быта» [4, с.80]. Бал был ритуализированным представлением со строгим типом социального поведения его участников, шире – он был отражением в миниатюре самой социальной жизни общества. Многие стороны этой жизни, как частные, так и государственные, на уровнях столичного, губернского и домашнего, находили свое воплощение в событиях яркого вечернего и ночного празднества. Балы были откликами на общественные события, триумфы, события личной жизни царствующих особ, тезоименитства, военные победы, календарные ритуалы. К примеру, Дурова в своих мемуарах описывает один из запомнившихся ей балов, когда она находилась в Киеве на ординарцах в штабе Киевского военного губернатора от инфантерии М.А. Милорадовича. Бал был посвящен именинам вдовствующей императрицы и происходил в июне 1810 года. Но балы как форма общественного бытия вмещали события личной, частной жизни, такие её формы проявления, как жажда успеха, поиски счастья, протекции влиятельных людей, зависть, любовь, разочарование, ревность, наконец, месть. Именно бал как форма социальной организации общества стал предметом художественного осмысления социальных проблем.

«Балу» Дуровой предшествовали прозаический «Бал» В.Ф. Одоевского (1824), лирический «Бал» А.И. Одоевского (1825), сцены бала в комедии А.С. Грибоедова (1825), поэма «Бал» Е.А. Баратынского (1828), «Маскарад» М.Ю. Лермонтова (1835), «Маскарад» Н.Ф. Павлова (1839).

К концу 1820 – началу 1830-х годов проблема «света» как особого общественно-бытового уклада

начинает занимать весьма заметное место в литературном процессе. О «свете» и его нравах пишут О. Сомов, А. Марлинский, А. Вельтман, Е. Ган, Е. Ростопчина, Н. Павлов, В.Ф. Одоевский и многие другие. В этом ряду находятся и светские повести Н.А. Дуровой «Граф Мавриций», «Игра судьбы», «Угол», созданные писательницей в конце 30-х – начале 40-х годов.

В ее светских очерках «Два слова из житейского словаря» нет развитого сюжета с изображением «высшего света», острых конфликтов, как нет среди литературных героев и жертв светского общества, что было характерно в целом для жанра повести. Автор ограничивается наблюдениями над нравами «света» в среде провинциального дворянства, что позволяет не только нарисовать живые картинки, но и пофилософствовать над нравами.

Три героини очерка «Бал» 17-летняя Аглая, 40-летняя Нимфодора, 60-летняя Ефросинья есть «срез» светского женского мира, блистающего на балу в раззолоченных залах сиянием нарядов. Девушка Аглая, отправляясь на бал, ожидала «не менее, как быть царицею всего, что блистало, гремело и брэнчало» [1, с. 45]. Зрелая Нимфодора надеялась удивить «свет» своей стройностью и легкостью 25-летней (по ироничной лестии хитрой горничной) женщины. Старая Ефросинья с накладными волосами под чепцом и искусственной белизной лица думала блеснуть своей молодостью. Они так думали! Обманулись!

Дорогое платье Аглаи, стоившее целое состояние, подававшее лестные надежды возбудить внимание кавалеров и зависть в сердцах подруг и их матерей, как и ее бриллианты, уничтожены невниманием ухажеров и симпатией к другой юной девице в простом белом платье с васильковым венком. «Красота ярче всего блистает, когда на ней ничего не блистает... Красота, как природа, теряет от излишних украшений... Блеск алмазов затмевает блеск глаз» [1, с. 46], философски замечает автор. «Вместо блеска, побед и владычества Аглая невольно делается грустна и молчалива... Скрепя сердце, идет она танцевать не с любезнейшим из гвардейцев, а просто с первым, кто ангажировал» [1, с. 46].

Печальна и участь старой Ефросиньи на балу. В ее возрасте в светском обществе слишком дорого платят за внимание к себе: «Его нельзя купить дешевле, как обмороком, припадком и даже смертью, тогда только все засуетятся, окружают, побегут...» [1, с. 47]. В целом стиль изложения ироничен, он лишен сарказма, гнева. Это взгляд автора-женщины, прошедшей через светский этикет, равно как в родительском имении, так и во время воинских походов [2, с. 154] и в годы жизни в Петербурге.

Герои очерков принадлежат тому обществу, которое их окружает, они столь же поверхностны, неглубоки, и честолюбивы. Влияние «света» определяет их отношения и чувства. Они едут на бал «побеждать, блистать, удивлять, унижать, бесить, отнимать, отдавать, заглушать...» [1, с. 45]. Но честолюбивые мечты героинь разбиваются о стену равнодушия тех камергеров, поручиков лейб-уланского полка и лейб-гусарских ротмистров, которые, совсем недавно оказывая знаки внимания блистательным дамам, теперь переключили свой интерес на новые объекты. Они суетны, легкомысленны и порочны.

Вторая часть очерка «Воспоминания» лишена социальных картин. Это более психологический этюд, хотя героями его остаются те же представители светского мира. Дурова здесь формулирует важную философскую мысль: «Воспоминания – вторая наша жизнь, наше долголетие! Наилучший дар неба!» [1, с.47]. Воспоминания оказываются средством преодоления скоротечности жизни, они дают возможность остановить течение времени и многократно возвращаться к юности, милому прошлому. «Напрасно люди говорят, что век их короток, что они живут мало, что самый большой срок их жизни сто лет. Напрасно... они живут тысячу лет» [1, с. 47]. Но важны не любые воспоминания, а лишь те, что возвращают людей к светлым чувствам, добрым делам, к задушевным беседам с друзьями, к философским размышлениям. «Удовольствие, один раз испытанное, не повторяется ли несколько раз в их памяти? Воспоминание добра, сделанное кому-нибудь, не радуется ли сердце всякий раз, как только приходит на мысль?» [1, с.47]. Светские герои очерка (старелая Ефросинья и старый граф Брустверский) выражают важную авторскую мысль о памяти как средстве продления жизни: « Чем дальше уходим мы по пути жизни, тем чаще возвращаемся назад и начинаем проживать ее снова, то всю, то отдельно» [1, с. 50].

Философская и этическая сторона очерков Дуровой, как и других ее объемных повестей – отдельная тема, требующая дополнительных наблюдений. Заметим, что светский мир ее героев многообразен и богат с точки зрения осмысления жизни во всем ее многообразии.

Жанр светского очерка позволил Дуровой только пунктирно наметить характеры героев и их взаимоотношения. Это сатирико-бытовые зарисовки, социально-психологические этюды. Они лишь иллюстрировали светские нравы и пороки, но в них накапливался новый материал, который станет позднее содержанием светских повестей русских писателей, в том числе произведений и самой Н.А. Дуровой, в частности, ее будущей светской повести «Угол», нащупывались сюжетные коллизии, изучались характеры героев, анализировался жизненный уклад светского общества.

Список литературы

1. Александров А. Два слова из житейского словаря // Отечественные записки. – 1839. – №8. – Т.VII. – С. 37-52.
2. Бегунова А.И. Надежда Дурова. Русская амазонка. – М., 2013.

3. Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. – Т. 2. – М., 1977.
4. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин. Комментарий». – Л., 1980.
5. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. – Т. 7. – М., 1981.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ИДИОСТИЛЕВАЯ ЧЕРТА РОМАНОВ

Д.И. СТАХЕЕВА

Д.А Салимова

Р.Р. Бикмухаметова

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: В статье дана попытка дать краткий обзор интертекстуальных элементов в двух романах Д.И. Стахеева, елабужского автора, в писательской манере которого интертекстуальность есть одна из характерных черт. Эта характеристика обусловлена глубокой религиозностью, серьезной филологической подготовкой, большим жизненным опытом писателя. Интертекстуальные элементы в прозе Д.И. Стахеева оформляются в основном в виде аллюзий и реминисценций. Богатейшая палитра интертекстуальных вкраплений и красок свидетельствует о включенности прозаика XIX века в общемировое культурно-духовное пространство.

Ключевые слова. интертекст, интертекстуальные элементы, идиостиль, аллюзия, метатекстуальность.

INTERTEXTUALITY AS AN IDEOSTYLE OF D.I. STAKHEEV'S NOVELS

D.A. Salimova

R.R. Bikmuhametova

Abstract: The attempt to give a brief review of intertextual blocks of two novels of D.I. Stakheev given in this article. D.I. Stakheev is an elabugian writer whose main writer's style is intertextuality. Such writer's manner is a consequence of D.I. Stakheev's deep religiosity, philological background and rich life experience. Intertextual blocks in the Stakheev's novels mainly are given as allusions and reminiscences.

The wide range of intertextual ingredients is an evidence of writer's involvement into the cultural and ecclesiastical life of the 19-th century.

Keywords: intertext, intertextual blocks, ideostyle, allusion, metotextuality.

В этой статье попытаемся дать краткий обзор интертекстуальных элементов в двух романах Д.И. Стахеева, автора-земляка, в писательской манере которого интертекстуальность стала одной из идиостилевых черт, что обусловлено целым рядом факторов.

Понятия «интертекстуальность», «прецедентность» в современных филологических, как литературоведческих, так и лингвистических, исследованиях занимают все большее и большее место. Согласно мнению французской исследовательницы Н. Пьеге-Гро, феномен интертекстуальности свойствен письменности и культуре человечества уже с древнейших времен: «Можно подумать, что это [интертекстуальность] сугубо современное понятие, однако на самом деле оно охватывает древнейшие и наиболее важные практики письма: ни один текст не может быть написан вне зависимости от того, что было написано прежде него; любой текст несет в себе, в более или менее зримой форме, следы определенного наследия и память о традиции» [5, с. 48]. Интертекстуальность была свойственна еще античным текстам. «...обсуждение некоторых форм интертекстуальности можно найти уже в трудах Платона и Аристотеля» [1, с. 15].

Зарождение теории интертекстуальности восходит к трудам М.М. Бахтина. Каждое высказывание, по М.М. Бахтину, является звеном в цепи других высказываний: «Ни одно высказывание не может быть ни первым, ни последним. Оно только звено в цепи других и вне этой цепи не может быть изучено» [2, с. 340], из чего следует, что каждое новое высказывание – это реакция на уже прозвучавшее высказывание и, одновременно, прецедент для новой его оценки. Каждый человек, формируя свой индивидуально-речевой опыт, непременно взаимодействует с чужими высказываниями. «...самая мысль наша – и философская, и научная, и художественная – рождается и формируется в процессе взаимодействия и борьбы с чужими мыслями, и это не может не найти своего отражения и в формах словесного выражения нашей мысли» [2, с. 272].

Концепция Ю. Кристевой, развившей понятие биологичности М.М. Бахтина, быстро получила широкое распространение и признание среди лингвистов и литературоведов. Термин *биологичность* Ю. Кристева заменила термином *интертекстуальность*, а каждый текст определила как интертекст [4, с. 52].

В современных исследованиях текст рассматривается как часть «универсума текстов», утрачивая

свою индивидуальность и законченность, но становясь интертекстуальным в каждом своем фрагменте.

Аллюзия – языковой прием, заключающийся в *намеренном* использовании намека: 1) на тексты (художественные, публицистические, научные, официально-деловые и т.п.; поговорки, пословицы, рекламные слоганы и др.) и отдельные лексемы; 2) на реальные или иные события, получившие широкую известность.

В некоторых случаях интертекстуальные ссылки фактически выступают в роли обращений, призванных привлечь внимание определенной части читательской аудитории. Реально в случае межтекстового взаимодействия апеллятивную функцию часто оказывается трудно отделить от фатической (контактоустанавливающей): они сливаются в единую опознавательную функцию установления между автором и адресатом отношений «свой/чужой»: обмен интертекстами при общении и выяснение способности коммуникантов их адекватно распознавать позволяет установить общность как минимум их семиотической (а возможно и культурной) памяти или даже их идеологических и политических позиций и эстетических пристрастий. Такого рода настройка на семиотическую общность с помощью интертекста может осуществляться с большой степенью точности.

Следующей функцией интертекста является поэтическая: опознание интертекстуальных ссылок предстает как увлекательная игра, своего рода разгадывание кроссворда, сложность которого может варьировать в очень широких пределах – от безошибочного опознания цитаты из культового фильма до профессиональных разысканий, направленных на выявление таких интертекстуальных отношений, о которых автор текста, возможно, даже и не помышлял (в таких случаях говорят о «неконтролируемом подтексте», «интертекстуальности на уровне бессознательного» и т.п.).

Интертекст, несомненно, может выполнять референтивную функцию передачи информации о внешнем мире: это происходит постольку, поскольку отсылка к иному, чем данный, тексту потенциально влечет активизацию той информации, которая содержится в этом «внешнем» тексте (претексте). В этом отношении когнитивный механизм воздействия интертекстуальных ссылок обнаруживает определенное сходство с механизмом воздействия таких связывающих различные понятийные сферы операций, как метафора и аналогия.

Интертекстуальное присутствие в поле романа Дмитрия Стахеева «Обновленный храм» практически не ограничено формой произведения. Элементы, представляющие собой отсылку на другой текст, могут возникнуть в любом фрагменте текста от названия до самых последних строк в речи любого из героев, ровно как и в речи самого автора.

Само название романа «Обновленный храм» представляет собой ссылку на Священное Писание. В Новом Завете мы можем найти следующие слова: «Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм – вы» (1Кор.3:17). Учитывая эту цитату, приходится отмечать, что ошибочно интерпретировать образ храма в романе исключительно как символ человеческой души.

Речь здесь не идет о душе как априорной сущности или характеристики одного из персонажей романа. При описании обновления души героя автор имел целью обновить, прежде всего, сердца его читателей. Именно на это и указывает данная интертекстуальная отсылка к образу храма и его значению.

Религиозно-нравственное понимание важности обновления своего сердца переключается с работой Джорджа Герберта «Храм». У Стахеева, как и у Герберта храм представляется нам через его внутреннее убранство и отдельных служителей, и лишь в кульминации происходит ясное отождествление храма и человеческой души. Такие интертекстуальные отсылки несут в себе поэтическую функцию.

Традиция религиозного-деистического исследования Герберта противостоит интертекстуальному следованию символической традиции у Достоевского. Федор Михайлович использует в своих работах два синонима: «храм» и «церковь». Если Достоевский говорит о символе взаимосвязи между богом и людьми, то в его текстах появляются слова «храм господень», «храм божий» («Братья Карамазовы», «Подросток»). Когда писатель просто упоминает здание исполнения религиозного культа, то использует слово «церковь» («За толпой в церковь» – «Елка и свадьба»). Этой же символической традиции интертекстуальной привязки концепта следует и Стахеев. Храм у него нуждается в обновлении, а на городской окраине стоит «старинная церковь, ожидавшая капитального ремонта». Интертекст в таком случае несет символическую функцию.

Ещё одна отсылка к творчеству Достоевского – первичность личностного начала. У Стахеева мы сначала знакомимся с городом N, изучаем быт горожан и только после этого читателю дозволено войти в храм и осмотреть его убранство. Образ церкви теперь уже не просто символ. Он становится полноправным персонажем, действующим в романе. Именно в этом моменте можно проследить еще один ряд художественных ссылок на творчество другого гения – величайшего французского писателя – Виктора Гюго.

Произведение «Собор Парижской Богоматери» было написано Гюго с целью сохранения храма, который нуждался в реставрации, но служители собора никак не могли найти денег на его восстановление. Церковь из романа «Обновленный храм» Д.И. Стахеева так же сильно нуждается в средствах. Гюго сделал собор главным «действующим лицом» своего романа. Стахеев также обращает внимание читателя на свой храм и выносит его в название своей работы. Тесная интертекстуальная связь с работами Гюго сохранится у Стахеева до конца жизни, и даже свой дневник автор «Обновленного храма» назовет в честь работы французского писателя «Les misérables» («Отверженные»).

Однако в «Соборе Парижской Богоматери» ещё не развита тема воскрешения души, которую Стахеев может заимствовать из более позднего творчества Гюго. Синхронное звучание преображения душ Жана Вальжана из романа «Отверженные» и отца Никанора из «Обновленного храма» не случайно. Иван Петрович очистил сердце заблудшего точно так же, как это сделал епископ Диньский. «Непамятозлобие» Ивана Петровича поразило отца Никанора. Он искал в своей душе сходный опыт, но не мог его ни с чем соотнести. Жан Вальжан тоже сталкивается с тем, чего не может объяснить. Доброта епископа сражает его сердце.

Шарль-Франсуа-Бьенвеню Мириэль отдает свои последние деньги на выкуп заключенных из тюрьмы, на больницы и сирот. Иван Петрович отдает деньги даже тому, кто считает его обидчиком. Он, подобно Мириэлю, готов отдать последнее, терпя неудобства ради того, что считает правильным. Такая мелкая деталь у Стахеева, как «костлявые руки» отца Никанора говорит нам о том, как сильно мучился священнослужитель своими обидами. Можно говорить о метатекстовой функции данных интертекстуальных связей.

В «Обновленном храме» присутствует детальное описание провинциального быта в лучших традициях творчества Гоголя. Стахеев рисует друг за другом колоритные юмористические образы, вторя приемам Николая Васильевича. Ставя перед читательским судом представителей разных сословий, Стахеев представляет не портреты, а поступки.

Множество интертекстуальных ссылок в романном творчестве Стахеева отправляют нас к трудам великих философов. Особо выделяются среди них ссылки на Артура Шопенгауэра. Стахеев не раз цитирует его работы в своем творчестве. Даже в романах писателя слышны отзвуки идей великого немецкого философа. Так, в «Избраннике сердца» Поликсена Григорьевна религиозна и набожна, но лишена совести и честности. Рефреном звучит здесь Шопенгауэрская мысль о том, что религиозные люди часто под совестью понимают следование предписаниям их религии («Две основные проблемы этики»). Поликсена Григорьевна и Валерьян Михайлович погрязли в своих взаимных обманах. У этой лжи неизбежно должна быть жертва. Ей и становится прежде всех остальных Лидия Константиновна.

Реакция Поликсены Григорьевны на известие о смерти Валерьяна Михайловича также поддается особой интерпретации в свете философских связей с Шопенгауэровской этикой. Героиня «набожно перекрестилась», узнав о случившемся, «она, кажется, почувствовала даже удовольствие при этом известии». Реакцию Поликсены Григорьевны можно определить как злорадство, а злорадство – самое страшное в человеческой природе по Шопенгауэру. Таким образом, героиня не только не раскаялась, но и готова снова руководствоваться своим мировоззрением для воспитания ребенка покойной дочери. Она не осознала своих ошибок и может смело их повторить.

Однако по Шопенгауэру, злорадство присуще людям как самая страшная черта. Стахеев остается верен этой философской идеи на протяжении всего романа, заставляя самых разных своих героев чувствовать это эмоциональное переживание. То же самое злорадство, столь презираемое Стахеевым, мы, например, видим напротив квартиры Колыванова. Здесь стоит «тучная женщина с оголенными икрами ног». Она «злорадно засмеялась», видя как Лидия повалилась на пол. Этот персонаж даже не имеет имени, а является лишь намеком на идеи, разделяемые автором. Здесь можно говорить о фатической функции интертекстуальных связей.

Очень много смелых параллелей можно провести между творчеством Стахеева и Тургенева. Оба писателя раскрывают богатство и своеобразие женской души через уникальный феномен своего таланта. Стахеев и Тургенев избрали автобиографизм как средство для своего творчества. Так, священнослужители из «Обновленного храма» заимствованы из жизни самого автора, а немка в романе «Избранник сердца» оказывается квартирной хозяйкой самого Стахеева в Петербурге.

Интертекстуальные единицы в романах Стахеева обычно оформляются в виде аллюзий и реминисценций. Но чаще всего автор представляет прецедентный текст через цитату. Цитаты с тождественным воспроизведением образца сочетаются с цитатами, требующими расшифровки. Стахеев иногда выделяет интертекст, вводя его в начало или конец абзаца, а также в самую эмоционально насыщенную часть произведения. Иногда цитата проходит кодирование автором путем добавления новых частиц, междометий или даже целых фраз.

«Мне душно, ах, мне душно!» – кричит в отчаянье умирающая Лида. Этот эмоциональный возглас внимательный эрудированный читатель слышал раньше в столь же чувственном исполнении. «Сделается мне так душно, так душно...!» – восклицает Катерина у Островского. И здесь дословное повторение – не случайность, а яркая демонстрация интертекстуальных связей. Появление междометия делает цитату менее узнаваемой.

Лидия Константиновна у Стахеева, точно так же, как и Катерина у Островского, противопоставит всему миропорядку. Главный враг этих двух героинь находится не во внешнем мире, а внутри их самих. Героини блюдут традиции, понимая при этом сущность греха и святости, свыкнувшись с понятием Бога и божественного. Но вместе с тем они хотят поступать согласно велению своей души, следовать собственной любви. Отсюда ссылки на грозу Островского в романе «Избранник сердца».

Конфликт в душе Лидии Константиновны – способ проследить мифологические аллюзии в тексте. Лида противопоставит не человеку, а самой стихии бытия. До некоторой степени это вызов мирозданию. Античное трагическое начало проявляется в этом конфликте с миром.

Любовная история Лидии Константиновны развивается вначале по романтическим стандартам. Это роднит героиню Стахеева и Марию Гавриловну из «Метели» у Пушкина. Обе героини бегут из родительского дома под впечатлением любви, обе колеблются до последнего момента, боясь причинить родителям боль. Героиня Александра Сергеевича была воспитана на французских романах «и, следовательно, была влюблена». Лиде у Стахеева знакома та же романтика французской жизни, о чем не трудно догадаться, например, по обилию французских слов в ее речи.

В этом любовном сюжете можно отследить и более «древний» замысел, устанавливающий контакт между текстом Стахеева и Шекспира, когда родители противятся соединению любящих детей и обрекают их на смерть. Однако любовь в романе представлена не только романтическими переживаниями, передающимися от человека к человеку. Перед нами особая концептуальная категория, соединяющая в себе несколько смысловых рядов. В «Избраннике сердца» мы встречаем любовь между людьми, любовь к родителям, любовь как чувство к Богу, даже любовь к животным.

Архитектурно-художественные аллюзии Стахеева могут выступать как элемент интертекстуальности. Особым источником для фигур интертекста у Стахеева могут выступать объекты изобразительного искусства. В романе «Обновленный храм» мы видим картину на западной стене храма. Традиционно западная стена церкви должна быть символом «страны мертвых» и ада, поэтому и привычно видеть на ней картину Страшного Суда. На этой стороне обычно хоронили умерших. Но есть и восточная сторона храма, область рая. Восточная сторона нереставрированного храма скрыта от глаз читателя. Это намек на невозможность обретения счастья без изменения собственной души. От некоторых святых остались в храме одни одежды, что символизирует потерю духовного начала взамен материального.

В качестве фигур интертекста служат даже музыкальные произведения. В романе «Избранник сердца» граф Загорский просит дочь сыграть сонату Pathétique. Стахеев избирает именно эту работу Бетховена не с целью проиллюстрировать волнение героини. Лида даже не слышит того, что играет. Ее тревога давно оглушила читателя. «Pathétique», звучащая в данный момент романа, должна показать волнующее и трепетное отношение отца к своей дочери. Использование данной сонаты крайне метафорично. Граф Загорский глух к тому, что происходит в доме. Соната «Pathétique» была единственным произведением Бетховена, написанным в период «рождения» глухоты композитора. В данном случае можно говорить о референтной функции интертекстуальности, поскольку отсылка к музыкальному произведению будет активизировать возникновение новой информации.

Таким образом, метатекстуальность художественных текстов Стахеева складывается из интертекстуальных вкраплений отечественных и зарубежных авторов в полотно литературного произведения. Глубина и сложность использованных прецедентных форм и элементов влияют на восприятие и понимание текста. А сама богатейшая палитра интертекстуальных вкраплений и красок свидетельствует о включенности прозаика 19-го века в общемировое культурно-духовное пространство, о его филологической подготовленности. Эти своеобразные лингвокультуемы выполняют как текстообразующую функцию, создавая связность и цельность в текстах автора, так и функцию стилистическую, усиливая эмоциональную, эстетическую значимость в прозаических произведениях Д.И. Стахеева.

Список литературы

1. Аникина Э.М. Интертекстуальность в дискурсе СМИ (на материале англо-американской прессы). – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – 100 с.
2. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
3. Караулов Ю.Н. Предисловие // Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. – М.: Азбуковник, 2003. – 115 с.
4. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 9. Филология. – 1995. – № 1. – 138 с.
5. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
6. Стахеев Д.И. Духа не угашайте. Избранные произведения. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1992. – 417 с.
7. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – 158 с.

СООТНОШЕНИЕ ХРОНОТОПОВ МОСКВЫ И ПРОВИНЦИИ В РОМАНЕ

О. СЛАВНИКОВОЙ «ЛЁГКАЯ ГОЛОВА»

Г.А. Фролова

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: В данной статье на материале романа О.А. Славниковой «Лёгкая голова» анализируется взаимодействие хронотопов столицы и провинции. Выявляется своеобразие их

топонимики, ключевые хронотопические координаты (река, квартира, поезд, метро), их семантика, связанные с ними сквозные мотивы.

Ключевые слова: О. Славникова, хронотопические координаты, Москва, провинция, образы реки, поезда, хронотоп квартиры, мотивы ада, холода, смерти.

CORRELATION OF CHRONOTOPES MOSKOW AND THE PROVINCES IN THE NOVEL BY O.SLAVNIKOVA "LIGHT HEAD"

G.A. Frolova

Abstract: This article on the material of O. A. Slavnikova the "Easy head" examines the interaction of chronotopes of the capital and the province. The article also reveals the peculiarity of their place names, it discusses key chronotopical coordinates (images of river, train, apartment, metro), their semantics, their associated cross-cutting motives.

Keywords: O. Slavnikova, chronotopical coordinates, Moscow, province, the images of rivers, of trains, the chronotope of the apartment, the motives of hell, the cold, death.

В одном из интервью Славникова рассказала о первоначальном замысле романа «Лёгкая голова» – связать произведение именно с личным опытом человека, приехавшего в столицу: «(...) я, действительно, думала освоить основные столичные мифологемы, разобраться со своим опытом «понаехавшего» из провинции – тем более, что с этим опытом живет четверть Москвы» [1]. Неудивительно, что оппозиция Москвы и провинции стала одной из важнейших в хронотопической структуре романа.

Пространственно-временная организация произведения О. Славниковой, с одной стороны, максимально приближена к реальному миру. Здесь представлены такие пространственные координаты Москвы, как: храм Христа Спасителя, Охотный ряд, станции метро «Театральная», «Тверская», Пушкинская площадь, мосты – Нагатинский, Большой Каменный, Крымский, реки – Москва, Яуза. Все это усиливает эффект достоверности описываемых событий. С другой стороны, по мере развития действия пространство и время в романе мифологизируются, приобретают фантастические черты, насыщаются новыми знаковыми смыслами.

Одной из главных хронотопических координат в романе «Лёгкая голова» становится Москва-река. Архетипически водная стихия мыслится как исходное состояние всего сущего, и, являясь символом жизни, наделяется значением материнской сущности. Роль воды отождествляется с мифологическим омовением, возвращающим человека к исходной чистоте. Посредством образа-символа реки Славникова передает материнскую ипостась столицы, которая была традиционной для русской литературы XIX века. До сих пор неизвестно точное происхождение и значение топонима Москва, но чаще всего ученые (П.Я. Черных, Г.А. Ильинский, М. Фасмер) связывают его именно с гидронимом, то есть имя города является прямым порождением названия реки, на которой он расположен, что дополнительно усиливает семантику рождения, связанную с Москвой-рекой. Таким образом, в романе «Лёгкая голова» образ пространства, в котором происходит действие, задается семантикой слова. Нетрудно заметить, что многие из предложенных исследователями вариантов толкования названия города «Москва» связаны с понятиями «болото, сырость, влага, жидкость», «мокрое, топкое место». Подобное происхождение названия города подчеркивает и усиливает авторское видение столицы как не приспособленного для жизни пространства, как чего-то вязкого, засасывающего, тоскливого. Главный герой романа Славниковой Максим Т. Ермаков, несмотря на видимый успех, которого он сумел достичь именно благодаря подаренным столицей возможностями, так и не смог полюбить Москву. Этот город в восприятии героя предстает как «громкая масса камня, бетона, металла» [3, с. 78]. Слова «камень», «бетон», «металл», усиленные эпитетами («смертельный холод асфальтовой и каменной Москвы» [3, с. 67]), передают эмоциональный дискомфорт среднестатистического жителя столицы в лице героя, который «принадлежал к многомиллионной интернациональной армии корпоративных клерков и каплей лился с массами» [3, с. 7].

Судьба многих героев романа «Лёгкая голова», в том числе и не провинциалов (Максима Т. Ермакова, Маринки, Маленькой Люси, Шутова) показывает, что столица стала для них, скорее, мачехой. Приезжих (Максима, Маринку) она приманила, как оказалось, кажущейся возможностью обретения свободы, успеха, счастья. Но и надежды коренных жителей столицы на самореализацию и спокойную жизнь также не оправдались: Шутов, человек верующий и порядочный, в целях защиты личного пространства и сохранения духовной чистоты вынужден «маскироваться» под алкоголика и сутенера, а Маленькая Люся, владелица шикарной квартиры в центре, погибает в результате теракта в метро.

Облик «холодной Москвы» [3, с. 166] напрямую связывается с её порождающей стихией – холодной Москвой-рекой, «лимфой мегаполиса» [3, с. 199]. Герою кажется, что река пахнет, «как старая женщина; звук, издаваемый её волнами <...> был всегда плаксив» [3, с. 199]. Образ реки ассоциируется со старостью, наполняется семантикой одиночества, болезни, смерти. «Чем-то Москва-река была соприродна таинственным московским подземельям, что, подобно живым существам, шевелились

внутри московских холмов, двигались, меняли форму, сплетались в клубки, погибали, оставляя по себе затхлую скорлупку» [3, с. 200].

Семантика смерти находит своё продолжение и в образе московского метрополитена. «Звенящее чувство опасности» [3, с. 367], охватывающее Максима всякий раз при спуске в метро, перерастает после смерти Маленькой Люси в стойкую ассоциацию метрополитена не просто со смертью, а с адом («Максим Т. Ермаков сидел на бортике метро «Тверская», глядя на макушки пассажиров, спускавшихся в ад» [3, с. 394]).

На одной пространственной горизонтали вместе с образами Москвы-реки и метро, ещё больше усиливая семантику смерти, располагается и морг, где Максим в последний раз видит Люсю. Ещё в Приемном покое герой приходит к мысли, что если бы его спросили, «как выглядит ад, он бы ответил, что ад обложен белым кафелем, а в углу стоит фикус» [3, с. 388]. Узнав о смерти жены, Максим вместе с санитаркой спускается «проваливаясь, будто в яму то левой, то правой ногой» в морг [3, с. 391], из завизжавшей двери которого «потянуло холодом, но не уличным зимним, а мертвым спертным воздухом» [3, с. 390-391].

Москву и провинцию связывает хронотопический образ поезда. Этот техносферный аналог образа реки, дороги, с которыми его объединяет направленность вперед, тоже выступает в романе как перемалывающее начало, как знак бездомья и хаоса. Попадая в столицу, провинциалы «предпочитают чувствовать себя <...> порождениями поездов, дотащившихся беременными до столичных вокзалов и отложивших на перронах свои железные личинки» [3, с. 72]. В финале взрыв поезда террористкой-смертницей уносит десятки жизней. Поезд становится символом бесповоротности судьбы, предопределенности.

Москве, которая представлена в романе с негативной коннотацией, казалось бы, должна быть противопоставлена провинция. Автор не даёт ей названия. По наблюдению А.Ф. Белоусова, «одной из важных особенностей образа провинциального города зачастую является его безымянность. Отсутствует имя, которое индивидуализирует город, делает его единичным и уникальным» [2, с. 457]. Отсутствие имени («минус-имя») – не только «знак провинциальности города», но и «дурной знак», маркирующий отношение автора к описываемому пространству [2, с. 457]. В романе «Лёгкая голова» хронотоп провинции, как и Москвы, тоже наделён отрицательной коннотацией, что отражено в иронических определениях («родное Замкадье»), оценочно-экспрессивных эпитетах («зажопинский дискач» [3, с. 72]). В подобном контексте суффикс в слове «городок» является скорее не уменьшительно-ласкательным, а уничижительным.

В романе нет «характерного для нашей культуры представления о «природности» провинции, которая противопоставит столичной цивилизации» [2, с. 458]. На всех пейзажах безымянного городка и его окрестностей печать уныния и заброшенности. Максим вспоминает «родные просторы, состоявшие из колючих посевов и воночных коров» [3, с. 157], захламленный берег плохо пахнущей речушки, «садово-парковый пантеон» «заветренных, усохших» статуй [3, с. 166]. Рисуя облик городка, автор стремится задействовать все органы чувств читателя: зрение, обоняние, осязание. Читатель вместе с героем видит «убожество и мусор», «пыль и безвестность» [3, с. 165] провинции; ощущает запахи гнилой речушки и помоек; чувствует «фактуру» «задубевшего картонного стаканчика от фруктового мороженого, какого не выпускали и не продавали лет десять» [3, с. 167]. Описание стаканчика наводит на мысль об остановившемся времени – довольно частый мотив, характеризующий хронотоп провинции.

Примечательно, что при описании провинции, как и столицы, внимание акцентируется на реке: «Протекавшая через город капризная речка <...> была красивая, бисерная, но от неё плохо пахло. Говорили, что дно у неё нехорошее, гнилое, поэтому в ней не купались и не ловили рыбу» [3, с. 164]. Подобно тому, как Москва-река, являясь своего рода метонимичным образом Москвы, несет в своём облике черты столицы, так и состояние речки в «городе-городке» становится симптомом «болезненности» провинции: внешняя «бисерная» красота оборачивается внутренней гнилостью. Не удивительно, что Максим вспоминает свой «городок» с внутренним безразличным содроганием.

Славникова не рисует традиционный для провинции простор (пейзажный – в виде бескрайних полей; или городской, отмеченный описанием улиц, садов, парков). Напротив, в романе даже, казалось бы, открытое пространство выглядит замкнутым. Герой вспоминает короткие улицы, «крошечный исторический центр» [3, с. 156], маленькую площадь перед «самой престижной «сталинкой» [3, с. 166]. Впечатление о городке как о малопригодном для жизни замкнутом пространстве усиливают неопрятные пятиэтажки, «где панели сварены грубыми черными швами, что создает, вкупе с решетками на окнах первых этажей, впечатление тюрьмы» [3, с. 156], а также описание «дачи» родителей Максима, где располагалась «домишко-сундучок», «дощатый коробок» с протекающей крышей. Воспоминания героя о родном городке наполнены горящими деталями неприглядного быта, который отражен в том числе и в цветовой гамме: «трёхэтажный длинный дом *серого* кирпича, сложенный, казалось, из брикетов *грязного* снега» [3, с. 147], «специфический сладковатый запах подъезда, специфический лязг, с каким наружная дверь отрезала человека от улицы. Квартира на четыре комнаты, которую мать называла «четырёхклеточной» [3, с. 147-148]. Сравнение жилого пространства с «клеткой», «коробком», «сундучком» призвано подчеркнуть не только физическую тесноту, бытовую неустроенность, но и удушающую атмосферу психологического давления серости и убожества на человека. Семантика

болезни (как и в случае со столичным пространством Москвы) пронизывает большинство описаний: дома, покрытые «узором трещин и *волдырей*»; «тусклые *шрамы*», оставленные весенними ручьями на высохшей к лету земле [3, с. 164]; «*двугорбая помойка*» [3, с. 172]; «*астматический* и грязный рейсовый автобус» [3, с. 157].

Вот почему герой мечтал вырваться из «родного Замкадья», его бесконечно манила Москва, город богатства и возможностей, в котором можно обрести желаемый «простор». Однако, оставив ненавистный городок, Максим так и не смог обрести личного пространства в Москве. Попытки купить собственное жильё не увенчались успехом. Хронотоп квартиры (как одна из модификаций дома), характерный в целом для творчества Славниковой, в данном романе лишается традиционных устойчивых характеристик и не представлен как отгороженное от внешнего мира внутренне пространство, символизирующее безопасность и покой. В жилище Максима то и дело вторгаются: то квартирная хозяйка с очередными претензиями, то социальные прогнозисты с угрозами. Даже Маринка периодически «отвоевывает» у Максима часть пространства квартиры, «помечая территорию» разбросанными своими вещами. То есть с одной стороны, для героя, приехавшего в столицу из «города-городка», Москва успела стать своей: он чувствует здесь себя комфортнее, чем у себя на родине. Однако, несмотря на то, что он вроде бы был принят столицей, о чём свидетельствует материальный успех, его признание на рынке рекламы, ему так и не удалось обрести здесь личное безопасное пространство. Москва обернулась для Максима такой же «тюрьмой», какой в своё время была провинция. «Москва, только Москва – как Максим Т. Ермаков рвался в неё, как вписывался <...> пока не проник, не ввинтился в нынешнюю свою транснациональную купи-продайку, где впервые решил, что жизнь удалась! И вот сидит теперь у себя на съёмной квартире, словно у бездны на краю» [3, с. 173].

Таким образом, в романе «Лёгкая голова» столица и провинция не столько противопоставлены, сколько сопоставлены друг с другом. Их объединяют: хронотопический образ реки, соединяющий в своей символике категории времени и пространства, семантика болезненности пространства, образ деформированного Дома – не уютного и безопасного, а квартиры-«клетки».

Список литературы

1. Акминлаус А. «Лёгкая голова» как «автобиография возможного» // URL: <http://fantlab.ru/article628> (дата обращения 19.10.2015).
2. Белоусов А.Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) // Геопанорама русской культуры: Провинция и её локальные тексты / Отв. ред. Л.О. Зайонц; Сост. В.В. Абашев, А.Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 457-483.
3. Славникова О.А. Лёгкая голова: роман. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 413 с.

РЕШИДОВ КЕРИМ РЕШИДОВИЧ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

КАЗАНСКИХ И КРЫМСКИХ ТАТАР

М.А. Хайруллин

Н.К. Эмирсунова (Решидова)

ГБОУ КРИППО, г.Симферополь

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с жизнью и творчеством ученого-филолога советского периода К.Р. Решидова, который внес большой вклад в изучение культурного наследия двух татарских народов. Особое внимание в работе уделено современным аспектам взаимодействия ученых в условиях вхождения Крыма в образовательно-культурное пространство РФ.

Ключевые слова: фольклористика, компаративистика, фольклор, филология, народная педагогика.

RESHIDOV KERIM RESHIDOVICH - LITERARY SCHOLARS OF KAZAN AND CRIMEAN TATARS

M.A. Khayruddinov

N.K. Emirsuinova (Reshidova)

Abstract: This article discusses issues related to the life and work of the scientist-philologist of the Soviet period K.R. Reshidova, who made a great contribution to the study of the cultural heritage of two of the Tatar nations. Particular attention is paid to modern aspects of the interaction of scientists in terms of entering the Crimea in educational and cultural space of the Russian Federation.

Keywords: Folklore, Comparative, philology, folk pedagogy.

Решидов Керим Решидович больше известен под псевдонимом Керим Джаманаклы – по

названию деревни Джаманакъ в степной части Крыма. В краткой литературной энциклопедии о нем написано: Решидов Керим Решидович (псевд. Джаманаклы: 21.01.1905 г., с. Джаманак, ныне Крымск обл. – 01.08.1965. г. Елабуга, Республика Татарстан) – крымскотатарский сов. литературовед и фольклорист. Член коммунистической партии с 1931 г. Окончил Крымский пединститут в 1932 году и аспирантуру при нём в 1935. С 1948 г. заведовал кафедрой литературы Елабужского пединститута. Основные работы посвящены фольклору (Чынглар ве манелер, 1940), «Сказки» (Масаллар, 1941), литературе крымских татар (Жизнь и тв-во Шамиля Токтаргазы, 1937). Автор учебников. Переводил на татарский язык русских и зарубежных классиков [5, с. 278].

Деревни, как и люди, рождаются, получают свое имя, переживают различные периоды истории, умирают или подвергаются насильственному уничтожению. После депортации крымскотатарского народа в 1944 году с географической карты полуострова были стерты почти все татарские названия населенных пунктов.

С глубокой древности известны особые районы Земли с необычной энергией, оказывающие сильнейшее воздействие на психику человека. В свое время Л.Н. Гумилев ввел в употребление термин «пассионарность». Пассионарность есть энергия живого вещества биосферы, которая существует по всей планете. Это энергия биохимическая, необходимая для активной, напряженной деятельности людей, родившихся на этой земле.

Исчезнувшие крымскотатарские деревни – это особые районы Крыма, где успешно жили и были погребены наши предки. Мы не можем позволить себе оставить без внимания эти земли. Наш священный долг помнить родителей, посвящать их памяти добрые дела и не оставлять в земле их имена. Имен на свете меньше, чем людей. Новые люди рождаются и получают старые имена, в том числе, связанные с названием места рождения и жизни предков. Предметом данной статьи является жизнь и творчество известного крымскотатарского ученого-филолога Решидова Керима Решидовича (псевдоним Джаманаклы). Автор данной публикации также является выходцем из села Джаманакъ (его дед, народный учитель Аедин Саледин).

Село Джаманакъ-Татарский ("Золотой колос" с 1948 г.) относится к числу двух тысяч исчезнувших деревень Крыма. Джаманакъ был расположен на территории Раздольненского района в северо-западной части Крымского полуострова. Площадь района – 1215 квадратных километров. По данным Всесоюзной переписи 1989 года, в нем проживало 36060 человек, в том числе сельского – 24564. Плотность населения – 30 человек на один квадратный километр. Большинство его жителей тогда составляли украинцы – 47,2%, русские – 41,1% ,также проживали крымские татары, белорусы, армяне, евреи, чуваш и т.д. Всего около 40 национальностей.

Раздольное – Ак-Шейх был основан в начале 60-х годов XIX в. выходцем из Германии. А вот как возникло село Джаманак (Нива), нигде записей найти не удалось.

В «Книге памяти Республики Крым» на 6 странице V тома записано, что в результате переименования населенных пунктов 16 августа 1944 г. Ак-Шейх стал называться Раздольное, а Джаманак – Нива («Приложение к протоколу заседания бюро Крымского ОКВКП (б) от 16 августа 1944 г.»).

Перед депортацией в деревне Джаманакъ проживали: Аедин Саледин, Батыров Эмирша, Мустафа Али, Умеров Джемиль, Умеров Асан, Умеров Сеитнуман, Али Сеитхали, Сеитумер С.М., Абдулла Мемет, Решитов Фета, Арсланов Садык, Арсланов Абдувели, Арсланов Аедин, Умеров Аджи-Осман, Раимов Муедин, Смаилова Нурие, Менаджиев Али, Джафадов Умер, Асманова Эмине, Менаджиев Эмирамет, Менаджиев Эмирбек, ШейхзатСеитапти, Аджи-осман Ибрам, Алимов Абдурешит, Аблякимова Гульсум, Ибраимов Челебджан, Сеит-мулла Якуб, Менаджиев Эмиралы, Зейтулла Заит, Усеинов Асан, Мустафаев Якуб, Сейдаметов Джемиль, Эмирвели Арслан, Эмирвели Рефик, Аджиосман Акадыр, Джафаров Иззет, Сейдаметов Ягъя, Усеинов Зекирья, Менаджиев Багиш, Бейтулла Иззет, Аджиасан Бурсеит, Абдувелиев Бебехан, Умеров Гафар, Аблякимов Абдураман, Аблятиф Гафар, Физылов Селямет, Сейдаметов Абджелал [6, с. 221].

В годы войны все мужчины, способные носить оружие, ушли на фронт. Красной Армии были переданы все трактора и автомашины. На полях, на уборке урожая трудились только старики, женщины и дети. Перечитывая V том «Книги памяти Автономной республики Крым» Т.5 есть сведения о людях, ушедших защищать нашу Родину. Многие из них пропали без вести на фронтах Великой Отечественной войны: Абляимов Абкадыр, 1919 г.р., Аджалимов Эмирвели, 1893 г.р., Аджиасанов Эмирвели, 1893 г.р., Афтеньев Петр Федорович, 1920 г.р., Гринченко Владимир, Гребнев Василий Сидорович, 1901 г.р., Дубинов Семен Борисович, Коротин Дмитрий Васильевич, 1910 г.р., Муждабаев Усман, 1910 г.р., Радченко Алексей Васильевич, Сосна Григорий Григорьевич, 1912 г.р., Шайошник Михаил Степанович, 1917 г.р.

В селе Джаманак жили два брата-писателя Керим Решидов (Джаманаклы) и Меннан Решидов. Решидов Меннан, 1916 года рождения, крымский татарин, сержант, 3 июля 1942 г. пропал без вести в Севастополе. Благословенна земля джаманакская, если она дала сразу двух писателей из одной семьи. Керим Решидов (Джаманаклы) родился 21 января 1905 года в Джаманаке. В 1905 году Джаманак относился к Евпаторийскому уезду. Позднее название села становится его псевдонимом. В 1917 году будущий писатель окончил сельскую школу. В 1924 году поступает в Симферопольский педагогический

техникум. У Керима было огромное желание учиться. Учился хорошо и в 1928 г. успешно закончил учебное заведение. Начиная с 1930 г. Джаманаклы становится известным поэтом. Его стихи печатаются в газете «Яньы дунья», «Яш кьует». В 1937 г. из с. Алма-Тархан Керима Решидова увезли в Симферопольскую тюрьму. Односельчане ходатайствовали о его освобождении. Земляки написали письмо с обращением к властям, в котором говорилось, что К. Решидов не враг народа. Поэта отпустили. Джаманаклы пишет диссертацию «О творчестве Усеина Шамиля Тохтаргазы» – крымскотатарском просветителе, поэте XIX века. Защита диссертации проходила в Казани. До войны К. Джаманаклы заведовал сектором крымскотатарского фольклора в НИИ языка и литературы им. Пушкина в Симферополе. Поэт был на войне. Он был рядовым пехотинцем, сотрудником фронтовой газеты. Следует отметить, что три брата из семьи Решидовых отправились на фронт: Керим, Меннан и Абхаир.

Меннан Решидов родился в 1916 г. в Ак-Шейхском районе в с. Джаманак. В 1934 г. поступает в строительный техникум. С помощью своего брата Керима освоил азы литературоведения. В газетах и журналах того времени печатались десятками его стихотворения.

В октябре 1938 г. Меннан Решидов был призван в Военно-морской флот. Меннан, как только началась война, вместе со всеми защитниками Отечества защищал Севастополь. В 1942 г. московское радио сообщило: «В бастионе у Севастополя идут ожесточенные бои.

Политработник Меннан Решидов со своим отделением мужественно защищает каждый дом, каждую улицу». Меннан Решилов за храбрость был 17 раз награжден. Он был прекрасным художником, впрочем, как его брат Абхаир. В свои 26 лет в боях за Севастополь пропал без вести. Он очень любил свою Родину, свое село. Он посвятил этому много стихов. («Йылдыз» («Звезда») 1981 г., №5, стр. 145-146).

Керим Джаманаклы родился в селе Джаманак Евпаторийского уезда 21 января 1905 года в крестьянской семье Фадьмы Эмирамет-кызы и Абдурешита Таир-оглу Решидовых. У него было пять младших братьев: Фетга, Азиз, Меннан, Ваид, Абхаир и младшая сестра Ребия. После окончания сельской школы с 1924 г. по 1928 г. учился в Симферопольском педагогическом техникуме. В 1928-29 году работал учителем Алма-Тарханской начальной школы Бахчисарайского района, а в 1929 г. поступил на факультет литературы Симферопольского педагогического института. По окончании института был оставлен в аспирантуре при кафедре литературы этого же вуза, где приступил к работе над кандидатской диссертацией «Общественно-литературная деятельность крымскотатарского народного поэта Шамиля Тохтаргазы», которую успешно защитил в 1937 году в Казанском государственном педагогическом институте. Но учёную степень «кандидат филологических наук» он получил только в 1940-м году по ходатайству Крымского Научно-исследовательского института им. А.С. Пушкина, который просил отменить решение ВАК от 25 июня 1938 года не присуждать эту степень. Сохранился протокол заседания Учёного Совета Казанского педагогического института, из которого явствует, что оппонентом на защите был видный татарский учёный Галимджан Нигмати, который уже к этому времени находился под пристальным оком НКВД и вскоре был арестован. Предположительно, это отрицательное решение ВАК тогда было связано с общей ситуацией в научной и общественной жизни, как Татарстана, так и Крыма. Именно в это время началась очередная волна травли крымскотатарской общественно-политической элиты на страницах прессы, обвинения в буржуазном национализме многих учёных, писателей и общественных деятелей, которые завершились тяжелыми репрессиями.

К. Джаманаклы был комсомольцем с 1925 года, в 1931 году был принят в ВКП(б). Однако и по партийной линии был наказан. В его учётной карточке члена КПСС есть короткая запись о времени пребывания в партии: «перерыв с декабря 1937 года по сентябрь 1940 года». То есть был исключён, потом восстановлен.

В 1933 году К. Джаманаклы соединил свою судьбу с уроженкой Казани Рашидой Усеиновой (1912–1973), вскоре она стала студенткой сельскохозяйственного института, училась на отделении виноградарства и садоводства. Они прожили вместе до последних дней жизни К. Джаманаклы. У них было трое детей: сын Ильдус (1936), дочери Фарида (1939) и Нурия (1947).

С 1935 по 1937 год К. Решидов – Джаманаклы работал преподавателем литературы в Симферопольском пединституте. Именно в это время он руководил фольклорными экспедициями по разным районам Крыма. Благодаря этой профессионально организованной работе: записыванию самых разных жанров крымскотатарского фольклора, учёту данных о народных исполнителях, удалось сохранить многие жемчужины устного народного творчества до наших дней.

В 1937-1941 гг. Керим Джаманаклы – старший научный сотрудник сектора крымскотатарской литературы и фольклора Крымского Научно-исследовательского института языка и литературы имени А.С. Пушкина. С этого времени он становится профессиональным учёным-фольклористом, разрабатывая жанровую классификацию фольклорных памятников, стремясь проводить их исследование на уровне достижений фольклористики того времени. Безусловно, он опирался и на то, что сделали его крымскотатарские предшественники, его учителя – Умер Ипчи, О. Акчокраклы. Об этом свидетельствуют публикации в газете «Еньи дунья», журналах «Эдебият ве культура», «Совет эдебияты» и др. Ему принадлежит описание основных сказочных сюжетов, образов и мотивов. Используя методы компаративистики, он подступал к их сравнительному исследованию, он также дал научное разграничение чынов и мане на основе их содержательно-формального анализа, впервые выделил

крымскотатарские лирические дестаны в отдельную жанровую группу.

В 1930-е годы молодой учёный опубликовал ряд статей, которые стали заметным явлением в культурной жизни полуострова, поскольку в них и во вступительных статьях к фольклорным сборникам закладывались основы крымскотатарской фольклористики как науки. Наиболее ценными являются сборники «Чынълар ве манелер. Кърымтатар фольклорынынъ биринджи джыйынтыгы» / «Чины и мане. Первый сборник крымскотатарского фольклора» (1936), «Бахтлы халкънынъ йырлары» / «Песни счастливого народа» (1940), «Чынъ ве манелер» / «Чины и мане» (1940), «Масаллар. 1 том» / «Сказки. Том 1» (1941).

С 1924 года на страницах газет «Ени дюнъя», «Яш къувет», «Кызыл Крым», журналов «Илери», «Эдибият ве культура» и «Совет эдибияты» публиковались стихотворения К. Джаманаклы. Вышли в свет сборники стихотворений «Азатлыкъ йырлары» / «Песни свободы» (1927), «Анайнынъ йыры» / «Песня матери» (1940), а также литературоведческие статьи о творчестве Ш. Тохтаргазы, Умера Ипчи и других писателей, в том числе опубликована его статья «Классик татарской литературы Тохтаргазы» в альманахе «Дружба народов» (Москва, 1940.) Это была одна из первых публикаций о Тохтаргазы на русском языке.

В 1937 году Керим Джаманаклы принят в Союз писателей. Именно в этот период увидели свет его стихи в переводе на русский язык в сборниках «Поэты Крыма» (1937), «Татарские писатели Крыма» (1940). Тогда же он выпустил в своём переводе на крымскотатарский язык книгу Д. Свифта «Гулливер среди великанов» / «Гулливер великанлар арасында / Балалар ичюн ишлеген Н. Заболоцкий» (1939).

В первые дни войны вместе с семьями других писателей семья К. Джаманаклы была эвакуирована из Симферополя. Во время войны его жена и двое детей находилась в Татарстане. С 13 сентября 1941 года по март 1942 года К.Р. Решидов-Джаманаклы был по партийной мобилизации политбойцом 361 стрелкового полка, непосредственно участвовал в боях на Крымском фронте, в районах Перекопа, Керчи, на Кубани. На фронте был пропагандистом, секретарём парторганизации батальона, возглавлял группу по созданию боевой истории полка. На Кубани в станице Петровской завершённую часть истории полка передал в штаб дивизии. Несколько раз участвовал в дивизионной разведке в районе врага в Перекопском направлении. К. Джаманаклы с самого начала войны сотрудничал в газетах «Кызыл Крым» и «Красный Крым». В публицистических статьях, очерках и стихах он писал о героизме советских солдат, обращался к соотечественникам, находящимся на оккупированной территории, внушая любовь к своему народу и своей земле, вселяя веру в скорейшее освобождение от фашизма. В 1943 году в качестве военного корреспондента газеты «Кызыл Крым» побывал в действующем Девятом истребительном авиаполку, который сражался в районе Ростова-на-Дону, Таганрога, Мариуполя. Областная газета, редактором которой был Дж. Акимов, сначала выходила в городе Сочи, позднее в Краснодаре, здесь же располагалась редакция радиовещания для крымских партизан и для населения Крыма. В этот период К. Джаманаклы, будучи сотрудником радиовещания, организовывал выступления по радио таких писателей, собратьев по перу, как А. Алтанлы, Ш. Алядин, Ы. Кадыров. Вместе с этими товарищами К. Джаманаклы осуществлял тесную связь с партизанами, выпуская боевые листовки и обращения к населению, призывая к борьбе с немецкими захватчиками.

На страницах газет «Кызыл Крым» в 1943 и 1944 годах опубликованы:

1. Заметка Керима Джаманаклы «**Татар халкънынъ шанлы эвляды**» об Аметхане Султане из газеты «Къызыл Кърым», 1943 с. Сентябрь 23, №38 (6025). В этом же номере опубликован Указ о присвоении звания Героя СССР от 24 августа 1943 года.

2. Интервью Керима Джаманаклы с Аметханом Султаном, напечатан в следующем номере этой газеты.

3. Стихотворения:

Эй, тувгъан халкъ! (2) июнь 1943 года. Распространялось на оккупированной территории в виде листовки.

Дюльбер Кырым // Кызыл Кырым, 1943 от 30 ноября

«Севимли халкъ!» // Къызыл Кърым, 1943 от 21 августа.

Три очерка Керима Джаманаклы: «Герой крымскотатарского народа», «Героев становится всё больше», «Аметхан Султан - победитель». Очерки изданы на языке татар Поволжья тиражом 5000 экземпляров. Подписаны к печати 8 октября 1943 года.

Очерки о боевых подвигах дважды Героя Советского Союза лётчика Аметхана Султана под общим названием «Крылатый богатырь» в 1943 году вышли отдельным изданием в Казани. Именно из этих публикаций крымскотатарский народ впервые узнал о своём соотечественнике, отважном боевом лётчике. В очерках, написанных К. Джаманаклы, он изображён как сын своего народа, возвращённый на землю своих предков, впитавший с детства народные героические сказания и напевы. Книга переиздана на крымскотатарском языке. (Керим Джаманаклы. Къырымтатар батыры Аметхан Султан. – Акъмеджит. – Тезис, 2010.)

В апреле 1944 года К. Джаманаклы прибыл в освобождённый Симферополь. Квартира в одноэтажном доме на Феодосийском шоссе была разгромлена и разграблена. Нужно было восстанавливать культуру и науку, начинать работу школ с нового учебного года. По заданию Совнаркома Крымской АССР он выехал в Москву. Сохранилось удостоверение от 12 апреля 1944 года, в котором говорится: «Дано настоящее удостоверение директору Крымского Научно-исследовательского Института

татарского языка, литературы и истории тов. Решидову Кериму в том, что он командирован в город Москву в Академию наук и Наркомпрос РСФСР для решения вопроса об изменениях в крымскотатарском алфавите и орфографии, и в г. Казань для решения вопроса об издании учебников для крымскотатарских школ». Есть и отметка о прибытии в Академию наук СССР 6 мая 1944 года. Горестную весть о депортации своего народа он узнал в Москве. В командировочном удостоверении нет отметки о прибытии в Симферополь, о возвращении в Крым не могло быть и речи. В следующем командировочном удостоверении от 9 июня 1944 года, выданном народным комиссариатом просвещения РСФСР, зафиксировано, что «Решидов Керим – директор научно-исследовательского института» откомандирован в г. Ташкент через Казань в распоряжение Наркомпроса Узбекской ССР на постоянную работу с 10 июня с.г.». Простое сравнение двух командировочных удостоверений показывает характерный пропуск: во втором удостоверении название научно-исследовательского института отсутствует, поскольку упоминание о Крыме в связи с крымскими татарами с этого времени было запрещено.

С 1944 года К. Джаманаклы – доцент кафедры узбекского языка и литературы Самаркандского педагогического института им М. Горького, куда был направлен Наркомпросом Узбекской ССР. Через год он переехал в Татарстан, чтобы соединиться с семьёй. Последствия пережитого сказались на здоровье, К. Джаманаклы тяжело заболел, у него было крупозное воспаление лёгких, врачи опасались за его жизнь. При поддержке семьи и родных, которые чудом достали дефицитный тогда пенициллин, ему удалось справиться с болезнью.

С 1945 года отец работал в Елабужском педагогическом институте, сначала старшим преподавателем, потом доцентом. В 1948 году стал заведующим кафедрой литературы и был на этой должности до своей кончины. Здесь К. Джаманаклы продолжил свою научную и литературную деятельность. В это время публикуются его статьи о творчестве Г. Тукая, Г. Ибрагимова, Мусы Джалиля. Его произведения стали печататься на страницах газеты «Ленин байрагы» в Узбекистане.

Постепенно налаживаются связи с коллегами и писателями, живущими в разных частях страны после депортации. В 1959 году вместе с Ю. Болатом, Р. Тынчеровым удаётся издать в Ташкенте книгу крымскотатарских сказок. К. Джаманаклы сотрудничал и с писателями Татарстана. Вместе с Заки Нури и Эдуардом Касимовым в 1960-ые годы он приступил к переводу крымскотатарских сказок на язык казанских татар. В 1960-ом году выступил оппонентом на защите кандидатской диссертации Р. Музафарова по крымскотатарскому фольклору. Рефик Музафаров, защитивший докторскую диссертацию о крымскотатарском фольклоре, и Джафер Бекиров – автор основного учебника по устному народному творчеству крымских татар, стали продолжателями научной традиции крымскотатарской фольклористики, одним из основоположников которой был К. Джаманаклы. В своих работах оба фольклориста неизменно основывались на том, что было сделано К. Джаманаклы в 1930-ые годы.

Все последние годы жизни К. Джаманаклы посвящены были сбору документов в архивах разных городов для прозаического произведения о жизни и подвигах Амет-Хана Султана. Часть материалов обсуждалась в Крымскотатарском отделении Союза писателей, находящемся тогда в Ташкенте. Об этом свидетельствует интенсивная переписка К. Джаманаклы с Ю. Булатом и Э. Шемьи-Заде. Из писем, присланных оттуда, явствует, что рукопись находилась в Союзе писателей продолжительное время. Черновая рукопись, озаглавленная «Во имя жизни», после смерти К. Джаманаклы хранилась в семейном архиве. В 1970-ые годы основной рукописный фонд архива был передан вдовой К. Джаманаклы в архив Союза писателей. Недавно часть этого архива обнаружена в архиве Эшрефа Шемьи-Заде, рукописи ждут своего описания, транслитерации с арабской графики и последующего изучения.

Умер Керим Джаманаклы после тяжелой продолжительной болезни в Елабуге (Татарстан) 1 августа 1965 года. Похоронен там же на татарском кладбище в старой части города. Одна из улиц в новой части города названа именем Керима Решидова. В музее татарского языка и литературы, созданном при филологическом факультете Елабужского института КФУ, есть раздел, посвящённый наследию писателя.

В 1973 году в Ташкенте был издан сборник стихотворений К. Джаманаклы «Достларыма». Подготовил его к публикации и написал предисловие Э. Шемьи-Заде. В 2005 году к столетию со дня рождения писателя доктор филологических наук, профессор А. Сибгатуллина подготовила и издала его избранные сочинения «Эсерлэр» на татарском и русском языках. Книга вышла в Елабуге небольшим тиражом. В 2007 году в Симферополе увидела свет книга «Крымскотатарские народные сказки», / «Кърымтатар халкъ масаллары» Сост. К. Джаманаклы и А. Усеин. Творчеству К. Джаманаклы посвящены разделы в вузовском учебнике «История крымскотатарской литературы» (2001) [1] и в учебнике для 10 класса «Крымскотатарская литература» (2003) [3].

Однако большинство стихов и статей довоенного периода, а также научные издания чинов и манне, вышедших под грифом Крымского НИИ языка и литературы им А.С. Пушкина, практически не доступны пока для широкого круга читателей и ждут своего переиздания.

В настоящее время крымские татары переживают небывалый рост национального самосознания и самопознания, возрождение национальной культуры. Эти явления обусловлены, прежде всего, возвращением и обустройством народа в Крыму. Темпы возрождения народа в значительной мере зависят от того, как молодое поколение будет воспринимать свою принадлежность к своему народу и человечеству в целом. Сохранение культурной самобытности этноса возможно только при достижении определенного уровня этнического самосознания, т.е. осознания себя частью своего народа или его

субэтнической группы. В этом большая роль отводится выдающимся представителям народа, одним из которых, несомненно, является литературовед и фольклорист Керим Джаманаклы, научные интересы которого распространялись и на литературу казанских татар (творчество Г. Тукая, Г.Ибрагимова, Мусы Джалиля).

Устное народное творчество крымских татар, изучением которого всю жизнь занимался Керим Джаманаклы, составляет основу народной педагогики крымских татар наряду с вековыми традициями, религией и родной природой. В настоящее время педагогические воззрения народа должны стать предметом специальных исследований, направленных на выявление специфики этнопедагогики крымских татар, ее социальной роли, места в культуре народа; отражение в ней общественного сознания и влияния на нее народных традиций воспитания; причины возникновения тех или иных педагогических явлений; особенности национального педагогического процесса в сравнении с общечеловеческим образовательным процессом, с его проявлениями в других странах и регионах.

В современных условиях чрезвычайно актуальны исследования, осуществляемые на метапредметном уровне, на стыке смежных научных направлений, основы которых еще в прошлом веке заложил Керим Джаманаклы.

Список литературы

1. Керим Джаманаклы //Фазылов Риза, Нагаев Сафтер. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы. Къыскъа бир назар. – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2001. – С. 481-485.
2. Риза Фазыл. Шаир ве оджа // Ирмакълар. Эдебий макъалелер, очерклер, хатыравлар, левхалар. – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2002. – С. 301-306.
3. Велиулаева А. Керим Джаманаклы // Къырым татар эдебияты. 10 сыныф. – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2003. – С. 100-106.
4. Сибгатуллина Э. Кырым бакчасыннан өзелгэн гөл // Жаманаклы Кәрим. Эсәрләр (төзүчесе Элфинэ Сибгатуллина). – Алабуга, 2005. – 208 б.
5. Музафаров Р.И. КЛЭ. – Т.6. – М.: Сов. энциклопедия, 1971. – 278 с.
6. Музафаров Р.И. Крымскотатарская литература. – Ч. 1 (А-К). – Симферополь: «Ватан», 1993. – 221 с.

Раздел 3. Стратегические ориентиры и концепция социально-экономического развития малых и средних городов России

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Э.С. Алпатова

КФУ, Набережночелнинский институт, г. Набережные Челны

Аннотация: В статье рассмотрено социально-экономическое положение российских регионов. Показаны причины системного и циклического характера, по которым подавляющее большинство субъектов РФ оказались в предефолтном состоянии. Предложены меры, направленные на снижение кредитной задолженности регионов и ослабление напряжения в сфере межбюджетных отношений.

Ключевые слова: кредитная задолженность, предефолтное состояние, дефицит бюджета, бюджетный федерализм, межбюджетные отношения, дотация.

ECONOMIC AND SOCIAL SITUATION OF THE RUSSIAN REGIONS

E.S. Alpatova

Abstract: In article economic and social situation of the Russian regions is considered. The reasons of system and cyclic character for which the vast majority of territorial subjects of the Russian Federation appeared in a predefault state are shown. The measures directed on decrease in credit debt of regions and weakening of tension in the sphere of the interbudgetary relations are offered.

Keywords: credit debt, predefault state, budget deficit, budgetary federalism, interbudgetary relations, grant.

Большинство экономистов причину того плачевного состояния, в котором оказалось большинство российских регионов, видят в необходимости выполнения ими пресловутых майских указов президента России, принятых в 2012 г. С этим сложно не согласиться, поскольку субъекты федерации, с одной стороны, вынуждены неукоснительно соблюдать эти указы, а, с другой стороны, реальные возможности у них для этого отсутствуют ввиду недостатка финансовых средств. В этой ситуации для ряда регионов практически единственным способом привлечения средств является обращение за кредитами в коммерческие банки, что, в свою очередь, вследствие роста процентных банковских ставок и сложности пролонгации делает обслуживание коммерческого долга крайне дорогим и отвлекает средства, которые могли бы пойти на инвестиционные цели или социальную политику, а преобладание краткосрочных заимствований в коммерческих кредитах усиливает эти риски ликвидности.

Таблица 1.

Долги субъектов Российской Федерации по данным на 1 мая 2015 г.

Регион	Объем долга (в % от налоговых и неналоговых доходов региона)	В т.ч. банковский долг
Карелия	99	53
Вологодская область	95	51
Рязанская область	87	51
Хакасия	84	63
Амурская область	92	58
Забайкальский край	87	51
Марий Эл	88	52
Астраханская область	86	59
Липецкая область	61	52
Удмуртия	88	59

Источник: данные Министерства финансов

В таблице 1 приведены данные Министерства финансов РФ по объему долга 10 проблемных регионов, в том числе банковского долга, на 1 мая 2015г.

Впрочем, у большинства остальных регионов ситуация не намного лучше. По данным Минфина, на 1 мая 2015 г. у 48 регионов объем госдолга превышал 50% налоговых и неналоговых доходов бюджета, а у 11 субъектов РФ объем долга по коммерческим кредитам и ценным бумагам превысил 50% доходов бюджета [4].

На 1 июля 2015 г. в четырех регионах – Республика Мордовия, Чукотский АО, Смоленская и Костромская области – суммарный долг (регионы и их муниципалитеты) превысил 100% собственных доходов консолидированного бюджета региона (без учета трансфертов). Еще в 20 регионах он составил от 70 до 94% собственных доходов консолидированного бюджета за 2014г. В среднем по регионам РФ – 34% [6].

За 2014 год суммарный долг субъектов РФ и муниципальных образований превысил 2 трлн

рублей, увеличившись за год на 20% [5].

Труднее всего приходится тем регионам, в которых имеет место неудовлетворительная структура долга, а именно: преобладают долги в виде кредитов коммерческих банков. Хуже всего ситуация обстоит в Астраханской, Магаданской, Амурской областях, где долги коммерческим банкам составляют 60-62% собственных доходов консолидированного бюджета. Еще в 8 регионах банковский долг составляет 40-50% собственных доходов консолидированного бюджета [6].

Таким образом, ряд регионов находится в предефолтном состоянии, хотя Минфин уверяет, что в 2015 г. дефолтов регионов ожидать не следует. Во всяком случае наверняка можно утверждать, что просрочки по выплатам долгов, увы, неизбежны, а также то, что бюджетная система большинства регионов разбалансирована. К тому же последовавшие вслед за аннексией Крыма санкции западных стран, а также контрсанкции со стороны России усугубили и без того глубокий системный экономический кризис в стране, обусловив конъюнктурные изменения первоначально в виде стагнации, а вслед за ней и рецессии. Циклические колебания не могли не привести к стагнации номинальных зарплат, что в значительной степени затормозило рост поступлений в региональные бюджеты по налогу на доходы физических лиц. Между тем НДС наряду с налогом на прибыль являются основными налогами, пополняющими региональные бюджеты. К тому же выпадающая часть доходов федерального бюджета по нефтегазовым поступлениям в федеральный бюджет создает определенные риски для региональных бюджетов в виде снижения объема трансфертов.

«Средняя температура по больнице» обстоит не самым худшим образом: в первой половине 2015 г. суммарные доходы консолидированных доходов региональных бюджетов выросли на 9%, а расходы – на 4%. Доходы росли, в основном за счет роста поступлений по налогу на прибыль (на 26%), а также роста трансфертов¹⁶ (на 11%) [6]. Основным плательщиком по налогу на прибыль выступают крупные компании-экспортеры, издержки которых измеряются в девальвированной национальной валюте, а доходы – в сильной иностранной валюте. К тому же компенсируемое девальвацией национальной валюты снижение нефтегазовых доходов и, в конечном счете, увеличение доходов федерального бюджета в рублях (без учета инфляции) пока еще позволяют наращивать трансферты. Однако эта благолепная в среднем картина по регионам чрезвычайно различается. Почти 40% прироста доходов консолидированных бюджетов всех регионов дали вполне благополучные Москва (за счет диверсифицированной экономики и концентрации финансовых ресурсов) и Сахалин (за счет ускоренного развития нефтедобычи), но в 21 регионе доходы бюджета сократились [6].

Уже в первом полугодии 2015 г. консолидированный бюджет был дефицитным в 50 регионах (в 2013 г. было 77 бюджетодефицитных регионов, в 2014 г. – 75) [6]. По прошествии двух месяцев 2015 г. дефицит региональных бюджетов составил 200 млрд рублей, а по итогам года ожидается в объеме 600 млрд рублей [5].

Ухудшение экономической ситуации в стране с неизбежностью привело к тотальному сокращению финансирования по основным расходным статьям федерального бюджета, существенно влияющим на социально-экономическую ситуацию в регионах. Больше всего пострадали разделы «Здравоохранение» (финансирование составит лишь 74,9% к уточненной росписи), «Охрана окружающей среды» (83,8%), «Национальная экономика» (86,4%), ЖКХ (89,1%), «Межбюджетные трансферты» (86,9%) [5]. В свою очередь, это привело к серьезному урезанию региональных бюджетов. Уже в 2014 г. ряд регионов начали сокращать социальные расходы (на образование, здравоохранение, социальную защиту). В первом полугодии 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года этот процесс происходил интенсивнее: расходы на образование сократились в 25 регионах (в том числе в Москве – на 12%), на социальную защиту – в 11 регионах, на здравоохранение – в 11 регионах (вместе с территориальными фондами медицинского страхования ТФОМС – в 5 регионах) [6].

Помимо циклического кризиса, вызванного, главным образом, неразумными действиями российских властей и, несомненно, оказавшего самое серьезное влияние на социально-экономическую ситуацию в регионах, существуют причины объективного характера, обусловленные особенностями бюджетной системы РФ. В российской модели распределения доходов, построенной на сочетании элементов американской и европейской моделей, доходы частично формируются за счет собственных налоговых платежей (их удельный вес в территориальных бюджетах составляет не более 30%), а недостаток средств покрывается за счет распределения федеральных и региональных налогов (регулирующих).

Автономность всех трех уровней бюджета, достигаемая за счет закрепления за ними собственных налогов и составляющая основу бюджетного федерализма, тем не менее достигается редко, что обусловлено тем, что доходы обычно не могут обеспечить все расходы региональных и местных бюджетов. Дефициты территориальных бюджетов покрываются из бюджетов более высокого уровня или за счет выпуска собственных ценных бумаг. Чем больше бюджеты более низкого уровня зависят от бюджетов более высокого уровня, тем больше возникает проблем в межбюджетных отношениях, разрешение которых ставится в зависимость от степени лояльности территориальных властей к федеральному центру и тем самым облегчает для последнего задачу управляемости регионов.

¹⁶ Согласно закону о бюджете трансферты в 2015 г. должны сократиться на 13,1%.

В консолидированном бюджете России на долю территориальных бюджетов приходится более половины доходов (подобная ситуация и в США) [1], складывающейся из региональных и местных налогов; части налоговых поступлений по НДС, налогу на прибыль предприятий и акцизам, распределяемых между федеральным и территориальными бюджетами; неналоговых доходов (от использования или продажи собственного имущества); бюджетных ссуд, субсидий и дотаций от бюджетов более высокого уровня.

Вследствие такого распределения доходов 79 из 83 субъектов РФ попали в список дотационных регионов России, получивших государственные трансферты из бюджетного центра на выравнивание бюджетной обеспеченности [2]. С 18 марта 2014 г. число субъектов федерации пополнилось еще двумя: Республика Крым и Севастополь, равно как и число дотационных регионов. Крым и Севастополь уже получили 55 млрд рублей на сбалансированность собственных бюджетов, еще 100 млрд рублей было выделено из антикризисного фонда правительства РФ, в том числе за счет замораживания на 2014 год накопительной части пенсий. В ближайшие три года Крым и Севастополь будут получать ежегодно из федерального бюджета около 50 млрд рублей дотаций, не имеющих целевого назначения, а также 35-40 млрд рублей ежегодных неинвестиционных расходов на конкретные цели. Общий объем финансирования Крымского федерального округа до 2020 г. составит 825 млрд рублей, из которых 695 млрд рублей будет выделено из федерального бюджета [3].

В таблице 2 представлено распределение дотаций прочим региональным бюджетам России на 2014 год, являвшимся самыми дотационными в указанном году (за исключением Крыма и Севастополя, находящихся на особом положении).

Таблица 2.

Распределение дотаций региональным бюджетам России на 2014 г.

Дотационный регион	Дотация, млрд руб.	Количество населения, тыс человек	Размер дотации на 1 жителя, руб.
Камчатский край	31, 085	320,2	97 082
Республика Саха (Якутия)	50, 714	955,9	53 053
Магаданская область	7, 416	154,5	48 003
Республика Тыва	11, 307	309,3	36 599
Республика Горный Алтай	7, 208	208,4	34 588
Республика Ингушетия	6, 935	430,5	16 111
Республика Дагестан	42, 892	2 930,4	14 637
Еврейская АО	2, 481	174,4	14 230
Республика Бурятия	13, 735	971,4	14 140
Карачаево-Черкесская Республика	6, 434	474,7	13 554
Чеченская Республика	17, 523	1 302,2	13 456

По состоянию на 2014 год донорами считались Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Республика Татарстан, Самарская область, Тюменская область с автономными округами (ХМАО и ЯНАО) и Сахалинская область [3].

Основная ответственность за ситуацию, сложившуюся в бюджетной сфере, лежит на федеральном центре. Исходя из этого, можно определить круг первоочередных мероприятий, которые ему необходимо предпринять:

1. Перевод хотя бы части кредитов коммерческих банков в бюджетные кредиты, выгодно отличающиеся от первых как минимум двумя особенностями: сравнительной дешевизной в обслуживании и возможностью пролонгации. Необходимо предусмотреть транспарентный механизм управления ликвидностью долговой политики, обеспеченный федеральными средствами. Этот процесс уже начался: в 2014 г. было распределено почти 150 млрд рублей на замещение коммерческого долга, из которых 70 млрд рублей уже перечислено под 0,1% годовых, а в 2015 г. общий объем бюджетных кредитов регионам составит 310 млрд рублей [4]. Однако, несмотря на усилия Министерства финансов, предпринятые в этом отношении, в структуре задолженности регионов по-прежнему преобладают коммерческие кредиты (почти 40% против 32% бюджетных кредитов), и достаточно жесткий механизм замещения ставит под сомнение способность выделенных под изменение бюджета средств в корне переломить ситуацию.

2. Поддержка регионов за счет средств федерального бюджета посредством выдачи казначейских кредитов (в том числе путем выдачи краткосрочных бюджетных кредитов сроком на 30 дней для покрытия кассовых разрывов под символические проценты); перечисления дотаций на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов субъектов РФ в целях компенсации выпадающих доходов; отсрочки по бюджетным кредитам, выданным в 2010-2011 гг. на строительство и ремонт дорог. Эти меры, начавшись уже осуществляться, при условии их активизации позволят регионам существенно снизить долговую нагрузку.

3. Сокращение неэффективных расходов центром и регионами, в первую очередь на

«имиджевые» эпохальные проекты, вроде чемпионатов различного уровня и в разных сферах, проведения Дней города, республики и т.п., а также посредством возвращения Крыма в законную юрисдикцию, что диктуется, в первую очередь, необходимостью восстановления нарушенного международного права.

4. Решение проблемы рефинансирования задолженности ряда субъектов РФ по кредитам, номинированным в иностранной валюте, для чего необходима немедленная конвертация валюты долга в валюту РФ по официальному курсу ЦБ по состоянию на 1 января 2014 г.

Но главное, без чего проблема гармонизации межбюджетных отношений не может быть решена, - смена парадигмы построения (или формирования – в зависимости от признания или непризнания ее наличия) системы межбюджетного федерализма, предполагающей переход от политики «ручного управления» распределением доходов консолидированного бюджета к созданию продуманных, четких и вполне прозрачных правил, действие которых будет обеспечивать практически автоматическое исполнение предписаний бюджета, в том числе его корректировку в случае отклонения тех или иных параметров. Эта система должна быть нацелена на создание условий для развития не только центра, но, в первую очередь, регионов, охватывающих 87% территории огромного государства, на которой проживает 74,2% населения страны¹⁷.

Список литературы

1. Бюджетный федерализм (межбюджетные отношения) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/economika-8-2/84.htm>
2. Дотационные регионы – это ... Список дотационных регионов России <http://fb.ru/article/143513/dotatsionnyie-regionyi---eto-spisok-dotatsionnyih-regionov-rossii>
3. Какие регионы России считаются дотационными? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aif.ru/dontknows/eternal/1206689>
4. Минфин: дефолтов регионов в 2015 году не будет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=8058643>
5. Поправки в бюджет-2015 усугубят долги регионов и ударят по бюджетникам [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fb.ru/article/143513/dotatsionnyie-regionyi---eto-spisok-dotatsionnyih-regionov-rossii><http://www.regnum.ru/news/polit/1906382.html>
6. «Проблему долгов нельзя решать по принципу сороки» (интервью с Н. Зубаревич) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/federal/2015/09/07/1437729.html>

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ КАЧЕСТВА РАБОТЫ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА

С.Ю. Бахвалов

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

О.В. Иванова

КФУ, Набережночелнинский институт, г. Набережные Челны

Аннотация: Выполнен краткий обзор теоретических и практических методов оценки качества работы городского общественного транспорта. Предложено применение функции желательности Харрингтона и использование результатов панельных маркетинговых исследований для расчета интегрального показателя качества работы городского общественного транспорта.

Ключевые слова: пассажирские перевозки, оценка качества, показатель качества, методы оценки.

INTEGRATED INDICATOR OF THE QUALITY OF URBAN PUBLIC TRANSPORT

S.Y. Bakhvalov

O.V. Ivanova

Abstract: Performed short review of theoretical and practical methods of assessment of the urban public transport. Proposed to use of the desirability function Harrington and to use of the results of panel marketing research for calculating the integral indicator of the quality of urban public transport.

Keywords: passenger transportation, assessment of quality, quality indicator, assessment methods.

Важнейшей составляющей инфраструктуры практически любого муниципального образования является транспортная система, одной из подсистем которой является городской общественный транспорт, обеспечивающий жизненно важные потребности населения. Наиболее актуальным вопрос

¹⁷ Данные за 2010 г.

обеспечения качества работа городского общественного транспорта является для городов с населением более 500 тысяч человек по ряду причин: высокая концентрация населения и увеличение его подвижности; незначительное развитие улично-дорожной сети в сравнении с ростом автомобилизации; ухудшение экологической ситуации, немалую роль в котором играет общественный транспорт. Все это приводит к снижению скорости движения общественного транспорта, частым нарушениям графиков движения, повышению аварийности с участием общественного транспорта, а в конечном итоге – снижению удовлетворенности пассажиров качеством работы общественного транспорта.

Таким образом, сегодня актуальным становится повышение качества работы городского общественного транспорта и не менее важным является проблема его определения.

На сегодняшний день существуют множество научных разработок для оценки качества работы общественного транспорта, наиболее известными из которых являются работы А.М. Большакова, Г.А. Варелопуло, Е.А. Сидорова, И.В. Спирина, А.Д. Рубец и др.

Помимо теоретических разработок, разработан и используется на практике ГОСТ Р 51004-96 «Услуги транспортные. Пассажирские перевозки. Номенклатура показателей качества». В соответствии с ГОСТ применительно к городскому общественному транспорту выделяются следующие группы показателей [1]:

1. Информационного обслуживания (P1).
2. Комфортности (P2).
3. Скорости (P3).
4. Своевременности (P4).
5. Безопасности (P5).

Используя введенные условные обозначения, функцию комплексного интегрального показателя качества работы общественного транспорта в общем виде можно выразить следующим образом:

$$P = F(k_1P_1, k_2P_2, k_3P_3, k_4P_4, k_5P_5) \quad (1)$$

где k_i – весовой коэффициент соответствующей группы показателей качества работы общественного транспорта.

При определении значений групповых показателей и самого интегрального показателя возможно применение функции желательности Харрингтона (E.C. Harrington) [2], позволяющей разноразмерные показатели привести к единому значению.

Определение весовых коэффициентов, учитывая, что каждый потребитель услуг общественного транспорта обладает своими предпочтениями, авторами предлагается устанавливать на основе панельных маркетинговых исследований, позволяющих в динамике отслеживать изменение комплексного интегрального показателя.

Список литературы

1. ГОСТ Р 51004-96 «Услуги транспортные. Пассажирские перевозки. Номенклатура показателей качества».
2. Harrington E.C. The desirability function. Industrial Quality Control. – 1965. – Vol. 21 (10).

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АНАЛИЗА И ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОРОДА

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Республики Татарстан в рамках гранта на тему: «Исследование инвестиционной привлекательности региона в контексте повышения его экономической безопасности»
(№ проекта 14-12-16002/15)

В.Л. Васильев

О.Н. Устюжина

С.А. Седов

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: В статье рассмотрены основные понятия экономической безопасности города. Представлены системы показателей экономической безопасности по уровням социально-экономической системы. Предложена авторская модель институтов экономической безопасности. Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Республики Татарстан по региональному конкурсу «Волжские земли в истории и культуре России» (№ заявки 14-12-16002/15, название гранта «Исследование инвестиционной привлекательности региона в контексте повышения его экономической безопасности»).

Ключевые слова: экономика, безопасность, институты, показатели, факторы, инновации.

MODERN TRENDS ANALYSIS AND IMPROVEMENT OF ECONOMIC SECURITY CITY

V.L. Vasiliev,
O.N. Ustyuzhina,
S.A. Sedov

Abstract: The article discusses the basic concepts of economic security city. The system of indicators of economic security in terms of socio-economic system. The author's model of the institute of economic security. The study was conducted with the financial support of the Russian Humanitarian Foundation and the Government of the Republic of Tatarstan on the regional competition "Volga lands in the history and culture of Russia» (№ 14-12-16002/15 application, the name of the grant "Study investment attractiveness of the region in the context of increasing its economic security").

Keywords: economy, security, institutions, indicators, factors, innovation.

В настоящее время возрастает актуальность исследования экономической безопасности города как основополагающего объекта экономической деятельности населения в современных условиях. Экономическая безопасность города в последнее время во многом определяется эффективностью развития инновационных процессов, кластеров и новых точек роста как в производственных секторах, так и в сфере услуг. Специфика существующего этапа развития мировой экономики состоит в том, что новые знания практически сразу становятся доступными для каждого человека. Более того, от того, насколько динамично и глубоко будут обмениваться знаниями экономические субъекты, будет зависеть и эффективность любой по масштабу экономической системы. Новые информационные технологии многократно ускоряют процессы обмена знаниями и, как следствие, позволяют обеспечить лидирующую роль инновационных процессов в деятельности современных предприятий. Важную роль играет квалификация современного персонала, его способность пользоваться современными информационными технологиями, с одной стороны, и государственная политика по обеспечению эффективной конкурентной информационной среды, позволяющей сотрудничать и обмениваться знаниями и опытом.

Данные задачи наиболее полно и с минимальными издержками решаются в рамках кластерного подхода к организации экономической системы, где обеспечиваются все этапы инновационного процесса от генерации идей до их массового материального производства и сбыта, включая решение социальных и коммуникативных вопросов. Наиболее популярными примерами могут служить индийский город Бангалор, где создан кластер по информационным технологиям, и американская «Силиконовая долина», являющаяся центром коммерциализации прорывных инноваций в сфере высоких технологий.

В основе теории инновационного пути развития экономики лежит понятие «инновация» (нововведение), расширяющееся как внесение в разнообразные виды человеческой деятельности новых элементов (видов, способов), повышающих результативность этой деятельности. Как следует из мирового опыта, инновационная деятельность выступает одним из основных инструментов роста конкурентоспособности экономики.

К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю используют понятия инновация и нововведение как синонимы, подразумевая под ними запуск в производство нового продукта, внедрение нового производственного метода или применение новой формы организации бизнеса [2, с. 39].

Ф. Котлер определяет инновацию как идею, товар или технологию, запущенные в массовое производство и представленные на рынке, которые потребитель воспринимает как совершенно новые или обладающие некоторыми уникальными свойствами [1, с. 24].

Б. Твисс определяет инновацию как процесс, в котором изобретение или идея приобретает экономическое содержание. Никсон Ф. считает, что инновация – это совокупность технических, производственных и коммерческих мероприятий, приводящих к появлению на рынке новых и улучшенных промышленных процессов и оборудования [4, с. 21].

В работах Ю.В. Яковца инновации рассматривались как неперенная часть научно-технических и экономических циклов (среднесрочных, долгосрочных, сверхдолгосрочных), основа выхода из кризиса, исследовалась взаимосвязь научных, технических, инновационных, экономических, образовательных, организационно-управленческих циклов и их инновационных фаз [5, с. 9].

По нашему мнению, инновация – это процесс, общезкономическая закономерность, двигатель и побудительный мотив прогресса общества во всей его многогранности. По сути своей инновация преследует повышение результативности, и главная проблема состоит не только в поиске новой идеи и материального обеспечения ее реализации, а в создании такой информационно-коммуникационной среды, которая позволит участникам инновационного процесса эффективно взаимодействовать в условиях внешней и внутренней неопределенности.

Таким образом, разработка и внедрение новых технологий – сложная задача, требующая привлечения не только ученых, но и предпринимателей, и государства. Лишь на уровне использования новая идея становится инновацией. Помимо этого, в современных условиях результаты фундаментальных исследований, важнейших прикладных исследований и разработок служат не только основой экономического роста государства, но и определяют уровень конкурентоспособности государств

в мировом сообществе, степень обеспечения их национальной безопасности и равноправной интеграции в мировую экономику и его устойчивого развития.

Особое внимание должно быть уделено условиям, при которых возможен рост экономики на основе инноваций, а также факторам, способствующим активности инновационных процессов. Развитые страны поняли, что в нынешний век основой прогресса экономики становятся не просто нововведения, но фундаментальная наука как одна из стратегических составляющих развития всего общества на всех уровнях и способность коммерциализировать результаты научных разработок. Проблема российской экономики в том, что не соблюдаются пропорции развития факторов инновационного развития и научной составляющей уделяется не достаточно должное внимание. При этом вопросы развития и поддержки научных исследований должны решаться в стратегической плоскости на перспективу 15-20 лет. Все успехи инновационных систем зарубежных стран были потенциально заложены за много лет до этого. Российская экономика, получившая стимул роста благодаря краткосрочным благоприятным показателям мировой конъюнктуры, в момент финансового кризиса оказалась без внутренних источников развития как науки, так и производства. Обеспечить инновационный прорыв невозможно при разнице финансирования фундаментальной науки в России и за рубежом в десятки раз.

Существует целый ряд условий, при которых возможен рост экономики на основе инноваций. Анализируя многочисленные точки зрения экономистов, можно выделить следующие условия инновационного роста экономики:

- избыток квалифицированных кадров;
- постоянные расходы на образование;
- наличие частного капитала, готового инвестировать в инновации (венчур);
- внутренний спрос;
- международные связи;
- открытость экономики;
- развитость кластеров и создание конкурентных преимуществ.

Кластер (англ. cluster) – объединение нескольких однородных элементов, которое может рассматриваться как самостоятельная единица, обладающая определёнными свойствами. Основа кластера – подсистемы, ключевой из которых является инновационная, решающая задачу получения и обоснования конкурентных преимуществ. Однако без эффективного информационно-коммуникационного механизма связи как между подсистемами, так и кластером и внешней средой в целом стабильного функционирования и тем более высокой конкурентоспособности достичь будет практически не возможно.

Кластеры включают фирмы и организации, связанные выпуском конечной продукции и географическим положением. Такую географическую близость рассматривают как место накопления «критической массы» человеческого капитала, научного, инновационного и производственного потенциалов. Кластеризация означает необходимость нахождения способов и обоснования эффективных вариантов вертикальной и горизонтальной интеграции взаимосвязанных производств, операций и продуктов в рамках регионального комплекса.

Основоположником кластерного подхода к повышению региональной конкурентоспособности является Майкл Портер. М. Он разработал систему, описывающую создание и поддержание конкурентного преимущества страны в определенной отрасли или группе отраслей - кластере. Ученый дает следующее определение отрасли: «группа конкурентов, производящих товары или услуги и непосредственно соперничающих между собой» [3, с. 45]. Кластер, по определению М. Портера, представляет собой группу отраслей, взаимосвязанных между собой, в основе которой лежит классификационная система, ориентированная на конечное потребление.

В современных условиях глобализации мировой экономики усиливается конкуренция между отдельными компаниями, регионами и странами. Однако, как показывает мировая практика, самостоятельное и изолированное использование отдельным предприятием отраслевых и региональных конкурентных преимуществ для завоевания рынков товаров и капиталов представляется невозможным. Поэтому участники рынка стремятся к кооперации между собой и сотрудничеству с государством, наукой и общественностью. Такое объединение различных по функциям и подчиненности структур, естественно или искусственно сформированное, позволяет добиться высокой конкурентоспособности на основе совместного внедрения инноваций, повышения производительности труда и получения синергического эффекта в рамках экономического кластера.

Как известно, несмотря на длительный период положительной динамики, многие серьезные экономические проблемы российской экономики остались нерешенными. Это прежде всего проблемы модернизации, капитальных вложений, качества трудовых ресурсов и т.д. С развитием финансового кризиса данные проблемы стали представлять уже реальную угрозу экономической безопасности страны.

По оценкам исследователей, инвестиционную активность предприятий и выход на создание кластеров в предшествующие годы сдерживали следующие неблагоприятные факторы:

- недостаток финансовых средств;

- ухудшение материальной обеспеченности фундаментальной науки;
- высокая стоимость оборудования и строительных работ;
- высокий процент по банковскому кредиту;
- необходимость погашения задолженностей.

Таким образом, для улучшения инвестиционного климата и перспектив развития кластеров, по мнению экспертов, необходимо сконцентрировать деятельность органов власти на таких направлениях, как:

- развитие фундаментальной науки и инновационной инфраструктуры;
- государственная финансовая поддержка инвестиционных проектов;
- формирование стабильной нормативно-правовой базы;
- внедрение системы страхования и защиты инвестиций;
- развитие инвестиционного сотрудничества с финансовыми институтами;
- развитие системы информационного обслуживания и маркетинга инвестиционных программ.

Эффект полученный от применения кластерного подхода может быть выражен в следующем:

- повышение конкурентоспособности;
- освоение новых видов продукции;
- рост объема продаж продукции на внутреннем и внешнем рынке;
- увеличение прибыли и среднемесячной заработной платы.

Для ускорения процессов кластеризации исходя из мирового опыта необходимо предпринять следующие действия:

- укрупнение предприятий;
- развитие холдингов или концернов;
- взаимодействие предприятий малого и среднего бизнеса;
- создание равных условий и возможностей для экономических субъектов;
- усиление роли и повышение статуса ассоциаций и общественных организаций.

Задачами для каждого города в рамках реализации кластерного подхода служат следующие:

- разработка методики оценки конкурентоспособности региона;
- разработка методики оценки развития кластеров региона;
- выявление кластеров на территории области;
- разработка механизма поддержки кластеров.

Проблемы кластеризации как западный подход к повышению эффективности территориальной экономики должны решаться на основе советского опыта, в частности, теории ТПК, теории энергопроизводственного цикла, теории оптимальных межотраслевых взаимодействий. Принимая во внимание кризисное состояние мировой экономики, для реализации кластерной политики возможно использовать следующие подходы:

1. Либеральный на основе рыночных механизмов и косвенной государственной политики, заключающейся в основном в регулировании макроэкономических показателей национального хозяйства и создании благоприятной институциональной среды. При этом государство не должно уходить из тех сфер, где оно не может быть в принципе заменено рынком, например, сферы фундаментальной науки.

2. Дирижистский на основе прямого участия государства в создании приоритетных кластеров, финансировании развития инновационной инфраструктуры и государственных венчурных фондов.

3. Смешанный на основе интеграции двух предыдущих подходов, лучших практиках частного-государственного партнерства и диалоге бизнеса и власти.

Необходим общественный диалог между государством, бизнесом и населением. Это позволит обеспечить лиц, принимающих решения, достоверной информацией о процессах, происходящих в экономике, оценить результативность принимаемых решений и реализуемых мер, а также сформировать эффективную коммуникационную политику, снижающую социальную напряженность.

Для реализации проекта кластерного развития города необходимо провести анализ всех интересов его жителей и организаций на основе долгосрочной стратегии развития. Одним из инструментов такого анализа, выбора приоритетов развития и их реализации является маркетинг города. Данное понятие еще не имеет четкого, устойчивого определения и может пониматься в простейшем случае как продвижение интересов города. Маркетинг города позволяет выстроить информационно-коммуникационные связи в кластере и во внешней среде, подчиненные задачам инновационного процесса и позволяющие снизить инновационный риск, обеспечить сбыт инновационного продукта, привлечь венчурный капитал, обеспечить государственную поддержку, сформировать необходимый субъектный состав кластера.

В нашем исследовании необходимо рассмотреть общее взаимодействие процесса кластеризации территории и проведение маркетинга города для обеспечения эффективности этого процесса. Сам по себе маркетинг города не может создать материального богатства, которое создается на основе использования традиционных факторов производства, реализованных в кластере: земли, труда, капитала, знаний и предпринимательских способностей. По нашему мнению, разработка маркетинговой концепции развития города без привязки к производственному потенциалу является фиктивной. Конечно, при

наличии привлекательной ниши (туризм, уникальные достопримечательности, экологически чистые условия проживания, развитый финансовый и деловой имидж) отдельные города могут заниматься маркетингом без акцента на материальное производство. Однако не стоит забывать, что в условиях отсутствия источников создания богатства в стране маркетинг города не позволит привлечь достаточных ресурсов для развития экономики, тем более для развития ее инновационной составляющей.

Совмещение концепции маркетинга города и кластерного подхода может происходить на основе выбора общей целевой группы: инвесторов, туристов, потенциальных жителей, сторонних групп влияния. Если понимать под основной целью кластера получение прибыли и повышение благосостояния населения путем организации конкурентоспособного производства и социальных условий проживания, обучения и работы, то маркетинг города призван содействовать решению производственных, инвестиционных, культурных, социальных и политических задач функционирования кластера.

Маркетинг города как инструмент привлечения и удержания лучших жителей и квалифицированного персонала способен также решить проблему кадрового обеспечения инновационной подсистемы кластера. В современных условиях быстрых инновационных перемен маркетинговая деятельность также должна быть настроена на адекватное совершенствование имиджа города, поддержку тех интересов, которые смогут обеспечить конкурентоспособное развитие кластера.

В условиях увеличения информационных потоков маркетинг города как инструмент управления информацией позволяет повысить эффективность использования труда и капитала. Более того, он позволяет объединить местное сообщество для достижения единой цели, а соответственно возникает определенный социальный капитал, который редко может быть измерен материально, но обеспечивает высокую стоимость имиджа создаваемого кластера. В этой связи, как и управленческая деятельность в целом, маркетинг города отличается от материального производства своим механизмом капитализации, которая может являться достоянием всех участников кластера в отличие от материальных благ, права собственности на которые могут находиться только у конкретного экономического субъекта. В этой связи научная деятельность и творчество составляют сущностную характеристику и маркетинга города и современного производства в рамках создаваемого кластера. Маркетинг города должен обеспечивать привлечение инвестиций для развития науки и производства творческим и уникальным способом, позволяющим выделить город и сделать его популярным для привлечения информационных и финансовых потоков.

Задачей каждого кластера, наряду с обеспечением инновационного высоко прибыльного производства, является обеспечение ресурсной базы для реализации эффективной маркетинговой стратегии, которая позволит пополнять ресурсы кластера для выполнения его основных задач. Информационно-коммуникационная система маркетинга города должна способствовать решению вышеописанных задач. Реализация государственной политики в области поддержки фундаментальной науки и отечественного производства также важна для успешного развития кластеров в России.

Список литературы

1. Котлер Ф., Армстронг Г., Сондерс Д., Вонг В. Основы маркетинга. – М.; СПб., 2000. – С. 24.
2. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономика: принципы, проблемы и политика: В 2 т. – М., 1997. – Т. 2. – С. 39.
3. Портер М. Конкурентное преимущество. Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. – М.: Альпина Бизнес Бокс, 2005. – С. 45.
4. Твисс Б. Управление научно-техническими нововведениями. – М.: Экономика, 1989. – С. 21.
5. Яковец Ю.В. Эпохальные инновации 21 века. – М., 2004. – С. 9.

РАЗВИТИЕ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДА

(НА ПРИМЕРЕ Г. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ)

Л.В. Габдуллин

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: В статье представлен анализ развития городов с точки зрения логистической инфраструктуры. Рассматриваются возможности гармоничного развития площадей дорог, зеленых насаждений и стояночных (парковочных) мест на примере г. Набережные Челны.

Ключевые слова: видение, коэффициент «мегаполиса», площадь дорог.

THE DEVELOPMENT OF LOGISTICS INFRASTRUCTURE OF THE CITY (FOR EXAMPLE NABEREZHNYE CHELNY)

L.V. Gabdullin

Abstract: The article presents the analysis of the development of cities from the point of view of

logistics infrastructure. Discusses the possibility of the harmonious development of areas of roads, green spaces and Parking (Parking) spots on the example of the city of Naberezhnye Chelny.

Keywords: Vision, the coefficient of "metropolis", the area roads.

Эффективное видение обладает необходимой энергетикой, эволюционным потенциалом, страстью и непротиворечивостью [1]

По общепринятым мировым нормам площадь дорог должна составлять не менее 20% от территории города [2]. В больших городах развитых стран доля площади, занимаемая дорогами, составляет обычно 20-35%, а в Москве 6-10%. В Набережных Челнах площадь дорог составляет примерно 5-6%. С населением 522 тысяч человек [3], площадь города составляет 17103 га., в т.ч. площадь зеленых насаждений 5191 га, (30,4% к общей площади городских земель) [4].

В программе стратегического развития Татарстана до 2030 года все сравнения идут с развитыми странами Европы и Азии. Бенчмаркинг в данном случае тоже предполагает развитие города мира. Для объективности сравним коэффициенты «мегаполисов»[2]:

Таблица 1.

Коэффициент «мегаполиса»		
№	Город	Коэффициент (к)
1	Москва	35
2	Париж	28
3	Лондон	18
4	Лос-Анжелес	11
5	Казань	5,8
6	Сидней	4
7	Набережные Челны	4
8	Нижнекамск	3

Это означает, что для того чтобы обеспечить в Москве уровень автомобилепользования, равный Лондону, доля площади дорог надо увеличить в 2 раза. Но тогда площади дорог Москвы должны занимать 40% площади города. Это невозможно сделать ввиду плотной застройки города [2].

По Набережным Челнам. Население Челнов на 2014 год составил 522,048 [3] тысяч человек, площадь города 17103га [4], k= 4 по 2014 г.

Выведенный коэффициент «мегаполиса» [2]:

$$k = \sqrt{QP}$$

где: Q – численность населения города, чел.

P – плотность населения (численность/площадь города) чел./ кв.км (га)

Исходя из коэффициента, Набережные Челны по плотности мегаполиса находится примерно на одном уровне с Сиднеем, лучше Казани. Это говорит о прекрасных возможностях Набережных Челнов по гармоничному развитию (расширению) придомовых дорог и строительству (расширению) коммерческих стоянок шаговой доступности, парковых зон и зон зеленых насаждений.

Общая площадь зеленых насаждений в Набережных Челнах 5197 га.

По СНиП II-60-75 площади зеленых насаждений. Площади территорий зеленых насаждений общего пользования на селитебной территории рассчитываются по таблице 2.

Таблица 2.

Площади зеленых насаждений общего пользования

Зеленые насаждения	Площадь зеленых насаждений, м кв. на чел.					
	в крупнейших, крупных и больших городах		в средних городах		в малых городах и поселках	
	на первую очередь	на расчетный срок	на первую очередь	на расчетный срок	на первую очередь	на расчетный срок
Общегородские или общепоселковые	5	10	4	6	7	7
В жилых районах	7	11	5	8	—	—

На основании СНиП II-60-75 при проектировании системы городских зеленых насаждений следует отводить площади не менее: 15 га — для общегородских парков; 10 га — парков планировочных районов; 3 га — садов жилых районов; 0,5 га — для скверов. Площадь территории общепоселкового сада должна быть не менее 2 га.

Исходя из таблицы и численности населения Набережных Челнов, получается: 1096,3 га на зеленые насаждения и еще на парки, скверы 50 га. Примерно 1200 га будет достаточно, а в наличие 5197

га.

Резерв, по мнению автора, существует. Если всмотреться в существующую проблему города на данное время, что наблюдается: а) нехватка придомовых парковочных мест; б) огромное количество мусора в виде листьев по весне и осени, в основном от не презентабельных, опасных и больших деревьев (тополь, береза); в) парковка на газонах, следствием которых является загрязнение дорог. Данные выводы могут быть дискуссионными.

Обеспечить в Набережных Челнах уровень автомобилепользования на уровне некоторых городов развитых стран будет сложно в силу более высокой плотности населения за счет многоквартирных домов. Догнать Европу быстро не получится, но развиваться в этом направлении необходимо.

Предложения:

1. Новые дома (жилые комплексы) строить с новыми (увеличенными) нормативами площадей прилегающих дорог и парковочных мест;
2. Увеличить площадь дорог и придомовых парковочных мест за счет гармоничного сочетания с площадями зеленых насаждений.
3. Грамотно выбирать виды и сорта зеленых насаждений ...

Сделав вывод, можно отметить, что «все это было представлено не для того чтобы найти ошибки, а для попытки найти новые «толчки [5]» для развития.

Список литературы

1. Габдуллин Л.В. Возможности LBP-провайдера логистического бартера // Логистика. – 2014. – №2. – С.27-29.
2. Про площадь дорог в Москве [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://anna-ufa.live-journal.com/59298.html>.
3. Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан: Статистический бюллетень. Татарстанстат. – Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2014 г. – 24 с.
4. Сборник «Коммунальное хозяйство республики Татарстан» за 2013 год.
5. Габдуллин Л.В. Возможный закат империи денег между производителями благодаря логистическому бартеру// Научное обозрение. – 2014. – № 7. – С.397-400.

ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ДЕЗУРБАНИЗАЦИЯ

А.Р. Гапсаламов

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: Быстроменяющиеся процессы современной мировой экономики обусловили важные изменения в образе жизни человека. Сегодня происходит постепенный отход от идеалов городской жизни в пользу проживания в пригороде или в сельской местности. Этому же способствуют плохая экология, житейские неурядицы и другие факторы. В представленном исследовании делается попытка анализа все более проявляющейся тенденции к дезурбанизации.

Ключевые слова: дезурбанизация, город, население, урбанизация.

THE PROSPECT OF DEVELOPMENT OF THE MODERN CITY: THE DE-URBANIZATION

A.R. Gapsalamov

Abstract: The rapidly changing processes of the modern world economy led to important changes in the lifestyle of the person. Today, there is a gradual shift away from ideals of urban life in favor of living in the suburbs or in the countryside. This also contribute to bad environment, everyday troubles and other factors. In the present study attempts to analyze emerging trends de-urbanization in the modern world and Russia.

Keywords: de-urbanization, city, population, urbanization

Вторая половина XX века характеризовалась активным ростом городского населения, что было вызвано рядом закономерных причин, прежде всего, связанных с мощным подъемом промышленного сектора экономики. Правда, уже в конце столетия, в первом десятилетии XXI века ситуация несколько изменилась: рост промышленности во многих индустриально развитых государствах снизился и, как следствие, снизились показатели урбанизации. Впервые за многие десятилетия возникла перспектива дезурбанизации в рамках мирового сообщества, особенно в тех странах, которые испытывают проблемы дальнейшего роста экономики за счет индустриальных показателей.

Что же сегодня понимается под дезурбанизацией. Дезурбанизация – это процесс деконцентрации населения и расселения его вне городов [1]. То есть процесс противоположный термину «урбанизация»,

когда городское население по каким-то причинам покидает город и переселяется в сельскую местность. Преимущественно данная тенденция была характерна для развитых стран во второй половине XX столетия, когда из-за смога, шума, промышленных выбросов и других побочных проявлений городской жизни многие жители Западной Европы и США переезжали в более спокойные уголки сельской глубинки или на окраины крупных городов. Схожие тенденции сегодня начали наблюдаться и в России.

Согласно официальной статистике, доля городского населения в стране на протяжении многих десятилетий постоянно увеличивалась. В результате чего за последние 100 лет урбанизация России возросла более чем в 4 раза, доля населения в городских районах увеличилась с 17,5 % в 1914 году, до 74,2 % в 2014 [2]. Это нагляднее всего прослеживается по следующим показателям (См.: Таблицу):

Таблица

Численность населения России (СССР)

Годы	Все млн.человек	в том числе		В общей численности населения, процентов	
		городское	сельское	городское	сельское
1917	91,0	15,5	75,5	17	83
1926	92,7	16,4	76,3	18	82
1939	108,4	36,3	72,1	33	67
1959	117,2	61,1	56,1	52	48
1970	129,9	80,6	49,3	62	38
1980	138,1	96,1	42,0	70	30
1990	147,7	108,8	38,9	74	26
1991	148,3	109,4	38,9	74	26
1996	148,3	108,3	40,0	73	27
2001	146,3	107,1	39,2	73	27
2010	142,8	105,0	37,8	74	26
2011	142,9	105,4	37,5	74	26
2012	143,0	105,7	37,3	74	26
2013	143,3	106,1	37,2	74	26
2014	143,7	106,6	37,1	74	26

Несомненно, такой рост городского населения был связан с экономической политикой, которая проводилась в СССР во второй половине 1920 – начале 1930-х годов, и была связана с индустриализацией города (создание крупных промышленных предприятий) и коллективизацией сельской местности (раскулачиванием сельчан, созданием колхозов и т.п., что вынуждало жителей бросать нажитое имущество и перебираться в город). Значительный рост городского населения продолжился в послевоенный период.

Правда, уже в середине 1960-х годов скорость урбанизации постепенно начинала снижаться и в 1980-х годах не превышала 1,5% в год. В последние же два десятилетия доля городского населения Российской Федерации вообще остаётся практически неизменной на уровне 74%. На 1 января 2014 года доля населения в городских районах страны составляет 74,2 % [3] или 106 549 000 человек. Соответственно, в сельской местности проживает 25,8 % или 37 118 000 человек [2].

Возникает вопрос, о какой можно говорить дезурбанизации, если численность городского населения не только не постоянно, оно имеет место еще и незначительно увеличиваться. Однако, как показывают цифры, это происходит, прежде всего, за счет роста численности населения крупных городов. К настоящему времени в крупнейших городах Российской Федерации, по приблизительным оценкам проживает порядка 23% населения страны [4, с. 78]. В то же время население средних и малых городов начинает постепенно сокращаться. Причиной этому служат масса факторов, среди которых, несомненно, первые места связаны со сложностью трудоустройства мужского и, в особенности, женского населения, а также экологические проблемы отдельных регионов страны.

По нашему мнению, к процессу дезурбанизации не следует относить только непосредственный исход городского населения в сельскую местность. Это более длительный социально-психологический процесс, который предусматривает несколько стадий постепенного перехода. В этой связи нами выделены следующие стадии:

1. Стадия «созревание идеи». Эта стадия связана с постепенным осознанием индивида или всей его семьи необходимости переезда в сельскую местность. Данный этап наиболее длительный, многие городские жители годами представляют себе жизнь в деревне, предполагая переехать в случае изменения каких-либо обстоятельств. Данный этап для многих на протяжении всей жизни остается

нереализованным на практике.

2. Стадия «апробации». Данная стадия связана с постепенным воплощением идеи, когда индивид (семья) приобретает приусадебный участок (дача, огород), обустроивает его, заводит приусадебное хозяйство. Это промежуточный этап, когда происходит некоторое сближение с сельской местностью, но при этом индивид (семья) не теряет связи с городской жизнью.

3. Стадия «перехода». Представленный этап связан с окончательным переездом из города в сельскую местность.

На данном этапе становления рыночной экономики российское общество преимущественно проходит первые два этапа. Может ли это означать, что скоро начнется активная фаза перехода. Наверное, нет. Это обусловлено тем, что связь с городом сегодня обеспечивает население всем необходимым, начиная от источников заработка и финансовых ресурсов, заканчивая продукцией, чего во многом нет в сельской местности. В результате связи город-село вынужденно, но сохраняются.

Список литературы

1. Дезурбанизация // <http://demography.academic.ru> [Электронный ресурс]. (Режим доступа: 17.04.2015)
2. Население России // http://countrymeters.info/ru/russian_federation#urbanization (Режим доступа: 17.04.2015)
3. Доля городского населения в общей численности населения на 1 января 2014 г. // <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=36057&referrerType=1&referrerId=1292836> (Режим доступа: 17.04.2015)
4. Численность населения Российской Федерации. По муниципальным образованиям на 1 января 2014 года. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2014.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ КАЗАХСТАНА

А.Н. Даниярова

Евразийский гуманитарный институт, г. Астана

Аннотация: В статье говорится о проблемах высшего профессионального образования в Республике Казахстан на примере малых и средних городов на современном этапе. Одними из главных проблем являются слабая материальная база, кадры преподавателей, низкий уровень преподавания.

Ключевые слова: профессиональные кадры, образование, малые и средние города, профессиональное образование, образовательные услуги.

MODERN PROBLEMS OF HIGHER EDUCATION IN SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE SMALL AND AVERAGE CITIES OF KAZAKHSTAN

A.N. Daniyarova

Abstract: In article is told about problems of higher education in the Republic of Kazakhstan on the example of the small and average cities at the present stage. One of the main problems is weak material resources, shots of teachers, low level of teaching.

Key words: professional shots, education, small and average cities, professional education, educational services.

Социально-экономические изменения в обществе и социально-профессиональной сфере вызвали потребность в усовершенствовании системы современного высшего образования. Требования настоящего рынка труда вызывают необходимость создания качественно новой профессиональной школы. Задача данной школы состоит не только в том, чтобы занять достойное место в системе современных рыночных отношений, но и в удовлетворении потребности каждой личности в получении профессиональных знаний и социального опыта.

Анализ системы высшего профессионального образования в последнее время показывает, что в малых и средних городах возросло число филиалов различного рода вузов. Причем, формирование данных вузов не всегда в состоянии контролировать не только министерство образования, но и государство. Сложившаяся ситуация, конечно, не может не вызывать беспокойства. В связи с данными обстоятельствами государство фактически не может влиять на характер и структуру подготовки специалистов с высшим профессиональным образованием. В Казахстане в последнее время наблюдается дефицит специалистов технического профиля.

Другой, не менее важной, проблемой стала проблема обеспеченности данных вузов квалифицированными педагогическими кадрами и достаточной учебно-лабораторной базой для

обеспечения надлежащего качества подготовки специалистов. Качество услуг высшего профессионального образования является одной из наиболее сложных и важных социальных проблем современной высшей школы [3, с. 23].

К услугам вузов необходимо отнести государственный стандарт высшего профессионального образования, качеством профессорско-преподавательского состава, материально-техническую базу высшего учебного заведения; методическое, библиотечное и информационное обеспечение, качество организации учебного процесса и субъектов обучения.

Одной из существенных проблем становится внедрение новых, в том числе информационных технологий, что в условиях многих средних и малых городов сложно обеспечить, что откладывает отпечаток на качестве подготовки специалистов. Другой, не менее важной, проблемой в последнее время становится взаимодействие вузов со своими выпускниками, а также разработка и реализация программ совершенствования качества подготовки специалистов.

Доступность высшего образования имеет свои плюсы и минусы. Если ранее получить высшее образование было достаточно сложно, то сейчас наличие большого количества филиалов дает возможность для доступности обучения в вузе.

Другой проблемой в последнее десятилетие стала непропорциональность между требованиями рынка труда, возможностями рынка образовательных услуг и образовательными потребностями личности. Зачастую при поступлении в вуз не связывают выбор специальности и учебного заведения с последующим трудоустройством. Рынок труда все больше нуждается в квалифицированных кадрах. В настоящее время система подготовки и переподготовки кадров не совсем отвечает требованиям структуры рабочей силы. Практика показывает, что работодатели остро нуждаются в специалистах с профессиональным образованием [5, с.10].

Одной из главных проблем вузов малых и средних городов остается качество преподавания и обучения. Чаще всего кроме штатных преподавателей, численность которых недостаточна, привлекают совместителей из других вузов, если таковые имеются, либо преподавателей колледжей и средних школ. Это естественно сказывается на качестве преподавания, методической и научно-исследовательской работе.

Многие вузы в малых и средних городах недостаточно обеспечены учебными площадями и учебно-лабораторными базами. Чаще всего данные вузы проводят свою деятельность в арендованных помещениях, которые мало отвечают современным требованиям, что, естественно, снижает уровень и качество преподавания.

Большую роль в процессе обучения играют также библиотечные и информационные ресурсы. В филиалах библиотеки не имеют необходимого фонда учебной и учебно-методической литературы. Многие университеты сейчас имеют доступ к интернет-ресурсам. Но чаще всего в филиалах доступ к интернет-ресурсам, как правило, либо отсутствует, либо ограничен. Все перечисленные проблемы сказываются при промежуточной аттестации студентов, а также приводят к снижению качества подготовки специалистов.

Конечно, для повышения уровня качества знаний необходимо повысить качество работы филиалов. Вот почему нужно не только контролировать, но и способствовать тому, чтобы филиалы поднимали свой профессиональный уровень. Тем более, что многие современные вузы увеличивают количество и качество платных образовательных услуг в вузах. При этом оплата образовательных услуг варьируется в зависимости от качества преподавания в вузе, спроса на специальность. Популярность данных вузов объясняется также тем обстоятельством, что оплата в них значительно ниже стоимости обучения в вузах крупных городов [1].

Начиная с 2001 года, в Республике Казахстан широко проводится инновационно-индустриальная программа. Инновационный процесс имеет разные функции для теории и практики, два типа технологий – информационная и обучающая – должны успешно сочетаться, способствуя диверсификации процесса обучения, развитию творческого потенциала и познавательных стремлений личности, что и является смыслом образования в целом [4].

Современные информационные технологии обучения – совокупность современной компьютерной техники, средств телекоммуникационной связи, инструментальных программных средств, обеспечивающих интерактивное программно-методическое сопровождение современных технологий обучения. Существовавшая прежде одноуровневая система подготовки специалистов в высших учебных заведениях давно перестала отвечать требованиям современного рынка труда, во многих вузах Казахстана внедрена многоуровневая система обучения. Актуальной является разработка таких образовательных технологий, которые способны модернизировать традиционные формы обучения с целью качественного повышения уровня учебного процесса в вузе [2, с. 192].

Совершенствование системы обучения и внедрения кредитной технологии обучения требует основательного изучения мирового опыта развития высшего образования и переработки материалов, таких, как Лиссабонская Конвенция о признании квалификации. Сегодняшний этап реформирования предполагает опору на концепцию опережающего развития образования, которая реализует его особую, интегрирующую функцию в эволюции общества. Основной целью такой концепции является установление в обществе атмосферы престижа высшего образования, культа знаний, профессионализма и

компетентности. Данная концепция должна быть подкреплена соответствующей государственной политикой и идеологией, тогда, действительно, образование сможет в полной мере выполнить свою уникальную интеграционную, стратегическую роль как для страны, так и, возможно, для ближнего зарубежья.

Разбалансированность между требованиями регионального рынка труда, возможностями локального рынка образовательных услуг и образовательными потребностями личности в малых и средних городах в значительной степени обусловлена их особенностями. Отличительной чертой рынка труда малых и средних городов стал тот факт, что спрос на рабочую силу зависит от состояния исторически сложившихся в конкретном регионе отраслей экономики и экономического положения градообразующих предприятий. Сегодня большинство промышленных предприятий малых и средних городов находится в тяжелом экономическом положении и поэтому не производят перспективного планирования кадров, а это затрудняет процесс планирования вузами потребности экономики региона (района) в специалистах.

Для локального рынка образовательных услуг высшего профессионального образования малых и средних городов характерны ограниченные возможности производителей образовательных услуг, превалирование экономических и гуманитарных специальностей, узкая сфера влияния локального рынка труда (потребителями образовательных услуг являются жители данной территории), конкурентная борьба между вузами за потребителей образовательных услуг, необъективная или неполная информация об участниках локального рынка образовательных услуг в результате недостаточного использования информационных коммуникаций во многих структурных подразделениях вузов малых и средних городов [3, с. 27].

Дисбаланс между образовательными потребностями личности, требованиями рынка труда и возможностями рынка образовательных услуг снижает, с одной стороны, эффективность деятельности высшей школы в удовлетворении потребностей населения малых и средних городов в высшем профессиональном образовании, с другой — воспроизводство и развитие социально-профессиональной структуры региона. В условиях малого города возникает противоречие между образовательными потребностями и образовательными возможностями населения, обостряется проблема доступа к получению качественного образования, что снижает уровень потребностей населения в качестве образовательных услуг. Деформация потребностей жителей малых и средних городов в услугах высшего профессионального образования в сочетании с предоставлением значительной свободы вузам в формировании образовательных программ, профессиональной структуры выпуска и развития платного обучения ведет к развитию системы массового высшего образования низкого качества.

Список литературы

1. Государственная программа развития образования в Республике Казахстан на 2011-2020 годы
2. Жангисина Г.Д. Современное состояние информационного образования в высшей школе // Вестник Высшей школы. – Алматы, 2005. – №3. – С. 191-194.
3. Зборовский Г.Е., Тейтельман Н.Е., Шуклина Е.А. Образовательные потребности студентов в малом городе // Высшее образование в России. 2004. № 9. С. 18—29.
4. Назарбаев Н.А. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда // Казахстанская правда. — 2012. — № 218-219. — 10 июля.
5. Шевелева Е.А. Проблемы развития высшего профессионального образования в малых и средних городах // Журнал «Регионология», №4, 2010

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МОЛОДЫХ ГОРОДОВ

С.П. Дырин

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: В статье даются основные характеристики молодых городов советского периода, которые строились на основе концепции социалистического города. Социалистический город при этом рассматривался как экономически единый хозяйственно-социальный комбинат. Анализируется трансформация основных характеристик молодых городов в постсоветский период.

Ключевые слова: Молодые города, концепция социалистического города, монопромышленный характер молодых городов, трансформация молодых городов в современных условиях.

SOCIAL AND ECONOMIC PROBLEMS OF THE MODERN RUSSIAN YOUNG CITIES

S.P. Dyrin

Abstract: In article the main characteristics of the young cities of the Soviet period which were under

construction on the basis of the concept of the socialist city are given. The socialist city thus was considered as economically uniform economic and social combine. Transformation of the main characteristics of the young cities during the Post-Soviet period is analyzed.

Keywords: The young cities, the concept of the socialist city, monoindustrial character of the young cities, transformation of the young cities in modern conditions.

Бурные процессы индустриализации, характерные для всего периода СССР, породили феномен молодых городов. Молодые города следует понимать как территориальные образования, возникшие вновь, на ранее не заселенном месте, не имеющие исторического прошлого.

Все молодые города, как в СССР в целом, так и в Татарстане в частности, строились в строгом соответствии с концепцией социалистического города, разработанной группой специалистов под руководством А.Н. Милютин еще в 20-гг. Суть концепции социалистического города сводится к следующему:

1. Город рассматривается как государственная единица, не обладающая какой-либо политической и экономической самостоятельностью. Был введен особый тип экономической маркировки – так называемые категории городов. Категория города определялась его численностью, а также ролью и местом в системе народного хозяйства страны. В соответствии с государственным характером социалистического города любые решения о его росте и развитии принимались не на местах, а в центральных органах управления, зачастую удаленных за тысячи километров от данного города.

2. В основу проектирования городов были положены так называемые единые государственные нормы. Эти нормы были ориентированы преимущественно на численность населения и совершенно не учитывали ни географического, ни климатического положения города, ни тем более культурного потенциала его жителей. Для примера: в согласно нормам, утвержденным в 1990 году Госпланом РСФСР, в городе на 10 тыс. населения должно приходиться 140,8 больничных коек, на 1000 жителей 14 мест в кинотеатре и т.д. Проектирование, идущее не от запросов населения, а от государственных норм, на практике деформировало социальную инфраструктуру молодых городов, поскольку выполнения предписанных нормативов проще всего было добиться посредством строительства гигантских школ, кинотеатров, магазинов, ресторанов и т.п. При этом сам норматив мог быть достигнут, а сами объекты инфраструктуры оказывались малоприспособлены для пользования.

3. Социалистический город рассматривался как экономически единый хозяйственно-социальный комбинат, состоящий из трех основных элементов:

- а) промышленной зоны, как правило, являющей собой единый завод-гигант;
- б) жилой зоны со встроеной туда социальной инфраструктурой;
- в) зеленой зоны, которая должна была служить экономическим буфером.

На практике ведущим звеном в данной схеме неизменно оказывалась промышленная зона, фактически определяющая смысл существования города. Миссия молодого социалистического города состояла, таким образом, в организации социально-бытового обслуживании производства. На практике это приводило к тому, что социальная сфера развивалась в жестком соответствии с требованиями производства, выполняя по отношению к последнему исключительно сервисную функцию.

4. Наши молодые города оказались не просто при производстве. Они, как правило, становились городами при одном предприятии. Если на данной территории создавалось несколько предприятий, то город приобретал форму конгломерата поселков, слабо взаимосвязанных между собой. Классическим примером этого являются Набережные Челны, где до сих пор можно выделить 4 жилых зоны, так или иначе курируемые 4 крупнейшими предприятиями.

5. Монопромышленный характер молодых городов на практике создавал крайне однородную структуру населения. Во всех молодых городах Татарстана невелик удельный вес интеллигенции, а что касается научной интеллигенции, то она практически отсутствует.

6. Преимущественно производственный характер проектирования молодых городов способствовал формированию весьма своеобразной системы жизнеобеспечения. Суть этой системы состоит в том, что на градообразующие предприятия возлагались не только производственные функции, но и важнейшие функции жизнеобеспечения. Во всех молодых городах СССР градообразующие предприятия строили и обслуживали жилье, обеспечивали процесс дошкольного воспитания, имели на своем балансе учреждения культуры. В ведении КАМАЗа, например, в течение длительного времени находились даже такие специфические функции, как трамвайное обслуживание, организация озеленительных работ и т.д. Безусловно, все это усложняло процессы управления городом и объективно приводило к противоречиям между муниципальными органами управления и руководством градообразующих предприятий.

7. В условиях плановой социалистической экономики существовала двухканальная система формирования городского бюджета. Доходы, полученные на территории города, перечислялись в распоряжение центральных экономических органов, а уже затем определенная часть возвращалась в город в форме городского бюджета. При этом величина вернувшейся суммы никоим образом не зависела от первоначальной суммы доходов. Фактически эта система обесмысливала саму необходимость наращивания доходов и ставила город в жесточайшую экономическую зависимость от центральных органов власти. Управленческое искусство при этом состояло не в умении нарастить городские доходы, а

в способности «выбить» наверху сверхлимитные фонды. К тому же для молодых городов была характерна система двух бюджетов, один из которых принадлежал градообразующим предприятиям.

Неприспособленность молодых городов к реалиям рыночной экономики создала в 90-е гг. массу социально-экономических проблем, многие из которых ощущаются до сих пор.

В наиболее сложной ситуации оказались молодые города, созданные при предприятиях военно-промышленного комплекса. Снижение доходов градообразующих предприятий ВПК негативно сказалось на состоянии бюджета этих городов, серьезную проблему там составляет безработица. Вместе с тем относительно невысокий удельный вес ВПК в молодых городах Татарстана в известной мере обеспечил в них более стабильную социально-экономическую ситуацию, чем в среднем по России.

Одновременно кризисы 1998 г., 2008 г. и нынешний кризис показывают, насколько опасен для благополучия молодых городов их монопромышленный характер. Ликвидация монополизма тех или иных предприятий в молодых городах – одна из насущнейших социально-экономических задач.

Для современных молодых городов России характерна также проблема устойчивого оттока населения, вызванного нехваткой рабочих мест и неразвитостью социальной инфраструктуры. Из всех городов России лишь 10,1 % могут похвастаться существенным приростом (более 25 %) численности населения за период с 1989 по 2012 год, еще 23 % городов имеют прирост численности от 0,1 до 25 %. Таким образом, относительный рост численности населения за 1989-2012 годы наблюдается лишь в каждом третьем российском городе. Остальные две трети российских городов в той или иной степени потеряли свою численность. Причем в 340 городах падение численности населения составило от 15 % до 69,1 %!). В 83 городах, многие из которых относятся к малым молодым городам, падение численности населения составило 30 и более процентов.

Существенно снижает возможности дальнейшего социально-экономического развития молодых городов неразвитость в них системы профессионального образования. Система начального и среднего профессионального образования в этих городах повсеместно пришла в значительный упадок, а система высшего образования там отсутствовала изначально. Отсутствие системы государственного распределения и социокультурная непривлекательность современных молодых городов привели к тому, что молодые специалисты, закончившие вузы в крупных культурных центрах, весьма неохотно возвращаются на свою малую родину.

Несмотря на известную модернизацию системы формирования муниципального бюджета, молодые города по-прежнему находятся в серьезной финансовой зависимости от региональных и федеральных органов управления. По-прежнему большое значение для бюджета города имеет личность мэра, его «вхожесть» в вышестоящие властные кабинеты.

Таким образом, можно утверждать, что дальнейшее успешное развитие молодых городов России в целом и Татарстана в частности возможно лишь в условиях грамотной, взвешенной социально-экономической политики как на федеральном, так и региональном уровнях.

О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ В ГОРОДЕ

ЕЛАБУГА

В.Н. Жадан

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация. В статье на основе официальной статистики рассматривается криминогенная ситуация в России и Республике Татарстан за 2014 год в сравнение с 2010 годом, и криминологическая характеристика преступности в городе Елабуга.

Ключевые слова: статистика, криминогенная ситуация, криминологическая характеристика, преступность, анализ.

ABOUT CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTIC CRIME IN THE CITY OF

ELABUGA

V.N. Zhadan

Abstract. In the article on the basis of official statistics are considered criminal situation in Russia and the Republic of Tatarstan for 2014 in comparison with 2010, and criminological characteristics of crime in the city of Elabuga.

Keywords: statistics, crime situation, criminological characteristics, crime, analysis.

Общепризнано, что каждое государство, его регион, город и вообще населенный пункт, характеризуется не только политическими, социально-экономическими, природно-климатическими и культурно-нравственными процессами и условиями, но и в не меньшей степени своей историей,

достопримечательностями, а также состоянием общественного правопорядка и безопасности, которые характеризуют криминогенную ситуацию в них.

Вопросам анализа криминогенной ситуации в Российской Федерации (далее – Россия, РФ) и в отдельных ее регионах [2], а также криминологической характеристики преступности и отдельных видов преступлений посвящено немало публикаций [1], что ни в коей мере не лишает нас возможности продолжить рассмотрение некоторых вопросов криминологической характеристики преступности за последние годы в России и Республике Татарстан (далее – РТ), а также в городе Елабуга.

Общепризнано, что криминологическая характеристика преступности и преступлений включает в себя состояние, динамику, удельный вес, структуру и другие показатели, которые будут нами использованы для характеристики преступности и преступлений.

Согласно официальной статистике, в России за 2014 год зарегистрировано 2166,4 тыс. преступлений, или на 1,8% меньше, чем за аналогичный период прошлого года (далее – АППГ), в том числе удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных составил 24,3%; за 2010 год было зарегистрировано 2302,2 тыс. преступлений, или на 4,3% меньше, чем за АППГ, удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, в числе зарегистрированных составил 26,0% [4].

Как следует из этих данных, за 2014 год в сравнении с 2010 годом зарегистрировано на 135,8 тыс. меньше преступлений. Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, в числе зарегистрированных преступлений также уменьшился, а именно: в 2010 году он составил 26,0%, то в 2014 году – 24,3%.

Таким образом, в России в последние годы наблюдается тенденция снижения регистрируемых преступлений как в целом, так и тяжких и особо тяжких преступлений. При этом указанные цифры ни в коей мере не снижают опасность преступлений, их влияние на общественный порядок и безопасность, социально-экономическое развитие в России.

Представляют интерес и сведения о состоянии преступности за 2014 и 2010 годы в РТ по вышеуказанным показателям. Так, за 2014 год в РТ зарегистрировано 44781 преступлений (– 2,7%), в том числе 10247 преступлений, относящихся к категории тяжких и особо тяжких (+2,7%); за 2010 год зарегистрировано 58769 преступлений (– 16,8%), в том числе 11909 тяжких и особо тяжких преступлений (– 27,8%) [5].

Из этих данных следует, что по РТ за 2014 год в сравнении с 2010 годом зарегистрировано на 13988 меньше преступлений, из них на 1662 меньше преступлений, относящихся к категории тяжких и особо тяжких. Тем самым и на республиканском уровне прослеживается тенденция значительного снижения регистрируемых преступлений как в целом, так и тяжких и особо тяжких преступлений.

Как было отмечено выше, предметом данного исследования является криминологическая характеристика совершенных преступлений в городе Елабуга (включая и Елабужский район, т.е. в целом по Елабужскому муниципальному району).

Отделом МВД России по Елабужскому району (далее – ОВД по Елабужскому району, отдел) за 2014 год зарегистрировано 747 преступлений, что на 13,5% меньше, чем за АППГ; в 2010 году зарегистрировано 1190 преступлений, что на 11,5% меньше, чем за АППГ [3].

Из этих данных также следует, что в городе Елабуга за 2014 год в сравнении с 2010 годом зарегистрировано на 443 меньше преступлений, следовательно, и на муниципальном уровне прослеживается тенденция значительного снижения регистрируемых преступлений.

Динамика регистрируемых преступлений за 2010-2014 годы следующая:

Динамика общей преступности

Снижение регистрируемых преступлений по категориям выглядит следующим образом: на 21,0% (с 81 до 64) особо тяжких преступлений; на 31,4% (со 137 до 94) тяжких преступлений; на 13,8% (с 247 до 213) преступлений средней тяжести; небольшой тяжести на 5,8% (с 399 до 376).

Что касается конкретных видов преступлений, по которым уменьшилось число зарегистрированных преступлений, то их структура характеризуется следующими видами: убийства – на 80,0% (в 5 раз), с 10 до 2 (по РТ +3,5%); умышленные причинения тяжкого вреда здоровью – на 27,3%, с 22 до 16 (по РТ –7,3%); изнасилования – на 100,0%, с 5 до 0 (по РТ –43,6%); кражи из квартир – на 10,0%, с 10 до 9 (по РТ –6,2%); грабежи – на 90,9% (в 2,8 раза), с 11 до 1 (по РТ –17,9%); мошенничества – на 28,6%, с 7 до 5, (по РТ +12,0%).

Общее количество преступлений против личности уменьшилось на 17,9%, в основном за счет снижения количества зарегистрированных убийств, причинений тяжкого вреда здоровью, изнасилований и вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления.

Количество преступлений против собственности сократилось на 13,3% (с 422 до 366), они составляют 48% преступлений от числа всех зарегистрированных. При этом произошел рост разбоев (+25%), угонов автотранспорта (+20%) (далее – угонов АМТ), краж из магазинов (+25%), умышленных уничтожений чужого имущества путем поджога (в 2,3 раза). Удельный вес особо тяжких и тяжких преступлений составил 23,1%, что на 1,1% больше, чем за АППГ и на 0,2% больше среднего значения категории по РТ.

В тоже время за 2014 год установлен рост регистрируемых преступлений против собственности по следующим видам: разбоев – на 25,0%, с 4 до 5; кражи из магазинов – на 25,0%, с 4 до 5; угоны АМТ – на 20,0%, с 20 до 24; умышленные уничтожения чужого имущества путем поджога (ч. 2 ст. 167 УК РФ) – в 2,3 раза, с 3 до 7. Увеличилось также количество совершенных преступлений иностранными гражданами на 33,3%.

Одним из криминологических показателей, который свидетельствует о качественной деятельности органов внутренних дел, является раскрываемость преступлений. Общая раскрываемость преступлений составила 72,2% (по РТ – 52,5%), что на 2,8% ниже, чем за АППГ. По этому показателю ОВД по Елабужскому району за 2014 год занял 3 место среди 9 отделов городов первой категории РТ. Сотрудниками всех служб и подразделений отдела за 2014 год раскрыто 536 преступлений. В тоже время раскрываемость тяжких и особо тяжких преступлений составила 60,9% (по РТ – 58,8%), и по этому показателю отдел занял 9 место, т.е. последнее место.

За 2014 год зарегистрированы 5 разбойных нападения, что на 25,0% больше АППГ, раскрываемость составила 100%, по РТ – 83,4%, отдел по раскрываемости занял 1 место; зарегистрировано 11 грабежей, что на 63,3% меньше АППГ (за АППГ – 30), процент раскрытия составил 90,9%, что меньше АППГ на 2,8%, отдел по этому показателю занял 2 место; зарегистрировано 24 факта неправомерных завладений АМТ (за АППГ – 20), процент раскрытия этих преступлений снижен на 3,9% (с 95,2% до 91,3%), и отдел по раскрываемости занял 5 место.

Одним из значимых направлений в раскрываемости преступлений является раскрытие неочевидных преступлений, которых за 2014 год было зарегистрировано на 10,8% меньше АППГ, а раскрытых в сравнении с АППГ сократилось на 7,12% (с 393 до 314).

Следующим направлением в раскрываемости преступлений является раскрытие преступлений прошлых лет. За 2014 год раскрыто 21 преступление прошлых лет, что на 12,5% меньше АППГ, естественно, этого недостаточно в сопоставлении с значительным количеством приостанавливаемых уголовных дел (из 747 зарегистрированных преступлений в 2014 году приостановлено 206 дел).

Важным направлением в раскрываемости преступлений является раскрытие преступлений «по горячим следам». За 2014 год «по горячим следам» в сравнении с АППГ раскрытие также снизилось и составило 11,2% (из 747 зарегистрированных преступлений в 2014 году раскрыто 84). По этому показателю отдел занял 3 место. При этом раскрываемость преступлений «по горячим следам» в отделе по службам и подразделениям характеризуется следующим образом: в ОУР раскрытие составило –44% (с 55 до 31); в ГИБДД раскрытие составило –33,3% (с 15 до 10); в УУП раскрытие составило –52% (с 42 до 20); в ППСП раскрытие составило –64% (с 14 до 5); в ОВО раскрытие составило –57% (с 28 до 12); в службе ОДН раскрытие составило +50% (с 6 до 4).

Не менее важным направлением деятельности отдела является борьба с организованной преступностью, незаконным оборотом оружия и наркотиков.

Всею на оперативном учете в МВД по РТ состоят 3 организованные преступные группы (далее – ОПГ), которые существуют и на территории района: ОПГ «Барановские» («Бормановские») поставлены на учет 01.10.2001 года – численность 21 участник; ОПГ «Айдароновские» поставлены на учет 30.06.2003 года – численность 50, из них: 1 лидер, 3 авторитета, 15 активных участников; ОПГ «Нижнекамские» – поставлены на учет 09.06.2011 года – численность 32 участника, из них: 1 лидер, 3 авторитета, 5 активных участников, 23 участника. За 2014 год к уголовной ответственности были привлечены 8 членов ОПГ.

В части работы отдела по выявлению преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, то за 2014 год возбуждено 13 уголовных дел, из них в суд направлено 9 дел (за АППГ – 10). При этом из незаконного оборота изъято на 33,3% меньше единиц огнестрельного оружия: обрезов охотничьих ружей

– 3; самодельного оружия – 1; патронов – 48. По этому показателю отдел занял 1-2 место.

За 2014 год на территории района было зарегистрировано 74 наркопреступлений с личностью (за АППГ – 79), в том числе: а) по ст. 228.1 УК РФ «Сбыт наркотических средств» выявлено 8 преступлений (за АППГ – 13); б) по ст. 228 УК РФ «Незаконное хранение, изготовление наркотических средств» – 64 преступления (за АППГ – 66); в) по ст. 232 УК РФ – «Организация наркопритона» – 0 (за АППГ – 1). За этот период изымались такие виды наркотических средств, как АКВ-48, N-метилэфедрон, ТНЈ, РВ-22F, метилэнодиоксировалерон, а также новые виды наркосодержащих веществ, как «курительные смеси» («спайсы», РР-2201). Всего из незаконного оборота сотрудниками отдела было изъято 1019 грамм наркотических средств.

Важным направлением деятельности отдела является выявление преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции. За указанный период выявлены 4 преступления по ст. 238 УК РФ, а именно по факту реализации алкогольной продукции, являющейся опасной для жизни и здоровья человека (за АППГ – 4). При этом увеличилось количество выявленных нарушений за продажу алкогольной продукции в ночное время на 18%, увеличилось также количество фактов продажи самогона – 16 (за АППГ – 9), но сократилось число выявленных нарушений по продаже алкогольной продукции несовершеннолетним.

В то же время удельный вес преступлений, совершенных лицами в состоянии опьянения, вырос по сравнению с АППГ. Из всех лиц, совершивших преступления (471), 206 или 44% были в состоянии опьянения.

За отчетный период в городе Елабуга констатируется положительная тенденция снижения преступности на улицах и составила –24,9% в сравнение с АППГ, но отмечен рост преступлений, совершенных в общественных местах на 12,9%. По этому показателю отдел занял 8 место.

За 2014 год зарегистрировано 33 преступления, которые совершили 32 несовершеннолетних (за АППГ также 32 несовершеннолетних совершили 45 преступлений). Удельный вес несовершеннолетней преступности составил 6,2%, что выше РТ (4,9%), но ниже категории отдела (5,7%). По этому показателю отдел занял 6 место.

Другие показатели криминологической характеристики преступности в городе Елабуга (например, состояние, динамика и структура преступлений в сфере экономической деятельности, рецидивной, групповой и бытовой; сведения о дорожно-транспортных происшествиях, о лицах, совершивших преступления, мерах по предупреждению преступлений и т.д.) требуют самостоятельного исследования.

Анализ вышеуказанных показателей криминологической характеристики преступности в городе Елабуга за 2014 год позволяет сделать следующие выводы:

1) состояние преступности и общественного порядка на территории города может считаться стабильным;

2) в общей структуре преступности преобладают преступления против собственности (имущественные преступления);

3) в то же время выявлены следующие проблемы в деятельности отдела:

а) недостаточно эффективная работа по раскрытию особо тяжких и тяжких преступлений, в том числе по линии незаконного оборота наркотических средств, краж из квартир, карманных краж, мошенничеств, угонов АМТ, преступлений, связанных с сотовыми телефонами, по раскрытию преступлений «прошлых лет» и неочевидных преступлений;

б) низкая эффективность работы по выявлению и раскрытию преступлений, совершаемых ОПГ;

в) достаточно высокий удельный вес преступлений, совершенных лицами в состоянии алкогольного опьянения;

г) рост количества преступлений, совершенных в общественных местах;

д) недостаточно эффективная работа по выявлению преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, оружия и незаконного оборота алкогольной продукции, преступлений экономической направленности;

е) снижено количество направленных уголовных дел в суд.

Таким образом, проанализированные на основе официальной статистики некоторые криминологические показатели преступности позволяют акцентировать внимание на криминологической характеристике совершенных преступлений в городе Елабуга и при этом отметить, что, несмотря на положительные тенденции снижения регистрируемых преступлений, как в целом, так и отдельных видов, она продолжает оставаться достаточно сложной и требует эффективной деятельности всех правоохранительных органов.

Список литературы

1. См.: Жадан В.Н. Актуальные вопросы криминологической характеристики экологических преступлений // Молодой ученый. – 2013. – № 4. – С. 387-393; Жадан В.Н. О коррупции и криминологической характеристике коррупционных преступлений // Молодой ученый. – 2015. – № 5. – С. 345-351; Криминологическая характеристика и профилактика преступности несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.erudition.ru/referat/printref/id.28530_1.html (дата

обращения: 11.09.2015); Криминологическая характеристика и профилактика рецидивной преступности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.be5.biz/pravo/kkvv/12.htm> (дата обращения: 11.09.2015) и др.

2. См.: Жадан В.Н. Криминогенная ситуация в России: состояние и тенденции // Эмпирические исследования и практическая реализация в современной науке: материалы XXXV Международной научно-практической конференции по ... юридическим, ... политическим наукам (Украина, г. Горловка, 25-26 июля 2013 г.). – Горловка: ФЛП Пантюх Ю.Ф., 2013. – С. 74-79; Жадан В.Н. О современной криминогенной обстановке в России и деятельности правоохранительных органов // Молодой ученый. – 2013. – № 8. – С. 290-294; Криминогенная ситуация в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.km.ru/category/tegi/kriminogennaya-situatsiya-v-rossii> (дата обращения: 11.09.2015); Zhadan V.N. On the Criminogenic Situation in Russia and Its Significance to the Security of Citizens // World Applied Sciences Journal. – 2013. – 25 (4). – P. 664-668 и др.

3. Состояние и динамика преступности в Елабужском муниципальном районе за 2014 и 2010 годы. – Елабуга, 2014 (2010). – 75 с.

4. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2014 и 2010 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/pXOrdPt4BF.pdf (дата обращения: 11.09.2015).

5. Состояние преступности и правопорядка в Республике Татарстан по итогам 2014 и 2010 годов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gossov.tatarstan.ru/fs/site_documents_struc/17%288%29.pdf (дата обращения: 11.09.2015).

УЛИЧНОЕ ИСКУССТВО КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ Г. ЕКАТЕРИНБУРГА)

А.П. Морозова

ЕАСИ, г. Екатеринбург

Аннотация: Статья посвящена исследованию уличного искусства Екатеринбурга. Автор выявляет присущую мировому стрит-арту тенденцию развития от полупрофессионального состояния до легитимизации в среде профессионального художественного сообщества. Взяв за основу обозначенную линию становления стрит-арта (от маргинальности к институализации), автор обращается к уличному искусству Екатеринбурга, выявляя узловые точки в его истории. Родоначальником местного стрит-арта признается старик Букашкин, который в семидесятые-восьмидесятые годы ввел практику перформанса и стенных росписей в творческую среду города. Сегодня екатеринбургский стрит-арт становится общественно признанной практикой. Фестивали «Длинные истории Екатеринбурга» и «Стенография», галерея уличного искусства «Свитер» меняют изначально присущий стрит-арту маргинальный вектор на мейнстримный.

Ключевые слова: Стрит-арт, маргинальность, паблик-арт, граффити, институализация, Тимофей Радя.

STREET ART AS A FACTOR OF SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF THE CITY (FOR EXAMPLE, THE CITY OF EKATERINBURG)

A.P. Morozova

Abstract: The article is devoted to the study of Ekaterinburg street art. The author reveals world street art tendency of development from the half-legal status to the legitimization within the professional art community. Taking the stated line of street art formation (from marginality to institutionalization) as a basis, the author turns to the street art of Ekaterinburg, bringing to light the most significant points in its history. The old Bukashkin is considered to be the forefather of the local street art. He introduced the practice of performance and wall-painting to the creative society of the city during the seventies – eighties. Nowadays Ekaterinburg street art is becoming socially recognized practice. Such festivals as «The Long Stories of Ekaterinburg» and «Stenograffia», Street art Gallery «Sweater» are changing peculiar to street art marginal vector to the main stream one.

Keywords: Street art, marginality, public art, graffiti, institutionalization, Timofey Radya.

На сегодняшний день все больше актуализируются процессы продвижения и брендинга территории. В данные практики вовлечены и уральские города – Нижний Тагил, Каменск-Уральский, Пермь и другие. Екатеринбург также не остается в стороне, его главной задачей становится преодоление стереотипного образа города-завода.

Одним из способов изменения и преобразования пространства может являться уличное искусство, создающее новые визуальные образы, которые привлекают внимание и способны стать

новыми ассоциациями с городом, «освежить» серые улицы города-завода.

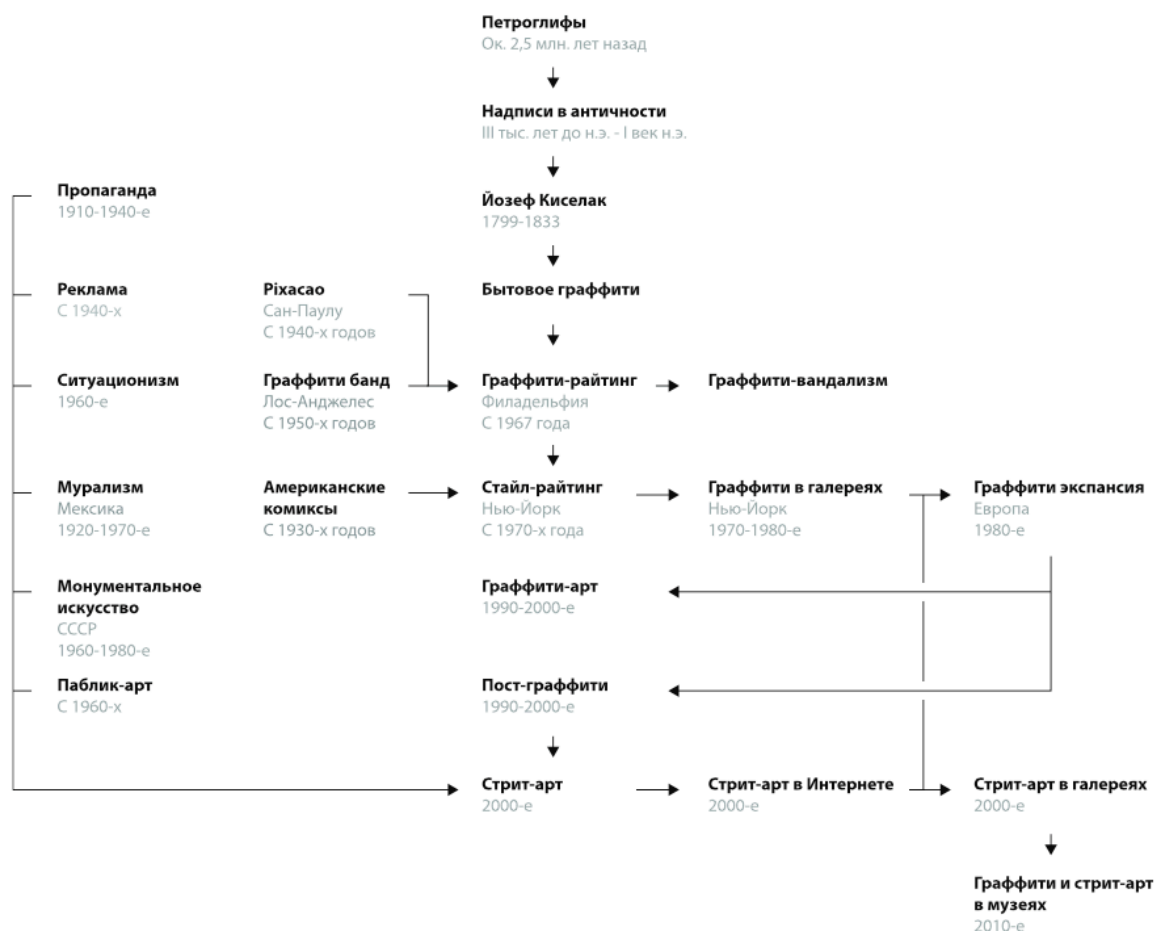
Современный художественный дискурс определяет уличное искусство, или стрит-арт (англ. Street art – уличное искусство), как направление в современном изобразительном искусстве, носящее ярко выраженный урбанистический характер. На ранней стадии своего развития уличное искусство наиболее активно проявлялось в условиях политической, экономической и социальной протестной ситуации [10].

Провозвестниками современного стрит-арта можно считать футуристов, так как они призывали к выходу искусства из музеев на улицы (Д. Бурлюк прибывал свои картины к стенам зданий), к эстетическому освоению городов (супрематический Витебск К. Малевича) и т.д. По поводу акции Д. Бурлюка о вывешивании картин на улицу в марте 1918 года газеты иронизировали: «Почему бы не превратить стены домов и специальные витрины в постоянную выставку картин? Зачем человеку заходить внутрь здания или стены музея, пусть картина и скульптура сама идет навстречу зрителю» [2; с. 168-169]. Индустриальный город рассматривался художниками как арена для реализации их утопических идей о построении нового мира и нового человека средствами искусства. За пределами футуризма город чаще всего интерпретируется как пространство подавления, как «физически и идеологически угнетающая среда, приобретающая бесчеловечные, антигуманные черты» [3, с. 84].

«Будучи изначально явлением маргинальным, субкультурным, к концу 1980-х гг. стрит-арт, благодаря деятельности таких талантливых его представителей, как Ж.М. Баския, К. Херинг, К. Шарф, оказывается «легализован» в качестве самостоятельного вида современного искусства. Стрит-арт включает в себя различные виды художественной деятельности, осуществляемые в пространстве города силами по большей части непрофессиональных художников» [11].

«Стремительность развития уличного искусства охватила к началу XXI века все развитые страны. Стрит-арт прошел путь от простейших граффити конца 1960-х годов до огромных настенных росписей, отражающих настрой художника, или являющихся реакцией на политические события в стране, или же просто имеющих своей целью преобразование того или иного района города.» [10].

На рисунке ниже московским художником Дмитрием Aske представлена связь между граффити, стрит-артом и другими художественными течениями. В левом столбце перечислены факторы, повлиявшие на современное уличное искусство: это пропаганда, реклама, монументальное искусство СССР и так далее [8]. На данной схеме можно заметить переход от маргинальной стадии стрит-арта: паблик-арт, реклама и т.д., к институционализованной – стрит-арт в галереях и музеях.

Что касается самого визуального образа, создаваемого уличными художниками, то можно говорить о следующих составляющих, которые можно заметить и в работах уличных художников Екатеринбурга:

- масштабность (как монументальное изображение: работы художников «Такнадо», Тимофея Ради и др., так и микроизображение: работы Алексея Меньшикова, Славы PTRK и др.);

- доступность – минимальное расстояние между художником и зрителем, мгновенная скорость реакции на творческий акт, независимость от демографических и социальных признаков;

- средство выразительности: чаще всего это цветное изображение, нанесенное на какую-либо поверхность городского пространства, которое становится частью изображения (не только фоном, но и смысловым полем: например работы Славы PTRK из серии «Одиночество»), реже – это арт-объекты (работы художников «Такнадо»);

- не коммерческая цель (в отличие от наружной рекламы): одно из направлений творчества Тимофея Ради можно определить как противопоставление искусства рекламе – его проект «Без лишних слов» (2012 г.) включал в себя написание коротких фраз, таких как «Спасибо», «Завтра важный день» и др., на пустых рекламных щитах. Таким образом, простые фразы были похожи на рекламные слоганы, но, в отличие от наружной рекламы, не вызвали негатива и отторжения и производили положительный эффект. «Таким образом, можно говорить о том, что художественные проекты в общественных пространствах, направленные против распространенных рекламных технологий, «низвергают» рекламу с ее «пьедестала», отвоевывая ментальное и физическое место для важных высказываний» [7];

- позитивное восприятие (работы Славы PTRK) или побуждение к действию или размышлению: по словам известного не только в России представителя уличных художников Екатеринбурга Тимофея Ради «Архитектурные концепции, которые легли в основу планировки многих советских городов, в свое время были живыми и интересными, но сейчас пребывают в состоянии клинической смерти. Нужно заново вдохнуть жизнь в эти идеи, вернуть им чистоту или заменить их чем-то новым. Уличное искусство в этой ситуации — как живая вода» [9].

Паблик-арт и стрит-арт в своих сообщениях и «посланиях» на видеозэкранах, билбордах, обычных стенах и заборах и просто городских улицах на понятном для жителя современного мегаполиса легко прочитываемом визуальном языке рассказывают о гуманистических ценностях. Основоположителем этого явления в Екатеринбурге можно считать Старика Букашкина (Евгения Малахина), целью проектов которого была не только «эстетизация городского пространства, но и пропаганда таких «прописных истин», как здоровый образ жизни, забота о людях и животных и т.д. через иллюстрирование своих стихотворений» [7].

В Екатеринбурге стрит-арт появился примерно после 70-х годов прошлого века в виде различного вида граффити и, скорее, негативно воспринимался жителями города. Эти граффити были своего рода бунтарством подрастающего поколения, желавшего проявить себя и оставить свой «след» на улицах города. Остальными жителями города данное проявление воспринималось как порча городского имущества, если не вандализм.

С появлением разновидностей уличного искусства и, следовательно, с его развитием стало меняться отношение к данному виду художественной практики: стали проводиться различные дискуссии, лекции, культурологические и искусствоведческие исследования данного явления. Так же стали появляться фестивали уличного искусства. Так, например, одним из первых подобных фестивалей в Екатеринбурге была «Стенография» – уральский фестиваль уличного искусства, где мастерам стрит-арта отводится значительная территория. Работы со «Стенографии» попадают в сеть и часто публикуются на зарубежных ресурсах.

Еще один известный екатеринбургский фестиваль – «Длинные истории Екатеринбурга», определяемый как «срочная реанимация городской среды». «Работы участников фестиваля исполняются в техниках монументальной живописи, суперграфики или граффити на бетонных заборах, огораживающих строительные и промышленные площадки города. Главное требование к проектам – развернутое (длинное) художественное высказывание. Идея проекта отталкивается от ленточного формата бетонных заборов и их модульной структуры. Секции бетонных ограждений можно представить как последовательность кадров комикса или раскадровки кинофильма – «длинной истории» в картинках. Художникам предлагается создавать визуальные истории, развернутые в пространстве города, которые будут «считываться» по мере продвижения зрителя вдоль них» [5]. Одной из «сверхзадач фестиваля можно считать своеобразное благоустройство среды – памятник клавиатуре Анатолия Вяткина. ««Клава» стала первым в городе масштабным средовым экспериментом, который перепрограммировал коммуникативную и символическую среду прилегающей территории. Каждая кнопка бетонной клавиатуры стала импровизированной скамейкой, на которой можно посидеть, пунктом назначения свиданий, элементом интерактивных игр. <...> Важно, что проект открыт для понимания, его смысл и значение понятны современному человеку любой расы, культуры и вероисповедания» [1].

Одной из разновидностей данных фестивалей является «Не темно», появившаяся в 2011 году. Фестиваль проводится в самый короткий день в году и представляет свои художественные и визуальные образы с помощью световых инсталляций, видеопроекций и перформансов, в которых «светящимся»

объектом изображения могут быть не только городские постройки и архитектура, но и сами художники.

Появление и реализация подобных фестивалей позволяет говорить о легальности уличного искусства, вовлекая в данный вид творчества не только городских художников, но и региональных, способствует саморазвитию участников фестиваля, обмену профессиональным и творческим опытом и появлению своего рода конкуренции. А успешное проведение подобных мероприятий подтверждает слова одного из организаторов фестиваля «Стенография» Евгения Фатеева о том, что на сегодняшний день «общество определяет развитие уличного искусства» [6].

Помимо проведения фестивалей, появления творческих объединений (например, «Куда бегут собаки») и самостоятельного проявления творчества уличных художников в настоящее время можно говорить об институализации уличного искусства. Главным образом это происходит через появление музеев уличного искусства, и, если в Санкт-Петербурге для этого была выделена часть действующего завода, то в Екатеринбурге, можно сказать, у уличного искусства появился свой дом и «свитер». «Свитер» – уникальное заведение, первая на Урале галерея уличного искусства, представляющая собой бескрайний лабиринт с арт-работами, где новое можно искать бесконечно. Единственное, что отличает работы в «Свитере» от уличных, они в безопасности. Никто не снесет и не сломает их [4].

Таким образом, можно говорить о том, что уличное искусство в Екатеринбурге прошло свой путь от маргинальности, почти запретного вида творческого самовыражения до институализации и принятия его горожанами, начинающими «ощущать свою сопричастность к общественным пространствам» [7].

Список литературы

1. Аллахвердиева Н. Современное искусство в городской среде: стратегии, ресурсы и технологии [Электронный ресурс] / Н. Аллахвердиева // При Паблик Арт. – Режим доступа: <http://www.propublicart.ru/publication?id=18>, свободный. (Дата обращения: 07.07.2015).
2. Бобринская Е. Русский авангард: границы искусства. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 304 с., ил.
3. Богомяков В.Г. Дискурс неимперского пространства. – Екатеринбург: Дискурс Пи, 2012. – С. 84.
4. Бывший «ПВ», уральский стрит-арт и Ройзман на потолке [Электронный ресурс] // Выбирай. – Режим доступа: http://ekaterinburg.vibirai.ru/articles/byvshiy_pv_uralskiy_strit_art_i_royzman_na_potolke-983750, свободный. (Дата обращения: 30.06.2015).
5. Длинные истории Екатеринбурга – 6 [Электронный ресурс] // Российская архитектура. Режим доступа: <http://www.archi.ru/events/1497/dlinnye-istorii-ekaterinburga-6-2008>, свободный. (Дата обращения: 30.06.2015).
6. Королев Н. Глобальный разум в урбаническом пейзаже [Электронный ресурс] // Уральский рабочий. – Режим доступа: <http://xn----6kcabbhjtpdjeip1d1agppu8h0e.xn--p1ai/society/4913/>, свободный. (Дата обращения: 30.06.2015).
7. Костина Д.А. Визуальные практики в городском пространстве: стратегии функционирования и тактики освоения [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://vk.com/doc4362897_412229579?hash=9011bb12cf61e9c3d3&dl=497f1de500129940aa, свободный. (Дата обращения: 03.07.2015).
8. Плотникова А. Конспект: 9 заметок об уличном искусстве, его истории и основных техниках [Электронный ресурс] // be in. Режим доступа: <http://www.be-in.ru/ideas/34925-cho-to-takoe-strit-art/>, свободный. (Дата обращения: 05.07.2015).
9. Роголев Е. Художник Тимофей Радя – о том, почему горожане должны выйти на улицы [Электронный ресурс] // The Villade. Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/city/city-interview/141743-radya>, свободный. (Дата обращения: 30.06.2015).
10. Цыгина Н. А. Уличное искусство в контексте современной визуальной культуры [Текст]: автореф. дис. ... канд. искус.: 17.00.04. – М., 2015. – 25 с.
11. Чистякова М.Г. Измени пространство – измени жизнь: социально-антропологические контексты стрит-арта // Вестник Тюменского государственного университета. – 2013. – №10. – С. 168-173.

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ И ФИЛОСОФИИ ОРГАНИЗАЦИИ НА СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И КОНТРОЛЯ

Х.Ш. Муллахметов

КФУ, Набережночелнинский институт, г. Набережные Челны

Аннотация: По мнению Питера Друкера, цивилизационное развитие базируется на революциях, основанных на знаниях:

– 1700-е годы, когда знания впервые из интеллектуального достояния немногих превратилось в фактор совершенствования трудовых операций;

– 1895-1960 гг. – зарождение менеджмента как науки, практическое применение которой привело к многократному повышению производительности труда;

– 60-е годы XX века – новый этап приложения знаний уже непосредственно к сфере управления (революция в управленческом труде) [3, с. 114].

Вместе с тем, менеджмент – это философия и культура управления. Принято говорить о базовых моделях управления: американской, основанной на развитии техники, автоматизации и роботизации, когда человеческий фактор оставался на втором плане, и японской, приоритетом в которой является отношение к человеческому капиталу. Технически модели управления отличаются мало, поскольку современные японские методы управления заимствованы, главным образом, у американцев. Секрет японской модели – в национальном культурном коде, в новом типе поведения, отношении между менеджерами и подчиненными и отношении работников между собой. Японский менеджмент в формальных и содержательных аспектах признал необходимость уделять работникам повышенное внимание и создавать условия, чтобы человек работает с сознанием собственного достоинства и получает от работы удовлетворение.

Сегодня философия и культура организаций становятся одним из регуляторов поведения людей в организации и вне её, влияют на этику и мораль общества в целом. Как набор установок, норм и правил поведения, добровольно принимаемых людьми, философия и культура являются своеобразным инструментом управления и во многом определяют результаты деятельности организации.

Ключевые слова: система управления и контроля, стили управления, классическая дилемма контроля, культура управления, корпоративная культура, институт доверия, лояльность персонала.

INFLUENCE OF CULTURE AND PHILOSOPHY OF THE ORGANIZATION IN THE MANAGEMENT AND CONTROL SYSTEM

Kh.Sh. Mullakhmetov

Abstract: According to Peter Drucker, the development of civilization is based on the revolution, based on knowledge:

– 1700s, when the first knowledge of the intellectual property of the few has become a factor in improving the operation of labor;

– 1895-1960 gg. - The emergence of management as a science, the practical application of which has led to a multiple increase in productivity;

– 60 years of the twentieth century - a new stage in the application of knowledge already directly to the management (the revolution in administrative work) [3, p. 114].

However, the management – it is a philosophy and management culture. To talk about the basic management models: the American, based on the development of technology, automation and robotics, where the human factor remains in the background, and the Japanese, which is a priority in relation to human capital. Technically management models differ a little, because the modern Japanese management methods borrowed mainly from the Americans. The secret of the Japanese model – the national cultural code, a new type of behavior, the relationship between managers and subordinates and employees against each other. Japanese management in a formal and substantive aspects of the workers recognized the need to pay attention and to create the conditions that the person has worked with a sense of self-esteem and getting satisfaction from work.

Today, philosophy and culture organizations are one of the regulators of the behavior of people in the organization and outside of it, affect the ethics and morals of society as a whole. As a set of settings, norms and rules of conduct, voluntarily adopted by people, philosophy and culture are a kind of management tool and largely determine the performance of the organization.

Keywords: management and control system, management styles, the classic dilemma of control, management culture, corporate culture, the institution of the trust and loyalty of staff.

Национально-культурные различия создают множества моделей управления, присутствующие на каждом уровне развития менеджмента. Например, по территориальному происхождению или месту адаптации кроме базовых моделей (американской и японской) можно выделить германскую, шведскую, бразильскую и некоторые другие модели управления.

Контроль как подсистема системы управления организации несет в себе все её системные характеристики: таким образом, состояние подсистемы контроля во многом определяется характеристиками системы управления. Философия и культура организации определяет её политику, культуру и стили управления. Стиль управления диктует уровень централизации (децентрализации) управления и, соответственно, стратегии контроля: методы, формы и объемы контрольных процедур и технологий их применения – чем выше уровень централизации, тем жестче контрольные процедуры, больше объем контроля и наоборот.

На выбор стратегии контроля влияют также тип организационной структуры и используемая практика управления, стиль лидерства руководителя и методы управления, вид деятельности и среда организации [4, с. 39].

Говоря о культуре, прежде всего, подразумевают народы, этнические группы и религии. Однако этот термин стал активно применяться и для описания ключевых характеристик организаций и бизнеса. В данном случае чаще всего используют термин «корпоративная культура», который применяется к любым типам организаций, вне зависимости от того, является ли организация корпорацией или нет.

Культура организации – это система ценностей и убеждений, разделяемых сотрудниками организации, коллективное сознание и менталитет коллектива. Культура организации состоит из ценностей, явно или неявно выраженных стандартов, которые возникли благодаря лидерам или в результате целенаправленной работы по их развитию. Культура организации помогает сотрудникам обрести чувство причастности, повышает лояльность к компании. Принято считать, что корпоративная культура – это внутренний компас сотрудника компании. В таком понимании культура – это среда, образ поведения и деятельности, который можно создавать сознательно и влиять, таким образом на результаты деятельности. Как видим, культура становится своеобразным инструментом управления.

Можно говорить о разных видах культур: культуре организационной, информационной, технологической, культуре экономики и производства, а также культуре управления.

Культура управления рассматривается как характеристика качественной стороны управленческой деятельности субъекта управления, фактор, определяющий эффективность управленческих решений. Культура управления – это концентрированный, накопленный в ходе исторического развития опыт управления различными сферами человеческой деятельности, социальных отношений. Уровень культуры управления определяется умением субъекта управления учитывать в своих решениях реальную сложность управляемого процесса, находить меру между задачами управления и объективными условиями функционирования организации, расширить и углубить сферу ответственных решений, повышать их эффективность [2, с. 345]. Культура управления – это часть общей культуры общества, и она во многом определяется уровнем развития социально-экономических отношений.

Понятие культуры всегда сохраняет нормативный смысл. Культура – это также набор установок, норм, правил поведения и привычек, принятых в обществе или организации. Приступая к работе в организации, человек опосредственно принимает её культуру в целом и культуру управления в частности. При этом её поведение регламентируется не только законами и внутренними нормативными документами организации, обязательными для исполнения, – «жесткое регулирование», но и принятые в организации культурой – «мягкое регулирование», которая воспринимается личностью либо по существу (понял – согласен – принял), либо по форме (понял – не согласен – но буду руководствоваться). Таким образом, желаемое в обществе или в организации состояние (поведение) определяется уже морально-этическими нормами и осуществляется общественным контролем и/или самоконтролем [4, с. 57].

При организации контрольной деятельности становится очень важным формирование такого неформального института, как доверие, во-первых, на межличностном уровне – доверие персонала проверяемого объекта или участников проверяемого процесса персоналу проверяющих органов и, во-вторых, на организационном уровне как доверие системы управления подсистеме контроля. В системе контрольной деятельности институт доверия, как часть общей культуры организации формируется, в том числе, благодаря:

- созданию системы контроля, адекватной действующей системе управления;
- созданию целостной внутренней нормативной базы, регламентирующей управленческую и контрольную деятельность;
- созданию системы принятия мер, адекватных выявленным отклонениям, их последствиям и причинам возникновения.

Наличие соблюдения общих для всех систем контроля и частных для отдельно взятой организации принципов организации контрольной деятельности укрепляет институт доверия. Этому способствует также развитие созидательной составляющей контроля как распространение положительного опыта и обучающий эффект.

Кроме характеристик системы контроля, большую роль играют характеристики персонала контролируемых органов. Их профессионализм (квалификация и отношение к работе), внутренняя культура, адекватное поведение в различных ситуациях, нацеленность на стратегические цели организации, а не на узкофункциональные показатели органов контроля повышают авторитет системы контроля и доверие к ней.

При отсутствии доверия система контроля становится высокочрезмерной и, соответственно, неэффективной (проверяемые и проверяющие – не партнеры, а противники), бесполезной (материалы по результатам контрольной деятельности не участвуют при принятии управленческих решений) и вредной (на поддержание бесполезных процедур производятся затраты).

Понятие культуры управления тесно связана с понятием стиля управления, а стиль управления во многом определяет характеристики системы контроля, технологию, методы и объем контрольных процедур.

Стиль – одна из характеристик культуры управления. Стиль отражает реализацию полномочий в системе менеджмента, а культура управления выходит за пределы процессов управления: она отражает личностные и групповые характеристики, которые идут от природы общественного развития, включают традиции и обряды, коллективное сознание и менталитет. Понятие культуры является более широким

понятием, нежели стиль управления; культура формирует стиль управления [1, с. 215].

Философия, культура и стиль управления, политика организации во многом определяют подход к построению систем контроля, определению стратегии контроля, методов, форм и объемов контроля.

Как видно, культура и философия – ключевые принципы, согласно которым менеджмент контролирует, поддерживает и развивает социальный процесс, представляющий собой производство и реализацию товаров, работ и услуг и доставляющий ценность потребителям. После создания концепции товара, работы, услуги, а также технологий их производства и реализации, культура и философия становятся самыми важными компонентами обеспечения эффективности организации в долгосрочной перспективе, формируя систему управления и предопределяя основные характеристики системы контроля.

Общая тенденция эволюции теории управления и контроля, как функции управления показывает, что управление и контроль становятся более «демократичными»: объем управленческих воздействий и контрольных процедур уменьшается, их содержание становится более мягким.

Постепенно меняется философия контроля от централизованных и жестко формализованных процедур к децентрализованному контролю по результатам (заключительному контролю); повышается созидательная роль контроля как распространение положительного опыта и обучающий эффект. В классической дилемме контроля, заключающейся в поиске баланса между порядком и гибкостью, упор делается в сторону последней; в управленческой деятельности на первый план выходят характеристики инициативы и творчества по сравнению с исполнительностью и порядком. Данные изменения позволяют использовать в управленческой деятельности социальный, морально-психологический, этический инструментарий, культуру организации, что способствует повышению эффективности управленческой деятельности и созданию более комфортных условий для работы персонала [5, с. 182].

Становление бизнес-среды в России имеет свою специфику, соответственно, организация системы управления и подсистемы контроля отличаются своими особенностями. Характеристики управления и контроля обусловлены не только законами и закономерностями менеджмента, уровнем развития теории и практики менеджмента, но и национально-историческими факторами, а также личностными характеристиками руководителей организации.

Список литературы

1. Коротков Э.М. Концепция российского менеджмента. – М.: ООО «Издательско-Консалтинговое Предприятие «ДЕКА», 2004. – 896 с.
2. Саркисов С.Э. Менеджмент: Словарь-справочник. – М.: «АНКИЛ», 2005 – 808 с.
3. Drucker P.F., Managing in a Time of Cream Change. - N.Y., 1995.
4. Mullakhmetov Kh.Sh. The impact of management development, culture and philosophy of the organization to the evolution of control. // Economic science in various cultural contexts, Charlies University in Prague, Wadim Strielkowski (ed.). – Prague, 2013. – P. 37-66.
5. Mullakhmetov Kh.Sh. The influence of the evolution of management on the organization of control. // 4th International scientific conference «European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches». – July 8-9. – 2013. – Studgard, Germany. – P. 176-182.

МОНОГОРОДА В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

О.Ю. Недорезова

КФУ, Набережночелнинский институт, г. Набережные Челны

Аннотация: Рассматриваются вопросы развития моногородов России на современном этапе, стратегические приоритеты развития моногородов, анализируется круг основных проблем, решение которых необходимо для поддержания и ускорения темпов развития моногородов в российской Федерации. Обосновывается, что развитие моногородов является на современном этапе одной из составляющих инновационного развития.

Ключевые слова: моногород, инфраструктура моногородов, фонд развития моногородов.

MONOCITIES IN RUSSIA: FEATURES, TRENDS, PERSPECTIVES

O.J. Nedorezova

Abstract: The problems of the development of single-industry towns of Russia at the present stage, the strategic priorities of single-industry towns, analyzed range of fundamental issues that needed to maintain and accelerate the development of single-industry towns in the Russian Federation. It is proved that the development of single-industry towns is at present one of the components of innovation development.

Keywords: one-industry town, infrastructure, single-industry towns, single-industry towns development fund.

В условиях экономического кризиса и сложных внешних условий жизнеспособность России во многом зависит от состояния и степени социально-экономического развития территорий особого типа – моногородов. Данный фактор оказывает влияние на все три образующих начала страны – территорию, народонаселение и государственное управление.

В общем виде моногород представляет собой город, зависящий от одного или нескольких градообразующих предприятий в плане трудоустройства и инфраструктуры. Само слово «моногород» является сокращением понятия «монопрофильный город», где греческая приставка «моно» означает «единственный».

Федеральное правительство под моногородами понимает муниципальные образования, в развитии которых определяющую роль играют предприятия градообразующего комплекса. В свою очередь, градообразующий комплекс представляет собой одно или несколько предприятий одной отрасли либо смежных отраслей, связанных единой технологической цепочкой, которые в сумме производят не менее 50% валового продукта города, либо на которых работает не менее 25% экономически активного населения города. [3, с. 2994] Градообразующее предприятие обеспечивает занятость и, как следствие, уровень доходов и качество жизни значительной части населения моногорода.

Согласно официальным источникам, на 2015 год общее количество моногородов в РФ насчитывает 319, в них проживает свыше 14 миллионов человек. При этом число кризисных моногородов в России на 2015 год составляет 94 против 74 за 2014 год. Отметим, что в число кризисных моногородов вошли и города республики Татарстан (г. Зеленодольск и г. Набережные Челны). Для отнесения к кризисной категории оценивалось состояние в отрасли градообразующего предприятия, уровень безработицы и то, как население воспринимает социально-экономическую ситуацию.

Следует отметить, что в сложном положении моногорода очутились не столько по вине современного экономического кризиса, в котором оказалась Россия, – события последнего времени явились лишь катализатором проблем. Проблемы копились долгие годы, более того – десятилетия.

Большие размеры страны исторически предопределили тот факт, что экономика России в значительной степени оказалась представлена градообразующими предприятиями моногородов. Роль государства в их становлении и развитии являлась определяющей не одно столетие. Как элемент государственной необходимости они создавались как в эпоху Петра I Великого, так и в XX веке. Предприниматели в досоциалистическую эпоху фактически выполняли государственный заказ по обеспечению эффективного функционирования городов-заводов, то есть современных моногородов. Во время СССР данная функция перешла к государству, которое определяло как стратегию и тактику развития данных образований, так и выполняло роль социального агента, ответственного за организацию деятельности социальных институтов и ключевых акторов. В 90-е годы в связи с переходом к рыночной экономике частный бизнес стал приобретать права на градообразующие предприятия, предопределяя кризисную ситуацию, имеющую в своей основе не только экономическую, но и социальную основы, поскольку зачастую был не готов нести ответственность за благосостояние людей, работающих на них. Механизмы поддержки со стороны государства долгое время носили во многом условный характер, что явилось одной из главных причин социальной и политической нестабильности в моногородах. Это и социальный конфликт в г. Пикалево Ленинградской области, и сложная социально-экономическая и морально-психологическая ситуация в 2009-2010 гг. в г. Тольятти, г. Нижнем Тагиле, г. Златоусте, г. Череповце, г. Миассе и др.

В современной России вклад в ВВП моногородов по разным оценкам составляет от 20 до 40%. Очевидно, что их успешное функционирование во многом предопределяет сам факт эффективности российской экономики в целом. Отметим, что на сегодняшний день градообразующие предприятия российской промышленности в натуральном выражении обеспечивают примерно 65% добычи нефти, 82% добычи газа, свыше 50% добычи угля, продукции черной металлургии, включая в себя свыше 60% производства стали, большую часть продукции цветной металлургии, в том числе 90% никеля и 100% глинозема, свыше 70% производства легковых автомобилей и многое другое. [3, с. 2997] Несложно заметить, что многое из вышеперечисленного – статьи российского экспорта в течение последних десятилетий.

В современное время проблемы градообразующих предприятий моногородов обострились. Классическим примером могут служить проблемы АвтоВАЗа и КАМАЗа, от ситуации дел на которых зависит благополучие таких городов, как г. Тольятти и г. Набережные Челны.

Основные проблемы моногородов, обострившиеся в условиях современного кризиса:

- удаленность городов от основных экономических центров и неразвитость транспортной инфраструктуры для разрешения этой проблемы;
- зависимость рынка труда от деятельности 1-2 предприятий;
- высокая зависимость муниципальных бюджетов от налоговых платежей градообразующих предприятий;
- задолженность по заработной плате;
- снижение объемов строительства и ввода в эксплуатацию жилья;
- чрезмерная экологическая нагрузка на территории, где расположены градообразующие

предприятия;

- устаревшие технологии, износ основных фондов градообразующих предприятий;
- изношенность инфраструктуры. [2, с. 91]

Решение проблем моногородов часто представляется возможным в трех вариантах:

- закрытие, ликвидации тех моногородов, которые признаны неперспективными с последующим переселением людей;

- необходимость оказания финансовой поддержки тем из моногородов, которые оказались в наиболее сложной ситуации;

- перепрофилировании моногородов, создании новых производств, диверсификации.

Разумеется, решение первого типа представляется крайне радикальным и несет в себе высокие экономические и социальные издержки, способно нести в себе серьезные ошибки. Так, предложение о переселении работников АвтоВАЗа для работы на вагоностроительном заводе в Ленинградской области заведомо являлось неэффективным вследствие возможности решения проблем только нескольких сотен людей, что не решало проблемы безработицы в г. Тольятти в целом.

Но, по мнению Минэкономразвития, данный вариант решения проблемы перспективен долгосрочном плане. МЭР отмечает, что потребуются тонкий подход и немалые средства на короткие сроки, необходимые как на переобучение, создание и поиск новых рабочих мест, так и оплату переезда в другой город, что не вызывает сомнений.

Так, по подсчетам экспертов Центра стратегического планирования в докладе «Моногорода. Переагрузка», для ликвидации г. Жирекен (Забайкальский край), где сегодня идет процесс консервации градообразующего предприятия, требуется 5-5,5 млрд. рублей на обеспечение переезда и создание жилья для 4,6 тысяч жителей (примерно 1,2 млн. руб. на одного переселенца). Отметим, что согласно подсчетам экспертов, компенсации на переезд должны быть в размере не менее 400 тыс. рублей в расчете на одного человека. Очевидно, что это дорогостоящий вариант, более дорогостоящий, чем вложение в инфраструктуру данных городов и привлечение инвесторов.

Если анализировать финансовую поддержку моногородов как вариант решения проблем, то следует учитывать, что городов, нуждающихся в подобной помощи, от общего количества составляет не менее половины. Другая половина (как-то г. Альметьевск), является либо нефтегазовым городом, либо наукоградом. Речь идет о необходимости прямого субсидирования за счет федерального бюджета. Кроме соответствующих траншей, речь идет о необходимости бюджетных кредитов, госзакупке производимой ими продукции, возмещении процентных ставок по кредитам и т.д. Учитывая рост числа кризисных моногородов, верным представляется решение сохранить бюджетные расходы на создание территорий опережающего развития (ТОР) при подготовке федерального бюджета на 2016 год и ближайшие три года. Отметим, что в 2010-2011 годах государственную поддержку на общую сумму 24 млрд. рублей получили 49 моногородов России. Большая часть средств (17 млрд. рублей) была направлена на создание объектов инженерной и коммунальной инфраструктуры.

Важным представляется необходимость поиска скрытых резервов, перепрофилирования моногородов, их развития. Развитие инноваций, высокотехнологичной обработки сырья, модернизации и диверсификации – все то, о чем долго и настойчиво говорят не только ведущие экономисты, но и официальные власти, – зона особого внимания моногорода. Ресурсы моногородов (как инвестиционные, так и кадровые и инфраструктурные), мотивация властей данных муниципальных образований, руководство самих градообразующих предприятий находится в прямой зависимости от возможности модернизации производств.

Ситуация на рынке труда моногородов оказывает влияние на социальнополитическую устойчивость всей страны в целом. По причине узости рынка труда моногородов сложные периоды в деятельности градообразующих предприятий способны вызвать масштабную и долговременную локальную безработицу. Безработица в моногородах имеет негативные последствия не только для данных муниципальных образований, как-то снижение налогооблагаемой базы, рост преступности и др.), но и способна нести угрозу социальной и политической стабильности в масштабе всей страны. В кризисные периоды моногорода становятся потенциально крайне опасными очагами социального взрыва, проявляющегося в открытых акциях протеста, недовольстве существующей местной и федеральной властью, падением доверия населения социальным и политическим институтам страны.

Следует обратить внимание на тот факт, что невостребованность не делает моногорода источником дешевой рабочей силы. Жители данных муниципальных образований привыкли к хорошим зарплатам, можно сказать, они капризны, и, как кадровый потенциал являются малоперспективными для создания новых экспериментальных производств. Им нужно предложить что-то реальное, эффективное, способное обеспечивать им в будущем тот уровень доходов и качества жизни, к которому они привыкли в прошлом. При разработке программ перепрофилирования моногородов необходимо учитывать это.

Как положительный фактор следует отметить создание в 2014 г. Фонда развития моногородов, целью которого в том числе является стимулирование создания новых рабочих мест, альтернативных градообразующему предприятию. Речь идет о прямой финансовой поддержке, предоставлении средств на развитие инфраструктуры под новые инвестпроекты, прямое участие в капитале этих проектов с выводом их на рентабельность при активной позиции региональной власти, их способности подготовить план

развития, который мог бы получить одобрение Фонда. Отметим, что теоретически все моногорода, которые попали в список кризисных, имеют право получить средства из фонда.

Фондом развития моногородов (ФРМ) изначально были отобраны четыре моногорода, в которых принято решение о строительстве инженерной инфраструктуры. Это г. Анжеро-Судженск и г. Юрга в Кемеровской области, г. Канаш в Чувашской Республике, г. Краснотурьинск в Свердловской области.

Так, если говорить о г. Анжеро-Судженске, речь идет о выделении 1,174 млрд. рублей, на которые за три года предполагается построить два водовода длиной 27 км., электроподстанцию и воздушную линию передач. Ввод в строй данных объектов позволит к 2020 году реализовать в городе инвестиционные проекты в сфере нефтепереработки, деревообработки и фармацевтики на сумму 6,8 млрд. рублей, что в свою очередь будет способствовать созданию не менее 2,4 тыс. рабочих мест и развитию малого предпринимательства.

На сегодняшний день в работе у ФРМ находится 12 моногородов. Это г. Канаш (Республика Чувашия), г. Краснотурьинск (Свердловская область), г. Юрга и г. Анжеро-Судженск (Кемеровская область), р.п. Чегдомын (Хабаровский край), г. Камешково (Владимирская область), г. Луза и г. Белая Холуница (Кировская область), г. Каспийск (Республика Дагестан), г. Надвоицы (Республика Карелия), а также города Республики Татарстан: г. Зеленодольск и г. Набережные Челны.

Критериями для отбора городов, попадающих в зону особого внимания Фонда развития моногородов, являются: открытая или планируемая процедура банкротства градообразующего предприятия, перспектива высвобождения более 10 % занятого населения, отрицательный прогноз по отрасли, высокий процент безработицы в городе, негативные результаты опроса населения.

Отметим, что на деятельность Фонда развития моногородов России будут выделены 29,6 млрд. рублей до 2017 года. Планируется, что за три года работы Фонда развития моногородов будут созданы 40 тысяч новых рабочих мест в 50-ти моногородах России.

Еще раз подчеркнем, что мы отмечаем как положительный фактор создание Фонда развития моногородов России. Особенность ситуации, в которой оказалась Россия (сложность геополитической ситуации, санкции, необходимость импортозамещения и т.д.), – вызовы, на которые страна может и должна ответить. Нам представляется, что все вместе несет в себе большой потенциал развития моногородов на будущие годы.

Список литературы

1. Гусев В. Российские моногорода: проекты будущего или архаичное наследие прошлого? // Власть. – 2012. – № 10. – С. 23-27.
2. Ивановский С.Л., Былинская А.А. Моногорода в народном хозяйстве страны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2011. – №5. – С. 91-97.
3. Национальная идея России. В 6 т. – М.: Научный эксперт, 2012. – 4439 с.

ПАО "КАМАЗ" КАК ГРАДООБРАЗУЮЩЕЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

Г. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

Э.Г. Нуруллина

КФУ, Набережночелнинский институт, г. Набережные Челны

Аннотация: В статье рассмотрено финансово-экономическое состояние ПАО «КАМАЗ» как градообразующего предприятия г. Набережные Челны. Особое внимание уделено состоянию внутрифирменного рынка труда, имеющего наибольшее значение для социально-экономического развития города. Предложены меры на макро- и микроуровне, направленные на повышение конкурентоспособности компании и ключевых социальных индикаторов ее деятельности.

Ключевые слова: конкурентоспособность, градообразующее предприятие, финансово-экономические показатели, внутрифирменный рынок труда, средняя заработная плата.

PJSC KAMAZ AS CITY-FORMING ENTERPRISE OF THE CITY OF

NABEREZHNYE CHELNY

E.G. Nurullina

Abstract: In article the financial and economic condition of PJSC KAMAZ as city-forming enterprise of the city of Naberezhnye Chelny is considered. The special attention is paid to a condition of the intra firm labor market having the greatest value for a social and economic development of the city. Measures on macro- and microlevel, directed on increase of company competitiveness and key social indicators of its activity are offered.

Keywords: competitiveness, city-forming enterprise, financial and economic indicators, intra firm labor market, average salary.

Группа компаний «КАМАЗ» — крупнейшая автомобильная корпорация Российской Федерации. ПАО «КАМАЗ» занимает 11-е место среди ведущих мировых производителей тяжёлых грузовых автомобилей. Единый производственный комплекс группы организаций ПАО «КАМАЗ» охватывает весь технологический цикл производства грузовых автомобилей – от разработки, изготовления, сборки автотехники и автокомпонентов до сбыта готовой продукции и сервисного сопровождения.

ПАО «КАМАЗ» обладает монопольным положением на рынке грузовиков полной массой 14 - 40 т. Конкурентная среда на национальном рынке между отечественными производителями практически отсутствует, поскольку при проектировании автозаводов в концепцию их будущей деятельности закладывалась идея специализации на различных сегментах, что было вполне понятно в условиях отсутствия конкуренции и господства плановой экономики в бывшем СССР. Иностранные производители и российские сборочные предприятия не оказывают на сегодняшний день значительного влияния на отраслевые бизнес-процессы. Однако достаточно серьезная конкуренция имеет место между отечественными автомобилями (главным образом, продукцией ПАО «КАМАЗ») и автомобилями иностранного производства.

В числе главных причин недостаточной конкурентоспособности отечественных грузовых автомобилей (в том числе грузовиков КАМАЗ) по сравнению с иностранными аналогами следует назвать следующие:

- 1) архаичная структура производства, сформировавшаяся 40-70 лет тому назад;
- 2) низкий технический уровень выпускаемой продукции;
- 3) реализация на большинстве отечественных предприятий полного цикла производства, начиная с изготовления автокомпонентов и заканчивая сборкой готового изделия, что неизбежно приводит к увеличению себестоимости продукции;
- 4) избыточность производственной инфраструктуры, огромные неэффективно используемые площади;
- 5) неконкурентоспособность отечественной автотехники по экологическим показателям: в то время как иностранные автопроизводители достигли норм Евро-6, российские предприятия (и, прежде всего, ПАО «КАМАЗ») пытаются наладить массовое производство автотехники, соответствующей требованиям Евро-4;
- 6) недостаток средств на развитие и инвестиции в сложных экономических условиях и др.

Низкая конкурентоспособность продукции автомобильного завода КАМАЗ диктует географию экспортных поставок автомобилей, главным конкурентным преимуществом которых становятся демпинговые цены. В качестве основных регионов экспорта ПАО «КАМАЗ» выступают развивающиеся рынки ближнего Востока (страны СНГ) и дальнего зарубежья: Казахстан, Средняя Азия, Кавказ, Юго-Восточная Азия, Ближний Восток, Африка, Латинская и Южная Америка, Индия.

ПАО «Камский автомобильный завод» (КАМАЗ) является ключевым (градообразующим) предприятием города Набережные Челны, на долю которого приходится почти три четверти объема промышленной продукции, производимой в городе, что является основным аргументом признания его моногородом. Монопрофильный характер городской экономики в рыночные десятилетия еще более усилился: если в структуре промышленного производства города машиностроение и металлообработка занимали в 1995г. 62,69%, то на 1 января 2012 г. – уже 87% [1, с. 12]. За время существования автогиганта вокруг него сформировался машиностроительный кластер, в который входят представители преимущественно малого и среднего бизнеса, занимающиеся дилерской деятельностью и производством автокомпонентов. Порядка 30% налоговых поступлений в городскую казну составляют отчисления ПАО «КАМАЗ».

Системный и циклический кризис, переживаемый в настоящее время Россией, крайне негативно сказался на машиностроении, сосредоточенном в Республике Татарстан в основном в г. Набережные Челны, что, в свою очередь, сказалось и на доходной части городского бюджета, и на уровне занятости населения.

Таблица 1

Основные финансово-экономические показатели деятельности ОАО «КАМАЗ» в 2009-2014 гг. [3]

Годы	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014/2013	Целевые показатели на 2015г.
Продажи, штук Грузовые автомобили, в том числе	25911	32300	45288	45471	43832	38655	- 12%	41000
Выручка, млн руб.	60894	73773	109995	118510	114317	110599	- 3%	122900
Валовая прибыль, млн руб.	7177	10180	15105	19596	16901	14589	- 14%	
Валовая рентабельность, %	11,8	13,8	13,7	16,5	14,8	13,2		
Операционная								

прибыль, млн руб.	-1767	1590	3718	8080	5695	2243	- 61%	
Операционная рентабельность, %	-2,9	2,2	3,4	6,8	5,0	2,0		
Чистая прибыль, млн руб.	- 226	- 763	1778	5761	4267	211	- 95%	1060
Рентабельность по чистой прибыли, %	-3,7	-1,0	1,6	4,9	3,7	0,2		0,9
ЕВITDA, млн руб.	828	4311	6548	10786	9046	5610	- 38%	3970
Рентабельность по ЕВITDA	1,4	5,8	6	9,1	7,9	5,1		3,2
Капитал, млн руб.	30803	29883	31444	37208	38724	39831	3%	
ROE, рентабельность капитала, %	-5,7	5,3	11,8	21,7	14,7	5,6		
Количество акций, средневзвешенное, тыс штук	707230	707230	707230	730688	718686	680906		
EPS, прибыль на одну акцию, руб./акция	-3,21	-1,08	2,51	7,88	6,08	0,22		

Данные табл. 1 свидетельствуют, что практически все основные финансовые показатели деятельности ПАО «КАМАЗ» в 2009 – 2014 гг. имели тенденцию к снижению. Особенно значительным оказалось падение показателей прибыли (по чистой прибыли – на 95% в 2014 г. вследствие снижения объема продаж на 12%). Снижение рентабельности произошло вследствие снижения объемов и изменения структуры продаж в пользу менее маржинальных автомобилей (увеличение доли Евро-4). Кроме того, негативный эффект на показатели рентабельности также оказали рост валютных курсов и связанное с этим удорожание закупок импортных комплектующих, переоценка валютной кредиторской задолженности, признание доли в убытках ассоциированных компаний и совместных предприятий.

ПАО «КАМАЗ» позиционирует себя как социально ответственный партнер, действующий ради долгосрочных интересов акционеров и благосостояния сотрудников, однако это, к сожалению, не вполне соответствует действительности. Между тем, преодоление проблемы недостаточной конкурентоспособности отечественного грузового автомобилестроения возможно только на основе институционализации принципов социального партнерства и социальной справедливости. Руководство КАМАЗА как градообразующего предприятия видит свою социальную ответственность перед городом Набережные Челны в сохранении основной массы работающих на предприятии горожан (в качестве одной из стратегических целей руководство называет сохранение 42 тыс. работающих). Для сравнения: в начальном периоде деятельности КАМАЗа (первый автомобиль КАМАЗ сошел с главного сборочного конвейера 16 февраля 1976 года) на нем трудились почти 120 тысяч жителей города.

Однако, по нашему мнению, дело не только в стремлении к сохранению основного персонала. Во избежание притока на городской рынок труда массы безработных и роста социальной напряженности в городе и регионе (и очевидно, по требованию властей), градообразующие предпринимательские структуры, особенно в моногородах, аккумулируют на своих производствах избыточную рабочую силу, что приводит к дефициту труда. Важнейшая особенность рынка труда России как раз состоит в его низкой эластичности по отношению к циклическим колебаниям: безработица практически остается на прежнем уровне (5,8%).

Цифры реальной безработицы на КАМАЗЕ (и в городе, соответственно) могли бы быть существенно выше, если бы предприятие не прибегало к мерам латентной безработицы, таким, как введение режима неполной занятости (перевод работников на неполную рабочую неделю, оплачиваемую в размере 2/3 от средней заработной платы), предоставление отпусков без сохранения заработной платы.

Таким образом, фирменный рынок труда отражает все те особенности, которые свойственны российскому рынку труда в целом:

- он является избыточным по объему и в то же время трудодефицитным по своей структуре;
- уровень заработной платы занижен, она значительно отстает от стоимости товара «рабочая сила», поскольку «норма прибыли отечественных нуворишей в 2-3 раза выше, чем у западных капиталистов [2, с.67]»;

- низкая материальная и моральная мотивация рабочих КАМАЗА, обусловленная колоссальным разрывом в доходах топ-менеджмента предприятия и рядовых сотрудников и рабочих и порождающая чувство глубокой социальной эксклюзии. В.Н.Волович пишет, что «в постсоветский период рабочий класс ... по существу смирился со своим положением, будучи не только экономически, но и морально дезориентированным и подавленным [2, с. 67]»;

- так называемые «независимые» профсоюзы (в том числе профсоюз КАМАЗА) не представляют собой реальную силу, с которой нельзя не считаться, подобно сильным и мощным профсоюзам на Западе. Как правило, они занимают откровенно соглашательскую позицию в рамках пресловутой системы трипартизма.

Руководство КАМАЗА не без гордости сообщает, что уровень средней заработной платы в ПАО «КАМАЗ» на 5% выше среднероссийского уровня. В табл. 2 и рис. 1 представлены основные показатели группы технологической цепочки ПАО «КАМАЗ» в области управления персоналом («средняя температура по больнице») и динамика средней заработной платы по категориям: 1) рабочие; 2) специалисты и служащие (РС и С).

Таблица 2.

Основные показатели группы технологической цепочки за 2010-2014 гг. [3]

Годы	2010	2011	2012	2013	2014	2014/2013
Численность (чел.)	44570	46019	45536	40700	38995	-4%
Средняя заработная плата (руб./мес.)	15863	20918	23457	27873	29633	+6%
Производительность труда (тыс руб. /чел.)*	1404	2050	2262	2462	2495	+1%

*с 2014г. объем товарной продукции учитывается без бонусов

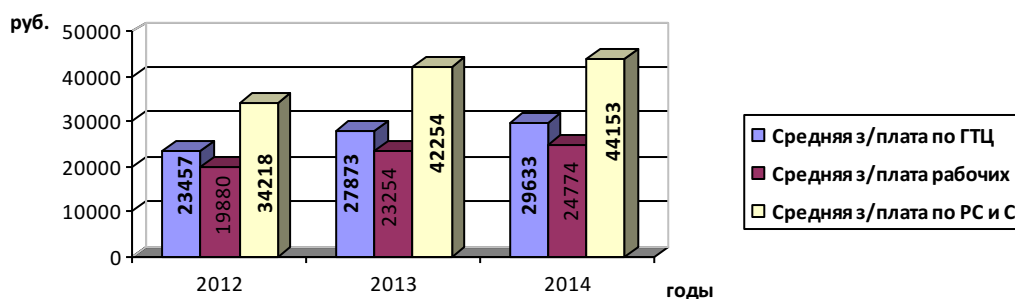

Рис.1. Динамика средней заработной платы ГТЦ ОАО «КАМАЗ», руб.

Внешне благополучные цифры по заработной плате, тем не менее, не доказывают факта заинтересованности предпринимательских структур в адекватной оценке стоимости товара «рабочая сила», способной обеспечить не только простое, но и расширенное воспроизводство рабочей силы, особенно на фоне изредка становящихся достоянием гласности сведений о размерах бонусов, выплачиваемых высшему менеджменту. Следствием этого обстоятельства является то, что молодежь не выбирает рабочие профессии, которые не пользуются престижем в обществе, а предпочитает трудиться в других сферах экономики (финансовом секторе, секторе услуг), позволяющих получить больший доход с меньшими трудовыми затратами. В итоге страдает возрастная структура рабочей силы на предприятии – происходит старение кадров (средний возраст персонала КАМАЗА составляет 42,93 года).

К числу важнейших мер, способных оказать позитивное воздействие на социально-экономическое положение ПАО «КАМАЗ» (и, следовательно, г. Набережные Челны), можно отнести следующие.

Российское правительство должно принять безотлагательные меры, направленные на создание институциональной среды, нацеленной на повышение конкурентоспособности продукции грузового автомобилестроения, а именно: стимулирование развития НИОКР, стимулирование инвестиций, совершенствование рынка труда, повышение эффективности таможенно-тарифного регулирования, поддержка экспорта и региональная интеграция, улучшение технического регулирования, достаточная и разумная таможенная защита, создание механизма эффективного налогового регулирования.

На микроуровне должен быть осуществлен комплекс мероприятий:

- скорейшая оптимизация политики распределения доходов предприятия на основе принципов социальной справедливости и социального партнерства;
- преодоление колоссальной дифференциации доходов различных категорий персонала;
- формирование организационной структуры, предполагающей уменьшение числа уровней управления и рост самостоятельности менеджеров первого уровня управления;
- изменение роли высшего менеджмента, сосредоточение его внимания на совершенствовании внутренней структуры корпорации;
- создание организационной культуры, способствующей использованию всего творческого потенциала персонала и формированию его мотивации;
- перенос акцента в системе управления со стратегического выбора из имеющихся возможностей на стратегию управления изменениями в соответствии с окружающей средой, технологиями и знаниями.

Таким образом, реализация указанных мер позволит смягчить проявления циклического кризиса

в России и одновременно заложить основы для модернизации ее экономики, в том числе отрасли грузового автомобилестроения, в направлении развития социально-экономической системы по инновационно-конкурентному типу. Одновременно г. Набережные Челны как монофункциональный город должен предусмотреть внутренние меры, направленные на снижение зависимости экономики от градообразующего предприятия – эффективный корпоративный и муниципальный менеджмент, создание инновационной городской инфраструктуры, диверсификацию экономики, развитие малого и среднего бизнеса.

Список литературы

1. Алпатова Э.С. Модернизация экономики моногорода как фактор обеспечения его социально-экономического развития (на примере г. Набережные Челны) // Социально-экономическое развитие моногородов: традиции и инновации: материалы Всероссийской научно-практической очно-заочной конференции/Министерство образования и науки Российской Федерации, Дальневосточный федеральный университет, Филиал ДВФУ в г. Дальнегорске; [под ред. Н.В. Лисичкиной]. – Владивосток: Издательский дом Дальневост. Федерал. ун-та, 2013. – С. 11-18
2. Волович В.Н. Отчуждение как условие формирования нового рабочего класса в постсоветской России // Проблемы современной экономики. – 2008. – №4 (28).
3. Сайт ПАО «КАМАЗ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mpt.tatarstan.ru/rus/info.php?id=53105>.

ФОРМИРОВАНИЕ БРЕНДА ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ИЖЕВСКА)

С.А. Рябая

ИжГТУ им. М.Т. Калашникова, г. Ижевск

Аннотация: В статье рассматривается процесс создания бренда города; анализируется понятие «брендинг территории», его задачи и функции. Автор изучил современное состояние бренда города Ижевска и предложил расширить существующий.

Ключевые слова: бренд территории, формирование бренда, национальный бренд, Ижевск, Калашников, спортивный центр.

FORMATION OF A BRAND OF THE CITY (ON THE EXAMPLE OF IZHEVSK)

S.A. Ryabaya

Abstract: In article process of creation of a brand of the city is considered; the concept "branding of the territory", its tasks and function is analyzed. The author studied a current state of a brand of the city of Izhevsk and suggested to expand the existing.

Keywords: territory brand, formation of a brand, national brand, Izhevsk, Kalashnikov, sports center.

Брендинг территорий – относительно новое направление научных исследований, появившееся на рубеже XXI в. Среди авторов не существует четкого и единого определения понятия «бренд территории». Но существует достаточно большое количество теорий и концепций формирования и управления брендами территорий [1, 2, 3, 4, 6].

Бренд территории – комплексный продукт функционирования как самой территории, так и её окружения. Комплексное функционирование всех сфер деятельности региона одновременно предполагает выделение основополагающего связующего звена, которым и становится бренд региона. В основе такого бренда лежит региональная (территориальная) идентичность, закрепляемая в экономической сфере (региональным производством конкурентоспособных товаров и услуг) и символическом пространстве (региональными символами, культивированием традиций существования территорий в истории). В этой связи бренд территории – это гармоничное сочетание социально-культурной среды региона, его инфраструктуры, административного управления и бизнеса, инвестиционной привлекательности, культуры, памятников истории, привлекающих туристические потоки.

Брендинг территории неразрывно связан с процессом повышения ее конкурентоспособности, так как бренд по своей природе является демонстрацией и гарантом конкурентных преимуществ. Основными задачами и функциями бренда территории являются: индивидуальность, уникальность, идентификация, лояльность целевой аудитории, известность и стабильный интерес к нему.

Создание бренда территории – это не разовая акция, а постоянный процесс. Он носит сложный, продолжительный характер. Формирование имиджа региона предполагает учет общности его культурно-исторических и пространственно-природных условий, полиэтнической и поликонфессиональной структуры его населения, а также необходимости взаимодействия как с внешней, так и с внутренней его средой. Однако брендинг – это наиболее эффективный инструмент активного позиционирования имиджа региона, процесс построения, развития и управления брендом, цель которого – создание сильного и

конкурентоспособного региона.

Формирование положительного имиджа региона предполагает активную совместную деятельность власти и бизнеса с привлечением в рабочую группу специалистов в области имиджа территории. Учитывая особую значимость проблем формирования имиджа региона, необходимо привлекать к ее созданию представителей бизнеса, администрации, населения и общественных организаций. В основе формирования имиджа региона должен лежать мониторинг особенностей потенциала территории и социально-экономических целей развития региона, а в качестве конечной цели этого процесса целесообразно рассматривать достижение регионом устойчивого социально-экономического развития.

Работа с имиджем территории в Российской Федерации в настоящее время приобретает особо важное значение и актуальность в связи с ростом конкуренции между регионами за инвестиции, туристические потоки и кадровые ресурсы. При этом тема формирования территориального имиджа достаточно сложна как с теоретической, так и с практической точки зрения. Несмотря на значительный интерес к брендингу территорий в России, важно отметить, что данный процесс находится в самой начальной стадии. Мероприятия по брендингу городов и регионов в России по сравнению с мировыми образцами носят разрозненный характер, что не позволяет создать единый узнаваемый и эффективный образ территории.

Брендинг городов – это общенациональный проект, базирующийся на региональной поддержке. При правильной организации в продвижение идеи будут вовлечены самые широкие слои населения, что обеспечит ее гражданскую легитимность [7].

Развитие идеи «Города – национальные бренды» может решить несколько важных для государства задач. Концепция городов-брендов может лечь в основу региональной политики страны и планирования стратегического развития городов, повысить конкурентоспособность региональных товаров и услуг на внутреннем и международном рынках. Городские бренды чаще всего ориентируются на определенные целевые группы, концентрируя свое внимание на развитии не комплексного многогранного имиджа, а лишь определенного направления: туризм, инвестиции и т.д.

Часто города уже имеют исторически сформировавшиеся элементы имиджа, которые можно активно использовать при создании бренда. Данные устойчивые ассоциации важны при выстраивании стратегических коммуникаций города с целевыми аудиториями.

В начале XXI века началось формирование бренда «Ижевск – оружейная столица России». Такие исследователи, как Л.В. Баталова, Т.И. Оконникова доказывают его состоятельность как жизнеспособного и привлекательного туристического бренда [8]. Ижевску не надо придумывать брендобразующие символы и легенды, тратить средства на их «раскрутку», поскольку Ижевск имеет непосредственную связь с всемирно известным оружейным брендом «Калашников». Не стоит забывать, что бренд «Калашников» – бренд национального уровня.

На наш взгляд, Ижевск, используя имеющийся потенциал, может представить столицу Удмуртии не только как оружейную столицу России, но и как крупный спортивный центр, на базе которого можно провести Зимнюю универсиаду в 2023 г. Выбор города может быть обусловлен, в первую очередь, желанием и возможностью Удмуртской Республики провести студенческие игры. Столица региона является одним из центров студенчества в Приволжском федеральном округе, где располагается Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, Удмуртский государственный университет, Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, Ижевская государственная медицинская академия.

Для проведения Зимней Универсиады в Удмуртии предполагается задействовать следующие спортивные объекты: Ледовый дворец спорта «Олимпиец», Ледовый дворец «Ижсталь». Республиканский стрелково-спортивный комплекс им. генерала А.М. Демидова, спортивно-оздоровительный лыжный комплекс имени Г.А. Кулаковой, спортивный комплекс «Чекерил», спортивно-туристический комплекс «Нечкино».

В ходе Универсиады могут быть проведены соревнования по 8 обязательным видам спорта и двум дополнительным:

- Биатлон;
- Горнолыжный спорт;
- Керлинг;
- Лыжные гонки;
- Лыжное ориентирование;
- Сноуборд;
- Фигурное катание;
- Фристайл;
- Хоккей с шайбой;
- Шорт-трек.

По опыту Казани подобный проект является мощным стимулом развития для города и региона: строятся средства размещения, проводится благоустройство городской среды, ремонтируется городская

инфраструктура. Кроме того, наличие соответствующих амбиций у региона значительно повышает его рейтинг.

Таким образом, сегодня каждый регион конкурирует за финансовые, материальные, человеческие ресурсы. Ижевск – не исключение, но главный акцент в разработке и расширении территориального бренда делается на привлечении людей, инвестиций и интересных идей, которые можно реализовать. Именно расширение территориального брендов, сопутствующих мероприятий позволяет региону решить существующие проблемы. Но следует помнить, что брендинг мест – явление новое. Именно поэтому возникает множество проблем в данной сфере. Но главное в этом нелегком деле – это открытость, активное вовлечение региональных властей, участие бизнеса и общественности.

Список литературы

1. Баженова Е.Ю. Бренд территории: содержание, модели формирования, практика конструирования в российских регионах // Terra economicus. – 2013. – Т. 11. – №3. – Ч. 2. – С. 120–125.
2. Кукина Е.Н. Брендинг территорий: сущность и принципы разработок // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2011. – Т. 4. – № 11. – С. 204–209.
3. Нагимов А.Р. Брендинг территории как современный и эффективный инструмент ее развития // European social science journal. – 2013. – № 11-2. – С. 389–395.
4. Родионова Н.К., Громова Е.Ю. Территориальный бренд как инструмент повышения конкурентоспособности региона. URL: http://www.actualresearch.ru/nn/2010_4/Article/economics/rodionova.pdf (дата обращения: 03.01.2015).
5. Рябая С.А. Территориальный бренд Удмуртской Республики: проблемы формирования и возможные пути решения // Международный молодежный симпозиум по управлению, экономике и финансам: сборник научных статей. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2014. – С. 352–353.
6. Шапкина Ю.В. Бренд территории: некоторые результаты терминологического анализа // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 5-6. – С. 152–155.
7. Шапкина Ю.В. Брендинг городов: особенности формирования бренда города // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. – 2011. – № 1. – С. 46–53.
8. Баталова Л.В., Оконникова Т.И. Ижевск – оружейная столица России // Российский научно-практический журнал «Российские регионы: взгляд в будущее». URL: <http://futuresuss.ru/traveltogether/travel-russia/izhevsk.html> (дата обращения: 03.09.2015).

РАЗВИТИЕ МАРКЕТИНГА МАЛОГО ГОРОДА, КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ИНТЕГРАЦИИ В МИРОВУЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ

О.Н. Устюжина

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы территориального маркетинга малых городов. В условиях глобализации малые города постепенно интегрируются в мировую социально-экономическую систему и вынуждены все больше конкурировать между собой и другими городами в борьбе за создание более качественных условий проживания населения, привлечение инвестиций и квалифицированной рабочей силы.

Ключевые слова: маркетинг, конкурентоспособность, территория, урбанизация, социально-экономическое развитие города, малые города.

MARKETING DEVELOPMENT OF THE SMALL CITY, AS ONE OF THE FACTORS OF INTEGRATION INTO THE GLOBAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEM

O.N. Ustyuzhina

Abstract: The article discusses the issues of territorial marketing of small towns. In the context of globalization, small towns gradually integrate into the global socio-economic system and have been increasingly forced to compete among themselves and other cities in the struggle for the creation of better living conditions, attraction of investments and qualified workforce.

Keywords: marketing, competitiveness, territory, urbanization, socio-economic development of the city, small towns

Маркетинг, являясь одной из наиболее успешных концепций современного менеджмента, позволяет малому городу обеспечивать свою конкурентоспособность.

Вопросам территориального (странового, регионального, городского) маркетинга уделено значительное внимание в работах А.Л. Гапоненко, А.П. Панкрухина. В этих исследованиях показано, что

территориальный маркетинг – это маркетинг в интересах территории, ее внутренних субъектов, а также тех внешних субъектов, во внимании которых заинтересована территория. В связи с этим можно выделить:

маркетинг территории, объектом внимания которого выступает территория в целом, осуществляется как внутри, так и за ее пределами;

маркетинг на (внутри) территории, объектом внимания которого являются отношения по поводу конкретных товаров, услуг и др., осуществляется в пределах территории.

Города играют ведущую роль в системе территориальных образований. Сегодня 47% населения земного шара проживает в городах. Города, прежде всего крупные, выступают лидерами муниципального, регионального и федерального развития. Наметившаяся общемировая тенденция – переселение жителей из крупных городов в малые (деурбанизация) – увеличивает значение малых городов в системе социально-экономических отношений. В настоящее время только 20% населения Европейского Союза живет в крупных урбанизированных ареалах (более 250 тыс. жителей).

В городах среднего размера (50—250 тыс. человек) проживает также около 20% населения, еще 20% в сельской местности и 40% населения живет в малых городах (10—50 тыс. жителей). По данным переписи 2002 года в России из городских поселений преобладают малые города (768 или 70% всех городов), в них проживает почти 20% населения страны. Этим обусловлена необходимость исследования процесса развития маркетинга малых городов. Старая английская пословица гласит: «Не можешь быть большим, будь умным». Малым городам, чтобы выстоять в конкурентной борьбе не только между собой, но и с более крупными городами, следует совершенствовать свой интеллектуальный капитал, широко применять современные методы управления, среди которых маркетинг города, способный решить многие существующие проблемы.

Маркетинг города – это деятельность, предпринимаемая с целью создания, поддержания или изменения мнений, намерений, поведения субъектов, преимущественно внешних по отношению к данному городу.

Маркетинг города призван обеспечивать:

притягательность, улучшение имиджа и престижа города;

привлекательность сосредоточенных в городе материально-технических, финансовых, трудовых, организационных, социальных и других ресурсов;

привлечение в город государственных и иных, внешних по отношению к городу, заказов;

повышение притягательности вложения, реализации в городе внешних по отношению к нему ресурсов (инвестиций).

Главные целевые группы маркетинга города — это его жители, представители бизнеса, туристы. Именно они выступают потребителями города. Определяющими субъектами городского маркетинга являются:

органы управления городом;

организации сферы инфраструктуры;

организации сферы жизнеобеспечения;

организации сферы отдыха, развлечений.

Ведущими участниками (субъектами) маркетинговых отношений являются администрации городов, городские агентства по поддержке малого бизнеса, предпринимательства, бизнес-центры, выставочные центры, туристические и гостиничные сети и др. Важнейшими инструментами маркетинга города можно считать:

политические, правовые, научно-технические и другие действия и акции, направленные на развитие деловой, социально-экономической, культурной жизни города;

коммуникационные мероприятия, демонстрирующие открытость города для контактов и позволяющие внешним субъектам лучше узнать ее, удостовериться в существовании имеющихся у нее преимуществ.

Следует отметить, что Республике Татарстан в последние годы активно формируется законодательная и нормативная база, определяющая условия социально-экономического развития городов области и в целом региона. Принято более 40 законов, направленных на развитие деловой активности и решение актуальных социальных вопросов. В этих законах с целью привлечения инвестиций в города Республики Татарстан предусмотрен маркетинговый подход, включающий в себя широкую рекламу преимуществ, которые получит инвестор при реализации инвестиционных проектов и программ. Это позволяет формировать положительный имидж городов Республики Татарстан, поднимает их авторитет и оказывает серьезное влияние на рейтинговую оценку региона.

Стратегия привлечения инвестиций в города и районы РТ включает в себя широкую рекламу преимуществ, которые получит инвестор при реализации инвестиционных проектов и программ в регионе. Эта работа не дает сиюминутного результата, в то же время она позволяет формировать положительный имидж городов и районов области, поднимает их авторитет и оказывает серьезное влияние на рейтинговую оценку городов области. В этой связи большое внимание уделяется реализации мероприятий по созданию единой системы информационного обеспечения участников инвестиционного процесса.

Можно выделить четыре базовых маркетинговых стратегии, это стратегии имиджа, привлекательности, инфраструктуры и персонала.

1. Маркетинг имиджа – его суть в создании и распространении, обеспечении общественного признания образа малого города. К особенностям маркетинга имиджа можно отнести то, что это низкозатратная стратегия, основанная на улучшении коммуникативных аспектов, информации и пропаганде ранее созданных преимуществ территории. Инструментами маркетинга имиджа являются коммуникационные мероприятия и средства, демонстрирующие открытость города для контактов и позволяющие внешним субъектам лучше узнать малый город, удостовериться в существовании имеющихся у него преимуществ. Жизнь каждого малого города индивидуальна, имеет свои особенности. В этой индивидуальности заложены возможности развития тех «уникальных» элементов города, которые могут быть использованы в разработке программы его дальнейшего развития.

2. Маркетинг привлекательности – его суть в повышении гуманитарных конкурентных преимуществ, привлекательности города для человека. К особенностям маркетинга привлекательности относятся: ориентация на человека с учетом стилей жизни, поведения и потребностей отдельных категорий. Маркетинг привлекательности предусматривает развитие и популяризацию особых черт, гарантирующих преимущества в соперничестве городов. Для малых городов общей чертой привлекательности является более спокойный, здоровый, общинный стиль жизни. В малых городах, по сравнению с крупными городами, более благоприятная экология, значительные рекреационные возможности. Эти свойства городов очень высоко ценятся в современном мире.

В последние годы в малых русских городах активно восстанавливаются храмы, исторические памятники. Это способствует повышению культурного, духовного уровня населения, значительно увеличился интерес к городу со стороны внутренних и внешних потребителей: местного населения, туристов, отдыхающих и др.

3. Маркетинг инфраструктуры — это повышение притягательности для бизнеса. Он ориентируется на бизнеспроцессы и предпринимателей, на высокую степень цивилизованности рыночных отношений на территории.

Маркетинг инфраструктуры предусматривает развитие и популяризацию потенциала инфраструктуры, ее правовое, научно-техническое и кадрово-организационное обеспечение. Маркетинг инфраструктуры, в зависимости от типа бизнеса, подразделяется на маркетинг торговый, финансовый, научный, промышленный, строительный, сельскохозяйственный, сервисный, информационный и др. Благодаря торговому маркетингу для жителей малых городов стали доступны товары широкого ассортимента, которые ранее можно было приобретать только в крупных городах. В малых городах динамично развивается торговая сеть, растет число объектов торговли, небольшие киоски, павильоны преобразуются в торговые центры, супермаркеты с высококачественной отделкой и современным торговым оборудованием.

Финансовый маркетинг позволяет выстроить эффективную систему финансовых потоков в малом городе, это помогает жителям решить многие жизненные проблемы. В малых городах высокими темпами развивается сфера финансовых услуг, среди них банковские и кредитные услуги, услуги институтов коллективного инвестирования и страховых компаний.

4. Маркетинг персонала, населения — это повышение притягательности территории для рабочей силы определенного профиля, специализации и квалификации, для отдельных категорий граждан. Иногда это дополняется противодействующим маркетингом в отношении нежелательных для территории групп посетителей и претендентов на проживание. К особенностям маркетинга персонала относится ориентация на группы людей по признакам профессиональной, этнической, религиозной и другой принадлежности для постоянного проживания. К механизмам маркетинга персонала можно отнести развитие и популяризацию потенциала занятости, образования, личной безопасности, экономичности и удобства проживания, реализацию специфических потребностей. Следует отметить, что для малых городов маркетинг персонала имеет ключевое значение.

В переходный период в связи со значительными социально-экономическими проблемами в малых городах был растрачен кадровый потенциал.

Таким образом, маркетинг малого города способен решить многие существующие городские проблемы, позволяет обеспечить малому городу конкурентоспособность.

Малыми городами могут быть реализованы разнообразные стратегии маркетинга – имиджа, привлекательности, инфраструктуры, персонала. Выбор и последовательность реализации маркетинговых стратегий для малого города определяется с учетом существующих проблем и угроз, а также имеющихся конкурентных преимуществ и финансовых возможностей.

Список литературы

1. Жихаревич Б.С. Современная экономическая политика городских и региональных властей.
2. Крупнов Ю. Заявление союза малых городов российской федерации - Сохраним России малые города [электронные ресурсы]. Режим доступа: <http://krupnov.livejournal.com/373648.html>
3. Павлова Н.Ф. Социологический аспект в исследовании потенциала жизнеспособности отраслевых

территориальных образований [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.giab-online.ru/files/Data/2005/2/14_Pavlova.pdf

4. Разумовский О.С., Хазов М.Ю. Проблема жизнеспособности систем [электронный ресурс]. Режим доступа

http://library.by/portalus/modules/philosophy/referat_show_archives.php?subaction=showfull&id=1108378670&archive=0216&start_from=&ucat=1&

5. Хорев Б.С. Малый город. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 247 с.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДАХ РОССИИ

С.Д. Хакимова

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: В данной статье исследуется актуальность государственно- частного партнерства на современном этапе развития российской экономики, анализируются ключевые особенности, характеристики и инфраструктура государственно- частного партнерства (ГЧП).

Ключевые слова: сотрудничество, государственно-частное партнерство, инфраструктура, региональный центр государственно-частного партнерства.

INSTITUTIONAL INFRASTRUCTURE OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS IN SMALL AND MEDIUM-SIZED CITIES OF RUSSIA

S.D. Khakimova

Abstract: This article discusses a public-private partnerships relevance at the present stage of Russian economy development, analyzes the key features, performance and public-private partnership (PPP) infrastructure.

Keywords: cooperation, public - private partnerships, infrastructure, a regional center of public – private partnership.

На современном этапе развития мировой экономики многие государства обращаются к необходимости налаживания государственно-частного партнерства (ГЧП). Данная форма сотрудничества возникает, прежде всего, в тех сферах, за которые государство традиционно несет большую ответственность: объекты общего пользования, ремонт, реконструкция и содержание объектов общего пользования, жилищно-коммунальное хозяйство и др. Государству, безусловно, сложно отказаться от контроля в стратегических областях, однако для обеспечения сохранения и поддержания работоспособности входящих в них объектов недостаточно финансирования расходов за счет средств соответствующих бюджетов [5, с. 54]. Требуется привлечение дополнительного капитала, который поступает посредством реализации форм сотрудничества государства и частного бизнеса. Особенность государственно-частного партнерства заключается в том, что оно, выступая в качестве публичного управления экономикой, имеет институциональный характер и является организационно-экономическим фактором сотрудничества власти и частного сектора, обеспечивающим социально-экономический рост, сбалансированность и пропорциональность развития страны (региона, территории).

В данной статье рассматриваются проблемы и перспективы создания и функционирования институциональной инфраструктуры государственно частного партнерства в России на федеральном, региональном и муниципальном уровнях управления. Под институциональной инфраструктурой государственно-частного партнерства (ГЧП) в настоящей статье понимается комплекс государственных, смешанных и частных организационно-управленческих структур, обеспечивающих развитие и эффективное функционирование института ГЧП на федеральном и региональном уровнях, а также правовая база, регулирующая создание и реализацию государственно-частных партнерств. Институциональная инфраструктура ГЧП в современной России, по мнению большинства экспертов [1, с. 67; 2, с. 81-82; 3, с. 42], находится в зачаточном состоянии, и это сдерживает развитие института государственно-частного партнерства во многих отраслях и сферах, таких, как, например, коммунальное хозяйство, социальная сфера и т.д.

Международный опыт показывает, что институциональная инфраструктура ГЧП в масштабах государства должна быть сформирована на следующих четырех уровнях: федеральном уровне, региональном (муниципальном) уровне, ведомственном уровне, уровне профессиональных сообществ. Автором выявлены два наиболее часто встречающихся подхода к созданию организационной инфраструктуры ГЧП на региональном и муниципальном уровнях. В соответствии с первым подходом [4, с. 44], организационно-управленческие структуры ГЧП должны существовать в качестве

самостоятельных «центров компетенций» – вне рамок региональных органов управления и органов местного самоуправления, т.е. в этом случае принимается британский вариант организационной инфраструктуры ГЧП в регионах и муниципалитетах. Второй подход предусматривает создание региональных центров ГЧП в составе органов государственного и муниципального управления (ОГМУ). Задача центра – квалифицированное обслуживание его деятельности по применению инструментов ГЧП для реализации отраслевых и региональных стратегий развития и по совершенствованию таких инструментов. Задачей отдела ГЧП будет являться проведение аналитической работы для выработки решений по вопросам развития ГЧП. Автор считает важным, чтобы РЦ ГЧП сам функционировал на принципах государственно-частного партнерства, в том числе за счет аутсорсинга значительного количества своих функций частному бизнесу. Автор выделяет четыре направления деятельности регионального центра ГЧП.

1. Стратегическое планирование ГЧП и совершенствование нормативно-правовой базы ГЧП на региональном и муниципальном уровнях:

- разработка целевых программ и комплексных проектов ГЧП как в рамках региона (муниципалитета), так и межрегиональных;
- отбор проектов ГЧП для реализации;
- участие в развитии нормативно-правовой базы ГЧП, в том числе с правом законодательной инициативы.

2. Все виды экспертизы проектов ГЧП и мониторинг их реализации на региональном и муниципальном уровнях.

3. Участие в организации отдельных аспектов выполнения проектов ГЧП от имени государства (обоснование инвестиций в проекты; разработка схем финансирования; проведение конкурсов на выбор частных партнеров).

4. Методическое, информационное и тренинговое обеспечение развития ГЧП в регионе (муниципалитете):

- разработка методик выбора проектов для реализации и конкурентного отбора участников;
- разработка и внедрение в практику ГЧП типовых и примерных форм соглашений, договоров и другой документации;
- учет и ведение баз данных частных подрядчиков, заинтересованных в участии в проектах ГЧП и организация предварительной квалификации участников торгов;
- систематизация и распространение положительного опыта реализации проектов ГЧП;
- обучение и переподготовка кадров;
- информационно-пропагандистская работа.

В связи с вышеуказанным следует считать, что предпосылки для развития института государственно-частного партнерства в малых и средних городах России к настоящему времени созданы. Можно надеяться, что по мере развития и совершенствования механизмов партнерства между государством и частным бизнесом сфера его применения будет расширяться и распространится на все важнейшие сферы деятельности государства и муниципальных властей.

Список литературы

1. Глумов Е.А. Закон о государственно-частном партнерстве: необходимость принятия и предмет регулирования // Корпоративный юрист. – 2012. – № 5.
2. Зусман Е.А. ГЧП в условиях экономического кризиса: новые тенденции развития // Эксперт. – 2014. – № 42.
3. Смирнов Е.Б. Чурбанов А.Е. Типовые формы международных и национальных строительных контрактов и вопросы их адаптации к условиям России // Конкурсные торги. – 2013. – № 5-6.
4. Шмелева Е. Партнерство без правил. Каждый регион трактует механизмы ГЧП в меру своей испорченности // Российская Бизнес-газета. – 2013. – № 758 (25).
5. Фаттахова А.Р., Хакимова С.Д. Государственно-частное партнерство как механизм развития внутреннего туризма // Казанский экономический вестник. – 2015. – №1(15).

МЕТОДОЛОГИЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

С.В. Хусаинова

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Аннотация: Социально-экономический потенциал как показатель экономической мощи страны приобретает огромное значение в развитии экономики, особенно в данный период ее развития, когда в России имеются огромные национальные богатства и существует необходимость в создании экономических, хозяйственных, производственных, социальных условий и возможностей для более интенсивного развития экономики за счет качественных факторов роста.

Ключевые слова: город, регион, развитие экономики, экономический рост, социально-экономическое развитие.

THE METHODOLOGY OF FORECASTING THE ECONOMIC AND SOCIAL DEVELOPMENT OF REGIONS

S.V. Khusainova

Abstract: Socio-economic potential as an indicator of the economic strength of the country plays a significant role in economic development, especially in this period of its development, when in Russia there are vast national wealth and there is a need to create economic, economic, industrial, social conditions and opportunities for more intensive development of the economy at the expense of quality growth factors.

Keywords: city, region, economic development, economic growth, socio-economic development.

Социально-экономическое развитие регионов, как и России в целом, наталкивается в последнее десятилетие на очень серьезные трудности. В России идет процесс не социально-экономического развития, а социально-экономической деградации. Социально-экономическое развитие - это повышение жизненного уровня всего населения. В качестве целей социально-экономического развития региона используются такие, как увеличение доходов, улучшение образования, питания и здравоохранения, снижение уровня нищеты, оздоровление окружающей среды, равенство возможностей, расширение личной свободы, обогащение культурной жизни.

Для оценки динамики развития целесообразно использовать показатели, оценивающие темпы экономического роста в регионе: темпы роста душевого дохода, производительности труда, а также темпы структурной трансформации производства и общества. Воздействие на темпы экономического роста - жизненно важный вопрос для экономической политики как страны в целом, так и отдельного региона.

Совершенствование механизмов регионального развития становится одним из наиболее актуальных вопросов в области повышения общего качества управления народным хозяйством. Российские регионы обладают существенным потенциалом развития, который при определенных условиях может стать дополнительным источником роста экономики страны. Вместе с тем существующие межрегиональные диспропорции способны в долгосрочной перспективе оказаться серьезным ограничителем роста российской экономики. В этой связи политика государства в отношении регионов не должна сводиться к выстраиванию межбюджетных отношений и реализации отдельных инвестиционных проектов. В современных условиях неотъемлемой частью стратегии развития страны должна стать выработка единой региональной политики, направленной на достижение ключевых целей, стоящих перед Россией в долгосрочной перспективе [1, с. 56-58].

Разработка комплексных программ развития регионов пока не имеет четкой и единообразной логики. Определенную сложность при разработке региональной стратегии государства представляет недостаточное методическое и инструментальное обеспечение таких работ.

Помимо определения ключевых задач и ориентиров долгосрочного развития национальной экономики, необходимо четкое понимание того, за счет использования каких факторов можно добиться заявленных целей. В связи с этим неотъемлемой частью стратегии государства в этом вопросе должен стать комплексный прогноз социально-экономического развития страны, отражающий динамические и структурные характеристики развития экономики, в том числе с учетом региональной компоненты. При этом необходимым условием является внедрение новых методических подходов к прогнозированию развития регионов страны.

Комплексный прогноз территориального развития страны составляется на основе материалов, поступающих из органов исполнительной власти на местах. В свою очередь соответствующие департаменты администраций субъектов Федерации самостоятельно разрабатывают прогнозы на средне- и долгосрочный период, руководствуясь сценарными условиями. Министерства экономического развития Российской Федерации, а также собственным представлением о возможностях развития региона.

Специалисты, разрабатывающие прогнозы в субъектах Федерации, обладают уникальным набором знаний об экономике соответствующего региона. В то же время приходится признать, что региональные кадры зачастую мало знакомы с современным модельным инструментарием, что практически исключает возможность использования расчетов необходимого уровня сложности и комплексности, позволяющих обеспечить надлежащее качество прогнозов.

Получаемые показатели не увязаны в единую расчетную схему и являются недостаточно согласованными. Следует принимать во внимание тот факт, что прогнозная деятельность экономических департаментов администраций субъектов Федерации в большей степени нацелена на сопровождение бюджетного процесса и текущей деятельности администрации внутри региона и в меньшей - на обоснование стратегий и программ, тем более федерального уровня.

Для повышения качества работ по выработке стратегии регионального развития необходимо создавать методический аппарат и инструментарий, позволяющий получать согласованные прогнозы

социально-экономического развития на уровне РФ, уровне федеральных округов и уровне отдельных субъектов РФ.

В разработке такого инструментария должны принимать участие федеральные и региональные органы власти, так как его наличие позволит решать широкий спектр задач по прогнозированию как на региональном уровне, так и в рамках разработки федеральной стратегии развития регионов.

В последние годы на уровне регионов (республик, краев, областей) проводилась и проводится работа по составлению краткосрочных и среднесрочных прогнозов экономического и социального развития [2, с. 45-47].

Методологическими предпосылками такого прогнозирования являются следующие положения:

1) регион представляет собой целостную подсистему общей системы общественного производства;

2) ухудшение показателей экономической деятельности региона способно вызвать негативные изменения в функционировании всей системы общественного производства или социально-экономической системы общества;

3) необходимый уровень результатов функционирования региональной экономической системы к заданному моменту времени не может быть обеспечен при сложившихся инерционных тенденциях регионального развития;

4) преобразование режима функционирования региональной экономической системы в рамках существующей системы территориального управления и при данных ресурсах в заданный срок невозможно.

Процесс разработки прогноза включает в себя три блока: аналитический, концептуальный и прогнозный.

В рамках аналитического блока необходимо исследовать внутреннюю связанность данной территории, определить существенные структурные связи, экономическое ядро региональной системы и производства, определяющие эффективность функционирования системы в целом. Это дает возможность определить те звенья регионального хозяйства, которые выполняют основную функцию региона в системе общественного разделения труда.

Основным содержанием исследований в рамках концептуального блока является выработка концепции развития региональной экономической системы с учетом стоящих перед регионом экономических и социальных целей. При разработке концепции регионального развития можно выделить два основных этапа:

1) формирование целей и их конкретизация в виде определенных задач, направленных на решение соответствующих проблем;

2) определение приоритетов целей и задач экономического и социального развития и разработка на этой основе стратегии регионального развития.

Специфика целей, конкретных проблем и факторов развития в каждом данном регионе не позволяет унифицировать решение этой проблемы.

Основной задачей в рамках прогнозного блока является определение количественных параметров и показателей развития региональной экономической системы в перспективе. При этом используются три типа прогнозов: общеэкономические прогнозы развития региональной экономической системы в целом; прогнозы развития отдельных отраслей и производств регионального хозяйства; прогнозы развития отдельных административно-территориальных единиц региона (городов, районов и т.д.).

Основным методом разработки указанных прогнозов является составление сценария перспективного развития. В этих сценариях описываются вероятные ситуации будущего развития региональной экономической системы и ее структур, ее взаимосвязь с другими системами, определяются оптимальные показатели развития региональной экономики при различных сочетаниях факторов и условий регионального развития.

Можно выделить три группы сценариев общеэкономического развития региона:

1) сценарии, определяемые условиями развития экономики страны, оказывающими воздействие на параметры роста производства в региональной системе;

2) сценарии, определяемые внутрирегиональными факторами развития производства;

3) сценарии общеэкономического развития региона, сочетающие условия, складывающиеся при сохранении отраслевого подхода к прогнозированию развития экономики отдельных регионов.

При построении сценариев развития отдельных отраслей и производств необходимо руководствоваться тем, что сочетание факторов и условий развития для разных групп отраслей различно. Всю совокупность отраслей материального производства необходимо разделить на однородные группы с точки зрения сочетания факторов и условий перспективного развития:

1) отрасли народнохозяйственной специализации;

2) отрасли регионального значения.

Для обеих групп отраслей необходимо разработать два варианта сценария или прогноза развития: поисковый и нормативный.

В соответствии с первым прогнозом развития обеих групп отраслей будет определяться

сложившимися тенденциями базового периода. В соответствии же со вторым нормативным вариантом прогноза развитие первой группы отраслей будет определяться общеэкономическими потребностями и ресурсами, а развитие второй группы отраслей будет определяться региональными потребностями в соответствующей продукции, а также финансовыми и ресурсными возможностями региона. В условиях экономического кризиса в регионах РФ все более нарушалось нормальное осуществление воспроизводственного процесса, которое проявлялось в следующем:

1) происходила значительная локализация региональных хозяйств, которая охватывала не только товарные, но и ресурсные рынки субъектов Федерации;

2) нарастала дифференциация темпов промышленного и социального развития входящих в РФ регионов.

Основные экономические причины этих явлений обусловлены проводимой государством макроэкономической политикой, особенно в области внешнеэкономической деятельности, а также неравенством исходных предпосылок экономического развития вследствие сложившейся в течение прошлых десятилетий относительно строгой региональной специализации, а также локализации в условиях кризиса факторов производства.

Прогнозные оценки развития отдельных регионов связаны с выявлением в них региональных мультипликаторов экономического роста и возможностей их эффективного использования на практике. Для преимущественно сырьевых или аграрных регионов мультипликатор роста заключается в опережающем развитии перерабатывающих, дополняющих и обслуживающих производств, а также инфраструктурных отраслях.

В регионах с преобладанием предприятий ВПК импульс росту призвана дать конверсия, в процессе которой будут устанавливаться технологические связи между военным и гражданским секторами промышленности, обеспечивающие прогрессивные структурные преобразования в масштабе региона [2, с. 123-124].

В регионах с относительной сбалансированностью отраслей специализации, дополняющих и обслуживающих производств мультипликатором роста должно стать техническое перевооружение машиностроения и приоритетное развитие высокотехнологичных производств.

В любом случае развитие регионов связано с определенными структурными преобразованиями и сдвигами в их экономике.

Таким образом, на уровне региона можно рассматривать следующие критерии и соответствующие им показатели социально-экономического развития:

- ВВП или ВВП (абсолютная величина и на душу населения) и темпы роста этих показателей;
- средний уровень доходов населения и степень их дифференциации;
- продолжительность жизни, уровень физического и психического здоровья людей;
- уровень образования;
- уровень потребления материальных благ и услуг (продуктов питания, жилья, телефонных услуг), обеспеченность домашних хозяйств товарами длительного пользования;
- уровень здравоохранения (обеспеченность поликлиниками, аптеками, больницами, диагностическими центрами и услугами скорой помощи, качество предоставляемых медицинских услуг);
- состояние окружающей среды;
- равенство возможностей людей, развитие малого бизнеса;
- обогащение культурной жизни людей.

Таким образом, в условиях быстрой смены основных производств главным фактором устойчивого экономического развития становится степень развитости всей городской инфраструктуры. Это дает основание по-новому взглянуть на роль так называемых вспомогательных производств, оценить их как первичный фактор экономического развития и залог его процветания в будущем.

Список литературы

1. Гранберг Л.Г. Основы региональной экономики. – М.: ЭКСМО, 2007. – С. 56-58.
2. Орешин В.П. Управление региональной экономикой. – М.: ТЕИС, 2005.

Раздел 4. Организация музейной работы в малых и средних городах России

ПРЕДМЕТЫ ЭТНОГРАФИИ В ФОНДАХ «КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ Г. МЕНДЕЛЕЕВСК»

О.И. Боднарь

ГБУК «Краеведческий музей г. Менделеевск»

Аннотация: В данной статье рассматривается этнографический потенциал фондов Краеведческого музея г. Менделеевска. Анализируются проблемы идентификации принадлежности к тому или иному этносу Менделеевского края. Решение проблем в музейной деятельности.

Ключевые слова: Менделеевский район, этнография, музейная деятельность.

OBJECTS OF ETHNOGRAPHY IN THE FUNDS "LOCAL LORE OF MENDELEEVSK CITY MUSEUM"

O.I. Bodnar

Abstract: This article discusses the ethnographic potential of funds of local Lore Museum of the city of Mendeleevsk. Analyzes the problems of identification of belonging to a particular ethnic group Mendeleev edge. Solving problems in Museum activities.

Keywords: Mendeleevsk district, Ethnography, Museum activities.

У Менделеевского района богатая история и культурные традиции. На территории района проживают коренные народы: русские, татары, кряшены, марийцы, удмурты.

Исторически сложились места компактного проживания этих групп населения, повседневный быт и праздничная культура, хозяйственный уклад жизни. Материальное и нематериальное этнокультурное наследие представлено в настоящее время в собрании и экспозиции «Краеведческого музея г. Менделеевск».

Основой доклада являются наработки Штрикер Д. и Сивелькиной Г., представленные в журнале «Менделеевский музейный вестник», но в связи с тем что работа ими была проведена более 10 лет назад, а фонды Краеведческого музея пополняются, нам кажется, данная тема должна быть пересмотрена и дополнена.

При исследовании фондов музея много вопросов возникает о влиянии национальных культур этносов, проживающих в одном географическом ареале, друг на друга, определение уникальности каждой из культур и границы их взаимодействия.

В ходе исследования пришлось столкнуться со следующими проблемами:

Во-первых, к сожалению, исследуемые материальные источники музейных фондов не всегда имеют национальной идентификации или явных этнических признаков. Также затрудняют работу и временные рамки создания предмета. Так, например, чем ближе к нашему времени материальный источник, тем сложнее его отнести к тому или иному народу из-за его фабричности.

Во-вторых, ничего не дал по этнической среде бытования признак «Материал», так как народы проживают в одной экосистеме, и нет возможности определить отличия.

В результате исследования к русскому этносу были отнесены следующие предметы: бочонок для кваса, лапти (берестянки), кружева для подзора кровати, полотенце, вышитое гладью, колокольчики, приспособление для шитья ручного.

Идентифицировать предметы татарского этноса было намного легче, чем предметы финно-угорцев района, т.к. это единственный мусульманский народ на берегах Камы. Отсюда и специфическая материальная среда, созданная на основе религиозного мировоззрения. Растительно-геометрический, реже звериный орнамент на предметах трудно спутать с творчеством других народов.

К татарам отнесены такие предметы, как: кумганы, тюбетейки, калфак, платье, нагрудник, самогканое национальное полотенце, тюрлема, весы – безмен, часы с арабскими цифрами. Привлекла внимание рубаха, выполненная татаркой и вышитая крестом, что характерно для русских мастериц.

Кряшены – этнос, который объединил в себе русско-православную и татарско-мусульманскую культуры и на сохранение в фондах музея находится «Ука» (серебряная нить) для изготовления головного убора «сюрака», прялка, пила для ручной распиловки.

К удмуртам, которые пережили влияние язычества и православия, причислены следующие предметы: лобная повязка для невесты, полотенце с шерстяной нитью и бахромой, накладка на печь с ромбовым узором, полотенца.

К марийцам относятся: гайтан, шмаки, кадушка долблёная, полотенце с клеточным оформлением, платье, фартук, камзул, праздничный головной убор.

Так как все музейные этнографические предметы быта, представленные в музее, переключаются

между собой и лишь единицы имеют свои ни с чем несравнимые орнаменты, ГБУК «Краеведческий музей г. Менделеевск» в этом году открыл выставку «Домик в деревне», демонстрирующую собирательный образ деревни нашего края конца 19 начала 20 века.

В нее вошли такие предметы, как: лапти, тарантас, коромысло, рубель, скалка для глажки, прялка, люлька, самовар, корзинки, крынка и т.д. То есть, всё то, что можно было встретить в любой деревенской избе.

Постепенно мы возвращаемся к своим корням, применяя те или иные орнаменты наших предков, применяя в одежде и быту. Но, к сожалению, их делают не вручную, на фабрике.

Данный зал, как белый лист бумаги, хорошо подходит для проведения мастер классов по изучению этнографии района. Этим мы и будем в дальнейшем заниматься.

Список литературы

1. Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены: Историко-этнографическое исследование материальной культуры. Середина XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1977.
2. Сивелькина Г., Штрикер Д. Национальная идентификация материальных источников этнографической части фонда Краеведческого музея // Менделеевский музейный вестник. – 2004.
3. Татары. – М.:Наука, 2001. – 583 с.
4. Фонды ГБУК «Краеведческий музей г. Менделеевск».

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА МУЗЕЙНОЙ РЕКЛАМЫ

Л.Б. Габдуллина

Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Т.Б. Курбацкая

Университет управления ТИСБИ, г. Набережные Челны

С.Г. Добротворская

КФУ, г. Казань

С.В. Романов

Университет управления ТИСБИ, г. Набережные Челны

Аннотация: Статья посвящена особенностям современного маркетинга музейной сферы, рекламы музея, а также их психологической оценке.

Ключевые слова: маркетинг сферы музея, психологическая оценка рекламы музея.

PSYCHOLOGICAL EVALUATION OF MUSEUM ADVERTISING

L. Gabdullina

T. Kurbatskaya

S. Dobrotvorskaya

S. Romanov

Annotation: The article is devoted to the peculiarities of modern museum marketing, particularity of museum advertising, as well as their psychological evaluation.

Keywords: museum sphere marketing, psychological evaluation of museum advertising.

Маркетинг музейной сферы - новая сфера и система мер, направленных на получение максимальной выгоды (прибыли) от выставочной деятельности. В Уставе ИКОМ музей рассматривается как некоммерческое учреждение, однако «некоммерческий» характер деятельности музеев не означает запрет на получение прибыли, а лишь накладывает определенные ограничения на ее использование: заработанные средства должны быть направлены музеем на свое развитие. Статус же некоммерческой организации обеспечивает ему в ряде случаев налоговые льготы [1, с.15]. Доступ к произведениям искусства (музейному собранию), условия для самообразования и общения, творчества и проведения досуга, предоставление информации, помощь в образовательной и просветительной деятельности, реклама и формирование имиджа - далеко не полный перечень услуг, которые может предложить музей, значительная часть которых может быть востребована и оплачена не только музейными посетителями, но и другими потребителями – научными организациями, учебными заведениями, коммерческими компаниями, органами местного самоуправления, благотворительными фондами, средствами массовой информации и др.

Современный музейный маркетинг - действенный инструмент, который позволяет не только

определять, прогнозировать и удовлетворять нужды потребителей музейных услуг, а в ряде случаев эффективно влиять на формирование этих нужд. Профессиональный музейный маркетинг - ценный инструмент в процессе выявления, удовлетворения и воздействия на потребности финансирующих музей организаций и потенциальных спонсоров, а также посетителей [2, с.34]. В качестве примера можно привести маркетинг услуг крупнейшего музея в Латинской Америке - Бразильского Музея современного искусства в Сан-Паулу (MASP), который активно использует с целью своего развития адвертайзинг и различные рекламные концепции (рис.1). В хранилище музея находится одна из крупнейших в мире коллекций мирового искусства — около 7500 работ известных авторов, среди которых Bosch, Botticelli, Cezanne, Goya, Manet, Picasso, Portinari.

Реклама музея современного искусства в Сан-Паулу (MASP) (Бразилия)

Слоган: «Музей Сан-Паулу нуждается в твоих глазах».

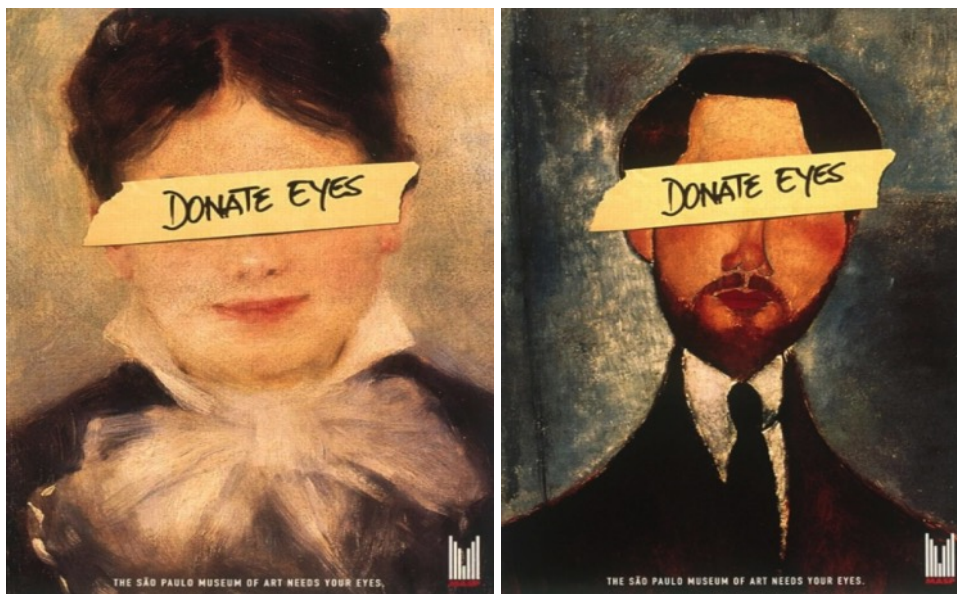

Рис.1. Концепция рекламы музея современного искусства (MASP)

В настоящее время многие музеи имеют отдел маркетинга, в задачи которого входит содействие увеличению посещаемости музея, расширению музейной аудитории и распространению информации о музее среди тех, кто не входит в число его посетителей (рис.2).

Рекламная кампания музея Современного Искусства в Сан-Паулу (MASP) «Говорящие портреты», разработанная агентством DDB Brasil.

MASP — крупнейший музей в Латинской Америке. В хранилище музея находится одна из крупнейших в мире коллекций мирового искусства — около 7500 работ известных авторов, среди которых Bosch, Botticelli, Cezanne, Goya, Manet, Picasso, Portinari. В рекламных принтах использованы фрагменты известных портретов от классиков живописи, таких как Гойя, Мане, Сезан, Пикассо и т.д. Надписи на портретах позволяют узнать историю создания и жизни произведения искусства.

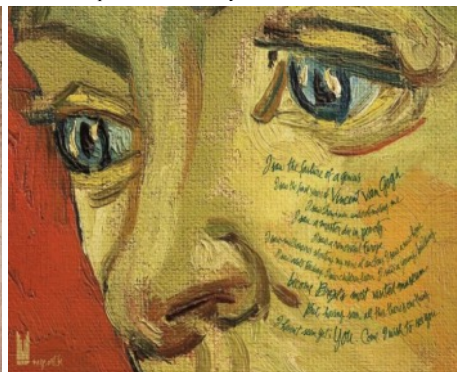

Рис. 2. Концепция музея современного искусства (MASP) "Говорящие портреты".

Тексты, помещенные на данных постерах, обращены к потенциальным посетителям (рис.3).

...Я видел фотографа прежде, чем фотография была изобретена.
 Я видел Рембранта.
 Я видел, как мазки его кисти создавали меня.
 Я видел начало новой эры.
 Я видел Барокко, я видел Импрессионизм, я видел Реализм.
 Я видел Европу.
 Я видел мир.
 Я видел Бразилию.
 Я видел расцвет музея.
 Я видел, как мечта человека сделать обычный музей самым большим музеем
 в Латинской Америке стала сбываться.
 Но, видя все это, я понимаю, что есть одна вещь, которую я еще не видел: Вы.
 Приезжайте.
 Я хотел бы видеть Вас.

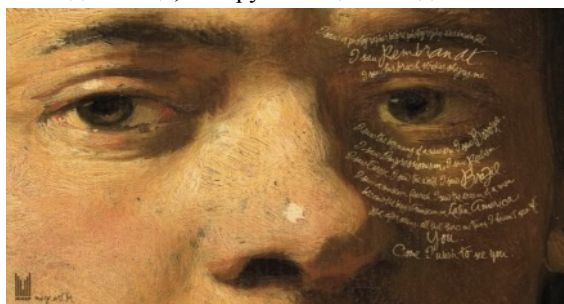

Рис.3. Текст, обращенный к потенциальным посетителям музея.

В базовой схеме классификации спроса указано, что потребители обычно делятся на четыре основные группы: 1) тех, кто не знает о предлагаемых товарах и услугах, и поэтому их не потребляет; 2) тех, кто знает, но не потребляет; 3) тех, кто знает и потребляет; 4) тех, кто знает, но потребляет конкурентные товары и услуги. Согласно исследованиям экспертов, в России велика доля тех, кто не знает о предлагаемом музейном продукте и по этой причине не становится его потребителем. Исходя из этого, в музейном маркетинге особая роль должна быть отведена специфическим, маркетинговым стратегиям, которые направлены на информирование потенциальной аудитории и рекламу музейного предложения. По отношению к «тем, кто знает, но не потребляет» более целесообразно применение стимулирующей маркетинговой стратегии, ориентированной на то, чтобы изменить стереотипное представление о музейном предложении как скучном и устаревшем. Расширить спрос в сфере музейных услуг за счет «тех, кто потребляет конкурентные товары и услуги», позволяют корпоративные маркетинговые стратегии, которые направлены на формирование совместных проектов, программ и продукта с теми организациями, которые предлагают конкурирующие товары и услуги в сфере досуга [3, с.55]. Практика показывает, что конкуренция в этой сфере часто искусственна. В действительности же существуют большие возможности для объединения усилий и развития сотрудничества. Таким образом, в настоящее время эффективная маркетинговая стратегия состоит в формировании корпоративного предложения: паритетное межмузейное сотрудничество, совместные программы с другими организациями и учреждениями культуры, партнерские проекты. При этом основу предлагаемого продукта составляют взаимодополняющие товары и услуги, которые провоцируют их комплексное потребление в определенных пропорциях. Такой продукт может создаваться совместными усилиями музея и туристических организаций, музея и образовательных учреждений, музея и индустрии развлечений и т.д. В последнее время музеями наиболее активно продвигаются следующие услуги:

1) работы музеев в ночное время (рис.4)

Рис.4. Реклама ночных музеев

2) экскурсоводов (рис.5)

Реклама данных услуг появилась недавно и отличается пока небольшим разнообразием применяемых приемов. Чаще всего в композиции рекламы основной акцент делается на прием агглютинации (склеивания) различных деталей в единое целое: например, рук посетителей и лиц экскурсоводов, или видоизменения композиции картины с включением новых персонажей. Таковы, например, рекламные концепции музея современного искусства Сан-Паулу (Бразилия), представленные на рис.5.

Реклама Masp Museum, предназначенная для распространения услуг экскурсоводов. Принты разработаны агентством DM9 DDB.

Рис. 5. Реклама услуг экскурсоводов

3) меценатства, спонсорской помощи (рис.6)

Реклама музея Прадо (Prado Museum)

Товар/Услуга: Foundation Prado Museum Fellowship

Агентство: J. Walter Thomson Madrid

Страна: Испания

Категории: Музеи и библиотеки

Опубликовано: Август 2003

Рис.6.Рекламный постер, смысл которого направлен на привлечение спонсорской помощи музею Прадо.

4) важным элементом сервисной инфраструктуры музея являются кафе, кафетерии, бары, рестораны. Их организация приносит деньги лишь незначительному числу музеев, но они необходимы, чтобы сделать посещение музея более приятным. Кроме того, существует немало примеров того, как открытие при музее кафе или бара привлекало дополнительное число посетителей (рис.7).

Совместная реклама Musée d'Art Contemporain du Val-de-Marne (Франция) и кафе при музее

Компания: Musée d'Art Contemporain du Val-de-Marne
 Бренд: Musée d'Art Contemporain du Val-de-Marne
 Название: Leftover / Brown, Leftover / Pink, Leftover / Red
 Агентство: CLM BBDO
 Страна: Франция

Рис.7. Совместная реклама музея и кафе при данном музее.

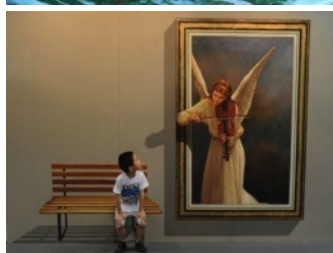
Данные принты, предназначенные для привлечения посетителей музея в кафе при этом музее, выполнены в стиле поп-арт. Люди, разбирающиеся в искусстве увидят на принтах не просто остатки десерта, размазанные по тарелке, а художественное полотно. Конечно, данная реклама сложна для людей, не интересующихся искусством и понять ее смогут не все. Но французские креаторы с помощью данной рекламной кампании решили две задачи - провели рекламу и музея, и кафе при музее. Это было сложно но французское агентство справилось с поставленной задачей изящно и блестяще. Работы намекают на особенную атмосферу, в которой творчество может проснуться в каждом. С другой стороны, чувствуется легкая ирония над современным искусством. Данный качественный креатив честно заслужил все полученные им награды. Необходимо отметить и другие инновации в рекламном менеджменте:

1. 3D формат (включенность посетителей в действие)

Реклама выставка 3D-живописи (интерактивного изобразительного искусства) в Международном выставочном центре в городе Ханчжоу (Китай).

Объемные картины-иллюзии можно трогать руками, ложиться на них всем телом или даже засовывать голову внутрь изображения, и, конечно, фотографироваться.

2. Использование комиксов

MASP Comics:
«Van Gogh», «Modigliani», «Renoir»
 Печатная реклама.
 Агентство «DDB Sao-Paulo»

Бренд: [Masp - Museum Of Art Of Sao Paulo](#)

Товар/Услуга: [MASP Comics](#)

Агентство: [DDB Sao Paulo](#)

Страна: [Бразилия](#)

Категории: [Музеи и Библиотеки](#)

Опубликовано: Май 2013

Награды: [•FIAP 2014 Gráfica Campañas Bien Público Sol de Plata](#)
[•El Sol. 2014 Diarios y Revistas Gran Premio](#)
[•El Sol. 2014 Diarios y Revistas SERVICIOS PÚBLICOS CON ÁNIMO DE LUCRO. OCIO. VIAJES. VARIOS Sol de Oro](#)
[•Wave Festival. 2014 Press](#)

3. Приглашение на день рождения музея.

Музей современного искусства в Сан-Паулу (MASP) (Бразилия)

Слоган: «64 года. Сделайте подарок себе и нам: приходите»

Реклама подготовлена агентством «DDB». В качестве актантов (действующих лиц) использованы реальные персонажи с полотен известных художников, которые должны задуть свечу праздничного торта (музей отмечает день рождения, а значит, без подарков, сладостей и свечек не обойтись) и загадать желание.

Реклама музея Metropolitan Museum of Art

К 145-летию юбилею команда Музея Метрополитан разместила во всех социальных сетях призыв к поклонникам музея поделиться своими яркими воспоминаниями или отзывами о музее. Вместить восторженные слова придется в 200 символов, но зато каждый отзыв появится в общей ленте и будет сохранен для будущих поколений. Одновременно с этим можно сделать музею настоящий подарок — пожертвовать любую сумму, которая благодаря спонсорам будет сразу же удвоена.

Краеугольным камнем любого маркетинга является анализ реальной и потенциальной аудитории музея, умение стать на позицию посетителя и его глазами взглянуть на музей. Правильно определить целевые аудитории (сегменты рынка) помогает ПЭСТ анализ [4, с.22] и психологическая экспертиза рекламных материалов, предложенная Курбацкой Т.Б., в процессе которой выясняются многие параметры воздействия на психику реципиента [5], [6, с.27], [7, с.486].

Список литературы

1. Вережкин А.В. Музей в туристическом бизнесе // Справочник руководителя Учреждения Культуры. - 2004. - №4. - С.37-43.
2. Галла А. Городская музеология: идеология примирения // Museum.-1996. - №1. - С.40-45.
3. Гнедовский М. Музейный маркетинг // Мир музея. - 1995. - №4. -С.18-20.
4. Голубков Е.П. Маркетинговые исследования: теория, методология, практика. - М.: Издательство «Финпресс», 1998. - 416с.
5. Курбацкая Т.Б. Адвертайзинг: психологическая экспертиза. Научная электронная библиотека Elibrary.ru, 2015.
6. Курбацкая Т.Б. Психологическая экспертиза современной рекламы образовательных услуг//Казанская наука, № 3, 2015, с.23-27.
7. Курбацкая Т.Б. Специфика психологической экспертизы современной рекламы образовательных услуг//Сборник статей международной научно-практической конференции "Визуальная коммуникация в социокультурной динамике". Казань, 2015, с.478-487.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИСТИКА ТАТАРСТАНА: ОБ ОПЫТЕ СОЗДАНИЯ ЭНЦИКЛОПЕДИИ ГОРОДА БОЛГАР И СПАССКОГО РАЙОНА

Г.Р. Давлетьянова, Р.А. Айнутдинов

ИТЭР АН РТ, г. Казань

Аннотация: В статье проанализированы материалы вышедшей в 2014 г. энциклопедии г. Болгар и Спасского района Татарстана. В ней выделены особенности концепции, методики работы и оформления издания.

Ключевые слова: региональная энциклопедия, г. Болгар, Спасский район Татарстана.

TATARSTAN REGIONAL ENCYCLOPEDIA: ON THE EXPERIENCE OF THE ENCYCLOPEDIA OF BOLGAR CITY AND SPASSKY DISTRICT

G.R. Davletyanova, R.A. Ainutdinov

Abstract: This paper analyzes the materials, published in 2014. Encyclopedia of Bulgaria and the Spassky region of Tatarstan. It highlighted in particular concepts, methods of work and design publications.

Keywords: Regional encyclopedia, Bolgar city, Spassky district of Tatarstan.

Татарстан не обошел стороной бум регионалистики, который начался в конце XX в., когда ослабли искусственные пути политического характера советского этапа в истории страны. К началу XXI в. не только в Казани, но и в ряде районов Татарстана сложились условия и возможности для обобщения краеведческих и научных материалов в виде комплексных регионоведческих трудов, в т.ч. в таких достаточно сложных формах, как энциклопедии. Прошедшие процедуры сбора, систематизации и оформления по единой методике и одобренные признанными экспертами материалы обладают качествами кодифицированного знания. Такие издания служат опорными конструкциями для построения последующих исследовательских проектов, популярно-просветительских программ, учебной литературы и т.д.

Ряд провинциальных энциклопедий и справочных изданий республики были созданы, в основном, местными силами (Актанышский, Буинский, Высокогорский, Заинский, Лаишевский и др. районы), в создании Альметьевской энциклопедии приняли активное участие казанские исследователи. Пример энциклопедии Болгара и Спасского района [4] является в этом ряду исключительным, т.к. при ее создании был использован не только самый широкий круг источников, материалов и авторов, но и привлечено к работе в качестве одного из основных участников базовое для данного типа изданий учреждение – Институт Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Татарстана. Соответственно и энциклопедия была составлена по канонам жанра, который складывался в России со времен Большой Советской энциклопедии. Важным вкладом в работу явились итоги деятельности по сбору информации Болгарских историко-архитектурного музея-заповедника и исторического музея.

При обращении к истории вопроса нужно упомянуть о большом внимании Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры, учрежденного в феврале 2010 г. для содействия сохранению и развитию исторического, культурного, духовного наследия и традиций многонационального народа, проживающего на территории РТ, которое было обращено на такой центр мусульманской культуры, как древний Болгар. В 2011 г. были созданы Фонд поддержки «Энциклопедия г. Болгар и Спасского района» (директор Ф.Г. Галимов), редакционный совет (председатель – К.А. Нугаев, зам. председателя – Е.А. Афоньшина, Ф.Г. Галимов; члены – В.И. Владимиров, В.А. Корнилов, М.А. Тюленев, С.И. Тюнев, А.С. Яруллина), научно-редакционная коллегия (Н.В. Марянин, Д.Г. Мухаметшин, Г.С. Сабирзянов). Со стороны Института Татарской энциклопедии в подготовке издания приняли участие главный редактор Г.С. Сабирзянов, редактор-методист Т.П. Жучкова, дизайнеры Ф.А. Ибрагимова, Г.Р. Давлетьянова, картограф Г.Н. Булатова.

В энциклопедию включено 1850 персоналий, 460 терминов, а также приложения: списки награжденных боевыми и трудовыми наградами, репрессированных в 1930-е гг., участников боевых действий в Афганистане и других регионах, женщин, имеющих медаль материнства. В книге – более 2300 статей.

По мысли составителей энциклопедии, главной ее особенностью является то, что она «посвящена более чем тысячелетней истории одного из самых уникальных уголков Татарстана, региона, который в VII–VIII веках н.э. стал превращаться в центр формирования болгарской народности и первого средневекового государства в Среднем Поволжье» [4, с. 3]. В 922 здесь ислам был провозглашен официальной религией, в XIII в. г. Болгар стал одним из крупных центров Золотой орды, после завоевания Казанского ханства территория района стала частью весьма крупного и значимого в истории Казанского края Спасского уезда, известного всей России благодаря политическим событиям в период Безденных волнений, революции 1905-1907 гг., образования т.н. «Спасской республики» во время событий 1917 г. и др. «С начала 2000-х годов при активном участии руководства Республики город переживает новый этап в своей истории – время крупномасштабных ремонтно-восстановительных работ на сохранившихся памятниках истории, строительства новых музейных комплексов, объектов инфраструктуры на территории Болгарского городища» [4, с. 3].

Если говорить о сложностях, наложивших свою деструктивную печать на историю района и города, то следует упомянуть то, что их территория при строительстве Камско-Устьинской ГЭС подверглась затоплению водами Куйбышевского водохранилища: пострадала 1/5 часть района, были вынуждены переселиться жители 3/4 населенных пунктов. К тому же не обошла стороной Спасский район и такая общая тенденция советского периода, как укрупнение-разукрупнение административно-территориальных единиц и хозяйств. Для Спасского района эти преобразования выразились в том, что в 1935 г. часть его территории вошла во вновь образованный Кузнечихинский район (возвращена в 1960 г.); в 1963 г. был присоединен Алькеевский район. Менялось и название района: в 1935–1991 гг. – Куйбышевский район, соответственно название районного центра – г. Куйбышев.

В значительной степени краеведческой направленности издания способствует весьма широкий спектр персоналий из всех значимых социальных и профессиональных страт местных жителей и выходцев из района, особенно это касается современного нам периода, что привлекает внимание к книге самих земляков региона. В «Энциклопедии г. Болгар и Спасского района» к публикации были допущены даже статьи с минимальными данными о людях, имена которых значимы для их односельчан, друзей, знакомых, соседей, для близкого круга. Многие герои материалов – рабочие, колхозники и т.д., труд которых и создавал и приумножал материальные и духовные богатства края. В поле зрения составителей попало практически большинство тех, кто представляет собой гордость района. Прежде всего, это

участники Великой Отечественной войны, ветераны труда, труженики, добившиеся высоких показателей в своей области, представители династий педагогов, врачей, участники комсомольскихстроек, освоения целинных земель, обладатели медалей, орденов, почетных званий и т.д. Так, в энциклопедию вошли не только исторические персонажи из купеческого сословия, но и современные предприниматели, которые помимо вклада в экономику, являются и благотворителями (О.А. Абрамова, Р.Г. Гафиятуллина, Г.А. Гришин, Н.Л. Гришкова, В.С. Захаров, В.П. Монахов, А.Р. Мухутдинов, Р.К. Хаметшин, А.А. Шахназарян, А.Н. Якимов и др.). Практически все эти статьи проиллюстрированы портретами; часто страницы издания напоминают трогательные семейные фотоальбомы с указанием в статьях о родственниках и брачных связях персоналий.

Важной чертой социальной структуры дореволюционного Спасского уезда было наличие крупных помещичьих земельладений, в т.ч. весьма влиятельных дворянских фамилий (Болховские, Блудовы, Завалишины, Колбецкие, Комаровские, Лихачевы, Мусиных-Пушкины, Родионовы, Трубецкие). «Среди этих помещиков было немало крупных военных деятелей, государственных чиновников и деятелей культуры, имена которых занимают достойное место в истории России (Акчурины, Баратаевы, Ивашевы, Молоствовы и др.)» [4, с. 5]. Большая часть спасского дворянства проводила летнее время в своих усадьбах, а зимой уезжала не в Петербург и Москву (в отличие от многих дворян других губерний), а в Казань и играло весьма заметную роль в политической и культурной жизни города и края. Решение о включении в словник дворянских родов стало предметом дискуссий и явно нелегко далось старожилам района, страницы истории которого изобилуют фактами крестьянских выступлений и разрушения дворянских усадеб; из многочисленных барских домов остались таковые лишь в сс. Антоновка, Куралово, Красная слобода.

К числу важных черт отбора персоналий для энциклопедии можно причислить наличие большого количества внесших вклад в научное изучение памятников древностей археологов и историков, которые представляют цвет казанской науки и не только. За два столетия накопился огромный пласт исследований по научной болгаристике: «В 19 в. описания памятников Болгарского городища публиковались в трудах Ф.И. Эрдмана, П.П. Свинына, Н.Н. Кафтаникова, Н.И. Второва, И.Н. Березина, К.И. Невоструева, А.Ф. Риттиха, С.М. Шпилевского и др. Изображения Б.г. известны по гравюрам Андре Дюранда, зарисовкам Н.Г. и Г.Г. Чернецовых, обмерам арх. А.К. Шмидта и др. Эпизодические раскопки Б.г. ведутся с 1864 г. В.Г. Тизенгаузен, В.Г. Казаринов, А.А. Штукенберг, П.А. Пономарев, С.И. Покровский, Б.Е. Крелленберг, П.И. Кротов, М.М. Хомяков, В.Ф. Смолин, М.Г. Худяков, А.С. Башкиров, А.Ф. Адлер и др. провели исследования отдельных памятников архитектуры, древних кладбищ и т. п.» [4, с. 72]. К современным ученым, занимавшимся систематическими исследованиями, относятся А.П. Смирнов, Н.Ф. Калинин, А.Х. Халиков, А.М. Ефимова, О.С. Хованская, Б.Б. Жиромский, Т.А. Хлебникова, М.Д. Полуобояринова, Ю.А. Краснов, М.Г. Крамаровский, Г.Ф. Полякова, Н.Д. Аксенова, П.Н. Старостин, Е.П. Казаков, Р.Ф. Шарифуллин, М.М. Кавеев, А.М. Губайдуллин, В.Ю. Коваль, Р.Р. Валиев и др.

Коллектив редакции творчески подошел к концепции издания: он совместил жанры энциклопедий научного типа и краеведческой литературы. Это выразилось и в особом стиле иллюстрирования, сочетавшем официальные фотопортреты и лирические пейзажи, исторические кадры с современной художественной и репортажной фотографией, стройную и традиционную для справочного издания верстку со стилизованными декоративными элементами. Удачей дизайнера издания стало гармоничное сочетание и взаимодополнение сухой и лапидарной информативности текста, разнообразия визуальной насыщенности с сочетанием черно-белых и цветных фото и броской красочности полноформатных фотоставок.

Составители опирались на такие солидные и апробированные в науке работы, как сводные труды по археологическим объектам региона [1], памятникам истории и культуры [3], по генеалогии дворянства Казанского края [2] и др. Пристатейная библиография по своей полноте соответствует лучшим образцам современной энциклопедистики и позволяет создать основу для подготовки глубоких регионоведческих исследований. К недостаткам подхода редакции, на наш взгляд, стоит отнести почти полную анонимность статей издания. Указание авторства тоже необходимая информационная часть энциклопедической статьи, пусть даже это простая компиляция чужих материалов. Это не касается материалов о персоналиях, воспроизводящих лишь анкетные данные. Было бы интересно узнать, кто готовил к печати, например, такие обзорные статьи как: «Дворянское уездное собрание», «Клады», «Куйбышевская организация КПСС», «Наш край на картах прошлых лет», «Полянская дворянская усадьба», «Путеводители по Спасскому району» и др. Это касается и материалов, ставших украшением издания, по истории сел района. Отнюдь не помешало бы читателю упоминание авторства в интересных статьях по исчезнувшему населенному пунктам (автор – Р.Насыров). Последние сделали Спасскую энциклопедию по-своему уникальным региональным справочником. Составители пренебрегли также указанием в библиографической части авторства статей из Татарской, Ульяновской-Симбирской, Чувашской энциклопедий, Свода памятников Татарстана, которые были практически в изначальном виде воспроизведены в труде, в то время как именно эти работы составляют наиболее профессиональную часть издания. Неуважение к труду коллег не украшает. Не упомянуты в библиографии и авторы большинства публикаций из районных газет «Новая жизнь» и «Колхозный путь».

Особо хочется остановиться на представленной в книге картографии г. Болгар и Спасского района. В энциклопедии приведены фрагменты карт территории с древних времен до наших дней во всем многообразии их видов. Проиллюстрированы картами и статьи о соседних районах. Карты в рецензируемой работе полностью соответствуют географической основе и географическим наименованиям аналогичных карт в последнем издании Управления геодезии и картографии. В них правильно применены принятые в картографии условные знаки и их точное расположение, различные по начертанию и размеру шрифты для обозначения неодинаковых групп географических объектов. Расположение «легенд» обосновано, специфическая нагрузка картограмм и картосхем соответствует тексту книги. Соблюдено единство в графическом исполнении однотипных картографических иллюстраций во всем издании.

В заключение подчеркнем значимость выхода энциклопедических изданий по отдельным районам и регионам обширной и во многом еще малознакомой широкому читателю российской провинции. Однако следует учесть жанр издания, который диктовал составителям рецензируемой работы стремление создать позитивный образ региона, а не углубляться в серьезные проблемы провинциальной жизни вдали от универсиадов и особых зон развития. Мы имеем дело со сводом сведений о культурно-историческом потенциале, по крупицам собранным и сохранным, со своеобразной витриной жизни района. Это не умаляет значимости факта выпуска такого фундаментального труда. Выполнение подобного проекта на высоком полиграфическом уровне потребовало немалых организационных и материальных затрат. Полученный результат окупил все это и способен удовлетворить самого взыскательного читателя. Пример Спасской энциклопедии показывает один из путей достижения успеха, при котором удачно сошлись традиции, креативность, патриотический энтузиазм создателей и творческое сотрудничество представителей руководства региона, науки и краеведения.

Список литературы

1. Археологические памятники Татарской АССР. – Казань, 1987. – 346 с.
2. Казанское дворянство 1785-1917 гг. – Казань, 2001. – 640 с.
3. Свод памятников истории и культуры РТ. – Казань, 1999. – 460 с.
4. Энциклопедия города Болгар и Спасского района. – Болгар-Казань, 2014. – 520 с.

ПРОЕКТ «ФОРУМ – ГАЛЕРЕЯ – КЛУБ "ДОБЛЕСТЬ"»

Т.В. Дулесова

МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья», г. Сарапул

Аннотация: В данной статье рассматривается новый проект Музея Истории и Культуры Среднего Прикамья «Доблесть», ориентированный на гражданско-патриотическое воспитание, и его роль в формировании городской среды.

Ключевые слова: военно-патриотический проект, г. Сарапул, городская среда, форум, галерея, клуб, экспозиция, военные конфликты XX века.

FORUM – GALLERY – CLUB "VALOR"

T.V. Dulesova

Abstract: This article discusses a new project of the Museum of History and Culture of the Middle Kama region "Valor", focused on civil-patriotic education and its role in the urban environment.

Keywords: military-patriotic project, Sarapul, urban environment, forum, gallery, club, exhibition, military conflicts of the twentieth century.

На протяжении многих лет Музей истории и культуры Среднего Прикамья г. Сарапула успешно работает в направлении гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения и городского сообщества в целом. В 2015 году, в год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, в нашем городе ведется подготовка военно-патриотического проекта «Доблесть», итогом реализации которого будет открытие дополнительной музейной площадки в новом микрорайоне «Элеконд».

Городская среда формирует отношение человека к городу. Микрорайон «Элеконд» – один из новых развивающихся микрорайонов города, где сосредоточено большое количество учебных заведений (детских садов, школ, профессиональных учебных заведений), градообразующее промышленное предприятие города – завод «Элеконд», активно ведется новое строительство жилого фонда и новых социально-значимых объектов. Данный микрорайон территориально удален от музейного комплекса, исторической части города, что затрудняет работу по направлению духовного и гражданско-патриотического воспитания молодежи и подрастающего поколения. В связи с этим возникла необходимость в создании дополнительной городской площадки, которая будет являться местом объединения представителей всех поколений и способствовать формированию активной гражданской

позиции.

Новая музейная площадка представлена в формате Форум – Галерея – Клуб (ФГК). Каждое из данных понятий соответствует своим функциям. Форум является местом для массовых общественных мероприятий, собраний, встреч. Галерея – пространство, предназначенное для демонстрации изобразительного искусства. Клуб – это место встречи людей с едиными интересами. ФГК не является классическим музеем, так как предполагает размещение только плоскостных, копейных материалов.

Целью проекта ФГК «Доблесть» является актуализация дополнительного городского пространства как части комфортной культурной городской среды, ориентированного на гражданско-патриотическое воспитание.

Задачи проекта:

1. Создать площадку для диалога широкого круга специалистов, общественных собраний, слушаний и круглых столов военной тематики.
2. Использовать пространство для тематической, выставочной и лекционной деятельности.
3. Консолидировать усилия городского сообщества в создании среды для патриотического воспитания посредством встреч, лекций, общественных дискуссий ветеранов военных конфликтов с подрастающим поколением.

Данный проект находится в стадии подготовки. В экспозиционном зале ведутся ремонтные работы. Площадь экспозиционного зала составляет 114 квадратных метров.

Пространство ФГК разделено на две самостоятельные зоны. Первая – галерея. Вторая, собственно экспозиция. Зона галереи – это место, призванное пережить человеческий мир «вечных ценностей». Важным и значимым в пространстве галереи является мемориал «памяти» – духовная опора человечества. На нем отображены локальные конфликты XX века, участниками которых были сарапульцы. Пространство галереи выполнено с приемами современного дизайна, направленного на эстетику и функциональное «качество» экспозиции. Светлые полы подчеркивают нарочитую фактуру кирпича и создают эффект простора. Символичным является расположение светильников на потолке, имитирующих залпы «Катюш». Данное решение задает пространству динамичность. Галерея располагает также достаточной площадью открытых вертикальных поверхностей для размещения персональных или коллективных выставок фотохудожников, фотографов – любителей, детских творческих работ.

Зона экспозиции представлена последовательностью ярких и значимых символов, помогающих эмоционально рассказать о военных конфликтах XX века. Отправная и конечная точка экспозиции – стол с документами приказов. Стол – это место, где принимаются решения, разыгрываются сценарии, проходят переговоры и разрешаются конфликты.

Экспозиция включает 3 раздела:

Великая Отечественная война. Композиция «Рейхстаг».

Война в Афганистане (декабрь 1979 – февраль 1989 гг.). Центральная композиция «Мост дружбы» на фоне обстрелянной школьной стены.

Чеченский конфликт. (1994 – 2009 гг.). Композиция «Кишлак у подножья горы с фрагментом боевой башни». Данный раздел экспозиции интерактивен, по нему можно ходить, сидеть, здесь предусмотрены посадочные места для организованных групп.

Слева от композиции «Рейхстаг» расположено средство визуальной коммуникации – ЖК-панель, с помощью которой посетитель может ознакомиться с проектом, посвященным Великой Отечественной войне «70 памятных мест. Сарапул» и электронной Книгой памяти Удмуртии. Справа от композиции находится свободная плоскость, выполненная в красном цвете, где обозначены решающие бои Великой Отечественной войны.

Пространство галереи и экспозиции разделено колоннами, которые могут служить дополнительной экспозиционной площадью.

Зоны галереи и экспозиции оснащены пандусами, что позволит беспрепятственно посещать ФГК людям с ограниченными возможностями.

Таким образом, Форум – Галерея – Клуб «Доблесть» будет являться местом объединения представителей всех поколений в рамках духовного, гражданско-патриотического развития общества. Музей с помощью данного проекта сможет развивать новые виды и формы своей деятельности.

БРЕНД «ВАСЮКИ» В МУЗЕЙНОЙ РАБОТЕ ГОРОДА КОЗЬМОДЕМЬЯНСКА

Е.В. Емелин

МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс», Республика Марий Эл

Аннотация: Автор доклада раскрывает роль бренда «Васюки» в музейной работе г. Козьмодемьянска. Показывает историю возникновения идеи присвоения г. Козьмодемьянску бренда «Васюки». Раскрывает формы работы сотрудников Козьмодемьянского музея сатиры и юмора им. О. Бендера, общественности г. Козьмодемьянска по популяризации творчества И. Ильфа и Е. Петрова.

Ключевые слова: Сатира, юмор, Васюки, комбинатор, шахматы, Бендериада.

BRAND "VASYUKI" IN THE MUSEUM'S WORK OF KOZMODEMYANSK TOWN

E.V. Emelin

Abstract: The Author reveals the role of the brand "Vasyuki" in the work of the Museum in Kozmodemyansk, shows the history of the idea of assigning brand "Vasyuki" to the town Kozmodemyansk, reveals the forms of work of the employees of the Museum of satire and humor named after O. Bender on the promotion of creativity of I. Ilf and E. Petrov to the public of the town of Kozmodemyansk.

Keywords: Satire, humor, Vasyuki, schemer, chess, Benderiada.

Сатирические произведения Ильи Ильфа и Евгения Петрова неизменно пользуются успехом у читателей. 2015 год, объявленный «Годом литературы в Российской Федерации», добавляет романам ещё большую актуальность. Также в нынешнем году исполняется 90 лет со дня посещения журналистом и писателем Ильёй Ильфом на пароходе «Герцен» г. Козьмодемьянска, вместе с розыгрышем тиража выигрышного займа.

Цель доклада – обобщение опыта работы по популяризации произведений Ильфа и Петрова, а также идей сатиры и юмора Козьмодемьянским музейным комплексом.

Задачи: рассмотрение истории популяризации романов Ильфа и Петрова в г. Козьмодемьянске и перспектив развития Межрегионального фестиваля Бендериада и Музея сатиры и юмора им. О. Бендера.

Всем, кто читал сатирический роман «Двенадцать стульев» или видел одну из многочисленных экранизаций этого произведения, знаком не понаслышке уездный город на Волге Васюки, где 22 июня 1927 года знаменитый комбинатор и специалист по шахматной мысли Остап Ибрагимович Бендер провёл первый в мире Межпланетный шахматный турнир на 30-и досках. В течение многих лет после выхода романа «Двенадцать стульев» многие исследователи-литературоведы и прочие поклонники творчества Ильфа и Петрова искали ответ на важный вопрос: что же такое «Васюки» и где они находятся? На это звание претендовали Васильсурск, Юрино и Ильинка, но прототипом оказался всё-таки Козьмодемьянск. Именно отсюда до постройки Чебоксарской ГЭС можно было за одну ночь на лодке добраться до Чебоксар, что, собственно, и сделали главные персонажи романа, Остап Бендер и Ипполит Матвеевич Воробьянинов.

Известная фраза великого комбинатора «Васюкины деньги платить не будут, они их будут получать!» воплотилась в жизнь в виде Межрегионального фестиваля сатиры и юмора Бендериана, который ежегодно проходит в городе Козьмодемьянске с 1995 года. Со временем менялись как программа проведения фестиваля, так и его название – праздник через несколько лет был переименован в Бендериаду. Всевозможные конкурсы, шутки, аттракционы, выступления музыкальных коллективов и известных артистов характеризуют фестиваль сатиры и юмора. Но главное его отличие – это проведение сеансов одновременной игры с международными гроссмейстерами (в 2014 году Козьмодемьянск посетил сам Анатолий Карпов) и красочное карнавальное шествие, в котором принимают участие организации города. На Бендериаду съезжаются люди из разных уголков Российской Федерации.

В организации и проведении фестиваля уже много лет большую роль играет Козьмодемьянский музейный комплекс. В частности, музейные работники ежегодно проводят игры, викторины, участвуют в подготовке и проведении аукциона "12 стульев". А с 2009 года музейный комплекс является участником карнавального шествия.

В 1996-м году, на волне популярности фестиваля, в Козьмодемьянске открылся Музей сатиры и юмора им. Остапа Бендера. В следующем году будет юбилейная дата – 20 лет со дня его создания. За прошедшие годы музей пополнялся оригинальными экспонатами, часть из которых пришла сюда с празднования Бендериад; частично создана местными самобытными художниками. Музей сатиры и юмора находится на втором этаже старинного особняка, принадлежавшего в царское время купцу второй гильдии, городскому голове, гласному IV Государственной думы, известному меценату Павлу Фёдоровичу Бычкову; включает в себя два экспозиционных зала и два выставочных. Один из залов музея целиком посвящён местному скульптору, глиняных дел мастеру Николаю Борисовичу Леденейкину, творчество которого известно далеко за пределами нашей страны. Часто его самого можно встретить в музее в образе Михаила Самуиловича Паниковского, персонажа романа Ильфа и Петрова «Золотой телёнок».

Музей сатиры и юмора им. Остапа Бендера самый молодой в Козьмодемьянском музейном комплексе. Посетители отмечают его преимущество по сравнению с другими музеями – он является на 100% контактными. Сотрудниками музея ведётся большая научно-исследовательская и культурно-массовая работа.

В музее проводятся театрализованные встречи и даже аукцион «12 стульев», где посетители могут повстречать самого Остапа Бендера, взглянувшего в музей имени себя после Карлсбадского турнира, да ещё с самим Ипполитом Матвеевичем Воробьяниновым, помощником Остапа по концессии. А с ними за компанию будут Эллочка Людоедка и мадам Грицацуева. Без сомнения, подобные представления помогают популяризировать известный роман, а вместе с ним и сам музей, и город, в

котором происходили события романа в далёком 1927-м году. Экскурсии же среди детей и тех, кто роман не читал и не видел на телеэкране, дают возможность возбудить интерес посетителей к дальнейшему прочтению знаменитого сатирического произведения.

В 2014-2015 гг. Козьмодемьянский музейный комплекс принимал активное участие в реализации проекта «Купеческая слобода». В рамках реализации данного проекта по решению Правительства РФ из федерального бюджета было выделено финансирование на реставрацию купеческих особняков конца XIX - начала XX века, находящихся в городе Козьмодемьянске. Историко-архитектурный памятник - дом купца П. Ф. Бычкова, в котором находится музей сатиры и юмора им. Остапа Бендера, был включён в план мероприятий по реализации данного проекта. Была проведена большая реставрация фасадов здания, на которую было потрачено более 6 млн. рублей. В новом туристическом сезоне музей О. Бендера встретил своих посетителей в обновлённом виде, и это не могли не отметить постоянные гости нашего города. Также в 2016 году завершится процесс газификации музея Остапа Бендера, и он, как и впредь, сможет принимать своих посетителей круглый год.

В проекте на ближайшее будущее – освоение музеем 1 этажа здания, где раньше находился магазин «Кузьма», оформление там выставочного и конференц-залов, мастерской, а также закусочной-столовой в стиле нарпита. На втором этаже также требуется провести ремонтные работы. В дальнейшем, с увеличением количества помещений будут проводиться новые выставки художников, конкурсы юмористических рисунков, мероприятия, посвящённые юмору в литературе и искусстве.

Что касается фестиваля Бендериада, он тоже должен развиваться; создателям фестиваля следует придумывать с каждым годом что-то новое как в видении карнавального шествия, так и в том, что касается различных конкурсов, викторин, игр, концертов, приглашения известных гроссмейстеров на сеанс одновременной игры и т. д., а также возможного расширения географических рамок фестиваля.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ, КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ МУЗЕЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ)

Е.А. Касимова

МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья», г. Сарапул

Аннотация: В статье рассматривается роль музейных военно-исторических маршрутов в сохранении историко-культурного наследия города Сарапула и в гражданско-патриотическом развитии городского сообщества.

Ключевые слова: военно-исторический маршрут, гражданско-патриотическое воспитание, ресурс развития городской среды

MILITARY-HISTORICAL ROUTES, AS A RESOURCE FOR THE DEVELOPMENT OF THE URBAN ENVIRONMENT (ON THE EXAMPLE OF THE MUSEUM OF HISTORY AND CULTURE OF THE MIDDLE KAMA REGION)

E.A. Kasimova

Abstract: The article discusses the role of the military museum and historical routes in the preservation of historical and cultural heritage of the city of Sarapul and civil-patriotic development of the urban community.

Keywords: military and historical route, civic and patriotic education, resource development of the urban environment

Одним из важных и приоритетных направлений в работе Музея истории и культуры Среднего Прикамья на современном этапе является формирование гражданско-патриотического сознания горожан. Эффективным способом работы в этом направлении является разработка и активное использование экскурсионных маршрутов военно-исторической направленности. Цель данной категории маршрутов – это создание и актуализация единого городского пространства, ориентированного на гражданско-патриотическое воспитание и увековечение исторической памяти.

В мае 2014 года, к 100-летию начала Первой мировой войны, был разработан экскурсионный маршрут «Первая Мировая в памяти Сарапула». Это пешеходная экскурсия, которая воссоздает один день из жизни города, 27 июля 1914 года. В этот день в городе прошла масштабная манифестация в поддержку русского оружия и царя Николая II. Главным источником для подготовки маршрута стала периодическая печать 1914 – 1917 гг.: газеты «Прикамская жизнь» и «Кама». Маршрут следует по западной части города, где проходила основная часть манифестации. Он включает памятные места, связанные с этим патриотическим шествием: дом военного начальника полковника А.Ф. Морозовича, территорию казарм

Сарапульского гарнизона, Солдатскую площадь, Дачу купцов Башениных, Алексеевское реальное училище, Дом Городского Головы Г.А. Утробина, Земскую аптеку, женский Благовещенский монастырь и т.д. Финальная точка маршрута – площадка перед зданием историко-краеведческого музея. Фундамент здания был заложен накануне Первой мировой войны, летом 1914 года.

Строительство велось в трудное военное время, основная часть работ была завершена к 1917 году. В новом здании планировалось разместить Николаевское двухклассное церковно-приходское училище.

У крыльца музея экскурсантов встречает театрализованный герой – плотник Андрей Гаврилович Лысцов. Это не вымышленный, а реальный персонаж, один из строителей музея. Он рассказывает экскурсантам об истории строительства здания, показывает рабочие инструменты, строительные гвозди, балки межэтажных перекрытий из лиственницы. Его фамилия стала известна сотрудникам музея в 2014 году, когда в результате ремонтных работ в одном из залов обнаружили надписи следующего содержания: «Очень трудно было работать в годы войны, когда с германцами воевали, прочтите и возьмите во внимание. 2 апреля 2015 года. Андрей Гаврилович Лысцов».

Включение в экскурсионный маршрут театрализованного персонажа не случайно. Театрализация придает эмоциональный и зрелищный колорит теоретическому материалу экскурсии, делая ее яркой, интерактивной и запоминающейся.

Сто лет назад горожане, участники манифестации, движимые патриотическими порывами, даже не предполагали, насколько грандиозной и катастрофической станет начавшаяся война. Сегодняшние жители знают о последствиях и итогах Первой мировой войны, это усиливает эмоциональное восприятие материала, представленного в рамках маршрута. Экскурсия «Первая мировая в памяти Сарапула» – это своеобразный незримый шаг длиной в сто лет в память о славных жителях нашего города, искренних патриотах своей Родины.

2015 год продолжил череду значимых дат военной истории. В год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне музей разработал автобусный военно-исторический маршрут «Места давно минувших дней».

В основе маршрута лежит идея показа в небольшом тыловом городе 70 – ти памятных мест, значимых для города, страны, победы в годы Великой Отечественной войны. На примере тылового Сарапула отражен трудовой подвиг, мужество и героизм тружеников тыла, эвакуированных людей, социально значимых групп населения: детей и инвалидов.

Маршрут представлен несколькими блоками памятных мест. Первый блок «Герои Советского Союза» включает в себя бюсты Героев Советского Союза, улицы, названные в честь героев, захоронения и мемориальные доски с именами героев. Блок «Полные кавалеры ордена Славы» представлен захоронениями двух полных кавалеров ордена Славы, блок «Госпитали» – мемориальными досками на зданиях, где размещались госпитали. Блок «Памятники и Обелиски» представлен памятниками, памятными и мемориальными знаками, обелисками, стелами на территории города. Блок «Памятные места» включает городские здания, где в годы войны были размещены эвакуированные предприятия, учреждения и воинские формирования.

В рамках маршрута у горожан и гостей города есть возможность увидеть памятники, находящиеся на территориях режимных объектов (Сарапульский радиозавод, Сарапульский электрогенераторный завод).

Финальной точкой маршрута является посещение инсталляции-мемориала «70 памятных мест Сарапула: прошлое и настоящее», находящейся в музее, что позволяет провести сравнительный анализ состояния памятников, обелисков, мемориальных досок, улиц, зданий на основе черно-белых фотографий прошлого и личного присутствия на местах, связанных с войной.

Инвалиды-колясочники, инвалиды по зрению, имеющие ограниченную возможность в передвижении и детальном рассмотрении памятных мест дополнительно получают информацию именно на инсталляции-мемориале. Одиночные посетители, туристы с теплоходов, не имеющие возможность побывать на автобусной экскурсии (из-за недостатка времени), посещая инсталляцию-мемориал, знакомятся не только с жизнью тылового города, но и с историей и архитектурой Сарапула.

Экскурсионный маршрут «Места давно минувших дел» является дополнительным ресурсом для реализации инновационных форм работы с населением и туристическими группами и имеет дальнейшую перспективу развития. Маршрут автобусной экскурсии в будущем может стать основой для проведения городского пленера и городского велопробега по 70 памятным местам города.

Впервые 8 мая 2015 года в 12 часов дня, в рамках экскурсии была проведена народная акция «70 памятных мест. Сарапул». Одновременно в 70 точках города представители общественного совета, волонтеры, предприниматели, музейщики, ветераны, школьники, студенты провели совместную акцию по сохранению памяти о событиях и участниках Великой Отечественной войны.

Таким образом, использование в музейной работе военно-исторических маршрутов не только способствует гражданско-патриотическому развитию городского сообщества, но и привлекает дополнительное внимание ко многим объектам историко-культурного наследия, способствует переосмыслению и возрождению городского пространства, являясь важнейшим ресурсом развития городской среды.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ МЕДИЦИНЫ. ОРГАНИЗАЦИЯ МУЗЕЙНОЙ РАБОТЫ

Н.А. Крапоткина,

ЕГИА и ХМЗ, г. Елабуга

Аннотация: Статья рассказывает о создании и работе Музея уездной медицины имени В.М. Бехтерева, который посвящен истории медицины как науки и развитию здравоохранения на примере Елабуги. При этом деятельность музея не ограничивается только экскурсиями по экспозиции (к слову, уникальной) и поддержанием контактов с потомками знаменитого ученого, давшего имя музею. В стенах исторического здания проводится масштабная работа с посетителями всех возрастов и интересов: конференции, семинары, вечера, лекции, музейные уроки, тематические интерактивные программы для детей, подростков и взрослых, работают клубы.

Ключевые слова: Елабуга, В.М. Бехтерев, медицина, здравоохранение, музей, экспозиция, интерактивные программы.

PROVINCIAL MUSEUM OF MEDICINE: MUSEUM WORK ORGANIZATION

N.A. Krapotkina

Abstract: The article describes the creation and activities of the Museum of district medicine named after V.M. Bekhterev. It is devoted to the history of medicine as a science and the development of healthcare in Elabuga. The museum activity is not confined to museum excursions about its unique exposition and to the maintaining relationships with the descendants of the famous scientist, whom the museum was named after. In this historic building a wide range of work with visitors of all ages and interests is carried out: conferences, seminars, parties, lectures, museum lessons, and topical interactive programs for children, adolescents and adults, besides, several clubs work at the museum.

Keywords: Elabuga, V.M. Bekhterev, medicine, healthcare, museum, exposition, interactive programs.

Во все времена и у всех народов врачевание считалось самым достойным и почетным занятием, а медицина – высоким искусством. «Хороший врач подобен богам», – говорили древние греки.

История елабужской медицины складывается уже с конца XVIII века и успешно развивается благодаря меценатской деятельности купцов. В XX столетии в связи с развитием нефтяной промышленности медицинская отрасль в Елабуге вышла на новый виток развития. Поэтому идея создать медицинский музей в нашем историческом городе оказалась весьма удачной, к тому же освободились здания земской больницы, построенной в последней трети XIX века. И в 2007 году в ее хирургическом отделении был открыт Музей уездной медицины им. В.М. Бехтерева, поскольку этот знаменитый ученый и врач является уроженцем Елабужского уезда. Экспозиция музея рассказывает о зарождении медицины как науки, становлении земской медицины в России на примере Елабужского уезда, о развитии здравоохранения в Елабуге в XX столетии.

Музеи с подобной направленностью требуют особого подхода в экспозиционном решении. Естественно, если музей создан для узкого круга специалистов – это одно. Нам же необходимо было создать такую экспозицию, чтобы представить медицину как науку понятно и увлекательно для всех категорий посетителей. Поэтому и возникла идея сделать интерьерные уголки.

Народную медицину, которая объединяла в себе магические ритуалы и траволечение, мы представили интерьерами мусульманской и христианской изб. В интерьере кабинета уездного врача акцент сделан на разъездной характер медицинского обслуживания второй половины XIX века: карта Елабужского уезда, дорожный плащ, фонарь, трость, саквояжи. Особый интерес у наших посетителей вызывает очередь на прием к врачу. Нам даже пришлось поставить стул для желающих сфотографироваться с пациентами.

Во втором зале музея (а залы – это бывшие больничные палаты, просторные, с высокими потолками) представлены интерьеры палаты для душевнобольных (такая лечебница тоже была в Елабуге) и аптеки. Своеобразной «фишкой» нашего музея стали аптечные сигнатуры XIX века, найденные на чердаке одного из старых зданий больницы.

Великая наука медицина неразрывно связана с именем знаменитого ученого Владимира Михайловича Бехтерева, уроженца Елабужского уезда. Один из залов музея посвящен жизни и деятельности этого человека: здесь создан интерьер рабочего кабинета ученого в период его работы в Казани. Более того, сохранение памяти о знаменитом земляке – это одно из направлений работы музея медицины.

Мы очень дружим с потомками Владимира Михайловича, и с его внучкой – Натальей Петровной – встречались еще до открытия нашего музея. Затем были знакомство с потомками в Санкт-Петербурге на Бехтеревских чтениях и встречи в Елабуге на открытии музея в 2007 г., а затем – в 2012 г.

на Бале потомков, организованном Елабужским государственным музеем-заповедником. Родственниками ученого в фонды ЕГМЗ были переданы уникальные документы и фотографии из семейных архивов, книги, научные работы с автографами, семейные воспоминания и скатерть, связанная супругой ученого.

Экспозицию Музея уездной медицины завершает зал, рассказывающий о развитии здравоохранения в Елабуге в XX столетии. В нем создан интерьер операционной – дань этому историческому зданию; представлены личные вещи известных врачей города, интереснейшие фотографии, медицинский инструментарий. Галерея портретов заслуженных работников Российской Федерации и Республики Татарстан является достойным украшением этой экспозиции.

На создание всей экспозиции музея медицины (в составе – почти две тысячи музейных предметов, экспозиционная площадь – 300 кв. м) ушло всего два месяца, в течение которых сотрудники и художники-реставраторы практически жили на месте работы.

Нам очень хотелось, чтобы музей был интересным для всех категорий посетителей, познавательным, уютным, комфортным (что является одной из главных задач практически любого современного музея). Таким он и получился. С удовольствием читаем книгу отзывов: «Великолепный музей европейского класса, сделал бы честь любой столице» (директор института мозга человека РАН С.В. Медведев); «...настоящая жемчужина земской медицины, истории лечебного дела» (главный врач РКПБ МЗ РТ им. академика В.М. Бехтерева Ф.Ф. Гатин); «Очень давно хотелось увидеть музей им. В.М. Бехтерева. Уютная и теплая обстановка, красивая экспозиция. Много слышаны о вашем музее и несколько не пожалели, посетив его. Вернемся к вам еще не раз».

Музеи в современном мире имеют высокий социальный статус и спрос на результаты своей деятельности. Продолжая оставаться хранителями культурного наследия, они становятся более открытыми обществу. Мы стараемся привлечь все большее количество посетителей, прибегая к самым разным формам общения. Например, достаточно часто проводим вместо традиционной экскурсии **театрализованное представление «Ожившая экспозиция»**: в интерьерах музея посетители встречают знахарка, земский доктор, аптекарь-алхимик, главный врач, медсестра. Каждый из героев рассказывает о своей деятельности на просторах медицинской науки. Посетители могут попробовать «колдовской» напиток, приготовленный по всем правилам знахарского искусства. Земский доктор с помощью тестов определит состояние здоровья и даст очень интересные рецепты лечения болезней в XIX столетии. Химические опыты в лаборатории Алхимика вызывают интерес и удивление у всех без исключения посетителей: видеть радугу из воды в стакане, извлечь змею из таблетки, создать настоящий вулкан – это очень увлекательно. Ну, а попробовать на себе методы лечения В.М. Бехтерева – свето-, цвето- и музыкальное – старается каждый из пришедших. Такая экскурсия дает возможность прочувствовать характерные особенности музейной историко-культурной среды.

Музей – это еще и образовательные, воспитательные, развлекательные программы, адаптированные под определенную категорию посетителей. Например, интересно проходит у нас **детский праздник «Поздравляем с днем рождения!»** Ведь день рождения в музее – это отличный способ провести столь важное торжество не просто весело, но еще увлекательно и с пользой: для ребят организуется веселое путешествие по залам Музея в поисках праздничного сюрприза, игры, конкурсы, призы, чаепитие и вручение подарков имениннику.

Важным фактором в реализации взаимодействия музея и посетителя является **музейная педагогика**. Тесное общение с музейной средой дает возможность более плодотворно воздействовать на юных посетителей, а обучение в музее предполагает получение дополнительных знаний по отношению к другим образовательным учреждениям. Наша работа с юным поколением ведется по нескольким направлениям:

1. **Музейные уроки по абонеентам** в течение учебного года для почти 2000 воспитанников детских садов и школьников. Разработка каждого занятия соответствует возрастной категории, тематика разнообразна: «Если хочешь быть здоров, ты не бойся докторов», «В царство нужных витаминов вас проводит Чиполлино», «Истории старой больницы», «Есть в травах и цветах целительная сила», «На крыльях милосердия», «В.М. Бехтерев. Ступени к вершинам», «Я здоровье берегу – сам себе я помогу». Материалы занятий содержат краткую, но интересную информацию из истории медицины. Обязательно делается акцент на здоровом образе жизни. Для музейных уроков шьются костюмы сказочных героев, игровые куклы, печатаются картинки-раскраски, составляются кроссворды, подбираются тематические игры и тесты, готовятся презентации.

2. Доброй традицией в ЕГМЗ стала **акция по вручению паспортов 14-летним школьникам**. На торжественной церемонии присутствуют представители законодательной и исполнительной властей города, почетные горожане, ветераны. Обязательно соблюдаются определенные правила: представлены флаги России и Татарстана, звучат гимны страны и республики. Вот отзыв отличника здравоохранения РФ, ветерана медицинской службы В.Ф. Сошиной: «Какое прекрасное мероприятие сегодня было проведено в Музее уездной медицины им. В.М. Бехтерева – вручение паспортов подросткам! Я думаю, что это очень значимое, приятное, своевременное мероприятие не только для детей, но и для взрослых – мам, учителей, приглашенных ветеранов. Желаю, чтобы из всех детей, получивших сегодня паспорта, получились хорошие люди нашей большой страны».

3. В числе образовательных программ – и ежегодная **Республиканская научно-практическая**

конференция для школьников «Их имена составили славу России». Ее цели: вызвать интерес к истории родного края, сформировать навыки научной поисково-исследовательской работы, развивать творческие способности, научить правильно излагать свои мысли, отстаивать свою точку зрения. Жюри, в составе которого музейные работники и преподаватели вузов, очень строго подходит к оценке докладов: это должны быть настоящие научно-исследовательские работы. Тематика докладов разнообразна: жизнь и деятельность В.М. Бехтерева, народная медицина, история елабужской медицины и даже «Почему одуванчиков так много». Юные исследователи готовят интереснейшие презентации, снимают фильмы (например, «Один день из жизни психоневрологического диспансера»), берут интервью у медицинских работников и травниц, проводят тестирования и опросы населения, используют семейные архивы. Сегодня мы можем говорить о достаточно серьезных научных изысканиях и творческом подходе к изложению материала.

4. Очень интересным является **проект «Сказкотерапия».** Его интерактивные представления прочно вошли в жизнь школьников Елабуги. Мы сами сочиняем сценарии, переодеваемся в героев сказки и отправляемся с детьми в путешествие по музею. Экспозиция в музее, серьезная и продуманная, в праздничные дни украшается весьма необычными предметами и атрибутами, да и некоторые экспонаты играют несвойственную им роль: например, скелет – это и Кощей Бессмертный, и Дракула. Театрализация во все времена вызывала неподдельный интерес как у детей, так и у взрослых, так что своим проектом мы даем нашим детям возможность не только стать зрителями сказочного представления, но и вместе с героями принять в нем участие. В нашем музее проходят также новогодние сказки «Путешествие на планету здоровья, или Сказка о молодильных яблочках», «Чего на свете не бывает», «Снежная сказка». Особой популярностью пользовалось представление «Заколдованный музей». Спектакль, подготовленный как разовое мероприятие на проект «Ночь в музее», неожиданно стал популярным в среде школьников и «по просьбам учащихся» проводился три года подряд.

Что мы только не придумываем в наших сказках! И Царицу от Тетушки-лени спасаем, и Старика со Старухой молодыми и красивыми делаем, и с Бабой Ягой народные методы лечения изучаем, и Царевну Несмеяну смешим, и Дракулу с пиратами к культуре приучаем, и с Айболитом зверей спасаем. Дед Мороз, Снегурочка, подарки из мешка, хоровод вокруг елки, чаепитие со сладостями – все это обязательно присутствует. И на наши сказки с удовольствием приходят не только дети, но и взрослые группы. При такой форме работы эмоциональное воздействие на аудиторию очень велико.

5. Популярностью пользуется интерактивная выставка **«Он и Она»**, рассчитанная на учащихся 12-16 лет. Впервые это музейное занятие было поведено в рамках научно-практической конференции «Подросток в музее: возможен ли диалог» и получило высокую оценку музейных педагогов – участников конференции.

Данный проект поднимает вопросы взросления подростков: психологические особенности взаимоотношений в этом возрасте, отношение к противоположному полу, физиологические изменения организма. Каждый школьник в начале занятия получает «Путеводитель» по выставке, где на первой странице обозначена цель занятия: «Пристальнее посмотреть на самого себя, задуматься о том, что с тобой происходит и почему, с честью решить проблемы, возникающие у любого подростка при подготовке к взрослой жизни». Структура выставки включает планшеты с «заданиями», где смоделированы различные жизненные ситуации, которые требуется решить или высказать свое мнение. Работу с посетителем проводит «консультант», который разъясняет предложенное задание и ведет с подростками диалог. Все ответы на вопросы и собственное мнение о ситуации школьник записывает в путеводитель. Ни консультанты, ни педагоги не читают ответов. В числе заданий следующие:

1. Попробуй определить возраст по внешности.
2. Хочешь знать, какой у тебя будет рост, когда ты станешь взрослым?
3. Именно в период взросления у тебя появляется особый интерес к противоположному полу. Что-то «в них» есть такое, чего нет в тебе. Найди чисто женские и мужские «качества».
4. На твой взгляд, кто должен быть главнее в паре? А на кухне, при ремонте, во время стирки, в опасности, в общении с детьми?

На занятии подростки создают свой идеал, описывают сложные жизненные ситуации (эти записи опускаются в ящик, а затем закапываются в землю), смотрят мультфильм о физических изменениях взрослеющего организма, пишут на планшете свое «изречение», продолжив фразу «любовь – это...». В «комнатах» для девочек и мальчиков отдельно представлены буклеты по проблеме наркомании, СПИДа, вопросам контрацепции, а также информация о существовании учреждений, где подросткам может быть оказана конкретная помощь специалиста – психолога, медика, юриста.

6. Наш музей неразрывно связан с именем величайшего ученого В.М. Бехтерева, поэтому сотрудниками музея разработаны несколько занятий для старшеклассников, которые дают представление о жизни и деятельности знаменитого земляка: «В.М. Бехтерев. Ступени к вершинам», «Великий знаток души и мозга», «Гордость России. Гордость науки. Владимир Бехтерев», «Великий род Бехтеревых». Занятия включают в себя информационный материал, психологические тесты, интересные факты о работе мозга человека, а также демонстрацию уникальных фильмов об ученом.

Слово «медицина» в названии нашего музея настойчиво подталкивает нас к организации мероприятий, способствующих здоровому образу жизни. Таковым является **спортивная игра-эстафета**

«Быть здоровым хорошо, нездоровым – плохо», которую мы проводим на усадьбе музея. Герои литературных произведений (Золушка, Алиса-лисичка, канатоходец Тибул, Конек-Гобунок, барон Мюнхаузен), в роли которых выступают школьники, демонстрируют свою силу, ловкость и смекалку, а самое главное – здоровое состояние своего организма.

Стало доброй традицией ежегодное проведение мероприятия **«Вхождение в профессию»** для первокурсников Елабужского медицинского училища. Именно в стенах нашего музея будущие медицинские работники имеют прекрасную возможность проследить историю елабужской медицины прочувствовать значимость выбранной профессии. С музеем первокурсников знакомят герои «Ожившей экспозиции» – знахарь, уездный врач и алхимик. Далее эстафету подхватывают герои из числа студентов – основательница сестринского дела сестра милосердия Флоренс Найтингейл и Гиппократ, под руководством которого учащиеся дают клятву чуткого и гуманного отношения к больным. Подобные мероприятия являются частью системы учебно-воспитательного процесса и направлены на повышение интереса студентов к профессии медицинского работника.

Организация досуга является одним из приоритетных и перспективных направлений взаимодействия с посетителем, поскольку все большее количество людей старается провести свое свободное время в пространстве музея. Так, плодотворным направлением музейной работы оказалось создание клубов. В Музее уездной медицины им. В.М. Бехтерева действуют два: клуб медицинских работников «Добрые сердца» и женский клуб. Первый сформировался сразу же после открытия музея, который ветераны медицинской службы считают своим родным домом: именно здесь, в этой «старой» больнице, начинался их трудовой путь. «Женский клуб» объединяет единомышленниц истинно женских занятий. Наши дамы занимаются рукоделием, косметологией, астрологией, кулинарией. Тематика заседаний клубов разнообразна. Это презентации, лекции, встречи с интересными людьми, музыкальные вечера, концертные выступления воспитанников детских садов, учащихся музыкальных школ, творческих коллективов Елабуги. В клубах уже сложились свои традиции. И что приятно отметить, мероприятия проходят очень уютно, тепло, «по-домашнему».

Общение в пространстве музея с использованием его экспозиций, казалось бы, должно быть специфичным, так как темы, стиль и способы общения изначально определены профилем музея. Мы много говорим о медицине и пропагандируем здоровый образ жизни, но сфера нашей деятельности выходит и за рамки этого направления. В копилке нашего музея много самых разнообразных мероприятий: встреч, вечеров, праздников, конференций, лекций. В их числе:

- выездное заседание Всероссийского научно-практического семинара «Музеи медицинских вузов России: состояние и перспективы развития»;

- встречи с представителями сетевых компаний «Здоровым быть легко»;

- вечера с участием литературно-музыкального объединения «Лири»;

- мероприятия «Нам в музее интересно, что увидим – неизвестно...», «В гостях у доктора Айболита», «Мы за чаем не скушаем!», «Хвасталки» – выставка изделий, выполненных мастерицами – участницами «Женского клуба»;

- праздничные мероприятия «Весна, весна на улице!», «Золотая осень», «Татьянин день», «Время чудес», «Раз в крещенский вечерок...», «Наступает Новый год, веселится весь народ».

Для проведения мероприятий в музее есть интерактивный зал – один из любимых среди наших посетителей. Он оборудован удобной мебелью, современной аудио- и видеоаппаратурой, наглядными учебными пособиями, медтехникой. У посетителей есть возможность измерить рост, вес, давление, проверить зрение, ответить на ряд тестов, заполнить анкету здоровья. Здесь же действует фитобар, где всегда можно попробовать ароматные целебные настои из лекарственных трав.

Сегодня мы с гордостью можем сказать, что наш музей, ставший основой популяризации медицинской темы в Елабуге, вызывает большой интерес у туристов, а уютный сквер перед ним стал одним из любимейших мест отдыха елабужан. В книге отзывов Музея уездной медицины им. В.М. Бехтерева есть запись: «Мама – врач, папа – врач. Я – нет. А зря!» Это ли не высшая похвала нашему общему делу – сохранению истории и популяризации достойнейшей из наук – медицины!

Стоит добавить в заключение, что более подробно о жизни и работе Елабужского государственного музея-заповедника и нашего музея вы сможете узнать на официальном сайте.

ВЕЧНОЕ, ДОБРОЕ В РУКАХ СОВРЕМЕННОЙ КОЗЬМОДЕМЬЯНСКОЙ

ХУДОЖНИЦЫ ОЛЬГИ ТАЛАНЦЕВОЙ

Е.В. Лукьянова

МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс», Республики Марий Эл

Аннотация: В статье подробно освещается деятельность местной художницы по сохранению историко-культурного наследия русского провинциального городка. Описываются конкретные меры по восстановлению купеческих особняков. Автор особое внимание уделяет творческому характеру художницы, которая в настоящее время занимается восстановлением старинных зданий. В статье

констатируется совместная деятельность государства и частного лица в решении сохранения объектов истории и архитектуры.

Ключевые слова: Козьмодемьянск, провинциальный город, художник-живописец, пейзаж, картины, река Волга, купеческие дома, выставка-продажа, семья, вера.

ETERNAL GOOD IN THE HANDS OF A MODERN PAINTER OF KOZMODEMYANSK OLGA TALANTSEVA

E.V. Lukyanova

Annotation: The article comprehensively highlights the work of a local painter on preserving historical and cultural heritage of the Russian provincial town, describes specific measures to restore the merchants' mansions. The author pays special attention to the creative nature of the painter which is currently engaged in restoration of ancient buildings. The article states about the joint activities of the state and of private persons in the decision of preservation of objects of history and architecture.

Keywords: Kozmodemyansk, provincial town, an artist-painter, landscape, paintings, the Volga river, merchant houses, exhibition and sale, family, faith.

Цель данной темы рассказать современникам о вкладе в дело сохранения историко-культурного наследия малого городка Козьмодемьянска силами местной художницы Ольги Таланцевой. Актуальность доклада состоит в том, что личный вклад художницы является показателем совместной деятельности государства и частного лица по сохранению объектов старины и служит примером для тех людей, которые готовы последовать её путём. Проблематика статьи состоит в следующем — людям, которые вкладывают свои средства в сохранение памятников истории и архитектуры, необходима правовая и финансовая государственная поддержка.

Ольга Альбертовна Таланцева — признанный художник-живописец, член Союза художников России, лауреат Государственной Молодёжной премии имени Олыка Ипая, член Международной Ассоциации женщин — художниц «Ирида». Выставки её работ с 1998 года с успехом прошли в Южной Корее, Испании, Вьетнаме, Италии, Сербии. Картины художницы хранятся российских музеях, в частных коллекциях нашей страны и за рубежом. В Йошкар-Оле Ольга является постоянной участницей отчётных выставок «Край Марийский».

Уже более десятка лет Ольга Альбертовна живет в Козьмодемьянске, куда переехала из родного села Виловатово. Её будущий выбор в живописном жанре был определён самой жизнью — Ольга выросла в деревне, среди полей и лугов. Основная тема её картин — разнотравье, она любит писать пейзаж с натуры. «Природу я пропускаю через душу, и как её вижу, так и пишу. Полагаю, что городской житель не сможет написать травы так, как сельчанин, потому что кто где живет, тот и зависит от этого».

Козьмодемьянск стал для Ольги второй родиной, местом, где сосредоточены мечты и идеи по сохранению козьмодемьянской старины, в первую очередь купеческой. Все это произошло не сразу, исподволь, в настоящее время приняв уже впечатляющие размеры.

По словам художницы, началось всё с разговора с известным марийским краеведом, писателем, заслуженным деятелем культуры РМЭ Арнольдом Валентиновичем Муравьевым, хорошим знакомым её семьи. В 90-е годы он был директором музея-заповедника в нижней части города и всей душой радел за погибающие дома, имеющие историческую и культурную ценность. Многие дома были без хозяев — кто-то переселился в благоустроенное жилье, кто-то вообще уехал из города. А Муравьев думал, как сохранить каждый дом. Однажды он рассказал им о такой возможности: дома выставлялись городской администрацией на аукцион. Он посоветовал выкупить один дом, чтобы сохранить его от исчезновения.

«Первый дом, купленный нами в Козьмодемьянске, постройки конца XIX века, принадлежал купчихе Чирковой, владелице пекарни. В доме было 6 квартир. Мы приобрели его в 1999 году — я тогда работала в художественной школе, рядом была Волга, красота, старина, всё, что нужно для художника, — всё близко. Да и привыкли мы к просторам. На Волге всегда светло, так как на открытом пространстве темнеет позже, всё располагает к творчеству. А ещё для работы нужны большие площади, которые и были в том доме.

В 2006 году А.В. Муравьев вновь обратил наше внимание — но уже на другой дом, предположительно для выставки картин под крышей. Мы с семьей сразу полюбили этот дом, нам было жалко, что он разрушается. На тот момент в нём были ужасающие утраты, практически не было полов, частично разобраны печи. Когда мы решили покупать его, то стали за ним присматривать, и таким образом остановили его дальнейшее разрушение.

Этот дом был выстроен во второй половине XIX века купцом Торсуевым. В начале 2000-х годов для его продажи был объявлен городской аукцион, который мы выиграли и купили этот дом. На тот момент здесь не было газа, света, воды, окон, печи были полуразрушены. Скопилось колоссальное количество мусора, поскольку до этого тут находился магазин. Хорошо хоть крыша была в хорошем состоянии, не протекала.

Идея спасения дома была самой обыкновенной – сохранить всё от старой отделки. Сначала мы взяли за фасад, сделали капитальный ремонт, затем в подвале провели свет, залили пол. Снаружи сделали отмостку, укрепили фундамент. Восстановили потолки и стены, печи и лепнину, оставили в неприкосновенности двери и дверные петли с ручками - всё потому, что мы любим всё старинное, классическое и не устаём удивляться, как люди в старину делали всё качественно, доброту, на века – так, что до сих пор сделанное ими как живое... В давние времена люди относились к постройке дома очень серьёзно – они знали, в какой день нужно срубить дерево и через какое время из него можно строить дом. Эти знания были применены и при строительстве этого купеческого особняка, поскольку сосна здесь очень смолистая и практически превратилась в камень, да и лес в постройке не местный, а привезён из Карелии. При покупке дома цвет фасада был белым – мы сделали его голубым. Недавно провели отопление, и теперь в доме можно жить в любое время года.

Если куплю этот дом, здесь будут выставочные залы для картин, - думала я в самом начале этой затеи. Выставка начала действовать уже в 2007 году, была подготовлена к новому туристическому сезону. И считаю, что нам удалось сделать стоящую выставку, поскольку туристы тех лет говорили, что этот дом как светлый пятачок в разрушающемся старинном городке.

Выставка продолжается до сих пор, в настоящее время в доме представлены картины всех членов семьи – выставка семейная, как и хотелось когда-то нам всем.

Без совместной деятельности у нас ничего бы не получилось, но основная часть работы пришлось всё же на папу, Альберта Алексеевича. Папа много работает, ему интересно, когда он видит результат своего труда. Думаю, что наша семья восстановлением двух бывших купеческих особняков XIX века внесла пусть и небольшой, но весомый вклад в сохранение культурного достояния города Козьмодемьянска».

Ольга Таланцева продолжает работать и выставляться на российских выставках. Последние её выставки вне дома – это Москва (Центральный Дом журналиста, декабрь 2014 года), Казань (Галерея искусств, лето-осень 2015 года).

В этом году Ольге Альбертовне Таланцевой исполнилось 42 года. И хотя это небольшая и не круглая дата, но сама художница к этому времени уже состоялась и в профессии, и в жизни, к тому же результатами своей работы привлекает в маленький городок на Волге старых и новых почитателей своего таланта. Этот ежегодный поток туристов вносит свою лепту в прославление древней истории маленького городка на Волге и служит сохранению его историко-культурного наследия.

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ПОДРОСТКОВОЙ И МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИЕЙ В МУЗЕЕ (НА ПРИМЕРЕ КАРГОПОЛЬСКОГО ИСТОРИКО- АРХИТЕКТУРНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ)

С.Е. Нечаева

Отдел научно-просветительной и массовой работы Каргопольского музея, г. Каргополь

А.А. Чухина

ИСГиПН САФУ, г. Архангельск

Аннотация: Одним из важных направлений работы музея является работа с подростковой и молодежной аудиторией. В статье раскрываются основные направления и формы работы с данной аудиторией в Каргопольском историко-архитектурном музее.

Ключевые слова: музей, подростки, молодежь, работа, особенности, эффективность.

FEATURES OF WORK WITH TEENAGE AND YOUTH AUDIENCE IN THE MUSEUM (ON THE EXAMPLE OF THE KARGOPOLSKY HISTORICAL AND ARCHITECTURAL AND ART MUSEUM)

S.E. Nechayeva

A.A. Chukhina

Abstract: One of the important directions of the museum is to work with teen and youth audience. The article describes the main directions and forms of work with this audience in Kargopol historical and architectural museum.

Key words: museum, teens, youth, job, features, efficiency.

Публичный музей в городе Каргополе Архангельской области был образован в 1919 г. Его

основатель и первый заведующий – каргопольский мещанин Капитон Григорьевич Колпаков (1845-1922 гг.), коллекции которого легли в основу музейного собрания. Его собрание включало в себя этнографические коллекции, рукописи, оружие, портретную живопись, фарфор.

За годы существования не раз менялся статус музея. В 1919-1927 гг. музей назывался художественно-историческим. С 1928 г. он переименован в музей местного края, впоследствии в районный краеведческий. В 1992 г. Каргопольский музей был реорганизован в историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. В 2001 г., получив статус государственного музея субъекта Федерации, он стал называться Каргопольским государственным историко-архитектурным и художественным музеем.

Наиболее частыми посетителями музея в осенне-зимний период являются дошкольники, младшие школьники и младшие подростки, т.е. дети в возрасте 3-12 лет. Перед сотрудниками музея остро стоит вопрос, как побудить подростков и молодежь посетить выставки и экспозиции. Решая этот вопрос, мы понимаем, что характер контактов школьников с музеем, мотивация его посещения определяются возрастными особенностями подростков и молодежи, некоторыми специфическими чертами их психологии и сознания.

Характерной чертой этого возраста является любознательность, пылкость ума, стремление к познанию и информации, подросток стремится овладеть как можно большим количеством знаний.

Возрастной группе 13-20 лет присуща способность к усвоению значительного объема материала, максимальное развитие интересов.

Жажда знаний приобретает у старшеклассников более целенаправленный характер, поскольку в юношеском возрасте начинает осознаваться жизненное и общественное значение образования.

Интенсивная познавательная деятельность не ограничивается только учебой. У подростков складывается осознанная потребность в самообразовании, в расширении кругозора, в самовоспитании, в повышении своего культурного уровня.

Сознание подростков и молодежи отмечено известной противоречивостью. Восприимчивость к новому, доверчивость сочетаются со стремлением критически осмыслить опыт старших. Следствием этой противоречивости является особая потребность в убедительной аргументации и широте информации. В музее таким бесспорным аргументом является подлинник – музейный предмет.

В подростковом возрасте начинает развиваться, а в юношеском углубляться самосознание, которое в значительной степени основывается на сравнении себя с другими людьми.

Подростков и молодежь характеризуют эмоциональная отзывчивость, острая восприимчивость. Подросток приходит в музей не только, чтобы получить информацию, а и обогатить себя в эмоциональном плане, «сверить» свои нравственные ориентиры с общечеловеческими ценностями и ориентирами.

Подросткам и молодежи в большей степени, чем людям зрелого возраста, свойственна потребность в наглядности получаемых знаний. Музейные выставки и экспозиции помогут эту потребность удовлетворить. Главной во время экскурсии, музейного мероприятия, конкурса становится работа с музейным предметом.

Другая психологическая особенность учащихся подросткового и юношеского возраста, которая существенно проявляется в их отношении к музею, влияет на характер их контактов с ним, – это потребность в общении со сверстниками. Ведущей деятельностью в этом возрасте является коммуникативная. Общась, в первую очередь, со своими сверстниками, подросток получает необходимые знания о жизни.

Выстраивая работу с подростками и молодежью, мы учитываем вышеперечисленные особенности этой возрастной категории.

Привлекая в музей подростков и молодежь, мы работаем по следующим направлениям:

- патриотическое;
- культурно-образовательное;
- профессионально-творческое.

Рассмотрим формы работы с подростками и молодежью, используемые в Каргопольском музее.

- Интерактивные экскурсии и экскурсии с элементами театрализации.

Например, на экскурсии с чаепитием «Откушайте чаю» посетителей встречают девушки в каргопольских костюмах, которые приглашают усаживаться за столы поудобнее, а далее гостям предлагаем посмотреть сценку-театрализацию о чаепитии по мотивам сказок С. Писахова. После просмотра сценки посетители угощаем ароматным чаем с традиционной каргопольской выпечкой, и экскурсовод рассказывает об истории появления чая и самовара, необычных самоварах из фондов музея и о том, как на Каргополье чаевничали, какими необычными предметами при этом пользовались (щипцы для колки сахара, полоскательница и др). В процессе всей экскурсии гости активные ее участники. Они принимают участие в беседе, активно выполняют различные задания экскурсовода: отгадай загадку, закончи пословицу, придумай стихотворение-пожелание хозяевам дома и другие.

На интерактивной экскурсии «Неси меня, мой бубен, ввысь» посетители познакомятся с каргопольской археологической культурой, верованиями древних людей. Все присутствующие будут объединены в несколько команд, в составе которых и будут проходить испытания: им предлагают

придумать название команды, расшифровать послание древнего человека, встретиться с шаманом и даже «добыть» огонь.

Мы целенаправленно приглашаем школьников и студентов на открытия выставок, т.к. посещение выставки в этот день бесплатное. Экскурсанты могут прослушать небольшую экскурсию по выставке, а затем самостоятельно осмотреть ее, обменяться впечатлениями с друзьями.

В музее регулярно проходят Дни открытых дверей. В этом году одной из составляющих «Ночи искусств» был «Вечер открытых дверей» в Музейно-выставочном центре. Как оказалось, такая форма работы востребована подростками и молодежью, они с удовольствием посещали музей в вечернее время.

- Литературно-музыкальные композиции на выставках и экспозициях.

Ежегодно ко Дню Победы сотрудники музея готовят литературно-музыкальные композиции, рассказывающие о ратном и трудовом подвиге каргопольцев в годы Великой Отечественной войны. На мероприятии звучат песни военных лет, стихи, отрывки из фронтовых писем. Мы рассказываем о судьбах каргопольцев, воевавших на полях сражений и трудившихся в тылу врага, заостряем внимание, что война прошла через каждую семью, через каждую судьбу, что необходимо сохранить эту память и передать следующим поколениям. Мы считаем, что литературно-музыкальные композиции оказывают сильное эмоциональное воздействие на подростков и молодежь, на их мысли и чувства.

- Мероприятия-презентации с элементами театрализации.

В 2012 году в музее проходило мероприятие «Власть и люди», на котором в театрализованной форме посетители знакомятся со страницами истории советского периода. В центре внимания судьбы каргопольцев, принявших на себя тяготы коллективизации, военного и послевоенного времени, переживших периоды застоя и перестройки.

- Историко-краеведческие игры.

Несколько лет назад Каргопольский музей совместно с Отделом образования и Отделом культуры проводил игру «Колесо истории» для учащихся 9-11 классов и молодежи города Каргополя и района. Из одноименной телепередачи было заимствовано название и идея использования в игре театрализованных исторических сценок, актерами в которых стали артисты Каргопольского народного театра, студенты педколледжа и сотрудники музея. Текст тематических сценок-миниатюр писали научные сотрудники музея на основе материалов и документов из фондов музея и литературных источников. В каждой игре принимали участие три команды, которым предстояло преодолеть три тура игры. У каждой команды свой цвет галстуков (белый, синий или красный, как и сектора на колесе истории), который определялся перед началом игры путем жеребьевки. Какая команда будет отвечать первой, определяло колесо истории, которое по очереди вращали участники игры. Правильность и полноту ответов оценивало жюри, в составе которого были представители музея и отдела образования. Каждый тур игры – это отдельная историко-краеведческая тема: каргопольская крепость, монастыри Каргополя и народное искусство (традиции и обряды). Каждый тур начинался с показа исторической сценки, которая помогала ответить на три вопроса в туре. Если команда не могла справиться с заданием, то давалось право ответить болельщикам. Команда, набравшая большее количество баллов – верст, считалась победившей.

Еще один пример игры для подростков и молодежи – это игра «Мы открываем Америку». Она построена по принципу игры «Брейн-ринг». Участвуют две команды. Игроки соревнуются в знании истории и географии Аляски, ведь первым правителем Аляски был каргопольский купец А.А. Баранов. Каждая команда изучает карту, вспоминает биографию известных людей, связанных с Аляской, работает с предметами с выставки, где проходит игра. Домашним заданием было подготовить небольшую сценку о жизни А.А. Баранова и представить ее на игре.

К таким играм подростки готовятся заранее, они посещают музейные экскурсии и лекции, сами прорабатывают рекомендуемую литературу.

- Еще одна форма, которую мы используем в работе – это проведение арт-акций и мастер-классов.

Эти мероприятия направлены на творческое развитие подростков и молодежи. Посетители могут проявить себя, блеснуть талантом. Они пробуют что-то нарисовать, сделать аппликацию и т.п., выразить свое отношение к увиденному через творчество. Подобную акцию мы проводили на выставке «Остров рыбы в дальнем море», которая приехала в Каргополь с острова Сахалин. Посетители смогли познакомиться с другой культурой, увидеть предметы быта и одежду. После небольшой экскурсии присутствующие занялись рисованием или аппликацией, а в конце мероприятия состоялась выставка работ участников акции.

Мастер-классы по вышивке, изготовлению пояска, изготовлению текстильной лошадки пользуются спросом у подростков и молодежи.

Уже несколько лет Каргопольский музей совместно с центром занятости проводит мероприятие по профориентации старшеклассников. Заранее оговаривается день, когда группа придет в музей и научные сотрудники познакомят ребят с музейными профессиями, их спецификой, с работой музея в целом.

Совсем недавно в музее стали проходить балы. Побывав на этом мероприятии, посетители «окунутся» в атмосферу каргопольского бала, который проходил более ста лет назад. Разучат танцы того

времени, познакомятся с бальным этикетом, сыграют в игры и выполнят интересные задания.

Подросткам и молодежи будет интересно поучаствовать в конкурсах, которые ежегодно проводит Каргопольский музей. Уже несколько лет наш музей совместно с Детской школой искусств проводит конкурс детского художественного творчества в рамках фестиваля «Хрустальные звоны». Конкурс обычно проводится в двух номинациях, в этом году это: рисунки (композиции) и декоративно – прикладная композиция: колокольчики из разных материалов и в различных техниках. Отдельная оценочная группа конкурса – это дети 14-17 лет. В этом году впервые состоялся конкурс сказочников «Скоро сказка сказывается...», который вызвал живой интерес у жителей и гостей города. В конкурсе наравне со взрослыми принимали участие подростки и молодежь.

В летний период у молодежи пользуются спросом вечерние танцевальные программы на Музейном двореке различной тематической направленности. Посетители становятся активными участниками программ. Они танцуют, играют, участвуют в конкурсах, показывают свои сценические таланты.

Для подростков и молодежи сотрудники музея разрабатывают специальные музейно-образовательные программы, такие как: «Радость познания», «Истоки», «Из сокровищницы Севера. Каргополье» и др. Создание таких программ позволяет организовать систематическую и целенаправленную работу с определенным кругом посетителей.

Таким образом, мы используем различные формы работы с подростками и молодежью, находимся в постоянном творческом поиске.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУПЦОВ ХАЛФИНЫХ В НАБЕРЕЖНЫХ ЧЕЛНАХ

А.Г. Нурлина

МАУК «Историко-краеведческий музей», г. Набережные Челны

Аннотация: В данной статье рассматриваются процессы становления и развития предпринимательства в Набережных Челнах в период XVIII – начала XX вв., дан обзор предпринимательской деятельности купцов Халфиных в торговле, их участие в благотворительной деятельности.

Ключевые слова: купцы, предпринимательская деятельность, гильдия, капитал, хлеб, династия, склад, мельница, лавка.

BUSINESS ACTIVITIES OF THE MERCHANTS KHALFINS IN NABEREZHNYE CHELNY

A.G. Nurlina

Abstract: This article reviews the processes of formation and development of entrepreneurship in Naberezhnye Chelny in the period of the XVIII – beginning of the XX centuries. It deals with history of the business activities of the merchants Khalfins in trading, their charitable activities.

Keywords: Merchants, business, Guild, capital, bread, dynasty, warehouse, mill, shop.

Бережные Челны по развитости торговой деятельности были вне всякой конкуренции. По архивным материалам, в селе было около 120 различных торговых предприятий и заведений (без учета хлебных амбаров, складов для муки, сушилок и т.п.). Из них примерно 40-это бакалейные лавки, 19-пекарни, 9-мануфактурные лавки, 17-для торговли хлебом, мукой и кондитерскими изделиями, 6-железоскобяными товарами, 3 фруктовые лавки, 2 аптекарских магазина. Имелись в селе многочисленные заведения по торговле обувью, керосином, колбасами, книгами, также пивные, трактиры, чайные, столовые.[6, с. 34]. Просто удивительно, каким образом десятки этих заведений размещались в сравнительно небольшом селе?

Владели торговыми предприятиями самые разные люди и учреждения. Наиболее крупные из них принадлежали купцам.

Купцы появились на территории нынешних Челнов в первой половине XIX века. Сформировалось это сословие из купцов Елабуги, Мензелинска, Чистополя... В первом поколении это были выходцы из крестьян. Бизнес их носил семейный характер. Многие из них купили здесь недвижимость. [2,с.217].

До XIX века купцы покупали гильдейские свидетельства. При покупке этого документа они объявляли свой капитал, доказательств при этом никаких не требовалось, просто уплачивался соответствующий взнос – чем выше гильдия, тем выше взнос, который в те времена являлся формой налогообложения. До 1863 года было три гильдии.

Первая гильдия давала гораздо больше возможностей – оптовая торговля по всей России и за рубежом. Объявленный капитал для получения свидетельства купца первой гильдии должен был составлять в начале XIX века не менее 50 тысяч рублей.

Купец второй гильдии (объявленный капитал 20 тысяч рублей) мог торговать только в России, а купец третьей гильдии с капиталом 8 тысяч рублей мог заниматься только розничной торговлей.

Налог в разные годы составлял от 1,25 до 5,23 процента от капитала. В XVIII веке были и другие гильдейские ограничения – к примеру, на тройке мог ездить только купец первой гильдии, в экипаже, запряженной двумя лошадьми, – купец второй гильдии, купцу же третьей гильдии разрешалось передвигаться в повозке, запряженной лишь одной лошастью. Такие же ограничения касались мундиров. В XIX веке значение гильдейских различий начало теряться. Большинство местных купцов в XIX веке были второй и третьей гильдии.

Одними из ярких представителей торговцев, сделавших состояние на хлебе, были Халфины. Династия преподавателей-просветителей с этой фамилией в XVIII веке оставила внушительный след в Казани: первый светский букварь татарского языка, татарский словарь и татарская грамматика, переводы учебников и книг на татарский язык, преподавание в гимназии и университете.

Спустя несколько поколений фамилия Халфиных упоминается в документах в связи с обоснованием в деревне Тлянче Тамак. Почему семья из крупного города перебралась в деревню – загадка. Развивался капитализм, торговля хлебом была одним из приоритетных направлений, и, возможно, Халфины решили себя испытать на этом поприще.

Так, по мнению Ермакова В.В., основатель купеческой династии Садык Халфин после посещения Мензелинской ярмарки решил открыть свое дело, отстроился в Тлянче Тамаке, и дело пошло. Одним из крупнейших торговых домов, занимавшихся предпринимательством в Нижнем Прикамье, в том числе в Набережных Челнах, стал торговый дом "Братья Халфины". Он был официально зарегистрирован в Мензелинской городской управе в 1910 г., хотя фактически действовал с 1902 г.

Род деятельности в документах был определен таким образом: "торговля чаем, сахаром, сырьем, хлебными, мануфактурными и иными прочими дозволенными по промысловому свидетельству первого разряда товарами". Эти торговые операции товарищество осуществляло в Мензелинском, Белебеевском уездах.

Основателями этого торгового дома были наследники Мензелинского 1-й гильдии купца Зарифа Садыковича Халфина, а также его братья – Шакир, Гариф, Салих и Сабир Халфины, жившие в деревне Тлянче Тамак Нуркеевской волости. Там же находилось и правление торгового дома. На их деньги в деревне построили комплекс медресе и мечеть. Размер основного капитала был определен в 150 тыс. рублей, а распорядителем его был Шакир Садыкович Халфин. В селе Языково товарищество имело земельный участок – 360 дес. пашни.

Однако миллионное состояние торговый дом "Братья Халфины" сделал на торговле хлебом. Поэтому не случайно экономические интересы его все больше сосредотачивались в Набережных Челнах. Здесь находилась немалая недвижимость, принадлежавшая этому торговому дому: несколько сушилок, 5 хлебных складов, паровая мельница, бакалейная лавка (годовой доход лавки 151 руб.). Паровая мельница – крупянка располагалась на берегу р. Камы. Двигатель приводил в движение 7 жерновов. Это была крупная мельница, в т.ч. и по числу занятых на ней рабочих. В 1913-1914 гг. на ней работало 23 человека. Их годовой заработок составил 3591 руб.[4, с.176-185]

Кроме того, 30 складских помещений Халфины имели в других населенных пунктах Мензелинского уезда, 3 – в Бакалах Белебеевского уезда и 8 – в Бугульминском уезде Самарской губернии. Это позволяло закупать огромное количество зерна, частично перерабатывать его в муку и крупу. [1, с.398-399].

Заготовленные хлебные товары торговый дом отправлял в Рыбинск и другие города страны. Для этого товарищество располагало собственными пароходами и баржами, и кроме того, их приходилось арендовать у других владельцев – А.Ф. Тимохова, А.А. Пешехонова, Я.П. Рукавишника. Кроме того, товары отправляли на легких пароходах. В 1914 г. на них только из Набережных Челнов было вывезено в Нижний Новгород, Казань, Пермь и другие города более 60 тыс. пудов ржаной муки, 236 пудов шерсти.

После Стахеевых, Халфины были крупнейшими поставщиками и перекупщиками хлеба. Торговля хлебом в урожайные годы достигала у Халфиных оборота в миллион и более рублей. Кроме того, они скупали и другие товары – кожи, шерсть. Только в 1913 г. Халфины были скуплены кож у населения не менее чем на 125 тыс. рублей. Широко было развернута торговля мануфактурными товарами, чаем, сахаром. Для этого использовались торговые помещения в Набережных Челнах, Тлянче Тамаке, Шугане, Актаныше.[1, с. 400].

Стахеевы, Халфины и другие купцы составляли элиту местного купечества. Именно они определяли уровень цен при закупке зерна, действовали на рынке согласованно и напористо. Полученную прибыль торгово-промышленное сословие вкладывало в дальнейшее расширение своего дела, в недвижимость. [5, с. 5–7].

Налогообложение купечества наводит на определенные размышления. Набережные Челны относились к первому участку Мензелинского уезда. В самом селе размещалось Раскладочное присутствие, председателем которого являлся податный инспектор, в 1915 - 16 гг. им был В.С.Зуев.

Членами Присутствия были те же самые купцы - Д. Бушмакин, Ш. Зайнашев, Г. Зайнетдинов, М. Саитбатталов, Г. Халфин. Получалось, что основные налогоплательщики облагали налогами сами себя.

Размер налога зависел от объема оборота и от прибыли, определенной для хлебной торговли в 8% от оборота. Поэтому желание купцов было приуменьшить размеры своих торговых операций. В 1913 г., например, торговым домом "Братья Халфины" был заявлен оборот в 448 тыс. руб., а при проведенной проверке он оказался вдвое большим. То же самое было и у других торговцев. Можно себе представить, каких огромных сумм недосчиталась казна только за один год.

Факты эти утаить не удалось, и дело об уклонении от налогов должно было рассматриваться в ноябре 1914 г. уездным членом Уфимского Окружного суда в г. Мензелинске. Вряд ли это могло всерьез напугать купцов. Ведь максимальное наказание, которое они могли получить - 20 руб. (!) штрафа или 10 суток ареста.

Не случайно, что 19 августа 1915 г. в инстанции поступило письмо управляющего Уфимской Казенной палатой, в котором вновь обращалось внимание на то, что члены I Раскладочного присутствия значительно занизили средние хлебные цены на Рыбинской бирже и тем самым вновь приуменьшили свои торговые обороты (а, значит, и размер своих налогов). Между тем "Вестник Рыбинской биржи" публиковали регулярно, и определить по нему действительные цены не представляло никакого труда. Уклоняясь, таким образом, от уплаты налогов, крупные торговцы в значительной мере перекладывали их на своих конкурентов - средних и мелких перекупщиков.[3,с.113]. Впрочем, во все времена налоги предпринимателям казались чрезмерно высокими.

После революции большая часть Халфиных вернулась в родную деревню Тлянче Тамак, уехал лишь основатель рода, они были лишены избирательных прав, имущества, но остались живы. В 1919-1921 годах все имущество купцов было национализировано.

Частица прежней недвижимости купцов Халфиных сохранилась в Челнах — это дом № 76 на улице Центральной, это одноэтажное здание на каменном полуподвальном этаже с верхней частью - срубом. Там располагалось представительство торгового дома, а часть помещений сдавалась в аренду. Об этом свидетельствует найденная табличка «Российское транспортное общество». Она находилась на стене дома до 1985 года. В тот год проводились работы по противопожарной пропитке здания, табличку сняли, и она находилась более 20 лет у частного лица, лишь в 2009 году ее передали в Историко-краеведческий музей города. В годы советской власти в доме находились разные организации: в 1917 – комитет общества спасения, с 1940-х по 1970-е годы – роддом и наркодиспансер.

В 2004-2005 годах в здании шла реконструкция, дом Халфиных внесен в Государственный охранный реестр памятников истории. Владельцы здания сохранили изразцовые печи внутри. Нынешние владельцы идут на сотрудничество с работниками музея.

Заключая обзор предпринимательской деятельности Халфиных можно с уверенностью сказать: челнинцы до революции не знали недостатка ни в количестве торговых заведений, ни в разнообразии предлагавшихся в них товаров и услуг. Да и уровень обслуживания, с учетом высокой конкуренции, надо думать, был на высоте. Многие жители, кроме того, находили здесь работу и дополнительный доход, нанимаясь в качестве служащих, приказчиков, караульчиков.

Региональных предпринимателей, несмотря на существовавшую конкуренцию, объединяли и сплачивали такие факторы, как осознание общности экономических интересов, сословные обычаи и традиции, личные и родственные связи.

Список литературы

1. Ермаков В.В. Обращение к истокам: история Набережных Челнов и региона Восточного Закамья. – Казань: Казан. ун-т, 2008. – Ч. I. – 468 с.
2. Ермаков В.В. Крестьянство Восточного Закамья (с древнейших времен до 1917 года). – Наб. Челны: Изд-во КамПИ, 2000. – 336 с.
3. Вехи челнинской истории: Сб. документов по истории Набережных Челнов. – Наб. Челны: Изд-во КамПИ, 1998. – 125 с.
4. Ермаков В.В. Торговые дома Нижнего Прикамья // Аргатак. – 1994. – № 2.
5. Ермаков В.В. Традиции челнинского предпринимательства // Историко-археологический сборник: Материалы III региональной научно-краеведческой конф. Сб. 2-й. – Наб. Челны, 1996.
6. Лапочкин В., Почелина В. Страницы челнинской истории. – Казань, 1972.

ИСТОРИЯ МЕМОРИАЛЬНОГО ДОМА-МУЗЕЯ М.А. ШОЛОХОВА:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ**HISTORY OF THE MEMORIAL HOUSE-MUSEUM**
OF M.A. SHOLOKHOV: PAST AND PRESENT

Е.В. Попова

Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова, ст. Вёшенская

Аннотация: Статья посвящена Дому-музею М.А. Шолохова в ст. Вёшенской, связанному с жизнью и творчеством великого русского писателя, Нобелевского лауреата, обладателя целого ряда советских и международных наград. В работе предпринята попытка проследить историю этого мемориального памятника, начиная с его строительства, как дома для писателя и его семьи, и заканчивая его существованием как объекта Государственного музея-заповедника. Автор исследует и обобщает как ранее опубликованные литературные источники, так и малоизвестные, неопубликованные документы из фондов ГМЗШ, содержащие сведения об организации и истории музея в Доме М.А. Шолохова.

Ключевые слова: Дом-музей М.А. Шолохова, история Дома-музея М.А. Шолохова, Шолохов, музей-заповедник, открытие Дома-музея, мемориальный дом, мемориальные предметы, станица Вёшенская, жизнь семьи Шолоховых, Усадьба М.А. Шолохова, посетитель.

HISTORY OF THE MEMORIAL HOUSE-MUSEUM OF M.A. SHOLOKHOV:
PAST AND PRESENT

E.V.Popova

Abstract: The article is devoted to the House-Museum of M.A. Sholokhov in Stanitsa Vyoshenskaya connected with the life and work of the great Russian writer, the Nobel Prize winner, the owner of a number of Soviet and international awards. The work is aimed at tracing the history of this memorial monument beginning with its construction as a house for the writer and his family to live in and ending with its being a structure of the National M.A. Sholokhov Museum-Reserve. The author studies and generalizes the previously published materials and little known and unpublished documents from the collections of the National M.A. Sholokhov Museum-Reserve containing the relevant information about the organization and history of the museum in the House of M.A. Sholokhov.

Key words: House-Museum of M.A. Sholokhov, history of the House-Museum of M.A. Sholokhov, Sholokhov, museum-reserve, opening of the House-Museum, memorial house, memorial articles, Stanitsa Vyoshenskaya, life of the Sholokhoffs family, Estate of M.A. Sholokhov, visitor.

Изучая наследие того или иного писателя, художника или мыслителя, поклонники его таланта и люди, только открывающие для себя его творчество, зачастую интересуются, как же жил человек, какая обстановка его окружала. Поэтому неслучайно они так стремятся увидеть своими глазами, почувствовать ту атмосферу, которая царил в доме при жизни в нём хозяина, атмосферу, которая располагала его к творчеству. В музей М.А. Шолохова в станице Вёшенской приезжают тысячи туристов, и большинство из них своё знакомство с экспозициями начинают с посещения Дома-музея М.А. Шолохова.

Дом уникален тем, что обстановка в нем полностью сохранена, как и при жизни писателя. Все вещи, принадлежавшие семье Шолоховых и лично Михаилу Александровичу, – подлинные, многие из них находятся здесь с 1949-1950 годов.

История этого мемориального памятника и центрального объекта Государственного музея-заповедника очень интересна. Специальных работ на эту тему нет, хотя отдельные факты были отражены в публикациях научных сотрудников музея: Н.Т. Кузнецовой [1, с.2], Т.П. Грибановой [2, с.2] [3, с.2-3].

В 1928 году Шолоховы впервые приобрели в Вёшенской собственный дом и усадьбу (в настоящее время это дом № 103 по ул. Шолохова), где проживали до 1935 года. В этом доме Михаил Александрович упорно работал над рукописями «Тихого Дона», «Поднятой целины». В это время он активно выступал в защиту местных казаков-хлеборобов от несправедливых преследований и произвола и прямо обращался к И.В. Сталину во имя спасения тысяч людей от голода.

Крупные гонорары за «Донские рассказы» и первые книги «Тихого Дона» дали писателю возможность построить для растущей семьи более просторный дом. А для себя лично – первый в его жизни относительно удаленный от домашних шумов рабочий кабинет в мезонине, откуда открывался прекрасный вид на Дон. Так, в 1935 году семья Шолоховых переселилась в новый дом, который располагался на территории нынешней усадьбы.

Грянула Великая Отечественная война. 23 июня 1941 года Михаил Александрович отправил телеграмму Наркому обороны С.К. Тимошенко с просьбой призвать его в ряды действующей РККА и зачислить в фонд обороны СССР недавно полученную писателем Сталинскую премию первой степени в размере 100 тыс. рублей [4, с. 73] [5].

В одну из бомбежек станицы фашистами пострадал не только дом Шолоховых, но и погибла мать

писателя. Семья Шолоховых была эвакуирована за Волгу, затем в Приуралье, а писатель, похоронив мать, вернулся на фронт. В качестве военного корреспондента Совинформбюро, газет «Правда» и «Красная звезда» М.А. Шолохов побывал на Западном, Южном, Юго-Западном, Сталинградском и 3-м Белорусском фронтах действующей армии [6].

Из эвакуации летом 1944 года Шолоховы вернулись в полуразрушенный дом. Отремонтировали одну из комнат 1-го этажа и провели в ней лето, а зиму 1944-1945 гг. – в предоставленной правительством квартире в Москве, в Староконюшенном переулке.

10 марта 1946 года было принято постановление СНК Союза СССР №549 «О мероприятиях по постройке дач для действительных членов АН СССР» [7, с. 210], а 18 марта 1946 года – соответствующее распоряжение по Академии Наук СССР [8, с. 211]. В числе этих академиков был и Шолохов, который являлся действительным членом Академии наук СССР с 1939 года, поэтому дача под Москвой полагалась и ему. Это было реальное решение проблемы жилья для писателя и его семьи. Однако Шолохов всегда стремился жить в Вешенской, и Михаилу Александровичу по его просьбе была предоставлена возможность на выделенные правительством деньги вместо дачи под Москвой или Ленинградом построить дом в ст. Вешенской взамен разрушенного в войну.

На заседании исполкома Вешенского районного Совета депутатов трудящихся Ростовской области было решено расширить существующую площадь усадьбы М.А. Шолохова, довести общий размер усадьбы до 1,2 га [9].

Новый дом для М.А. Шолохова строился по проекту архитектора В.В. Барина с 1946 по 1949 гг. В основу был положен типовой дачный проект, дополненный элементами декора.

Дом сложной конфигурации, двухэтажный, с чердачной крышей, под западной частью подвал, в одном из отделений которого котельная. С южной стороны – терраса, два балкона с южной и северной сторон.

Дом строился из натуральных материалов: фундаменты буковые, стены и перегородки из бруса. Первый этаж из сосны, второй – из лиственных пород. Лес возили из Брянска. Внутри дома между этажами установлена дубовая лестница. Оконные и дверные блоки привозили из Москвы [10].

Положенная сумма была израсходована в самом начале строительства и, чтобы завершить его, писатель взял денежную ссуду в кассе Управления Делами ЦК ВКП (б). Выплачивал её М.А. Шолохов 25 лет, до 1974 года. Общая сумма затрат на строительство дома составила 983,1 тыс. руб., из них Академстрой оплатил только 360,5 тыс. руб., а остальную сумму Шолохов выплатил самостоятельно [11].

14 января 1949 года большой и дружной семьей Шолоховы вселились в новый дом.

М.П. Шолохова, супруга писателя, вспоминала: «В новом доме возможности были более широкими, у Михаила Александровича стало два кабинета. Малый кабинет <...> был рабочим. Михаил Александрович любил эту комнату, говорил, что там уютнее и как-то лучше работается. Он мог там работать и ночью, и отдыхал там после обеда, читая. А второй кабинет – большая комната, где он работал только днем, а также принимал иногда посетителей.<...>

Семья наша с каждым годом увеличивалась, пошли внуки, правнуки... Дети учились в высших учебных заведениях. На каникулах они никогда не стремились куда-либо поехать, только в Вешки...» [12, с.233].

В этом доме писателю суждено было прожить 35 лет. Здесь он воссоздал утраченную во время Великой Отечественной войны 2-ю книгу романа «Поднятая целина», написал рассказ «Судьба человека», работал над романом «Они сражались за Родину». Из этого дома Михаил Александрович совершал важные деловые и туристические поездки по стране и за рубеж. Именно сюда приезжали российские и зарубежные коллеги, политические деятели, представители различных областей науки и труда, культуры и искусства, многочисленные делегации гостей. Сюда за помощью в благоустройстве родного края обращались к Михаилу Александровичу его земляки. В этом доме росла и крепла большая дружная семья Шолоховых.

М.А. Шолохова не стало 21 февраля 1984 года. Могила писателя находится в южной части усадьбы. Это было любимое место Михаила Александровича и Марии Петровны. Сидя на скамейке и любуясь Доном, он как-то сказал, что хотел бы быть похороненным здесь.

11 июля 1984 года постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 302 «Об увековечении памяти дважды Героя Социалистического Труда писателя и общественного деятеля М.А. Шолохова» был создан Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова [13, с.469]. Дом и усадьба М.А. Шолохова постановлением были включены в состав музея, но принадлежали семье.

В 1987 году, в третью годовщину со дня смерти писателя, его жена Мария Петровна и дети – Светлана, Александр, Михаил и Мария – передали дом в дар государству.

При подписании договора Мария Петровна сказала: «Я и мои дети решили передать в дар государству дом и домовладение с одной целью, чтобы здесь всегда царил дух гостеприимства, как и при жизни хозяина».[14, с.469-470].

С акта дарения наследниками дома и усадьбы государству и начинается история дома писателя как мемориального музея.

После смерти писателя главой семьи и хранительницей традиций в Доме оставалась его супруга,

Мария Петровна. Пока она была жива, Дом имел двойной статус – жилой дом и музей. Поклониться могиле Михаила Александровича приезжали тысячи людей. Поэтому ещё весной 1985 года был сделан дополнительный отдельный вход – к могиле Михаила Александровича, и она стала открытой для посещения [15].

До последних дней Мария Петровна не потеряла интереса к общению с людьми, близкими ей по духу, живо интересовалась положением дел в стране, на Дону, в станице. Её посещали друзья семьи, руководители области и районов, военачальники, писатели, журналисты, работники музея. Ей много писали и соотечественники, и иностранцы, с некоторыми из них она вела переписку. Принимала Мария Петровна и посильное участие в становлении музея.

20 января 1992 года не стало Марии Петровны. Её могила находится рядом с могилой Михаила Александровича. Вместе, как и при жизни.

После смерти Марии Петровны дом писателя стали готовить к открытию для посетителей. Всё лето и осень 1993 года в доме шли ремонтно-реставрационные работы. Кроме того, при участии семьи Шолоховых велась большая работа по подготовке экспозиции в Мемориальном доме: разработка научной концепции экспозиции, подбор экспонатов, работа с архивами, подготовка экскурсионных текстов.

С первых дней работы дома-музея его возглавила Валентина Исмаиловна Шолохова, жена младшего сына писателя, став заведующей отделом.

В период подготовки к открытию Мемориального Дома бесценную помощь оказали дети и родственники Шолоховых: Светлана Михайловна, Михаил Михайлович, Мария Михайловна, Валентина Исмаиловна. Сотрудники музея несколько дней записывали на магнитофон их воспоминания, рассказы об отдельных моментах семейной биографии, о традициях семьи, привычках писателя и членов семьи Шолоховых, их любимых занятиях во время отдыха, об их гостеприимстве, о друзьях семьи, о поездках за рубеж, о семейных торжествах и т.д. Из первых уст слышали рассказы о довоенной библиотеке Шолохова, его увлечении охотой и рыбалкой. Очень интересно и важно было услышать легенды мемориальных вещей дома. Всё это позволило создать полноценный, интересный текст экскурсии, который пополнялся в последующие годы всё новыми подробностями и воспоминаниями.

19 февраля 1994 года, в канун 10-й годовщины со дня смерти писателя, на церемонию открытия собрались главы и представители администраций близлежащих городов и районов Ростовской и Волгоградской областей, ученые-литературоведы, писатели, работники музея-заповедника, старожилы Вёшенской.

Открывая митинг, министр культуры РСФСР Ю.С. Мелентьев (1974-1990) сказал: «Сегодня в жизни тихого Дона, в истории русской культуры большой день. На родине великого писателя, в родовом гнезде Шолоховых, как главная жемчужина духовного ожерелья музея-заповедника, открывается главный мемориальный дом.

Отныне двери всемирно известного шолоховского дома будут всегда открыты для вёшенцев, для тысяч и тысяч гостей, которые приедут со всех концов России, из многих уголков земного шара, чтобы поклониться памяти великого писателя, благоговейно пройти по комнатам – вечным свидетелям его трудов и беспокойных дум, его нравственного подвига, его повседневной жизни и его бессмертия...» [16, с. 1].

Эти слова оказались пророческими. Дом-музей ежедневно посещаем десятками и сотнями людей, сегодня это самый посещаемый объект музея-заповедника. Количество их увеличивается с каждым годом. Основное впечатление, которым делятся экскурсанты, покидая дом, – это ощущение простоты и величия писателя, ощущение того, что Шолохов – писатель, сохранивший свои корни, что он был главой большой и дружной семьи, отцом, сумевшим передать любовь к родной земле своим детям и внукам. Сколько тёплых и восторженных слов сказано людьми, побывавшими на экскурсии.

Имя Шолохова продолжает жить, оно не стирается временем. И это понимаешь здесь, в Доме-музее, с большей силой, чем где-нибудь в другом месте.

Разумеется, каждый из нас приходит к постижению Шолохова своим путем: в зависимости от того, что пережито читателем к этому возрасту, от того, насколько богат его собственный духовный мир. Но безусловно одно: сменяются поколения, а интерес к творчеству и личности писателя не угасает. А значит, как и раньше, в Дом писателя будут стремиться посетители, а история Мемориального Дома-музея М. А. Шолохова будет пополняться всё новыми и новыми страницами.

Список литературы

1. Кузнецова Н.Т. Открыт дом-музей // Тихий Дон. – 1994. – №20.
2. Грибанова Т.П. Уникальное сооружение // Тихий Дон. – 1994. – №20.
3. Грибанова Т.П. Музей и район – едины // Тихий Дон. – 1994. – №119.
4. Шолохов М.А. Собр. соч.: В 8 т. – Т. 8. – М., 1986. – 383 с.
5. Книжка сберегательная М.А. Шолохова (с записью о перечислении Сталинской премии в Фонд обороны). Счет №152. 1941-1944. ГМЗШ КП-234.
6. Личное дело полковника Шолохова М.А. Копия. ГМЗШ КП-38.
7. Михаил Шолохов: Летопись жизни и творчества (материалы к биогр.) / Сост. Н.Т. Кузнецова. –

- М., 2005. – 536 с.
8. Михаил Шолохов: Летопись жизни и творчества (материалы к биограф.) / Сост. Н.Т. Кузнецова. – М., 2005. – 536 с.
9. Архивная копия Протокола №18 заседания исполкома Вешенского районного Совета депутатов трудящихся Ростовской области. 10 августа 1946 г. ГМЗШ ВХ-5272.
10. Калганов Н.В., Смирнов А.И. Воспоминания о строительстве дома М.А. Шолохова. ГМЗШ КП-3452.
11. Усадьба, где жил и работал в 1949-1984 годах М.А. Шолохов [Электронный ресурс] URL: http://mkrf.ru/ministerstvo/departament/list.php?SECTION_ID=62229&t=sb (Дата обращения: 11.12.2014).
12. Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. 1905-1941. – Кн. 1. – М., 2005. – 813 с.
13. Михаил Шолохов: Летопись жизни и творчества (материалы к биограф.) / Сост. Н.Т. Кузнецова. – М., 2005. – 536 с.
14. Михаил Шолохов: Летопись жизни и творчества (материалы к биограф.) / Сост. Н.Т. Кузнецова. – М., 2005. – 536 с.
15. Паспорт объекта культурного наследия «Усадьба, где жил и работал в 1949-1984 гг. М.А. Шолохов».
16. Ганжин П. Сюда не зарастет народная тропа // Тихий Дон. – 1994. – №22.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ КАК ПРОСТРАНСТВО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ, ФОРМ И МЕТОДОВ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКИ

И.Н. Пришвина

г. Касимов

Аннотация: В статье рассматривается актуальность обращения к исследованию роли историко-этнографического музея как феномена социокультурного пространства современной провинции. Автором привлечен и изучен большой массив современной научной литературы, в том числе эмпирические данные. В связи с возрастающим вниманием общества к феномену музея расширяется количество и тематика музееведческих исследований. В первую очередь это касается историко-этнографических музеев как наименее представленных и изученных по сравнению с художественными музеями. Автор подводит к важному выводу, что ценность и специфичность историко-этнографических музеев в современной социокультурной ситуации заключается в междисциплинарном характере коллекций, представляющих внутренние связи различных явлений в жизни общества, расширяющих общекультурный кругозор и формирующих историческое сознание. Историко-этнографическим музеям отводится значительная роль в развитии межкультурного диалога, способствующего взаимопониманию народов друг с другом, как одного из важнейших аспектов формирования культурной политики в многоэтническом государстве.

Ключевые слова: Касимов, уездный город, провинция, этнографический музей, культурное наследие, социокультурное пространство

PROVINCIAL HISTORICAL-ETHNOGRAPHIC MUSEUM AS A SPACE TO IMPLEMENT VARIOUS DIRECTIONS, FORMS AND METHODS OF SOCIO-CULTURAL PRACTICE

I.N. Prishvina

Abstract: The article discusses the relevance of studying the role of historical and ethnographic museum as a phenomenon of social and cultural space of the modern province. The author investigates a large amount of current scientific literature and empirical data. Due to the increasing public attention to the phenomenon of the museum the range of research topics in the field of museum work expands greatly. First of all it concerns historical and ethnographic museums as the least studied in comparison with art museums. The author leads to the important conclusion that the value and specificity of historical and ethnographic museums in the contemporary socio-cultural situation is in the interdisciplinary nature of their collections, representing the internal connections of various phenomena in society and expanding general cultural horizons thus forming historical consciousness. Historical and ethnographic museums play a major role in the development of intercultural dialogue and promote mutual understanding of peoples, being one of the most important aspects of forming cultural policy in a multi-ethnic state.

Keywords: Kasimov, county town, province, Ethnographic Museum, cultural heritage, socio-cultural space

Музей – научно-исследовательское или научно-просветительское учреждение, осуществляющее хранение, комплектование, изучение и популяризацию памятников естественной истории, материальной и духовной культуры [1, с. 200].

Во многих случаях причины возникновения музеев похожи на те, по которым за несколько веков до этого возникли национальные государства. Музеи, в первую очередь, были призваны проводить государственную идеологию, а также быть собирателями, накопителями и распространителями информации, сформированной этой идеологией. Они должны были обслуживать государственную политику и проводить ее на местах. В ответ на это государство направляло в учреждения культуры часть своих финансовых и других материальных ресурсов. В частности, музеям вменялось в обязанность собирать и хранить все связанное с культурой, общественной и естественной историей данной страны или территории.

В настоящее время публика выдвигает к этнографическим музеям самые разные требования. Как и другим учреждениям культуры, музеям предстоит действовать в меняющихся обстоятельствах и заново определять свою миссию, находить рынки, корректировать менеджмент. Необходимость этих изменений вытекает из их происхождения – этнографические музеи в Европе часто воспринимаются как колониальные. В России, где первый Этнографический музей выделился из петербургской Кунсткамеры и имел задачей показывать культуру «народов преимущественно России», он был, тем не менее, долгое время единственным в стране источником оригинальной информации о традиционной этнографии народов мира. Показ народной культуры с упором на этнографическую экзотику не соответствует современным нормам музейной жизни.

Одной из задач этнографических музеев должно стать преодоление этноцентризма. В этом часто обвиняют многие музеи (не только этнографические), базирующиеся на европейских концепциях. Именно музеи, по Уставу, являются хранителями материальных памятников деятельности человека, но ведь достижения человечества не ограничиваются одними только материальными памятниками культуры [5, с. 103].

В странах азиатско-тихоокеанского региона, в частности, высказывается несколько иное мнение о миссии музеев. Она не исчерпывается только хранением и изучением коллекций. Местное население видит в музеях, прежде всего, культурные центры, механизмы для передачи традиций (в том числе письменных), а также нейтральную территорию, на которой могли бы встречаться и вести диалог представители разных общин. В Музее Филда (Чикаго) эти функции выполняет общинный дом, вывезенный из Новой Зеландии в конце 19 века, реставрированный и восстановленный на экспозиции несколько лет назад совместно музейными работниками и марийской общиной (по её требованию).

Окружающая музеи среда – и природа, и люди – сегодня значительно изменилась. Во многом по-новому предстоит решать вопрос, кто будет определять характер экспонирования тех или иных предметов. Делать это силами только одного хранителя или группы музейных специалистов уже невозможно. Аборигены Австралии, американские индейцы и др. запрещают выставлять предметы своих религиозных культов в музейных витринах. Ряд музеев уже планирует новые экспозиции и публикует этнографические коллекции совместно с представителями общин. Хранители могут выступать тут, скорее, как координаторы, зная контекст, в котором выступают предметы.

Музеи являются одним из самых мощных инструментов для преодоления отчуждения между людьми. Наиболее активные мировые движения в наше время можно объединить в гражданские (национализм, патриотизм, натурализация, ассимиляция и пр.) движения за сохранение самобытности и за социальную справедливость. Очень часто понятие этнической принадлежности сводят только к языку и культуре, причём под культурой в этом случае подразумевают только народное искусство (высокое искусство и прочее культурное наследие, таким образом, исключается). Вопрос самобытности, однако, это, скорее, вопрос духа, чувства, ощущения принадлежности к группе; он связан уже не только с географией [7, с. 199-209].

Каждая нация передаёт свою культуру путём воспитания и обучения как дар, который сохраняется и развивается, поскольку делает жизнь каждой отдельной личности и жизнь других народов богаче. Культуры развиваются благодаря взаимодействию с другими. Особую актуальность приобрели проблемы культурной самобытности в рамках Европейского союза. Унификация и стандартизация промышленной культуры, осуществляемая в рамках этой экономической зоны, затрагивают и общую сферу культуры. Неоднократно подчёркивалось, что единая Европа состоит из множества культур, но единство не предполагает одинаковость. Эта тема становится крайне политизированной.

Кроме того, в современном мире происходит быстрое перемещение значительных людских масс (эмигранты, беженцы, сезонные рабочие, студенты и пр.). Практически во всех странах проживают крупные группы выходцев из других государств и континентов. Эти новые общины (чаще всего отличающиеся и по расовым признакам) на новом месте жительства хотят добиться уважительного отношения к себе соседей. Этнографические музеи призваны показать достоинства, достижения и жизненность их культур (прежде всего исламских) [4, с. 191]. Так, в Берлинском музее народоведения в

1994 году была подготовлена выставка «Чужой: кто это?». Она была открыта в Детском музее и рассказывала о бытовой культуре (обстановке квартиры, домашней одежде, пище, утвари, развлечениях и пр.) некоторых крупных этнических групп, живущих в Берлине, - турок, курдов, поляков.

Музеи существуют в совершенно ином информационном пространстве, в котором особая культура формируется телевидение, видео, радио и т.п. В больших городах, где в основном сосредоточены крупные музеи, дети зачастую затрудняются в определении своей этнокультурной принадлежности и очень мало знают о своих корнях. Парадоксально, что массовая культура строится часто на основе самых разных этнических культур. В Европе растёт число разнообразных эскапистских клубов, имитирующих этнические культуры («индейцев», «викингов», псевдовосточные группы) [6, с. 73-80].

Одна из основных миссий музеев – обучать, но они должны и доставлять удовольствие, сочетая обучение с развлечением. Музеи выступают противовесом средствам массовой информации, которые всё больше специализируются на показе катастроф, насилия, войны, голода, таким образом, создавая искажённое впечатление о современном мире. Музеи же демонстрируют творческий потенциал человечества, его способность создавать и сохранять, так как их коллекции свидетельствуют о многообразии культуры, о свободе мысли, веры, сосуществовании разных стандартов и ценностей.

Интерес к этнической истории, к памятникам национальной культуры с наибольшей силой и остротой проявляется в переломные исторические эпохи, когда общество пытается осмыслить прошлое и заглянуть в будущее. В России этот интерес возникал и на рубеже XVIII – XIX столетий, и в конце XIX – начале XX века. Не является исключением и рубеж XX – XXI вв., наблюдается всплеск интереса к этнической истории и многонациональной культуре России, активизация научных исследований в этой сфере. Обозначился новый этап осмысления культурного наследия и роли музеев как социокультурных институтов, выполняющих важные, и прежде всего, идеологические функции. Значительное место в ряду подобных институтов принадлежит историко-этнографическим музеям. Сохраняя культурное наследие, увековечивая в коллективной памяти человеческую историю, они одновременно являются «генераторами» культуры, выполняя эту функцию со времени своего создания в тесной связи с той ролью, которую они выполняют в обществе.

Суть понятия «культурное наследие», несмотря на активное его использование, ещё не достаточно полно изучена в философском, историческом и культурологическом аспектах [3, с. 284]. Малоизученной, как справедливо отмечает Е.Н. Мастеница, остается проблема взаимодействия культурного наследия и музея. Понятия «культура», «культурное наследие», «музей» неоднозначны и глубоко историчны. В разные эпохи в них вкладывалось различное содержание, основанное на смене социально-экономических, идеологических и культурно-образовательных парадигм.

С точки зрения культурной антропологии культура рассматривается как качественный уровень развития конкретного общества, выраженный в результатах материальной и духовной деятельности людей. Как целостное явление культура связана с духовной и материальной сферами жизнедеятельности общества. Системное исследование явлений культуры вряд ли было бы возможно вне эмпирического материала, который представили такие гуманитарные науки, как этнография, антропология, социология, история, археология [5, с. 103]. На процесс формирования концепции культуры последовательно оказали влияние теологические идеи Тейяра-де Шардена, К. Ранера, А.С. Позова, П.А. Флоренского, психологические идеи М. Мид, Р. Бенедикт, И. Чайлда, структурно-функциональные Б. Малиновского, А.Р. Рэдклифф Брауна, символические К. Леви-Строса, Э. Лича, В. Тернера". С этнологической точки зрения феномен культуры рассматривается представителями разных этнологических школ (эволюционной, диффузионистической, исторической)". Особый интерес представляют взгляды представителей исторической школы: Ф. Боаса, Ф. Гребнера, Г. Эллиот-Смита, К. Уисслера, А. Кребера и Р. Лоуи". Эмпирические и теоретические подходы к изучению материальной и духовной культуры человечества этих исследователей наиболее полно раскрывают значимую ценность этнографических музейных собраний. В основе концепции культуры американской исторической школы Ф. Боаса и принципов функционирования этнографических музеев лежат одинаковые постулаты, которые могут быть сведены к следующему: эволюционный принцип: эволюционные идеи, ставшие традиционными для немецкой культурно-исторической школы; естественнонаучный принцип: жесткое требование всемерно стремиться к упразднению пробелов в конкретном изучении культур народов мира путем сбора строго систематизированных коллекций, основанный на принципе серийности материалов; принцип эмпиризма: максимальное расширение эмпирической базы исследований путем накопления этнографического материала (артефакты, записи бесед с информаторами, полевые наблюдения и др.); следование методике ареального изучения культурных традиций. Конкретная этнокультурная проблематика исследуется на ограниченных историко-географических пространствах, которые изучаются исследователем в течение определенного отрезка времени с использованием статистического метода анализа распространения разнообразных или похожих типов артефактов, их взаимопроникновения или ассимиляции, их связи с определенной культурной областью; при исследовании и коллекционировании предметов учитываются многие сопутствующие факторы (лингвистические данные, этнопсихологические наблюдения, рассказы информаторов); диалектический, или индуктивный, принцип: диалектическое сочетание строго описательного метода эмпирических (этнографических

артефактов) материалов и избегание спекулятивных обобщений, интерпретационная обработка собранных в поле материалов осуществляется с учетом исследований в области этногенеза, при этом полевые данные не должны подгоняться заранее под созданные теоретические построения.

Разработки в области концептирования культурных процессов вначале представителями немецкой культурно-исторической школы, а затем учеными американской исторической школы и становление этнографической музеефикации развивались в одном направлении по линии накопления эмпирического материала. Для этнографических музеев это были коллекционные фонды. Новая стадия развития в этой области совместной культурной и культурологической деятельности обозначилась в трудах последователя Ф. Боаса А. Кребера. Разрабатывая концепцию культуры и находясь под влиянием идей Г. Риккерт, О. Шпенглера, А. Тойнби, Кребер смог преодолеть ограниченность идей Боаса и предложить новое понимание культуры. Он ввел понятия реальной и ценностности культур, создал «стилистический» подход к типологии культуры, разработал циклическую модель развития культуры, которую назвал «конфигурацией культурного роста» [4, с. 191]. В практике этнографического музееведения разработки А. Кребера получили подкрепление в тематических экспозициях, теории временных выставок и тематических выставочных проектах. В качестве удачных примеров таких музейных этнографических разработок, обобщающих эмпирические материалы на культурологическом уровне, могут быть названы выставочные проекты «На перекрестке континентов» (Смитсоновский институт, США) и «Парад народов», раскрывший панораму диалога культур коренного населения Европы и Азии (Санкт-Петербург, Российский Этнографический музей) [6, с. 73-80].

Временные выставки и тематические музейные экспозиции являются своего рода актами «культуротворения», формой живого диалога артефакта со зрителями. В моменты жизни тематических выставочных проектов осуществляется не только нарративный (ориентированный на рациональное восприятие) контакт зрителя и вещи, но и воздействие артефактов на чувства зрителя иррациональным путем. В центре внимания этнографической экспозиции - проблемы духовного мира человека, его попытки обобщить выработанные поколениями знания об окружающей действительности, о самом себе, сведение этой информации в цельную гармоническую систему. Временные тематические экспозиции и выставки по конкретным культурологическим проектам через эстетику дизайна осуществляют культурный перевод мироощущения создателей этнографических артефактов, которые становятся понятными современному зрителю. Парадигма «образа-действия-знака» позволяет с большей наглядностью донести до зрителей не только идейное содержание (концепцию конкретной выставки или временной тематической экспозиции), но и толкование самой концепции культуры. Этнографические коллекции, выставленные по принципам тематических экспозиций, раскрывают перед зрителем конкретные аспекты «структур повседневности» не с враждебной, а с полезной для человека стороны, заставляют работать этнографические артефакты во благо человека [2, с. 288].

Таким образом, в полной мере можно утверждать, что этнологическая наука и этнографическое музеефицирование являются перспективными и развиваются в соответствии с тенденциями этнографического музеефицирования. Сегодня среди таких тенденций можно выделить две основные, нашедшие выражение в музееологической теории. Первая (постоянные этнографические музейные экспозиции, построенные по этнографическому принципу) в идейно-генетическом плане связана с концепциями культуры немецкой, а затем американской культурно-исторических школ и ее основоположника Ф. Боаса, вторая (тематические музейные экспозиции, временные выставки и выставочные проекты) - с культурологическими разработками в области культурно-исторических типологий А. Кребера.

Как показал практический опыт работы историко-этнографических музеев, оба направления удачно сочетаются, способствуя развитию прикладной культурологии, одной из основных задач которой является внедрение в жизнь музейно-образовательных проектов, а также разработка культурной политики.

Активное развитие проектных форм работы позволяет сегодня историко-этнографическим музеям принимать деятельное участие в решении первоочередных задач современности. Историко-этнографическим музеям принадлежит особая роль в документировании этнической культуры в ее национальном своеобразии и конкретном историческом и социальном контексте. Их коллекции рассматриваются как результат и одновременно свидетельство исторического развития различных компонентов культуры этносов. Всестороннее изучение их направлено в совокупности на познание закономерностей возникновения и функционирования народной культуры, являющейся собственно предметной областью этнографических наук.

Анализ современной социокультурной ситуации раскрывает сложное взаимодействие глобальных и локальных тенденций, которые проявляются во всех сферах, в том числе и в сфере культуры и науки. Стремительное развитие естественных и точных наук, углубление представлений о научной картине мира, формирование новых областей гуманитарного, социального, исторического, культурологического знания, осмысление роли техники и информации в современном мире, усложнение социальных форм организации науки на всех уровнях, вплоть до глобального, формирование комплексных междисциплинарных областей знания, понятий, подходов, дисциплин привели к серьезной перестройке научного пространства. Социальные и гуманитарные науки заняты сегодня

переосмыслением проблем многообразия, многосоставности и знаковости культур в связи с ростом динамики культурных процессов в мире, отказом от универсалистских глобальных антиномий, созданием многополярной модели мира. Отражая происходящие кардинальные изменения в обществе и культуре, историко-этнографические музеи в современном мире также переживают существенные трансформации. Историко-этнографический музей приобретает все большее социокультурное значение, возрастает его роль не только в сохранении и интерпретации культурного наследия, но и в сложных процессах социальной адаптации, культурной и этнической идентификации.

Список литературы

1. Аскарлов Ш.Д. Регион – пространство – город. – М.: Стройиздат, 2008. – 200 с.
2. Гуревич П.С. Культурология. Учебное пособие. – М.: Знание, 2006. – 288 с.
3. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: Логико-методологический анализ. – М.: Мысль, 2013. – 284 с.
4. Орлова Э.А. Современная городская культура и человек. – М.: Наука, 2007. – 191 с.
5. Розин В.М. Введение в культурологию. – М.: Международная педагогическая академия, 2014. – 103 с.
6. Славина Т.А., Семенов С.В. Историко-культурное наследие города // Культура города: проблемы качества городской среды: Сб. науч. тр. – М.: НИИ культуры. – 2006. – С. 73-80.
7. Яковенко И.Г., Пелипенко А.А. Культурософия: категории и понятия // Философские исследования. – 2014. – №1. – С. 199-209.

РОЛЬ КОЗЬМОДЕМЬЯНСКОГО МУЗЕЯ КУПЕЧЕСКОГО БЫТА В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О РОССИЙСКОМ КУПЕЧЕСТВЕ

Н.В. Сильвестрова

Козьмодемьянский музей купеческого быта

МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс», Республика Марий Эл

Аннотация: В данной статье автор рассматривает историю старинного купеческого особняка А.И. Шишочкина. В настоящее время здесь располагается Музей купеческого быта – своеобразный памятник российскому купечеству. Приводятся сведения о некоторых экспонатах из коллекции музея.

Ключевые слова: музей, историческая память, коллекция, интерьер, купечество, экспонат.

THE ROLE OF THE MUSEUM OF "MERCHANT LIFE" OF KOZMODEMYANSK IN THE PRESERVATION OF THE HISTORICAL MEMORY OF RUSSIAN MERCHANTS

N.V. Silvestrova

Abstract: In this article the author examines the history of the old merchant's mansion of A.I. Shishokin. Currently there is the Museum of "Merchant life" here, it is a kind of monument to Russian merchants. The article provides information about some of the exhibits from the Museum's collection.

Keywords: Museum, historical memory, the collection, the interior, the merchants, the exhibit.

Музей купеческого быта входит в состав Муниципального учреждения «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс». Располагается музей в старинном купеческом особняке с цокольным этажом, антресолями и мезонином. Особняк был построен в 1897 году, принадлежал купцу-лесопромышленнику Александру Ивановичу Шишочкину.

Семья Шишочкиных появилась в Козьмодемьянске в начале 1860-х годов: крестьянин Иван Иванович Шишочкин переехал в наш старинный город из села Верхнего Белоомута Рязанской губернии. Его сын Александр Шишочкин служил приказчиком у П.Ф. Бычкова, городского головы, купца 2-й гильдии. Вскоре стал заниматься торговлей самостоятельно, в 1878 году открыл портерную лавку. Накопив капитал, А.И. Шишочкин стал заниматься торговлей лесом, был купцом 2-й гильдии. В 1896 году ему принадлежали три завода: Лопатинский, Кушергский и Мариинский. В 1897 году в Козьмодемьянске на ул. Вознесенской для семьи Шишочкиных был построен деревянный особняк, богато украшенный резьбой. Александру Ивановичу принадлежало 5 домов в Козьмодемьянске, а его супруге Екатерине Ефимовне – 3 дома. В 1899г. А.И. Шишочкин разорился, его заводы были заложены, а 9 января 1902г. состоялись первые торги [19, с.10].

Таким образом, в начале XX века особняк на Вознесенской был продан «Торговому дому» купцов Губиных, здесь находились конторы. «Торговый дом» был основан купцами-

лесопромышленниками Иваном, Василием и Александром Губиными. Родом они были из с.Ижевское Спасского уезда Рязанской губернии, но считали себя астраханскими купцами, владели в Астрахани шестью домами. Купцам Губиным принадлежали лесопильные заводы около с.Коротни и в п.Лопатино (сейчас г.Волжск). Последним владельцем особняка был Александр Александрович Губин.

После 1917 года дом был национализирован: здесь находился уездный комитет РКП(б), до начала 1980-х годов комитет ВЛКСМ, редакция газеты «Ленинский путь». После переезда редакции в другое здание дом был передан под жилье. В 1995 году в старинном особняке открыли Музей мебельного мастерства, а с 2001 года это Музей купеческого быта.

Музей является хранителем исторической памяти о российском купечестве: интерьеры музея воссозданы из подлинных предметов быта того времени, что позволяет почувствовать прелесть и размеренность ушедшей эпохи.

Важным представляется то, что образ Музея купеческого быта во многом является собирательным, но в этом особняке чувствуется атмосфера конца XIX — начала XX веков. Строгость, функциональность, художественный вкус служат основными характеристиками обстановки данного дома. В настоящее время в музее расположены 9 залов, рассказывающих об образе жизни и нравах этого сословия: гостиная, рабочий кабинет, столовая, спальни купца и купчихи, спальня дочери купца, комната модистки, мезонин и вставочный зал. Со времени постройки дома сохранился паркетный пол - настоящий дубовый паркет. Паркетом были выложены все комнаты, причём рисунок нигде не повторялся, он был в каждой комнате свой, оригинальный. Сейчас паркет сохранился только в трех залах: гостиной, рабочем кабинете и в одной из спален. Сохранилась оригинальная лепнина на потолке конца 19 века, при ремонте дома она была покрыта белой краской, и печи-голландки со старинными изразцами, топившиеся из коридоров.

В данной статье речь пойдёт об истории некоторых экспонатов из коллекции музея.

Коробка из-под торта «Наполеон»

Для экспозиции Музея купеческого быта данный экспонат представляет исторический интерес. Кондитерская фабрика, на которой торт был изготовлен, принадлежала Кондратию Григорьевичу Пирогову. Пряничное заведение Пирогова находилось в Казани на Большой Проломной улице, сейчас это ул. Баумана [10, с.63].

Имя К.Г.Пирогова упоминается в издании «Адрес-календарь Казанской губернии на 1915 год» в перечне крупнейших торгово-промышленных предприятий г. Казани: Пирогов Кондратий Григорьевич, хл.-бакал. и конд.- Вознесенская, свой дом [1, с.686]. На откидной крышке имеется копия портрета Наполеона работы французского живописца Поля Делароша. На боковых стенках изображены атака на Бородинском поле и отступление французов под названием «Последний барабанщик».

По одной из версий, торт впервые был приготовлен в 1912 году, когда Россия торжественно отмечала столетие со дня победы над французами. Во многих кондитерских появились коробки с портретами героев Отечественной войны: Кутузова, Барклая-де-Толли, Багратиона, Давыдова и... Наполеона. Среди прочих был торт, который нарезали на треугольники - по форме шляпы знаменитого полководца. Согласно другой версии, слоёный торт с кремом не имеет отношения к Наполеону Бонапарту. Он был испечён в годы правления Наполеона III. Его пекут по сей день, но называют иначе - «Millefeuille», что означает «тысяча слоев».

Стиральная машина

Стиральная машина представляет собой деревянную круглую «крышку» с колесом и лопастями. Такое приспособление для стирки белья ставили на бочку с водой, колесо вращали, и таким образом стирали, «перелопачивали» мокрое бельё. Стиральная машина из экспозиции Музея купеческого быта принадлежала семье городского головы П.Ф.Бычкова.

Отметим, что впервые "устройство для стирки белья" было официально зарегистрировано в 1856 году. Патент на изобретение получил американец Мур. Он предложил деревянный ящик на колесах, над которым двигалась деревянная рама сложной конструкции. В ящик складывали бельё, до половины заполняли деревянными шариками и заливали моющим раствором. Приводимая рычагом рама двигалась вверх-вниз, шарики перекачивались по белью [12]. До конца 19 века машины для стирки в основном приводились в движение мускульной силой человека или животных [15, с.12].

В 1900 году Карл Миле доработал конструкцию маслобойки (деревянной кадки с вращающимися от ручного привода лопастями) и приспособил её для стирки белья. В том же году начался серийный выпуск таких деревянных стиральных машин. Кстати, не обошлось и без курьезов. Когда в начале XX века в Российскую Империю завезли партию немецких стиральных машин, смекалистые русские быстро приспособили их под... маслобойки. Партия была моментально раскуплена, а бельё продолжали стирать руками.

Мороженица

Необычный экспонат, представленный в Музее купеческого быта, - это мороженица. Мороженица представляет собой металлическую капсулу с крышкой. Сосуд с приготовленной сладкой массой из сливок, сахара и яиц ставили в бочку со льдом, время от времени вращали, и получалось домашнее мороженое. Мороженое в России известно достаточно давно: ещё в Киевской Руси было распространено замороженное наструганное молоко. Замороженные десерты стали приобретать

популярность при Екатерине II. Так, в 1791 году в Москве вышла «Новейшая и полная поваренная книга», где были опубликованы рецепты приготовления мороженого из сливок, шоколада, лимонов, апельсинов, смородины, малины, вишни, клюквы и яичных белков [5].

Как известно, для приготовления мороженого необходима постоянная низкая температура примерно -7°C . Такую температуру можно получить при использовании не чистого льда, а льдо-соляной смеси: одну часть соли перемешивают с тремя частями раздробленного на кусочки льда. Поэтому в лёд добавляли соль.

Табакорубка

Табакорубка – устройство для измельчения табака, изготовленное из металла тёмно-коричневого цвета. Три металлические ножки табакорубки прикреплены к деревянной подставке. Верхняя часть табакорубки является съёмной, на её поверхности имеется надпись «D.R.PATENT».

Ковёр «Сватовство царя Алексея Михайловича»

Сюжет ковра, возможно, связан с историей сватовства царя Алексея Михайловича. Девушка в голубом сарафане, изображённая на ковре, - Евфимия (Ефимия) Фёдоровна Всеволожская (1629 или 1630-1657) — царская невеста, дочь касимовского помещика. В 1647 году был устроен смотр невест для царя Алексея Михайловича, в котором участвовало 200 девушек. Царской невестой была избрана Евфимия. По одной из версий, при одевании в первый раз в царскую одежду сальные девушки так затянули волосы на голове Всеволожской, что она упала в обморок при женихе. Решили, что девушка больна, страдает падучей болезнью (эпилепсией). Царскую невесту увезли из терема и отправили в монастырь с приказом постричь в монахини. Однако заточение в монастырь было вскоре заменено отправкой в Тюмень, куда отца девушки спешно назначили воеводой. В 1653 году судьба семьи Всеволожских была решена окончательно: "Рафову жену Всеволожскую и детей ее сына Андрея и дочь Евфимию с людьми отпустить с Тюмени в Касимов, и быти ей и с детьми, и с людьми в Касимовском уезде в дальней деревне, а из деревни их к Москве и никуда не отпущать без государева указа". (Глава семьи к тому времени умер) [6, с.388].

Евфимия Всеволожская умерла в 1657 году, а Алексей Михайлович женился 16 января 1648 года на Марии Ильиничне Милославской.

Кресло «Дуга, топор и рукавицы»

В экспозиции Музея купеческого быта представлено кресло «Дуга, топор и рукавицы». Возможно, автором нашего варианта этого кресла является мастер М.Красильников. Принадлежало кресло владельцу Козьмодемьянской типографии.

Отметим, что впервые кресло под названием "Дуга, топор и рукавицы" изготовил Василий Петрович Шутов, петербургский мебельщик, мастер резьбы по дереву. Кресло может служить примером неорусского стиля в декоративно-прикладном искусстве. Идеи стиля зарождались в подмосковном Абрамцево, Талашкино Смоленской губернии, Сергиевом Посаде - наиболее ярких мебельных центрах того времени.

В.П.Шутов (1827-1887) происходил из богатой семьи, но его отец разорился, поэтому мальчика отдали в ученики в петербургскую столярную мастерскую, где обнаружили его художественные способности. 8 лет будущий мастер посещал биржевую школу рисования. В 27 лет Шутов стал владельцем собственной столярной мастерской [23].

В 1870 году его художественные столярные изделия были представлены на Всероссийской выставке в Петербурге и получили бронзовую медаль.

Самым оригинальным из представленных работ мастера стало кресло с атрибутами крестьянского быта: спинка его решена как дуга (один из элементов конской упряжи), на которой красуется надпись - любимая шутка – прибаутка всех ямщиков и ездоков: «Тише едешь - дальше будешь», подлокотники - в форме топоров; сиденье «покрывает» шитый рушник, а на выступающей из-под спинки-дуги части сиденья «лежат» оставленные кем-то резные рукавицы.

Популярность кресла была столь велика, что его аналоги можно было встретить и в квартирах демократической интеллигенции, и в особняках аристократии, и в кабинете императора Александра III. Кресло имело большой успех, и автору было заказано до пятидесяти его повторений. На изготовление этих предметов мебели у В.П.Шутова имелась привилегия от Департамента торговли и мануфактуры сроком на десять лет. По истечении срока привилегии появляются копии и варианты кресла, выполненные другими мастерами. Варианты получали новые детали: кнут, уздечку, лапти, балалайку, менялась форма сиденья, появлялись другие пословицы на дуге: «Поспешишь — людей насмешишь», «Написано пером — не вырубешь топором». Встречаются варианты, в которых мастер-исполнитель вырезал на дуге вместо пословицы свою фамилию [3, с.2].

После успеха на выставке 1870 года В.П.Шутов, преподаватель школы Общества поощрения художников и владелец столярно-резной мастерской в Петербурге, получает такие ответственные заказы, как резной иконостас для Новодевичьего монастыря, распятие для храма Воскресения Христова («Спасана-крови»), рамы для императорских портретов, а также носовые фигуры для серии броненосцев российского флота, изготовленные по моделям скульптора М. О. Микешина. В 1876 году Шутова приглашают преподавать в организуемое на средства барона А.Л. Штиглица Центральное училище технического рисования в Петербурге, ставившее своей задачей подготовку мастеров для художественной

промышленности.

Авторские копии кресла Шутова и его повторения другими мастерами встречаются во многих музейных собраниях, есть они и в частных коллекциях.

Настенные часы Торгового дома «М.П.Калашниковъ и сынъ»

В Музее купеческого быта представлены настенные часы, изготовленные Торговым домом «М.П.Калашниковъ» в Москве. Михаил Петрович Калашников родился 20 октября 1809 г., происходил из старинного купеческого рода, был купцом 1-ой гильдии. Торговал часами в Москве на улице Ильинке, в доме Купеческого Общества, в Большом Овощном ряду под №20-26.

Торговый дом "М.П. Калашниковъ" существовал с 1832 года, с 1 января 1882 года был переименован в Торговый дом "М.П. Калашниковъ и сынъ". Владельцами Торгового дома были Михаил Петрович Калашников и его сын Пётр Михайлович. Фирма торговала часами швейцарских марок, а также выпускала настенные часы под своей маркой, оснащая их либо русскими, либо швейцарскими механизмами. Торговый дом "М.П. Калашниковъ" просуществовал до 1917 года [13].

Отметим, что старинные часы сегодня интересны многим людям, есть в них какая-то притягательная сила, которая заставляет по-другому взглянуть на течение времени.

Дамские платья из коллекции Музея купеческого быта

В дореволюционной России гардероб женщины чётко делился по назначению того или иного платья. Была одежда домашняя, для балов, для визитов, летняя, дорожная, свадебный костюм и т.д.

В экспозиции Музея купеческого быта находятся 2 женских костюма начала XX века: визитный костюм и подвенечное платье. Эти дамские костюмы принадлежали Вере Ивановне Ремезовой (урождённой Шихиной), супруге приказчика Фёдора Ремезова, служившего у лесопромышленника В.И. Шуртыгина. Передала в музей платья её дочь Елизавета Фёдоровна Семенишина [20, с.14].

Подвенечное платье 1912 года сшито из китайского шёлка и отделано брюссельским кружевом. Брюссельское кружево — богатая ткань с узорами из цветов, лепестков и листьев. Вообще, любовь к декору — это черта русского стиля, платья отделявали вышивкой, лентами и кружевом [22].

В начале XX века происходит постепенное избавление от корсетов и платье приобретает более мягкие очертания. С 1910-х годов силуэт становится почти прямым, но стройность остаётся в моде. Стоит отметить, что свадебные платья конца XIX – начала XX вв. не отличались чрезмерной вычурностью и помпезностью. По сравнению с балными нарядами они выглядели весьма скромно: их отличает однотонность решения и отсутствие контрастных деталей. Вместе с тем девушка сохраняла таинственность, это были именно платья для венчания в церкви.

Визитное платье сшито из тонкого атласа малинового цвета. В 1890-1914 гг. визитные платья носили только для выездов с целью визита, а также для прогулок. Визитов было достаточно много, ездили друг к другу в гости и по делам. Визитные платья отличает изысканность и строгая роскошь, к ним полагались шляпа и перчатки. Предпочтительными цветами были светло-серый, бежевый, гранатовый, вишнёвый, синий. Платья для юных незамужних девушек шились из светлых недорогих материалов, чтобы подчеркнуть скромность и юность визитёрши [8].

Итак, дамские платья из экспозиции Музея купеческого быта отличает изысканность и изящная скромность, они отражение моды того времени.

Женские лайковые перчатки

Женские длинные перчатки можно отнести к концу XIX — началу XX вв. Изготовлены они из лайки – сорта кожи, который имел способность растягиваться, поэтому перчатки идеально облегли руку.

Перчатки застёгивались на три пуговицы. Старинные перчатки красавицы той эпохи натягивали при помощи специальных деревянных ножниц, которые назывались распяла, и застегивали специальным крючком на пуговицы [7].

Сначала распялой расправляли изнутри пальцы перчаток, и только потом надевали перчатки на руку. Интересным представляется то, что перчатки до 20 века было принято надевать не так, как это делаем мы: сначала короткая перчатка надевалась на 4 пальца, начиная с мизинца, а большой палец - в последнюю очередь.

Для ношения перчаток существовали правила этикета: при открытых платьях носили длинные перчатки выше локтя, а при закрытых - маленькие. В торжественных случаях всегда надевали белые перчатки, в других случаях - в тон платья. Верхом неприличия считалось надевать перчатки на улице. Снимали их только для игры на музыкальном инструменте, для еды и в церкви [16, с.195].

Ломберный стол

В гостиной старинного купеческого особняка находится ломберный стол. Своему названию стол обязан старинной карточной игре для трёх игроков. Игра ломбер (франц. l'hombre, от исп. hombre человек) появилась в Испании в 16 веке и считалась неазартной игрой. В России ломбер был популярен при Екатерине II.

Классический ломберный стол – складной стол для игры в карты, обтянутый зелёным сукном. На столешнице писали ставки мелом, потом их стирали специальными щётками. Для обивки стола могли использовать лен, драп или бархат [11].

Часто ломберный стол держали в сложенном виде в гостиной у стен, под подоконниками, раскладывали стол при гостях. Обычно такие столы были квадратными, хотя можно встретить круглые,

овальные и прямоугольные ломберные столы.

Карточные игры того времени делились на азартные, коммерческие и домашние. Азартные игры преследовались законом, поэтому играть «по-крупному» мужчины уходили в кабинет хозяина, куда дамы не приглашались. Карточные долги в 19 веке считались «долгом чести», отдавать их приличия требовали в первую очередь [17].

Итак, представленные экспонаты - важная составная часть экспозиции, уникальные вещи, которые являются предметами быта конца XIX-начала XX веков.

Таким образом, коллекция Музея купеческого быта передаёт дух того времени, житейский уклад провинциальной России конца XIX – начала XX веков, раскрывает интересную и малоизвестную страницу купеческой культуры.

Список литературы

1. Адрес-календарь Казанской губернии на 1915 год. – Казань, 1914.
2. А знаете ли вы, как изобретена стиральная машина и её историю // [http://www.koryazhma.ru/usefull/know/doc.asp?doc_id=25].
3. Арсеньева З. Дуга, топор и рукавицы // Вечерний Петербург. – 2011. – №218. – С.2.
4. Беловинский Л.В. Ломберный стол. – Энциклопедический словарь российской жизни и истории XVIII – начала XX в. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2003. – С.411.
5. Богданов И. Лекарство от скуки, или Краткая история мороженого // [http://www.landsmanhn.no/paper.php?lang=nor&np=322].
6. Васильева Л.Н. Жёны русской короны. – М.: Атлантида XXI век, 1999. – 416 с.
7. Веер и перчатки // [http://elsa555.livejournal.com/67479.html].
8. Дамская мода серебряного века // [http://www.liveinternet.ru/users/4405823/post262070195/].
9. Жизнь купецкая. Забытые страницы истории российского предпринимательства XIX — начала XX века. – Нижний Новгород, 2008. – 320 с.
10. История Казани в документах и материалах XIX века. – Казань, 2005.
11. История создания ломберного стола // [http://www.po4emu.ru/drugoe/history/index/raznoe/stat_raznoe/289.htm].
12. История создания стиральных машин // [http://himchist.spb.ru/folder1/prensa9/pr92/].
13. М.П. КАЛАШНИКОВЪ и СЫНЪ / М.Р. Kalaschnikoff & Fils (российская часовая марка, история) // [http://german242.com/wiki/index.php/КАЛАШНИКОВЪ].
14. М.П. Калашников и Сын // [http://forum.oldwatch.ru/viewtopic.php?f=75&t=340].
15. Коляда В. Всё о стиральных машинах // Наука и жизнь. – 2005. – №9. – С.12-16.
16. Короткова М.В. Традиции русского быта. – М.: Дрофа-Плюс, 2008. – 319 с.
17. Ломберный стол // [http://nason.ru/lombernyjstol/].
18. Крюкова Н.А. Догорающий сад. – Йошкар-Ола, 2013. – 308 с.
19. Муравьев А.В. Крах купца Шишокина // Ведомости Козьмы и Дамиана. – 2009. – 24 декабря. – С.10.
20. Муравьев А.В. Подвенечное платье 1912 вернулось в Козьмодемьянск // Марийская правда. – 2005. – 19 августа.
21. 50 сантиметров в талии имели платья 100 лет назад // [http://fashionlib.ru/news/item/f00/s01/n0000100/].
22. Русская женская мода начала 20 века // [http://www.liveinternet.ru/users/arin_levindor/post53595712/].
23. Шутов Василий Петрович. – Большая биографическая энциклопедия [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/121126/Шутов].

РЕТРОСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ В СОЗДАНИИ РЕКРЕАЦИОННОГО КОМПЛЕКСА КРЫМА

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта
№15-32-10103

Н.А. Симченко, Д.И. Плугарь

Крымский федеральный университет, г. Симферополь

Аннотация: Рассматриваются вопросы создания и становления рекреационного комплекса Крыма в историко-экономическом контексте. Уделено внимание экономическим экспериментам в развитии рекреации региона. Описан ряд эффектов реализации экономических экспериментов и их влияния на развитие курортного дела в Крыму.

Ключевые слова: рекреация, история рекреации, экономические эксперименты, Крым.

RETROSPECTIVES OF THE ECONOMIC EXPERIMENTS IN THE CREATION OF RECREATIONAL COMPLEX IN CRIMEA

N.A. Simchenko, D.I. Plugar

Abstract: The topics of creation and development of a recreational complex in Crimea are discussed in the framework of historical and economic development. Attention is paid to economic experiments in the development of recreation in the region. Different effects of the economic experiments implementation and its impact on resort business development in the Crimea are analyzed.

Keywords: recreation, history of recreation, economic experiments, Crimea.

Как отмечали историки, возникновению безграничного и основательного интереса у путешественников в отношении Крыма способствовали события Крымской войны (1853-1856 гг.), заставившие туристов увидеть полуостров не только как экзотическое место, но и территорию, за которую храбро сражались и погибли русские солдаты. Еще более мощным толчком к популяризации Крыма как туристической местности стало приобретение в 1861 г. имения графа Потоцкого Ливадии для императрицы Марии Александровны, и впоследствии превращение его в летнюю царскую резиденцию.

По мнению А.В.Мальгина [3, с.100], истинным началом отсчета истории Крыма как всероссийского курорта и первым экономическим экспериментом в этой области стало соединение полуострова в 1875 году с центром государства Лозово-Севастопольской железной дорогой. Последующее установление единого железнодорожного тарифа, существенно уменьшившего стоимость поездки в Крым, и открытие Джанкой – Феодосийской железнодорожной ветки, связавшей центр полуострова с восточным побережьем, стало еще одним важнейшим фактором развития рекреационного комплекса Крыма.

Благодаря появлению и становлению городского самоуправления и привлечению крупных меценатов и промышленников, курортные поселения полуострова, ранее представлявшие собой маленькие деревни с очень скромными гостиницами на 4 номера и характерной антисанитарией, стали расти с невероятной быстротой. В курортных городах появились вымощенные улицы с тротуаром и фонарями, прокладывался водопровод и канализация, строились красивейшие дома и дачи, фешенебельные гостиницы европейского уровня.

Важным экономическим экспериментом в становлении крымских курортов стало установление туристического сбора с рекреантов, который направлялся на покрытие расходов, связанных с благоустройством растущих рекреационных территорий. В результате прошения ялтинского земства Госсвет впервые одобрил введение в 1882 году сезонного сбора с приезжих курортников, составлявший 5 руб. с человека или 3 руб. с каждого члена семьи [4. с. 177-179].

Бурное развитие и рост крымских городов и увеличивающееся с каждым годом количество туристов все же было обусловлено не только непревзойденной красотой ландшафтов, теплым морем и ощущением вечной праздности, сколько лечебными ресурсами крымского климата. Первоначально Крым не рассматривался как лечебно-курортная местность. Только лишь сакские грязи, будучи первым лечебным ресурсом, использовавшимся на территории полуострова, заинтересовывали путешественников. Толчком к использованию в лечебных целях климатических ресурсов Крымского полуострова стало распространение туберкулеза, вынуждавшего все большее количество людей искать панацею в благодатном крымском воздухе. Пионером в области этих исследований был врач В.Н. Дмитриев.

Продолжительный период времени использование климата как лечебного ресурса осуществлялось преимущественно частным образом – больной, на основании рекомендаций врача, лечил сам себя. Если не учитывать несколько грязелечебниц в Саках и Евпатории, до конца XIX века на территории Крыма не наблюдалось ни одного санатория, ввиду того, что содержание подобного заведения предполагало взимание большой платы с больных, а все обеспеченные курортники предпочитали лечение за границей. Поэтому долгое время крымские курорты развивались в условиях непрекращающегося жесткого и неравнозначного соперничества с лечебными местностями Италии, Франции, Германии. Только лишь в 1897 году, являясь очередным экономическим экспериментом при участии княгини Барятинской, был начат сбор средств для строительства первого санатория в Ялте, открытие которого произошло в 1901 году [3, с. 290].

Наряду с лечебными учреждениями для взрослых курортников в начале XX века возникли первые детские санатории. Первопроходцем в данной области был профессор медицины А.А. Бобров, основавший в 1902 году санаторий для детей в Алушке.

Благодаря накопленному врачебному опыту и все возрастающему уровню предоставления лечебных услуг, в Севастополе, а не в Ялте, как ожидалось, в 1914 году состоялось открытие Городского Романовского института физических методов лечения. Он являлся одновременно лечебным и исследовательским заведением, в котором оказывались услуги по лечению и диагностике болезней костей, суставов, кожных заболеваний, болезней сердца и крови. Ожидалось, что со временем

Романовский институт станет столь же доходным заведением, как и Сакская грязелечебница[2, с. 3].

В начале XX века одним из самых главных направлений деятельности курортного сообщества России стало объединение усилий государственных деятелей и энтузиастов в деле развития курортов, а в особенности, лечебных местностей. Результатом их работы явилось подписание накануне Первой мировой войны в 1914 году Закона «О санитарной и горной охране лечебных местностей» и «Положение по этому предмету», оказавшимися первыми в своем роде полноценными российскими законопроектами о развитии курортно-лечебных местностей. В документах впервые была введена классификация лечебных местностей, определены округа санитарной и горной охраны курортных мест, устанавливался для взимания «санитарный сбор» со всех пользователей лечебных ресурсов. В Крыму работа по введению в действие основных положений нормативных актов началась в 1915 году, однако начавшаяся война и последующая за ней революция не позволили осуществить эти намерения[1, с. 122-144].

Также стоит отметить, что за период становления крымских курортов несколько экономических экспериментов все же не увенчались успехом. Во-первых, это имевший огромную популярность среди курортных энтузиастов, меценатов и предпринимателей проект прокладки Южнобережной железной дороги по берегу Черного моря, предполагавший соединить Севастополь с Ялтой. Основными причинами несостоятельности данного проекта стали недостаточность финансовых ресурсов, отсутствие поддержки властей, конкуренция среди предпринимателей. Во-вторых, просуществовавший очень непродолжительный период «льдоделательный заводик» в Ялте, который не выдержал конкуренции со стороны местных татар, добывавших лед в горных пещерах и продававших его по очень низкой цене.

Подводя итоги, можно отметить, что становление и развитие крымских курортов не всегда шло по восходящей линии, однако накануне Первой мировой войны Крымский полуостров можно было по праву считать самым популярным и привлекательным для российской публики отечественным лечебным курортом, что является наиболее значимым экономическим экспериментом.

Список литературы

1. Белопухов К. Лесоохранительный закон и его значение для горного Крыма. – Ялта, 1915.
2. Городской Романовский институт физических методов лечения в Севастополе. – Севастополь, 1914. – 3 с.
3. Мальгин А.В. Русская Ривьера. – Симферополь: СОНАТ, 2006. – 352 с.
4. Фаусек В.А. Ялта и ее ближайшие окрестности. – Ялта: Издание и Типография Н.Р. Лупандиной, 1897. – 333 с.

КОЗЬМОДЕМЬЯНСК – ОДИН ИЗ КУЛЬТУРНЫХ ФЕНОМЕНОВ

МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

В.Л. Шерстнев

МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс» Республики Марий Эл

Аннотация: Автор доклада показывает роль личностей в сохранении и изучении культурного наследия г.Козьмодемьянска. Поднимает вопрос о реставрации отдельных архитектурных памятников на территории исторической части г. Козьмодемьянска. Призывает сохранять память о тех памятниках, которых уже нет.

Ключевые слова: Козьмодемьянск, памятник, реставрация, историческая городская среда, историческая память, православная культура.

KOZMODEMYANSK IS CULTURAL PHENOMENON OF THE MARI VOLGA

REGION

V. L. Sherstnev

Abstract: the Author shows the role of individuals in preserving and studying the cultural heritage of the city, raises the question of the restoration of certain architectural monuments in the historical part of the town of Kozmodemyansk, summons to preserve the memory of those monuments that no longer exist.

Keywords: Kozmodemyansk, monument, restoration, historical urban environment, historical memory and Orthodox culture.

Все мы прекрасно понимаем, что сильный человек-это культурный человек. Мы говорим, культурная страна – сильная страна.

Козьмодемьянск, названный царем Иваном Грозным в честь Святых Космы и Дамиана, удачно расположился на излучине р. Волги, является центром сосредоточения культурного наследия прошлого и настоящего. Что делает его одним из культурных феноменов Марийского Поволжья.

Сегодня важной задачей является сохранение его исторической городской среды. В этом процессе участвовали и участвуют многие ученые и представители общественности, живущие в городе и за его пределами.

Целью доклада является показ роли личности в изучении и сохранении культурного наследия г. Козьмодемьянска.

Одним из первых исследователей г. Козьмодемьянска являлся Яковлев Игорь Валентинович, искусствовед из г. Москва. Еще в 80-ые годы XX в. обследовал наш г. Козьмодемьянск, открыл много интересного в области истории и архитектуры. Благодаря его исследованиям, в 1991 была составлена «Государственная программа охранных зон г. Козьмодемьянска».

Важную работу по изучению и сохранению истории города сегодня проводит Муравьев Арнольд Валентинович, писатель, краевед, заслуженный работник культуры Республики Марий Эл. Написал и издал немало трудов по историко-культурному наследию г. Козьмодемьянска. Является организатором издания республиканского краеведческого журнала «Отчина».

На страже памятников истории и архитектуры стоит Пенкин Юрий Афанасьевич, архитектор из Йошкар-Олы, инспектор управления по сохранению и использованию памятников при Министерстве культуры РМЭ. Разработал совместно со студентами Марийского Поволжского технологического университета проекты реконструкции музея сатиры и юмора, фрагмента крепостной стены козьмодемьянского острога.

Является куратором по реставрации Тихвинской церкви в г. Козьмодемьянске.

В свое время Пенкин Юрий Афанасьевич перенял опыт по изучению памятников архитектуры у Васильева Леонида Сергеевича. Леонид Сергеевич работал в г. Ярославле, заслуженный деятель культуры РФ, реставратор, создал графический облик Тихвинской церкви. Благодаря его рисунку началось восстановление Тихвинской церкви в 2012 г.

Кандидат архитектуры, преподаватель университета архитектуры из Нижнего Новгорода Лисицина Александра Владиславовна рассмотрела значимость деревянного зодчества в г. Козьмодемьянске. В своей диссертации отражает культурную значимость Козьмодемьянска. Именно она сделала акцент на феноменальность культурного наследия малых городов Поволжья, в том числе и г. Козьмодемьянска.

Попов Вадим Алексеевич, председатель регионального общества ВООПИиК по Марий Эл организует работу со студентами Марийского Поволжского технологического университета по реставрации Дома воеводы, торговых рядов и других культурно значимых объектов г. Козьмодемьянска. Ему принадлежит исследование каменного церковного зодчества на территории Республики Марий Эл.

Мамуткин Вениамин Викентьевич, архитектор г. Чебоксары. Будучи преподавателем Марийского Поволжского технологического университета, со студентами разработал несколько проектов реконструкции исторической части г. Козьмодемьянска. Внес большой вклад в воспитание у студентов своего факультета интереса к изучению культурного наследия Республики Марий Эл.

Представитель общественности г. Козьмодемьянска Ведерникова Галина Николаевна с целью сохранения исторической памяти создала графическую реконструкцию женского монастыря в г. Козьмодемьянске, разработала с учащимися школ города несколько макетов церквей разрушенных в XX в.

Шилова Елена Викторовна, архитектор из г. Казани разработала проект по реставрации памятников г. Козьмодемьянска и осуществляла авторский надзор за реализацией своего проекта в 2014-2015 гг. Итогом ее работы явилось осуществление реставрационных работ на высоком научном уровне. Что повысило статус города Козьмодемьянска, как города, достойно сохраняющего культурное наследие прошлого.

Нужно отметить ведущих историков-архивистов Республики Марий Эл в течение многих лет работающих над изданием сборников документов по истории г. Козьмодемьянска:

Санукова Ксенофонта Никоноровича, Айплатова Геннадия Николаевича, Иванова Анания Герасимовича, Старикова Сергея Валентиновича и других.

Их сборники документов являются базовой основой для сохранения и изучения историко-культурной среды г. Козьмодемьянска.

Совместная работа разных специалистов в рамках государственной культурной политики сегодня способствует сохранению памятников церковного православного зодчества и возрождению православной культуры в г. Козьмодемьянске. Примером является восстановление Свято Троицкой церкви, Смоленского собора и Тихвинской церкви. Однако примерно 85 лет ждет своей очереди на восстановление часовня во имя святых Кузьмы и Демьяна, которая является памятником церковного зодчества, построенная на деньги козьмодемьянского купца Бычкова П.Ф. в 1883 году. В 2015 г. ей исполняется 122 года. Часовни г. Козьмодемьянска должны служить сохранению и укреплению православной веры и исторической памяти.

До нашего времени не сохранились в Козьмодемьянске церкви: Успенская (Никольская), Богоявленская и некоторые часовни. Но это не значит, что мы про них забыли. Нужны их рисунки и картины, макеты и диорамы, виртуальные презентации и статьи. Данная работа в этом направлении, думаем, станет в будущем отдельной темой, которую поддержат музеи и другие учреждения культуры г.

Козьмодемьянска.

Результаты, достигнутые в плане сохранения культурного наследия в г. Козьмодемьянске, являются проявлением нашего уважения к предкам, сохранении памяти о них. Именно это делало и делает нас сильными как в настоящем, так и в будущем.

Таким образом, Козьмодемьянск – это древний и молодой город. Наличие современной и сохраненной исторической части города делают его необычным и выделяют среди других малых городов России и позволяют сегодня сказать о его феноменальности в Российской культурной действительности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Charlie Walker – FHEA Associate Professor of Sociology Director of Programmes for Social Sciences Faculty of Social and Human Sciences University of Southampton, Highfield, Southampton

Hilary Pilkington – Professor Department of Sociology School of Social Sciences Arthur Lewis Building The University of Manchester, Manchester

Абулханова Рида Габдельнуровна – старший научный сотрудник, зав. сектором МАУК «Историко-краеведческий музей», г. Набережные Челны

Айкашева Ольга Александровна – старший научный сотрудник музея-усадьбы Н.А. Дуровой, Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Елабуга

Айнутдинов Раис Альбертович – к.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, г. Казань

Айнутдинова Лариса Махмутовна – к.и.н., заведующая отделом социокультурных исследований и науковедения, Институт татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

Акимов Сергей Сергеевич – к. искусствоведения, г. Нижний Новгород

Алпатов Эльмира Сунгатовна – д.э.н., доцент, профессор, Набережночелнинский институт (филиал) КФУ, г. Набережные Челны

Арчбасова Надежда Анатольевна – к.и.н., доцент, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

Афонина Елена Владимировна – к.и.н., научный сотрудник, Государственный историко-архитектурный и художественный музей «Остров-град Свияжск», г. Казань

Ахметшина Флера Анасовна – научный сотрудник отдела социокультурных исследований и науковедения, Институт татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

Ахтариева Разия Файзиевна – к.п.н., доцент кафедры педагогики Елабужского института КФУ, г. Елабуга

Банникова Елена Вадимовна – д.и.н., доцент, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

Бахвалов Сергей Юрьевич – к.э.н., доцент, Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Берестова Наталья Владимировна – научный сотрудник Информационного центра, Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Елабуга

Беспалёнок Елена Дмитриевна – к.и.н., доцент кафедры истории России, ФГОБУ ВПО «Смоленский государственный университет», г. Смоленск

Бессонова Татьяна Викторовна – к.и.н., доцент, Набережночелнинский институт КФУ, г. Набережные Челны

Бикмухаметова Р.Р. – учитель русского языка и литературы, г. Елабуга

Боднар Ольга Ивановна – научный сотрудник ГБУК «Краеведческий музей г. Менделеевск», г. Менделеевск

Божкова Галина Николаевна – к.ф.н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы, г. Елабуга

Бойко Владимир Петрович – д.и.н., профессор кафедры истории и политологии ТГАСУ, г. Томск

Бондарь Марина Владимировна – научный сотрудник отдела фонда, МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья», г. Сарапул

Борознова А.М. – ЦГБ им. Мусы Джалиля, г. Набережные Челны

Бурдина Гульнара Мансуровна – старший преподаватель кафедры всеобщей и отечественной истории, КФУ, г. Елабуга

Быков Антон Валерьевич – к.ф.н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы, ЕИ КФУ, г. Елабуга

Васильев Владимир Львович – к.э.н., доцент, Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Веревкина Ирина Николаевна – ст. преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, ЕИ КФУ, г. Елабуга

Виноградов Андрей Владиславович – к.и.н., старший преподаватель кафедры всеобщей и отечественной истории, КФУ, г. Елабуга

Волкова Кадрия Рафиковна – к.ф.н., доцент, Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Габдрафикова Лилия Рамилевна – д.и.н., главный научный сотрудник, отдел историко-культурного наследия народов РТ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань

Габдуллин Ленар Вакифович – к.э.н., доцент, Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Галлямова Земфира Виленовна – к.и.н., доцент кафедры всеобщей и отечественной истории, Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Гапсаламов Алмаз Рафисович – к.э.н., доцент, Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Голованова Екатерина Павловна – праправнучка Глафиры Фёдоровны Стахеевой, профессор русского языка, Франция

Давлетьянова Гульнара Рузалитовна – ведущий научный сотрудник, Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, г. Казань

Данилова Юлия Юрьевна – к.ф.н., доцент кафедры русского языка и контрастивного языкознания Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Даниярова Айгерим Нурушевна – к.п.н., доцент, Евразийский гуманитарный институт, Казахстан, г. Астана

Добротворская Светлана Георгиевна – д.п.н., профессор КФУ, г. Казань

Дулесова Татьяна Валерьевна – художник-дизайнер исследовательского отдела, МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья», г. Сарапул

Дырин Сергей Петрович – д.соц.н., доцент, профессор, Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Дэвид Мун – профессор Йоркского университета, Великобритания

Емелин Евгений Викторович – старший научный сотрудник отдела хранения МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс» Республики Марий Эл, г. Козьмодемьянск

Ершова Наталья Игоревна – к.ф.н., доцент кафедры русского языка филологического факультета, ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», г. Саранск

Ефанов Андрей Викторович – директор научно-образовательного центра развития ремесленного образования Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Екатеринбург

Жадан Владимир Николаевич – к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и судебной деятельности, Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Жарковская Марина Вячеславовна – заместитель генерального директора по учету и хранению фондов, главный хранитель фондов Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, г. Елабуга

Жиброва Татьяна Валерьевна – к.и.н., доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, г. Воронеж

Ибрагимова Роза Гафурьяновна – директор Музея Памяти, Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Елабуга

Иванова Ольга Валентиновна – старший преподаватель, Набережночелнинский институт (филиал) КФУ, г. Набережные Челны

Ивыгина Алена Александровна – к.ф.н., доцент кафедры русского языка и контрастивного языкознания, Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Казеева Елена Александровна – к.ф.н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, г. Саранск

Канеев Биал Абдрахманович – МАУК «Историко-краеведческий музей», г. Набережные Челны

Капитанова Лариса Сергеевна – к.филос.н., доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск

Касимова Екатерина Анатольевна – зав. исследовательским отделом, МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья», г. Сарапул

Козлова Дарья Александровна – заместитель директора по научной деятельности, МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья», г. Сарапул

Конюхова Валентина Семеновна – главный научный сотрудник отдела «ХВК «Дача Башенина», МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья», г. Сарапул

Кораблева Оксана Валерьевна – зав. отделом хранения МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс», г. Козьмодемьянск

Коршунов Сергей Валерьевич – к.т.н., доцент, проректор по учебно-методической работе МГТУ им. Н.Э. Баумана, г. Москва

Котлова Любовь Александровна – к.п.н., доцент кафедры всеобщей и отечественной истории, Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Крапоткина Ирина Евгеньевна – к.и.н., доцент кафедры всеобщей и отечественной истории, Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Крапоткина Наталья Анатольевна – заведующая Музеем уездной медицины им. В.М. Бехтерева, заслуженный работник культуры РТ, Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Елабуга

Кузнецов Александр Сергеевич – ассистент кафедры отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул

Кузнецов Алексей Анатольевич – аспирант Елабужского института КФУ, г. Елабуга

Кузнецова Наталья Юрьевна – аспирант, ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)», г. Петрозаводск

Купченко Константин Владимирович – к.и.н., доцент кафедры естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, Смоленский филиал ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», г. Смоленск

Курбацкая Татьяна Борисовна – к.п.н., доцент Университета управления ТИСБИ, г. Набережные Челны

Курылева Надежда Ивановна – старший научный сотрудник, Дом-музей И.И.Шишкина, Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Елабуга

Кусова Ирина Гасановна – к.и.н., заведующая отделом Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, г. Рязань

Лапшина Светлана Тимофеевна – учитель, МАОУ «СОШ № 1», г. Кунгур

Леготина Анна Васильевна – преподаватель кафедры культурологии и социологии, аспирант, Государственный институт искусствознания, г. Москва

Лигенко Нэлли Павловна – д.и.н., ведущий научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, г. Ижевск

Лобанова Софья Юрьевна – старший научный сотрудник отдела хранения МУ «Козьмодемьянский музейный комплекс», г. Козьмодемьянск, Республика Марий Эл, г. Козьмодемьянск

Ломако Евгений Львович – к.и.н., лауреат Макариевской премии, ведущий научный сотрудник, ГАОУ ВПО «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт», г. Коломна

Маслова Инга Владимировна – д.и.н., профессор кафедры всеобщей и отечественной истории, КФУ, г. Елабуга

Матвеева Елена Михайловна – студентка факультета русской филологии и журналистики, Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Машковцев Андрей Анатольевич – к.и.н., доцент, зав. кафедрой отечественной истории, Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров

Мещерякова Елена Юрьевна – директор ГБУК «Краеведческий музей, г. Менделеевск», г. Менделеевск

Михеичева Валентина Леонидовна – аспирантка ЕИ КФУ, г. Елабуга

Мищенко Татьяна Александровна – к.и.н., доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», филиал БГУ в г. Новозыбкове, Брянская область

Морозова Анна Павловна – студент, Екатеринбургская академия современного искусства, г. Екатеринбург

Муллахметов Ханиф Шарифзянович – к.э.н., доцент, Набережночелнинский институт (филиал) КФУ, г. Набережные Челны

Назарова Ольга Валерьевна – аспирант кафедры истории и культурологии ГБОУ ВПО «Волгоградский государственный медицинский университет», заведующая Отделом краеведения ГБУК «Волгоградская областная универсальная научная библиотека им. М. Горького, г. Волгоград

Наумова Галина Алексеевна – зам. директора по науке, Историко-мемориальный музей-заповедник «Подолье», г. Подольск

Недорезова Ольга Юрьевна – к.э.н., доцент, Набережночелнинский институт (филиал) КФУ, г. Набережные Челны

Нечаева Светлана Егоровна – заведующая отделом научно-просветительной и массовой работы музея, Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей, г. Каргополь

Никитина Наталья Владимировна – к.и.н., доцент, декан факультета истории и права, Смоленский филиал ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», г. Смоленск

Нурлина Алсу Газизовна – заведующая сектором, МАУК «Историко-краеведческий музей» г. Набережные Челны

Нуруллина Эльмира Гумеровна – аспирант, Набережночелнинский институт (филиал)

Огнев Дмитрий Сергеевич – студент 3-го курса, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул

Опалева Елена Сергеевна – главный научный сотрудник отдела фонда, МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья», г. Сарапул

Охотин Владимир Николаевич – иерей, Казанская православная духовная семинария, г. Казань

Пашкуров Алексей Николаевич – д.ф.н., профессор, Институт филологии и межкультурных коммуникаций КФУ, г. Казань

Пилипенко Владимир Сергеевич – старший научный сотрудник, Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, г. Новокузнецк

Плугарь Дарья Игоревна – студентка, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Институт экономики и управления, г. Симферополь, Республика Крым

Поздеева Ольга Александровна – научный сотрудник исследовательского отдела, МБУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья», г. Сарапул

Попова Елена Владимировна – научный сотрудник, государственный музей-заповедник М.А. Шолохова, Станица Вёшенская

Прохорова Татьяна Геннадьевна – д.ф.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы, КФУ, Институт филологии и межкультурной коммуникации, г. Казань

Пупышева Евгения Леонидовна – к.п.н., доцент кафедры русского языка и контрастивного языкознания, Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Разживин (Ключёвский) Анатолий Ильич – к.ф.н., профессор, Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Ролич Татьяна Викторовна – писатель, г. Санкт-Петербург

Романов Семен Васильевич – ст. преп. Университета управления ТИСБИ, г. Набережные Челны

Романова Гульнара Фаритовна – заведующая отделом охраны памятников, Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Елабуга

Руденко Гульзада Ракиповна – генеральный директор Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, советник мэра г. Елабуги по туризму и охране культурного наследия, член президиума Российского комитета Международного совета музеев (ИКОМ России), член президиума Союза музеев России и президиума Ассоциации музеев Республики Татарстан, заслуженный работник культуры РФ и РТ, лауреат Премии Правительства РФ в области культуры, г. Елабуга

Рябая Светлана Анатольевна – к.и.н., доцент, ФГБОУ ВПО «Ижевский государственный

Рядченко Елена Александровна – доцент, зав. кафедрой документоведения и гуманитарных дисциплин, Филиал ФГБОУ ВПО образования «Российский государственный гуманитарный университет» в г. Тольятти, Самарская область

Сабирова Лиля Андреевна – к.филос.н., ст. преподаватель кафедры философии и социологии ЕИ КФУ, г. Елабуга

Сайфуллова Разиля Рауиловна – аспирант, Елабужский институт (филиал) КФУ, г. Елабуга

Салимова Дания Абузаровна – д.ф.н., профессор кафедры русского языка и контрастивного языкознания Елабужского института КФУ, г. Елабуга

Седов Сергей Алексеевич – к.п.н., доцент, Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Середа Надежда Владимировна – д.и.н., профессор кафедры архивоведения, историографии и документоведения, Тверской государственной университет, г. Тверь

Сильвестрова Надежда Владимировна – зав. подразделением «Козьмодемьянский музей купеческого быта» МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс», Республика Марий Эл, г. Козьмодемьянск

Симченко Наталия Александровна – д.э.н., профессор, заведующая кафедрой экономической теории, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Институт экономики и управления, г. Симферополь

Соловьева Мария Федоровна – к.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

Стивен Брэйи – профессор Департамента истории университета Миссисипи, США

Сутягина Ольга Александровна – к.и.н., ОГБПОУ «Томский индустриальный техникум», г. Томск

Устюжина Ольга Николаевна – к.э.н., доцент, Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Филимончик Светлана Николаевна – к.и.н., доцент кафедры отечественной истории, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск

Фролова Галина Александровна – ст. преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Хайрулдинов Мухиддин Айиддинович – д.п.н., профессор кафедры педагогики и психологии ГБОУ КРИППО, г. Симферополь

Хакимова Сабина Дамировна – ассистент, Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Ханипова Ильнара Ильдусовна – к.и.н., доцент, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань

Хусаинова Светлана Васильевна – к.э.н., доцент, Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

Четырина Наталья Аркадьевна – к.и.н., доцент, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Чухина Анастасия Александровна – к.и.н., доцент кафедры отечественной истории ИСГиПН, Северный Арктический федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск

Шабалина Ирина Геннадьевна – учитель русского языка и литературы СОШ № 10, г. Елабуга

Шаранова Диана Николаевна – аспирант Елабужского института КФУ, г. Елабуга

Шерстнев Владимир Леонидович – заместитель директора МУ КМК по научно-методической работе, Депутат Государственного Собрания Республики Марий Эл, г. Козьмодемьянск

Эмирсуинова (Решидова) Нурия Каримовна – г. Симферополь Габдуллина Лейла Батухановна – к.п.н. доцент, Елабужский институт КФУ, г. Елабуга

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Сохранение историко-культурного и природного наследия малых и средних городов	3
Charlie Walker	3
Transitions from vocational to higher education in Russia: classed and gendered pathways	
Дэвид Мун	15
Как степи стали хлебными полями	
Hilary Pilkington	18
Sounds of a 'rotting city': Punk in Russia's Arctic Hinterland	
Стивен Брэй	25
Сталинские «красные леса»	
Абулханова Рида Габдельнуровна	30
Библиотеки Мензелинского уезда в конце XIX – начале XX века	
Акимов Сергей Сергеевич	31
Живопись Ярославля XVII в. В контексте изменений художественной системы русского искусства от позднего средневековья к новому времени	
Арчебасова Надежда Анатольевна	34
Книжный мир российского школьника XIX века	
Афонина Елена Владимировна	37
Участие представителей купеческого сословия в работе сиротского суда г. Свияжска Казанской губернии	
Ахтариева Разия Файзиевна	39
Исторические сведения о становлении и развитии татарстанской республиканской профсоюзной организации работников народного образования и науки	
Ахметшина Флера Анасовна	43
Айнутдинова Лариса Махмутовна	
Судьба репрессированных преподавателей елабужского педагогического училища (Абдулхак Галеевич Мухаметов)	
Банникова Елена Вадимовна	46
Имидж традиционного дореформенного купечества: смысловое наполнение и общественное восприятие	
Беспалёнок Елена Дмитриевна	49
Место купцов-храмостроителей в городском сообществе XVIII века (по материалам Смоленской губернии)	
Бессонова Татьяна Викторовна	52
Мещанин-предприниматель в маклерской книге Казани 1818 г.: штрихи к портрету обывателя	
Бойко Владимир Петрович	55
Образ русского купечества в творчестве А.П. Чехова: художественный вымысел и реальный облик	
Бондарь Марина Владимировна	60
Доля крестьянки Сарапульского уезда в конце XIX века	
Бурдина Гульнара Мансуровна	61
Свадебная обрядность горожан Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.	
Виноградов Андрей Владиславович	63
«Печальная эпопея ардатовских крестьян»: санитарно-экологическая обстановка и рабочее движение на химических заводах промышленников Ушковых (вторая половина XIX – начало	

XX в.)

Габдрафикова Лилия Рамилевна Лица и настроения уездного города (на примере Мензелинска XIX – начала XX века)	66
Галлямова Земфира Виленовна Деятельность городского самоуправления в сфере образования (на примере г. Вятки второй половины XIX – начала XX в.)	69
Голованова Екатерина Павловна Стахеевы в эмиграции: семья Петра Васильевича Стахеева во Франции	72
Ефанов Андрей Викторович К вопросу о ценностях ремесленничества в дореволюционной и современной России	77
Жарковская Марина Вячеславовна Ибрагимова Роза Гафурьяновна Берестова Наталья Владимировна Вклад елабужского купечества в развитие производственной инфраструктуры провинциального города. К истории вопроса	80
Жиброва Татьяна Валерьевна Из истории российской провинции XVII в.: южнорусские кабацкие подрядчики	85
Канеев Биалал Абдрахманович Набережночелнинский элеватор – столетний патриарх промышленно-перерабатывающей отрасли Татарстана (построен в 1914-1917 годах)	88
Капитанова Лариса Сергеевна Некоторые аспекты культурной жизни города Архангельска первых двух десятилетий XX века	92
Козлова Дарья Александровна Вклад предпринимателей в социальное развитие Камско-Вятского региона во второй половине XIX – начале XX в. (на примере г. Сарапула)	97
Конохова Валентина Семеновна Вклад сарапульских купцов башениных в просвещение и развитие учебных заведений Сарапула конца XIX – начала XX века	97
Кораблева Оксана Валерьевна Купеческая слобода г. Козьмодемьянска XIX–XX вв. Усадьбы и их владельцы	99
Коршунов Сергей Валерьевич Профессор Н.К. Пафнутьев – из вятских купцов. Малмыж – Москва – Харбин – Сан-Франциско	102
Котлова Любовь Александровна Материально-технические и кадровые условия функционирования сталинской модели школы в условиях малого города в 1930-е годы	106
Крапоткина Ирина Евгеньевна Участие учебных заведений Казанского округа в научно-промышленных выставках конца XIX – начала XX в.	109
Кузнецов Александр Сергеевич Огнев Дмитрий Сергеевич Повседневность сибирского села в годы Великой Отечественной войны: питание в селе Усть-Пустынка Краснощековского района Алтайского края	112
Кузнецов Алексей Анатольевич Промышленное воздействие на окружающую среду ТАССР в годы Великой Отечественной войны	115
Купченко Константин Владимирович	118

Никитина Наталья Владимировна Социокультурный портрет провинциального города XIX – начала XX вв. (на примере малых городов Смоленской губернии)	
Курылева Надежда Ивановна Архитектор высочайшего двора (к 150-летию со дня рождения В.Ф. Свиньина)	120
Кусова Ирина Гасановна Рязанский кремль и местное купечество: роман с продолжением	122
Леготина Анна Васильевна О роли заказчика в становлении стиля модерн в архитектуре Южного Урала	126
Лигенко Нэлли Павловна Значение рекламы в коммерческой деятельности предпринимателей Камско-Вятского региона. Вторая половина XIX – начало XX века.	130
Лобанова Софья Юрьевна Марийская национальная кукла, её роль в жизни крестьянской семьи и в воспитании подрастающего поколения: «похання, пупашкар»	134
Ломако Евгений Львович Сравнительный анализ экономической состоятельности купечества Среднего Поочья второй половины XVIII века	138
Маслова Инга Владимировна Образовательная экскурсия воспитанниц Стахеевского епархиального училища в Крым в 1912 г.	141
Машковцев Андрей Анатольевич Социально-экономические и духовные факторы распространения баптизма в Волго-Уральском регионе в начале XX в.	145
Мещерякова Елена Юрьевна Бондюга – родовое гнездо купцов Ушковых	147
Михеичева Валентина Леонидовна Эволюция численности городских жителей Вятской губернии во второй половине XIX в.	150
Мищенко Татьяна Александровна Масленичные гуляния как форма общения молодежи на территории Восточного Полесья в конце 1940-1950-е гг. (по материалам полевого исследования)	152
Наумова Галина Алексеевна Подольское купечество в пореформенный период (1861-1917 гг.)	156
Опалева Елена Сергеевна Мечта о новой Прикамской губернии	159
Охотин Владимир Николаевич Елабужский Спасский собор и викариатство	161
Пилипенко Владимир Сергеевич Роль кузнечного купечества в развитии культуры и просвещения России	164
Поздеева Ольга Александровна В полете за мечтой. Сарapulьский авиаконструктор А.В. Соловьев	167
Ролич Татьяна Викторовна Времен связующая нить	168
Руденко Гульзада Ракиповна Берестова Наталья Владимировна Романова Гульнара Фаритовна	171

Вклад елабужского купечества в дело просвещения жителей Вятской губернии. К истории вопроса	
Рядченко Елена Александровна «Реальное дело»: вклад самарских купцов в основание и развитие реальных училищ	174
Сабирова Лиля Андреевна Ментальные свойства русского человека в постсоветском российском обществе	178
Сайфуллова Разиля Рауиловна Уровень доходов учителей Российской империи в 50-60-е гг. XIX в. (на материалах Казанской губернии)	180
Серда Надежда Владимировна Деятельность новоторжского купечества в XVIII в	182
Соловьева Мария Федоровна Компоненты измерения социокультурной среды прошлого и настоящего	183
Сутягина Ольга Александровна Сибирское купечество и наука	186
Филимончик Светлана Николаевна Медвежьегорск в 1920 – 1930-е годы: от деревни при лесозаводе к поселку железнодорожников и столице Беломорканала	189
Ханипова Ильнара Ильдусовна Становление системы охраны детства в Татарской АССР в 1920-е годы	192
Четырина Наталья Аркадьевна «Разбитой колокол весом в 100 пуд перелить». Эпизод из практики колоколотейного дела 1826 г.	195
Шаранова Диана Николаевна Конфликт как способ социальной коммуникации горожан и органов местного самоуправления (на материалах Казанской губернии конца XIX – начала XX в.)	198
Раздел 2. Литературный и филологический аспект исследования российской провинции: проблематика, образы, язык и стили писателей	201
Айкашева Ольга Александровна Автобиографизм в произведениях Н.А. Дуровой	201
Божкова Галина Николаевна Шабалина Ирина Геннадьевна Эмотивная полярность в поэме Д.И. Стахеева «Ныне отпускаеши»	204
Божкова Галина Николаевна Матвеева Елена Михайловна Образ одарённой личности в повести Д.И. Стахеева «Пустынножитель»	207
Быков Антон Валерьевич Тема религии в поэзии Е.А. Поспелова	209
Веревкина Ирина Николаевна Борознова А.М. Образ кушца Сергея Привалова в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы»	212
Волкова Кадрия Рафиковна Библионимы в прозаическом наследии Н.А. Дуровой	215

Данилова Юлия Юрьевна Ивыгина Алена Александровна Символика цвета в рассказах и повестях Д.И. Стахеева и С.Т. Романовского	217
Ершова Наталья Игоревна Диалектная фразеологическая синонимия: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты	220
Казеева Елена Александровна Человек и среда в рассказе одинокого «станция» (на материале рукописного журнала «Школьные досуги»)	223
Кузнецова Наталья Юрьевна Изображение провинции XIX в. в публицистике С.А. Приклонского (описание Олонекской губернии)	226
Лапшина Светлана Тимофеевна Изображение провинциального Кунгура в книге путевых очерков Вас. И. Немировича-Данченко «Кама и Урал»	227
Назарова Ольга Валерьевна «В Камышине молодость наша»: город текстильщиков в творчестве Николая Орлова	231
Пашкуров Алексей Николаевич Феномен русской провинциальной усадьбы в поэме А.М. Бунина «Осуга»	236
Прохорова Татьяна Геннадьевна Образ провинциального города в прозе Ю. Буйды	239
Пупышева Евгения Леонидовна Языковые особенности путевого очерка Д.И. Стахеева «За Байкалом и на Амуре»	242
Разживин (Ключёвский) Анатолий Ильич Неизвестные светские очерки Надежды Дуровой	244
Салимова Дания Абузаровна Бикмухаметова Р.Р. Интертекстуальность как идиостилевая черта романов Д.И. Стахеева	247
Фролова Галина Александровна Соотношение хронотопов Москвы и провинции в романе О. Славниковой «Лёгкая голова»	250
Хайруллин Мухиддин Айиддинович Эмирсуинова (Решидова) Нурия Каримовна Решидов Керим Решидович – исследователь литературы казанских и крымских татар	253
Раздел 3. Стратегические ориентиры и концепция социально-экономического развития малых и средних городов России	259
Алпатов Эльмира Сунгатовна Социально-экономическое положение российских регионов	259
Бахвалов Сергей Юрьевич Интегральный показатель качества работы городского общественного транспорта	262
Васильев Владимир Львович Устюжина Ольга Николаевна Седов Сергей Алексеевич Современные направления анализа и повышения экономической безопасности города	263
Габдуллин Ленар Вакифович Развитие логистической инфраструктуры города (на примере г. Набережные Челны)	267

Гапсаламов Алмаз Рафисович Перспектива развития современного города: дезурбанизация	269
Даниярова Айгерим Нурушевна Современные проблемы высшего профессионального образования в социально-экономическом развитии малых и средних городов Казахстана	271
Дырин Сергей Петрович Социально-экономические проблемы современных российских молодых городов	273
Жадан Владимир Николаевич О криминологической характеристике преступности в городе Елабуга	275
Морозова Анна Павловна Уличное искусство как фактор социокультурного развития города (на примере г. Екатеринбурга)	279
Муллахметов Ханиф Шарифзянович Влияние культуры и философии организации на системы управления и контроля	282
Недорезова Ольга Юрьевна Моногорода в России: особенности, тенденции, перспективы	285
Нуруллина Эльмира Гумеровна ПАО «КаМАЗ» как градообразующее предприятие г. Набережные Челны	288
Рябая Светлана Анатольевна Формирование бренда города (на примере Ижевска)	292
Устюжина Ольга Николаевна Развитие маркетинга малого города как один из факторов интеграции в мировую социально-экономическую систему	294
Хакимова Сабина Дамировна Институциональная инфраструктура государственно-частного партнерства в малых и средних городах России	297
Хусаинова Светлана Васильевна Методология прогнозирования экономического и социального развития регионов	298
Раздел 4. Организация музейной работы в малых и средних городах России	302
Боднарь Ольга Ивановна Предметы этнографии в фондах «Краеведческого музея г. Менделеевск»	302
Габдуллина Лейла Батухановна Курбацкая Татьяна Борисовна Добротворская Светлана Георгиевна Романов Семен Васильевич Психологическая экспертиза музейной рекламы	303
Давлетьянова Гульнара Рузалитовна Айнутдинов Раис Альбертович Региональная энциклопедистика Татарстана: об опыте создания энциклопедии города Болгар и Спасского района	309
Дулесова Татьяна Валерьевна Проект «Форум-Галерея-Клуб «Доблесть»	312
Емелин Евгений Викторович Бренд «Васюки» в музейной работе города Козьмодемьянска	313

Касимова Екатерина Анатольевна Военно-исторические маршруты как ресурс развития городской среды (на примере работы Музея истории и культуры Среднего Прикамья)	315
Крапоткина Наталья Анатольевна Провинциальный музей медицины. Организация музейной работы	317
Лукьянова Елена Викторовна Вечное, доброе в руках современной козьмодемьянской художницы Ольги Таланцевой	320
Нечаева Светлана Егоровна Чухина Анастасия Александровна Работа с подростковой и молодежной аудиторией в Каргопольском государственном историко-архитектурном и художественном музее	322
Нурлина Алсу Газизовна Предпринимательская деятельность купцов Халфиных в Набережных Челнах	325
Попова Елена Владимировна История мемориального Дома-музея М.А. Шолохова: прошлое и настоящее	328
Пришвина И.Н. Провинциальный историко-этнографический музей как пространство осуществления различных направлений, форм и методов социокультурной практики	331
Сильвестрова Надежда Владимировна Роль Козьмодемьянского музея купеческого быта в сохранении исторической памяти о российском купечестве	335
Симченко Наталия Александровна Плугарь Дарья Игоревна Ретроспективы экономических экспериментов в создании рекреационного комплекса Крыма	339
Шерстнев Владимир Леонидович Козьмодемьянск – один из культурных феноменов Марийского Поволжья	341

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Редакционная коллегия:

Мерзон Елена Ефимовна, Маслова Инга Владимировна, Крапоткина Ирина Евгеньевна
Верстка и дизайн – Нутфуллин Ренат Радиевич

Подписано в печать 15.11.2015. Гарнитура Times. Тираж 200 экз. Заказ № 946
Издатель Белов Евгений Валериянович. 423604, г. Елабуга, ул. Казанская, 89